

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ
И. А. БУНИНА

ТОМЪ ПЯТЫЙ

ИЗДАНИЕ Т-ВА "ПЕЧАТЪ" ПЕТРОГРАДЪ

" НА 1915 Г.

Артистическое заведение Т-ва А. Ф. Марксъ, Измайл. просп, № 29.

ДЕРЕВНЯ.

I.

Прадѣда Красовыхъ, прозваннаго на дворнѣ Цыганомъ, затравилъ борзыми ротмистръ Дурново. Цыганъ отбилъ у него, у своего господина, любовницу. Дурново приказалъ вывести Цыгана въ поле, за Дурновку, и посадить на бугрѣ. Самъ же выѣхалъ со сворой и крикнулъ: „Ату его!“. Цыганъ, сидѣвшій въ оцѣпенѣннѣи, кинулся бѣжать. А бѣжать отъ борзыхъ не слѣдуетъ.

Дѣду Красовыхъ почему-то дали вольную. Онъ ушелъ съ семьей въ городъ—и скоро прославился: сталъ знаменитымъ воромъ. Нанялъ въ Черной Слободѣ хибарку для жены, посадилъ ее плести на продажу кружево, а самъ, съ какимъ-то мѣщаниномъ Бѣлокопытовымъ, поѣхалъ по губерніи грабить церкви. Года черезъ два его поймали. Но и на судѣ онъ велъ себя такъ, что долго повторяли его отвѣты судьямъ: стоитъ себѣ, будто бы, въ плисовомъ кафтанѣ, при серебряныхъ часахъ, въ козловыхъ сапожкахъ, нахально играетъ скулами, глазами и почтительнѣйше сознается даже въ самомъ малѣйшемъ изъ своихъ несмѣтныхъ дѣлъ:

— Такъ точно-съ. Такъ точно-съ.

А родитель Красовыхъ былъ мелкимъ шибаемъ. Ѣздилъ по уѣзду, жилъ одно время въ Дурновкѣ,—завелъ-было шинокъ и лавочку, —но прогорѣлъ, запилъ, воротился въ городъ и вскорѣ умеръ. Послуживъ по лавкамъ, торгошили и сыновья его, Тихонъ и Кузьма, почти однолѣтки. Тянутся, бывало, въ телѣгѣ съ рѣзнымъ передкомъ, съ рундукомъ посередкѣ, и заунывно орутъ:

— Ба-абы, това-ару! Ба-абы, това-ару!

Товаръ—зеркальца, мыльца, перстни, нитки, платки, иголки, крендели — въ рундукѣ. А въ телѣгѣ все, что добыто: дохлые кошки, яйца, холсты, тряпки...

Но, проѣздивъ нѣсколько лѣтъ, братья однажды чуть ножами не порѣзались,—по слухамъ, изъ-за барышей,—и разошлись отъ грѣха. Кузьма нанялся къ гуртовщику, Тихонъ снялъ постоянный дворишко на шоссе при станціи Ворголь, верстахъ въ пяти отъ Дурновки, и открылъ кабакъ и „черную“ лавочку, „торговлю мелочного товару чаю сахору табаку сигаръ и прочего“.

Годамъ къ сорока борода Тихона уже походила на серебро съ чернью. Но красивъ, высокъ, строенъ былъ онъ попрежнему: лицомъ строгъ, смугль, чуть-чуть рябъ, въ плечахъ широкъ и сухъ, въ разговорѣ властенъ и рѣзокъ, въ движеніяхъ быстръ и ловокъ. Только брови стали сдвигаться все чаще да глаза блестѣть еще острѣй, чѣмъ прежде: дѣло того требовало!

Неутомимо гонялъ онъ за становыми—въ тѣ глухія осеннія поры, когда взыскиваютъ подати и идутъ по деревнѣ торги за торгами. Неутомимо скупалъ у помѣщиковъ хлѣбъ на корню, снималъ у нихъ и у мужиковъ землю—по частямъ, не гребуя даже полнivoй. Жилъ онъ долго съ нѣмой кухаркой, — „нѣмая-то ничего не разберешетъ!“ — имѣлъ отъ нея ребенка, котораго она приспала, задавила во снѣ, потомъ женился на пожилой горничной старухи-княжны Шаховой. А женившись, взявъ приданого, „доконалъ“ потомка обнищавшихъ Дурново, полнаго, ласковаго барчука, лысаго на двадцать пятомъ году, но съ великолѣпной каштановой бородой, — „прогрессиста“, какъ острили помѣщики, намекая на прогрессивный параличъ. И мужики такъ и ахнули отъ гордости, когда взялъ онъ дурновское имѣніе: вѣдь чуть не вся Дурновка состоитъ изъ Красовыхъ!

Ахали они и на то, какъ это ухитрялся онъ не разорваться: торговать, покупать, чуть не каждый день бывать въ имѣніи, ястребомъ слѣдить за каждой пядью земли... Ахали и говорили:

— Да вѣдь съ нами, чертями, добромъ-то и не подѣлаешь ничего! Зато и хозяинъ! Нѣту справедливѣе!

А убѣждалъ ихъ въ этомъ самъ же Тихонъ Ильичъ. Въ добрую минуту наставлялъ:

— Живемъ—не мотаемъ, попадешся — обротаемъ. Но по справедливости. Я, братъ, человекъ русскій.

Въ злую, блестя глазами, отрѣзалъ:

— Свинья! Справедливѣй меня человекъ нѣтъ!

„Свинья, да не я“, — думалъ мужикъ, отводя глаза отъ его взгляда.

И покорно бормоталъ:

— Господи! Да ай мы не знаемъ?

— Знаешь, да забылъ. Мнѣ твоего даромъ не надо, но имѣй въ виду: своего я тебѣ тринки не отдамъ! Вонъ у меня братъ: злодѣй мнѣ, пьянчужка, а и то бы помогъ, кабы пришелъ да поклонился. Передъ истиннымъ Богомъ, помогъ бы! Но баловать,—нѣтъ, замѣть, не побалую. Я, братъ, не хохоль безмозглый.

А Настасья Петровна, ходившая по-утиному, носками внутрь, переваливаясь, — отъ постоянной беременности, все кончавшейся мертвыми дѣвочками,—желтая, опухшая, съ рѣдкими бѣлесыми волосами, стонала, поддакивала:

— Охъ, и простъ же ты, посмотрю я на тебя! Чтò ты съ нимъ, глупымъ, трудишься? Конпаньонъ онъ тебѣ? Ты его уму-разуму учишь, а ему и горя мало. Ишь ноги-то разставиль,—эмирскій бухаръ какой!

„Страшная охотница“ до свиней и птицы была она — и Тихонъ Ильичъ сталъ выкармливать поросятъ, индюшекъ, куръ, гусей: за станціей былъ казенный прудъ. Пуще же всего пристрастился онъ къ ссыпкѣ хлѣба. Осенью возлѣ двора его, стоявшаго однимъ бокомъ къ шоссе, другимъ къ станціи, стономъ стоналъ скрипъ колесъ: обозы сворачивали и сверху и снизу. А на дворѣ ночевали лошадаики, шибай, птичники, крендельщики, косники, богомолки. И поминутно визжалъ блокъ то на двери въ кабакъ, гдѣ отпускала Настасья Петровна, то на двери въ лавку,—темную, грязную, крѣпко пахнущую мыломъ, сельдями, махоркой, мятнымъ пряникомъ, хомутиной, керосиномъ. И поминутно раздавалось въ кабакъ:

— У-ухъ! И здорова же водка у тебя, Петровна! Ажъ въ лобъ стукнула, пропади она пропадомъ.

— Сахаромъ въ уста, любезный!

— Либо она у тебя съ нюхальнымъ табакомъ?

— Вотъ и вышелъ дуракомъ!

А въ лавкѣ было еще люднѣе:

— Ильичъ! Хунтикъ ветчинки не отвѣсишь?

— Ветчинкой я, братъ, нонѣшній годъ, благодаря Богу, такъ обезпеченъ, такъ обезпеченъ!

— А почему?

— Дешевка!

— Хозяинъ! Деготь у васъ хорошій есть?

— Такого дегтю, любезный, у твоего дѣда на свадьбѣ не было!

— А почему?

И казалось, что никогда и не было у Красовыхъ иного разговору, кромѣ толковъ, чтò почему: почему ветчинка, почему тесъ, почему крупа, почему деготь...

Потѣря надежды на дѣтей и закрытіе кабаковъ были крупными событіями. Тихонъ Ильичъ явно постарѣлъ, когда уже не осталось сомнѣній, что не быть ему отцомъ. Сперва онъ пошучивалъ.

— Нѣтъ-съ, ужъ я своего добьюсь:—говорилъ онъ знакомымъ.—Безъ дѣтей человѣкъ—не человѣкъ. Такъ, обсѣвокъ какой-то...

Потомъ даже страхъ сталъ нападать на него: чтò же это,—одна приспала, другая мертвыхъ рождаетъ! И время послѣдней беременности Настасьи Петровны было тяжкимъ временемъ. Тихонъ Ильичъ томился, злобился; Настасья Петровна тайкомъ молилась, тайкомъ плакала и была жалка, когда потихоньку слѣзала по ночамъ, при свѣтѣ лампадки, съ постели, думая, что мужъ спитъ, и начинала съ трудомъ становиться на колѣни, съ шопотомъ припадать къ полу, съ тоской смотрѣть на иконы и старчески, мучительно подниматься съ колѣнъ. Пржеде она передъ сномъ надѣвала туфли, кофточку, молилась разсѣяннo, а помолясь, любила перебрать знакомыхъ, поругать ихъ. Теперь передъ образомъ стояла простая баба въ короткой бумазейной юбкѣ, въ бѣлыхъ шерстяныхъ чулкахъ и въ рубашкѣ, не закрывавшей шеи и постарушечьи полныхъ рукъ. Съ дѣтства, не рѣшаясь даже самому себѣ признаться, не любилъ Тихонъ Ильичъ лампадокъ, ихъ невѣрнаго церковнаго свѣта: на всю жизнь осталась въ памяти та ноябрьская ночь, когда въ крохотной, кособокой хибаркѣ въ Черной Слободѣ тоже горѣла лампадка,—такъ смирно и ласково-грустно, — чуть двигались тѣни отъ цѣпей ея, было мертвенно-тихо, на лавкѣ, подъ святыми, неподвижно лежалъ отецъ, закрывъ глаза, поднявъ острый носъ и сложивъ на груди большія лилово-восковыя руки, а возлѣ него, за окошечкомъ, завѣшеннымъ красной тряпкой, съ буйно-тоскливыми пѣснями, съ воплями и не въ ладъ орущими гармониками, проходили годные... Теперь лампадка горѣла постоянно. И Тихонъ Ильичъ чувствовалъ, что ведетъ Настасья Петровна какое-то таинственное дѣло съ невѣдомыми силами.

Кормили возлѣ постоялаго двора лошадей владимирскіе корбочники—и въ домѣ появился „Новый полный оракулъ и чародѣй, предсказывающій будущее по предложеннымъ вопросамъ съ присовокупленіемъ легчайшаго способа гадать на картахъ, бобахъ и кофе“. И Настасья Петровна надѣвала по вечерамъ очки, катала изъ воска шарикъ и начинала кидать его на круги оракула. А Тихонъ Ильичъ искоса поглядывалъ. Но отвѣты получались все грубые, зловѣщіе или бессмысленные.

— „Любить ли меня мой мужъ?“ — спрашивала Настасья Петровна.

И оракуль отвѣчалъ:

— „Любить, какъ собака палку“.

— „Сколько дѣтей будетъ у меня?“

— „Судьбой назначено тебѣ умереть, худая трава изъ поля вонъ“.

Тогда Тихонъ Ильичъ говорилъ:

— Дай-ка я кину...

И загадывалъ:

— „Затѣвать ли мнѣ тяжбу съ извѣстною мнѣ особою?“

Но и ему выходила чепуха:

— „Считай во рту зубы“.

И оракула смѣнилъ Чугунокъ.

Дурновскій мужикъ Чугунокъ, — небольшой, кряжистый, съ необыкновенно высокой и плотной грудной клѣткой, съ живыми коричневыми глазами на широкомъ смугломъ лицѣ, — былъ мужикъ хорошій и хозяйственный, но со странностями: онъ теноромъ пѣлъ пѣсни, и пѣлъ чаще всего съ бабами и по-бабы, былъ большой балагуръ и сплетникъ, лѣчилъ заговорами и настоями, могъ сбѣгать обыденкой въ городъ — „не отставалъ отъ тройки!“ — и велъ знакомство съ колдунами, которыми споконъ вѣку полна Басовка, деревушка верстахъ въ трехъ отъ Дурновки. И вотъ этого-то Чугунка и заставлялъ Тихонъ Ильичъ на какихъ-то таинственныхъ переговорахъ съ Настасьей Петровной, сразу обрывавшихся при его появленіи. Заставалъ — и мгновенно дѣлалъ видъ ничего не замѣтившаго человѣка, прикидывался, что ничего не знаетъ о бутылочкахъ съ наговорной водой, которая то и дѣло доставлялъ Чугунокъ Настасьѣ Петровнѣ. Въ глубинѣ-то души и онъ надѣялся, что Чугунокъ поможетъ.

Но и отъ Чугунка мало было проку. Разъ, заглянувъ въ пустую кухню, Тихонъ Ильичъ увидалъ жену возлѣ люльки кухаркина ребенка. Пестренькій цыпленокъ, понискивая, бродилъ по подоконнику, стучалъ клювомъ въ стекла, ловя мухъ, а она сидѣла на нарахъ, качала люльку и жалкимъ, дрожащимъ голосомъ пѣла старинную колыбельную пѣсню:

Гдѣ мой дитятко лежитъ?
Гдѣ постелюшка его?
Онъ въ высокомъ терему,
Въ колыбелькѣ расписной.
Не ходите къ намъ никто,
Не стучите въ терему!
Онъ уснулъ, започивалъ,

Темнымъ пологомъ покрыть,
Расцвѣченою тафтой...

И такъ измѣнилось лицо Тихона Ильича въ эту минуту, что, взглянувъ на него, Настасья Петровна не смутилась, не оробѣла,—только заплакала и, сморкаясь, тихо сказала:

— Отвези ты меня, Христа ради, къ угоднику...

И Тихонъ Ильичъ повезъ ее въ Задонскъ. Но дорѣгой думалъ, что все равно Богъ долженъ наказать его за то, что онъ, въ суетѣ и хлопотахъ, только подъ Свѣтлый день бываетъ въ церкви, — живетъ, какъ татаринъ. Да и лѣзли въ голову кощунственныя мысли: онъ все сравнивалъ себя съ родителями святыхъ, тоже долго не имѣвшими дѣтей. Это было не умно, но онъ уже давно замѣтилъ, что есть въ немъ еще кто-то — глупѣй его. Передъ отъѣздомъ онъ получилъ письмо съ Аѳона: „Боголюбивѣйшій благодѣтель Тихонъ Ильичъ! Миръ вамъ и спасеніе, благословеніе Господне и честный Покровъ Всепѣтой Богоматери отъ земного Ея жребія, св. горы Аѳонской! Я имѣлъ счастье слышать о вашихъ добрыхъ дѣлахъ и о томъ, что вы съ любовью удѣляете лепты на созиданіе и украшеніе храмовъ Божіихъ, на келліи иноческія. Нынѣ хижина моя пришла отъ времени въ такое ветхое состояніе...“ И Тихонъ Ильичъ послалъ на поправку этой хижины красненькую. Давно прошло то время, когда онъ съ наивной гордостью вѣрилъ, что и впрямь до самаго Аѳона дошли слухи о немъ, хорошо зналъ, что ужъ слишкомъ много аѳонскихъ хижинъ пришло въ ветхость—и все-таки послалъ. Но не помогло и это, закончилась беременность прямо мѣкою: передъ тѣмъ, какъ родить послѣдняго мертвого ребенка, стала Настасья Петровна, засыпая, вздрагивать, стонать, взвизгивать и разражаться воплемъ и слезами. Ею, по ея словамъ, мгновенно овладѣвала во снѣ какая-то дикая веселость, соединенная съ невыразимымъ страхомъ: то видѣла она, что идетъ къ ней по полямъ, вся сіяя золотыми ризами, Царица Небесная и несется откуда-то стройное, все растущее пѣніе; то выскакивалъ изъ-подъ кровати чертенокъ, неотличимый отъ темноты, но ясно видимый зрѣніемъ внутреннимъ, и начиналъ такъ звонко, лихо, съ перехватами, отжаривать на губной гармоникѣ плясовую, что сердце отрывалось и летѣло куда-то въ бездну, въ пропасть... Легче было бы спать не въ духотѣ, на перинахъ, а на воздухѣ, подъ навѣсомъ амбаровъ. Но Настасья Петровна боялась:

— Подойдутъ собаки и голову нанюхаютъ...

Монополія была солью на рану. Когда пропала надежда на дѣтей, все чаще стало приходить Тихону Ильичу въ голову:

„Да для кого же вся эта каторга, пропади она пропадомъ?“ Но думы думами, а жизнь жизнью! И стали трястись отъ злобы руки, болѣзненно сдвигаться и подниматься брови, косить верхнюю губу—особенно при фразѣ, не сходявшей съ языка: „имѣйте въ виду“. Попрежнему онъ молодился—носилъ щеголеватыя опойковыя сапоги и расшитую косоворотку подъ двубортнымъ пиджакомъ. Но борода сѣдѣла, рѣдѣла, путалась...

А лѣто, какъ нарочно, выдалось жаркое, засушливое. Со-всѣмъ пропала рожь. И наслажденіемъ стало жаловаться покупателямъ.

— Прекращаемъ-сь, прекращаемъ-сь!—съ радостью, отчеканивая каждый слогъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ о своей винной торговлѣ. — Какъ же-сь! Министру захотѣлось поторговать!

— Охъ, посмотрю я на тебя! — стонала Настасья Петровна.—Договоришься ты! Загонять тебя, куда воронъ костей не таскалъ!

— Не испугаете-сь!—отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ, вскидывая бровями.—Нѣтъ-сь! На всякій ротокъ не накинешь платокъ!

И опять, еще рѣзче чеканя слова, обращался жъ покупателю:

— И ржица-сь радуется! Имѣйте въ виду: всѣхъ радуется! Ночью-сь,—вѣрите ли: ночью-сь!—и то видать. Выйдешь на порогъ, глянешь по мѣсяцу въ поле: сквозить-сь, какъ лысина! Выйдешь, глянешь: блистаетъ!

— А ты судись!—крикнулъ однажды случившійся при такомъ разговорѣ дурновскій Трифонъ, старикъ, извѣстный своей дерзостью, злостью и тѣмъ, что онъ неустанно, всю жизнь судился съ кѣмъ попало и по самымъ ничтожнымъ поводамъ,—очень худой и высокій, съ бѣгающими зелеными глазами, съ рѣденькой сѣдой бородкой, въ длинной рубахѣ и большихъ лаптяхъ на тонкихъ ногахъ, крѣпко искрещенныхъ оборками по онучамъ.

И это было такъ неожиданно, что Тихонъ Ильичъ слегка опѣшилъ.

— Съ кѣмъ же это я судиться-то буду? — спросилъ онъ, поднявъ брови.

— Съ обидчиками!—крикнулъ Трифонъ и стукнулъ палкой въ землю.—Съ злодѣями! Съ пахарями!

Тихонъ Ильичъ покачалъ головою.

— Охъ, мало тебя, чорта двужилънаго, драли! — сказалъ онъ съ сожалѣніемъ.

— Бреешь!—крикнулъ Трифонъ.—Много! На десятерыхъ хватить! Да не поддамся! До царя дойду! Ну, вотъ и норови по-моему...

Въ Петровки Тихонъ Ильичъ пробылъ четверо сутокъ въ городѣ на ярмаркѣ и разстроился еще больше — отъ думъ, отъ жары, отъ бессонныхъ ночей. Обычно отпиривался онъ на ярмарку съ большою охотой. Въ сумерки подмазывали телѣги, набивали ихъ сѣномъ; къ одной, въ которой ѣхалъ староста, привязывали лошадей или коровъ, назначенныхъ къ продажѣ; въ другую, въ которой ѣхалъ самъ хозяинъ съ работникомъ-старикомъ, клали подушки, чуйку. Выѣзжали поздно и, поскрипывая, тянулись до разсвѣта. Сперва вели дружественные разговоры, курили, рассказывали другъ другу страшныя старинныя исторіи о купцахъ, убитыхъ въ дорогѣ и на ночевкахъ; потомъ Тихонъ Ильичъ укладывался спать — и такъ пріятно было слышать сквозь сонъ голоса встрѣчныхъ, чувствовать, какъ зыбко покачивается и какъ будто все подъ гору ѣдетъ телѣга, ерзаетъ щека по подушкѣ, сваливается картузь и холодитъ голову ночная свѣжесть; хорошо было и проснуться до солнца, розовымъ росистымъ утромъ, среди матово-зеленыхъ хлѣбовъ, увидеть вдали, въ голубой низменности, весело бѣлѣющій городъ, блескъ его церквей, крѣпко зѣвнуть, перекреститься на отдаленный звонъ и взять вожжи изъ рукъ полусоннаго старика, по-дѣтски ослабѣвшаго на утреннемъ холодкѣ, блѣднаго какъ мѣлъ при свѣтѣ зари... Теперь Тихонъ Ильичъ отослалъ телѣги со старостой, а самъ поѣхалъ на бѣгункахъ. Ночь была теплая, свѣтлая, розоволунная; ѣхалъ онъ шибко, но сильно усталъ; огоньки на ярмаркѣ, въ острогѣ и больницѣ, что при въѣздѣ въ городъ, видны въ степи верстъ на десять, и казалось, что до нихъ никогда не доѣдешь, до этихъ дальнихъ, сонныхъ огоньковъ. А на постояломъ дворѣ на Щепной площади было такъ жарко, такъ кусали блохи и такъ часто раздавались голоса у воротъ, такъ гремѣли въѣзжавшія на каменный дворъ телѣги и такъ рано заорали пѣтухи, заворковали голуби и побѣлѣло за открытыми окнами, что онъ и глазъ не сомкнулъ. Мало спалъ и вторую ночь, которую попробовалъ провести на ярмаркѣ, въ телѣгѣ: ржали лошади, горѣли огни въ палаткахъ, кругомъ ходили и разговаривали, а на разсвѣтѣ, когда такъ и слипались глаза, зазвонили въ острогѣ, въ больницѣ — и надъ самой головой подняла ужасный ревъ корова...

— Каторга! — поминутно приходило въ голову за эти дни и ночи. — Бьюсь, путляюсь, гибну въ пустякахъ, въ бѣзтолочи!

Ярмарка, раскинувшаяся по выгону на цѣлую версту, была, какъ всегда, шумна, безтолкова. Грудами лежали метла, косы, жбаны, лопаты, колеса. Стоялъ нестройный гомонъ, ржаніе лошадей, трели дѣтскихъ свистулекъ, марши и польки гремя-

щихъ на каруселяхъ оркестріоновъ. Бездѣльная, говорливая толпа мужиковъ и бабъ валомъ валила съ утра до-вечеру по пыльнымъ, унавоженнымъ переулкамъ между телѣгами и палатками, лошадьми и коровами, балаганами и съѣстными, откуда несло вонючимъ чадомъ сальныхъ жаровенъ. Какъ всегда, была пропасть барышниковъ, придававшихъ страшный азартъ всѣмъ спорамъ и сдѣлкамъ; безконечными вереницами, съ гнусавыми напѣвами тянулись слѣпые и убогіе, нищіе и калѣки, на костыляхъ и въ телѣжкахъ; медленно двигалась среди толпы гремящая бубенчиками тройка исправника, сдерживаемая кучеромъ въ плисовой безрукавкѣ и въ шапочкѣ съ павлиньими перьями... Покупателей было много. Но все кончалось лишь пустословіемъ. Подходили сизые цыгане, евреи изъ Юго-Западнаго края,—сѣролицые, рыжіе, запыленные, въ парусиновыхъ балахонахъ и сбитыхъ сапогахъ,—загорѣлые мелкопомѣстные дворяне въ поддевкахъ и картузахъ, становой съ урядникомъ, богачъ-купецъ Сафоновъ,—старикъ въ чуйкѣ, тучный, бритый, съ сигарой; подходилъ красавецъ-гусаръ князь Бахтинъ съ женой въ англійскомъ костюмѣ, или дряхлый севастопольскій герой Хвостовъ,—высокій и костистый, съ крупными чертами темнаго морщинистаго лица, въ длинномъ мундирѣ и обвислыхъ штанахъ, въ сапогахъ съ широкими носками и въ большомъ картузѣ съ желтымъ околышемъ, изъ-подъ котораго были начесаны на виски крашеные волосы мертваго бураго цвѣта... Всѣ корчили изъ себя знатоковъ, толковали о мастяхъ, ладахъ, рассказывали о своихъ лошадяхъ. Мелкопомѣстные ввали и хвастались; Бахтинъ не унижался до разговора съ Тихономъ Ильичемъ, хотя тотъ почтительно вставалъ передъ нимъ и говорилъ: „подходящая-съ лошадка для вашего сіятельства“. Бахтинъ только откидывался назадъ, глядя на лошадь, сдержанно улыбался въ усы съ подусниками и намеками перекидывался съ женой, поигрывая ногой въ рейтузѣ вишневаго цвѣта. А Хвостовъ, дошаркавъ до лошади, косившей на него огненнымъ глазомъ, останавливался такъ, что казалось, что онъ падаетъ, поднималъ костыль и въ десятый разъ спрашивалъ глухимъ, ничего не выражающимъ голосомъ:

— Сколько просишь?

И всѣмъ надо было отвѣчать. Отъ скуки Тихонъ Ильичъ купилъ книжечку: „Ой, Шмуль до Ривке, сборникъ модныхъ сценокъ, каламбуровъ и рассказовъ изъ походовъ нашихъ еврейчиковъ“—и, сидя на телѣгѣ, много разъ принимался за нее. Но только-что онъ начиналъ: „Каздому, гишпада. жвѣтна,

што мы, жидочки, вжасно любимъ гешефтъ...“, какъ кто-нибудь окликалъ. И Тихонъ Ильичъ поднималъ глаза и отзывался, но черезъ силу, стискивая челюсти.

Онъ очень загорѣлъ, похудѣлъ и поблѣднѣлъ, запылится, чувствовалъ смертельную тоску и слабость во всемъ тѣлѣ. Онъ разстроилъ желудокъ, да такъ, что начались корчи. Пришлось сходить въ больницу. Но тамъ онъ часа два ждалъ очереди, сидѣлъ въ гулкомъ коридорѣ, нюхая противный запахъ карболки, и чувствовалъ себя не Тихономъ Ильичомъ, а такъ, какъ будто онъ былъ въ прихожей хозяина или начальника. И, когда докторъ, похожій на дьякона, красный, свѣтлоглазый, въ кургузомъ черномъ сюртукѣ, пахнущемъ мѣдью, сопя, приложилъ холодное ухо къ его груди, онъ поспѣшилъ сказать, что „животъ почти прошелъ“, и только по робости не отказался отъ касторки. А воротясь на ярмарку, проглотилъ стаканъ водки съ перцемъ, съ солью и опять сталъ ѣсть колбасу и подрукавный хлѣбъ, пить чай, сырую воду, кислая щи — и все не могъ утолить жажды. Звали знакомые „пивкомъ освѣжиться“ — и онъ шелъ. Оралъ хромой квасникъ:

— Вотъ квасокъ, попыриваетъ въ носокъ! По копейкѣ божалъ, самый главный лимонадъ!

И онъ останавливалъ квасника.

— Во-отъ морожено! — теноромъ кричалъ лысый потный мороженщикъ, брюхатый старикъ въ красной рубахѣ.

И онъ — какъ мальчишка! — ѣлъ съ костяной ложечки мороженое, почти снѣгъ, отъ котораго жестоко ломило въ вискахъ.

Пыльный, истолченный ногами, колесами и копытами, засоренный и уनावоженный выгонъ уже пустѣлъ, — ярмарка разѣзжалась. Но Тихонъ Ильичъ, точно на зло кому-то, все держалъ и держалъ на жарѣ и въ пыли непроданныхъ лошадей, все сидѣлъ на телѣгѣ. Точно не болѣзнью былъ подавленъ онъ, а картиной великой нищеты и великаго убожества, споконъ вѣку владѣвшихъ и городомъ этимъ и всѣмъ уѣздомъ его. Господи Боже, что за край! Черноземъ на полтора аршина, да какой! А пяти лѣтъ не проходитъ безъ голода. Городъ на всю Россію славенъ хлѣбной торговлей, — ѣсть же этотъ хлѣбъ дѣсыта сто человѣкъ во всемъ городѣ. А ярмарка? Нищихъ, дурачковъ, слѣпыхъ и калѣкъ, — такихъ безобразныхъ, что смотрѣть страшно и тошно, — прямо полкъ цѣлый!..

Домой Тихонъ Ильичъ ѣхалъ въ солнечное жаркое утро по Старой большой дорогѣ. ѣхалъ сперва городомъ, базаромъ, мимо собора, черезъ мелкую и кисло-вонючую отъ

кожевенныхъ заводовъ рѣчку, а за рѣчкой—въ гору, черезъ Черную Слободу. На базарѣ онъ когда-то служилъ вмѣстѣ съ братомъ въ лавкѣ Маторина. Теперь на базарѣ всѣ кланялись ему. Въ Слободѣ прошло его дѣтство: тутъ, на полугорѣ, среди вросшихъ въ землю мазанокъ съ прогнившими и почернѣвшими крышами, среди навоза, который сушатъ на солнцѣ для топки, среди мусора, золы и тряпокъ, великою радостью было для него съ крикомъ, свистомъ гоняться за нищимъ, давно выгнаннымъ со службы учителемъ уѣзднаго училища, злымъ старичкомъ-онанистомъ, что зиму и лѣто ходилъ въ валенкахъ, подштаникахъ и короткомъ пальто съ облѣзлымъ бобровымъ воротникомъ, будучи извѣстенъ городу подъ странной кличкой: „Собацій Пистолетъ“. Теперь и слѣда не было той мазанки, гдѣ родился и росъ Тихонъ Ильичъ. На ея мѣстѣ стоялъ новый тесовый домикъ со ржавой вывѣской надъ входомъ: „Духовный портной Соболевъ“. Все прочее было въ Слободѣ по-старому: свиньи и куры по переулочкамъ; высокіе шесты у воротъ, а на шестахъ —бараньи рога; бѣлыя большія лица кружевницъ, выглядывающихъ изъ-за горшковъ съ цвѣтами, изъ крохотныхъ окошечекъ; босые мальчишки съ одной помочей черезъ плечо, запускающіе бумажнаго змѣя съ мочальнымъ хвостомъ; бѣлобрысыя тихія дѣвочки, играющія возлѣ завалинокъ въ любимую игру — похороны куколъ... А на горѣ, въ полѣ, онъ перекрестился на кладбище, за оградой котораго, среди старыхъ деревьевъ, была когда-то страшная могила богача и скряги Зыкова, провалившаяся въ ту же минуту, какъ только засыпали ее. И, подумавъ, повернулъ лошадь къ воротамъ кладбища.

У этихъ большихъ бѣлыхъ воротъ постоянно сидѣлъ и позванивалъ въ колокольчикъ съ ручкой и мѣшечкомъ косої монахъ въ черной рясѣ и рыжихъ сапогахъ, — очень сильный, лохматый и свирѣпый на видъ, пьяница, съ необыкновеннымъ мастерствомъ ругавшійся матерно. Теперь монаха не было: на его мѣстѣ сидѣла и вязала чулокъ старуха, похожая на старуху изъ сказки, — въ очкахъ, съ клювомъ, съ провалившимися губами, — одна изъ вдовъ, живущихъ въ пріютѣ при кладбищѣ.

— Здорово, бабка! — ласково крикнулъ Тихонъ Ильичъ, привязывая лошадь къ столбу у воротъ. — Можешь мою лошадь постеречь?

Старуха встала, низко поклонилась и прошамкала:

— Могу, батюшка.

Тихонъ Ильичъ снялъ картузь, еще разъ, подкатывая глаза

подъ лобъ, перекрестился на картину Успенія Богородицы надъ воротами и прибавилъ:

— Много васъ тутъ теперь?

— Цѣлыхъ двѣнадцать старушекъ, батюшка.

— Чтò жъ, часто ругаетесь?

— Часто, батюшка...

И Тихонъ Ильичъ не спѣша пошелъ среди деревьевъ и крестовъ, по аллеѣ, ведущей къ старой деревянной церкви, когда-то крашеной охрой. На ярмаркѣ онъ постригъ волосы, подровнялъ и укоротилъ бороду—и очень помолодѣлъ. Молодили его и худоба, загаръ, — бѣлѣли нѣжной кожей только выстриженные треугольнички на вискахъ. Молодили воспоминанія дѣтства и молодости, новый парусиновый картузь. Лицо его было задумчиво. Онъ съ грустью глядѣлъ по сторонамъ... Какъ коротка и безтолкова жизнь! И какой миръ и покой вокругъ, въ этомъ солнечномъ затишьѣ, въ оградѣ стараго погоста! Горячій вѣтеръ проносился по верхушкамъ свѣтлыхъ деревьевъ, сквозившимъ на безоблачномъ небѣ, до времени порѣдѣвшимъ отъ зноя, волновалъ по камнямъ, памятникамъ ихъ прозрачную, легкую тѣнь. А когда затихалъ, жарко пригрѣвало солнце цвѣты и травы, сладко пѣли птицы въ кустахъ, въ сладкой истомѣ замирали на горячихъ дорожкахъ пышноцвѣтныя бабочки... На одномъ крестѣ Тихонъ Ильичъ прочелъ:

Какіе страшные оброки

Смерть собираетъ отъ людей!

Но ничего страшнаго не было вокругъ. Онъ шелъ, даже какъ бы съ удовольствіемъ замѣчая, что кладбище растетъ, что появилось много новыхъ отличныхъ мавзолеевъ среди тѣхъ старинныхъ камней въ видѣ гробовъ на ножкахъ, тяжкихъ чугунныхъ плитъ и огромныхъ, грубыхъ и уже гніющихъ крестовъ, которыми полно оно. „Скончалась 1819 года Ноября 7 въ 5 часовъ утра“—такія надписи было жутко читать, нехороша смерть на разсвѣтѣ ненастнаго осенняго дня, въ старомъ уѣздномъ городѣ! Но рядомъ свѣтилъ среди деревьевъ своей бѣлизной мраморный ангелъ, съ очами, устремленными въ голубое небо, и на черно-зеркальномъ гранитѣ подъ нимъ были выбиты золотыя буквы: „Блаженны мертвые, умирающіе въ Господѣ!“. На желѣзномъ, радужномъ отъ непогоды и времени, памятникѣ какого-то коллежскаго ассесора можно было разобрать стихи:

Царю онъ честно послужилъ,

Сердечно ближняго любилъ,

Былъ уважаемъ отъ людей...

И стихи эти показались Тихону Ильичу лживыми... Но здѣсь и ложь трогала. Ибо—гдѣ правда? Вотъ въ кустахъ валяется человѣческая челюсть, точно сдѣланная изъ грязнаго воска,—все, что осталось отъ человѣка... Но все ли? Гниютъ цвѣты, ленты, кресты, гробы и кости въ землѣ,—все смерть и тлѣніе! Но шелъ далѣе Тихонъ Ильичъ и читалъ: „Такъ и при воскресеніи мертвыхъ: сѣется въ тлѣніи, возстаетъ въ нетлѣніи“... „Милый сынъ нашъ, память о тебѣ не умретъ въ сердцахъ нашихъ вовѣки!“

Все строже сдвигая брови, онъ снималъ картузь и крестился. Онъ былъ блѣденъ и еще слабъ послѣ болѣзни, онъ вспоминалъ свое дѣтство, молодость, Кузьму... Онъ шелъ въ тотъ дальній уголъ кладбища, гдѣ были похоронены всѣ его близкіе—отецъ, мать, сестра, умершая еще дѣвочкой... Надписи трогательно и мирно говорили о покоѣ и отдыхѣ, о нѣжности къ отцамъ, матерямъ, мужьямъ и женамъ, о любви, которой какъ будто нѣтъ и не будетъ на землѣ, о той преданности другъ другу и покорности Богу, о тѣхъ горячихъ упованіяхъ на жизнь будущую и свиданіе въ иной, блаженной странѣ, которымъ вѣришь только здѣсь, и о томъ равенствѣ, что даетъ только смерть,—тѣ минуты, когда мертваго нищаго цѣлуютъ въ уста послѣднимъ цѣлованіемъ, какъ брата, сравниваютъ его съ царями и владыками, говорятъ надъ нимъ самыя мудрыя, самыя великія и торжественныя слова... А тамъ, въ дальнемъ углу ограды, въ кустахъ бузины, дремлющихъ на припекѣ, тамъ, гдѣ когда-то были могилы, а теперь только холмы и впадины, заросшіе травой и бѣлыми цвѣтами, увидалъ Тихонъ Ильичъ свѣжую дѣтскую могилку, крестъ, а на крестѣ—двустигшіе:

тише, листья, не шумите,
мово Костю не будите!—

и, вспомнивъ своего ребенка, задавленнаго во снѣ нѣмой кухаркой, заморгалъ отъ навернувшихся слезъ...

По шоссе, идущему мимо кладбища и пропадающему среди волнистыхъ полей, никто никогда не ѣздитъ. Шагаетъ по шоссе только какой-нибудь легконогій босякъ, малый въ розовой слинявшей рубахѣ, въ порткахъ изъ разноцвѣтныхъ заплатъ. Ѣздятъ же по пыльному проселку, рядомъ. По проселку поѣхалъ и Тихонъ Ильичъ. Навстрѣчу ему пронеслась сперва ободранная извозчичья пролетка, — лихо несутся уѣздные извозчики! — а въ пролеткѣ — охотникъ изъ банковскихъ чиновниковъ: у ногъ — пѣгая легава собака, на колѣняхъ — ружье въ чехлѣ, на ногахъ —

высокіе болотные сапоги, хотя болоть въ уѣздѣ никогда не бывало. Потомъ пронырять по пыльнымъ ухабамъ молодой почтарь, высоко взгромоздившійся на старинный велосипедъ съ двумя колесами, изъ которыхъ одно было огромное, а другое, то, что сзади, крохотное. Онъ испугалъ лошадь, и Тихонъ Ильичъ сердито стиснулъ зубы: въ работники бы этого лодаря! Полдневное солнце палило, вѣтеръ дулъ горячій, безоблачное небо становилось грифельнымъ. И, думая о краткости и безтолковости жизни, все сердитѣе отвертывался Тихонъ Ильичъ отъ пыли, летѣвшей по дорогѣ, все озабоченнѣе косился на тощіе, до времени подсыхающіе хлѣба.

Мѣрнымъ шагомъ, съ высокими посощками, шли толпы замученныхъ усталостью и зноемъ богомолковъ. Онѣ отвѣщивали Тихону Ильичу низкіе, смиренные поклоны, но поклоны эти казались ему жульническими.

— Смиреницы! А грызутся, небось, па ночевкахъ, какъ собаки!—бормоталъ онъ.

Подымая тучи пыли, гнали лошадеенокъ пьяные мужики, возвращавшіеся съ ярмарки,—чуть не по десятку на каждой подводѣ,—рыжіе, сивые, черные, бѣлобрысые, но всѣ одинаково безобразные, тощіе и лохматые. И, обгоняя ихъ гремящія телѣги, Тихонъ Ильичъ моталъ головой:

— У, нищebroды, пропади вы пропадомъ!

Одинъ, въ изорванной на ленты ситцевой рубахѣ, спалъ, колотился, какъ мертвый, лежа на спинѣ, закинувъ голову, задравъ окровавленную бороду и распухшій въ засохшей крови носъ. Другой бѣжалъ, догонялъ сорванную вѣтромъ шапку, споткнулся — и Тихонъ Ильичъ съ злобнымъ наслажденіемъ вытянулъ его кнутомъ. Попалась телѣга, полная рѣшетъ, лопатъ и бабъ; сидя къ лошади спинами, онѣ тряслись и подпрыгивали; у одной на головѣ былъ новый дѣтскій картузикъ козырькомъ назадъ, другая пѣла, набивъ ротъ калачомъ, третья махала руками и съ хохотомъ орала вдогонку Тихону Ильичу:

— Дядя! Чеку потерялъ!

И онъ придержалъ лошадь, далъ себя обогнать и вытянулъ кнутомъ и бабу...

За заставой, гдѣ свернуло шоссе въ сторону, гдѣ отстали гремящія телѣги и охватила тишина, просторъ и зной степи, опять почувствовалъ онъ, что все-таки самое главное на свѣтѣ — „дѣло“. Съ великимъ презрѣніемъ подумалъ онъ о помѣщикахъ, форсившихъ на ярмаркѣ жалкими троечками... Эхъ, и нищета же кругомъ! До тла разорены мужики, трынки

осталось въ оскудѣвшихъ усадьбишкахъ, раскиданныхъ всюду... Хозяина бы сюда, хозяина!

— Да не ты, братъ, хозяинъ-то! — зло ухмылялся онъ самъ на себя. — Самъ нищій, шальной, неудѣльный!

На полпути было Ровное, большое однодворческое село. Вуховѣй проносился вдоль пустыхъ улицъ, по лозинкамъ, сталеннымъ жарою. У пороговъ ерошились, зарывались въ голую куры. Грубо торчала на голомъ выгонѣ церковь дикаго звѣта. За церковью блестѣлъ на солнцѣ мелкій глинистый прудъ подъ навозной плотиною — густая желтая вода, въ которой стояло стадо коровъ, поминутно отправлявшее свои кды, и намыливалъ голову голый мужикъ. Онъ тоже почесъ вошелъ въ воду, на груди его блестѣлъ мѣдный крестъ, шея и лицо были черны отъ загара, а тѣло поразительно блѣдно и бѣло.

— Разнуздай-ка лошадь-то, — сказалъ Тихонъ Ильичъ, възжая въ прудъ, пахнуцій стадомъ.

Мужикъ кинулъ мраморно-синеватый обмылокъ на черный съ коровьяго помета берегъ и, съ сѣрой головой, стыдливо крываясь, поспѣшилъ исполнить приказаніе. Лошадь жадно нырнула къ водѣ, но вода была такъ тепла и противна, что она подняла морду и отвернулась. Посвистывая ей, Тихонъ Ильичъ покачалъ картузомъ:

— Ну, и водица у васъ! Ужли пьете?

— А у васъ-то ай сахарная? — ласково и весело возражалъ мужикъ. — Тыщу лѣтъ пьемъ! Да вода что — вотъ хлѣбушка нѣтути...

И пришлось промолчать: вѣдь и въ Дурновкѣ вода не лучше, тоже нѣтъ хлѣбушка... Да и не будетъ... За Ровнымъ дорога опять пошла среди ржей, но какихъ! Тощихъ, слабыхъ, почти безъ колоса, переполненныхъ васильками... А возлѣ Выселокъ, подъ Дурновкой, тучей сидѣли на дуплистомъ корявомъ ракитѣ грачи съ раскрытыми серебристыми клювами: отъ Выселокъ осталось въ этотъ день только одно званіе — только черные остовы избъ среди мусора! Мусоръ курился молочно-синеватымъ дымкомъ, кисло воняло гарью... И мысль о пожарѣ молніею пронизала Тихона Ильича. „Бѣда!“ — подумалъ онъ, блѣднѣя. Ничего-то у него не застраховано, все можетъ въ одинъ часъ слетѣть...

Съ этихъ Петровокъ, съ этой памятной поѣздки на ярмарку Тихонъ Ильичъ началъ попивать — и таки-частенько, до пьяну, по до порядочной красноты лица. Однако это ничуть не мѣшало дѣламъ, да не мѣшало, по его словамъ, и здоровью. „Водка кровь полируетъ“, — говорилъ онъ; и, правда, видъ у него сталъ еще болѣе крѣпкій, чѣмъ прежде.

Жизнь свою онъ и теперь нерѣдко называлъ каторгой, петлей, золотою клѣткой. Но шагаль онъ по своей дорогѣ все увѣреннѣе, не обращая вниманія на погоду и дорогу. Будни воцарились въ его домѣ, и нѣсколько лѣтъ прошло такъ однообразно, что все слилось въ одинъ рабочій день. А новыми крупными событіями оказалось то, чего и не чаяли,—война съ Японіей и революція.

Слухи о войнѣ начались, конечно, бахвальствомъ. „Казакъ желтую-то шкуру скоро спуститъ, братъ!“ Но оно тлѣло такъ недолго, это слабое подобіе прежнихъ бахвальствъ. Скоро слышались иныя рѣчи.

— Своей земли дѣвать некуда!—строгимъ хозяйственнымъ тономъ говорилъ Тихонъ Ильичъ, кажется, впервые за всю свою жизнь разсуждая не о дурновской, а о всей русской землѣ.—Не война-съ, а прямо безсмыслица!

Сказывалось и другое, исконное—быть на сторонѣ тѣхъ, кто одолеваетъ. И въ восхищеніе приводили вѣсти о страшныхъ разгромахъ русской арміи:

— Ухъ, здорово! Такъ ихъ, мать ихъ такъ!

Восхищали и побѣды революціи, восхищали убійства:

— Какъ далъ этому самому министру подъ жилу, — говорилъ иногда Тихонъ Ильичъ въ пылу восторга:—какъ далъ—праху отъ него не осталось!

Но нарастала и тревога. Какъ только заговорили о землѣ, стала просыпаться злоба. „Все жида работаютъ! Все жида-съ, да вотъ еще лохмачи эти — студенты!“ Болѣе всего раздражало Тихона Ильича то, что социаль-демократомъ называетъ себя сынъ дьякона въ Ульяновкѣ, семинаристъ, околачивавшійся безъ дѣла у отца. И непонятно было: всѣ говорятъ—революція, революція, а вокругъ — все прежнее, будничное: солнце свѣтитъ, въ полѣ ржи цвѣтутъ, подводы тянутся на станцію... Непонятенъ былъ въ своемъ молчаніи, въ свдихъ уклончивыхъ рѣчахъ народъ.

— Скрытенъ-съ онъ, народъ-то! Прямо жуть, какъ скрытенъ!—говорилъ Тихонъ Ильичъ.

И, забывъ о „жидахъ“, прибавлялъ:

— Положимъ, что и музыка-то вся эта не хитрая-съ. Правительство смѣнить да земелькой поровнять—это вѣдь и младеенецъ пойметъ-съ. И; значить, дѣло ясно, за кого онъ гнетъ, — народъ-то-съ. Но, конечно, помалкиваетъ. И надо, значить, слѣдить, да такъ норовить, чтобъ помалкивалъ. Не давать ему ходу! Не то держись: почуветь удачу, почуветь шлею подъ хвостомъ—въ дребезги расшибетъ-съ!

Когда онъ читалъ или слышалъ, что будутъ отнимать землю

только у тѣхъ, у кого больше пятисотъ десятинъ, онъ и самъ становился „смутьяномъ“. Даже съ дурновцами въ споръ пу-скался. Случалось—стоитъ возлѣ его лавки мужикъ: купилъ на станціи водки, купилъ въ лавкѣ тарань и кренделей, снялъ шапку; но все оттягиваетъ наслажденіе и говоритъ:

— Нѣтъ, это ты, Ильичъ, не толкуй. По справедливой оцѣнкѣ—это можно, взять-то ее. А такъ—нѣтъ, не хорошо...

Пахнетъ сосновымъ тесомъ, сваленнымъ возлѣ амбаровъ, напротивъ двора. Раздражающе пахнетъ таранью и моча-лой, на которой нанизаны крендели. Слышно, какъ за де-ревьями и за постройками станціи сипитъ, разводитъ пары горячій паровозъ товарнаго поѣзда. Безъ шапки стоитъ возлѣ лавки, щурясь и хитро улыбаясь, Тихонъ Ильичъ. Улыбается и отвѣчаетъ:

— Толкушка! А если онъ не хозяинъ, а бродяга?

— Кто? Баринъ-то?

— Нѣтъ,—задница!

— Ну, это дѣло особая. У такого-то и со всѣми потрохами отнять не грѣхъ!

— Ну вотъ то-то и оно-то!

Но приходила другая вѣсть — будутъ и меньше пятисотъ брать! — и сразу овладѣвала душой разсѣянность, подозри-тельность, придирчивость. Все, что дѣлается по дому, начи-нало казаться отвратительнымъ.

Выносилъ изъ лавки Егорка, подручный, мучные мѣшки и начиналъ встрясать ихъ. И голова его напоминала голову городского дурачка „Мотя-Утиная-Головка“. Макушка кли-номъ, волосы жестки и густы—„и отчего это такъ густы они у дураковъ?“ — лобъ вдавленный, лицо — какъ лицо косое, глаза выпуклые, а вѣки съ бѣлыми, телячьими рѣсницами точно натянуты на нихъ: кажется, что не хватило кожи, что, если малый сомкнетъ ихъ, нужно будетъ ротъ разинуть, если закроетъ ротъ — придется широко раскрыть вѣки. И Тихонъ Ильичъ злобно кричалъ:

— Далдонъ! Дулѣбъ! Что жъ ты на меня-то трясешь?

Выносила кухарка какой-то сундучокъ, раскрывала его, клала нутромъ наземь и начинала стучать въ дно кулакомъ. И, понявъ, въ чемъ дѣло, Тихонъ Ильичъ медленно качалъ головой:

— Ахъ, хозяйки, мать вашу такъ! Прусаковъ выбиваешь?

— Ихъ тутъ — прямо туча! — радостно отвѣчала кухарка. — Глянули, а тамъ страсти Божіи!

И, скрипнувъ зубами, Тихонъ Ильичъ выходилъ на шоссе и долго глядѣлъ въ волнистыя поля, въ сторону Дурновки.

Горницы его, кухня, лавка и амбаръ, гдѣ прежде была винная торговля, — все это составляло одинъ срубъ, подъ одной желѣзной крышей. Съ трехъ сторонъ вплотную примыкали къ нему навѣсы скотнаго варка, крытые соломой — и получался уютный квадратъ. Крыльцо и всѣ окна глядѣли на югъ. Но видъ загораживали хлѣбные амбары, стоявшіе противъ оконъ, черезъ дорогу. Направо была станція, налѣво шоссе. За шоссе — березовый лѣсокъ. И когда Тихону Ильичу было не по себѣ, онъ выходилъ на шоссе. Бѣлой извилистой лентой, съ перевала на перевалъ, убѣгало оно къ югу, все понижаясь вмѣстѣ съ полями и снова поднимаясь къ горизонту только отъ далекой будки, гдѣ его пересѣкала идущая съ юго-востока чугунка. И если случалось, что ѣхалъ въ Ульяновку кто-нибудь изъ дурновскихъ мужиковъ, — конечно, кто подѣльнѣе, поразумнѣе, на примѣръ, Яковъ, котораго всѣ зовутъ Яковомъ Микитичемъ за то, что онъ жаденъ, бережетъ второй годъ кладушку хлѣба и владѣетъ тремя справными лошадьми, — Тихонъ Ильичъ останавливалъ его.

— Хотѣ бы картузишко-то купилъ! — кричалъ онъ съ усмѣшкой.

Яковъ, въ шапкѣ, въ замашной рубахѣ, въ короткихъ тяжевыхъ порткахъ и босой, сидѣлъ на грядкѣ телѣги. Онъ натягивалъ веревочныя вожжи, останавливая сытую кобылу.

— Здорово, Тихонъ Ильичъ, — сдержанно говорилъ онъ.

— Здорово! Шапку-то, говорю, пора пожертвовать на галчинныя гнѣзда!

Яковъ, съ хитрой усмѣшкой въ землю, кивалъ головой.

— Это... какъ сказать?... не плохо бы. Да капиталъ-то, къ примѣру, не дозволяетъ!

— Будетъ толковать-то! Знаемъ мы васъ, казанскихъ сиротъ! Дѣвку отдалъ, малаго женилъ, деньги есть... Чего тебѣ еще отъ Господа Бога желать?

Это льстило Якову, но сдерживало еще болѣе.

— О, Господи! — вздыхая, бормоталъ онъ дрожащимъ, какъ бы похохатывающимъ голосомъ. — Деньги... У меня ихъ, къ примѣру, и въ заведепьи-то не бывало... А малый... что жъ малый? Малый не радуется... Прямо надо сказать — не радуется!

Былъ Яковъ, какъ многіе мужики, очень нервенъ и особенно тогда, когда доходило дѣло до его семьи, хозяйства. Былъ очень скрытенъ, но тутъ нервность одолевала, хотя изобличала ее только отрывистая, дрожащая рѣчь. И, чтобы уже совсѣмъ растревожить его, Тихонъ Ильичъ участливо спрашивалъ:

— Не радуешь? Скажи, пожалуйста! И все изъ-за бабы? Яковъ, озираясь, скребъ ногтями грудь:

— Изъ-за бабы, родимецъ ее расшиби...

— Ревнуетъ?

— Ревнуетъ... Въ снохачи меня записали.

— Хм! — участливо отзывался Тихонъ Ильичъ, хотя от-лично зналъ, что не безъ огня тутъ дымъ.

А у Якова уже бѣгали глаза.

— Тамъ нажалилась мужу, тамъ нажалилась! Да что — отравить хотѣла! Иной разъ, къ примѣру, остудишься... по-куришь маленько, чтобъ на груди полегчало... Ну, и запри-мѣтила... да и сунула мнѣ подъ подушку цыгарку... Кабы не глянулъ — пропалъ бы!

— Что жъ за цыгарка такая?

— Костей мертвыхъ натолкла да замѣсто табаку и всы-пала...

— То-то малый-то дуракъ! Поучилъ бы ее, анаѣму, по-русски!

— Куда тебѣ! Мнѣ же, къ примѣру, на грудь полѣзъ! А самъ какъ змѣй вьется... Ухвачу за голову, анъ голова-то стриженная! Ухвачу за пельки... рубаху драть жалко!

Тихонъ Ильичъ качалъ головой, молчалъ минуту и нако-нецъ рѣшался:

— Ну, а какъ у васъ тамъ? Все бунту ждете?

Но тутъ скрытность сразу возвращалась къ Якову. Онъ усмѣхался и махалъ рукой.

— Ну! — скороговоркой бормоталъ онъ. — Какого тамъ рожна — бунту! У насъ народъ смирный... Смирный народъ...

И натягивалъ вожжи, будто не стоитъ лошадь.

— А сходка-то зачѣмъ въ воскресенье была? — вдругъ злобно кидалъ Тихонъ Ильичъ.

— Сходка-то? А чума ихъ знаетъ! Погалдѣли, къ при-мѣру...

— Знаю, о чемъ галдѣли-то! Знаю!

— Да что жъ, я не таюсь... Болтали, къ примѣру, что вышла, молъ, распоряженіе... вышла будто распоряженіе — никакъ не работать по прежней цѣнѣ...

Очень обидно было думать, что изъ-за какой-то Дурновки руки отваливаются отъ дѣла. И дворовъ-то въ этой Дурновкѣ всего три десятка. И лежитъ-то она въ чортовой яругѣ: широкій оврагъ, на одномъ боку — избы, на другомъ — усадь-бишка. И переглядывается эта усадьбишка съ избами и со дня на день ждетъ какого-то „распоряженія“... Эхъ, взять бы нѣсколько казаковъ съ плетями!

Но „распоряженіе“ таки-вышло. Пронесся въ одно изъ воскресеній слухъ, что въ Дурновкѣ—сходка, вырабатывается планъ наступленія на усадьбу. Съ злобно-радостными глазами, съ ощущеніемъ необычной силы и дерзости, съ готовностью „самому чорту рога сломать“, Тихонъ Ильичъ крикнулъ „запречь въ бѣгунки жеребчика“ и черезъ десять минутъ уже гналъ его вдоль шоссе къ Дурновкѣ. Солнце садилось послѣ дождливаго дня въ сѣро-красныя тучи, стволы въ березовомъ лѣсочкѣ были алые, проселокъ, рѣзко выдѣлявшійся черно-фіолетовой грязью среди свѣжей зелени, былъ тяжелъ. Съ ляжекъ жеребчика, со шлеи, ерзавшей по нимъ, падала розовая пѣна. Но не до жеребчика было. Крѣпко щелкая по немъ вожжами, Тихонъ Ильичъ свернулъ отъ чугунки, взялъ направо полевой дорогой и, увидавъ Дурновку, на минуту усомнился въ правдивости слуховъ о бунтѣ. Мирная тишина была вокругъ, мирно пѣли свои вечернія пѣсни жаворонки, просто и спокойно пахло влажной землей и сладостью полевыхъ цвѣтовъ... Но вдругъ взглядъ его упалъ на пары возлѣ усадьбы, густо усаженные желтымъ донникомъ: на парахъ пасся мужицкій табунъ! Началось, значитъ! И, передернувъ вожжи, Тихонъ Ильичъ пролетѣлъ мимо табуна, мимо риги, заросшей лопухами и крапивой, мимо низкорослаго вишневаго сада, полного воробьями, мимо конюшни и людской избы и вскочилъ во дворъ...

А потомъ творилось что-то несуразное: въ сумеркахъ, замирая отъ злобы, обиды и страха, Тихонъ Ильичъ сидѣлъ въ полѣ на бѣгункахъ. Сердце его колотилось, руки дрожали, лицо горѣло, слухъ былъ чутокъ, какъ у звѣря. Онъ сидѣлъ, слушалъ крики, доносившіеся изъ Дурновки, и вспоминалъ, какъ толпа, показавшаяся огромной, повалила, завидя его, черезъ оврагъ къ усадьбѣ, наполнила дворъ галдой и бранью, сгрудилась у крыльца и прижала его къ двери. Въ рукахъ у него былъ только кнутъ. И онъ махалъ имъ, то отступая, то отчаянно кидаясь въ толпу. Но еще шире и смѣлѣе махалъ палкой наступавшій шорникъ, — злой, поджарый, съ провалившимся животомъ, востроносый, въ сапогахъ и лилово-ситцевой рубахѣ. Онъ отъ лица всей толпы, — дико было видѣть въ ней Николку Сѣраго, самаго нищаго мужичонку во всей Дурновкѣ, Чугунка, Якова! — оралъ, что вышло распоряженіе „пошабашить это дѣло“ — пошабашить въ одинъ и тотъ же день и часъ по всей губерніи: согнать изъ всѣхъ экономій постороннихъ батраковъ, заступить на ихъ работу мѣстнымъ, — по цѣлковому на день! — а хозяевъ турить въ

три шеи, куда ихъ глаза глядятъ. И Тихонъ Ильичъ оралъ еще неистовѣе, стараясь заглушить шорника:

— А-а! Вотъ какъ! Навострился, бродяга, у дьяконова сына? Насобачился?

И шорникъ цѣпко, на лету ловилъ его слова.

— Ты бродяга-то! — до сипоты вопилъ онъ, наливаясь кровью. — Ты, дуракъ, сѣдой! Ай я безъ дьяконова-то сына не жилъ? Ай я не знаю, сколько земли-то у тебя? Сколько, кошкодеръ? Двѣсти? А у меня—чортъ!—у меня ее и всей-то съ твое крыльцо! А почему? Кто ты такой? Кто ты такой есть, спрашиваю я тебя? Изъ какихъ такихъ квасовъ?

— Ну, помни-и, Митька! — крикнулъ наконецъ Тихонъ Ильичъ беспомощно и, чувствуя, что голова его мутится, кинулся сквозь толпу къ бѣгункамъ.—Помни ты это себѣ!

Но никто не боялся угрозъ — и дружный гоготъ, ревъ и свистъ понеслись ему вослѣдъ... А потомъ онъ колесилъ вокругъ усадьбы, замиралъ, слушалъ. Онъ выѣзжалъ на дорогу, на перекрестокъ и становился лицомъ къ зарѣ, къ станціи, готовый каждую минуту ударить по лошади. Было очень тихо, тепло, сыро и темно. Земля, поднимаясь къ горизонту, гдѣ еще тлѣлъ красноватый слабый свѣтъ, была черна, какъ пропасть.

— С-стой, стерва!—сквозь зубы шепталъ Тихонъ Ильичъ шевелившейся лошади.—Сто-ой!

А издали доносились то крики, то пѣсни. И изо всѣхъ голосовъ выдѣлялся голосъ Ваньки Краснаго, уже два раза побывавшаго на Донецкихъ шахтахъ... А потомъ надъ усадьбой вдругъ поднялся дымно-огненный столбъ: мужики отрясли въ саду всю завязь, зажгли шалашъ — и пистолетъ, забытый въ шалашѣ сбѣжавшимъ мѣщаниномъ-садовникомъ, сталъ палить изъ огня...

Впослѣдствіи узнали, что, и правда, совершилось чудо: въ одинъ и тотъ же день взбунтовались мужики чуть не по всему уѣзду. И гостиницы города долго были переполнены помѣщиками, искавшими защиты у властей. Но впослѣдствіи Тихонъ Ильичъ съ великимъ стыдомъ вспоминалъ, что искалъ и онъ ея: со стыдомъ потому, что весь бунтъ кончился тѣмъ, что поорали дурновцы, побезобразничали, да и смолкли. Шорникъ вскорѣ, какъ ни въ чемъ не бывало, опять сталъ появляться въ лавкѣ на Ворглѣ и почтительно снимать шапку на порогѣ, точно не замѣчая, что Тихонъ Ильичъ въ лицѣ темнѣетъ при его появленіи. Однако еще ходили слухи, что собираются дурновцы убить Тихона Ильича. И онъ побаивался запаздывать на пути изъ Дурновки, ощупывалъ въ карманѣ буль-

догъ, надоѣдливо оттягивавшій карманъ шароваръ, давалъ себѣ клятву сжечь до тла Дурновку въ одну прекрасную ночь... отравить воду въ дурновскихъ прудахъ... Потомъ прекратились и слухи. Но Тихонъ Ильичъ сталъ твердо подумывать развязаться съ Дурновкой. „Не тѣ деньги, что у бабушки, а тѣ, что въ пазушкѣ!“ Да и посмѣлѣли мужики въ обращеніи, появилась у нихъ какая-то загадочная освѣдомленность...

— Да ты въ газетахъ это, что ли, читалъ? — спросилъ разъ Тихонъ Ильичъ заика Кобыляя, прославившагося тѣмъ, что его однажды „поймали“ въ табунѣ.

— Въ ггазетахъ?—удивился Кобыляй.—А кто ихъ ннамъ ддавалъ?

И правда: никто не давалъ. Но знали дурновцы прямо-таки „всю подноготную“, и ужъ по одному этому глупо было поручать надзоръ и веденіе дѣлъ въ усадьбѣ работникамъ изъ дурновцевъ... Да и старостой-то былъ Родька.

Въ этотъ годъ,—самый тревожный изъ всѣхъ послѣднихъ,—Тихону Ильичу сровнялось уже пятьдесятъ. Но мечта стать отцомъ не покидала его. И вотъ она-то и столкнула его съ Родькой.

Родька, долговязый, хмурый малый изъ Ульяновки, пошелъ назадъ тому два года во дворъ къ брату Якова, Ѳедоту; женился, схоронилъ Ѳедота, умершаго съ перепоя на свадьбѣ, и отбылъ въ солдаты. А молодая,—стройная, съ очень бѣлой, нѣжной кожей, съ тонкимъ румянцемъ, съ вѣчно опущенными рѣсницами,—стала работать въ усадьбѣ, на поденщинѣ. И эти рѣсницы волновали Тихона Ильича страшно. Носятъ дурновскія бабы „рога“ на головѣ: какъ только изъ-подъ вѣнца, косы кладутся на макушкѣ, покрываются платкомъ и образуютъ нѣчто дикое, коровье. Носятъ старинныя темно-лиловыя паневы съ позументомъ, бѣлый передникъ въ родѣ сарафана и лапти. Но Молодая,—за ней такъ и осталась эта кличка,—была и въ этомъ нарядѣ хороша. И однажды вечеромъ, въ темной ригѣ, гдѣ Молодая одна дометала колосья, Тихонъ Ильичъ, оглянувшись, быстро подошелъ къ ней и быстро сказалъ:

— Въ полсапожкахъ ходить будешь, въ платкахъ шелковыхъ... Четвертного не пожалѣю!

Но Молодая молчала, какъ убитая.

— Слышишь, что ли? — шопотомъ крикнулъ Тихонъ Ильичъ.

Но Молодая точно окаменѣла, склонивъ голову и кидая граблями.

И такъ онъ и не добился ничего. Какъ вдругъ явился Родька: раньше срока, кривой. Было это, вскорѣ послѣ бунта дурновцевъ, и Тихонъ Ильичъ тотчасъ же нанялъ Родьку вмѣстѣ съ женой въ дурновскую усадьбу, ссылаясь на то, что „безъ солдата теперь не обойдешься“. Подъ Ильинъ день Родька уѣхалъ въ городъ, а Молодая мыла полы въ домѣ. Шагая черезъ лужи, Тихонъ Ильичъ вошелъ въ комнату, глянулъ на склонившуюся къ полу Молодую, на ея бѣлыя икры, забрызганныя грязной водой, на все ея раздавленное и пополнѣвшее тѣло... И вдругъ щелкнулъ ключомъ въ двери и, какъ-то особенно ловко владея своей силой и желаніемъ, шатнулъ къ Молодой. Она быстро выпрямилась, подняла возбужденное, покраснѣвшее лицо и, держа въ рукѣ мокрую ветошку, странно крикнула:

— Такъ и смажу тебя, малый!

Пахло горячими помоями, горячимъ тѣломъ, потомъ... И, схвативъ руку Молодой, звѣрски стиснувъ ее, тряхнувъ и выбивъ ветошку, Тихонъ Ильичъ правой рукой поймалъ Молодую за талію, прижалъ къ себѣ, да такъ, что хрустнули кости,—и понесъ въ другую комнату, гдѣ была постель. И, откинувъ голову, расширивъ глаза, Молодая уже не билась, не противилась...

Стало послѣ этого мучительно видѣть жену, Родьку, знать, что онъ спитъ съ Молодой, что онъ свирѣпо бьетъ ее—ежедневно и еженощно. А вскорѣ стало и жутко. Неисповѣдимы пути, по которымъ доходить до правды ревнивый человѣкъ. И Родька дошелъ. Худой, кривой, длиннорукій и сильный, какъ обезьяна, съ маленькой, коротко стриженной черной головой, которую онъ всегда гнулъ, глядя глубоко запавшимъ блестящимъ глазомъ исподлобья, онъ сталъ страшенъ. Въ солдатахъ онъ нахватался хохлацкихъ словъ и удареній. И если Молодая осмѣливалась возражать ему на его краткія, жесткія рѣчи, онъ спокойно бралъ ременный кнутъ, подходилъ къ ней съ злой усмѣшкой и, сквозь зубы, спокойно спрашивалъ:

— Вы что говорите?

И такъ вытягивалъ ее, что у нея въ глазахъ темнѣло.

Разъ наткнулся на эту расправу самъ Тихонъ Ильичъ и, не выдержавъ, крикнулъ:

— Что ты дѣлаешь, мерзавецъ ты этакій?

Но Родька спокойно сѣлъ на лавку и только глянулъ на него:

— Вы что говорите?—спросилъ онъ.

И Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ хлопнуть дверью...

Стали мелькать уже дикія мысли: отравить жену,—напримѣръ, утаромъ,—подстроить такъ, чтобы Родьку гдѣ-нибудь придавило крышей или землей... Но прошелъ мѣсяцъ, прошелъ другой,—и надежда, та надежда, которая и опьянила-то этими мыслями, жестоко обманула: Молодая не забеременѣла! Всѣ въ Дурновкѣ были убѣждены, что виноватъ въ ея безплодіи Родька. Былъ убѣжденъ въ этомъ и Тихонъ Ильичъ—и надѣялся крѣпко. Но однажды въ серединѣ сентября, неожиданно явившись въ усадьбу, когда Родька былъ на станціи, Тихонъ Ильичъ такъ и ахнулъ, глянувъ на перекосившееся отъ испуга женственно-прекрасное лицо Молодой.

— Ай опять готова?—крикнулъ онъ, взбѣгая на крыльцо.

И у Молодой побѣлѣли губы, восковымъ сталъ носъ, до столбняка почернѣли и расширились глаза. Она ожидала смертельнаго удара въ голову и невольно откинула ее. Но Тихонъ Ильичъ сдержался—онъ только одинъ разъ ударилъ ее по щекѣ да простоналъ отъ боли и бѣшенства.

Черезъ минуту онъ уѣхалъ обратно — и съ тѣхъ поръ Родькѣ не было повода ревновать. И, почувствовавъ это, Родька сталъ робѣть Тихона Ильича. А у того таилось теперь лишь одно желаніе: прогнать его съ глазъ долой да поскорѣе... Но кѣмъ было замѣнить его?

Съ дурновцами Тихонъ Ильичъ держался еще на чеку. Станового, урядника зазывалъ въ гости, подпаивалъ. А какая была отъ нихъ польза? Урядникъ Орловъ только и дѣлалъ, заѣхавъ, что пилъ,—„за здоровье глубокоуважаемой Анастасіи Петровны!“ — закусывалъ, форсилъ своимъ свободомысліемъ, очень развязно критикуя „примѣръ-министра“ и не давая хозяину и двухъ словъ сказать о своихъ дѣлахъ. А, ночуя, спалъ себѣ до десяти часовъ, да еще одѣвался хозяйской чуйкой, выставляя изъ-подъ нея грязныя худыя ноги съ длинными, какъ у собаки, ногтями...

Выручилъ случай. Неожиданно Тихонъ Ильичъ помирился съ братомъ и уговорилъ его взять на себя управленіе Дурповкой.

Узналъ онъ отъ знакомаго въ городѣ, что Кузьма бросилъ пить, долго служилъ конторщикомъ у помѣщика Касаткина и, что всего удивительнѣе, — сталъ „авторомъ“. Да, напечатали будто бы цѣлую книжку его стиховъ и на оборотѣ обозначили: „складъ у автора“.

— Та-акъ-съ!—протянулъ Тихонъ Ильичъ, услыхавши это.— Онъ Кузьма, а ничего! И что же, позвольте спросить, такъ и напечатали: сочиненіе Кузьмы Красова?

— Все честь честью;—отвѣтилъ знакомый, твердо вѣрившій,

впрочемъ,—какъ и многіе въ городѣ,—что стихи свои Кузьма „сдираетъ“ изъ книгъ, изъ журналовъ.

Тогда Тихонъ Ильичъ, не сходя съ мѣста, за столомъ въ трактирѣ Даева, написалъ брату твердую и краткую записку: пора старикамъ помириться, покаяться. Въ трактирѣ же произошло и примиреніе—почти безмолвное и быстрое. А на другой день и дѣловой разговоръ.

Было утро, въ трактирѣ еще пусто. Солнце свѣтило въ запыленные окна, озаряло столики, крытые сыроватыми красными скатертями, темный, только-что вымытый отрубями полъ, пахнуцій конюшней, половыхъ въ бѣлыхъ рубашкахъ и бѣлыхъ штанахъ. Въ клѣткѣ на всѣ лады, какъ не живая, какъ заведенная, заливалась канарейка. Рядомъ, у Михаила Архангела, звонили къ обѣднѣ, и важный густой звонъ сотрясалъ стекла, дрожа, гудѣлъ надъ головой. Тихонъ Ильичъ, съ нервнымъ и серьезнымъ лицомъ, сѣлъ за столъ, потребовалъ сперва только пару чаю, но не утерпѣлъ и взялся за карточку, — новость, смѣшившую всѣхъ посѣтителей Даева. На карточкѣ было напечатано: „Графинчикъ водки съ закуской — 25 к. Съ приличной закуской — 40 к.“. И Тихонъ Ильичъ потребовалъ графинчикъ за сорокъ копеекъ; съ жадностью выпилъ двѣ рюмки и уже хотѣлъ выпить третью, какъ надъ его ухомъ раздался давно знакомый голосъ:

— Ну, еще здравствуй.

Одѣвался Кузьма такъ же, какъ братъ. Былъ онъ ниже его ростомъ, костистѣе, суше, въ плечахъ чуть шире. Было у него большое, худое, слегка скуластое лицо умнаго старика-лавочника изъ мужиковъ, насупленные сѣрыя брови, небольшіе зеленоватые глаза. Началъ онъ не просто:

— Спервоначалу изложу я тебѣ, Тихонъ Ильичъ,—началъ онъ, какъ только Тихонъ Ильичъ налилъ ему чаю,—изложу тебѣ, кто я такой, чтобъ ты зналъ...—Онъ усмѣхнулся:—съ кѣмъ ты связываешься...

И у него была манера отчеканивать слоги, поднимать брови, разстегивать и застегивать при разговорѣ пиджакъ на верхнюю пуговицу. И, застегнувшись, онъ продолжалъ:

— Я, видишь ли,—анархистъ...

Тихонъ Ильичъ вскинулъ бровями.

— Не бойся. Политикой я не занимаюсь. А думать никому не закажешь. И вреда тебѣ тутъ—никакого. Буду хозяйствовать исправно, но, прямо говорю, — драть шкуръ не буду.

— Да и времена не тѣ,—вздохнулъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, времена-то все тѣ же. Можно еще,—драть-то. Да

нѣтъ, не годится. Буду хозяйствовать, свободное же время отдамъ саморазвитію... Читенію, то-есть.

— Охъ, имѣй въ виду: зачитаешься — въ карманѣ не досчитаешься!—сказалъ, тряхнувъ головой и дернувъ кончикомъ губы, Тихонъ Ильичъ.—Да, пожалуй, и не наше это дѣло.

— Ну, я такъ не думаю,—возразилъ Кузьма.—Я, братъ,—какъ бы это тебѣ сказать?—странный русскій типъ!

— Я и самъ русскій человѣкъ, имѣй въ виду,—вставилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да иной. Не хочу сказать, что я лучше тебя, но—иной. Ты вотъ, вижу, гордишься, что ты русскій, а я, братъ, охъ, далеко не славянофилъ! Много баять не подобаетъ, но скажу одно: не хвалитесь вы, за ради Бога, что вы—русскіе! Дикій мы народъ, сонный, расхлябистый. Ни Богу свѣча ни чорту кочерга... Да мы еще потолкуемъ объ этомъ впослѣдствіи времени.

Тихонъ Ильичъ, нахмуриваясь, побарабанилъ пальцами по столу.

— Это-то, пожалуй, правильно,—сказалъ онъ и медленно налилъ рюмку.—Дикій народъ.

— Ну, вотъ то-то и есть. Я, могу сказать, довольно-таки пошатался по свѣту,—ну и чтò жъ?—прямо нигдѣ не видалъ скучнѣе и лѣнивѣе типовъ. А кто и не лѣнивъ,—покосился Кузьма на брата,—такъ и въ томъ толку нѣтъ. Рветъ, гандобить себѣ гнѣздо, а толку чтò?

— Какъ же такъ—толку чтò?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Да такъ. Вить его, гнѣздо-то, тоже надо со смысломъ. Совѣю, молъ, да и поживу по-человѣчески. Вотъ этимъ-то да вотъ этимъ-то.

И Кузьма постучалъ себя пальцемъ въ грудь и въ лобъ.

Тихонъ Ильичъ налилъ себѣ второй стаканъ чаю. Кузьма, надѣвъ серебряное пенснэ, хлебалъ съ блюдечка горячую янтарную водицу, а онъ пристально поглядѣлъ на него блестящими глазами и, что-то соображая, сказалъ:

— Намъ, братъ, видно, не до этого. „Поживи-ка у деревни, похлебай-ка сѣрыхъ щей, поноси худыхъ лаптей!“

— Лаптей!—ѣдко отозвался Кузьма.—Вторую тыщу лѣтъ, братъ, таскаемъ ихъ, будь они трижды прокляты! Вторую тыщу живемъ, губы растрепавши. На чорта воду возимъ. А кто виновать? На это такъ скажу: пора бы и постыдиться все на сосѣда да на сосѣда вину валить! Татары, видишь ли, задавили! Мы, видишь ли, народъ молодой! Да вѣдь авось и тамъ-то, въ Европѣ-то, тоже давили не мало — монголы-то всякіе. Авось и германцы-то не старше... Ну, да это разговоръ особый!

— Вѣрно!—сказалъ Тихонъ Ильичъ.—Давай-ка лучше объ дѣлѣ поговоримъ.

Кузьма опрокинулъ пустой стаканъ на блюдечко, закурилъ и сталъ договаривать:

— Въ церковь я не хожу...

— Значить, ты молоканъ? — спросилъ Тихонъ Ильичъ и подумалъ:—„Пропалъ я! Видно, надо развязываться съ Дурновкой!“

— Въ родѣ молокана,—усмѣхнулся Кузьма. — Да а ты-то ходишь? Кабы не страхъ да не нуждишка,—и совсѣмъ забылъ бы.

— Ну, это не я первый, не я послѣдній,—возразилъ Тихонъ Ильичъ, опять нахмуриваясь.—Всѣ грѣшны. Да вѣдь сказано: за одинъ вздохъ все прощается.

Кузьма покачалъ головою.

— Говоришь привычное! — сказалъ онъ строго. — А ты остановись да подумай: какъ же это такъ? Жилъ-жилъ свиньей всю жизнь, вздохнулъ — и все какъ рукой сняло! Есть тутъ смыслъ, ай нѣтъ?

Разговоръ становился тяжелымъ. „Правильно и это“, — подумалъ Тихонъ Ильичъ, глядя въ столъ блестящими глазами. Но, какъ всегда, хотѣлось уклониться отъ думъ и разговора о Богѣ, о жизни, и онъ сказалъ первое, что подвернулось на языкъ:

— И радъ бы въ рай, да грѣхи не пускаютъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ! — подхватилъ Кузьма, стуча ногтемъ по столу.—Самое что ни на есть любимое наше, самая погибельная наша черта: слово—одно, а дѣло — другое! Русская, братъ, музыка: жить по-свинячьи скверно, а все-таки живу и буду жить по-свинячьи!.. Типъ, братъ, ты! Типъ!.. Ну, а теперь говори дѣло...

Звонъ смолкъ, канарейка стихла. Въ трактиръ набирался народъ, за столиками разрастался говоръ. Половой открылъ одно окно,—послышался говоръ и съ базара. Гдѣ-то въ лавкѣ удивительно четко и звонко билъ перецель. И пока шелъ дѣловой разговоръ, Кузьма все прислушивался къ нему и порою вполголоса подхватывалъ: „Ловко!“. А договорившись, хлопнулъ по столу ладонью, энергично сказалъ:

— Ну, значить, такъ,—не стать перетакивать!—и, запустивъ руку въ боковой карманъ пиджака, вынулъ цѣлую кипу бумагъ и бумажекъ, нашелъ среди нихъ въ мраморно-сѣрой обложкѣ книжечку и положилъ ее передъ братомъ.

— Вотъ!—сказалъ онъ.—Уступаю твоей просьбѣ да своей слабости. Книжонка плохая, стихи необдуманные, давнишніе... Но дѣлать нечего. На, бери и прячь.

И опять Тихона Ильича, уже сильно раскраснѣвшагося отъ водки, взволновало сознаніе, что братъ его — авторъ, что на этой мраморно-сѣрой обложкѣ напечатано: „Стихотворенія К. И. Красова“. Онъ повертѣлъ книжку въ рукахъ и не смѣло сказалъ:

— А то бы прочиталъ что-нибудь... А? Ужъ сдѣлай милость, прочти стишка три-четыре!

И, опустивъ голову, слегка волнуясь, далеко отставивъ отъ себя книжку и строго глядя на нее сквозь стекла, Кузьма сталъ читать то, что обычно читаютъ самоучки: подражанія Кольцову, Никитину, жалобы на судьбу и нужду, вызовы заходящей тучѣ-непогодѣ... Вѣрно, и самъ чувствовалъ онъ, что старо все это и фальшиво. Но за чужой, фальшивой формой была правда, — то, что когда-то сильно и остро переживалось, — и на худыхъ скулахъ выступали розовыя пятна, голосъ порою дрожалъ. Блестѣли глаза и у Тихона Ильича. Не важно было, хороши или дурны стихи, — важно то, что сочинилъ ихъ его родной братъ, бѣднякъ, простой человѣкъ, отъ котораго пахло махоркой и старыми сапогами...

— А у насъ, Кузьма Ильичъ, — сказалъ онъ, когда Кузьма смолкъ и, снявъ пенснэ, потушился: — а у насъ одна пѣсня...

И неприятно, горько дернулъ губою:

— У насъ одна пѣсня: почему щетина?

Водворивъ брата въ Дурновкѣ, онъ однако принялся за эту пѣсню еще охотнѣе, чѣмъ прежде. Передъ тѣмъ, какъ сдать брату на руки Дурновку, онъ придрался къ Родькѣ изъ-за новыхъ гужей, съѣденныхъ собаками, и отказалъ ему. Родька дерзко усмѣхнулся въ отвѣтъ и спокойно пошелъ въ избу собирать свое добро. Молодая выслушала отказъ тоже какъ будто спокойно, — она, разойдясь съ Тихономъ Ильичомъ, опять взяла манеру молчать и не глядѣть ему въ глаза. Но черезъ полчаса, уже собравшись, Родька пришелъ вмѣстѣ съ ней просить прощенія. Молодая стояла на порогѣ, блѣдная, съ опухшими отъ слезъ вѣками, и молчала; Родька гнулъ голову, мять картузь и тоже пытался плакать, — противно гримасничалъ, а Тихонъ Ильичъ сидѣлъ за столомъ, косилъ бровями и, мотая головою, щелкалъ на счетахъ. Всѣ трое не могли поднять глазъ, — особенно Молодая, чувствовавшая себя виноватой больше всѣхъ, — и мольбы остались тщетны: смилостивился Тихонъ Ильичъ только въ одномъ — не вычелъ за гужи.

Теперь онъ былъ твердъ. Отдѣлываясь отъ Родьки и передавая дѣла брату, онъ чувствовалъ себя бодро, ладно. „Ненадеженъ братъ, пустой, кажись, человѣкъ, ну, да куда

сойдетъ!“ И, возвратясь на Ворголь, безъ устали хлопоталъ весь октябрь. Настасья Петровна все прихварывала — у нея пухли и желтели ноги, руки, лицо, — и Тихонъ Ильичъ уже подумывалъ порою о ея смерти и все снисходительнѣе относился къ ея слабости, къ ея безполезности въ дѣлахъ по дому и въ лавкѣ. И, какъ бы въ ладъ съ его настроеніемъ, весь октябрь стояла чудесная погода. Но вдругъ она переломилась, — смѣнилась бурей, ливнями, а въ Дурновкѣ случилось нѣчто совершенно неожиданное.

Родька работалъ въ октябрѣ на линіи чугунки, а Молодая безъ дѣла жила дома, терпѣла попреки матери, только изрѣдка зарабатывала пятиалтынный, двугривенный въ саду при усадьбѣ. Но вела себя странно: дома молчала, плакала, а въ саду была рѣзко-весела, хохотала, пѣла пѣсни съ Донькой Козой, очень глупой и красивой дѣвкой, похожей на египтянку. Коза жила съ мѣщаниномъ, снимавшимъ садъ, а Молодая, почему-то подружившаяся съ ней, вызывающе поглядывала на его брата, нахальнаго мальчишку, и, поглядывая, намекала въ пѣсняхъ, что она по комъ-то сохнетъ. Было ли у нея съ нимъ что-нибудь, неизвѣстно, но только кончилось все это большой бѣдой: уѣзжая подъ Казанскую въ городъ, мѣщане устроили у себя въ шалашѣ „вечерокъ“, — пригласили Козу и Молодую, всю ночь играли на двухъ ливенкахъ, распѣвали пѣсни, кормили подругъ жамками, поили чаемъ и водкой, а на разсвѣтъ, когда уже запрягли телѣгу, внезапно, съ хохотомъ, повалили пьяную Молодую на-земь, связали ей руки, подняли юбки, собрали ихъ въ жгутъ надъ головою и стали закручивать веревкой. Коза кинулась бѣжать, забилась со страху въ мокрые бурьяны, а когда выглянула изъ нихъ, — послѣ того, какъ телѣга съ мѣщанами шибко покатила вонъ изъ сада, — то увидѣла, что Молодая, по поясъ голая, виситъ на деревѣ. Былъ печальный туманный разсвѣтъ, по саду шепталъ мелкій дождикъ, Коза плакала въ три ручья, зубъ на зубъ не поцаладала, развязывая Молодую, клялась отцомъ-матерью, что скорѣе ее, Козу, громомъ убьетъ, чѣмъ узнаютъ на деревнѣ, что случилось въ саду... Но не сровнялось и недѣли, какъ пошли по Дурновкѣ слухи о позорѣ Молодой.

Провѣрить эти слухи, было, конечно, невозможно: „видѣтъ — никто не видалъ, ну, а Коза-то и сбредить недорого возьметъ“. Да и сама Молодая, постарѣвшая за эту недѣлю лѣтъ на пять, отвѣчала на нихъ столь наглою бранью, что даже мать пугалась ея лица въ такія минуты. Однако разговоры, вызванные слухами, не прекращались, и всѣ съ великимъ не-

терпѣніемъ ожидали прихода Родьки и его расправы съ женой. Волнуясь, — опять выбившись изъ колеи! — ожидалъ этой расправы и Тихонъ Ильичъ, узнавшій исторію въ саду отъ своихъ работниковъ: вѣдь исторія-то могла кончиться убійствомъ! Но кончилась она такъ, что еще неизвѣстно, что поразило бы Дурновку сильнѣе, — убійство или такой конецъ: въ ночь на Михайловъ день Родька, пришедшій домой „рубаху смѣнить“ и пальцемъ не тронувшій Молодую, умеръ „отъ живота“! На Ворглѣ стало извѣстно объ этомъ поздно вечеромъ, но Тихонъ Ильичъ тотчасъ же приказалъ запрячь лошадь и въ темнотѣ, подъ дождемъ понесся къ брату. И сгоряча, выпивъ за чаемъ бутылку наливки, въ страстныхъ выраженіяхъ, съ бѣгающими глазами, покаялся ему:

— Мой грѣхъ, братъ, мой грѣхъ!

Кузьма долго молчалъ, выслушавъ его, долго ходилъ по комнатѣ, перебирая пальцы, ломая ихъ и хрустя суставами. Наконецъ сказалъ:

— Вотъ ты и подумай: есть ли кто лютѣе нашего народа? Въ городѣ за воришкой, схватившимъ съ лотка лепешку грошовую, весь обжорный рядъ гонится, а нагонить—мыломъ его кормить. На пожаръ, на драку весь городъ бѣжитъ, да вѣдь какъ жалѣеть-то, что пожаръ али драка скоро кончились! Не мотай, не мотай головой-то: жалѣеть! А какъ наслаждаются, когда кто-нибудь жену бьетъ смертнымъ боемъ, али мальчишку деретъ, какъ сидорову кѣзу, али потѣшается надъ нимъ? Это-то ужъ самая что ни на есть веселая тема.

Тихонъ Ильичъ спросилъ:

— Да ты это къ чему?

— Къ празднику! — сердито отозвался Кузьма и продолжалъ:—Вотъ тутъ по Дурновкѣ дурочка Оеша шляется. Такъ ребята послѣднія трынки несутъ,—посадятъ ее на выгонѣ и давай лупить по стриженной головѣ щелчками: по трынкѣ десять щелчковъ! И по злобѣ, что ли, это? По злобѣ-то, по злобѣ, да по дурацкой какой-то, будь она проклята!.. Ну, вотъ такъ и съ Молодой.

— Имѣй въ виду, — горячо перебилъ Тихонъ Ильичъ:—охальниковъ и дураковъ всегда и вездѣ было много.

— Такъ. А ты самъ не привозилъ этого... ну, какъ его?..

— Мотю - Утиную - Головку, что ли? — спросилъ Тихонъ Ильичъ.

— Ну, вотъ, вотъ... Не привозилъ ты его къ себѣ на потѣху?

И Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: привозилъ. Разъ даже по чугункѣ доставили къ нему Мотю — въ бочкѣ сахарной. До

города рукой подать, начальство знакомое—ну, и доставили. А на бочкѣ написали: „Осторожно. Дуракъ битый“.

— И учать этихъ самыхъ дураковъ для потѣхи рукоблудству! — горько продолжалъ Кузьма. — Мажутъ бѣднымъ невѣстамъ ворота дегтемъ! Травятъ нищихъ собаками! Для забавы голубей сшибаютъ съ крышъ камнями! А ѣсть этихъ голубей, видите ли, — грѣхъ великій. Самъ Духъ Святой, видите ли, голубиный образъ принимаетъ!

Самоваръ давно остылъ, свѣчка оплыла, въ комнатѣ тускло синѣлъ дымъ, вся полоскательница полна была вонючими размокшими окурками. Вентиляторъ, — жестяная труба въ верхнемъ углу окна, — былъ открытъ, и порою въ немъ что-то начинало визжать, кружиться и скучно-скучно ныть — „какъ въ волостномъ правленіи“ — думалъ Тихонъ Ильичъ. Но накурено было такъ, что не помогли бы и десять вентиляторовъ. А по крышѣ шумѣлъ дождь, а Кузьма ходилъ, какъ маятникъ, изъ угла въ уголъ и говорилъ:

— Да-а, хороши, нечего сказать! Доброта неописанная! Исторію считаешь—волосы дыбомъ станутъ: братъ на брата, свать на свата, сынъ на отца, вѣроломство да убійство, убійство да вѣроломство... Былины — тоже одно удовольствіе: „распоролъ ему груди бѣлы“, „выпускалъ черёва на землю“... Илья, такъ тотъ своей собственной родной дочери „ступилъ на лѣву ногу и подернулъ за праву ногу“... А пѣсни? Все одно, все одно: мачеха—„лихая да алчная“, свекоръ — „лютый да придиричивый“, „сидитъ на палатѣ, ровно кобель на канатѣ“, свекровь опять-таки „лютая“, „сидитъ на печи, ровно сука на цѣпи“, золовки — непременно „псовки да кляузницы“, деверья — „злые насмѣшники“, мужъ — „либо дуракъ, либо пьяница“, ему „свекоръ-батюшка вялитъ жану бѣльнѣй бить, шкуру до пятъ спустить“, а невѣстуха этому самому батюшкѣ „полы мыла—въ щи вылила, порогъ скребла—пирогъ спекла“, къ муженьку же обращается съ такой рѣчью: „встань, постылый, пробудися, вотъ тебѣ помой—умойся, вотъ тебѣ онучи—утрися, вотъ тебѣ обрывокъ—удавися“... А прибаутки наши, Тихонъ Ильичъ! Можно ли выдумать грязнѣй и похабнѣе! А пословицы! „За битаго двухъ не битыхъ даютъ“... „Простота хуже воровства“...

— Значить, по-твоему, дуракомъ-то распоясаннымъ лучше жить?—насмѣшливо спросилъ Тихонъ Ильичъ.

И Кузьма радостно подхватилъ его слова:

— Ну, вотъ, вотъ! Нѣту во всемъ свѣтѣ голѣ насъ, да зато и нѣту охальнѣе на эту самую голь. Чѣмъ позлѣй уязвить? Бѣдностью! „Чортъ! Тебѣ лопать печего...“ Да вотъ

тебѣ примѣръ: Дениска... ну, этотъ... сынъ Сѣраго-то... сапожникъ... на-дняхъ и говорить мнѣ...

— Стой, — перебилъ Тихонъ Ильичъ: — а какъ поживаетъ самъ Сѣрый?

— Дениска говоритъ — „съ голоду околѣваетъ“.

— Стерва мужикъ! — сказалъ Тихонъ Ильичъ убѣжденно. — И ты мнѣ про него пѣсенъ не поѣ.

— Я и не пою, — сердито отвѣтилъ Кузьма. — А слѣдовало бы. Фамилія-то его вѣдь Красовъ... Ну, да это разговоръ особый... Слушай лучше про Дениску-то. Вотъ онъ и рассказываетъ мнѣ: „Бывало, въ голодный годъ, выйдемъ мы, подмастерья, подъ кладбище на Черной Слободѣ, а тамъ этихъ приститутоекъ — видимо-невидимо. И голодные, шкуры, преголодные! Дашь ей полхунта хлѣба за всю работу, а она и сожретъ его весь подъ тобой... То-то смѣху было!..“ Замѣть! — строго крикнулъ Кузьма, останавливаясь: — „То-то смѣху было!“.

— Да постой ты, Христа ради, — опять перебилъ Тихонъ Ильичъ: — дай мнѣ про дѣло-то слово сказать!

Кузьма остановился.

— Ну, говори, — сказалъ онъ. — Только что говорить-то? Какъ быть тебѣ? Да никакъ! Денегъ имъ дать — вотъ и вся недолга. Вѣдь ты подумай: топить нечѣмъ, ѣсть нечего, хоронить не на что! Значить, самое святое дѣло — денегъ дать... ну, и еще чего-нибудь: картошекъ, соломки возъ, другой... А Молодую — нанять. Ко мнѣ, въ кухарки...

И у Тихона Ильича сразу точно камень съ души свалился. Онъ торопливо вынулъ кошелекъ, выхватилъ десятирублевку, радостно согласился и на все прочее... И вдругъ опять страдальчески и скороговоркой спросилъ:

— А не отравила она его?

Но Кузьма только плечами пожалъ въ отвѣтъ.

Отравила, нѣтъ ли, объ этомъ страшно было и думать. И домой уѣхалъ Тихонъ Ильичъ чѣмъ свѣтъ, холоднымъ туманнымъ утромъ, когда еще пахло мокрыми гумнами и дымомъ, сонно пѣли пѣтухи на деревнѣ, скрытой туманомъ, спали собаки у крыльца, спала старая палевая индюшка, взгромоздясь на сукъ полуголой, расцвѣченной мертвыми осенними листьями яблони возлѣ дома. Въ полѣ въ двухъ шагахъ ничего не было видно за густой сѣрой мглой, гонимой вѣтромъ. Спать Тихону Ильичу не хотѣлось, но чувствовалъ онъ себя измученнымъ и, какъ всегда, шибко гналъ лошадь, большую гнѣдую кобылу съ подвязаннымъ хвостомъ, намокшую и казавшуюся худѣй, щеголеватѣй, чернѣе. Онъ отвернулся отъ вѣтра, поднялъ справа холодный и влажный воротникъ

чуйки, серебрившейся отъ мельчайшаго дождевого бисера, сплошь покрывшаго ее, глядѣль сквозь холодныя капельки, висѣвшія на рѣсницахъ, какъ все толще наворачивается липкій черноземъ на бѣгущее колесо, какъ стоитъ передъ нимъ и не проходитъ цѣлый фонтанъ высоко толкущихся комьевъ грязи, уже залѣпившихъ его сапоги и колѣни, косился на работающую ляжку лошади, на ея прижатые затуманенныя уши... А когда онъ, съ пестрымъ отъ грязи лицомъ, подлетѣлъ наконецъ къ дому, первое, что кинулось ему въ глаза, была лошадь Якова у коновязи. Быстро замотавъ вожжи на передокъ, онъ соскочилъ съ бѣгунковъ, подбѣжалъ къ отворенной двери лавки—и въ испугѣ остановился.

— Далдо-онъ!—говорила за стойкой Настасья Петровна, видимо, подражая ему, Тихону Ильичу, но больнымъ, ласковымъ голосомъ, и все ниже склонялась къ ящику съ деньгами, роясь въ гремящихъ мѣдякахъ и не находя въ темнотѣ монеты для сдачи.—Далдонъ! Гдѣ онъ нынче дешевле-то?

И, не найдя, разогнулась, поглядѣла на стоящаго передъ ней въ шапкѣ и армякѣ, но босого Якова, на его слегка приподнятое лицо и косую бороду неопредѣленнаго цвѣта и прибавила:

— А не отравила она его?

И Яковъ поспѣшно пробормоталъ:

— Не наша дѣло, Петровна... Чума ее знаетъ... Наша дѣло—сторона... Сторона, къ примѣру...

И весь день у Тихона Ильича дрожали руки при воспоминаніи объ этомъ бормотаньи. Всѣ, всѣ думаютъ, что отравила!

Къ счастью, тайна такъ и осталась тайной: Родьку причастили передъ смертью, Молодая голосила, провожая гробъ, такъ искренно, что была даже неприлична,—вѣдь эта голосьба должна быть не выраженіемъ чувствъ, а исполненіемъ обряда,—и мало-по-малу тревога Тихона Ильича улеглась. Но еще долго ходилъ онъ темнѣе тучи.

Хлопотъ было по горло,—какъ всегда,—а помощниковъ — нѣтъ. Отъ Настасьи Петровны помощи было мало. Въ батраки Тихонъ Ильичъ нанималъ только „полѣтчиковъ“—до осеннихъ заговѣнъ. И они уже разошлись. Остались только годовые,—кухарка, старикъ-караульщикъ, прозванный Жмыхомъ, да малый лѣтъ семнадцати, Оська, лѣнивый и злой, „олухъ царя небеснаго“. А сколько заботы требовала одна екотина! Овецъ рѣзали и солили, но двадцать штукъ зазимовало-таки. Въ закутѣ сидѣло шесть черныхъ, вѣчно угрюмыхъ и чѣмъ-то недовольныхъ кабановъ. На варкѣ стояло три коровы, бычокъ, красная телушка. На дворѣ — одиннадцать лошадей, а на

Стойлѣ — сивый жеребецъ, злой, тяжелый, гривастый, грудастый, — мужикъ, но рублей въ чѣтыреста: отецъ аттестатъ имѣлъ, полторы тысячи стоилъ. И все это требовало глаза да глаза. А въ свободныя минуты ѣла тоска, скука.

Настасья Петровна раздражала его однимъ своимъ видомъ, онъ все уговаривалъ ее поѣхать погостить къ знакомымъ въ городъ. И наконецъ она собралась и уѣхала. Но, когда уѣхала, стало какъ будто еще скучнѣй. Проводивъ ее, Тихонъ Ильичъ безцѣльно побрелъ въ поле. По шоссе проходилъ съ ружьемъ за плечами начальникъ почтоваго отдѣленія въ Ульяновкѣ, Сахаровъ, извѣстный своей страстью къ выпискѣ бесплатныхъ прейскурантовъ — ружейныхъ, сѣменныхъ, музыкальных — и такимъ свирѣпымъ обращеніемъ съ мужиками, что они говорили: „Подаешь письмо — руки-ноги трясутся!“. Тихонъ Ильичъ вышелъ къ нему подъ дорогу. Приподнявъ бровь, онъ глянулъ на почтаря и подумалъ:

„Дуракъ старикъ. Ишь, слоны слоняетъ по грязи“.

И дружелюбно крикнулъ:

— Съ полемъ, что ли, Антонъ Маркычъ?

Почтарь остановился. Тихонъ Ильичъ подошелъ и поздоровался.

— Съ полемъ, говорю, ай нѣтъ? — спросилъ онъ насмѣшливо.

— Ну, какое тамъ поле! — сумрачно отвѣтилъ почтарь, огромный, сутулый, съ густыми сѣрыми волосами, торчавшими изъ ушей и ноздрей, съ большими бровными дугами и глубоко запавшими глазами, — настоящая горилла. — Такъ, прошелся ради геморроя, — сказалъ онъ, особенно старательно выговаривая послѣднее слово.

— А имѣйте въ виду, — съ неожиданной горячностью отозвался Тихонъ Ильичъ, протягивая руку съ растопыренными пальцами: — имѣйте въ виду: совсѣмъ опустѣли наши палестины! Званія не осталось — что птицы, что звѣря-съ.

— Лѣса вездѣ вырубили, — сказалъ почтарь.

— Да еще какъ-съ! Какъ вырубили-то-съ! Подъ гребеночку! — подхватилъ Тихонъ Ильичъ.

И неожиданно прибавилъ:

— Линяетъ-съ! Все линяетъ-съ!

Почему сорвалось съ языка это слово, Тихонъ Ильичъ и самъ не зналъ, но чувствовалъ, что сказано оно все-таки не даромъ. „Все линяетъ, — думалъ онъ: — вотъ, какъ скотина послѣ долгой и трудной зимы“... И, простившись съ почтаремъ, долго стоялъ на шоссе, недовольно поглядывалъ кругомъ. Опять накрапывалъ дождь, дулъ непріятный мокрый вѣтеръ.

Надъ волнистыми полями—озимями, пашнями, жнивьями и коричневыми перелѣсками—темнѣло. Сумрачное небо все ниже спускалось къ землѣ. Оловомъ поблескивали залитыя дождемъ дороги. На станціи ждали почтоваго поѣзда на Москву, опаздывавшаго каждый день часа на полтора. Только по звонкамъ, гудкамъ, грохоту, запаху каменнаго угля и самоваровъ узнавали на дворѣ Тихона Ильича, что онъ приходитъ и уходитъ,—станцію загораживали постройки. Пахло и теперь самоваромъ, и это будило тоскливое желаніе уюта, теплой чистой комнаты, семьи, или отъѣзда куда-нибудь... Но вдругъ чувство это смѣнилось удивленіемъ: изъ голаго Ульяновскаго лѣса вышелъ и направился къ шоссе человѣкъ въ котелкѣ и одномъ пиджакѣ,—и, приглядѣвшись, Тихонъ Ильичъ узналъ Жихарева, давно спившагося съ круга сына богатаго помѣщика. Сердце непріятно сжалось. „Да все равно ужъ, — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ тоской:—лучше поболтать съ нимъ, дать, въ крайности, полтинникъ... Не стоить злить бродягу, злого человѣка“...

Однако Жихаревъ подошелъ на этотъ разъ довольно гордо, ежась, но закинувъ голову въ своемъ босяцкомъ котелкѣ и играя сжатыми челюстями—жуя мундштукъ давно потухшей и выкуренной папиросы. Лицо его было сизо отъ холода, припухло отъ пьянства, глаза красны, усы взъерошены. Поднявъ воротникъ наглухо застегнутаго пиджачка и засунувъ кончики пальцевъ въ карманы, онъ бодро шлепалъ по грязи растрепанными желтыми ботинками, торчавшими изъ-подъ короткихъ, съ вытянутыми колѣнками панталонъ.

А-а!—протянулъ онъ сквозь зубы, жуя окурокъ.—Кого я вижу! Самъ Тихонъ Ѳомичъ обзрѣваетъ свои владѣнія!

И хрипло засмѣялся.

— Здравствуйте-съ, Левъ Львовичъ, — степенно отозвался Тихонъ Ильичъ.—Поѣзда ждете?

— Да, жду и не дождусь никакъ! — пожалъ плечами Жихаревъ.—Ждалъ, ждалъ,—побрелъ отъ скуки къ лѣснику. Поболтали, покурили... Но ждать еще, вѣроятно, цѣлую вѣчность! Не встрѣтимся на станціи? Вы вѣдь, кажется, любите... за воротникъ-то заложить?

— Богъ миловалъ, — отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ прежнимъ тономъ.—Выпить отчего не выпить, да на все время надо знать.

— Толкуйте! — хрипло сказалъ Жихаревъ, довольно легко перепрыгнувъ лужу и гуляющимъ шагомъ пошелъ къ станціи.

Видъ у него былъ жалкій, и Тихонъ Ильичъ долго съ безгливостью смотрѣлъ на его панталончики, кулькомъ торчавшія изъ-подъ короткаго пиджачка.

Ночью опять лилъ дождь, темъ была, хоть глазъ выколи.

Спаль Тихонъ Ильичъ плохо, мучительно скрипѣлъ зубами. Его знобило, — вѣрно, простылъ, стоя вечеромъ на шоссе, — чуйка, которой онъ одѣлся, сползала на полъ, и тогда снилось то, что преслѣдовало съ самаго дѣтства, когда по ночамъ зябла спина: сумерки, какіе-то узкіе переулки, бѣгущая толпа, скачущіе на тяжелыхъ телѣгахъ, на злыхъ воронныхъ битюгахъ пожарные... Разъ онъ очнулся, зажегъ спичку, глянулъ на тикающіе часы, — они показывали три, — поднялъ чуйку и, засыная, опять съ тоской вспомнилъ о Жихаревѣ. И, сквозь сонъ, стала тревожить неотступная мысль: обворуютъ лавку, сведутъ лошадей...

Иногда казалось, что онъ на постояломъ дворѣ въ Данковѣ, что ночной дождь шумитъ по навѣсу воротъ и поминутно дергается, звонитъ колоколецъ надъ ними, — пріѣхали воры, привели въ эту непроглядную темь его жеребца и, если узнаютъ, что онъ тутъ, убьютъ его... Иногда же возвращалось сознаніе дѣйствительности. Но и дѣйствительность была тревожна. Старикъ ходилъ подъ окнами съ колотушкой, но то казалось, что онъ гдѣ-то далеко-далеко, то овчарка, захлебываясь, рвала кого-то, съ бурнымъ лаемъ убѣгала въ поле и вдругъ снова появлялась подъ окнами и будила, упорно брехала, стоя на одномъ мѣстѣ. Тогда Тихонъ Ильичъ собирался выйти, глянуть, — что такое, все ли въ порядкѣ. Но какъ только доходило до того, чтобы рѣшиться, встать, какъ гуще и чаще начиналъ стрекотать въ темныя окошечки крупный косой дождь, гонимый вѣтромъ изъ темныхъ безпредѣльных полей, и милый отца-матери казался сонъ...

Наконецъ стукнула дверь, понесло сырымъ холодомъ, — и караульщикъ, Жмыхъ, шурша, втащилъ въ прихожую вязанку соломы. Тихонъ Ильичъ открылъ глаза: было¹ шесть, мутно, водянисто свѣтало, окошечки были потные.

— Протопи, протопи, братуша, — сказалъ Тихонъ Ильичъ сильнымъ со сна голосомъ. — Да пойдѣмъ кормочку дадимъ, да и иди себѣ спать.

Старикъ, похудѣвшій за ночь, весь синій отъ холода, сырости и усталости, глянулъ на него провалившимися мертвыми глазами. Въ мокрой шапкѣ, въ мокромъ короткомъ чекменишкѣ и растрепанныхъ лаптяхъ, насыщенныхъ водой и грязью, онъ что-то глухо заворчалъ, съ трудомъ становясь на колѣни передъ печкой, набивая ее холодной пахучей старновкой и вздувая сѣрникъ.

— Ай языкъ-то корова отжевала? — силно крикнулъ Тихонъ Ильичъ, слѣзая съ постели и поднимая съ полу чуйку. — Что подъ носъ-то бубнишь?

— Цѣльную ночь шатался, теперь—кормочку давай,—пробормоталъ старикъ, не поднимая головы, какъ бы самъ съ собою.

Тихонъ Ильичъ покосился на него:

— Видѣлъ я, какъ ты шатался!

Онъ чувствовалъ себя разбитымъ, но все-таки надѣлъ поддевку и, пересиливая мелкую дрожь въ животѣ, вышелъ на истоптанное собаками крылечко, на ледяную свѣжесть блѣднаго ненастного утра. Всюду налило свинцовыхъ лужъ, всѣ стѣны потемнѣли отъ дождя...

„Работнички!“—подумалъ онъ злобно.

Чуть моросило, но, вѣрно, къ обѣду опять польетъ, подумалъ онъ. И съ удивленіемъ глянулъ на лохматаго Буяна, кинувшагося къ нему изъ-подъ амбара: лапы въ грязи, но самъ—какъ кипень, глаза блестятъ, языкъ свѣжъ и красенъ, какъ огонь, здоровое горячее дыханіе такъ и пышетъ псиной... И это послѣ цѣлой ночи бѣготни и лая!

Онъ взялъ Буяна за ошейникъ и, шлепая по грязи, обошелъ, оглядѣвъ всѣ замки. Потомъ привязалъ его на цѣпь подъ амбаромъ, вернулся въ сѣни и заглянулъ въ большую кухню, въ избу. Въ избѣ противно и тепло воняло; кухарка спала на голомъ коникѣ, подъ святыми, закрывъ лицо фартукомъ, выставивъ кострець и подогнувъ къ животу ноги въ старыхъ большихъ валенкахъ съ толсто натоптаннами по земляному полу подошвами; Оська лежалъ на нарахъ, внизъ лицомъ, въ полушубкѣ, въ лаптяхъ, уткнувъ голову въ сальную тяжелую подушку.

„Связался чортъ съ младенцемъ! — подумалъ Тихонъ Ильичъ съ отвращеніемъ. — Ишь, всю ночь распутничала, а подъ утро—на лавочку“.

И, оглянувъ черныя стѣны, маленькія окошечки, лохань съ помоями, громадную плечистую печь, громко и строго крикнулъ:

— Эй! Господа-бояре! Пора и честь знать!

Пока кухарка, почесываясь и зѣвая, затапливала печку, варила кабанамъ картошки и раздувала самоваръ, Оська, безъ шалки, спотыкаясь отъ дремоты, таскалъ хоботье лошадямъ и коровамъ. Тихонъ Ильичъ самъ отперъ скрипучія ворота варка и первый вошелъ въ его теплый и грязный уютъ, обнесенный навѣсами, денниками и закутами. Выше щиколки былъ унавоженъ варокъ. Навозъ, моча, дождь—все слилось и образовало густую коричневую жижу. Лошади, уже темнѣя бархатной зимней шерстью, бродили подъ навѣсами. Овцы грязно-сѣрой волнующейся массой сбились въ одинъ уголь. Старый бурый меринъ одиноко дремалъ возлѣ пустыхъ яслей, измазанныхъ тѣстомъ. Съ непривѣтливаго ненастного неба

надъ квадратомъ двора моросило и моросило, но меринъ ничего не замѣчалъ. Кабаны болѣзненно, настойчиво ныли и урчали въ закутѣ.

„Скука!“ — подумалъ Тихонъ Ильичъ и тотчасъ же свирѣпо гаркнулъ на старика, тащившаго вязанку старновки:

— Куда въ грязь-то валишь, старая трандà?

Старикъ бросилъ старновку на-земь, поглядѣлъ на него и вдругъ спокойно сказалъ:

— Отъ транды слышу.

Тихонъ Ильичъ быстро оглянулся, — вышелъ ли малый, — и, убѣдившись, что вышелъ, быстро и тоже какъ будто спокойно подошелъ къ старику, далъ ему въ зубы, да такъ, что тотъ головой мотнулъ, схватилъ его за шиворотъ и изо всей силы пустилъ къ воротамъ.

— Вонъ! — крикнулъ онъ, задохнувшись и поблѣднѣвъ, какъ мѣлъ. — Чтобъ твоего и духу здѣсь не пахло больше, рвань ты этакая!

Старикъ вылетѣлъ за ворота — и черезъ пять минутъ, съ мѣшкомъ за плечами и съ палкой въ рукѣ, уже шагаль по шоссе, къ Ульяновкѣ, домой. А Тихонъ Ильичъ трясущимися руками напоилъ жеребца, самъ засыпаль ему свѣжаго овса, — вчерашній онъ только перерылъ, переслюнявилъ, — и, широко шагая, утопая въ жиждѣ и навозѣ, пошелъ въ избу.

— Готово, что ли? — гаркнулъ онъ, пріотворивъ дверь.

— Поспѣешь! — огрызнулась кухарка.

Избу застилало теплымъ прѣснымъ паромъ, валившимъ изъ чугуна, отъ картошекъ. Кухарка, вмѣстѣ съ малымъ, яростно толкла ихъ толкачами, посыпая мукой, и за стукомъ Тихонъ Ильичъ не слыхаль отвѣта. Хлопнувъ дверью, онъ пошелъ пить чай.

Въ маленькой прихожей онъ поддалъ ногой грязную тяжелую попону, лежавшую у порога, и направился въ уголъ, гдѣ, надъ табуреткой съ оловяннымъ тазомъ, былъ прибитъ мѣдный рукомойникъ и на полочкѣ лежалъ обмызганный кусочекъ кокосоваго мыла. Гремя рукомойникомъ, онъ косилъ, двигалъ бровями, раздувалъ ноздри, не могъ остановить злого, бѣгающаго взгляда и съ особенной отчетливостью говорилъ:

— Хм! Нѣтъ, каковы работнички-съ? Сладу съ ними нонче не стало! Скажи ты ему слово — онъ тебѣ десять! Скажи ему десять — онъ тебѣ сто! Да нѣтъ, брешешь! Авось не къ лѣту, авось васъ, чертей, много! Къ зимѣ-то, братъ, жрать захочешь, — придешь, сукинъ сынъ, приде-ешь, покло-о-нишься!

Утирка, служившая и хозяевамъ и постояльцамъ, висѣла возлѣ рукомойника съ Михайлова дня. Она была очень длинна

и такъ затерта, что, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ стиснулъ челюсти.

— Охъ!—сказалъ онъ, закрывая глаза и трясая головой.— Охъ, мати Царица небесная!

И, швырнувъ утирку на полъ, утерся шитымъ подоломъ рубахи, выпущенной изъ-подъ жилета.

Двѣ двери вели изъ прихожей. Одна, налѣво,—въ комнату для пріѣзжающихъ, длинную, полутемную, окошечками на въ-рокъ; стояли въ ней два большихъ дивана, жесткихъ, какъ камень, обитыхъ черной клеенкой, переполненныхъ и живыми и раздавленными, высохшими клопами, а на простѣнкѣ висѣлъ портретъ какого-то генерала съ лихими бобровыми бакенбардами; портретъ окаймляли маленькіе портреты героевъ русско-турецкой войны, а внизу была подпись: „Долго будутъ дѣти наши и славянскіе братушки помнить славныя дѣла, какъ отецъ нашъ, воинъ смѣлый, Сулейманъ-пашу разбилъ, побѣдилъ враговъ невѣрныхъ и прошелъ съ дѣтьми своими по такимъ крутизнамъ, гдѣ носились лишь туманы да пернатые цари“. Другая дверь вела въ комнату хозяевъ. Тамъ, направо, возлѣ двери, блестѣла стеклами горка, налѣво бѣлѣла печь-лежанка; печь когда-то треснула, ее, по бѣлому, замазали глиной—и получились очертанія чего-то въ родѣ изломаннаго худого человѣка, крѣпко надоѣвшаго Тихону Ильичу. За печью высилась двуспальная постель; надъ постелью былъ прибитъ коверъ мутно-зеленыхъ и кирпичныхъ шерстей съ изображеніемъ тигра, усатаго, съ торчащими кошачьими ушами. Противъ двери, у стѣны, стоялъ комодъ, крытый вязаной скатертью, на скатерти — вѣнчальная шкатулка Настасьи Петровны; въ шкатулкѣ лежали условія съ работниками, пузырьки съ давно испортившимися лѣкарствами, спички...

— Въ лавку!—крикнула, пріотворивъ дверь, кухарка.

— Успѣется съ козами на базаръ!—сердито отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ—и поспѣшно вышелъ.

Дали затянуло водянистымъ туманомъ, опять становилось похоже на сумерки, моросилъ дождь, но вѣтеръ повернулъ, дулъ съ сѣвера—и воздухъ посвѣжѣлъ. Веселѣе и звончѣй, чѣмъ за всѣ послѣдніе дни, крикнулъ на станціи отходившій товарный поѣздъ,

— Здорово, Ильичъ,—сказалъ, кивая мокрой манджурской папахой, трегубый мужикъ, державшій у крыльца мокрую пѣгую лошадь.

— Здорово, — кинулъ Тихонъ Ильичъ, косо глянувъ на бѣлый крѣпкій зубъ, блестѣвшій изъ-за раздвоенной губы мужика.—Что надо?

И, торопливо отпустивъ соли и керосину, торопливо вернулся въ горницы.

— Лба не дадутъ перекрестить, собаки!—бормоталъ онъ на ходу.

Самоваръ, стоявшій на столѣ возлѣ простѣнка, бурлилъ, клокоталъ, зеркальце, висѣвшее надъ столомъ, подернулось налетомъ бѣлаго пара. Отпотѣли окна и олеографія, прибитая подъ зеркаломъ, — великанъ въ желтомъ кафтанѣ и красныхъ сафьяновыхъ сапогахъ, съ россійскимъ стягомъ въ рукахъ, изъ-за котораго глядѣлъ башнями и главами московскій кремль. Фотографическія карточки въ рамкахъ изъ раковинъ окружали эту картину. На самомъ почетномъ мѣстѣ висѣлъ портретъ іерея въ муаровой рясѣ, съ рѣденькой бородкой, съ припухшими щеками и маленькими пронзительными глазками. И, взглянувъ на него, Тихонъ Ильичъ истово перекрестился на икону въ углу. Потомъ снялъ съ самовара закопченный чайникъ, налилъ стаканъ чаю, крѣпко пахнущаго распареннымъ вѣшникомъ, и сѣлъ.

„Лба не дадутъ перекрестить, — думалъ онъ, страдальчески морщась.—Зарѣзали, будь они прокляты!“

Казалось, что нужно что-то вспомнить, сообразить, или просто лечь и выспаться какъ слѣдуетъ. Хотѣлось тепла, покоя, ясности, твердости мысли. Онъ всталъ, подошелъ къ горкѣ, задребезжавшей стеклами и посудой, взялъ съ полки бутылку рябиновки, кубастенькій стаканчикъ, на которомъ было написано: „его же и монаси приѣмлютъ“...

— Ай не надо? — сказалъ онъ вслухъ.

Но твердости не было. Въ головѣ, противъ воли, мелькнула прибаутка: „пить—умереть и не пить—умереть“. И онъ налилъ и выпилъ, еще налилъ и еще выпилъ. И, закусывая толстымъ кренделемъ, опять сѣлъ за столъ.

Онъ почувствовалъ пріятный ожогъ внутри, жадно хлебалъ съ блюдечка горячій чай, сосалъ, держа на языкѣ, кусочекъ сахару. Тѣлу стало лучше. Но душа продолжала жить своею жизнью, хмурой и тоскливой. Думы смѣняли одна другую, но толку въ нихъ не было. Онъ разсѣяннo и подозрительно покосился, хлебая чай, на простѣнокъ, на мужика въ желтомъ кафтанѣ, на карточки въ рамкахъ изъ раковинъ и даже на іерея въ муаровой рясѣ.

— Не до леригіи намъ, свиньямъ!—подумалъ онъ и, какъ бы оправдываясь передъ кѣмъ-то, грубо прибавилъ: — Поживи-ка у деревни, похлебай-ка кислыхъ щей!

Косясь на іерея, онъ чувствовалъ, что все сомнительно... даже, кажется, и обычное благоговѣніе его къ этому іерею...

сомнительно и не продумано. Если подумать хорошенько... Но тутъ онъ успѣшилъ перевести взглядъ на московскій кремль.

— Страмъ сказать!—пробормоталъ онъ.—Въ Москвѣ сроду не бывалъ!

Да, не бывалъ. А почему? Кабаны не велятъ! То торгашество не пускало, то постоянный дворъ, то кабакъ, то Дурновка... Теперь вотъ не пускаютъ жеребецъ, кабаны. Да что—Москва! Въ березовый лѣсишко, что за шоссе, и то десять лѣтъ напрасно прособирался. Все надѣялся какъ-нибудь урвать свободный вечерокъ, захватить съ собой коверъ, самоваръ, посидѣть на травѣ, въ прохладѣ, въ зелени, — да такъ и не урвалъ... Какъ вода межъ пальцевъ, скользятъ дни, опомниться не успѣлъ—пятьдесятъ стукнуло, вотъ-вотъ и конецъ всему, а давно ли, кажись, безъ портокъ бѣгалъ? Прямо вчера!

Неподвижно смотрѣли лица изъ рамокъ раковинокъ. Вотъ сцена, которой никогда не было и не могло быть: на полу, среди густой ржи лежатъ двое — самъ Тихонъ Ильичъ и молодой купецъ Ростовцевъ—и держатъ въ рукахъ стаканы, ровно до половины налитые темнымъ пивомъ. Какая дружба завязалась: было между Ростовцевымъ и Тихономъ Ильичемъ! Какъ запомнился тотъ сѣрый масляничный день, когда снимались! Но въ какомъ году это было? Куда исчезъ Ростовцевъ? Умеръ въ Воронежѣ—и теперь нѣтъ даже увѣренности: жилъ онъ на свѣтѣ или нѣтъ... А вотъ стоятъ, вытянувшись во фронтъ и окаменѣвъ, три мѣщанина, гладко причесанные на прямой рядъ, въ вышитыхъ косовороткахъ, въ длинныхъ сюртукахъ, въ расчищенныхъ сапогахъ, — Бучневъ, Выставкинъ и Богомоловъ. Выставкинъ, тотъ, что посрединѣ, держитъ передъ грудью хлѣбъ-соль на деревянной тарелкѣ, прикрытой полотенцемъ, расшитымъ пѣтухами, Бучневъ и Богомоловъ — по иконѣ. Эти снимались въ пыльный, вѣтреный день, когда освящали элеваторъ, — когда пріѣзжали архіерей и губернаторъ, когда Тихонъ Ильичъ такъ гордъ былъ тѣмъ, что попалъ въ число публики, привѣтствовавшей начальство. Но что осталось въ памяти отъ этого дня? Только то, что часовъ пять ждали возлѣ элеватора, на новыхъ бурыхъ рельсахъ, прибытія губернатора, что тучей летѣла бѣлая пыль по вѣтру, что запылены были и вагоны и деревья, что губернаторъ, длинный и чистый покойникъ въ бѣлыхъ штанахъ съ золотыми лампасами, въ шитомъ золотомъ мундирѣ и треуголкѣ, шелъ къ депутаціи необыкновенно медленно, что было очень страшно, когда онъ заговорилъ, принимая хлѣбъ-соль, что всѣхъ поразили необыкновенной худобой и бѣлизной его руки,

ихъ кожа, тончайшая и блестящая, какъ снятая со змѣи шкурка, блестящіе размытые перстни и кольца на сухихъ тонкихъ пальцахъ съ прозрачными длинными ногтями... Теперь губернатора этого уже нѣтъ въ живыхъ, нѣтъ въ живыхъ и Выставкина... А черезъ пять, десять лѣтъ такъ же будутъ говорить и про Тихона Ильича:

— Покойный Тихонъ Ильичъ...

Въ горницѣ стало теплѣй и уютнѣй отъ нагрѣвшейся печки, зеркальце прояснилось, но за окнами ничего не было видно, стекла бѣлѣли матовымъ паромъ, — значитъ, на дворѣ свѣжѣло. Все слышнѣе доносился нудный стонъ голодныхъ кабановъ, — и вдругъ этотъ стонъ превратился въ дружный и мощный ревъ: вѣрно, кабаны слышали голоса кухарки и Оськи, тащившихъ къ нимъ тяжелую лоханку съ мѣсивомъ. И, не кончивъ думъ о смерти, Тихонъ Ильичъ кинулъ папиросу въ полоскательницу, надернулъ поддевку и поспѣшилъ на варокъ. Широко и глубоко шагая по хлюпающему навозу, онъ самъ отворилъ закуту — и долго не сводилъ жадныхъ и тоскливыхъ глазъ съ кабановъ, кинувшихся къ корыту, въ которое съ паромъ вывалили мѣсиво.

Думу о смерти перебивала другая: покойный-то покойный, а этого покойнаго, можетъ-быть, въ примѣръ будутъ ставить. Кто онъ былъ? Сирота, нищій, въ дѣтствѣ не жравшій по два дня куска хлѣба... А теперь?

— Твою біографію жизни описать слѣдуетъ, — насмѣшливо сказалъ однажды Кузьма.

А насмѣхаться-то, пожалуй, и не надъ чѣмъ. Значитъ, была башка на плечахъ, если изъ нищаго, едва умѣвшаго читать мальчишки вышелъ не Тишка, а Тихонъ Ильичъ...

Но вдругъ кухарка, тоже пристально глядѣвшая на кабановъ, тѣснившихъ другъ друга и залѣзавшихъ въ корыто передними ножками, икнула и сказала:

— Охъ, Господи! Кабы у насъ какой бѣды нынче не было! Вижу нынче во снѣ — нагнали къ намъ, будто, скотины на дворъ, нагнали овецъ, коровъ, свиней всякихъ... Да все черныхъ, все черныхъ!..

И опять засосало сердце. Да, вотъ скотина эта самая! Отъ одной скотины удавиться можно. Трехъ часовъ не прошло, — опять берись за ключи, опять таскай кормъ всему двору. Въ общемъ денникъ — три дойныхъ коровы, въ отдѣльныхъ — красная телушка, быкъ Бисмаркъ: имъ теперь подавай сѣна. Лошадямъ, овцамъ въ обѣдъ полагается хоботье, а жеребцу — и самъ чортъ не придумаетъ, что! Совсѣмъ избаловался. Просунулъ морду въ рѣшетчатый верхъ двери и что-то нюхаетъ,

гримасничаетъ: поднялъ верхнюю губу, обнажилъ розовыя десны и бѣлые зубы, искажилъ ноздри... И Тихонъ Ильичъ, съ неожиданнымъ для самого себя бѣшенствомъ, вдругъ зыкнулъ на него:

— Балуй, анаѣема, разрази тебя громомъ!

Опять онъ промочилъ ноги, прозябъ—шла крупа—и опять выпилъ рябиновки. Ёлъ картошки съ подсолнечнымъ масломъ и солеными огурцами, щи съ грибной подбивкой, пшенную кашу... Лицо покраснѣлось, голова отяжелѣла.

— „Восемьдесятъ шесть утенокъ“,—прочелъ онъ на косякѣ окна, гдѣ Настасья Петровна вела карандашомъ кое-какія хозяйственныя записи, и мутно ухмыльнулся. Вѣрно говоритъ Кузьма: своего собственнаго языка не знаемъ! „Восемьдесятъ шесть утенокъ“—по-каковски это, спрашивается? И съ злымъ удовольствіемъ вспомнилось, какъ выставила однажды Настасья Петровна горшки съ цвѣтами на крыльцо, подъ дождь, а со двора выскочилъ кабанъ Ёмка и—давай чавкать фikusъ. Работники кинулись къ нему, а онъ рванулъ цвѣтокъ, вырвалъ изъ горшка съ корнемъ и былъ таковъ... Батюшки, какой гвалтъ подняла Настасья Петровна!

— Пикусъ сожралъ! Пикусъ сожралъ!

— Вотъ тебѣ и пикусъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, раздувая ноздри.

Отъ водки, ѣды и безтолковыхъ мыслей клонило голову. Не раздѣваясь,—только стащивъ нога обѣ ногу грязные сапоги,—онъ легъ на постель. Но тревожило то, что придется вотъ-вотъ опять вставать: лошадямъ, коровамъ и овцамъ надо къ вечеру задать овсяной соломы, жеребцу—тоже... или нѣтъ, лучше перебить ее съ сѣномъ, а потомъ полить и посолить хорошенько... Только вѣдь непременно проспшишь, если дашь себѣ волю. И Тихонъ Ильичъ потянулся къ комоду, взялъ будильникъ и сталъ заводить его. И будильникъ ожилъ, застучалъ—и въ горницѣ стало какъ будто покойнѣе, веселѣй подъ его бѣгущій мѣрный стукъ. Мысли спутались...

Но только-что спутались, какъ внезапно раздалось грубое и громкое церковное пѣніе. Въ испугѣ открывъ глаза, Тихонъ Ильичъ сперва разобралъ только одно: орутъ въ носъ два мужика, а изъ прихожей несетъ холодомъ и запахомъ мокрыхъ чекменей. Потомъ вскочилъ, сѣлъ и, разглядѣвъ, что это за мужики, вдругъ почувствовалъ, какъ у него заколотилось сердце: одинъ былъ слѣпецъ, крупный, рябой, съ маленькимъ носомъ, длинной верхней губой и большимъ круглымъ черепомъ, а другой—самъ Макаръ Ивановичъ!

Былъ Макаръ Ивановичъ когда-то просто Макашкой—такъ

и звали всѣ: „Макарка-Странникъ“ — и зашелъ однажды въ кабакъ къ Тихону Ильичу. Брелъ куда-то по шоссе, — въ лаптяхъ, скуфьѣ и засаленномъ подрясникѣ, — и зашелъ. Въ рукахъ—высокая палка, выкрашенная мѣдянкой, съ крестомъ на верхнемъ концѣ и съ копьемъ—на нижнемъ, за плечами—ранецъ и солдатская манерка; волосы длинные, желтые; лицо—широкое, цвѣта замазки, ноздри—какъ два ружейныхъ дула, носъ — переломленный, въ родѣ сѣдельнаго арчака, а глаза, какъ это часто бываетъ при такихъ носахъ,—свѣтлые, остро-блестящіе. Безстыжій, смѣтливый, жадно кутившій цыгарку за цыгаркой и пускавшій дымъ въ ноздри, говорившій грубо и отрывисто, тономъ, совершенно исключавшимъ возраженія, онъ очень понравился Тихону Ильичу и какъ разъ за этотъ тонъ, — за то, что сразу было видно: „прожженный сукинъ сынъ“.

И Тихонъ Ильичъ оставилъ его у себя — за подручнаго. Скинулъ съ него бродяжью одежду и оставилъ. Но воромъ Макарка оказался такимъ, что пришлось жестоко избить его и прогнать. А черезъ годъ Макарка на весь уѣздъ прославился прорицаніями,—настолько зловѣщими, что его посѣщеній стали бояться, какъ огня. Подойдетъ къ кому-нибудь подъ окно, заунывно затянетъ „со святыми упокой“, или подастъ кусочекъ ладану, щепотку пыли — и ужъ не обойтись тому дому безъ покойника.

Теперь Макарка, въ своей прежней одежѣ и съ палкой въ рукѣ, стоялъ у порога и пѣлъ. Слепой подхватывалъ, закатывая молочные глаза подъ лобъ, и по той несоразмѣрности, которая была въ его чертахъ, Тихонъ Ильичъ сразу опредѣлилъ его, какъ бѣглаго каторжника, страшнаго и беспощаднаго звѣря. Но еще страшнѣе было то, что пѣли эти бродяги. Слепой, сумрачно шевеля поднятыми бровями, смѣло заливался мерзкимъ, гнусавымъ теноромъ. Макарка, остро блестя неподвижными глазами, гудѣлъ свирѣпымъ басомъ. Выходило что-то не въ мѣру громкое, грубо-стройное, древне-церковное, властное и грозящее:

Расплачется мать сыра-земля, разрыдается! —
заливался слѣпой.

Ра-спла-че-тся, раз-ры-да-ется! —
убѣжденно и рѣзко вторилъ Макарка.

Передъ Спасомъ, передъ образомъ, —
вопилъ слѣпой.

Авось грѣшники покаются! —

угрожалъ Макарка, раскрывая нахальныя ноздри. И, сливая свой басъ съ теноромъ слѣпого, твердо выговаривалъ:

Не минуютъ суда Божьяго!
Не минуютъ огня вѣчнаго!

И вдругъ оборвалъ, — въ ладъ со слѣпымъ, — крикнулъ и просто, своимъ обычнымъ дерзкимъ тономъ, приказалъ:

— Пожалуйте, купецъ, погрѣться.

И, не дождавшись отвѣта, шагнулъ черезъ порогъ, подошелъ къ постели и сунулъ Тихону Ильичу въ руки какую-то картинку.

Это была простая вырѣзка изъ иллюстрированного журнала, но, взглянувъ на нее, Тихонъ Ильичъ почувствовалъ внезапный холодъ подъ ложечкой. Подъ картинкой, — гнущіяся отъ бури деревья, бѣлый зигзагъ по тучамъ и падающій человекъ, — была подпись: „Жанъ-Поль Рихтеръ, убитый молніей“.

И Тихонъ Ильичъ опѣшилъ.

Но тотчасъ же и опомнился. „Ахъ, негодяй!“ — подумалъ онъ и медленно изорвалъ картинку на мелкіе клочки. Потомъ слѣзъ съ постели и, натягивая сапоги, сказалъ:

— Ты наугивай кого подурѣе меня. Я-то, братъ, хорошо знакомъ съ тобою! Получи, что слѣдуетъ, и — съ Богомъ.

Потомъ пошелъ въ лавку, вынесъ Макаркѣ, стоявшему со слѣпымъ возлѣ крыльца, два фунта кренделей, пару селедокъ и повторилъ еще строже:

— Съ Господомъ!

— А табачку? — нагло спросилъ Макарка.

— Табачку — къ одному бочку.

Макарка ухмыльнулся.

— Такъ! — сказалъ онъ. — Значить, табакъ вашъ, бумажки дашь, — вотъ и покуримъ.

— Въ городѣ за кабакомъ сучка сѣтъ табакомъ, — отрѣзалъ Тихонъ Ильичъ. — Меня, братъ, не перебрешешь!

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Удавить тебя, Макарка, мало за твои шашни!

Макарка поглядѣлъ на слѣпого, стоявшаго прямо, твердо, съ высоко поднятыми бровями, и спросилъ его:

— Человѣкъ божій, какъ по-твоему? Удавить, ай разстрѣлять?

— Разстрѣлять вѣрнѣе, — отвѣтилъ слѣпой серьезно. — Тутъ, по крайности, прямая сообщеніе.

Смеркалось, гряды сплошныхъ облаковъ синѣли, холодѣлъ, дышали зимою. Грязь густѣла. Спровадивъ Макарку, Тихонъ Ильичъ потопалъ озябшими ногами по крыльцу и пошелъ въ горницу. Тамъ онъ, не раздѣваясь, сѣлъ на стулъ возлѣ окна,

закурилъ и опять задумался. Вспомнились лѣто, бунтъ, Молодая, рабочая пора, братъ, жена... и то, что еще до сихъ поръ не платилъ по квиткамъ за рабочую пору. Былъ у него обычай затягивать платежи. Дѣвки и ребята, ходившіе къ нему на поденщину, по цѣлымъ днямъ стояли осенью у его порога, жаловались на самыя крайнія нужды, раздражались, говорили иногда дерзости. Но онъ былъ непреклоненъ. Онъ кричалъ, призывая Бога во свидѣтели, что у него „во всемъ домѣ двѣ трынки, хотъ обыщи!“—и вывертывалъ карманы, кошелекъ, въ притворномъ бѣшенствѣ плевалъ, какъ бы пораженный недовѣріемъ, „безсовѣстностью“ просителей... И нехорошимъ показался ему этотъ обычай теперь. Безпощадно-строгъ, холоденъ былъ онъ съ женой, чуждъ ей настолько, что порою совсѣмъ забывалъ о ея существованіи. И вдругъ и это поразило его: Боже мой, да вѣдь онъ даже понятія не имѣетъ, чтò она за человѣкъ! Умри она нынче,—онъ двухъ словъ не сумѣетъ сказать, зачѣмъ она жила, чтò думала, чтò чувствовала за долгіе годы, прожитые съ нимъ, за эти годы, слившіеся въ одинъ годъ и промелькнувшіе въ непрестанныхъ хлопотахъ и заботахъ... А къ чему вели всѣ эти заботы?

Онъ кинулъ папиросу, закурилъ другую... Ухъ, и уменъ, эта бестія, Макарка! А разъ уменъ, развѣ не можетъ онъ предугадать — кого, чтò и когда ждетъ? Его же, Тихона Ильича, ждетъ непременно что-нибудь скверное. Вѣдь ужъ и не молоденькій! Сколько его сверстниковъ на томъ свѣтѣ! А отъ смерти да старости — спасенья нѣтъ. Не спасли бы и дѣти. И дѣтей бы онъ не зналъ, и дѣтямъ былъ бы чужой, какъ чуждъ онъ всѣмъ близкимъ — и живымъ и умершимъ. Народу на свѣтѣ,—какъ звѣздъ на небѣ; но такъ коротка жизнь, такъ быстро растутъ, мужають и умирають люди, такъ мало знаютъ другъ друга и такъ быстро забываютъ все пережитое, что съ ума сойдешь, если вдумашься хорошенько! Вотъ онъ давеча про себя сказалъ:

— Мою жизнь описать слѣдуетъ...

А чтò описывать-то? Нечего. Нечего или не стòитъ. Вѣдь онъ самъ почти ничего не помнитъ изъ этой жизни. Совсѣмъ, напримѣръ, забылъ дѣтство: такъ, мерещится порой день какой-нибудь лѣтній, случай, сверстникъ... Кошку чью-то опалилъ однажды—сѣкли. Плеточку со свистулькой подарили—и несказанно обрадовали. Пьяный отецъ подозвалъ какъ-то,—ласково, съ грустью въ голосѣ:

— Поди ко мнѣ, Тиша, поди, родной!

И неожиданно сгребъ за волосы...

Если бъ живъ былъ теперь шибай Илья Мироновъ, Тихонъ

Ильичъ кормилъ бы старика изъ милости и не зналъ бы, едва замѣчалъ его. Вѣдь было же такъ съ матерью; спроси его теперь: помнишь мать?—и онъ отвѣтитъ: помню какую-то согнутую старуху... навозъ сушила, печку топила, тайкомъ пила, ворчала... И больше ничего. Чуть не десять лѣтъ служилъ онъ у Маторина, но и эти десять лѣтъ слились въ одинъ-два дня: апрѣльскій дождикъ накрапываетъ и пятнитъ желѣзные листы, которые, грохоча и звеня, кидаются на телѣгу возлѣ сосѣдней лавки... сѣрый морозный полдень, голуби шумной стаей падаютъ на снѣгъ возлѣ лавки другого сосѣда, торгующаго мукой, крупой, халумъ,—гуртуютъ, воркуютъ, трепещутъ крыльями,—а они съ братомъ бычьимъ хвостомъ подхлестываютъ жужжащій у порога кубарь... Маторинъ былъ тогда молодъ, крѣпокъ, сизо-красенъ, съ чисто выбритымъ подбородкомъ, съ рыжими бачками, сѣзанными до половины. Теперь онъ обѣднѣлъ, шмыгаетъ старческой походкой, въ своей выгорѣвшей на солнцѣ чуйкѣ и глубокомъ картузѣ, отъ лавки къ лавкѣ, отъ знакомаго къ знакомому, играетъ въ шашки, сидитъ въ трактирѣ Даева, пьетъ понемножку, хмелѣетъ и приговариваетъ:

— Мы—люди маленькіе: выпили, закусили, расплатились—и домой!

А встрѣчая Тихона Ильича, не узнаетъ его, жалко улыбается:

— Никакъ ты, Тиша?

А самъ Тихонъ Ильичъ не узналъ при первой встрѣчѣ, нынѣшней осенью—брата родного: „да неужели это Кузьма, съ которымъ столько лѣтъ скитались по полямъ, деревнямъ и проселкамъ?“

— Постарѣлъ ты, братъ!

— Есть малость.

— А раненько!

— На то я и русскій. У насъ это—живо.

И, Боже мой, какъ измѣнилось все со времени ихъ торгашества! Какъ страшно непохожъ теперешній Тихонъ Ильичъ на чернаго, какъ жукъ, отчаяннаго и веселаго полуцыгана, торгаша Тишку!

Закуривая третью папиросу, Тихонъ Ильичъ упорно и просительно глядѣлъ въ окошко:

— Да неужели такъ и въ другихъ странахъ?

Нѣтъ, не можетъ того быть. Бывали знакомые за границей,—вотъ, хоть купецъ Рукавишниковъ,—разсказывали... Да и безъ Рукавишникова можно сообразить. Взять нѣмцевъ городскихъ или жидовъ: всѣ ведутъ себя дѣльно, аккуратно, всѣ другъ друга знаютъ, всѣ пріятели,—и не только по

пьяному дѣлу,—и всѣ помогаютъ другъ другу; если разъѣзжаются, переписываются всю жизнь, портреты отцовъ, матерей, знакомыхъ изъ семьи въ семью передаютъ; дѣтей учатъ, любятъ, гуляютъ съ ними, разговариваютъ, какъ съ равными,—вотъ вспомнить-то ребенку и будетъ что. А у насъ всѣ враги другъ другу, завистники, сплетники, другъ у друга разъ въ годъ бывають, сидятъ по своимъ закутамъ, мечутся, какъ угорѣлые, когда нечаянно заѣдетъ кто, кидаются комнаты прибирать... Да что! Ложки варенья жалѣютъ гостю! Безъ упрасиваній гость лишняго стакана не выпьетъ... У, киргизы косоглазые! Мордва желтоволосая!

Мимо оконъ прошла чья-то тройка. Тихонъ Ильичъ внимательно оглядѣлъ ее. Лошади поджарыя, но, видно, рѣзвыя. Тарантасъ въ исправности. За кѣмъ бы это? Поблизости ни у кого нѣтъ такой тройки. Поблизости помѣщики такая голь, что безъ хлѣба по три дня сидятъ, послѣднія ризы съ иконъ продали, разбитаго стекла вставить, крышу поправить не на что; окна подушками затыкаютъ, а по полу, какъ дождь, лотки и ведра разставляютъ,—сквозь потолоки какъ сквозъ рѣшѣта льетъ... Потомъ прошелъ Дениска-сапожникъ. Куда это? И съ чѣмъ? Никакъ съ чемоданомъ? Охъ, и дуракъ же, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе!

Машинально Тихонъ Ильичъ накинулъ на поддевку чуйку, сунулъ ноги въ калоши и вышелъ на крыльцо. Выйдя и глубокодохнувъ свѣжимъ воздухомъ предзимнихъ синеватыхъ сумерокъ, опять остановился, сѣлъ на лавочку... Да, вотъ тоже семейка—Сѣрый съ сынкомъ! Мысленно Тихонъ Ильичъ сдѣлалъ ту дорогу, которую одолѣлъ Дениска по грязи, съ чемоданомъ въ рукѣ. Увидалъ Дурновку, свою усадьбу, оврагъ, избы, сумерки, огонекъ у брата, огоньки по дворамъ... Кузьма сидитъ, небось, и читаетъ. Молодая стоитъ въ темной и холодной прихожей, возлѣ чуть теплой печки, грѣетъ руки, спину, ждетъ, когда скажутъ—„ужинать!“, и, поджавъ постарѣвшія, подсохшія губы, думаетъ... О чемъ? Можетъ, о Родькѣ? Брехня все это, будто она его отравила, брехня! А если отравила...

Господи Боже! Если отравила,—что должна она чувствовать? Какой тяжелый могильный камень лежитъ на ея скрытной, странной душѣ! И какъ случилось то, на что рѣшилась она, обезумѣвшая отъ ненависти къ Родькѣ, отъ лютыхъ побоевъ,—можетъ-быть, и отъ поруганныхъ чувствъ къ нему, Тихону Ильичу,—и отъ своего позора, отъ страха, что Родька наконецъ узнаетъ про этотъ позоръ? Охъ, и биваль же онъ ее! Да хорошъ и Тихонъ Ильичъ... И таки-накажетъ его Богъ...

Мысленно онъ взглянулъ съ крыльца своего дурновскаго дома на Дурновку,—бунтовщица тоже!—на черныя избы по косогору за оврагомъ, на риги и лозинки на задворкахъ... За полями влѣво, на горизонтѣ,—желѣзнодорожная будка. Въ сумерки мимо нея проходить поѣздъ — бѣжить цѣпь огненныхъ глазъ. А потомъ загораются глаза по избамъ. Темнѣетъ, становится уютнѣй—и непріятное чувство шевелится каждый разъ, когда взглянешь на избы Молодой и Сѣраго, что стоятъ почти среди Дурновки, черезъ три двора другъ отъ друга: ни въ той ни въ другой нѣтъ огня. И такъ почти всю зиму! Дѣтишки Сѣраго, какъ кроты, слѣпнутъ, шалѣютъ отъ радости и удивленія, когда удастся въ какой-нибудь счастливый вечеръ освѣтить избу...

— Нѣтъ, грѣшно!—твердо сказалъ Тихонъ Ильичъ и поднялся съ мѣста.—Нѣтъ, безбожно! Надо хоть маленько помочь дѣлу,—сказалъ онъ, направляясь къ станціи.

Морозило, душистѣе, чѣмъ вчера, тянуло отъ вокзала запахомъ самовара. Чище блестѣли огни у воротъ, за бодро озябнувшими деревьями, почти голыми, расцвѣченными рѣдкой листвою. Звучнѣе громыхали бубенчики на тройкѣ. Хотя куда троечка! Зато лошаденки мужиковъ-извозчиковъ, ихъ крохотныя телѣжки на полуразсыпавшихся, косыхъ колесахъ, облѣпленныхъ грязью,—смотрѣть жалко! Визжала и глухо хлопала за палисадникомъ вокзальная дверь. Обогнувъ его, Тихонъ Ильичъ поднялся на высокое каменное крыльцо, на которомъ шумѣлъ двухведерный мѣдный самоваръ, краснѣя, какъ огненными зубами, своей рѣшеткой,—и столкнулся какъ разъ съ кѣмъ и нужно было,—съ Дениской.

Дениска, въ раздумьѣ опустивъ голову, стоялъ на крыльцѣ и держалъ въ правой рукѣ дешевый сѣрый чемоданишко, щедро устланный жестяными шляпками и перевязанный веревкой. Былъ Дениска въ поддевкѣ, старой и, видимо, очень тяжелой, съ обвисшими плечами и очень низкой талией, въ новомъ картузѣ и разбитыхъ сапогахъ. Ростомъ онъ не вышелъ, ноги его, сравнительно съ туловищемъ, были очень коротки. „У меня одна тулвища“,—смѣясь, говорилъ онъ иногда про себя. Теперь, при низкой талии и сбитыхъ сапогахъ, ноги казались еще короче.

— Денисъ!—окликнулъ Тихонъ Ильичъ.—Ты зачѣмъ здѣсь, архаровецъ?

Никогда и ничему не удивлявшійся Дениска спокойно поднялъ на него свои темные и томные, съ грустной усмѣшкой, съ большими рѣсницами глаза и стащилъ съ волосъ картузь. Волосы у него были мышиного цвѣта и не въ мѣру густы;

лицо землистое и какъ будто промасленное, но глаза красивые.

— Здравствуйте, Тихонъ Ильичъ,—отвѣтилъ онъ пѣвучимъ городскимъ теноркомъ и, какъ всегда, немного застѣнчиво.— Ъду... въ эту самую... въ Тулу.

— Это зачѣмъ, позвольте спросить?

— Може, мѣсто какая выйдетъ...

Тихонъ Ильичъ оглядѣлъ его. Въ рукѣ—чемоданъ, изъ кармана поддевки торчатъ какія-то зеленые и красныя книжечки, свернутыя въ трубку. Поддевка, должно-быть, чужая...

— А франтъ-то не тульскій!

Дениска тоже оглядѣлъ себя.

— Поддевка-то? — скромно спросилъ онъ.— Чтò жъ, вотъ наживу въ Тулѣ денегъ,—вендерку себѣ куплю. Я лѣтомъ какъ было-справился! Газетами торговалъ.

Тихонъ Ильичъ кивнулъ на чемоданъ:

— А это чтò жъ за штука такая?

Дениска опустилъ рѣсницы:

— Чумаданъ себѣ купилъ.

— Да ужъ въ венгеркѣ безъ чемодана никакъ нельзя! — насмѣшливо сказалъ Тихонъ Ильичъ.— А въ карманѣ чтò?

— Такъ, кляповинка разная...

— Покажь-ка.

Дениска поставилъ чемоданъ на крыльцо и вытащилъ изъ кармана книжечки. Тихонъ Ильичъ взялъ и внимательно переглядѣлъ ихъ. Пѣсенникъ „Маруся“. „Жена-развратница“. „Невинная дѣвушка въ цѣпяхъ насилія“. „Поздравительныя стихотворенія родителямъ, воспитателямъ и благодѣтелямъ“. „Роль...“.

Тутъ Тихонъ Ильичъ запнулся, но Дениска, слѣдившій за нимъ, бойко и скромно подсказалъ:

— Роль проталеріата въ Россіи.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой.

— Новости! Жрать нечего, а чемоданы да книжки покупаешь. Вѣрно, недаромъ тебя смутьяномъ-то зовутъ. Ты, говорятъ, все царя ругаешь? Смотри, братъ!

— Да авось не имѣнье купилъ, — отвѣтилъ Дениска съ грустной усмѣшкой.— Это книжки хорошія. А царя я не трогалъ. На мея брешутъ, какъ на мертваго. А я и въ мысляхъ того не держалъ. Ай я лунатикъ какой?

Завизжалъ блокъ на двери, показался станціонный сторожъ,—сѣдой отставной солдатъ съ свистящей и хрипящей одышкой,—и буфетчикъ, толстый, съ заплывшими глазками, съ сальными волосами.

— Посторонитесь-ка, господа купцы, позвольте самоварчикъ взять...

Дениска посторонился и опять взялся за ручку чемодана.

— Сперъ, небось, гдѣ-нибудь?—спросилъ Тихонъ Ильичъ, кивая на чемоданъ и думая о дѣлѣ, по которому пошелъ на станцію.

Дениска промолчалъ, нагнувъ голову.

— И пустой вѣдь?

Дениска разсмѣялся:

— Пустой...

— Съ мѣста-то прогнали?

— Я самъ ушелъ.

Тихонъ Ильичъ вздохнулъ.

— Живой отецъ!—сказалъ онъ.—Тотъ тоже всегда такъ-то: наладятъ его въ шею съ мѣста, а онъ—„я самъ ушелъ“.

— Глаза лопни, не брешу.

— Ну, хорошо, хорошо... Дома-то былъ?

— Былъ двѣ недѣли.

— Отецъ-то опять безъ дѣла?

— Таперь безъ дѣла.

— Таперь!—передразнилъ Тихонъ Ильичъ.—Деревня стое-росовая! А еще революцанеръ. Лѣзешь въ волки, а хвостъ собачій.

„Авось и ты-то изъ тѣхъ же квасовъ“,—съ усмѣшкой подумалъ Дениска, не поднимая головы.

— Значить, сидитъ себѣ Сѣрый да покуриваетъ?

— Пустой малый!—убѣжденно сказалъ Дениска.

Тихонъ Ильичъ постучалъ ему въ голову костяжками.

— Хоть бы дурь-то свою не выказывалъ! Кто жъ такъ-то про отца говоритъ?

— Старъ кобель, да не батькой звать,—отвѣтилъ Дениска спокойно.—Отецъ—такъ корми. А онъ дюже меня кормилъ?

Но Тихонъ Ильичъ не дослушалъ. Онъ выбиралъ удобную минуту, чтобы начать дѣловой разговоръ. И, не слушая, перебилъ:

— Ну и вышелъ далдонъ... Продалъ Яковъ кобылу-то?

Дениска неожиданно захохоталъ грубымъ и громкимъ хохотомъ. Но отвѣтилъ все тѣмъ же пѣвучимъ теноркомъ:

— Яковъ Микитичъ-то? Куда тебѣ! Все богатѣетъ да жаднѣетъ. То-то смѣху вчерась было!

— По какому случаю?

— Да какъ же! Околѣлъ у него жеребенокъ, такъ онъ что выдумалъ? Ноги съ копытами и тѣ въ дѣло произвелъ. Не хватило въ плетнѣ кольевъ,—онъ возьми и вплети эти самыя ноги...

— Министръ, а не мужикъ!—сказалъ Тихонъ Ильичъ.— Не вамъ, голоштаннымъ, чета. Ты, что жъ, съ волчьимъ билетомъ, значить, до Тулы-то?

— А на кой онъ мнѣ, билетъ-то?—отвѣтилъ Дениска.— Приду въ вагонъ,—прямо, Господи благослови, подъ лавку. Мнѣ бы только до Узловской добиться.

— Это какой же такой—Узловской? Узловой, что ли?

— Ну, Узловой, одна честь. Доѣду до ней, а тамъ и пѣшій недалече.

— А книжечки-то гдѣ жъ расчитывать? Подъ лавкой-то не рассчитаешься.

Дениска подумалъ.

— Вона!—сказалъ онъ.—Не все жъ подъ лавкой. Залѣзу въ нужникъ,—читай хошь до свѣту.

Тихонъ Ильичъ сдвинулъ брови.

— Ну вотъ что,—началъ онъ.—Вотъ что: всю эту музыку пора тебѣ бросать. Не маленькій, дуракъ. Вали-ка назадъ, въ Дурновку,—пора къ дѣлу прибиваться. А то вѣдь на васъ смотрѣть тошно. У меня вонъ... надворные совѣтники лучше живутъ. Помогу, ужъ такъ и быть... на первое время. Ну, на товаришко тамъ, на струментъ... И будешь и самъ кормиться и отцу хоть немного подавать...

„Къ чему это онъ гнетъ?“—подумалъ Дениска.

А Тихонъ Ильичъ рѣшился и докончилъ:

— Да и жениться пора.

„Та-акъ!“ — подумалъ Дениска и не спѣша, сталъ завертывать цыгарку.

— Что жъ,—спокойно и чуть-чуть печально отозвался онъ, не поднимая рѣсницъ.—Я каляниться не стану. Жениться можно. По приституткамъ-то хуже ходить.

— Ну вотъ то-то и оно-то,—волнуясь, подхватилъ Тихонъ Ильичъ.—Только, братъ, имѣй въ виду,—жениться съ умомъ надо. Ихъ, дѣтей-то, съ капиталомъ хорошо водить.

Дениска захохоталъ.

— Чего гогочешь-то?

— Да какъ же! Водить! Въ родѣ какъ куръ али свиней.

— Не меньше куръ и свиней ѣсть просятъ.

— А на комъ?—съ печальной усмѣшкой спросилъ Дениска.

— Да на комъ? Да... на комъ хочешь.

— Это на Молодой, что ли?

Тихонъ Ильичъ густо покраснѣлъ.

— Дуракъ! А Молодая чѣмъ плоха? Бабасмирная, работающая...

Дениска помолчалъ, ковыряя ногтемъ жестяную шляпку на чемоданѣ. Потомъ прикинулся дуракомъ.

— Ихъ, молодыхъ-то, много,—сказалъ онъ протяжно.— Не знаю, про какую вы балакаете... Про эту, что ль, съ какой вы жили?

Но Тихонъ Ильичъ уже оправился.

— Жилъ я, ай нѣтъ,—это не твоего, свинья, ума дѣло,—отвѣтилъ онъ и такъ быстро и внушительно, что Дениска покорно пробормоталъ:

— Да мнѣ одна честь... Я вѣдь это такъ... къ слову...

— Ну, значить, и не брещи попусту... Людьями сдѣлаю. Понялъ? Приданого дамъ... Понялъ?

Дениска задумался.

— Вотъ съѣзжу въ Тулу...—началъ онъ.

— Нашелъ пѣтухъ земчужное зерно! На кой лядъ тебѣ Тула-то?

— Дюже дома оголодалъ...

Тихонъ Ильичъ распахнулъ чуйку, сунулъ руку въ карманъ поддевки, — рѣшилъ-было дать Денискѣ двугривенный. Но спохватился,—глупо деньги швырять, да еще и зазнается этотъ толкачъ,—подкупаютъ, молъ,—и сдѣлалъ видъ, что ищетъ что-то.

— Эхъ, папирсы забылъ! Дай-ка свернуть.

Дениска подалъ ему кисеть. Надъ крыльцомъ уже зажгли фонарь, и при его тускломъ свѣтѣ Тихонъ Ильичъ вслухъ прочелъ крупно вышитое бѣлыми нитками на кисетѣ:

„Каво люблю таму дарю люблю сердечна дарю кисѣтъ на вѣчно“.

— Ловко!—сказалъ онъ, прочитавъ.

Дениска застѣнчиво потупился.

— Значить, ужъ есть краля-то?

— Мало ль ихъ, сукъ, шатается!—отвѣтилъ Дениска безпечно.—А жениться я не отказываюсь. Ворочусь къ мясоѣду и Господи благослови...

Изъ-за палисадника загремѣла и съ грохотомъ подкатила къ крыльцу телѣга, вся закиданная грязью,—съ мужикомъ на грядкѣ и ульяновскимъ дьякономъ Говоровымъ посрединѣ, въ соломѣ.

— Ушелъ?—тревожно крикнулъ дьяконъ, выкидывая изъ соломы ногу въ новой калошѣ.

Каждый волосъ его красно-рыжей лохматой головы буйно вился, шапка съѣхала на затылокъ, лицо разордѣлось отъ вѣтра и волненія.

— Поѣздъ-то?—спросилъ Тихонъ Ильичъ.—Нѣтъ-съ, еще и не выходилъ-съ. Здравствуйте, о. дьяконъ.

— Ага! Ну, слава Богу!—радостно и быстро сказалъ

дьяконъ и все-таки, выскочивъ изъ телѣги, стремглавъ кинулся къ дверямъ.

Тихонъ Ильичъ качнулъ головой. „Эхъ, не въ-время принесло этого долгогриваго! Не выйдетъ дѣло, пожалуй!“ Однако, взявшись за ручку двери, сказалъ твердо и увѣренно:

— Ну, стало-быть, такъ. Стало-быть—до мясоѣда.

Въ вокзалѣ пахло мокрыми полушубками, самоваромъ, махоркой, керосиномъ. Накурено было такъ, что точило горло, еле свѣтили лампы въ дыму, въ полумракѣ, сырости и холодѣ. Визжали и хлопали двери, толпились и галдѣли мужики съ кнутами въ рукахъ—извозчики изъ Ульяновки, ожидавшіеся сѣдока иногда по цѣлой недѣлѣ. Среди нихъ, поднявъ брови, ходилъ еврей-хлѣботорговецъ, въ котелкѣ, въ пальто съ капюшономъ и съ зонтомъ на плечѣ. Возлѣ кассы мужики тащили на вѣсы чьи-то господскіе чемоданы и корзины, обшитыя клеенкой, на мужиковъ кричалъ телеграфистъ, исполнявшій должность помощника начальника станціи,—молодой коротконогій малый съ большой головой, съ кудрявымъ желтымъ кокомъ, по-казацки взбитымъ изъ-подъ картуза на лѣвомъ вискѣ,—и крупной дрожью дрожалъ сидѣвшій на грязномъ полу пойнтеръ, пятнистый, какъ лягушка, съ человѣчески-тоскливыми глазами.

Протолкавшись среди мужиковъ, Тихонъ Ильичъ прошелъ къ двери въ первый классъ, возлѣ которой висѣла на стѣнѣ деревянная рама съ письмами, газетами и телеграммами, лежавшими иногда по году. Писемъ ему не оказалось. Было только три номера „Орловскаго Вѣстника“. И Тихонъ Ильичъ двинулся-было къ буфетной стойкѣ—поболтать съ буфетчицей. Но возлѣ стойки сидѣлъ на табуретѣ пьяный человѣкъ съ голубыми остеклянѣвшими глазами, съ глянцевитымъ лиловымъ лицомъ, въ кругломъ сѣромъ картузѣ съ пуговкой—подвальный съ винокуреннаго завода князя Лобанова. И Тихонъ Ильичъ послѣшно повернулъ назадъ. Подвальный—знакомый человѣкъ, попадись ему на глаза, сутки не отцѣпится... На крыльцѣ все еще стоялъ Дениска.

— Чтò я васъ хотѣлъ попросить, Тихонъ Ильичъ, — сказалъ онъ еще застѣнчивѣе, чѣмъ всегда.

— Чтò еще такое?—сердито спросилъ Тихонъ Ильичъ.—Денегъ? Не дамъ.

— Нѣтъ, какихъ денегъ! Письмо мое прочитать.

— Письмо? Къ кому?

— Къ вамъ. Хотѣлъ-было давеча отдать, да не насмѣлился.

— Да объ чемъ?

— Такъ... житье свое описалъ...

Тихонъ Ильичъ взялъ изъ рукъ Дениски клочокъ бумажки, сунулъ его въ карманъ и быстро зашагалъ домой по упругой, застывшей грязи.

Теперь настроеніе его было мужественно. Хотѣлось работы, и онъ съ удовольствіемъ подумалъ, что есть дѣло—кормить скотинѣ задать. Вотъ, жалко — погорячился, Жмыха прогналъ, придется ночь не спать. На Оську надежда плохая. Небось, спитъ уже. А не то сидитъ съ кухаркой и ругаетъ хозяина... И, пройдя мимо освѣщенныхъ оконъ избы, Тихонъ Ильичъ прокрался въ сѣни, наткнулся въ темнотѣ на холодную пахучую солому и прильнулъ ухомъ къ двери. За дверью слышался смѣхъ, потомъ голосъ Оски:

— А то вотъ еще исторія была. Жилъ на селѣ мужикъ,—бѣдный-пребѣдный, бѣднѣе во всемъ селѣ не было. И выѣхалъ разъ, братцы мои, этотъ самый мужикъ пахать. И увязисъ за нимъ кобель рябый. Мужикъ пашетъ, а кобель сычуетъ по полю и все чтой-то роетъ. Рыль-рыль, да какъ заво-оетъ! Чтò за притча такая? Кинулся мужикъ къ нему, глядь въ яму, а тамъ—чугунъ...

— Чугу-унъ?—спросила кухарка.

— Да ты слушай. Чугунъ-то чугунъ, а въ чугунѣ—золото! Видимо-невидимо... Ну и забогатѣлъ мужикъ...

„Ахъ, пустоболты!“ — подумалъ Тихонъ Ильичъ и жадно сталъ слушать, чтò дальше будетъ съ мужикомъ.

— Забогатѣлъ мужикъ, разстроился, какъ купецъ какой...

— Не хуже нашего Тугоногаго,—вставила кухарка.

И опять Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся: онъ зналъ, что его уже давно зовутъ Тугоногимъ... Нѣтъ человѣка безъ прозвища!

А Оська продолжалъ:

— Еще побогаче... Да... А кобель-то возьми да околѣй. Какъ тутъ быть? Мочи нѣтъ—жалко кобеля, надо его чести-честью хоронить...

Раздался взрывъ хохота. Захохоталъ и самъ рассказчикъ и еще кто-то—со старческимъ кашлемъ.

— Никакъ Жмыхъ?—встрепенулся Тихонъ Ильичъ.—Ну, слава Богу. Вѣдь говорилъ дураку: верне-ешься!

— Пошелъ мужикъ къ попу,—продолжалъ Оська,—пошелъ къ попу: такъ и такъ, батюшка, кобель околѣлъ,—надо хоронить...

Кухарка опять не выдержала и радостно крикнула:

— У, пропасти на тебя нѣту!

— Да дай доказать-то!—крикнулъ и Оська и опять пере-

шелъ на повѣствовательный тонъ, изображая то попа, то мужика:

— Такъ и такъ, батюшка, — надо кобеля хоронить. Какъ затопаетъ попъ ногами: „Какъ хоронить? Гдѣ хоронить? На кладбищѣ? Да я тебя въ острогѣ сгною, да я тебя въ кандалы забью!“ — „Батюшка, да вѣдь это не простой кобель: онъ, какъ околѣвалъ, вамъ пятьсотъ цѣлковыхъ отказалъ!“ Какъ ускочить попъ съ мѣста: „Дуракъ! Да развѣ я тебя за то браню, что хоронить? За то браню — гдѣ хоронить-то? Его въ церковной оградѣ надо хоронить!“

Тихонъ Ильичъ громко кашлянулъ и отворилъ дверь. За столомъ, возлѣ коптящей лампочки, разбитое стекло которой было заклеено съ одного боку почернѣвшей бумажкой, сидѣла, наклонивъ голову и завѣсивъ все лицо мокрыми волосами, кухарка. Она чесалась деревяннымъ гребнемъ и сквозь волосы разсматривала гребень на свѣтъ. Оська, съ цыгаркой въ зубахъ, хохоталъ, откинувшись назадъ и болтая лаптями. Возлѣ печки, въ полутемнотѣ, краснѣлъ огонекъ — трубка. Когда Тихонъ Ильичъ дернулъ дверь и показался на порогѣ, хохотъ сразу оборвался, и курившій трубку робко поднялся съ мѣста, вынулъ ее изо рта и сунулъ въ карманъ... Да, Жмыхъ! Но, какъ будто и ничего не было утромъ, Тихонъ Ильичъ бодро и дружелюбно крикнулъ: — Ребятъ! Кормъ задавать...

Съ фонаремъ бродили по варку, освѣщая застывшій навозъ, разсыпанную солому, ясли, столбы, кидая огромныя тѣни, будя куръ на переметахъ подъ навѣсами. Куры слетали, падали и, наклоняясь впередъ, засыпая на бѣгу, бѣжали куда попало. Большіе лиловые глаза лошадей, поворачивавшихъ на свѣтъ головы, блестѣли и глядѣли совсѣмъ по-человѣчески. Отъ дыханія шелъ паръ, — точно всѣ курили. И когда Тихонъ Ильичъ опускалъ фонарь и взглядывалъ вверхъ, онъ съ радостью видѣлъ надъ квадратомъ двора, въ глубокомъ чистомъ небѣ, яркія разноцвѣтныя звѣзды. Слышно было, какъ сухо шуршалъ по крышамъ и морозной свѣжестью дулъ въ щели сѣверный вѣтеръ... Слава тебѣ, Господи, — зима!

Отдѣлавшись и заказавъ самоваръ, Тихонъ Ильичъ съ фонаремъ сходилъ въ холодную пахучую лавку, выбралъ маринованную селедку лучше: — ничего, не плохо передъ чаемъ-то подсолонцевать! — и за чаемъ съѣлъ ее, выпилъ нѣсколько стаканчиковъ горько-сладкой, желто-красной рябиновки, налилъ чашку чаю съ краями и придвинулъ къ себѣ старые большіе счеты. Но, подумавъ, нашелъ письмо Дениски и сталъ разбирать его каракули.

„Деня получилъ 40 рублей денягъ патомъ собралъ вѣщи...“

— Сорокъ!—подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Ахъ, голоштаннѣй!

„Пашелъ Деня на станцію Тула и какъ разъ ево обабрали вытащили Все докопеки детца некуда и Взяла ево тоска...“

Разбирать эту брехню было трудно и скучно, но вечеръ длиненъ, дѣлать нечего... Самоваръ хлопотливо бурлилъ, спокойнымъ свѣтомъ свѣтила лампа—и была въ тишинѣ и покоѣ вечера грусть. Мѣрно ходила колотушка подъ окнами, звонко выдѣлывала на морозномъ воздухѣ плясовую...

„Патомъ соскучился я какъ ехоть домой дюже отецъ грозенъ...“

— Ну и дуракъ, прости, Господи!—подумалъ Тихонъ Ильичъ.—Это Сѣрый-то грозенъ!

„Пайду Въ дремучай лѣсѣ выбрать повыше ель и взять отъ сахарной головы бѣчевычку опрѣдлится на ней навѣчную жизнь вновыхъ брюкахъ но бѣзсапохъ...“

— Безъ сапогъ, что ли?—сказалъ Тихонъ Ильичъ, далеко отставляя отъ уставшихъ глазъ бумажку.—Вотъ что правда, то правда...

„Патомъ пойдетъ сильный вѣтеръ синее облоки и собралась туча полилъ спорый крупный дождичекъ вышла солнышко изъ за лѣсу вѣревычка перегнивать перегнивать и удругъ оборвалась а Деня палъ на земь поползываютъ мурашки по немъ начинаютъ работать а тамъ ежъ ползетъ и гадюка и ракъ зяленый...“

Кинувъ письмо въ полоскательницу, Тихонъ Ильичъ хлебнулъ чаю, поставилъ локти на столъ, глядя на лампу... Стекла запотѣли, четко и бойко, по-зимнему, выговаривала колотушка что-то ладное... Эхъ, если бы дѣти! Если бы—ну, любовница, что ли, хорошая вмѣсто этой пухлой старухи, которая осточертѣла одними своими рассказами о княжнѣ, о какой-то благочестивой монахинѣ Поликарпѣи, что зовутъ въ городѣ Полукарпѣей!.. Да поздно, поздно.

Разстегнувъ шитый воротъ рубахи, Тихонъ Ильичъ съ горькой усмѣшкой ощупалъ шею, впадины по шеѣ за ушами... Первый знакъ старости эти впадины,—лошадиной становится голова! Да и прочее недурно. Онъ нагнулъ голову, запустилъ пальцы въ бороду... И борода сѣдая, сухая, путаная. Нѣтъ, шабашъ, шабашъ, Тихонъ Ильичъ!

Онъ пилъ, хмелѣлъ, все плотнѣе стискивалъ челюсти, все пристальнѣе, щуря глаза, глядѣлъ на горящій ровнымъ огнемъ фитиль лампы... Вы подумайте: къ брату родному нельзя съѣздить,—вабаны не пускаютъ, свиньи! А и пустили бы,—тоже радости мало. Читалъ бы ему Кузьма нотаціи, стояла бы

съ поджатыми губами, съ опущенными рѣсницами Молодая...
Да отъ однихъ этихъ опущенныхъ глазъ сбѣжишь!

Сердце замирало, ныло, голову сладко туманило... Гдѣ это слышалъ онъ эту пѣсню?

Пришелъ мой скучный вечеръ,
Не знаю, что начать.
Пришелъ мой другъ любезный,
Онъ сталъ меня ласкать...

Ахъ, да, это въ Лебедяни, на постояломъ дворѣ. Сидятъ въ зимній вечеръ дѣвки-кружевницы и поютъ... Сидятъ, плетутъ и, не поднимая рѣсницъ, звонкими грудными голосами выводятъ:

Цѣлуетъ, обнимаетъ,
Прощается со мной...

Голову туманило, — то казалось, что все еще впереди — и радость, и воля, и беззаботность, — то начинало болѣзненно, безнадежно ныть сердце. То онъ говорилъ:

— Были бъ денежки въ карманѣ, — будетъ тетушка въ торгу!

То зло глядѣлъ на лампу и бормоталъ, разумѣя брата:

— Учитель! Проповѣдникъ! Филаретъ милосливый... Голоштаный чортъ!

Онъ допилъ рябиновку, накурилъ такъ, что потемнѣло... Невѣрными шагами, по зыбкому полу, вышелъ онъ въ одномъ пиджакѣ въ темныя сѣни, ощутилъ крѣпкую свѣжесть воздуха, запахъ соломы, запахъ псины, увидалъ два зеленоватыхъ огня, мелькнувшихъ на порогѣ.

— Буянъ! — крикнулъ онъ.

И изо всей силы ударилъ Буяна сапогомъ въ голову.

Потомъ послушалъ колотушку, притопывая въ ладъ ей, мочась на ступеньки крыльца, мысленно приговаривая:

Иди прямо на меня!
Гляди прямо на меня!

И крикнулъ, направляясь къ шоссе:

— Дуи бѣлку въ хвостъ — пушистѣй будетъ!

Мертвая тишина стояла надъ землей, мягко чернѣвшей въ звѣздномъ свѣтѣ. Блестѣли разноцвѣтные узоры звѣздъ. Слабо бѣлѣло шоссе, пропадая въ сумракѣ. Вдали глухо, точно изъ-подъ земли, слышался возрастающій грохотъ. И вдругъ вырвался наружу и загудѣлъ окрестъ: бѣло блистая цѣпью оконъ, освѣщенныхъ электричествомъ, разметавъ, какъ летящая вѣдьма, дымныя косы, ало озаренныя изъ-подъ низу, несся вдали, пересѣкая шоссе, экспрессъ...

— Это мимо Дурновки-то!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, икая.— Мимо Сѣраго-то! Ахъ, разбойники, анаемы...

Сонная кухарка вошла въ горницу, тускло освѣщенную выгорающей лампой и провонявшую табакомъ, внесла салыный чугуничекъ со щами, захвативъ его въ черныя отъ сала и сажи ветошки. Тихонъ Ильичъ покосился и сказалъ:

— Сію минуту выйди вонъ.

Кухарка повернулась, толкнула ногой дверь и скрылась. Тогда онъ взялъ календарь Гатцука, обмакнулъ ржавое перо въ ржавыя чернила и сталъ, стискивая зубы и сонно глядя свинцовыми глазами, безъ конца писать по календарю вдоль и поперекъ:

— Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ Гатцукъ...

II.

Кузьма почти всю жизнь мечталъ писать и учиться.

Что стихи! Стихами онъ баловался въ малолѣтствѣ. Ему хотѣлось разсказать, какъ погибалъ онъ, съ небывалой безпощадностью изобразить свою нищету и тотъ страшный въ своей обыденности бытъ, что калѣчилъ его, дѣлалъ безплодной смоковницей.

Обдумывая свою жизнь, онъ и казнилъ себя и оправдывалъ.

Да, онъ нищій уѣздный мѣщанинъ, чуть не до пятнадцати лѣтъ читалъ по складамъ. Но его исторія—исторія всѣхъ русскихъ самоучекъ. Онъ родился въ странѣ, имѣющей болѣе ста милліоновъ безграмотныхъ. Онъ росъ въ Черной Слободѣ, гдѣ еще до сихъ поръ на смерть убиваютъ въ кулачныхъ бояхъ. Онъ видѣлъ въ дѣтствѣ грязь и пьянство, лѣнь и скуку... Дѣтство дало только одно поэтическое впечатлѣніе: была темная кладбищенская роща да выгонъ на горѣ за Слободой, а за нимъ—просторъ, жаркое марево степи, дальняя бѣлая хата подъ топодемъ. Но даже и къ этой хатѣ внушали ему презрѣніе: тамъ жили хохлы, а вѣдь они такъ глупы, что на вопросъ:—„Хохлы, гдѣ ваши котлы?“—отвѣчаютъ:—„Не вамъ ли сказать, что подъ фурами лежатъ?“ Буквамъ и цифрамъ выучилъ его и Тихона сосѣдъ, заливщикъ калошъ Бѣлкинъ; но и то только потому, что работы у него никогда не было,—ужъ какія тамъ калоши въ Слободѣ!—что драть кого-нибудь за „виски“ всегда пріятно, и что не вѣкъ же сидѣть на завалинкѣ распояской, наклонивъ и подставивъ солнцу лохматую голову, поплеывая на пыль между босыми ногами. Въ лавкѣ Маторина братья скоро постигли письмо, чтеніе, сталъ Кузьма и книжками увлекаться, которыя дарилъ ему базарный воль-

подумецъ и чудакъ, старикъ-гармонистъ Балашкинъ. Но до чтенія ли въ лавкѣ? Маторинъ очень часто кричалъ: — „Я тебѣ ухи оболтаю за твоихъ Гуаковъ, дьяволенокъ ты этакій!“.

Это старая исторія, но и о базарныхъ нравахъ хотѣлъ Кузьма напомнить. На базарѣ воспринялъ онъ много постыднаго. Тамъ ихъ съ братомъ научили высмѣивать нищету матери, то, что она стала запивать, брошенная подростыми сыновьями. Тамъ они продѣлали разъ такую штуку: мимо дверей лавки каждый день проходилъ изъ библіотеки сынъ портного Витебскаго, еврей лѣтъ шестнадцати, съ блѣдно-голубымъ лицомъ, страшно худой, ушастый, въ очкахъ, и на ходу пристально читалъ, а они накидали на тротуаръ щебня—и еврей—„ученый-то этотъ!“—полетѣлъ такъ удачно, что разбилъ въ кровь колѣни, локти, зубы... Тамъ Кузьма и писать сталъ,—началъ рассказомъ о томъ, какъ одинъ купецъ ѣхалъ въ страшную грозу, ночью, по Муромскимъ лѣсамъ, попалъ на ночлегъ къ разбойникамъ и былъ зарѣзанъ. Кузьма горячо изложилъ его предсмертныя мольбы, думы, его скорбь о своей несправедливой и „такъ рано пресѣкшейся жизни“... Но базаръ безъ пощады окатилъ его холодной водой.

— Ну и чудакъ ты, прости Господи!—весело и пахально сказалъ онъ устами Тихона.—„Рано“! Давно пора чорту пузатому! Да и какъ же это ты узналъ-то, что онъ думалъ? Вѣдь его же зарѣзали?

Тогда Кузьма написалъ кольцовскимъ ладомъ пѣсню престарѣлаго витязя, завѣщающаго сыну вѣрнаго коня.—„Онъ носилъ меня въ моей младости!“—восклицалъ въ пѣснѣ витязь. Но Тихонъ и тутъ только покачалъ головой.

— Такъ!—сказалъ онъ.—Сколько же лѣтъ было этому самому коню? Ахъ, Кузьма, Кузьма! Ты бы лучше дѣльное-то что-нибудь сочинилъ,—ну, хоть про войну, къ примѣру...

И Кузьма, поддѣлываясь подъ базарный вкусъ, сталъ съ азартомъ писать о томъ, о чемъ толковалъ тогда базаръ,—о русско-турецкой войнѣ: о томъ, какъ—

Въ семьдесятъ седьмомъ году
Вздумалъ турка воевать,
Подвигалъ свою орду
И хотѣлъ Россію взять,—

и какъ эта орда—

Въ безобразныхъ колпакахъ
Подкрадалась подъ Царь-Пушку...

Съ болью сознавалъ онъ потомъ, сколько тупости, невѣжества было въ такихъ виршахъ и чего стоитъ этотъ хамскій

языкъ, это русское презрѣніе къ чужимъ колпакамъ. Съ болью вспоминалъ и многое другое... напимѣръ, Задонскъ. Однажды нашла на него страстная жажда покаянія, страхъ, что мать, умершая почти съ голоду, горько повѣдала на небѣ свою скорбную жизнь, и онъ пѣшкомъ отправился къ угоднику; а тамъ только и дѣлалъ, что съ злобной радостью читалъ поклонникамъ одинъ особенно поразившій его „листокъ“: какъ нѣкій сельскій писарь вздумалъ не признавать властей и церкви, а Богъ такъ прогнѣвался, что „этотъ аристократъ слегъ на смертный одръ“, и что болѣзнь его была такая: „жралъ больше свиньи, а кричалъ, что все ему мало, и высохъ до неузнаваемости“... И вся-то молодость Кузьмы прошла въ такихъ исторіяхъ! Думалось, исповѣдывалось одно, а говорилось, дѣлалось—другое. Мечтая писать, подводя итоги жизни, Кузьма въ тоскѣ качалъ головой: „Русская-съ черта! Сѣяли горохомъ пополамъ съ чертополохомъ“.

Казалось, что былъ онъ въ молодости веселъ, добръ, нѣженъ, понятливъ, любознателенъ. Но такъ ли? Конечно, онъ не Тихонъ... Но отчего же и онъ, подобно Тихону, такъ рано усвоилъ грубость окружающихъ? Отчего онъ, добрый и нѣжный, такъ безпощадно забылъ мать? Отчего сердцемъ его, такъ пылко работавшимъ надъ книгой, еще такъ долго владѣлъ базарь? Отчего, отчего онъ—безплодная смоковница?

Почти весь его заработокъ забиралъ въ общую копилку Тихонъ: свое дѣло рѣшили начать. Отдавалъ деньги Кузьма съ хорошей, сердечной довѣрчивостью, которой у Тихона никогда и не бывало. Но мать-то, мать-то! Вѣдь онъ стоналъ, вспоминая, какъ она, нищая, благословляла его, дарила ему единственное свое сокровище, память лучшихъ дней, хранимую на днѣ сундука, — серебряный образокъ. И то, что онъ стоналъ, тоже было хорошо, но вѣдь деньги-то все-таки шли къ Тихону...

Бросивъ лавку и продавъ, что осталось послѣ матери, стали они торговать, поѣхали къ хохламъ, къ Воронежу. Въ родномъ городѣ бывать случалось часто, и съ Балашкинымъ Кузьма дружилъ попрежнему, книги, которыя ему давалъ или указывалъ Балашкинъ, читалъ жадно, да и не такъ, какъ Тихонъ. Тихонъ, когда дѣлать было нечего, тоже любилъ почитать; могъ и годъ не брать книги въ руки, но если ужъ бралъ, то читалъ быстро, до послѣдней строчки, прочитавъ же, сразу порывалъ связь съ книгой; прочиталъ однажды за ночь цѣлый томъ „Современника“, не понялъ многого, очень занятнымъ называлъ понятое—и ужъ навѣкъ забылъ о „Современникѣ“. Кузьма тоже многого не пони-

малъ — даже въ Бѣлинскомъ, Гоголѣ, Пушкинѣ. Но росло его пониманіе не по днямъ, а по часамъ, суть дѣла умѣлъ онъ схватывать и закрѣплять въ сердцѣ прямо на удивленіе... Отчего же, схватывая слова Добролюбова, сквернословилъ онъ на базарѣ и говорилъ „хвактъ“ вмѣсто „фактъ“? Отчего, бесѣдуя съ Балашкинымъ о Шиллерѣ, страстно мечталъ выпросить въ долгъ „ливенку“? Восторгаясь „Дымомъ“, онъ, однако, твердилъ, что „кто уменъ да не ученъ, въ томъ безъ ученья много свѣта“. Побывавъ на могилѣ Кольцова, съ восхищеніемъ записалъ безграмотную надпись на плитѣ ея: „Подсимъ памятникомъ погребено тело мещанина алесея василевича Калцова сочинителя и поэта воронежскаго награжденнаго монаршаю милостию просвещеннаго безнаукъ природою...“

Образумливалъ его — и крѣпкую печать наложилъ на душу — Балашкинъ.

Старый, огромный, худой, зиму и лѣто не снимавшій позеленѣвшей чуйки и теплаго картуза, большелицый, бритый и косоротый, Балашкинъ бывалъ почти страшенъ своими злыми рѣчами, своимъ глубокимъ стариковскимъ басомъ, колючей серебристой щетиной на сѣрыхъ щекахъ и губѣхъ и зеленымъ лѣвымъ глазомъ, выпученнымъ, сверкавшимъ и косившимъ въ ту сторону, куда былъ скошенъ и ротъ его. И какъ рявкнулъ онъ однажды, выслушавъ рѣчь Кузьмы „о просвѣщеніи безъ наукъ“, какъ сверкнулъ этимъ глазомъ, отшвырнувъ цыгарку, которую насыпалъ махоркой надъ коробкой изъ-подъ килекъ!

— Ослиная челюсть! Чтò мелешь? Обдумалъ ли, чтò значить это наше „безъ наукъ просвѣщеніе“? Смерть Жадовской — вотъ дьявольскій символъ его.

— А чтò жъ смерть Жадовской? — спросилъ Кузьма.

И Балашкинъ бѣшено крикнулъ:

— Забылъ? Поетесса, богачка, барыня, а утопла въ нужникѣ! Забылъ?

И опять схватилъ цыгарку и сталъ глухо ревѣть:

— Боже милосливый! Пушкина убили, Лермонтова убили, Писарева утопили... Рылѣева удавили, Полежаева въ солдаты, Шевченку на десять годовъ въ арестанты законопатили... Достоевскаго къ разстрѣлу таскали, Гоголь съ ума спятилъ... А Кольцовъ, Никитинъ, Рѣшетниковъ, Помяловскій, Левитовъ? Охъ, да есть ли еще такая сторона въ мірѣ, такой народъ, будь онъ трижды проклятъ?

Тревожно теребя пуговицы длиннополага сюртука, то застегиваясь, то разстегиваясь, хмурясь и ухмыляясь, смущенный Кузьма сказалъ въ отвѣтъ:

— Такой народъ! Величайшій народъ, а не „такой“, позвольте вамъ замѣтить.

— Не смѣй призы раздавать!—опять крикнулъ Балашкинъ.

— Нѣтъ-съ, посмѣю! Вѣдь писатели-то эти—дѣти этого самаго народа.

— Да, анахвема ты этакая, Жоржъ-Зандъ-то не меньше твоей Жадовской была, а не топла же!

— Платонъ Каратаевъ—вотъ признанный типъ этого народа!

— А почему жъ не Ерошка, почему не Лукашка? Я, братъ, ежели литературу-то захочу потрянуть, всѣмъ богамъ по сапогамъ найду! Почему Каратаевъ, а не Разуваевъ съ Колупаевымъ, не міроѣдъ-паукъ, не попъ-лихоимецъ, не дьякъ продажный, не Салтычиха какая-нибудь, не Карамазовъ съ Обломовымъ, не Хлестаковъ съ Ноздревымъ, али, чтобы не далеко ходить, не твой негодяй-братецъ, не Тишка Красовъ?

— Платонъ Каратаевъ...

— Вши съѣли твоего Каратаева! Не вижу тутъ идеала!

— А русскіе мученики, подвижники, угодники, Христа ради юродивые, раскольники?

— Чтò-о? А Колизеи, хрестовые походы, войны леригіозныя, секты несмѣтныя? Лютеръ, наконецъ, того? Нѣтъ, шалишь! Мнѣ-то сразу клыкъ не сломишь!

— Такъ чтò жъ дѣлать, по-вашему?—крикнулъ Кузьма.—Завязать глаза да на край свѣта бѣжать?

Но тутъ Балашкинъ внезапно потухъ. Онъ закрылъ глаза, и сѣрое огромное лицо его изобразило глубокую, скорбную старость. Запустивъ руку за пазуху, онъ вынулъ тяжелый серебряный хронометръ на длинной шейной цѣпочкѣ, тоже серебряной, долго что-то думалъ, опустилъ голову. И наконецъ пробормоталъ:

— Дѣлать? Не знаю... Одно знаю: пропали мы. Послѣднее—„Отечественныя Записки“—и то пристукнули! А тебѣ, дураку, все-таки одно нужно: учиться...

Да, нужно было одно—учиться. Но когда, гдѣ?

Цѣлыхъ пять лѣтъ торгашества—и это въ самую лучшую пору жизни! Великимъ счастіемъ казался даже пріѣздъ въ городъ. Отдыхъ, знакомые, запахъ пекаренъ и желѣзныхъ крышъ, мостовая на Торговой улицѣ, чай, булки и персидскій маршъ въ трактирѣ „Карсъ“... Политые изъ чайниковъ полы въ лавкахъ, бой знаменитаго перепела у дверей Рудакова, запахъ рыбнаго ряда, укропа, романовской махорки... Добрая и страшная улыбка Балашкина при видѣ подходящаго Кузьмы... Потомъ—громы и проклятія славянофиламъ, Бѣлинскій и

скверная брань, безсвязное и страстное забрасываніе другъ друга именами, цитатами... И самые безнадежные выводы — въ концѣ концовъ. „Теперь-то ужъ и впрямь шабашъ, — во весь духъ ломимъ назадъ, въ Азію!“ — гудѣлъ старикъ и вдругъ, понижая голосъ, озирался: „Слышалъ? Салтыковъ, говорятъ, помираетъ. Послѣдній! Отравили, говорятъ...“ А на утро—опять телѣга, степь, зной или грязь, напряженно-мучительное чтеніе подъ толчки бѣгущихъ колесъ... Долгое созерцаніе степной дали, сладко-тоскливый напѣвъ стиховъ внутри, перебиваемый думами о выручкѣ или перебранкой съ Тихономъ... Волнующій запахъ дороги — пыли и дегтя... Запахъ мятныхъ пряниковъ и удушливая вонь кошачьихъ шкуръ, грязной вѣлны, сапогъ, смазанныхъ ворванью... Поистинѣ изнурили эти годы, — усталость, по двѣ недѣли не снимаемые рубахи, ѣда всухомятку, хромота отъ сбитыхъ въ кровь пятокъ, ночевки въ чужихъ семьяхъ, въ чужихъ избахъ и сѣнцахъ!

Широко перекрестился Кузьма, когда наконецъ выскочилъ изъ этой кабалы. Но ужъ подъ тридцать было ему, посѣрѣлъ онъ весь, трезвѣй, серьезнѣй сталъ, бросилъ стихи, бросилъ читать; привыкъ къ трактирамъ, къ выпивкѣ. Послужилъ безъ году недѣлю у гуртовщика подъ Ельцомъ, побывалъ по его дѣламъ въ Москвѣ—и расчелся. Въ Воронежѣ давно началась у него любовь, связь съ чужой женой—туда и потянуло. И почти десять лѣтъ околачивался онъ въ Воронежѣ—возлѣ ссылки хлѣба, маклерствуя и пописывая въ газетахъ статейки по хлѣбному дѣлу, отводя или, вѣрнѣе, растравляя душу статьями Толстого, сатирами Щедрина. И все томился неотступной думой, что пропадаетъ, пропала его жизнь.

— Вотъ,—говорилъ онъ, вспоминая эти годы:—вотъ что значить оно, безъ наукъ-то просвѣщеніе!

Въ началѣ девяностыхъ годовъ умеръ отъ грыжи Балашкинъ, а незадолго до того видѣлъ его Кузьма въ послѣдній разъ. И что это за свиданіе было!

— Писать надо,—хмуро и зло жаловался одинъ.—Вянешь, какъ лопухъ въ полѣ...

— Да, да,—гудѣлъ другой, уже сонно кося своимъ помертвѣвшимъ глазомъ, съ трудомъ ворочая челюстью и не попадая махоркой въ цыгарку.—Сказано: каждый часъ учись, каждый часъ мысли... гляди кругомъ-то—на всѣ бѣды и убожества наши...

Потомъ застѣнчиво ухмыльнулся, отложилъ цыгарку и полѣзъ за пазуху.

— Вотъ, — забормоталъ опъ, роясь въ пачкѣ какихъ-то

истершихся бумагъ и вырѣзокъ изъ газетъ.—Вотъ тутъ, другъ, куча добра... Великій, будь онъ проклятъ, голодъ былъ. И я все почитывалъ да записывалъ... Помру,—годится тебѣ, матерьялъ дьявольскій. Все цынга да тифъ, тифъ да цынга. Въ одной волости всѣ дѣтишки вымерли, въ другой—всѣхъ собакъ поѣли... Богъ свидѣтель, не брешу! Да постой, я тебѣ найду сейчасъ...

Но рылся, рылся—и не нашелъ, сталъ искать очки, сталъ тревожно шарить по карманамъ, заглядывать подъ стойку, уморился—и махнулъ рукой. И, махнувъ, насупился и замоталъ головой:

— Да нѣтъ, нѣтъ—этого ты пока и касаться не смѣй. Ты еще неучъ слабоумный. Руби дерево по себѣ. На эту тему, что давалъ-то я тебѣ, про Сухоносова-то, написалъ? Нѣтъ еще? Ну, и вышелъ—оелиная челюсть. Какая тема-то!

— Про деревню бы надо, про народъ,—сказалъ Кузьма.—Вотъ, сами же вы говорите: Россія, Россія...

— А Сухоносый не народъ, не Россія? Да она вся—деревня, на носу заруби себѣ это! Глянь кругомъ-то: городъ это, по-твоему? Стадо каждый вечеръ по улицамъ претъ—отъ пыли сосѣда не видать... А ты—„городъ“! У, непонятный обломъ,—тебѣ, видно, хотъ колъ на головѣ тещи, а ты все-таки никогда ничего не напишешь...

И ясно, твердо понялъ Кузьма, что святую правду сказалъ Балашкинъ: не писать ему. Вотъ Сухоносый... Много лѣтъ не выходилъ изъ головы этотъ гнусный слободской старикъ, все имущество котораго заключалось въ загаженномъ клопами тюфякѣ и съѣденномъ молью салопѣ,—въ наслѣдствѣ послѣ жены. Онъ побирался, болѣлъ, голодалъ, ютился за полтинникъ въ мѣсяцъ въ углу у торговли изъ „обжорнаго ряда“ и, по мнѣнію ея, могъ отлично поправить свои обстоятельства продажей наслѣдства. Но онъ дорожилъ имъ, какъ зѣницей ока—и, конечно, совсѣмъ не въ силу нѣжныхъ чувствъ къ покойной: оно давало ему сознаніе, что у него есть, не въ примѣръ прочимъ, имущество. Ему казалось, что стоитъ оно дьявольски дорого: „Нынче, такихъ салоновъ-то ужъ нѣтути!“. Онъ не прочь, совсѣмъ не прочь былъ продать его. Но ломилъ такія нелѣпыя цѣны, что въ столбнякъ приводилъ покупателей... И Кузьма очень хорошо понималъ эту слободскую трагедію. Но, начиная обдумывать, какъ изложить ее, начиналъ жить всѣмъ сложнымъ бытомъ слободы, воспоминаніями дѣтства, молодости—и занутивался, тонилъ Сухоносова въ обилии картинъ, осаждавшихъ воображеніе, опускалъ руки, подавленный потребностью высказать свою собственную душу,

выложить все, что калѣчило его собственную жизнь. А въ этой жизни страшнѣй всего было то, что она проста, обыденна, съ непонятной быстротой размѣнивается на мелочь... Да и не умѣлъ онъ писать: онъ вѣдь даже мыслить правильно и долго не умѣлъ; мучился, какъ щенокъ въ соломѣ, взявшись за перо... И предсмертное пророчество Балашкина отрезвило его: не до рассказовъ тутъ! И впервые мелькнула мысль написать „Итоги“, суровую и жесткую эпитафію себѣ и—Россіи.

Съ тѣхъ поръ прошло однако еще двѣнадцать безплодныхъ лѣтъ. Онъ маклерствовалъ въ Воронежѣ, потомъ, когда умерла въ родильной горячкѣ женщина, съ которой онъ жилъ, маклерствовалъ въ Ельцѣ, торговалъ въ свѣчной лавкѣ въ Липецкѣ, былъ конторщикомъ въ экономіи Касаткина. И жизнь его текла ровно, въ работѣ, въ будничныхъ заботахъ,—пока выпивки не превратились въ запой какъ-то внезапно. Сталъ онъ было страстнымъ приверженцемъ Толстого: съ годъ не курилъ, въ ротъ не бралъ водки, не ѣлъ мяса, не разставался съ „Исповѣдью“, съ „Евангеліемъ“, хотѣлъ переселиться на Кавказъ, къ духоборамъ... Но вотъ поручили ему побывать по дѣламъ въ Кіевѣ. И, выѣхавъ, онъ почувствовалъ почти болѣзненную радость, точно неожиданно выпустили его послѣ долгой неволи на полную волю. Былъ ясный конецъ сентября—и все казалось легко, прекрасно: и чистый воздухъ, и нежаркое солнце, и бѣгъ поѣзда, и открытыя окна, и цвѣтистые лѣса, мелькавшіе вдоль нихъ... Вдругъ, на остановкѣ въ Нѣжинѣ, увидѣлъ Кузьма большую толпу у дверей вокзала. Толпа окружала кого-то и кричала, волновалась, спорила. У Кузьмы застучало сердце, и онъ побѣжалъ къ ней. Быстро протолкался и увидалъ красную фуражку начальника станціи, бѣлый колпакъ повара, похожаго на гетмана, и сѣрую шинель рослаго жандарма, который распекалъ трехъ покорно, но упрямо стоявшихъ передъ нимъ хохловъ въ короткихъ толстыхъ свиткахъ, въ несокрушимыхъ сапогахъ, въ коричневыхъ бараньихъ шапкахъ. Шапки эти едва держались на чемъ-то страшномъ—на круглыхъ головахъ, увязанныхъ жесткой отъ засохшей сукровицы марлей, надъ залупшими глазами, надъ вздутыми и остеклянѣвшими лицами въ зелено-желтыхъ кровоподтекахъ, въ запекшихся и почернѣвшихъ ранахъ: хохлы были искусаны бѣшенымъ волкомъ, отправлены въ Кіевъ въ лѣчебницу и по суткамъ сидѣли чуть не на каждой большой станціи безъ хлѣба и безъ копейки денегъ. И, узнавъ, что ихъ не пускаютъ теперь только потому, что поѣздъ называется скорымъ, Кузьма внезапно пришелъ въ ярость и, подъ одобрительные крики евреевъ изъ толпы, за-

ораль, затопаль ногами на жандарма. Его задержали, составили протоколъ, и, ожидая слѣдующаго поѣзда, въ первый разъ въ жизни напился Кузьма до безпамятства.

Хохлы были изъ Черниговской губерніи. Всегда она представлялась ему глухимъ краемъ, съ тусклой, пасмурной синью надъ лѣсами. О временахъ Владимира, о давней жизни, боровой, древне-мужицкой, напомнили эти люди, испытавшіе рукопашную схватку съ бѣшенымъ звѣремъ. И, напиваясь, наливая рюмки трясущимися послѣ скандала руками, Кузьма восторгался: „Ахъ, и время же было!“. Онъ задохнулся отъ злобы и на жандарма и на этихъ покорныхъ скотовъ въ свиткахъ. Тупые, дикіе, будь они прокляты... Но—Русь, древняя Русь! И слезы пьяной радости и силы, искажающей всякую картину до противоестественныхъ размѣровъ, застилали глаза Кузьмы. „А непротивленіе?“—вспоминалъ онъ порою и качалъ головой, ухмыляясь. Спиной къ нему, за общимъ столомъ, обѣдалъ молоденькій чистенькій офицеръ; и Кузьма ласково-нагло смотрѣлъ на его бѣлый китель, такой короткій, съ такой высокой таліей, что хотѣлось подойти, одернуть его. „И подойду!—думалъ Кузьма.—А вскочить, крикнетъ—въ рыло! Вотъ тебѣ и непротивленіе“... Затѣмъ поѣхалъ въ Кіевъ и, махнувъ рукой на дѣла, три дня проходилъ, хмельной и радостно-возбужденный, по городу, по обрывамъ надъ Днѣпромъ. И въ Софійскомъ соборѣ, за обѣдней, многіе съ удивленіемъ оглядывали худого и широкаго кацапа, стоявшаго передъ саркофагомъ Ярослава. Одѣтъ онъ былъ опрятно, въ рукѣ держалъ новый картузь, стоялъ прилично, но видъ имѣлъ странный: обѣдня кончалась, народъ выходилъ и отворялъ двери, сторожа тушили свѣчи, изъ верхнихъ оконъ падали въ голубой дымъ золотыя полосы жаркаго полуденнаго солнца, онъ же, сжавъ зубы, опустивъ на грудь рѣдкую сѣрѣющую бороду и страдальчески-счастливо закрывъ глубоко запавшіе глаза, слушалъ звонъ, пѣвуче и глухо гудѣвшій надъ соборомъ—стародавній звонъ, провожавшій нѣкогда въ походы на печенѣговъ... А передъ вечеромъ видѣли Кузьму у лавры. Онъ сидѣлъ противъ воротъ ея, подъ засыхающей акаціей, возлѣ калѣки-мальчишки, курилъ и, задумчиво-хитро щурясь, смотрѣлъ на бѣлыя стѣны и ограды, на золото мелкихъ куполовъ въ чистомъ осеннемъ небѣ. Мальчишка былъ безъ шапки, съ холщевой сумой черезъ плечо, въ грязной рвани на тощемъ тѣлѣ; въ одной рукѣ держалъ онъ деревянную чашечку, съ копейкой на днѣ, а другой все перекладывалъ, какъ чужую, какъ вещь, свою уродливую, обнаженную до колѣна правую ногу, валую, не-

естественно-тонкую, дочерна загорѣлую и поросшую золоти-стой шерстью. Нижого не было кругомъ, но, сонно и болѣз-ненно откинувъ стриженую, жесткую отъ солнца и пыли голову, показывая тонкія дѣтскія ключицы и не обращая вни-манія на мухъ, точившихъ его сопля, мальчишка непрестанно тянулъ:

Взгляните, мамаша,
какіе мы есть несчастные, страдащіе!
Ахъ, не дай Господь, мамаша,
такимъ страдающимъ быть!

И Кузьма ему поддакивалъ: „Такъ, такъ! Тяни, выродокъ, тяни. Отлично!“. А въ пьяномъ умѣ его упорно держалась острая мысль, что вотъ еще разъ смѣло подбилъ онъ итогъ— итогъ за цѣлыхъ двѣнадцать лѣтъ, такъ быстро и неза-мѣтно приведшихъ его къ какому-то совершенно неожидан-ному обрыву...

Одолѣвъ запой, остепенившись, онъ почувствовалъ себя уже старикомъ. Съ поѣздки въ Кіевъ сровнялось три года. И за это время несомнѣнно произошло въ немъ что-то очень важ-ное. Какъ произошло,—онъ даже самъ опредѣлить не пытался. Слишкомъ необычна была жизнь за эти годы—и его собствен-ная и общественная. Конечно, онъ еще въ Кіевѣ понялъ, что у Касаткина держаться ему недолго, и что впереди — нищета, потеря лика человѣческаго. Такъ и случилось. Про-держался онъ еще два найма, но въ положеніи очень постыд-номъ и тяжкомъ: вѣчно полупьяный, неопрятный, охрипшій, насквозь пропитанный махоркой, черезъ силу скрывающій свою непригодность къ дѣлу... Затѣмъ палъ еще ниже: вер-нулся въ родной городъ, проживалъ послѣдніе гроши; ночевалъ цѣлую зиму въ общемъ номерѣ на подворьѣ Ходова, дни убивалъ въ трактирѣ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Изъ этихъ грошей много ушло на глупую затѣю — на изданіе книжки стиховъ, и пришлось потомъ шататься среди посѣти-телей Авдеича и навязывать имъ книжку за поль-цѣны... Да мало того: онъ чуть шуткомъ не сталъ! Разъ, въ морозное солнечное утро, стоялъ онъ на базарѣ возлѣ мучныхъ лавокъ и глядѣлъ на босняка, который кривлялся передъ купцомъ Мозжухинымъ, вышедшимъ на порогъ. Мозжухинъ, сонно-насмѣшливый, похожій лицомъ на отраженіе въ самоварѣ, занятъ былъ больше котомъ, который лизалъ его расчищенный сапогъ. Но босякъ не унимался. Онъ ударилъ себя кулакомъ въ грудь, сталъ, поднимая плечи и хрипя, декламировать:

Кто пьянствуетъ съ похмеля,
Тотъ дѣйствуетъ умно...

И Кузьма, блестя запухшими глазами, внезапно подхватилъ:

Да здравствуетъ веселье,
Да здравствуетъ вино!

А проходившая мимо старуха-мѣщанка, похожая лицомъ на старую львицу, остановилась, исподлобья поглядѣла на него и, поднявъ костыль, раздѣльно, зло сказала:

— Небось, молитву-то не заучилъ такъ-то!

Ниже падать стало некуда. Но это-то и спасло его. Онъ пережилъ нѣсколько страшныхъ сердечныхъ припадковъ — и сразу оборвалъ пьянство, твердо рѣшивъ начать самую простую трудовую жизнь, снимать, на примѣръ, сады, огороды, купить гдѣ-нибудь въ родномъ уѣздѣ пчельникъ, благо осталось еще рублей полтора ста...

Мысль эта сперва радовала его. „Да, это отлично, — думалъ онъ съ той скорбно-иронической усмѣшкой, которую еще такъ недавно усвоилъ себѣ: — домой пора!“ И правда, нуженъ былъ отдыхъ, хотѣлось новой жизни. Такъ недавно еще началась эта огромная смута и въ немъ и вокругъ него. Но она уже сдѣлала свое дѣло. Сталъ онъ уже не тотъ, что былъ прежде. Совсѣмъ посѣрѣла его бородка, порѣдѣли, пріобрѣли желѣзный цвѣтъ его причесанные на прямой рядъ, завивавшіеся на концахъ волосы, потемнѣло и еще худѣ стало широкое въ скулахъ лицо. Обострилась наблюдательность, скептический умъ. Утончилась, болѣзненно-чуткой стала душа, хотя и умѣлъ онъ скрывать это за серьезнымъ и даже порою твердымъ взглядомъ своихъ маленькихъ глазъ подъ чуть перекошенными бровями. Подтянулся онъ весь, меньше сталъ думать о себѣ, больше — объ окружающемъ... Но хотѣлось все-таки „домой“, отдохнуть; хотѣлось работы по душѣ.

Весной, за нѣсколько мѣсяцевъ до мира съ Тихономъ, Кузьма прослышалъ, что сдается садъ въ селѣ Казаковѣ, въ родномъ уѣздѣ, и поспѣшилъ туда: мѣста глухія, черноземныя, поблизости тѣхъ, гдѣ красовскій корень.

Было начало мая; послѣ жары завернули холода, дожди, шли надъ городомъ осеннія мрачныя тучи. Кузьма, въ старой чуйкѣ и старомъ картузѣ, безъ калошъ, въ однихъ сбитыхъ ошойковыхъ сапогахъ, шагаль на вокзалъ, за Пушкирную Слободу, и, качая головой, морщась отъ цыгарки въ зубахъ, заложивъ руки назадъ, подъ чуйку, улыбался: навстрѣчу ему только-что пробѣжалъ босоногій мальчишка съ кипой газетъ и на бѣгу бойко крикнулъ привычную фразу:

— Всяобщая забастовка!

— Опоздалъ, малый,—сказалъ Кузьма.—Поновѣй-то чего нѣту?

Мальчишка, блестя глазами, приостановился.

— Новыя городской на вокзалѣ отнялъ,—отвѣтилъ онъ.

— Ай да конституція! — Ёдко сказалъ Кузьма и двинулся дальше, прыгая среди грязи подъ темными отъ дождей, гнилыми заборами, подъ вѣтвями мокрыхъ садовъ и окнами косыхъ хибарокъ, сходявшихъ подъ гору, въ конецъ городской улицы. „Чудеса въ рѣшетѣ!“ — думалъ онъ, прыгая. Прежде въ такую погоду по лавкамъ, трактирамъ зѣвали, еле перекидывались словами. Теперь по всему городу—толки о Думѣ, о бунтахъ и пожарахъ, о томъ, какъ „Муронцевъ отбрилъ примѣръ-министра“... Ну, да не надолго лягушкѣ хвостъ! Въ городскомъ саду уже играетъ оркестръ стражниковъ... Казаковъ прислали цѣлую сотню... И третьяго-дня на Торговой улицѣ одинъ изъ нихъ, пьяный, подошелъ къ открытому окну общественной библіотеки и, разстегивая штаны, предложилъ барышнѣ-завѣдующей купить „арихметику“. Старикъ-извозчикъ, стоявшій подлѣ, сталъ стыдить его, а казакъ выхватилъ шашку, разсѣкъ ему плечо и съ матерной бранью кинулся по улицѣ за летящими куда попало, ошалѣвшими отъ страха прохожими и проѣзжими...

— Кошкoderъ, кошкoderъ, завалился подъ заборъ! — тонкими голосами завопили за Кузьмой дѣвчонки, прыгавшія по камнямъ мелкаго слободскаго ручья.—Тамъ кошекъ дерутъ, ему лапку дадутъ!

— У, паршивыя! — цыкнулъ на нихъ, замахиваясь желѣзной коробкой, шедшій впереди Кузьмы кондукторъ въ страшно тяжелой даже на видѣ шинели.—Ровесника нашли!

Но по голосу можно было понять, что онъ сдерживаетъ смѣхъ. Старыя глубокія калоши кондуктора были въ засохшей грязи, хлястикъ шинели висѣлъ на одной пуговицѣ. Бревенчатый мостикъ, по которому онъ шелъ, лежалъ косо. Дальше, возлѣ рвовъ, промытыхъ вѣшной водой, росли чахлая лозинки. И Кузьма невсело взглянулъ и на нихъ, и на соломенные крыши по слободской горѣ, на дымчатые и синеватые тучи надъ ними, и на рыжую собаку, грызущую во рву кость. На днѣ рва сидѣлъ на корячкахъ мѣщанинъ въ жилеткѣ сверхъ ситцевой косоворотки и съ неловкой, глупой улыбкой палилъ вверхъ выпученные глаза, бѣлѣвшіе на красномъ отъ натуги лицѣ. Когда съ нимъ поровнялся Кузьма, онъ отъ неловкости сказалъ:

— Это на васъ дѣвчонки-то? Ишь, чертеняты, съ малодѣтства жъ озорству привыкаютъ!

— Сами же и научаете ихъ,—отвѣтилъ Кузьма, хмурясь.

„Да, да,—думалъ онъ, поднимаясь на гору.—Не надолго лягушкѣ хвостъ!..“ Поднявшись, вздохнувъ сырымъ полевымъ вѣтромъ, увидавъ среди пустыхъ зеленыхъ полей красныя вокзальныя постройки, онъ опять ухмыльнулся. Парламентъ, депутаты! Вчера воротился онъ изъ сада, гдѣ, по случаю праздника, была иллюминація, взвивались ракеты, а стражники играли „Тореадора“ и „Возлѣ рѣчки, возлѣ моста“, „Матчишъ“ и „Тройку“, вскрикивая среди галопы: „Эй, мила-и!“—вернулся и сталъ звонить у воротъ своего подворья. Дергалъ, дергалъ гремящую проволоку—ни души. Ни души и кругомъ, тишина, сумерки, холодное зеленоватое небо на закатѣ за площадью въ концѣ улицы, надъ головой—тучи... Наконецъ плетется кто-то за воротами, кричитъ. Гремить ключами и бормочетъ:

— Въ отдѣлку охромѣлъ...

— Отчего это?—спросилъ Кузьма.

— Лошадь убила, —отвѣтилъ отворявшій и, распахнувъ калитку, прибавилъ:—Ну, теперь еще двое осталось.

— Это судейскіе, что ли?

— Судейскіе.

— А не знаешь, зачѣмъ судъ пріѣхалъ?

— Депутата судить... Говорятъ, рѣку хотѣлъ отравить.

— Депутата? Дуракъ, да развѣ депутаты этимъ занимаются?

— А чума ихъ знаетъ...

На окраинѣ слободы, возлѣ порога глиняной мазанки, стоялъ высокій старикъ въ опоркахъ. Въ рукѣ у старика была длинная орѣховая палка, и, увидавъ проходящаго, онъ поспѣшилъ притвориться гораздо болѣе старымъ, чѣмъ былъ,—взялъ палку въ обѣ руки, поднялъ плечи, сдѣлалъ усталое, грустное лицо. Сырой, холодный вѣтеръ, дувшій съ поля, трепалъ космы его сѣрыхъ волосъ. И Кузьма вспомнилъ отца, дѣтство... „Русь, Русь! Куда мчишься ты?“—пришло ему въ голову восклицаніе Гоголя. — „Русь, Русь!.. Ахъ, пустоболты, пропасти на васъ нѣту! Вотъ это будетъ почище—„депутатъ хотѣлъ рѣку отравить“... Да, но съ кого и взыскивать-то? Несчастный народъ, прежде всего—несчастный!..“ И на маленькіе зеленоватые глаза Кузьмы навернулись слезы—внезапно, какъ это стало часто случаться за послѣднее время. Забрелъ онъ недавно въ трактиръ Авдеича на Бабьемъ базарѣ. Вошелъ во дворъ, утопая по щиколку въ грязи, и со двора поднялся во второй этажъ — „дворянскую половину“—по такой вонючей, насквозь сгнившей дере-

вянной лѣстницѣ, что даже его, человѣка, видавшаго виды, затошнило; съ трудомъ отворилъ тяжелую, сальную дверь въ клокахъ войлока, въ рваныхъ ветошкахъ вмѣсто обивки, съ блокомъ изъ веревки и кирпича,—и ослѣпъ отъ чада, дыма, блеска жестяныхъ рефлекторовъ за стѣнными лампочками, оглохъ отъ звона посуды на стойкѣ, говора, топота бѣгущихъ во всѣ стороны половыхъ и гнусаваго крика граммофона. Затѣмъ прошелъ въ дальнюю комнату, гдѣ народу было меньше, сѣлъ за столикъ, спросилъ меду... Подъ ногами, на затоптанномъ и заплеванномъ полу—ломтики высосаннаго лимона, яичная скорлупа, окурки... А у стѣны напротивъ сидитъ длинный мужикъ въ лаптяхъ и блаженно улыбается, мотаетъ лохматой головой, прислушиваясь къ кричащему граммофону. На столикѣ—сотка водки, стаканчикъ, крендели. Но мужикъ не пьетъ, а только мотаетъ головой, смотритъ на лапти и вдругъ, почувствовавъ на себѣ взглядъ Кузьмы, открываетъ радостные глаза, поднимаетъ чудесное доброе лицо въ рыжей вьющейся бородѣ. „Ну, залетѣлъ!“—воскликаетъ онъ радостно и изумленно. И спѣшитъ добавить—въ оправданіе: „У меня, господинъ, братъ тутъ служа... Братъ родной“... И, сморгнувъ слезы, Кузьма стиснулъ зубы. У, анаемы, до чего затоптали, забили народъ! „Залетѣлъ“! Это къ Авдеичу-то! Да мало того: когда Кузьма поднялся и сказалъ: „Ну, прощай!“—поспѣшно поднялся и мужикъ и отъ полноты счастливаго сердца, съ глубокой благодарностью и за свѣтъ, и за роскошь обстановки, и за то, что поговорили съ нимъ по-человѣчески, поспѣшно отвѣтилъ: „Не прогнѣвайтесь“...

Въ вагонахъ прежде разговаривали только о дождяхъ и засухахъ, о томъ, что „цѣны на хлѣбъ Богъ строить“. Теперь у многихъ въ рукахъ шуршали газетные листы, а толкъ шелъ опять-таки о Думѣ, о свободахъ, отчужденіи земель—никто и не замѣчалъ проливного дождя, шумѣвшаго по крышамъ, хотя ѣхалъ народъ все жадный до весеннихъ дождей—хлѣботорговцы, мужики, мѣщане съ хуторовъ. Прошелъ молодой солдатъ съ отрѣзанной погой, въ желтухѣ, съ черными печальными глазами, ковыляя, стуча деревяжкой, снимая манджурскую папаху и, какъ нищій, крестясь при каждомъ подаванні. И поднялся шумный негодующій говоръ о правительствѣ, о министрѣ Дурново и какомъ-то казенномъ овсѣ... Издѣваясь, вспомнили то, чѣмъ прежде наивно восхищались: какъ „Витя“, чтобы напугать японцевъ въ Портсмутѣ, приказывалъ свои чемоданы увязывать... Сидѣвшій противъ Кузьмы молодой человѣкъ, стриженный бобрикомъ, покраснѣлъ, заволновался и поспѣшилъ вмѣшаться:

— Позвольте, господа! Вотъ вы говорите — свобода... Вотъ я служу письмоводителемъ у податного инспектора и посылаю статейки въ столичныя газеты... Развѣ это его касается? Онъ увѣряетъ, что онъ тоже за свободу, а между тѣмъ узналъ, что я написалъ о ненормальной постановкѣ нашего пожарнаго дѣла, призываетъ меня и говоритъ: „Если ты еще будешь, сукинъ сынъ, писать эти штуки, я тебѣ голову отмотаю!“ Позвольте: если мои взгляды лѣвѣе его...

— Взгляды? — алытомъ карлика вдругъ крикнулъ сосѣдъ молодого человѣка, толстый скопецъ въ сапогахъ бутылками, мучникъ Черняевъ, все время кѣсившій на него свинными глазками. И, не давъ ему опомниться, завопилъ:

— Взгляды? Это у тебя-то взгляды? Это ты-то лѣвѣе? Да я тебя еще безъ портокъ видалъ! Да ты съ голоду околѣвалъ, не хуже отца своего, побирунки! Ты у инспектора-то ноги долженъ мыть да юшку пить!

— Кон-сти-ту-у-ція, — тонкимъ голосомъ, перебивая скопца, запѣлъ Кузьма и, поднявшись съ мѣста, задѣвая колѣни сидящихъ, пошелъ по вагону къ дверямъ.

Ступни у скопца были маленькія, полныя и противныя, какъ у какой-нибудь старой ключницы, лицо тоже бабье, большое, желтое, плотное, какъ гуттаперча, губы тонкія... Да хорошъ и Полозовъ, — учитель прогимназіи, тотъ, что такъ ласково кивалъ головой, слушая скопца и опираясь на трость, — коренастый, холеный человѣкъ лѣтъ тридцати, въ сапожкахъ съ голенищами подъ сѣрыми панталонами, въ сѣрой шляпѣ и сѣрой крылаткѣ, ясноглазый, съ круглымъ носомъ и роскошной русой бородой во всю грудь. Учитель, а на указательномъ пальцѣ — тяжелый золотой перстень-печать. И ужъ домикъ имѣетъ — приданое за дочерью протопопа. Ступни тоже маленькія, руки короткія, пальцы — обрубочки; чистоплотенъ и аккуратенъ — на рѣдкость, каждый день въ купальню ходитъ... И анаѣема, говорятъ, не приведи Господи! Нѣтъ, все-таки мужики-то и мѣщане — не чета такимъ. И, отворивъ дверь на площадку вагона, Кузьма глубоко вздохнулъ холодной и душистой дождевой свѣжестью. Дождь глухо гудѣлъ по навѣсу надъ площадкой, лилъ съ него ручьями, и на Кузьму летѣли брызги. Послѣ города опьянялъ полевой воздухъ, смѣшанный съ волнующимъ запахомъ паровознаго дыма. Вагоны, раскачиваясь, грохотали среди шума дождя, навстрѣчу, опускаясь и подымаясь, плыли проволоки телеграфа, по бокамъ бѣжали густыя свѣже-зеленыя опушки орѣшника. Пестрая куча мальчишекъ вдругъ выскочила изъ-подъ пascппи и звонко, хоромъ закричала что-то. Кузьма за-

смѣялся отъ удовольствія, и все лицо его покрылось мелкими морщинами. А поднявъ глаза, онъ увидалъ на противоположной площадкѣ странника: доброе, измученное крестьянское лицо, сѣдую бороду, широкополую шляпу, драповое пальто, подпоясанное веревкой, мѣшокъ и жестяной чайникъ за плечами, на тонкихъ ногахъ — лапти. Странникъ тоже улыбался. И Кузьма крикнулъ ему сквозь грохотъ и шумъ:

— Какъ тебя зовутъ, дѣдъ?

— Антономъ... Антонъ Безпалыхъ, — съ милой готовностью отвѣтилъ слабымъ крикомъ странникъ.

— Съ богомолья?

— Изъ Воронежа...

— Жгутъ тамъ помѣщиковъ?

— Жгутъ...

— И чудесно!

— Ась?

— Чудесно, говорю! — крикнулъ Кузьма.

И, отвернувшись, дрожащими руками, смаргивая набѣжавшія слезы, сталъ свертывать цыгарку... Но мысли уже опять спутались. „Странникъ — народъ, а скопецъ и учитель — не народъ? Рабство отмѣнили всего сорокъ пять лѣтъ назадъ, — что жъ и взыскивать съ этого народа? Да, но кто виноватъ въ этомъ? Самъ же народъ. Русь — подъ русскимъ игомъ, братушки разные — подъ турецкимъ, галичане — подъ австрійскимъ, о полякахъ — и говорить нечего... Ай да великая славянская семья!“ И лицо Кузьмы опять потемнѣло и осунулось. Косясь по сторонамъ, онъ сталъ перебирать пальцы, ломать ихъ и хрустѣть суставами.

На четвертой станціи онъ слѣзъ и нанялъ подводу. Мужики-извозчики просили сперва семь рублей, — до Казакова было двѣнадцать верстъ, — потомъ пять съ полтиной. Наконецъ одинъ сказалъ: „Троякъ отдашь — повезу, а то и языкъ трепать нечего. Нынче вамъ не прежнее“... Но не выдержалъ тона и прибавилъ привычную фразу: „Опять же корма дорогіе“... И повезъ за полтора. Грязь была непролазная, телѣга маленькая, еле живая, лошаденка — ушастая, какъ осель, слабосильная. Медленно потянулись со двора станціи, мужикъ, сидѣвшій на грядкѣ, сталъ томиться, дергая веревочныя вожжи, какъ бы желая всѣмъ своимъ существомъ помочь лошади. Онъ хвастался, что ее „не удержишь“, и теперь, видимо, стыдился. Но что было хуже всего — такъ это онъ самъ. Молодой, огромный, довольно полный, въ лаптяхъ и бѣлыхъ онучахъ, въ короткомъ чекменѣ, подпоясанномъ оборкой, и въ старомъ картузѣ на прямыхъ желтыхъ воло-

сахъ. Пахнетъ курной избой, коноплей,—пахарь времянь царя Гороха, да и только!—лицо бѣлое, безусое, а горло—распухшее, голосъ сиплый.

— Какъ тебя зовутъ? — спросилъ Кузьма.

— Звали Ахванасьемъ...

„Ахванасьемъ!“ — подумалъ Кузьма съ сердцемъ.

— А дальше?

— Меньшовъ... Н-но, анчихристь!

— Дурная, что ль? — кивнулъ Кузьма на горло.

— Ну, ужъ и дурная, — пробормоталъ Меньшовъ, отводя глаза въ сторону. — Квасу холоднаго напился...

— Да глотать-то больно?

— Глотать — нѣтъ, не больно...

— Ну, значить, и не болтай попусту, — сказалъ Кузьма строго. — Налаживай-ка лучше въ больницу поскорѣе. Женатый небось?

— Жанатый...

— Ну, вотъ видишь. Пойдутъ дѣти—и наградишь ты ихъ всѣхъ въ лучшемъ видѣ.

— Ужъ это какъ пить дать, — согласился Меньшовъ.

И, томясь, сталъ дергать вожжи. „Но-но... Сладу съ тобой нѣту, анчихристь!“ Наконецъ бросилъ это бесполезное занятіе и успокоился. Долго молчалъ и вдругъ спросилъ:

— Собрали, купецъ, Думу-то, ай нѣтъ?

— Собрали.

— А Макаровъ-то, говорятъ, живъ, — только не велѣлъ сказывать...

Кузьма махнулъ рукой: хороши гуси! „А богатство-то какое!“—думалъ онъ, мучительно сидя съ поднятыми колѣнями на голомъ днѣ телѣги, на клокѣ соломы, крытомъ веретьемъ, и оглядывая улицу. Еще холоднѣе стало, еще мрачнѣе шли съ сѣверо-запада тучи надъ этимъ черноземнымъ краемъ, пересыщеннымъ дождями. Грязь на дорогахъ — синеватая, жирная, зелень деревьевъ, травъ, огородовъ—темная, густая, и на всемъ — этотъ синеватый тонъ чернозема и тучъ. Но избы — глиняныя, маленькія, съ навозными крышами. Возлѣ избъ—разсохшіяся водовозки. Вода въ нихъ, конечно, съ головастиками... Вотъ богатый дворъ. На огородахъ, за старыми лозинами, пчельникомъ и садикомъ изъ трехъ-четырехъ яблонь-лѣсовокъ, — старая темная рига. Барокъ, ворота, изба — все подъ одной крышей, подъ старновкой въ начесь. Изба кирпичная, въ двѣ связи, простѣнки разрисованы мѣломъ: на одномъ — палочка и по ней вверхъ — рогульки, —

елка, на другомъ что-то въ родѣ пѣтуха; окошечки тоже окаймлены мѣломъ — зубцами. „Творчество! — ухмыльнулся Кузьма. — Пещерныя времена, накажи Богъ, пещерныя!“ На дверяхъ пунекъ—кресты, написанные углемъ, у крыльца—большой могильный камень, — видно, дѣдъ или бабка про смерть приготовили... Да, дворъ богатый. Но грязь кругомъ по колѣно, на крыльцѣ лежитъ свинья, и по ней, качаясь и взмахивая крылышками, ходитъ желтенькій цыпленокъ. Окошечки — крохотныя, и въ жилой половинѣ избы, небось, темнота, вѣчная тѣснота: палаты, ткацкій станъ, здоровенная печь, лохань съ помоями... А семья большая, дѣтей много, зимой—ягнята, телята... И сырость, угаръ такой, что желе-ный паръ стоитъ. А дѣти хнычутъ—и орутъ, получая подзатыльники; невѣстки ругаются—„чтобъ тебя громомъ расшибло, сука подворотная!“ — желаютъ другъ другу „подавиться кускомъ на Великъ день“; старушонка-свекровь поминутно швыряетъ ухваты, миски, кидается на невѣстокъ, засучивая темныя жилистыя руки, надрывается отъ визгливой брани, брызжетъ слюной и проклятіями то на одну, то на другую... Золъ, боленъ и старикъ, изнурилъ всѣхъ наставленіями и хвастовствомъ; деретъ за волосы женатыхъ сыновьевъ, и они порою противно, по-мужицки плачутъ...

— Чей дворъ? — спросилъ Кузьма.

— Красновыхъ, — отвѣтилъ Меньшовъ и прибавилъ: — Тоже всѣ въ дурной...

За Красновыми повернули на выгонъ. Село было большое, выгонъ тоже. На немъ налаживалась ярмарка. Уже кое-гдѣ торчали остовы палатокъ, навалены были колеса, глиняная посуда; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло оладьями; сѣрѣла походная кибитка цыганъ, и возлѣ колесъ ея сидѣли овчарки на цѣпяхъ. Налѣво виднѣлись избы, направо—складъ теса, двѣ городскія лавки, пекарня. Дальше, возлѣ казеннаго кабака, стояла тѣсная толпа дѣвокъ, мужиковъ и раздавались вскрикиванья.

— Гуляетъ народъ, — задумчиво сказалъ Меньшовъ.

— Это съ какой радости? — спросилъ Кузьма.

— Надѣется...

— На что?

— Извѣстно, на что... На домового!

И правда. На пустомъ выгонѣ, въ сумрачный холодный день, эти взвизгиванія и звуки двухъ ливенокъ, ладившихъ другъ другу, казались жалкими, терялись въ чемъ-то будничномъ, скучномъ и старомъ. Народъ переживаетъ что-то новое, что-то празднуетъ, но вѣрить ли въ свой праздникъ? Ой,

наврядъ!—думалъ Кузьма, подъѣзжая и глядя на бѣлыя, розовыя, зеленыя юбки дѣвокъ, на равнодушныя, грубо накрашенные лица, на оранжевыя, золотистыя и малиновыя платочки. Телѣга подъѣхала къ толпѣ и остановилась. Меньшовъ не спускалъ съ нея глазъ и осклалялся. Тутъ звуки уже не казались жалкими,—ливенки жадно вторили другъ другу, и въ ладъ имъ, среди одобрительнаго гама пьяныхъ, лихо раздавались прибаутки.

— И-ихъ!—крикнулъ кто-то подъ крѣпкій глухой топотъ:

Не пахать, не косить—
Дѣвкамъ жамки носить!

И невысокій мужикъ, стоявшій сзади толпы, вдругъ взмахнулъ руками. Все на немъ было домовито, чисто, прочно — и лапти, и онучи, и новые тяжевые портки, и очень коротко, кургузо подрѣзанная сборчатая юбка поддевки изъ страшно толстаго сиваго сукна. Онъ, вѣрно, и не плясалъ-то отъ роду, но тутъ вдругъ мягко и ловко топнулъ лаптями, взмахнулъ руками, теноромъ крикнулъ: „Разступись, дай купцу глянуть!“—и, вскочивъ въ разомкнувшійся кругъ, отчаянно затрясъ портками передъ молодымъ высокимъ малымъ, который, склонивъ картузь, дьявольски вывертывалъ сапогами и, вывертывая, сбрасывалъ съ себя, съ новой ситцевой рубахи, черную поддевку. Лицо малаго было сосредоточено, мрачно, блѣдно и потно, но тѣмъ сильнѣе и неожиданнѣе казались его взвизгиванья.

— Сынокъ! Жаланный!—вопила, среди гама и дробнаго топота, старушка въ паневѣ, протягивая руки.—Будя тебѣ за ради Христа! Жаланный, будя—помрешь!

И сынокъ вдругъ вскинулъ голову, сжалъ кулаки и зубы и съ яростнымъ лицомъ и топотомъ крикнулъ сквозь зубы:

Ццыцъ, бабка, не кукуй...

— А она и такъ послѣдніе холсты для него продала, — говорилъ Меньшовъ, тащась по выгону. — Любитъ она его безъ памяти, — дѣло вдовье, — а онъ почестъ каждый день мордуетъ ее, пьяный... Знать, того стѣдить.

— Это какимъ же манеромъ — того стѣдить? — спросилъ Кузьма.

— А такимъ... Не потакай...

Да, въ городѣ, въ вагонахъ, по деревнямъ, по селамъ, — всюду чувствовалось что-то необычное, отзвуки какого-то большого праздника, какой-то большой побѣды и большихъ ожиданій. Но ужъ въ слободѣ понялъ Кузьма, что чѣмъ

дальше въ эти безпредѣльные поля, подѣ холодное сумрачное небо, тѣмѣ все глуше, нелѣпѣе и тоскливѣе становятся эти отзвуки. Вотъ отѣхали — и опять стали жалкими крики въ толпѣ у кабака. Тамъ праздникъ, пытаются „гулять“, а впереди—будни, сѣрыя и равнодушныя: впереди—опять огороды, лозняки, два ряда курныхъ избъ, водовозки съ вонючей прудовкой, а въ концѣ улицы—поля, синева холодной дали, темный лѣсокъ на горизонтѣ, низкія тучи...

У одной избы — съ выбитымъ окномъ и колесомъ на гнилой крышѣ—сидитъ на скамейкѣ длинный больной мужикъ—краше въ гробъ кладутъ. Похожъ на Некрасова. На плечи, на длинную и грязную замашную рубаху, накинута старый полушубокъ; ноги, какъ палки, стоятъ въ валенкахъ, большія мертвыя руки ровно лежатъ на острыхъ колѣняхъ, на протертыхъ порткахъ. На лобъ по-стариковски надвинута шапка, глаза замученные, просящіе, нечеловѣчески-худое лицо вытянуто, губы пепельныя, полураскрытыя...

— Это Чучень,—сказалъ Меньшовъ, кивая на больного.— Отъ живота второй годъ помираетъ.

— Чучень? Это что жъ — прозвище?

— Прозвишша...

— Глупо! — сказалъ Кузьма.

И отвернулся, чтобы не видѣть дѣвчонки возлѣ слѣдующей избы: она, перевалившись назадъ, держала на рукахъ ребенка въ чепчикѣ, пристально глазѣла на проѣзжихъ и, высовывая языкъ, нажевывала, готовила для ребенка соску изъ чернаго хлѣба... А на крайнемъ огородѣ-гумнѣ гудѣли отъ вѣтра лозинки, трепалось покосившееся пугало пустыми руками. Гумно, что выходитъ въ степь, всегда неуютно, скучно, а тутъ еще это пугало, осеннія тучи, и гудитъ вѣтеръ съ поля, раздуваетъ хвосты куръ, бродящихъ по току, заросшему лебедой и чернобыльникомъ, возлѣ риги съ раскрытымъ хребтомъ, возлѣ голубой молотилки-рязанки... А на грядкѣ телѣги, выбирающей изъ деревни на синюю грязь дороги, что теряется въ морѣ зеленыхъ овсовъ и ржей, сидитъ огромный бѣломордый кретинъ съ бѣлыми, крупными рѣсницами и раздувшимся горломъ...

Лѣсокъ, синѣвшій на горизонтѣ,—двѣ длинныхъ лощины, заросшихъ дубнякомъ,—назывался Порточками. И около этихъ Порточекъ захватилъ Кузьму проливной дождь съ градомъ, провожавшій до самаго Казакова. Лошаденку Меньшовъ гналъ подѣ селомъ вскачъ, а Кузьма, зажмурясь, сидѣлъ подѣ мокрымъ холоднымъ веретѣмъ. Руки косянѣли отъ стужи, за воротъ чуйки текли ледяныя струйки, отяжелѣвшее

подъ дождемъ веретѣе воняло прѣлымъ закромомъ. Въ голову стучали градины, летѣли лепешки грязи, въ колеяхъ, подъ колесами, шумѣла вода, гдѣ-то блеяли ягнята... Наконецъ стало такъ душно, что Кузьма отшвырнулъ веретѣе съ головы назадъ и жадно глотнулъ свѣжій воздухъ. Дождь рѣдѣлъ, вечерѣло, мимо телѣги по зеленому выгону бѣжало къ избамъ стадо. Тонконогая черная овца отбилась въ сторону, и за ней гонялась, накрывшись мокрой юбкой, блестя бѣлыми икрами, босая баба. На западѣ, за селомъ, свѣтлѣло, на востокѣ, на сизо-пыльномъ фонѣ тучи, надъ хлѣбами, стояли двѣ зелено-фіолетовыхъ дуги. Густо и влажно пахло зеленою полемъ и тепло — жильемъ

— Гдѣ тутъ господскій дворъ? — крикнулъ Кузьма плечистой бабѣ въ бѣлой рубахѣ и красной шерстяной юбкѣ.

Баба стояла на камнѣ возлѣ избы сотскаго и держала за руку голосившую дѣвочку лѣтъ двухъ. Дѣвочка голосила такъ яростно, что вопросъ пропалъ даромъ.

— Дворъ?—повторила баба.—Чей?

— Господскій.

— Чей? Ничего не слыжать... А, да захлебнись ты, родимецъ те расшиби! — крикнула баба, дернувъ дѣвочку за руку такъ сильно, что та перевернулась и, полетѣвъ съ камня, повисла.

Разспросили въ другомъ дворѣ. Проѣхали широкую улицу, взяли влѣво, потомъ вправо и мимо чьей-то старосвѣтской усадьбы съ забитымъ наглухо домомъ стали спускаться подъ крутую гору, къ мосту черезъ рѣчку. Съ лица, съ волосъ, съ чекменя Меньшова падали капли. Умытое толстое лицо его казалось еще тупѣе. Онъ съ любопытствомъ заглядывалъ куда-то впередъ. Глянулъ и Кузьма. На томъ боку, на показѣ выгонѣ — темный казаковскій садъ, широкій дворъ, обнесенный разрушающимися службами и развалинами каменной ограды; среди двора, за тремя засохшими елками — обшитый сѣрымъ тесомъ домъ подъ ржаво-красной крышей. Внизу, у моста — кучка мужиковъ. А навстрѣчу, на крутой размытой дорогѣ, бьется въ грязи, вытягивается вверхъ тройка худыхъ рабочихъ лошадей, запряженныхъ въ тарантасъ. Оборванный, но красивый батракъ, стройный, блѣдный, съ красноватой бородкой, съ умными глазами, стоялъ возлѣ тройки, дергалъ вожжи и, надсаживаясь, кричалъ: „Н-но! Н-но-о!“ А мужики съ іоготомъ и свистомъ подхватывали: „Тпру! Тпру!“ И отчаянно простирала впередъ руки сидѣвшая въ тарантасѣ молодая женщина въ траурѣ, съ крупными слезами на длинныхъ рѣсницахъ, съ искаженнымъ отъ

ужаса лицомъ. Ужасъ, напряженіе были и въ бирюзовыхъ глазахъ толстаго рыжеусаго человѣка, сидѣвшаго съ ней рядомъ. Обручальное кольцо блестѣло на его правой рукѣ, сжимавшей револьверъ; лѣвой онъ все махалъ, и, вѣрно, ему было очень жарко въ верблюжьей поддевкѣ и дворянскомъ картузѣ, съѣхавшемъ на затылокъ. А со скамеечки противъ сидѣвшаго съ кроткимъ любопытствомъ озирались дѣти—мальчикъ и дѣвочка, блѣдные отъ холода и усталости, закутанные въ шали.

— Это Мишка Сиверскій,—громко и сипло сказалъ Меньшовъ, объѣзжая тройку и равнодушно глядя на дѣтей.—Его сожгли вчера... Видно, стоить того.

Дѣлами господъ Казаковыхъ правилъ староста, бывшій солдатъ-кавалеристъ, человѣкъ рослый и грубый. Къ нему, въ людскую, и надо было обратиться, какъ сказалъ Кузьмѣ работникъ, въѣзжавшій во дворъ въ телѣгѣ съ накошенной крупной мокро-зеленой травой. Но у старосты случилось въ этотъ день два несчастія—умеръ ребенокъ и окотѣла корова—и встрѣченъ былъ Кузьма неласково. Когда онъ, оставивъ Меньшова за воротами, подошелъ къ людской, заплаканная старостиха несла отъ сада рябую курицу, смиренно сидѣвшую у нея подъ-мышкой. Среди колоннокъ на ветхомъ крыльцѣ стоялъ высокій молодой человѣкъ, въ шароварахъ, длинныхъ сапогахъ и ситцевой косовороткѣ, и, увидавъ старостиху, крикнулъ:

— Агаѣя, куда-й-то ты ее несешь?

— Рѣзать, — отвѣтила старостиха серьезно и печально, останавливаясь возлѣ ледника.

— Дай-ка я зарѣжу.

И молодой человѣкъ направился къ леднику, не обращая вниманія на дождь, снова начавшій накрапывать съ насулившагося неба. Отворивъ дверь ледника, онъ взялъ съ порога топоръ — и черезъ минуту раздался короткій стукъ — и безголовая курица, съ краснымъ обрубочкомъ шеи, побѣжала по травѣ, спотыкнулась и заverteблась, трепыхая крыльями и разбрасывая во все стороны перья и брызги крови. Молодой человѣкъ кинулъ топоръ и направился къ саду, а старостиха, поймавъ курицу, подошла къ Кузьмѣ:

— Тебѣ что?

— Насчетъ сада, — сказалъ Кузьма.

— Федоръ Иваныча подожди.

— А гдѣ онъ?

— Сейчасъ съ поля пріѣдетъ.

И Кузьма сталъ ждать у открытаго окна людской. Онъ

заглянулъ туда, увидѣлъ въ полутьмѣ печь, нары, столъ, корытце на лавкѣ у окна—гробикъ корытцемъ, гдѣ лежалъ мертвый ребенокъ съ большой, почти голой головкой, съ синеватымъ личикомъ... За столомъ сидѣла толстая слѣпая дѣвка и большой деревянной ложкой ловила изъ миски молоко съ кусками хлѣба. Мухи, какъ пчелы въ ульѣ, гудѣли надъ ней, ползали по мертвому личику, потомъ падали въ молоко, но слѣпая, сидя прямо, какъ истуканъ, и уставивъ въ сумракъ бѣльма, ѣла и ѣла. Кузьмѣ стало страшно, и онъ отвернулся. Порывами дулъ холодный вѣтеръ, отъ тучъ становилось все темнѣе. Среди двора возвышались два столба съ перекладиной, на перекладинѣ, какъ икона, висѣла большая чугунная доска: значитъ, по ночамъ боялись, били въ нее. По двору валялись худыя борзые собаки. Мальчикъ лѣтъ восьми бѣгалъ среди нихъ, возилъ на телѣжкѣ бѣлоголоваго бурдастаго братишку въ большомъ черномъ картузѣ — и телѣжка неистово визжала. Домъ былъ сѣрь, грузенъ и, должно-быть, чертовски скученъ въ эти сумерки. „Хоть бы огонь зажгли!“—подумалъ Кузьма. Онъ смертельно усталъ, ему казалось, что онъ выѣхалъ изъ города чуть не годъ тому назадъ. Вдругъ послышался вой, лай—и изъ воротъ сада растерянно выскочила, таща другъ друга, бокомъ, куда попало прядая, озираясь и стараясь разорваться, пара собакъ, — гончая сука и дворовый кобель, — головами въ разныя стороны. За ними съ гоготомъ бѣжалъ малый, распоясанный, безъ шапки, шаркая тяжелыми сапогами. За малымъ—барчукъ...

А вечеръ и ночь Кузьма провелъ въ саду, въ старой банѣ. Староста, пріѣхавъ верхомъ съ поля, сердито сказалъ, что „садъ давно сдаденъ“, а на просьбу о ночлегѣ только нагло изумился: „Однако ты уменъ!—ни съ того ни съ сего крикнулъ онъ.—Постоялый дворъ какой нашелъ! Много васъ теперь такихъ шатается“... Но смилостивился — и разрѣшилъ итти въ баню. Кузьма расчелся съ Меньшовымъ и пошелъ мимо дома къ воротамъ липовой аллеи. Изъ темныхъ раскрытыхъ оконъ, изъ-за желѣзныхъ сѣтокъ отъ мухъ, гремѣлъ рояль, покрываемый великолѣпнымъ баритональнымъ теноромъ, затѣйливыми вокализмами, совершенно не идущими ни къ вечеру ни къ усадьбѣ. По грязному песку покатою аллеи, въ концѣ которой, какъ на краю свѣта, тускло бѣлѣло облачное небо, не спѣша двигался навстрѣчу Кузьмѣ невысокій темно-рыжій мужичокъ съ ведромъ въ рукѣ — и тоже безъ пояса, безъ шапки и въ тяжелыхъ сапогахъ.

— Ишь, ишь! — насмѣшливо говорилъ онъ на ходу,

прислушиваясь къ вокализамъ. — Ишь раздолѣвается, пузо его лопни.

— Кто раздолѣвается?—спросилъ Кузьма.

Мужичокъ поднялъ голову и пріостановился.

— Да баггчукъ-то,—весело сказалъ онъ, сильно картавя. — Говорятъ, семьей годъ такъ-то!

— Это какой же,—что собакъ гналъ?

— Н-нѣтъ, другой... Да это еще что! Иной разъ какъ примется кричать: „Нонче ты, завтра я...“—прямо бяда-а!

— Учится, вѣрно.

— Хороша ученье!

— А тотъ, другой, что же дѣлаетъ?

— Энтотъ-то? — Мужичокъ, сдержанно-насмѣшливо улыбаясь, передохнулъ.—Да ничего... Чего жъ ему, — харчи хорошіе, забава есть: Бедька подкидываетъ бутылочки, а онъ налить по нимъ; на-пору купить у мужика бороду, отрѣжетъ и забьетъ ружье, ради смѣху... Опять же — собаки: у насъ ихъ прямо гибель. Въ воскресный день какъ вдарятъ въ колокола—подхватятъ всей оравой... содомъ чистый! Третеводни загрызли мужицкаго кобеля... мужики во дворъ:—„Давай на ведро—и шабашъ. А то забастовку сейчасъ исдѣлаемъ“...

— Что жъ, дали?

— Ужли жъ нѣтъ? Да-ашъ, бра-ать! Мельникъ тутъ есть... Вышелъ прямо къ крыльцу и говоритъ: „Вѣтеръ-то, господа-дворяне, съ поля дуетъ!“ Вотъ и пойми его. Барчукъ былъ похорохорился:—„Это что жъ за вѣтеръ такой?“—„А такой, говоритъ,—я тебѣ загадалъ, а ты подумай...“ Сразу, братъ, улечилъ его!

Все это было рассказано какъ будто небрежно, вскользь, съ передышками, но съ такой ѣдкой усмѣшкой и картавостью—„сггазу, бгггать!“—что Кузьма внимательно глянулъ на встрѣчнаго. Похожъ на дурачка. Волосы прямые, въ скобку, длинные. Лицо—небольшое, незначительное, старинно-русское, суздальской работы. Сапоги огромные, тѣло тощее и какое-то деревянное. Глаза подъ большими сонными вѣками—ястребинные, съ золотистымъ кружкомъ въ зрачкѣ. Опустить вѣки — картавый дурачокъ, подниметь — даже жутко немного.

— Ты въ саду сидишь?—спросилъ Кузьма.

— Въ саду. А то гдѣ же?

— А какъ тебя зовутъ?

— Меня-то? Акимъ... А тебя?

— Я садъ хотѣлъ снять.

— Вона... хватился!

И Акимъ, насмѣшливо мотнувъ головой, пошелъ своей дорогой.

Вѣтеръ дулъ все порывистѣе, сыпля брызги съ ярко-зеленыхъ деревьевъ, за садомъ, гдѣ-то низко, гремѣлъ глухой громъ, блѣдно-голубые сполохи озаряли аллею, и повсюду пѣли соловьи. Совершенно непонятно было, какъ могутъ они такъ старательно, въ такомъ упорномъ забытьѣ, такъ сладко и сильно цокать, щелкать и разсыпаться подъ этимъ тяжкимъ свинцово-облачнымъ небомъ, среди гнущихся отъ вѣтра деревьевъ, въ густыхъ мокрыхъ кустахъ. Но еще непонятнѣе было, какъ проводятъ караульщики на этомъ вѣтру ночи, какъ спятъ они на сырой соломѣ подъ навѣсомъ гнилого шалаша въ концѣ аллеи!

Караулило трое. И всѣ были больны. Одинъ, молодой, худощавый, симпатичный, бывшій пекарь, уволенный прошлой осенью за стачку, теперь босякъ, еще не утратившій крестьянскаго облика, жаловался на лихорадку; у другого, тоже босяка, но уже застарѣлаго, была чахотка, хоть онъ говорилъ, что ему ничего, „только промежъ крыльевъ холодитъ“; Акимъ страдалъ „куриной слѣпотой“ — отъ худосочія плохо видѣлъ въ сумеркахъ. Пекарь, блѣдный и ласковый, сидѣлъ, когда подошелъ Кузьма, возлѣ шалаша на корточкахъ и, засучивъ на худыхъ, слабыхъ рукахъ рукава женской ватной кофты, промывалъ въ деревянной чашкѣ пшено. Чахоточный Митрофанъ, человѣкъ небольшого роста, широкій и темнолицый, похожій на дагомейца, весь въ мокромъ отрепѣ и опоркахъ, сбитыхъ и жесткихъ, какъ старое лошадиное копыто, стоялъ возлѣ пекаря и, поднявъ плечи, карими блестящими глазами, расширенными и ничего не выражающими, глядѣлъ на его работу. Акимъ притащилъ ведро воды и разводилъ, поддувалъ въ земляной печуркѣ противъ шалаша огонь. Опъ входилъ въ шалашъ, выбиралъ тамъ пуки соломы посуше и опять шелъ къ пахуче дымившему подъ чугуномъ костру, все бормоча что-то, дыша со свистомъ и насмѣшливо-загадочно, небрежно улыбаясь на подтруниванья сотоварищей, зло и ловко срѣзая ихъ порою. А Кузьма закрывалъ глаза и слушалъ то разговоръ, то соловьевъ, сидя на сырой скамейкѣ возлѣ шалаша, осыпaeмый ледяными брызгами, когда по аллеѣ, подъ сумрачнымъ, вздрагивавшимъ отъ блѣдныхъ зарницъ небомъ проносился сырой вѣтеръ и глухо погромыхивалъ громъ. Подъ ложечкой сосало отъ голода и тютюна. Кулешъ, казалось, никогда не поспѣетъ, изъ головы не выходила мысль, что, можетъ, и самому придется жить такой же звѣриной жизнью, какъ эти караульщики... и что впе-

реди—только старость, болѣзни, одиночество и нищета. Тѣло нило, и раздражали порывы вѣтра, дальній однообразный громъ, соловьи и медлительная, небрежно-ѣдкая картавость Акима, его скрипучій голосъ.

— Ты бы, Акимушка, хоть поясокъ-то купилъ,—притворно-просто говорилъ пекарь, закуривая, продолжая трунить и все поглядывая на Кузьму, — приглашая его послушать Акима.

— Вотъ погоди,—разсѣяннo-насмѣшливо отвѣчалъ Акимъ, сливая изъ закипѣвшаго котелка въ чашку бѣлую жижу. — Вотъ отживемъ у хозяина лѣто — сапоги тебѣ со скрипомъ куплю.

— „Со скрипомъ“! Да я у тебя не прошу.

— А самъ въ опоркахъ!

И Акимъ сталъ заботливо пробовать съ ложки жижу.

Пекарь смутился и вздохнулъ:

— Ужъ гдѣ намъ сапоги носить!

— Да будетъ вамъ, — сказалъ Кузьма: — вы вотъ лучше скажите, чтò же у васъ, небось, каждый день все кулешъ да кулешъ?

— А тебѣ чего жъ — рыбки, ветчинки захотѣлось? — спросилъ Акимъ, не оборачиваясь и облизывая ложку. — Она бы ничего такъ-то: водочки осьмушку, сомовинки хунтика три, хвостикъ ветчинки, чайку хруктоваго...

— Ну чтò жъ — сомовинки! — улыбнулся Кузьма. — Чтò жъ это за рыба!

Акимъ обернулся.

— Дуракъ, — сказалъ онъ убѣжденно: — разя рыба плохая бываетъ? А это не кулешъ, а называется рѣденькая кашка. Кулешъ на закуску.

— А щи, похлебку варите?

— У насъ, братъ, были онѣ, щи-то, да какія еще! На кобеля плеснешъ — шерсть соскочить!

— Ну, похлебочки бы...

— А гдѣ ихъ, картохъ-то, взять? У мужука, у чорта, братъ, не укупишь! У мужука среди зимы снѣгу не выпросишь.

Кузьма покачалъ головой:

— А вѣдь это ты отъ болѣзни такъ золь! Полѣчился бы, что ли, маленько...

Акимъ, не отвѣтивъ, опустился на корточки передъ огнемъ. Огонь уже потухалъ, подъ чугуномъ краснѣла горка тонкихъ угольковъ; садъ темнѣлъ и темнѣлъ, и голубые сполохи, при порывахъ вѣтра, раздувавшихъ рубаху Акима, уже стали

блѣдно озарять лица. Митрофанъ сидѣлъ рядомъ съ Кузьмой, опершись на палку, пекарь—на пнѣ подъ липой. Услыхавъ послѣднія слова Кузьмы, онъ сталъ серьезенъ.

— А я такъ полагаю,—сказалъ онъ покорно и грустно,—что не иначе, какъ все Господь. Не дастъ Господь здоровья, такъ никакіе доктора тебѣ не помогутъ. Вонъ Акимъ правду говорить: раньше смерти не помрешь.

— Доктора!—подхватилъ Акимъ, глядя на угли и особенно ѣдко выговаривая это слово: дохтогга!..— Доктора, братъ, свой карманъ блюдутъ. Я бѣ ему, доктору-то энтому, кишки за его дѣла выпустилъ!

— Не всѣ блюдутъ,—сказалъ Кузьма.

— Я всѣхъ не видалъ.

— Ну, и не брешь, если не видалъ,—строго сказалъ Митрофанъ и обратился къ пекарю: — Да и ты хорошъ: ишь, распѣлся сиротой казанской! Небось, кабы не валялся по-собачьи на земи, не корежило бы тебя такъ-то.

— Да вѣдь я...—началь-было пекарь.

Но тутъ насмѣшливое спокойствіе внезапно покинуло Акима. И, выкативъ свои безсмысленные ястребиные глаза, онъ вдругъ вскочилъ и закричалъ съ запальчивостью идіота:

— Чтò? Это я-то не брешь? Ты былъ въ больницѣ-то? Былъ? А я былъ! Я въ ней семь день сидѣлъ,—много онъ мнѣ булокъ-то давалъ, докторъ-то твой? Много?

— Да дуракъ,—перебилъ Митрофанъ:—булки не всѣмъ же полагаются: это по болѣзни.

— А! По болѣзни! Ну, и подавись онъ ими, пузо его лопни!—крикнулъ Акимъ.

И, бѣшено озираясь, шваркнулъ ложку въ „рѣденькую кашку“ и пошелъ въ шалаашъ.

Тамъ онъ, со свистомъ дыша, зажегъ лампочку, и въ шалаашѣ стало уютно. Потомъ досталъ откуда-то изъ-подъ крыши ложки, кинулъ ихъ на столъ и крикнулъ: „Несите, что ль, кулешъ-то!“. Пекарь всталъ и пошелъ за чугуничкомъ. „Милости просимъ“,—сказалъ онъ, проходя мимо Кузьмы. Но Кузьмѣ было непріятно ѣсть вмѣстѣ съ Акимомъ. Онъ попросилъ хлѣба, круто посолилъ его и, съ наслажденіемъ жуя, опять вернулся къ скамейкѣ. Стало совсѣмъ темно. Блѣдно-голубой свѣтъ все шире, быстрѣе и ярче озарялъ шумящія деревья, точно раздуваемый вѣтромъ, и при каждомъ сплохѣ мертвенно-зеленая листва становилась на мгновеніе видна, какъ днемъ, послѣ чего все заливалось могильной чернотой. Соловьи смолкли,—сладко и сильно цокалъ и разсыпался только одинъ—надъ самымъ шалаашомъ. А въ шалаашѣ,

вокругъ лампочки, уже опять текла мирно-ироническая бесѣда. „Даже и не спросили, кто я, откуда?—думалъ Кузьма.—Народъ, пропади онъ пропадомъ!“ И шутливо крикнулъ въ шалашъ:

— Акимъ! А ты и не спросилъ даже: кто я, откуда?

— А на что ты мнѣ нуженъ-то?—отвѣтилъ Акимъ равнодушно.

— Я вотъ его о другомъ спрашиваю,—послышался голосъ пекаря:—сколько онъ отъ Думы земли чаеть получить? Какъ думаешь, Акимушка? А?

— Я не письмѣнный,—сказалъ Акимъ.—Тебѣ изъ навозу виднѣй.

И пекарь, должно-быть, опять смутился: на минуту наступило молчаніе.

— Это онъ насчетъ нашего брата, — заговорилъ Митрофанъ. — Я рассказывалъ какъ-то, что въ Ростовѣ бѣдный народъ, проталеріать то-есть, зимой въ навозѣ спасается...

— Выйдетъ за городъ, — радостно подхватилъ Акимъ, — и—въ навозъ! Зароется не хуже свиньи—и горя мало.

— Дуракъ! — отрѣзалъ Митрофанъ и такъ строго, что Кузьма обернулся.—Чего гогочешь? Дуракъ слѣпой, раскоряка! Застигнетъ бѣдность—зароешься!

Акимъ, опустивъ ложку, сонно посмотрѣлъ на него. И съ той же внезапной запальчивостью, какъ и давеча, раскрылъ свои пустые ястребиные глаза и бѣшено крикнулъ:

— А-а! Бѣдность! По часамъ захотѣлъ работать?

— А какъ же?—бѣшено крикнулъ и Митрофанъ, раздувая свои дагомейскія ноздри и въ упоръ глядя на Акима блестящими глазами.—Двадцать часовъ за двугривенный?

— А-а! А тебѣ бы часъ за цѣлковый?.. Дюже жаденъ, пузо твое лопни!

Но ссора столь же быстро и потухла, какъ разгорѣлась. Черезъ минуту Митрофанъ уже спокойно говорилъ, обжигаясь кулешомъ:

— Это онъ-то не жаденъ! Да онъ, дьяволъ слѣпой, за копейку въ алтарѣ удавится. Вѣрите ли—жену за пятиалтынный продалъ! Ей-Богу, не шучу. Тамъ у насъ въ Липецкѣ есть такой старичокъ, Панковъ прозывается, тоже прежде садовничалъ, ну, а теперь на покоѣ и очень любить это дѣло...

— Да Акимъ - то тоже изъ - подъ Липецка? — перебилъ Кузьма.

— Изъ Студѣнки, изъ деревни,—равнодушно сказалъ Акимъ, точно и не про него шелъ толкъ.

— Вѣрно, вѣрно,—подтвердилъ Митрофанъ.—Закоренѣлый

мужикъ. При братѣ живетъ, землей, дворомъ сообча вла-
дѣетъ съ нимъ, но только все-таки въ родѣ какъ замѣсто
дурачка, и жена отъ него, конечно, ужъ сбѣжала; а отчего
сбѣжала — какъ разъ отъ этого отъ самаго: сторговался съ
Панковымъ за пятиалтынный, чтобъ пустить его, замѣсто
себя, ночью въ клѣтъ—и пустилъ.

Акимъ молчалъ, постукивая ложкой по столу и глядя на
лампочку. Онъ уже наѣлся, утерся и теперь что-то думалъ.

— Брехать, малый, не пахать, — сказалъ онъ наконецъ.—
А хоть бы и пустилъ: ай она слипаетъ?

И, прислушиваясь, осклабился, поднялъ брови, и его суз-
дальское личико стало радостно-грустно, покрылось крупными
деревянными морщинами.

— Вотъ бы изъ ружья-то его! — сказалъ онъ особенно
скрипуче и картаво.—Такъ бы и кувыркнулся!

— Это ты про кого же?—спросилъ Кузьма.

— Да про соловья-то энтото...

Кузьма сжалъ зубы и, подумавъ, сказалъ:

— А стерва ты мужикъ. Звѣрь.

— Поцѣлуй меня въ.... таперъ, — отозвался Акимъ маши-
нально. И, икнувъ, поднялся:

— Ну, что жъ дагтомъ огонь-то жечь?

Митрофанъ сталъ завертывать цыгарку, пекаръ — убирать
ложки, а онъ выльзъ изъ-за стола, повернулся къ лампочкѣ
спиной и, поснѣшно перекрестившись три раза, съ размаху
поклонился въ темный уголъ шалаша, встряхнулъ мочаль-
ными прямыми волосами и, поднявъ лицо, зашепталъ мо-
литву. Отъ него пала на какіе-то тесовые ящики и перело-
милась большая тѣнь, а самъ онъ показался Кузьмѣ еще
меньше, чѣмъ давеча. Кузьма вспомнилъ, какъ былъ онъ
когда-то на призывѣ: призывалось пятьсотъ человѣкъ, взять
нужно было всего сто двадцать, ему достался четыреста де-
вяносто второй номеръ—и все-таки чуть было не пришлось
раздѣваться: такъ браковали этихъ голыхъ подростковъ, по-
хожихъ на голыхъ воробьевъ своими тонкими, какъ плети,
руками и большими, тугими животами. Акимъ опять торо-
пливо перекрестился и опять съ размаху поклонился — и
Кузьма уже съ ненавистью взглянулъ на него. Вотъ Акимъ
молится—и попробуй-ка спросить его, вѣритъ ли онъ въ
Бога! Изъ орбитъ выскочать его ястребиные глаза! Ему вѣдь
кажется—никто на свѣтѣ не вѣритъ такъ, какъ онъ. Онъ до
глубины души убѣжденъ, что въ угоду Богу, да чтобъ и люди
не осудили, надо строго-настроено исполнять даже малѣйшее
изъ того, что положено по отношенію къ церкви, постамъ,

праздникамъ, добрымъ дѣламъ, что для спасенія души,—но по добротѣ же, конечно!—неукоснительно слѣдуетъ творить эти дѣла, ставить свѣчи, въ постъ ѣсть рыбку да маслице, а въ праздники праздновать—и ублажать пирогами и курятиной попа... И всѣ твердо вѣрятъ, что Акимъ очень вѣрующій человекъ, хотя за всю свою жизнь ни разу не подумалъ этотъ Акимъ: да что же такое его Богъ?—какъ никогда не думалъ онъ ни о небѣ ни о землѣ, ни о рожденіи ни о смерти... Что ему думать! За него обдумали! У него на все есть отвѣты—спокойные, тысячу лѣтъ тому назадъ заготовленные. Онъ вѣдь знаетъ: на небѣ—рай, ангелы, праведные, въ аду—черти и грѣшники, на землѣ—люди, которые пашутъ, строятъ, торгуютъ, наживаются денежки, женятся, живутъ въ свое удовольствіе... Не всѣ, конечно, далеко не всѣ, да что жъ съ этимъ подѣлаешь? Стремиться-то все-таки люди должны къ этому—и ужъ придетъ времечко, покажетъ себя Акимъ!—подумалъ Кузьма, какъ всегда, съ изумленіемъ и ужасомъ вспоминая погромы. Ну, а тайна рожденія и смерти—это его не касается. По рожденіи надо быть перекрещеннымъ, да по-нашему, по-русски, а не по-собачьи—по-турецки или французски. Умирая—непремѣнно приобщиться,—иначе ада не миновать,—а всего лучше особороваться. Вотъ и все. Есть еще на землѣ насѣкомыя, цвѣты, растенія, птицы, животныя... Но о двѣтахъ и насѣкомыхъ Акимъ думать не унизится—просто давить ихъ. Растенія онъ замѣчаетъ только тѣ, что приносятъ плоды, ягоды, идутъ на кормъ. Птицы летаютъ, поютъ—и самое любезное дѣло стрѣлять на ѣду тѣхъ изъ нихъ, что годны къ тому, а негодныхъ—для забавы. Звѣрей надо всѣхъ, до одинаго, истребить, а къ животнымъ относиться разно: своихъ держать въ тѣлѣ, на пользу себѣ, чужимъ и старымъ—выстегивать глаза кнутомъ, ломать ноги...

„И какое ему дѣло,—съ тоской подумалъ Кузьма:—какое ему дѣло, разъ онъ не хозяйствуетъ, что идетъ недѣлю дождь, градъ, гремитъ громъ, сверкаютъ зарницы... что, небось, онѣ озаряютъ теперь мертвое синее личико въ темной, полной мухъ избѣ, гдѣ, какъ убитая, спитъ слѣпая дѣвка...“

Казалось, что годъ тому назадъ выѣхалъ онъ изъ города и что никогда-то теперь не доберешься до него. Тяготилъ мокрый картузь, ныли холодныя ноги, сжатые грязными сапогами. Лицо за день обвѣтрилось, горѣло. Тѣло было разбито телѣгой и неуютностью, бесполезной жаждой отдыха. Но спать—нѣтъ, еще не заснешь. Поднявшись со скамьи, Кузьма пошелъ навстрѣчу сырому вѣтру, къ воротамъ въ поле, къ пустоши давно упраздненнаго погоста. Изъ шалаша падалъ

на грязь слабый свѣтъ, но, какъ только Кузьма отошелъ, Акимъ дунулъ на лампочку, свѣтъ исчезъ, и сразу наступила ночь. Голубоватая зарница блеснула еще смѣлѣе и неожиданнѣй, раскрыла все небо, всю глубину сада до самыхъ отдаленныхъ яблонь, гдѣ стояла баня, и вдругъ залила все такой чернотой, что закружилась голова. И опять гдѣ-то низко загремѣлъ глухой дальній громъ и изъ-за шума деревьевъ и гула донесся отрывистый визгъ, лай—грызня собакъ, пировавшихъ за садомъ надъ дохлой коровой. Постоявъ и различивъ тусклый просвѣтъ въ воротахъ, Кузьма вышелъ на дорогу, пролегавшую мимо вала, мимо шумящихъ старыхъ липъ и кленовъ, и сталъ медленно ходить взадъ и впередъ. На картузъ, на руки опять посыпался дождь. Но хотѣлось додумать то, что началъ. Вдругъ опять глубоко распахнулась черная тьма, засверкали капли дождя, и на пустоши, въ мертво-голубомъ свѣтѣ, вырѣзалась фигура мокрой тонкошейей лошади. Блѣдное, металлически-зеленое поле овсовъ мелькнуло за пустошью на чернильномъ фонѣ, а лошадь подняла голову—и Кузьмѣ стало жутко. Лошадь быстро потопула въ темнотѣ, но—чья она? почему не спутана? почему шатается безъ призора?.. И Кузьма повернулъ къ воротамъ. Въ канавѣ подъ валомъ, въ мокрыхъ допухахъ и крапивѣ, кто-то не то рычалъ, не то храпѣлъ. Спотыкаясь, протягивая, какъ слѣпой, руки впередъ, Кузьма приблизился къ канавѣ.

— Кто тутъ?—крикнулъ онъ.

Но храпъ былъ мертвецки-пьяный, крѣпкій, захлебывающійся. Да и все кругомъ спало глубокимъ сномъ. Зарницы потухали, сонныя, невидимыя въ темнотѣ деревья шумѣли подъ усиливающимся дождемъ глухо и хмуро... А когда Кузьма ощупью добрался наконецъ до бани, дождь обрушился на землю съ такой силой, что, какъ въ дѣтствѣ, стали мелькать страшныя мысли о потопѣ. Онъ дернулъ спичкой, увидалъ широкія нары возлѣ окошечка и, свернувъ чуйку, кинулъ ее въ изголовье. Въ темнотѣ влѣзъ на нары и съ глубокимъ вздохомъ растянулся на нихъ, легъ по-стариковски, на спину, и закрылъ усталые глаза. Боже мой, какая нелѣпая и тяжкая поѣздка! И какъ это онъ попалъ сюда? Въ барскомъ домѣ теперь тоже тьма, и зарницы на лету, украдкой отражаются въ зеркалахъ... Въ шалашѣ, подъ проливнымъ дождемъ, спитъ Акимъ... Вотъ въ этой банѣ не разъ, конечно, видали чертей: вѣрить ли Акимъ хоть въ чорта какъ слѣдуетъ? Нѣтъ. Вѣрили тысячу лѣтъ тому назадъ, Акимъ же только машинально принялъ наслѣдство. Но, не вѣря, онъ все-таки съ увѣренностью рассказываетъ о томъ, какъ его

покойникъ-дѣдъ — непременно дѣдъ и непременно покойникъ — пошелъ разъ въ ригу за хоботьемъ, а чортъ сидитъ себѣ на ходилѣ, ножки переплелъ, лохматый, какъ собака... И, выставивъ одно колѣно, Кузьма положилъ кисть руки на лобъ и сталъ, вздыхая и тоскуя, задремывать...

Лѣто онъ провелъ въ ожиданіи мѣста. Ночью въ казковскомъ саду стало ясно, что мечты о садахъ — глупы. Возвратясь въ городъ и хорошенько обдумавъ свое положеніе, началъ онъ искать мѣста — приказчика, конторщика; потомъ сталъ соглашаться на любое — лишь бы былъ кусокъ хлѣба. Но поиски, хлопоты, просьбы пропадали даромъ. И охватило отчаяніе: да какъ же это онъ не видалъ, что ему и надѣяться-то нечего! Въ городѣ онъ давнымъ-давно слылъ за большого чудака. Пьянство и бездѣлье превратили его въ посмѣшище. Жизнь его сперва изумляла городъ, потомъ стала казаться подозрительной. Да и правда: гдѣ это видано, чтобы мѣщанинъ въ его годы жилъ на подворьѣ, былъ холостъ и нищъ, какъ шарманщикъ: всего имущества — сундучокъ да тяжелый старый зонтъ! И Кузьма сталъ посматривать въ зеркало: что это, въ самомъ дѣлѣ, за человекъ передъ нимъ? Ночуетъ въ „общемъ номерѣ“, среди чужихъ, прѣзжающихъ и уѣзжающихъ людей, утромъ плетется по жарѣ на базаръ, въ трактиры, гдѣ ловить слухи о мѣстахъ; послѣ обѣда спитъ, потомъ сидитъ у окна и читаетъ Костомарова, глядитъ на пыльную бѣлую улицу и блѣдно-голубое отъ жары небо... Для кого и для чего живетъ на свѣтѣ этотъ широкій въ кости, но худой и уже сѣдой отъ голода и строгихъ думъ мѣщанинъ, называющій себя анархистомъ и не умѣющій толкомъ объяснить, что значитъ — анархистъ? Сидитъ, читаетъ; вздохнетъ, пройдетъ по комнатѣ; опустится на корточки, отомкнетъ свой сундучокъ; переложитъ поаккуратнѣе истрепанные книжки и рукописи, двѣ-три линючихъ косоворотки, старый длиннополый сюртукъ, жилетку, истершееся метрическое свидѣтельство... И опуститъ руки. Къ чему все это? Какое убожество, одиночество. А что впереди — и подумать жутко. Тихонъ бездѣтенъ, богатъ, да онъ и на похороны трынки не дастъ...

И лѣто тянулось безконечно долго. Распустили Думу, но это не нарушило однообразія жаркихъ длинныхъ дней. Ждали великаго деревенскаго бунта, но никто и бровью не повелъ, когда не произошло ровно ничего великаго. Устраивались новыя сказочно-свирѣпыя избіенія евреевъ, изо дня въ день шли казни, разстрѣлы, но городъ даже интересоваться пересталъ ими. Въ уѣздѣ, по усадьбамъ, побаивались, — особенно

послѣ того знаменитаго дня, когда взбунтовались мужики по чьему-то „распоряженію“. Но что за дѣло городу до уѣзда? Казаковъ прислали еще сотню; ихъ проклинали въ одинъ голосъ, но терпѣли. Мѣстную газетку закрывали три раза и наконецъ доконали, продажу столичныхъ запретили. На афишахъ опять стали печатать: „Съ дозволенія начальства, проездомъ черезъ здѣшній городъ“, да и афиши-то опять пошли гнусныя: пріѣхали малороссы, увлекавшіе на представленіе „знаменитой исторической драмы Тарасъ Бульба, убійца своего родного сына“ тѣмъ, что „участвуетъ вся труппа“, гопакомъ, „роскошными костюмами“ и „бесплатными подарками“—дойной коровой и чайнымъ сервизомъ, „стоимостью семьдесятъ пять рублей“; появились скороходы и предсказатели судьбы, какіе-то жулики, показывающіе человѣческое безобразіе—близнецовъ, бородатую женщину, дѣвицу четырнадцати пудовъ, „чудо XX вѣка—живое чудовище, пойманное въ Красномъ морѣ“ и лежавшеедохлымъ въ жестяной ваннѣ за ситцевой занавѣской... Военные подняли голову, ѣздили пьянствовать почему-то на вокзалъ и тамъ дебоширили, кричали, что „офицерство—это одна семья“, хохотали, читая требованія амнистіи и отміны смертной казни, и каждый думалъ, что говоритъ нѣчто очень новое, выпаливая: „Пусть прежде господа революціонеры прекратятъ убійства!“ — или доказывая, что социализмъ—только глупъ: „Позвольте, — это что же значитъ: ваши часы—мои часы, моя жена—ваша жена?“

— Будь проклятъ день рожденія моего въ этой трижды проклятой сторонѣ! — говорилъ иногда Кузьма, швыряя на столъ газету, закрывая глаза и стискивая зубы.—На весь міръ нужно было бы кричать теперь: ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ!

— А вотъ ты докричишься,—спокойно возражалъ ему кто-нибудь.

И переводилъ разговоръ на урожай, засуху. И Кузьма смолкалъ: событія были столь жестоки, что человѣческой воспримчивости не хватало.

Въ уѣздѣ изрѣдка перепадали дожди, но въ городѣ съ самаго мая до августа, день въ день стояла адская сушь. Угловой домъ подворья жарился на солнцѣ. По ночамъ отъ духоты кровь стучала въ голову, и будилъ каждый звукъ за открытыми окнами. А на сѣновалѣ нельзя было спать отъ блохъ, крика молодыхъ пѣтуховъ и вони навознаго двора. Да и курить запрещалось: хозяинъ былъ толстъ, слабъ и нервень, какъ старая баба... Все лѣто не покидала Кузьму надежда съѣздить въ Воронежъ. Ахъ, какъ не цѣнилъ онъ дней моло-

дости! Хоть бы отъ поѣзда до поѣзда побродить по воронежскимъ улицамъ, посмотрѣть на знакомые тополя, на тотъ голубенькій домикъ за городомъ... Да зачѣмъ? Истратить десять, пятнадцать рублей, а потомъ отказывать себѣ въ свѣчкѣ, въ булкѣ? Да и стыдно старику предаваться любовнымъ воспоминаніямъ. А что до Клаши, такъ его ли еще дочь-то она? Видѣлъ онъ ее года два тому назадъ: сидитъ у окна, плететъ кружево, обликъ милый и скромный, но похожа только на мать... Что скажетъ онъ ей, если даже рѣшится зайти? Какими глазами взглянетъ на старика Ивана Семеныча?.. И время текло невыносимо скучно. Даже пріѣзжихъ не было. За весь іюль останавливался только какой-то молодой дьяконъ, семинарски чудаковатый. Приходилъ повидаться съ нимъ родственникъ, но ушелъ ни съ чѣмъ: дьяконъ былъ на базарѣ, а фамилію свою—Краснобаевъ—написалъ на доскѣ по-латыни: Бенедиктовъ...

Къ осени Кузьма убѣдился, что необходимо или по святымъ мѣстамъ уйти, въ монастырь какой-нибудь, или—махнуть рукой и опять запить, на зло кому-то. Однажды, отомкнувъ сундучокъ, нашелъ онъ „Исповѣдь“ Толстого, развернулъ ее и прочиталъ надпись карандашомъ, сдѣланную съ пьяныхъ глазъ, еще у Касаткина: „Всѣхъ отучить отъ водки нельзя“. Мѣсяца два тому назадъ онъ только поморщился бы,—глупая надпись! —теперь же ухмыльнулся и подумалъ: „А не послать ли все къ чертовой матери, не прожечь ли все до нитки, да не дернуть ли по горлу бритвой?“ Наступала осень. Уже пахло на базарѣ яблоками, сливами. Навезли гимназистовъ. Начались бѣга. Стало солнце садиться за Щепной площадью: выйдешь изъ воротъ вечеромъ и, переходя перекресткомъ, ослѣпнешь: налѣво вся улица, упирающаяся вдали въ площадь, залита низкимъ скучнымъ блескомъ. Сады за заборами—въ пыли, паутинѣ. Идетъ Цолозовъ навстрѣчу—на пемъ крылатка, но шляпу уже смѣнилъ картузь съ кокардой. Въ городскомъ саду ни души. Забита раковина музыкантовъ, забить кіоскъ, гдѣ продавали лѣтомъ кумысъ и лимонадъ, закрыть дощатый буфетъ. И однажды, сидя возлѣ этой раковины, Кузьма такъ затосковалъ, что не шутя задумался о самоубійствѣ. Солнце садилось, свѣтъ его былъ красноватый, летѣла мелкая розовая листва по аллеѣ, дулъ холодный вѣтеръ. Въ соборѣ звонили ко всенощной, и подъ этотъ мѣрный густой звонъ, уѣздный, субботній, душа ныла нестерпимо. Вдругъ подъ раковиной послышался кашель, кряхтѣнье... „Мотька“,—подумалъ Кузьма. И правда: вылѣзъ изъ-подъ лѣстницы Мотя-Утиная-Головка.

Былъ онъ въ рыжихъ солдатскихъ сапогахъ, въ очень длинномъ гимназическомъ мундирѣ, обсыпанномъ мукою,—видно, базаръ позабавился,—и въ соломенной шляпѣ, много разъ попадавшей подъ колеса. Не раскрывая глазъ, отплеываясь и шатаясь съ похмелья, онъ прошелъ мимо, даже не попросивъ покурить. Кузьма, сдерживая слезы, самъ окликнулъ его:

— Моть! Иди потолкуемъ, покуримъ...

И Мотья вернулся, сѣлъ на скамью, сталъ сонно, шевеля бровями, завертывать цыгарку, но, кажется, плохо соображалъ, кто это рядомъ съ нимъ, кто это жалуется ему на свою судьбу...

А на другой день тотъ же Мотья принесъ Кузьмѣ записку Тихона. И петля, опять было-захлестнувшая Кузьму, вдругъ лопнула.

Въ концѣ сентября онъ переѣхалъ въ Дурновку.

III.

Помѣстье при Дурновкѣ было хуторское. Оно прежде такъ и называлось—хуторъ. Дурново владѣли нѣсколькими помѣстьями и занимали главное, на Зушѣ. Аѳанасій Нилычъ, затравившій Цыгана, только наѣзжалъ въ Дурновку—по пути съ охоты. Нилу Аѳанасьевичу, предводительствовавшему дворянствомъ, было не до хуторовъ: онъ всю жизнь устраивалъ обѣды да пилъ хересъ въ клубѣ, славясь своей полнотой, аппетитомъ, звонкимъ шопотомъ,—у него было серебряное горло,—щедростью, остроумиями и разсѣянностью. Рѣдко заглядывалъ въ Дурновку и сынъ его, уланъ, носившій имя дѣда. Уланъ считался еще крупнымъ помѣщикомъ. Выйдя въ отставку, онъ рѣшилъ нажить милліоны, показать, какъ надо хозяйствовать. Но въ полѣ бывать уланъ не любилъ, да и губила его страсть къ покупкамъ: онъ покупалъ чуть не все, на что падалъ его взглядъ. Губили и поѣздки въ Москву, влюбчивость... Сыну его, не кончившему лица, достались уже только два хутора—Лаухино и Дурновка. И лицеистъ такъ разорилъ ихъ, что въ послѣдній годъ пребыванія его въ Дурновкѣ караулила усадьбу старая стряпуха, ходившая по ночамъ съ колотушкой и въ рыжей енотовой шубѣ... „Да что жъ,—думалъ Кузьма, до слезъ обрадованный предложеніемъ Тихона и глубоко затаившій свою радость.—Хуторъ, такъ хуторъ! Это-то и хорошо: ужъ, по крайности, подлинная глушь, татарщина!“

Когда-то Илья Мироновъ года два жилъ въ Дурновкѣ. Былъ въ ту пору Кузьма совсѣмъ ребенокъ, и остались у него въ памяти только темно-зеленые пахучіе коноплян-

ники, въ которыхъ тонула Дурновка, да еще одна темная лѣтняя ночь: ни одинаго огня не было въ деревнѣ, а мимо ихъ избы шли, бѣлѣя въ темнотѣ рубахами, „девять дѣвокъ, девять бабъ, десятая удова“, всѣ босыя, простоволосыя, съ метлами, дубинами, вилами, и стоялъ оглушительный звонъ и стукъ въ заслонки, въ сковороды, покрываемый дикой хоровой пѣснью: вдова тащила соху, рядомъ съ ней шла дѣвка съ большой иконой, а прочія звонили, стучали и, когда вдова низкимъ голосомъ выводила:

Ты, коровья смерть,
Не ходи въ наше село!—

хоръ, на погребальный ладъ, протяжно вторилъ:

Мы опахиваемъ—

п, тоскуя, рѣзкими горловыми голосами подхватывалъ:

Со ладаномъ, со крестомъ...

Теперь видъ дурновскихъ полей былъ будничныи. Конопляники исчезли, а осень и безъ того оголила поля, огороды, задворки. Ёхалъ Кузьма съ Воргла веселый и слегка хмельной: Тихонъ Ильичъ угощалъ его за обѣдомъ наливкой, а Настасья Петровна, за чаемъ послѣ обѣда, двумя сортами варенья; Тихонъ Ильичъ былъ очень добръ въ этотъ день, вспоминалъ молодость, дѣтство,—какъ они ѣли черепеники, какъ улюлюкали за Собачьимъ-Чистолстомъ и учились у Бѣлкина, —называлъ жену тетенькой, трунилъ надъ ея душеспасительными поѣздками къ монахинѣ Полукарпѣи, сказалъ насчетъ жалованья Кузьмы: „сочтемся, братуша, сочтемся—не обижу...“, кратко отозвался о революціи: „рано пташечка запѣла,—кабы кошечка не съѣла!..“. Ёхалъ Кузьма на буромъ меринѣ, а вокругъ него разстилалось море сухихъ бурыхъ пашенъ. Почти лѣтнее солнце, прозрачный воздухъ, блѣдно-голубое ясное небо,—все радовало и обѣщало долгій покой. Сѣдой, корявой полыни, вывороченной съ корнемъ сохами, было такъ много, что ее возили возами. Подъ самой усадьбой стояла на пашнѣ лошаденка, съ репьями въ холкѣ, и телѣга, высоко нагруженная полынью, а подлѣ лежалъ Яковъ, босой, въ короткихъ запыленныхъ порткахъ и длинной посконной рубахѣ, и, придавивъ бокомъ большого сѣдого кобеля, держалъ его за ухо. Кобель рычалъ и косился.

— Ай кусается?—крикнулъ Кузьма.

— Лють—мочи нѣтъ!—торопливо отозвался Яковъ, поднимая свою косую бороду.—На морды лошадямъ сѣгаетъ...

И Кузьма засмѣялся отъ удовольствія. Ужъ мужикъ—такъ мужикъ, степь—такъ степь!

А дорога шла подъ изволокъ, и горизонтъ суживался. Впереди зеленѣла новая желѣзная крыша риги, потонувшая въ глухомъ низкоросломъ саду. За садомъ, на противоположномъ косогорѣ, стоялъ длинный рядъ избъ изъ глинобитныхъ кирпичей, подъ соломой. Справа, за пашнями, тянулся большой логъ, входившій въ тотъ, что отдѣлялъ усадьбу отъ деревни. И тамъ, гдѣ лога сходились, блестѣлъ подъ солнцемъ прудъ, а на мысу между ними торчали крылья двухъ раскрытыхъ вѣтряковъ, окруженныхъ нѣсколькими избами однодворцевъ,—Мысовыхъ, какъ называлъ ихъ Оська,—и бѣлѣла на выгонѣ вымазанная мѣломъ школа.

— Что жъ, учатся ребятишки-то?—спросилъ Кузьма.

— Обязательно, — сказалъ Оська. — Ученикъ у нихъ—бядовый!

— Какой ученикъ? Учитель, что ли?

— Ну, учитель, одна честь. Вышколилъ, говорю, ихняго брата—куда годишься. Солдаты. Бьетъ не судомъ, да зато у него и прилажено ужъ все! Заѣхали мы какъ-то съ Тихономъ Ильичемъ — какъ вскочутъ всѣ разомъ да какъ таркнутъ: „Здравія желаемъ!“—гдѣ тебѣ и солдатамъ такъ-то!

И опять засмѣялся Кузьма.

А когда проѣхали гумно, прокатили по убитой дорогѣ мимо вишневаго сада и повернули влѣво, на длинный дворъ, подсохшій, золотившійся подъ солнцемъ, даже сердце заколотилось: вотъ онъ и дома наконецъ. И, взойдя на крыльцо, переступивъ порогъ, Кузьма вздохнулъ и, перекрестившись, низко поклонился темной иконѣ въ углу прихожей...

И долго было ему не до того, есть у русскаго народа будущее или нѣтъ. Онъ ходилъ по усадьбѣ, на деревню, по часамъ сидѣлъ на порогахъ избъ, на гумнахъ, присматриваясь къ дурновцамъ, наслаждаясь возможностью дышать чистымъ воздухомъ, болтать съ новыми сосѣдями.

Противъ дома, задомъ къ Дурновкѣ, къ широкому логу, стояли амбары. Съ крыльца видна была половина деревни, за амбарами — прудъ и часть мыса: вѣтрякъ и школа. Солнце всходило налѣво, за полями, за чутункой на горизонтѣ. По утрамъ прудъ блестѣлъ въ свѣтломъ и свѣжемъ пару, а изъ сада за домомъ пахло красными и черными листьями, яблоками, бурьянами, росой. Комнаты были малы и пусты. Въ кабинетѣ, оклеенномъ старыми нотами, была ссыпана розъ, въ „залѣ“ и „гостиной“ стояло только нѣсколько вѣнскихъ стульевъ съ продранными сидѣньями да большой раздвиж-

ной столъ. Гостиная выходила окнами въ садъ, и почти всю осень Кузьма ночевалъ въ ней на продавленномъ диванѣ, не закрывая оконъ. Полъ никогда не мели: за кухарку временно жила вдова Однодворка, бывшая любовница молодого Дурново, которой надо было и къ ребятишкамъ своимъ бѣгать, и себѣ кое-что стряпать, и Кузьмѣ съ работникомъ. Кузьма самъ ставилъ по утрамъ самоваръ, потомъ сидѣлъ подъ окномъ въ залѣ, пилъ чай съ яблоками. Въ утреннемъ блескѣ, за свѣтлымъ паромъ надъ пашнями, проходилъ по утрамъ поѣздъ—и надъ нимъ бѣжали назадъ розовые клубы. Густо дымились крыши деревни. Садъ свѣжо благоухалъ, на амбарахъ лежала серебристая изморозь. А въ полдень солнце стояло надъ деревней, на дворѣ было жарко, въ саду рдѣли клены и липы, тихо роняя листья, и просторъ, прозрачный сухой воздухъ полей полны были тишины и мира. Голуби, пригрѣтые солнцемъ, весь день спали на скатѣ кухонной крыши, желтѣвшей новой соломой въ ясномъ синемъ небѣ. Отдыхалъ послѣ обѣда работникъ. Однодворка уходила домой. А Кузьма бродилъ. Онъ шелъ на гумно, радуясь солнцу, твердой дорогѣ, высохшимъ бурьянамъ, побурѣвшему подсвекольнику, милому позднему цвѣту голубого цикорія и тихо летѣвшему по воздуху пуху татарокъ. Пашни въ полѣ блестяли подъ солнцемъ шелковистыми сѣтями чуть видной паутины, затянувшей ихъ на необозримое пространство. По огороду на сухихъ репейникахъ сидѣли щеглы. На гумнѣ, въ глубокой тишинѣ, на припекѣ, горячо сипѣли кузнечики... Съ гумна Кузьма перелѣзалъ черезъ валъ, возвращался въ усадьбу садомъ, по ельнику. Въ саду болталъ съ мѣщанами, съемщиками сада, съ Молодой и Козой, сбиравшими падалицы, залѣзалъ съ ними въ крапивную глушь, гдѣ лежали самыя спѣлыя. Порой онъ брелъ на деревню, въ школу... Онъ посвѣжѣлъ, загорѣлъ, чувствовалъ себя почти счастливымъ.

Коза удивляла его своимъ здоровьемъ, веселой тупостью, бессмысленно-блестящими египетскими глазами. Молодая была красива и странна. При немъ, какъ и при Тихонѣ, молчить, слова не добьешься, отойдешь—рѣзко хохочетъ, перебрехивается съ мѣщанами, внезапно запѣваетъ:

Пушай меня бьютъ, ругаютъ,—
Мои глазки перморгаютъ...

Солдаты-учитель, глупый отъ природы, на службѣ сбился съ толку совершенно. По виду это былъ самый обыкновенный мужикъ лѣтъ подъ сорокъ. Но говорилъ онъ всегда такъ необыкновенно и несъ такую чепуху, что приходилось только

руками разводить. Онъ все чему-то съ величайшей хитростью улыбался, глядѣль на собесѣдника снисходительно, щурясь, на вопросы никогда не отвѣчалъ сразу.

— Какъ величать-то тебя?—спросилъ его Кузьма, въ первый разъ зайдя въ школу.

Солдаты прищурился, подумалъ.

— Безъ имени и овца баранъ,—сказалъ онъ наконецъ, не слѣша.—Но спрошу и я васъ: Адамъ—это имя, ай нѣтъ?

— Имя.

— Такъ. А сколько же, въ примѣру, народу померло съ тѣхъ поръ?

— Не знаю,—сказалъ Кузьма.—Да ты это къ чему?

— А къ тому самому, что намъ этого отъ роду не понять. Взять хоть смутьяна какого ни на есть. Ты бунтуешь? Бунтуй, любезный, можетъ, будешь фить-маршаломъ! Но только тебя еще можно въ лучшемъ видѣ растянуть безъ портокъ для экзекуціи. Ты мужикъ? Паши. Бондарь? Опять же свое дѣло знай. Я, къ примѣру, солдатъ и коноваль. Иду недавно по ярманкѣ—глядь, лошадь въ сапѣ. Сейчасъ къ становому: такъ и такъ, ваше высокоблагородіе. „А можешь ты эту лошадь перомъ зарѣзать?“—„Съ великимъ удовольствіемъ!“

— Какимъ перомъ?—спросилъ Кузьма.

— А гусинымъ. Взялъ, очинилъ, въ жилу становую чкнулъ, дунулъ маленько, въ перо-то, — и готово. Дѣло-то, кажись, просто, анъ поди-ка, ухитрись!

И солдатъ лукаво подмигнулъ и постучалъ себя пальцемъ въ лобъ:

— Тутъ еще есть смекалка-то.

Кузьма пожалъ плечами и смолкъ. И ужъ проходя мимо Отодворки, отъ нея Сеньки узналъ, какъ зовутъ солдата. Оказалось—Пармень.

— А что вамъ задано на завтра?—прибавилъ Кузьма, съ любопытствомъ глядя на огненные вихры Сеньки, на его живые зеленые глаза, конопатое лицо, щуплое тѣльце и потрескавшіяся отъ грязи и цыпокъ руки и ноги.

— Задачи, стихи, — сказалъ Сенька, подхвативъ правой рукой поднятую ногу и прыгая на одномъ мѣстѣ.

— Какія задачи?

— Гусей сосчитать. Летѣло стадо гусей...

— А, знаю,—сказалъ Кузьма.—А еще что?

— Еще мышей...

— Тоже сосчитать?

— Да. Шли шесть мышей, несли по шесть грошей,—быстро забормоталъ Сенька, косясь на серебряную часовую цѣ-

почку Кузьмы. — Одна мышъ поплоче несла два гроша...
Сколько выйдетъ всего...

— Великолѣпно. А стихи какіе?

Сенька выпустилъ ногу.

— Стихи—„Кто онъ?“

— Выучилъ?

— Выучилъ...

— А ну-ка.

И Сенька еще быстрѣе забормоталъ про всадника, ѣхавшаго надъ Невой по лѣсамъ, гдѣ были только—

Ель, сосна, да мохъ сядой...

— Сѣдой,—сказалъ Кузьма,—а не сядой.

— Ну, сидой,—согласился Сенька.

— А всадникъ-то этотъ кто же?

Сенька подумалъ.

— Да колдунъ,—сказалъ онъ.

— Такъ. Ну, скажи матери, чтобъ она хоть виски-то тебѣ подстригла. Тебѣ же хуже, когда учитель деретъ.

— А онъ ўхи найдетъ, — безпечно сказалъ Сенька, снова берясь за ногу, и запрыгалъ по выгону

Мысъ и Дурновка, какъ это всегда бываетъ со смежными деревнями, жили въ постоянной враждѣ и взаимномъ презрѣніи. Мысовы считали дурновцевъ разбойниками и побирушками, дурновцы—мысовыхъ. Дурновка была „барская“, а на Мысу обитали „гѣлманы“, однопворцы, — вѣрнѣе остатки однопворцевъ, выселившихся въ Томскую губернію. Въ вражды, въ распрей находилась только Однопворка. Небольшая, худая, аккуратная, она была жива, ровна и пріятна въ обращеніи, наблюдательна. Она знала, какъ свою, каждую семью и на Мысу и въ Дурновкѣ, первая извѣщала усадьбу о каждомъ, даже малѣйшемъ деревенскомъ событіи. Да и ея жизнь знали всѣ отлично. Она никогда и ни отъ кого ничего не скрывала, спокойно и просто рассказывала о мужѣ, о Дурново, о томъ, какъ она стала сводней, когда онъ уѣхалъ.

— Чтò жъ дѣлать-то,—говорила она, легонько вздыхая.— Бѣдность была лютая, хлѣбушка и въ новину не хватало. Мужикъ меня, правду надо сказать, любилъ, да вѣдь покорись. Цѣлыхъ три воза ржи далъ за меня баринъ. „Какъ же быть-то?“—говорю мужику.—„Видно, иди, говоритъ“. Поѣхалъ за рожью, таскаетъ мѣрку за мѣркой, а у самого слезы капъ-капъ, капъ-капъ...

И, подумавъ, усмѣхалась:

— Ну, а потомъ, когда и баринъ уѣхалъ, и мужъ въ Ро-

стою ушелъ, стала я сводить кого съ кѣмъ попало... Распутные вы, кобели, прости Господи!

Днемъ работала она, не покладая рукъ, по ночамъ штопала, шила, воровала щиты на чугунокъ. Разъ, поздно вечеромъ, выѣхалъ Кузьма къ Тихону Ильичу, поднялся на изволокъ и обмеръ отъ страха: надъ потопувшими во мракъ нашими, на чуть тлѣющей полосѣ заката росло и плавно несло на Кузьму что-то черное, громадное...

— Кто это?—слабо крикнулъ онъ, натягивая вожжи.

— Ой!—слабо, въ ужасѣ крикнуло и то, что такъ быстро и плавно росло въ небѣ, и съ трескомъ разсыпалось.

Кузьма очнулся—и сразу узналъ въ темнотѣ Однодворку. Это она бѣжала на него на своихъ легкихъ босыхъ ногахъ, согнувшись, взгромоздивъ на себя два саженныхъ щита—изъ тѣхъ, что ставятъ зимой вдоль чугулки отъ заносовъ. И, оправившись, съ тихимъ смѣхомъ зашептала:

— Напугали вы меня до смерти. Бѣжишь такъ-то почью—дрожишь вся, а что жъ дѣлать-то? Вся деревня тонится ими, только тѣмъ и спасаемся...

Зато совершенно неинтересный человѣкъ былъ работникъ Кошель. Говорить съ нимъ было не о чемъ, да онъ и не словоохотливъ былъ. Какъ большинство дурновцевъ, онъ все только повторялъ старыя немудренныя изреченія, подтверждая то, что давнымъ-давно извѣстно. Погода портилась—и онъ посматривалъ на небо:

— Портится погода. Дожджикъ теперь для зеленей—первое дѣло.

Двоили паръ—и онъ замѣчалъ:

— Не передвоишь—безъ хлѣба посидишь. Такъ-то старики-то говаривали.

Онъ служилъ въ свое время, былъ на Кавказѣ, по солдатчина не оставила на немъ никакихъ слѣдовъ. Онъ не умѣлъ сказать слово „почта“ говорилъ: спочтѣва. Говню ничего не могъ рассказать о Кавказѣ, кромѣ того только, что тамъ гора на горѣ, что изъ земли бьютъ тамъ страшно горячія и странныя воды: „положишь баранину—въ одну минуту сварится, а не вынешь во-время—опять сырая станетъ“... И нисколько не гордился тѣмъ, что повидалъ свѣтъ; онъ даже съ презрѣніемъ относился къ людямъ бывалымъ: вѣдь „шатаются“ люди только поневолѣ или по бѣдности. Ни одному слуху не вѣрилъ—„все брешутъ!“—но вѣрилъ, божился, что недавно подъ Басовкой катилось въ сумерки телѣжное колесо—вѣдьма, а одинъ мужикъ, не будь дуракъ, взялъ да и поймалъ колесо, всунулъ во втулокъ поднояску и завязалъ ее.

— Ну, и что же?—спрашивалъ Кузьма.

— Да что? — отвѣчалъ Кошель. — Проснулась эта вѣдьма на-рани, глядь—а у ней подпояска изъ рѣта и изъ заду торчитъ, на животѣ завязана...

— А чего жъ она не развязала-то ее?

— Видно, узелъ закрещенъ былъ.

— И тебѣ не стыдно такой чепухѣ вѣрить?

— А мнѣ что жъ стыдиться? Люди ложь, и я тожъ.

И любилъ Кузьма только напѣвы его слушать. Сидишь въ темнотѣ у открытаго окна, нигдѣ ни огонька, деревня чуть чернѣетъ за логомъ, тихо такъ, что слышно паденіе яблокъ съ лѣсовки за угломъ дома, а онъ медленно похаживаетъ по двору съ колотушкой и заунывно-мирно напѣваетъ себѣ фальцетомъ: „Смолкни, птишка-канарейка“... До утра онъ караулилъ усадьбу, днемъ спалъ, — дѣла почти не было: съ дурновскими дѣлами Тихонъ Ильичъ поспѣшилъ въ этотъ годъ управиться рано, изъ скотины оставилъ всего лошадь да корову. И въ усадьбѣ было тихо, даже скучновато.

Ясные дни смѣнились холодными, синевато-сѣренькими, беззвучными. Стали щеглы и синицы посвистывать въ голомъ саду, цыкать въ елкахъ клесты, появились свиристели, снѣгири и какія-то неторопливыя крохотныя птички, стайками перелетавшія съ мѣста на мѣсто по гумну, падины котораго уже проросли ярко-зелеными всходами; иногда такая молчаливая легонькая птичка одиноко сидѣла гдѣ-нибудь на былинкѣ въ полѣ... На огородахъ между ригами, за Дурновкой, докапывали послѣднія картошки. И порой, подъ вечеръ, подолгу стоялъ тамъ кто-нибудь изъ мужиковъ, задумавшись и заглядѣвшись въ поле, держа за плечами плетушку съ колосомъ. Стало рано темнѣть, и въ усадьбѣ говорили: „Какъ поздно машина-то теперь проходить!“ — хотя расписаніе поѣздовъ ничуть не измѣнилось... Кузьма, сидя подъ окномъ, цѣлый день читалъ газеты; онъ записалъ свою весеннюю поѣздку въ Казаково и разговоры съ Акимомъ, дѣлалъ замѣтки въ старой счетоводной книгѣ—то, что видѣлъ и слышалъ въ деревнѣ... Больше всѣхъ занималъ его Сѣрый.

Въ деревнѣ было пусто. Многіе уѣхали на клеверъ. Трифонъ умеръ на Успенье — подавился, разговляясь, кускомъ сырой ветчины. Комаръ, одинъ изъ главныхъ бунтовщиковъ, знаменитый своей силой, умомъ и смѣлостью въ обращеніи съ господами, поступилъ въ началѣ сентября на винокуренный заводъ подъ Ельцомъ, заснулъ пьяный въ сушилкѣ и задохся. Не знали, что онъ тамъ, и задвинули двери засовомъ. Комаръ погнулъ его, стараясь вырваться на воз-

духъ, да ужъ, видно, на роду была написана ему такая смерть. Другой бунтовщикъ, Ванька Красный, опять закатился на донецкія шахты. Шорникъ работалъ по имѣніямъ, Родька на чугунокѣ. Дениска пропадалъ гдѣ-то. И всѣ притворно жалѣли Сѣраго, пользуясь случаемъ поиздѣваться и надъ сыномъ и надъ отцомъ. У Якова, когда онъ заговаривалъ о Сѣромъ, тряслись руки. Да и не могли не трястись. Чтò дѣлалъ этотъ Сѣрый съ землею, которую Яковъ готовъ былъ „горстями жрать“! Никто во всей Дурновкѣ и сотоѣ доли не испыталъ того, чтò Яковъ, когда пошли слухи о бунтахъ, поджогахъ, отчужденіи земель. Онъ только молчалъ—отъ той подкольной скрытности, затаенности, чтò всосали съ молокомъ матери тысячи его предковъ. Да и дыханіе перехватило бы у него, если бъ онъ заговорилъ. Тенерь, когда слухи становились все безнадежнѣе, онъ изъ-за земли даже съ сыномъ Васькой помирился. Сынъ былъ рябой, грубый, коренастый малый, въ двадцать лѣтъ заросъ бородой, широкой, кудрявой и такой крѣпкой, что клещи не выдернули бы изъ нея ни волоса. Сынъ, съ этой бородой, стриженной головою и въ красной рубахѣ, былъ похожъ на арестанта, а жену наряжалъ мѣщанкой. Но жадностью онъ вышелъ въ отца и уже сталъ тайкомъ поторговывать водочкой, махоркой, мыломъ, керосиномъ. И Яковъ помирился, надѣясь насытиться землею при помощи сына—забогатѣть и начать снимать ес. Но почему мирился Сѣрый съ Дениской, который уже не разъ „давалъ ему въ душу“? На что надѣялся онъ, лодырничая, какъ послѣдній босякъ? Землю онъ сдавалъ, на мѣстахъ не жилъ. Дома сидѣлъ въ голодѣ и холодѣ, но думалъ только о томъ, какъ бы разжиться покурить: безъ трубки онъ дня не могъ перебиться. На всѣхъ сходкахъ бывалъ онъ, но приходилъ всегда къ концу ихъ. Не пропускалъ ни одной свадьбы, ни однѣхъ крестинъ, ни однѣхъ похоронъ, хотя жался у двери и, протягивая руку къ хозяину, обносившему гостей, нерѣдко получалъ одни грубые оговоры. До вина Сѣрый былъ не жаденъ, но могоарычи никогда не обходились безъ него: онъ встрявалъ не только во всѣ мірскіе, но и во всѣ сосѣдскіе—послѣ купли, продажи, мѣны. И сосѣди уже такъ привыкли къ этому, что даже и не дивились, когда подходилъ Сѣрый. Да и занятно было слушать его.

— На словахъ—города беретъ,—говорили про Сѣраго. И точно: если на душѣ у него было покойно,—а покойно было тогда, когда былъ полонъ табакомъ кисеть, —какимъ дѣльнымъ, серьезнымъ мужикомъ могъ казаться Сѣрый!

— Вотъ теперь надо сына женить,—не спѣша разсуждалъ онъ, держа трубку въ зубахъ и крѣпко растирая корешки на ладони.—Женится—всякую копейку въ домъ потащить, до работы жадець станеть, какъ жукъ въ дерьмѣ будетъ округъ дома копаться... А работы мы, братъ, не боимся! Только подавай!

Но ни спокойствія ни работы у Сѣраго почти никогда не было. Наружность его оправдывала кличку: сѣръ, худъ, росту средняго, плечи обвислыя, полунубочекъ—короткій, рваный, замызганный, валенки разбиты и подшиты бечевой, о шапкѣ и говорить нечего. Сидя въ избѣ, никогда не снимая этой шапки, не выпуская изъ рта трубки, что-то озабоченно обдумывая, видъ онъ имѣлъ такой, точно все ждалъ чего-то. Но ему, по его мнѣнію, чертовски не везло. Не подпадало дѣла настоящаго, да и только! Ну, а въ бирюльки играть былъ онъ не охотникъ. Всякій, конечно, норовилъ охаять...

— Да вѣдь языкъ-то безъ костей, — говорилъ Сѣрый. — Ты сперва дѣло въ руки дай, а потомъ ужъ и брешь.

Земли у него было порядочно—три десятины. Но податей зашло—на десятерыхъ. И отвалились отъ земли руки у Сѣраго: „Попевольтъ сдашь ее, землю-то: ее, матушку, въ порядкѣ надо держать, а ужъ какой тутъ порядокъ!“ Самъ онъ сѣялъ не больше поливы, но и ту продавалъ на корню, — „милое за немилое сбывалъ“. И опять съ резонотъ: дождись-ка ее, попробуй!—„Все, къ примѣру, дождаться-то лучше...“—бормоталъ Яковъ, глядя въ сторону и зло усмѣхаясь. Но усмѣхался и Сѣрый—печально и презрительно.

— Лучше! — хмыкалъ онъ. — Тебѣ хорошо брехать: дѣвку отдалъ, малаго женилъ. А у меня—глянь, уголь-то сидитъ... ребятишекъ-то. Не чужіе вѣдь. Я вонъ козу для нихъ держу, поросенка выкармливаю... Тоже, небось, пить-ѣсть просятъ.

— Ну, коза, къ примѣру, въ этомъ дѣлѣ не повинна, — возражалъ, раздражаясь, Яковъ. — Это у насъ, къ примѣру, все водочки да трубочки на умѣ... трубочки да водочки...

И, чтобъ не поругаться съ сосѣдомъ безъ толку, спѣшилъ отойти отъ Сѣраго. А Сѣрый спокойно и дѣльно замѣчалъ ему вслѣдъ:

— Пьяница, братъ, проспится, дуракъ никогда.

Раздѣлившись съ братомъ, долго скитался Сѣрый по квартирамъ, нанимался и въ городѣ и по имѣніямъ. Ходилъ и на клевера. И вотъ на клеверахъ-то и повезло ему однажды. Нанялась артель, къ какой пристрѣлъ Сѣрый, отдѣлать большую партію по восьми гривенъ съ пуда, а клеверъ возьми и дай больше двухъ пудовъ. Вытрясли

его—Сѣрый подрядился машонку бить. Нагналъ въ азадки зерна и купилъ ихъ. И забогатѣлъ: въ ту же осень поставилъ кирпичную избу. Но не рассчиталъ: оказалось, что избу нужно топить. А чѣмъ, спрашивается? Да нечѣмъ было и кормиться. И пришлось сжечь верхъ избу, и простояла она безъ крыши годъ, почернѣла вся. А труба пошла на хомутъ. Правда, лошади еще не было; да вѣдь надо же когда-нибудь начинать обзаведеніе... И Сѣрый махнулъ рукой: рѣшилъ продать избу, поставить подешевле, глинобитную. Разсуждалъ онъ такъ: будетъ въ избѣ—ну, на худой конецъ, десять тысячъ кирпичей, за тысячу даютъ пять, а то и шесть рублей; выходитъ, значитъ, больше полсотни; а на полсотни... Но кирпичей оказалось три съ половиной тысячи, за матицу пришлось взять не пять цѣлковыхъ, а два съ полтиной... И долго на мѣстѣ чудесной избу возвышался, твердѣлъ подъ дождемъ голый бугоръ мусора: свезти его было не на чемъ, руки отъ дѣла отваливались. Яковъ поучалъ: „Надо было, къ примѣру, сразу подешевле поровить“... Да, чортъ, надолго оно, дешевое-то? — думалъ Сѣрый. И, озабоченно приглядывая себѣ новую избу, цѣлый годъ приторговывался онъ только къ тѣмъ, что были совсѣмъ не по деньгамъ ему. И примирился съ теперешней только въ твердой надеждѣ на будущую — крѣпкую, просторную, теплую.

— Въ этой я, прямо говорю, не жилецъ! — отрѣзалъ онъ однажды.

Яковъ внимательно посмотрѣлъ на него, тряхнулъ шапкой:

— Такъ. Знать, ждешь, корабли приплывутъ?

— И приплывутъ,—отвѣтилъ Сѣрый загадочно.

— Ой, брось дурь,—сказалъ Яковъ:—наймись куда ни на есть, да зубами, къ примѣру, держись за мѣсто...

Но мысль о хорошемъ дворѣ, о порядкѣ, о какой-то ладной, настоящей работѣ отравляла всю жизнь Сѣрому. Скучалъ онъ на мѣстахъ.

— Она, видно, работа-то, и дома не медъ, — говорили сосѣди.

— Небось, была бы медъ, кабы домъ былъ путный!

— Такъ. И наймаешься все помѣсячно, да до рабочей поры?

— И наймаюсь. Дома-то призоръ нуженъ, ай нѣтъ?

— А дома сидишь, трубочки раскуриваешь?

— Что жъ мнѣ,—и покурить теперь нельзя?

И Сѣрый, вдругъ оживившись, вынималъ изо рта холодную трубку и начиналъ любимую исторію: какъ онъ, будучи холостымъ, цѣлыхъ два года честно-благородно отжилъ у попа подъ Ельцомъ.

— Да я и сейчас поди туда — съ руками оторвутъ! — восклицалъ онъ. — Только слово сказать: пришелъ, молъ, папаша, поработаться на васъ — возьмете, ай нѣтъ? „Да чтой-то ты спрашиваешь-то, свѣтъ? Да ай я тебя не знаю? Да, Господи, — живи хоть до вѣку!“

— Ну, къ примѣру, и шелъ бы...

— Шелъ бы! Ихъ вонъ, — ишь, — уголь-то сидить! Вѣстимо: чужую бѣду — руками разведу... А тутъ человѣкъ безъ толку пропадаетъ...

Безъ толку пропадалъ Сѣрый и нынѣшній годъ. Всю зиму съ озабоченнымъ видомъ просидѣлъ дома, безъ огня, въ холодѣ, въ голодѣ; Великимъ постомъ пристроился какимъ-то манеромъ къ Русановымъ подъ Тулой: въ своихъ-то мѣстахъ его ужъ не брали. Но не прошло и мѣсяца, какъ осточертѣла ему русановская экономія хуже горькой рѣдьки.

— Ой, малый! — сказалъ разъ приказчикъ. — Наскрозъ тебя вижу: придираешься ты лыжи наладить. Забираете, сукины дѣти, денежки впередъ, да и норовите въ кусты.

— Это, можетъ, бродяга какой такъ-то норовить, а не мы, — отрѣзалъ Сѣрый.

Но приказчикъ намека не понялъ. И пришлось дѣйствовать рѣшительнѣе. Заставили разъ Сѣраго навозить къ вечеру хоботья для скотины. Онъ поѣхалъ на гумно и сталъ навивать возъ соломы. Подошелъ приказчикъ:

— Развѣ я тебѣ не русскимъ языкомъ сказалъ — хоботье накладай?

— Не время его накладывать, — твердо отвѣтилъ Сѣрый.

— Это почему?

— Путные хозяева въ обѣдъ хоботье даютъ, а не на ночь.

— Да ты-то что за учитель такой?

— Не люблю морить скотину. Вотъ и учитель весь.

— А везешь солому?

— На все время надо знать.

— Сію же минуту брось накладывать!

Сѣрый поблѣднѣлъ.

— Нѣтъ, дѣла я не брошу. Дѣла мнѣ нельзя бросать.

— Дай сюда вилы, собака, и отойди отъ грѣха.

— Я не собака, а хрещеный человѣкъ. Вотъ отвезу — и отойду. И совсѣмъ уйду.

— Ну, братъ, наврядъ! Уйдешь, да въ скорости и назадъ, въ волость припрешь.

Сѣрый соскочилъ съ воза, бросилъ вилы въ солому:

— Это я-то припру?

— Ты-то!

— Ой, малый, не припри ты! Авось, и за тобой знаемъ. Тоже, братъ, не похвалить хозяинъ...

Толстыя щеки приказчика налились сизой кровью, бѣлки выпучились. Онъ тыломъ кисти сдвинулъ картузь на затылокъ и, задохнувшись, быстро произнесъ:

— А-а! Вотъ какъ! Не похвалить? Говори же, когда такое дѣло,—за что?

— Мнѣ нечего говорить,—пробормоталъ Сѣрый, чувствуя, что у него сразу отяжелѣли ноги отъ страха.

— Нѣтъ, братъ, брешешь—скажешь!

— А куда мука дѣвалась?—внезапно крикнулъ Сѣрый.

— Мука?.. Какая такая мука?

— Сляпая. Съ мельницы...

Приказчикъ мертвой хваткой стребъ Сѣраго за воротъ, за-душу—и на мгновеніе оба замерли.

— Ты что же это,—за пельки хватать?—спросилъ Сѣрый спокойно.—Задушить хочешь?

И вдругъ яростно завизжалъ:

— Ну, бей, бей, пока сердце кипить!

И, рванувшись, вырвался и схватилъ вилы.

— Ребята!—заоралъ приказчикъ, хотя кругомъ никого не было.—За старостой! Прислушайте: онъ меня заколотъ хотѣлъ, сукинъ сынъ!

— Не суйся, носъ сшибешь,—сказалъ Сѣрый, держа вилы на перевѣсѣ.—Авось, не прежнее вамъ времечко!

Но тутъ приказчикъ размахнулся—и Сѣрый торчмя головой полетѣлъ въ солому...

Тоска, снова начавшая забирать надъ Кузьмой силу вмѣстѣ съ переменной погоды, все увеличивалась по мѣрѣ того, какъ узнавалъ онъ Дурновку, Сѣраго. Сперва было только грустно и смѣшно: что за нелѣпый человѣкъ! Потомъ досадно и противно: выродокъ! Все лѣто просидѣлъ на порогѣ избы, покуривая, поджидая милостей отъ Думы. Всю осень проштался отъ двора къ двору, надѣясь пристроиться къ кому-нибудь, ѣдущему на клевера... Въ жаркій солнечный день загорѣлся новый ометъ на краю деревни. Сѣрый первымъ явился на пожаръ и оралъ до сипоты, опалилъ рѣсницы, промокъ до нитки, распоряжаясь водовозами, тѣми, что кидались съ вилами въ огромное розово-золотое пламя, растаскивали во всѣ стороны огненные шапки, и тѣми, что просто метались среди жара, треска, льющейся воды, гама, наваленныхъ возлѣ избъ иконъ, кадушекъ, прялокъ, попонъ, рыдающихъ бабъ и сыплющихся съ обгорѣлыхъ лозинъ черныхъ листьевъ... Но что путнаго онъ сдѣлалъ? Въ октябрѣ, когда,

послѣ проливныхъ дождей и ледяной бури, застылъ прудъ и сосѣдскій боровъ соскользнулъ съ мерзлаго бугра, проломилъ ледъ и сталъ тонуть, Сѣрый первый, со всего разбѣга, шархнулся въ воду—спасать. Но почему? Чтобъ быть героемъ дня, чтобъ имѣть право прибѣжать съ пруда въ людскую, потребовать водки, табаку, закуски. Сперва онъ былъ весь лиловый, зубъ на зубъ не попадалъ, еле шевелилъ бѣлыми губами, переодѣваясь во все чужое, въ Кошелево. Потомъ ожилъ, захмелѣлъ, сталъ хвастать—и опять разсказалъ о томъ, какъ онъ честно-благородно служилъ у попа и какъ ловко выдалъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ дочь замужъ. Онъ сидѣлъ за столомъ, съ жадностью жевалъ, заглатывалъ брусочки сырой ветчины и самодовольно повѣствовалъ:

— Хорошо. Снюхалась она, Матрюшка-то, съ Егоркой съ этимъ... Ну, снюхалась и снюхалась. Нехай. Сижу этакъ вечеркомъ подъ окошечкомъ, вижу — разъ Егорка прошелъ, мимо избѣ, два... а моя — все пырь да пырь къ окошечку... Значить, обдумали дѣло, думаю себѣ. И говорю бабѣ: ты тутъ кормочку скотинѣ дай, а я пойду,—на сходку повѣщали. Сѣлъ за избой въ солому, сижу, жду. А ужъ снѣжокъ первый напалъ. Вижу — опять снизу крадется Егорка... А она и вотъ она. Зашли за погребъ, потомъ—шмыгъ въ избу въ новую, въ пустую, рядомъ. Подождалъ я сколько-нибудь...

— Исторія!—сказалъ Кузьма и болѣзненно усмѣхнулся.

Но Сѣрый принялъ это за похвалу, за восхищеніе его умомъ и хитростью. И, чувствуя себя героемъ, продолжалъ, то возвышая голосъ, то ѣдко понижая его:

— Стой, слухай, чтò дальше-то будетъ. Подождалъ, говорю, сколько-нибудь—да за ними... Вскочилъ на порогъ — прямо на ней и прихватилъ! Перепугались они—до страсти. Онъ, какъ куль, наземь свалился,—хоть рѣжь его,—а она обмерла,—лежить, какъ утка... „Ну, говоритъ, бей меня талеръ“. Это онъ-то. „Бить, говорю, ты мнѣ не нуженъ“... Поддевочку его взялъ, пинжачокъ — тоже, оставилъ въ однихъ подштаникахъ,—почестъ въ чемъ мать родила... „Ну, говорю, ступай теперь, куды хочешь“... А самъ домой. Смотрю—и онъ сзади идетъ: спѣгъ бѣлый—и онъ бѣлый, идетъ, сонитъ... Дѣться-то некуда,—куда кинешься? А моя Матрена Миколавна, какъ я только изъ избы,—въ поле! Закатилась—насилу сосѣдка подъ самымъ Басовымъ за рукавъ поймала, ко мнѣ привела. Далъ я ей отдохнуть и говорю: „Мы люди бѣдные, ай пѣтъ?“ Молчить. „Мать-то у тебя убогая, ай умная?“ Опять молчить. „Какъ ты насъ оконфузила? А? Ты, чтò жъ, полонъ уголь мнѣ ихъ напывраешь, выбледковъ-то, а я глазами моргаю?“

Ты вокругъ себя при нашей бѣдности наблюдать должна, а не насмѣшничать да косу трепать, — сволочь ты!“ Ну, и началъ ее лудить, — былъ у меня тутъ кнутикъ похоженькій... Ну, просто сказать, всю поясницу изрубилъ, до той степени — въ ногахъ полозеетъ, валенки цѣлуетъ, а онъ сидитъ на лавкѣ, голосить. Взялся потомъ за него, за голубчика...

— И женилъ? — спросилъ Кузьма.

— Вона! — воскликнулъ Сѣрый и, чувствуя, что хмель одолеваетъ его, сталъ сгребать съ тарелки куски ветчины и пихать въ карманы портокъ. — Еще какъ свадьбу-то сыграли! На расходы я, братъ, жмуриться не стану...

„Ну, рассказъ!“ — долго думалъ Кузьма послѣ этого вечера... А погода портилась. Писать не хотѣлось, тоска усиливалась. Нищета, неудѣльность Сѣраго и Дениски поразили его: гнѣтъ деревня! Звѣрская исторія съ Молодой въ саду, смерть Родьки — ошеломили. Жизнь Тихона Ильича — изумляла. А ужъ его ли можно было изумить! Онъ ли не зналъ своего края, своего народа! Съ горечью и злобой изливалъ онъ свое сердце Тихону Ильичу, наставлялъ его, извилъ... Но если бы зналъ Тихонъ Ильичъ, какъ радостно кидался Кузьма къ окну, увидавъ у крыльца его чуйку, картузь, сѣдую бороду! Какъ боялся онъ, что братъ не ночуетъ, какъ старался задержать его подольше, втянуть въ разговоры, воспоминанія... Скучно стало Кузьмѣ поздней осенью, охъ, какъ скучно! Только и радости, что явится кто-нибудь съ просьбой. Приѣзжалъ нѣсколько разъ Гололобый изъ Басовки, — совершенно лысый мужикъ въ огромной шапкѣ, — писать прошеніе на свата, переломившаго ему ключицу. Приходила вдова Бутылочка съ Мыса — писать письма къ сыну, вся въ лохмотьяхъ, вся мокрая и ледяная отъ дождя. Начнетъ диктовать, — въ слезы.

— Городъ Серпуховъ, при дворянской банѣ, домъ Желтухинъ...

И заплачетъ

— Ну? — спрашиваетъ Кузьма, скорбно кося брови, стариковски глядя на Бутылочку — поверхъ пенснѣ. — Ну, написалъ. Дальше что?

— Дальше-то? — спрашиваетъ Бутылочка шопотомъ и, стараясь овладѣть голосомъ, продолжаетъ:

— Дальше-то пиши, касатикъ, поскладнѣе... Передать, значитъ, Михалъ Назарычу Хлусову... въ собственныя руки...

И затѣмъ начинается — то съ остановками, то совсѣмъ безъ остановокъ:

— Письмо милому и дорогому сыночку нашему Мишѣ, что же ты, Миша, про насъ забылъ, никакого слуху нѣту отъ васъ...

Ты самъ знаешь, мы на хватерѣ, а теперича насъ сгоняють долой, куда жъ мы теперича дѣнемся... Дорогой нашъ сыночекъ Миша, просимъ мы васъ за ради Господа Бога, чтобъ вы прѣзжали домой какъ ни можно скорѣй...

И опять сквозь слезы, шопотомъ:

— Мы тутъ съ вами хоть землянку выкопаемъ, и то будемъ у своемъ углу...

Бури и ледяные ливни, дни, похожіе на сумерки, грязь въ усадьбѣ, усѣянная мелкой желтой листвою акацій, необозримая пашни и озими вокругъ Дурновки и безъ конца идущія надъ ними тучи опять томили лютой ненавистью къ этой проклятой странѣ, гдѣ восемь мѣсяцевъ мятели, а четыре — дожди, гдѣ за нуждой приходится идти на варокъ или въ вишенникъ. Когда завернуло ненастье, пришлось гостиную забить наглухо и перебраться въ залъ, чтобъ уже всю зиму и ночевать въ немъ, и обѣдать, и курить, и проводить долгіе вечера за тусклой кухонной лампочкой, шагая изъ угла въ уголъ въ картузѣ и чуйкѣ, едва спасавшихъ отъ холода и вѣтра, дувшаго въ щели. Иногда оказывалось, что забыли запастись керосиномъ, и Кузьма проводилъ сумерки безъ огня, а вечеромъ зажигалъ какой-нибудь огарокъ только для того, чтобы поужинать картофельной похлебкой и теплой пшенной кашей, что молча, со строгимъ лицомъ подавала Молодая.

„Куда бы поѣхать?“ — думалъ онъ порою.

Сосѣдей поблизости было всего только трое: старуха княжна Шахова, которая не принимала даже предводителя; считая его невоспитаннымъ; отставной жандармъ Закржевскій, геморроидально-злой и самоувѣренно-глупый человѣкъ, который и на порогъ не пустилъ бы Кузьму; и наконецъ мелкопомѣстный дворянинъ Басовъ, жившій въ избѣ, женившійся на распутной солдаткѣ-вдовѣ, говорившій только о хомутахъ и скотинѣ. О. Петръ, священникъ изъ Колодезей, куда Дурновка была приходомъ, посѣтилъ разъ Кузьму, но вести знакомство не возымѣлъ охоты ни тотъ ни другой. Кузьма угостилъ священника только чаемъ — и священникъ рѣзко и неловко захохоталъ, увидавъ на столѣ самоваръ. „Самоварчикъ? Отлично! Вы, я вижу, не чета братцу — не тароваты на угощенье!“ Кузьма откровенно заявилъ, что никогда не бываетъ въ церкви по своимъ убѣжденіямъ, — священникъ захохоталъ еще изумленнѣе, еще рѣзче и громче: „А-а! Новыя идейки? Отлично! Да оно и дешевле“. И хохотъ совсѣмъ не шелъ къ нему: точно другой кто-то хохоталъ за этого высокаго, худого человѣка съ большими лопатками и черными крупными волосами, съ бѣгающими жадными глазами, тре-

возно-разсѣяннаго, все время что-то думающаго, обидчиваго и неумѣло развязнаго. „А на ночь-то, на ночь-то, небось, все-таки крестишься—потрухиваешь?“ — громко и торопливо сказалъ онъ, одѣваясь въ прихожей, измучивъ Кузьму разспросами о хозяйствѣ и внезапно переходя на ты. „Крещусь,—съ грустной улыбкой сознался Кузьма.—Да вѣдь страхъ — не вѣра, и не вашему Богу крещусь я“.

Не часто бывалъ Кузьма и у брата. А тотъ пріѣзжалъ только тогда, когда былъ чѣмъ-нибудь разстроенъ. И одиночество было такъ безнадежно, что порою Кузьма называлъ себя Дрейфусомъ на Чортовомъ островѣ. Сравнивалъ онъ себя и съ Сѣрымъ. Ахъ, вѣдь и онъ, подобно Сѣрому, нищъ, слабоволентъ, выбить изъ колеи и всю жизнь ждалъ какихъ-то счастливыхъ дней для работы!

Непріятное воспоминаніе осталось отъ храбрости, отъ разсказа, отъ хвастовства захмелѣвшаго Сѣраго. Но обычно и во хмелю не таковъ бывалъ Сѣрый: только болтливъ, чѣмъ-то смущенъ и несмѣло-веселъ. Да и захмелѣть-то ему удавалось разъ пять въ годъ. Не жаденъ онъ былъ на вино, не то, что на табакъ. Изъ-за табаку онъ готовъ былъ пойти на какія угодно униженія, готовъ былъ по часамъ сидѣть возлѣ курящаго, поддакивать ему, льстить и все затѣмъ, чтобы, выждавъ удобную минуту, какъ бы невзначай сказать: „Дай-ка, сватъ, на трубочку...“. Страстно любилъ онъ еще карты, долгіе разговоры, вечернія сборища по избамъ,—по тѣмъ избамъ, гдѣ большія семьи, гдѣ тепло, гдѣ огонь горитъ, бьютъ вѣлну захожіе волнобои, шьютъ полушубки бродячіе портные. Но по избамъ еще не сбивался народъ — Сѣрый сидѣлъ дома... И, побывавъ у него нѣсколько разъ, Кузьма почувствовалъ, что не злобствовать надо, не трунить надъ Сѣрымъ. Жилъ Сѣрый тѣмъ, что заработала на лѣтней поденщинѣ жена, смирная, молчаливая, съ придурью баба, да еще тѣмъ, что удавалось выпросить у Дениски, изрѣдка появлявшагося въ Дурновкѣ—съ чемоданомъ, бѣлымъ хлѣбомъ, колбасой, которую онъ любилъ безумно — и безъ стѣсненія бранившаго царя и господъ. По первому снѣгу Сѣрый куда-то ушелъ и пропадалъ съ недѣлю. Явился домой сумрачный.

— Ай опять къ Русанову ходилъ?—спросили сосѣди.

— Ходилъ,—отвѣтилъ Сѣрый.

— Зачѣмъ?

— Уговаривали наняться.

— Такъ. Не согласился?

— Дурѣй ихъ не былъ, да до-вѣку и не буду... Авось не кровью имъ подписался!

И Сѣрый, не снимая шапки, надолго засѣлъ на лавку. И въ сумерки тоскливо становилось на душѣ при взглядѣ на его избу. Въ сумерки за широкимъ снѣжнымъ логомъ скучно чернѣла Дурновка, ея риги и лозинки на задворкахъ. Но темнѣло — и загорались огоньки, казалось, что въ избахъ мирно, уютно. И неприятно чернѣла только изба Сѣраго. Она была глуха, мертва. Кузьма уже зналъ: если войдешь въ ея темныя полураскрытыя сѣни, почувствуешь себя на порогѣ почти звѣринаго жилья — пахнетъ снѣгомъ, въ дыры крыши видно сумрачное небо, вѣтеръ шуршитъ навозомъ и хворостомъ, кое-какъ накиданнымъ на стропила; если найдешь ощупью покосившуюся стѣну и отворишь дверь, встрѣтишь холодъ, тьму, чуть мерцающее во тьмѣ мерзлое окошечко... Никого не видно, но угадываешь: хозяинъ на лавкѣ, — уголькомъ краснѣетъ его трубка; хозяйка тихонько покачиваетъ повизгивающую люльку, гдѣ болтается блѣдный, сонный отъ голода рахитикъ. Дѣтишки забились на чуть теплую печку и что-то оживленно, шопотомъ рассказываютъ другъ другу. Въ гнилой соломѣ подъ нарами шуршатъ, возятся коза и поросенокъ, — большіе друзья. Страшно разогнуться, чтобы не удариться головой въ потолокъ. Повертываешься тоже съ опаской: отъ порога до противоположной стѣны всего пять шаговъ.

— Ктѣй-то? — раздается изъ темноты негромкій голосъ.

— Я.

— Никакъ Кузьма Ильичъ?

— Онъ самый.

Сѣрый подвигается, опрастываетъ мѣсто на лавкѣ. Кузьма садится, закуриваетъ. Понемногу начинается разговоръ. Угнетенный темнотой, Сѣрый простъ, грустенъ, сознается въ своихъ слабостяхъ. Голосъ его порою дрожитъ...

Зима наступила долгая и снѣжная.

Блѣдно-бѣлѣющія подъ синевато-сумрачнымъ небомъ поля стали шире, просторнѣй и еще пустыннѣе. Избы, пуньки, лозины, риги рѣзко выдѣлялись на первыхъ порошахъ. Потомъ завернули вьюги и намели, навалили столько снѣга, что деревня приняла дикій сѣверный видъ, стала чернѣть только дверями да окошечками, еле выглядывающими изъ-подъ нахлобученныхъ бѣлыхъ шапокъ изъ бѣлой толщи завалинокъ. За вьюгами подулъ по затвердѣвшему сѣрому насту полей вѣтры жесткіе, оборвали послѣдніе коричневые листья съ безпріютныхъ дубовыхъ кустарниковъ въ логахъ, пошелъ тонуть въ непролазныхъ наносахъ, испещренныхъ заячьими слѣдами, однодворецъ Тарасъ Миляевъ, похожій на сибиряка и по-сибирски приверженный

охотѣ, превратились въ мерзлыя глыбы водовозки, росли ледяные скользкіе бугры вокругъ прорубей, накатались дороги по сугробамъ—и зимнія будни установились. Начались по деревнямъ повальныя болѣзни: оспа, горячка, скарлатина, крупъ. Но болѣзни эти споконъ вѣку не покидаютъ деревень зимою, и къ нимъ ужъ такъ привыкли, что говорили о нихъ не больше, чѣмъ о переменѣхъ погоды. Вокругъ прорубей, изъ которыхъ пила вся Дурновка, надъ вонючей темно-бутылочной водою, по цѣлымъ днямъ стояли, согнувшись и подоткнувъ юбки выше сизыхъ голыхъ колѣнъ, въ мокрыхъ лаптяхъ, съ большими, закутанными головами, бабы. Онѣ вытаскивали изъ чугуновъ съ золою свои сѣрыя замашныя рубахи, надшитыя до пояса коленкоромъ, мужицкіе тяжевые портки, дѣтскіе загаженные свивальники, полоскали ихъ, били вальками и перекрикивались, сообщая другъ другу, что руки „зашлись съ пару“, что во дворѣ у Макаровыхъ помираетъ въ горячкѣ бабка, что у снохи Якова завалило горло... Дѣвчонки въ однѣхъ рубашонкахъ выскакивали изъ избъ, прямо съ печекъ, за уголъ, на бугры затвердѣвшаго снѣга. Мальчишки, въ отцовскихъ обноскахъ, шмыгали на ледяжкахъ съ горы, кувыркались, визжали, закатывались лютымъ кашлемъ и приходили къ вечеру домой въ жару, съ тяжелыми, мутными головами. Они такъ промерзали, что едва шевелили губами, прося пить, а напившись, съ плачемъ лѣзли на печку. Но на захворавшихъ даже матери не обращали вниманія... А смеркалось въ три часа, и лохматые собаки сидѣли на крышахъ, почти сровнявшихся съ сугробами. Ни единая душа не знала, чѣмъ питаются эти собаки. Однако онѣ были живы и даже свирѣпы.

Просыпались въ усадьбѣ рано. На разсвѣтѣ, въ синеватой темнотѣ, когда зажигались по избамъ огоньки, затапливались печи и сквозь застрѣхи медленно шелъ густой молочный дымъ, а во флигелѣ съ замерзшими сѣрыми окнами становилось холодно, какъ въ сѣнцахъ, Кузьму будилъ стукъ дверей и шуршанье мерзлой, со снѣгомъ, соломы, которую таскалъ изъ развальней Кошель. Слышался его негромкій сильный голосъ, — голосъ человѣка, проснувшагося раньше всѣхъ, натошакъ озябшаго. Гремѣла трубой самовара и строгимъ шопотомъ переговаривалась съ Кошелемъ Молодая. Она спала не въ людской, гдѣ тараканы до крови обтачивали руки и ноги, а въ прихожей, и вся деревня была убѣждена, что это—не просто. Деревня хорошо знала, что пережила Молодая за осень, — какъ сразилъ ее позоръ, смерть Родьки, то, что мать ея ушла побираться, замкнувъ пустую избу. Молчаливая, придавленная тяжестью горя, Молодая была

строже и печальнѣе схимницы. Но какое дѣло деревнѣ до чужихъ печалей? Кузьма уже зналъ отъ Одинодворки, что говорили на деревнѣ, и, просыпаясь, всегда вспоминалъ объ этомъ со стыдомъ и отвращеніемъ. Онъ стучалъ кулакомъ въ стѣну, давая знать, что ждетъ самовара, и, кряхтя, закуривалъ цыгарку: это успокаивало сердце и облегчало грудь. Онъ лежалъ подъ тулупомъ и, не рѣшаясь разстаться съ тепломъ, курилъ и думалъ: „Безстыжій народъ! Вѣдь у меня дочь почти ровесница ей...“ То, что за стѣной ночевала молодая женщина, волновало его только отеческой нѣжностью. Днемъ она была молчалива и серьезна, скупа на слова, подвижнически застѣнчива. А когда спала, было въ ней даже что-то дѣтское, грустное и одинокое. Разъ уснула послѣ обѣда на своемъ сундукѣ въ прихожей, закутавъ голову пеньковой шалью, поджавъ ноги, и заголила колѣно. Женственно лежали ея ноги въ лаптяхъ, озябшее колѣно бѣлѣло, какъ у дѣвочки. И Кузьма, проходя мимо, отвернулся и окликнулъ ее, чтобы она проснулась и закрылась. Но развѣ деревня поверитъ этому? Не повѣрилъ бы даже Тихонъ Ильичъ: что-то ужъ очень странно усмѣхался онъ порою. Онъ и всегда-то былъ недоувѣрчивъ, подозрителенъ, грубъ въ своихъ подозрѣніяхъ, а теперь и совсѣмъ потерялъ умъ: что ему ни скажи, — у него на все одинъ отвѣтъ.

— Слышалъ, Тихонъ Ильичъ? Закрежевскій, говорятъ, отъ катарра помираетъ: въ Орелъ повезли.

— Брехня. Знаемъ мы этотъ катарръ!

— Да мнѣ фельдшеръ говорилъ.

— А ты слушай его побольше...

— Хочу газетку выписать, — скажешь ему. — Дай мнѣ, пожалуйста, въ счетъ жалованья рублей десять.

— Гм! Охота же человѣку брехней голову забивать. Да, признаться, со мной и денегъ-то всего пятиалтынный, не то двугривенный...

Войдетъ Молодая съ опущенными рѣсницами:

— Муки, Тихонъ Ильичъ, у насъ осталось чуть...

— Это какъ же такъ — чуть? Ой, брѣшешь, баба!

И перекоситъ брови. А доказывая, что муки должно было хватить, по крайней мѣрѣ, еще дня на три, все быстро поглядываетъ то на Кузьму, то на Молодую. Разъ даже спросилъ, усмѣхнувшись:

— А какъ спать вамъ, — ничего, тепло?

И Молодая, которой и такъ-то тяжелы были его пріѣзды, густо покраснѣла и, нагнувъ голову, вышла, а у Кузьмы отъ стыда и злобы похолодѣли пальцы

— Стыдно, братъ, Тихонъ Ильичъ, — пробормоталъ онъ, отвертываясь къ окну. — И особливо послѣ того, что ты самъ же открылъ мнѣ...

— А чего жъ она покраснѣла? — зло, смущенно и неловко улыбаясь, спросилъ Тихонъ Ильичъ.

По утрамъ непріятнѣе всего было умываться. Въ прихожей несло морозомъ отъ соломы, плавалъ, какъ битое стекло, ледъ въ рукомойникѣ. Кузьма порой принимался за чай, вымывъ только руки, и со сна казался совсѣмъ старикомъ. Отъ нечистоты и холода онъ сильно похудѣлъ и посѣдѣлъ за осень. Похудѣли и руки, кожа на нихъ стала тоньше, глянцевиѣе, покрылась какими-то мелкими лиловыми пятнышками.

„Укатали сивку крутыя горки!“ — думалъ онъ.

Утро было сѣрое, съ жесткимъ сѣвернымъ вѣтромъ. Подъ затвердѣвшимъ сѣрымъ снѣгомъ сѣрой стала къ Филипповкамъ и деревня. Сѣрыми мерзлыми лубками висѣло на перекладинахъ подъ крышами пунекъ бѣлье. Намерзло возлѣ избъ — лили помои, выкидывали золу. Оборванные мальчишки спѣшили по улицѣ между избами и пуньками въ школу, взбѣгали на сугробы, скатывались съ нихъ на лаптяхъ; на всѣхъ были холщевые мѣшки съ грифельными досками и съ хлѣбомъ. Навстрѣчу имъ, присѣдая подъ коромысломъ съ двумя ушами и неловко ступая безобразными задубенѣвшими валенками, обшитыми свиной кожей, шелъ въ одномъ армячишкѣ старый, больной, темнолицый Чугунокъ, отъ легкости котораго не осталось и слѣда; тянулась съ бугра на бугоръ и, раскачиваясь, расплескивалась заткнутая соломой водовозка, за которой бѣжалъ бѣлоглазый заика Кобыляй; проходили бабы, занимавшія другъ у друга то соли, то пшена, то совокъ мучицы на лепешки или саламату. На гумнахъ было пусто, — только у Якова дымились ворота риги: онъ, подражая богатымъ мужикамъ, молотилъ зимою. А за гумнами, за голымъ лознякомъ на задворкахъ, разстилалось подъ низкимъ бѣлесымъ небомъ сѣрое снѣжное поле, пустыня волнообразнаго наста, и дулъ рѣзкій вѣтеръ. Въ деревнѣ было все-таки уютнѣй, но она казалась зачумленной: чуть не въ каждомъ дворѣ была оспа, сыпной тифъ.

Порой Кузьма ходилъ завтракать къ Кошелю въ людскую — горячими, какъ огонь, картошками или вчерашними кислыми щами. Онъ вспоминалъ городъ, гдѣ прожилъ всю жизнь, и дивился: совсѣмъ не тянуло его туда. У Тихона городъ былъ завѣтной мечтой, онъ презиралъ и ненавидѣлъ деревню всей душой. Кузьма только силился ненавидѣть. Онъ теперь съ еще бѣльшимъ страхомъ, чѣмъ прежде, огляды-

вался на свое существованіе: онъ совсѣмъ одичалъ въ Дурновкѣ; онъ ничего не дѣлалъ, тосковалъ, томился своимъ бездѣльемъ; онъ часто не умывался, не снималъ чуйки, жадно хлебалъ изъ одной миски съ Кошелемъ. Но хуже всего было то, что, страшась своего существованія, которое старило его не по днямъ, а по часамъ, онъ чувствовалъ, что оно все-таки пріятно ему, что онъ, кажется, возвратился въ ту именно колею, какая, можетъ-быть, и надлежала ему отъ рожденія: не даромъ, видно, текла въ немъ кровь дурновцевъ! А между тѣмъ вѣдь до боли угнетала его эта безконечная дурновская зима, эти избы, проруби, мальчишки, собаки на крышахъ, холодъ, грязь, болѣзни, скотская лѣнь мужиковъ. Вѣдь онъ чуть не каждый день вспоминалъ Меньшова, Акимку, Сѣраго...

Послѣ завтрака онъ гулялъ иногда, по усадьбѣ или по деревнѣ. Бывалъ на гумнѣ у Якова, въ избѣ у Сѣраго или Кошеля, старуха котораго жила одна, слыла колдуньей, была высока и страшно худая, зубаста, какъ смерть, говорила грубо и рѣшительно, какъ мужикъ курила трубку: истопить печку, сядетъ на нары и покуриваетъ себѣ, мотая тонкой длинной ногой въ тяжеломъ черномъ лаптѣ. Раза два за весь постъ Кузьма выѣзжалъ—былъ на почтѣ и у брата. И поѣздки эти были пріятны, но тяжелы: промерзалъ Кузьма до того, что не чувствовалъ, есть у него ноги или нѣтъ. Въ началѣ осени онъ еще имѣлъ твердый взглядъ, опрятный видъ. Но твердость взгляда исчезла и пришла въ ветхость одежда. Отрепались воротъ рубашекъ, протерлись локти пиджака; опойковые сапоги стали до красноты рыжи, тонки, кое-гдѣ лопнули. Бараній тулупъ служилъ такъ давно, что весь пошелъ лысыми. А вѣтеръ въ полѣ былъ свирѣпый. Послѣ сидѣнія въ Дурновкѣ нельзя было надышаться крѣпкой свѣжестью зимняго воздуха. Послѣ долгаго созерцанія деревни поражалъ снѣжно-сѣрый просторъ, по-зимнему синѣющія дали казались неоглядными, красивыми, какъ на картинѣ. Бодро, отфыркиваясь, неслась противъ жесткаго вѣтра лошадь, смерзшіяся глудки со стукомъ летѣли изъ-подъ кованыхъ копытъ въ передокъ саней. Кошель, съ черно-лиловой обмороженной щекой, бодро кряхтя, соскакивалъ съ облучка на раскатахъ и на бѣгу бокомъ вскакивалъ на него. Но вѣтеръ продувалъ насквозь, ноги, поставленные въ солому, перебитую со снѣгомъ, ныли и коченѣли, лобъ и скулы ломило... А въ низенькой почтовой конторѣ въ Ульяновкѣ было скучно такъ, какъ можетъ быть скучно только въ захолустныхъ казенныхъ мѣстахъ. Пахло плѣсенью, сургучомъ, оборванный почтальонъ стучалъ штемпелемъ, угрю-

мый Сахаровъ, похожій на гориллу, оралъ на мужиковъ, сердясь, что Кузьма не догадывается прислать ему пятокъ куръ или хоть пудъ муки, отрывисто спрашивалъ: „Имя, хвалиліе ваше?“—и, порывшись въ шкапъ, твердо выговаривалъ: „Ничего не будетъ“. Возлѣ дома Тихона Ильича волновалъ запахъ паровознаго дыма, напоминалъ, что есть на свѣтѣ города, люди, газеты, новости. Поговорить съ братомъ, отдохнуть у него, согрѣться тоже было пріятно. Но разговоръ не налаживался. Брата поминутно отрывали въ лавку, по хозяйству, говорилъ онъ тоже только о хозяйствѣ, о брехнѣ, о подлости и злѣбѣ мужиковъ, — о необходимости поскорѣе, поскорѣе развязаться съ имѣніемъ. Настасья Петровна была жалка. Она, видимо, стала страшно бояться мужа; невпопадъ встрѣвала въ бесѣду, невпопадъ хвалила его, — его умъ, зоркій хозяйскій глазъ, то, что онъ по хозяйству во все, во все вникалъ самъ.

— Ужъ такой доступный до всего, такой доступный!—говорила она—и Тихонъ Ильичъ грубо обрѣзалъ ее, а Кузьма не зналъ, что сказать, боясь наткнуться на ссору. Роли мѣнялись: теперь ужъ не онъ, а братъ пугалъ, наставлялъ его, не онъ, а братъ доказывалъ, что жить въ Россіи невозможно. Черезъ часъ такой бесѣды Кузьму начинало тянуть домой, въ усадьбу. „Куда же я дѣнусь?—со страхомъ думалъ онъ, слушая брата, говорившаго о продажѣ имѣнія.—И неужели состоится эта ужасная свадьба Дениски съ Молодой? И почему такъ упорно твердить Тихонъ, что свадьба эта должна состояться?“ „Онъ рехнулся, ей-ей, рехнулся!“ — бормоталъ Кузьма на пути домой, вспоминая угрюмое и злое лицо Тихона, его замкнутость, подозрительность и утомительное повтореніе одного и того же. И покрикивалъ на Кошеля, на лошадь, торопясь скрыть въ своемъ домишкѣ и тоску свою, и старую холодную одежду, и одиночество, и нѣжность при мысли о миломъ и печальномъ лицѣ Молодой, о ея женственности — и молчаливости. „Эхъ, да и какъ было ей не пропасть тутъ!“ — тоскливо думалъ онъ, глядя въ сумерки, на рѣдкіе огоньки Дурновки...

На Святкахъ къ Кузьмѣ повадился Иванушка изъ Басовки. Это былъ старозавѣтный мужикъ, ошалѣвшій отъ долголѣтія, нѣкогда славившійся медвѣжьей силой. Коренастый, согнутый въ дугу, никогда не подымавшій лохматой бурой головы, ходившій носками внутрь, онъ поразилъ Кузьму еще болѣе, чѣмъ Меньшовъ, Акимъ, Сѣрый. Въ холеру девяносто второго года вся огромная семья Иванушки вымерла. Уцѣлѣлъ только сынъ, солдатъ, служившій теперь будочникомъ на чу-

гункѣ, верстахъ въ пяти отъ Дурновки. Можно было дожить вѣкъ и у сына, но Иванушка предпочелъ бродить, побираться. Онъ легко и косолапо шелъ по двору, съ палкой и шапкой въ лѣвой рукѣ, съ мѣшкомъ въ правой, съ раскрытой головой, на которой бѣлѣлъ снѣгъ—и овчарки почему-то не брехали на него. Молча входилъ въ домъ, бормоталъ: „Дай Богъ дому сему да хозяина въ дому“, — и садился у стѣны на полъ. Кузьма отрывался отъ книги и съ удивленіемъ, съ робостью смотрѣлъ на него поверхъ пенснэ, какъ на какого-то степного звѣря, присутствіе котораго было странно въ комнатѣ. Молча, съ опущенными рѣсницами, съ легкой ласковой улыбкой, мягко ступая лаптями, появлялась Молодая, подавала Иванушкѣ миску вареныхъ картошекъ и цѣлую краюху хлѣба, сѣрую отъ соли, и становилась у притолки. Она носила лапти, въ плечахъ была плотна, широка, и красивое поблекшее лицо ея было такъ крестьянски-просто и старинно, что, казалось, иначе и не могла она называть Иванушку, какъ дѣдушкой. И она, улыбаясь только одному ему, негромко говорила:

— Закуси, закуси, дѣдушка.

А онъ, не поднимая головы, зная ея ласку только по голосу, тихо нылъ въ отвѣтъ, иногда бормоталъ: „Спаси тебе Господь, внучка“, широко и неловко, точно лапой, крестился и жадно принимался за ѣду. На его бурыхъ волосахъ, нечеловѣчески густыхъ и крупныхъ, таяло. Съ лаптей текло по полу. Отъ ветхаго бураго чекменя, надѣтаго на грязную посконную рубаху, пахло курной избой. Изуродованныя долгой работой руки, корявые негнушіеся пальцы съ трудомъ ловили картошки.

— Небось, холодно въ одномъ чекменѣ-то?—громко спрашивалъ Кузьма.

— Ась? — слабымъ нытьемъ отзывался Иванушка, подставляя закрытое волосами ухо.

— Холодно тебѣ, небось?

Иванушка думалъ.

— Чѣмъ холодно? — отвѣчалъ онъ съ разстановкой.—Ничаво ня холодно... Въ старину куда студяній было.

— Подними голову-то, волосы-то поправь!

Иванушка медленно качалъ головою.

— Таперь, братъ, не подынешь... Гнетъ къ землѣ-то...

И съ тусклой улыбкой силился поднять свое страшное, заросшее волосами лицо, свои крохотные глазки.

Наѣвшись, онъ вздыхалъ, крестился, собиралъ и дожевывалъ крошки съ колѣнъ; потомъ шарилъ возлѣ себя—искалъ мѣшокъ, палку и шапку, а найдя и успокоившись, начиналъ

неторопливую бесѣду. Онъ могъ просидѣть молча весь день, но Кузьма и Молодая спрашивали—и онъ, какъ во снѣ, откуда-то издалека, отвѣчалъ. Онъ рассказывалъ своимъ неуклюжимъ стариннымъ языкомъ, что царь весь изъ золота, что рыбу царь не можетъ ѣсть — „дюже солна“, что пророкъ Илья разъ проломилъ небо и упалъ на землю: „дюже былъ грузень“; что Иванъ Креститель родился лохматый, какъ баранъ, и, крестя, билъ крестника костью желѣзнымъ въ голову, чтобы тотъ „очухался“; что всякая лошадь разъ въ году, въ день Флора и Лавра, норовитъ человѣка убить; рассказывалъ, что въ старину ржи были такія, что ужъ не могъ проползти, что косили прежде въ день по двѣ десятины на брата; что у него былъ меринъ, котораго держали „на чѣпи“—такъ силенъ и страшенъ былъ онъ; что однажды, лѣтъ шесть-десять тому назадъ, у него, у Иванушки, украли такую дугу, за которую онъ двухъ цѣлковыхъ не взялъ бы... Онъ былъ твердо убѣжденъ, что семья его вымерла не отъ холеры, а оттого, что перешла послѣ пожара въ новую избу, ночевала въ ней, не давъ сперва переночевать кочету, и что онъ съ сыномъ спасся только случайно: спалъ въ ригѣ. Подъ вечеръ Иванушка поднимался и уходилъ, не обращая вниманія ни на какую погоду, не склоняясь ни на какія увѣщанія остаться до утра... И простудился на смерть—и подъ Крещенье скончался въ будкѣ сына. Сынъ уговаривалъ его причаститься. Иванушка не согласился: онъ сказалъ, что, причастившись, помрешь, а смерти онъ твердо рѣшилъ „не поддаваться“. Онъ по цѣлымъ днямъ лежалъ безъ памяти; но даже и въ бреду просилъ невѣстку сказать, что его дома нѣтъ, если поступится смерть. Ночью разъ пришелъ въ себя, собралъ силы, слѣзъ съ печи и сталъ на колѣни передъ образомъ, озареннымъ лампадкой. Онъ тяжело вздыхалъ, долго бормоталъ, повторялъ: „Господи-Батюшки, прости мои прегрѣшенія“... Потомъ задумался, долго молчалъ, прикинувъ головою къ полу. И вдругъ поднялся и твердо сказалъ: „Нѣ, не поддамся!“. Но утромъ увидалъ, что невѣстка разваливаетъ пироги, жарко топить печь...

— Ай мнѣ на похороны? — спросилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ.

Невѣстка промолчала. Онъ опять собралъ силы, опять слѣзъ съ печи, вышелъ въ сѣнцы: да, вѣрно,—у стѣны стоямя стоялъ громадный лиловый гробъ съ бѣлыми восьмиконечными крестами! Тогда онъ вспомнилъ, что было лѣтъ тридцать тому назадъ съ сосѣдомъ, старикомъ Лукьяномъ: Лукьянъ захватилъ, ему купили гробъ—тоже хорошій, дорогой гробъ,—привезли изъ города муки, водки, соленого судака; а Лукьянъ

возьми да и поправься. Куда было дѣвать гробъ? Чѣмъ оправдать траты? Лукьяна лѣтъ пять проклинали потомъ за нихъ, сжили попреками со свѣту, изморили голодомъ, стравили вшами и грязью... Иванушка, вспомнивъ это, поникъ головой и покорно побрелъ въ избу. А ночью, лежа на спинѣ, безъ памяти, сталъ дрожащимъ, жалобнымъ голосомъ пѣть, да все тише, тише — и вдругъ затрясъ колѣнами, заикалъ, высоко поднялъ грудь вздохомъ и, съ пѣной на раскрытыхъ губахъ, застылъ...

Чуть не мѣсяцъ Кузьма пролежалъ изъ-за Иванушки въ постели. Утромъ на Крещенье говорили, что птица мерзнетъ на лету, а у Кузьмы даже валенокъ не было. И все-таки онъ поѣхалъ взглянуть на мертвого. Руки его, сложенные и заоченѣвшія подъ огромной грудью на чистой посконной рубахѣ, уродованные мозолистыми наростами въ теченіе цѣлыхъ восьми-десяти лѣтъ первобытно-тяжкой работы, были такъ грубы и страшны, что Кузьма поспѣшилъ отвернуться. А на волосы, на мертвое звѣриное лицо Иванушки онъ даже и покоситься не могъ, — поскорѣе кинулъ бѣлый коленкоръ. И изъ-подъ коленкора вдругъ пахнуло удушливо-противной сладковатой вонью... Чтобы согрѣться, Кузьма выпилъ водки и посидѣлъ передъ жарко пылающей печкой. Въ будкѣ было тепло и празднично-чисто, надъ возглавіемъ широкаго лиловаго гроба, закрытаго коленкоромъ, мерцалъ золотистый огонекъ восковой свѣчки, прилѣпленной къ угловому темному образу, пестрѣла яркими красками лубочная картина — продажа братьями Іосифа. Привѣтливая солдатка легко поднимала на рогацѣ и вдвигала въ печь пудовые чугуны, весело говорила о казенныхъ дровахъ и все упрашивала остаться до возвращенія изъ села мужа. Но Кузьму била лихорадка; лицо горѣло, отъ водки, отравой разлившейся по озябшему тѣлу, стали наворачиваться на глаза безпричинныя слезы... И, не согрѣвшись, Кузьма поѣхалъ по бѣлымъ крѣпкимъ волнамъ полей къ Тихону Ильичу. Заиндивѣвшій, бѣло-кудрявый меринъ бѣжалъ шибко, рыча и екая селезенкой, кидая изъ ноздрей столбы сѣраго пара; козырьки голосили, звонко визжали желѣзными подрѣзами по жесткому снѣгу; сзади, въ морозныхъ кругахъ, желтѣло низкое солнце; спереди, съ сѣвера, несло жгучимъ, захватывающимъ духъ вѣтромъ; вѣшки клонились въ густомъ кудрявомъ инеѣ, и крупныя сѣрыя овсянки стаей летѣли передъ мериномъ, рассыпались по лоснящейся дорогѣ, клевали мерзлый навозъ, опять взлетали и опять рассыпались. Кузьма глядѣлъ ва нихъ сквозь тяжелыя бѣлыя рѣсницы, чувствовалъ, что задеревянѣвшее лицо его съ бѣлыми кудрями усовъ

и бороды стало похоже на святочную маску... Солнце садилось, снѣжныя волны мертвенно зеленѣли въ оранжевомъ блескѣ, отъ ихъ хребтовъ и зазубринъ тянулись голубыя тѣни... Кузьма круто повернулъ лошадь и погналъ ее назадъ, домой. Солнце сѣло, въ домѣ съ запущенными сѣрыми стеклами брезжилъ тусклый свѣтъ, стояли сизыя сумерки, было нелюдимо и холодно. Снѣгирь, висѣвшій въ клѣткѣ возлѣ окна въ садѣ, околѣлъ,—вѣрно, отъ махорки,—лежалъ вверхъ лапками, распушивъ перья, раздувъ красный зобикъ.

— Готовъ!—сказалъ Кузьма и понесъ снѣгиря выкидывать.

Дурновка, занесенная мерзлыми снѣгами, такая далекая всему міру въ этотъ печальный вечеръ среди степной зимы, вдругъ ужаснула его. Конечно! Горящая голова мутна и тяжела, онъ сейчасъ ляжетъ и больше не встанетъ... Скрипя по снѣгу лаптями, къ крыльцу подходила съ ведромъ въ рукѣ Молодая.

— Заболѣлъ я, Дунюшка! — ласково сказалъ Кузьма, въ надеждѣ услышать и отъ нея ласковое слово.

Но Молодая равнодушно, сухо отвѣтила:

— Самоваръ, что ль, поставить?

И даже не спросила, чѣмъ заболѣлъ. Не спросила ничего и объ Иванушкѣ... Кузьма вернулся въ темную комнату и, весь дрожа, со страхомъ соображая, какъ же это и куда онъ будетъ ходить теперь за нуждой, легъ на диванъ... И вечера смѣшались съ ночами, ночи съ днями, счетъ ихъ потерялся.

Въ первую ночь, часа въ три, онъ очнулся и постучалъ въ стѣну кулакомъ, чтобы попросить воды: мучила во снѣ жажда и мысль, выкинули ли снѣгиря. Но на стукъ никто не отозвался: Молодая ушла ночевать въ людскую. И Кузьма вспомнилъ, почувствовалъ, что онъ смертельно боленъ, и его охватила такая тоска, точно онъ очнулся въ склепѣ. Значить, въ прихожей, пахнувшей снѣгомъ, соломой и хомутами, было пусто! Значить, онъ, больной и безпомощный, совсѣмъ одинъ въ этомъ темномъ ледяномъ домишкѣ, гдѣ тускло сѣрѣютъ окна среди мертвой тишины безконечной зимней ночи и виситъ ненужная клѣтка!

— Господи, спаси и помилуй, Господи, помоги хоть сколько-нибудь, — зашепталъ онъ, поднимаясь и шаря дрожащими руками по карманамъ.

Онъ хотѣлъ зажечь спичку. Но шопотъ его былъ горячечный, въ пылающей головѣ шумѣло и звенѣло, руки, ноги ледянѣли... Приѣхала Клаша, быстро распахнула дверь, положила его голову на подушку, сѣла на стулъ возлѣ дивана... Одѣта она была барышней,—бархатная шубка, шапочка и муфта изъ

бѣлаго мѣха,—руки ея пахли духами, глаза блестѣли, щеки съ мороза раскраснѣлись... „Ахъ, какъ хорошо распуталось все!“ — шепталъ кто-то, но нехорошо было то, что Клаша почему-то не зажгла огня, что пріѣхала она не къ нему, а на похороны Иванушки... что она внезапно заплѣла подъ гитару: „Хазъ-Булатъ удалой, бѣдна сакля твоя“... Потомъ все это сразу исчезло, онъ открылъ глаза—и отъ того таинственнаго, тревожнаго и жуткаго, что наполняло его голову сумбуромъ, не осталось и слѣда. Снова увидѣлъ онъ темную холодную комнату, сѣрѣющія окна; понялъ, что все вокругъ просто, слишкомъ просто,—что онъ боленъ и совсѣмъ, совсѣмъ одинъ...

Въ смертельной тоскѣ, отравлявшей душу въ началѣ болѣзни, Кузьма бредилъ снѣгиремъ, Клашей, Воронежемъ, но даже въ бреду не покидала его мысль — сказать кому-то, что-бы хоть въ одномъ сжалялись надъ нимъ—не хоронили въ Колодезяхъ. Но, Боже мой, не безуміе ли надѣяться на жалость въ Дурновкѣ! Разъ онъ пришелъ въ себя утромъ, когда топили печку,—и простые, спокойные голоса Кошеля и Молодой показались ему такъ безпощадны, чужды и странны, какъ всегда кажется безпощадна, чужда и странна больнымъ обыденная жизнь здоровыхъ. Онъ хотѣлъ крикнуть, попросить поставить самоваръ — и онѣмѣлъ и чуть не заплакалъ: слышался сердитый шопотъ Кошеля, говорившаго, конечно, о немъ, о больномъ, и отрывистый отвѣтъ Молодой:

— А, да ну его! Помретъ,—похоронятъ...

Потомъ тоска начала ослабѣвать. Свѣтило въ окна, сквозь голыя вѣтви акацій, предвечернее солнце. Синѣлъ табачный дымъ. Возлѣ постели сидѣлъ старичокъ-фельдшеръ, пахнущій лѣкарствами и морозной свѣжестью, отдиравшій съ усовъ ледяныя сосульки. На столѣ кипѣлъ самоваръ, и Тихонъ Ильичъ, высокій, сѣдой, строгій, заваривалъ, стоя у стола, душистый чай. Фельдшеръ выпивалъ стакановъ восемь, десять, говорилъ о своихъ коровахъ, цѣнахъ на муку и масло, а Тихонъ Ильичъ рассказывалъ, какъ чудесно, богато хоронили Настасью Петровну, какъ онъ радъ, что нашелся наконецъ покупатель на Дурновку. Кузьма понималъ, что Тихонъ Ильичъ только-что изъ города, что Настасья Петровна умерла тамъ внезапно, по дорогѣ на вокзалъ; понималъ, что стоили Тихону Ильичу похороны страшно дорого и что онъ уже взялъ задатокъ за Дурновку — и былъ совершенно равнодушень...

Проснувшись однажды очень поздно, не чувствуя ни слабости ни дрожи въ ногахъ, онъ сѣлъ за самоваръ. День

былъ пасмурный, теплый, навалило много снѣга. Отпечатывая въ немъ слѣды лаптей, испещренные крестиками, прошелъ подъ окномъ Сѣрый. Вокругъ него, обнюхивая его рваныя полы, бѣжали овчарки. А онъ тянулъ за поводъ высокую грязно-соловую лошадь, безобразную: отъ старости и худобы, съ истертымъ хомутомъ плечами, съ побитой спиной, съ жидкимъ нечистымъ хвостомъ. Она ковыляла на трехъ ногахъ, четвертую, переломленную ниже колѣна, волочила. И Кузьма вспомнилъ, что третьяго-дня былъ Тихонъ Ильичъ и сказалъ, что велѣлъ Сѣрому полакомить овчарокъ, — найти и зарѣзать старую лошадь, что Сѣрый и прежде промышлялъ иногда этимъ дѣломъ — покупкой дохлой или негодной скотины на шкуру. Съ Сѣрымъ, говорилъ Тихонъ Ильичъ, былъ недавно страшный случай: готовясь рѣзать какую-то кобылу, Сѣрый забылъ ее спутать, связалъ и затащилъ на сторону только морду, — и кобыла, какъ только онъ, перекрестившись, ударилъ ее тонкимъ ножичкомъ въ жилу возлѣ ключицы, взвизгнула и, съ визгомъ, съ желтыми, оскаленными отъ боли и ярости зубами, съ бьющей на снѣгъ струей черной крови, кинулась на своего убійцу и долго, какъ человѣкъ, гонялась за нимъ — и настигла бы, да „спасибо снѣгъ былъ глубокъ“... Кузьму такъ поразилъ этотъ случай, что теперь, заглянувъ въ окно, онъ опять почувствовалъ тяжесть въ ногахъ. Потомъ заколотилось сердце... Онъ сталъ глотать горячій чай — и понемногу оправился. Покурилъ, посидѣлъ... Наконецъ всталъ, вышелъ въ прихожую и взглянулъ на голый рѣдкій садъ за оттаявшимъ окномъ: въ саду, на бѣлоснѣжномъ покровѣ поляны, краснѣла бокастая кровавая туша съ длинной шеей и ободранной головою; собаки, сгорбившись и упершись лапами въ мясо, жадно вырывали и растягивали кишки; два старыхъ черно-сизыхъ ворона бокомъ подпрыгивали къ головѣ, взлетали, когда собаки, рыча, кидались на нихъ и опять опускались на дѣвственно-чистый снѣгъ. „Иванушка, Сѣрый, вороны... — подумалъ Кузьма. — Они, можетъ, еще помнятъ времена Ивана Грознаго... Господи, спаси и помилуй, вынеси меня отсюда!“

Недомоганіе не покидало Кузьму еще съ полмѣсяца. Грустно и радостно трогала мысль о веснѣ, хотѣлось поскорѣе вонъ изъ Дурновки. Онъ зналъ, что зимѣ еще и конца не предвидится; но оттепели уже начинались. Первая недѣля февраля была темная, туманная. Туманъ скрывалъ поля, съѣдалъ снѣгъ. Деревня чернѣла, между грязными сугробами стояла вода; становой проѣхалъ однажды по деревнѣ гуськомъ, весь закиданный конскимъ пометомъ. Пѣли пѣтухи, изъ

вентилятора тянуло волнующей весенней сыростью... Жить еще хотѣлось—жить, ждать весны, переѣзда въ городъ, жить, покоряясь судьбѣ, и дѣлать какое угодно дѣло—хотя бы за одинъ кусокъ хлѣба... И, конечно, у брата,—какой онъ ни есть. Братъ вѣдь уже предлагалъ ему, больному, переселиться на Ворголь.

— Куда жъ мнѣ гнать-то тебя,—сказалъ онъ, подумавъ.— Я и лавку съ дворомъ съ перваго марта передаю,—поѣдемъ-ка, братуша, въ городъ, подальше отъ этихъ живорѣзовъ!

И правда: живорѣзы. Была Однодворка и передавала подробности недавней исторіи съ Сѣрымъ. Дениска вернулся изъ Тулы и околачивался безъ дѣла, болтая по деревнѣ, что хочетъ жениться, что у него есть денежки и что скоро заживетъ онъ за первый сортъ. Деревня сперва называла эти розсказни брехнею, потомъ, по намекамъ Дениски, сообразила, въ чемъ дѣло, и повѣрила. Повѣрилъ и Сѣрый и сталъ заискивать въ сынѣ. Но, ободравъ лошадь, получивъ цѣлковый отъ Тихона Ильича и наживъ полтинникъ на шкурѣ, загордѣлъ и загулялъ: пилъ два дня, потерялъ трубку и легъ отлеживаться на печкѣ. Голова болѣла, покурить было не изъ чего. Вотъ онъ и сталъ обдирать на цыгарки потолокъ, который Дениска оклеивалъ газѣтами и разными картинами. Обдиралъ онъ, конечно, тайкомъ, но разъ таки-засталъ его Дениска за этимъ дѣломъ. Засталъ и заоралъ. Сѣрый съ похмелья тоже заоралъ—и Дениска стащилъ его съ печки и билъ смертнымъ боемъ до тѣхъ поръ, покуда не сбѣжались сосѣди. Правда, миръ былъ заключенъ на другой же день вечеромъ, за кренделями и водкой, но, думалъ Кузьма, не живорѣзъ ли и Тихонъ Ильичъ, съ упорствомъ сумасшедшаго настаивающій на свадьбѣ Молодой съ однимъ изъ этихъ живорѣзовъ?

Услыхавъ объ этой свадьбѣ впервые, Кузьма твердо рѣшилъ, что не допуститъ ея. Какой ужасъ, какая нелѣпость! Потомъ, приходя въ себя во время болѣзни, онъ даже радовался этой нелѣпости. Удивило и поразило его равнодушіе Молодой къ нему, больному. „Звѣрь, дикарь!“—думалъ онъ и, вспоминая о свадьбѣ, злобно прибавлялъ: „И отлично! Такъ ей и надо!“. Теперь, послѣ болѣзни, исчезли и рѣшимость и злоба. Какъ-то заговорилъ онъ съ Молодой о намѣреніи Тихона Ильича—и она спокойно отвѣтила:

— Да чтò жъ, я ужъ балакала съ бариномъ объ этомъ дѣлѣ. Дай Богъ ему добраго здоровья, это онъ хорошо придумалъ.

— Хорошо?—изумился Кузьма.

Молодая посмотрѣла на него и покачала головою:

— Да какъ же не хорошо-то? Чудны вы, ей-Богу, Кузьма Ильичъ! Денегъ сулить, свадьбу беретъ на себя... Опять же не вдовца какого-нибудь придумалъ, а малаго молодого, безъ порока... не гнилого, не пьяницу...

— А лодыря, драчуна, дурака набитаго,—прибавилъ Кузьма. Молодая потупила глаза, помолчала. Вздохнула и, повернувшись, пошла къ двери.

— Да какъ знаете,—сказала она съ дрожью въ голосѣ.— Дѣло ваше... Отговаривайте... Богъ съ вами.

Кузьма широко раскрылъ глаза и крикнулъ:

— Стой, да ты съ ума сошла! Развѣ я тебѣ зла желаю? Молодая обернулась и остановилась.

— А развѣ не зла?—горячо и грубо заговорила она, краснѣя и блестя глазами.—Куда жъ, по-вашему, мнѣ дѣваться? Вѣкъ чужіе пороги обивать? Чужую корку глотать? Бездомной побирушкой шататься? Ай вдовца, старика искать? Мало я слезъ-то поглотала?

И голосъ ея сорвался. Она заплакала и вышла. Вечеромъ Кузьма убѣдилъ ее, что онъ и не думалъ разстраивать дѣла, и она наконецъ повѣрила, ласково и застѣнчиво усмѣхнулась.

— Ну, спасибо вамъ,—сказала она тѣмъ милымъ тономъ, какимъ говорила съ Иванушкой.

Но и тутъ на рѣсницахъ ея задрожали слезы—и опять развелъ руками Кузьма.

— А теперь-то ты о чемъ?—сказалъ онъ.

И Молодая тихо отвѣтила:

— Да авось и Дениска не радость...

Кошель привезъ съ почты газету почти за полтора мѣсяца. Дни стояли темные, туманные, и Кузьма съ утра до вечера читалъ, сидя у окна. И, кончивъ, ошеломивъ себя сказочнымъ числомъ новыхъ казней, оцѣпенѣлъ. Ярость душила прежде при чтеніи газетъ,—ярость безплодная, потому что не хватало человѣческой воспріимчивости на то, что читалось. Теперь только похолодѣли пальцы. Да, да, ярится тутъ нечего. Все идетъ какъ по-писаному... По Сенькѣ и шапка... Онъ поднималъ голову: косо неслась бѣлая крупа, падая на черную нищую деревушку, на ухабистыя, грязныя дороги, на конскій навозъ, ледъ и воду; сумеречный туманъ скрывалъ безпредѣльные поля, всю эту великую пустыню съ ея снѣгами, лѣсами, селеніями и городами,—царство голода и смерти...

— Авдотья!—крикнулъ Кузьма, поднимаясь съ мѣста.— Скажи Кошелю—лошадь въ козырьки запрячь. Къ брату ѣду...

Тихонъ Ильичъ былъ дома. Онъ сидѣлъ за самоваромъ, въ одной ситцевой косовороткѣ, смуглый, съ бѣлой бородой,

съ насупленными сѣрыми бровями, большой и сильный, и заваривалъ чай.

— А! братуша!—привѣтливо воскликнулъ онъ, не раздвигая бровей.—Вылѣзъ на свѣтъ Божій? Смотри, не рано ли?

— Ужъ очень соскучился, братъ,—отвѣтилъ Кузьма, цѣдуясь съ нимъ.

— Ну, а соскучился, давай грѣться и балакать...

Разспросивъ другъ друга, нѣтъ ли новостей, стали молча пить чай, потомъ закурили.

— Очень ты похудѣлъ, братуша!—сказалъ Тихонъ Ильичъ, затыгиваясь и исподлобья глядя на Кузьму.

— Похудѣешь,—отвѣтилъ Кузьма тихо.—Ты не читаешь газетъ?

Тихонъ Ильичъ усмѣхнулся.

— Брехню-то эту? Нѣтъ, Богъ милуетъ.

— Сколько казней, если бъ ты зналъ!

— Казней? Подѣломъ... Ты не слыхалъ, чтò подъ Ельцомъ-то было? На хуторѣ братьевъ Быковыхъ?... Помнишь, небось,—картавые-то?... Сидятъ эти Быковы, не хуже насъ съ тобою, этакъ вечеркомъ, играютъ въ шашки... Вдругъ—чтò такое? Топотъ на крыльцѣ, крикъ: „Отворяй!“. И не успѣли, братецъ ты мой, эти самые Быковы глазомъ моргнуть—вваливается ихній работникъ, мужичишка на манеръ Сѣраго, а за нимъ—два архаровца какіе-то, золоторотцы, короче сказать... И всѣ съ ломами. Подняли ломы, да какъ заорутъ: „Руки вверхъ, мать вашу такъ!“. Понимаешь: мужичишка и самъ-то бѣлъ, какъ мѣлъ, отъ страху, глаза вылупилъ, а оретъ громче всѣхъ... Быковы, конечно, тоже перепугались не на животъ, а на смерть, вскочили, кричатъ: „Да чтò такое?“. А мужичишка свое: вверхъ да вверхъ!

И Тихонъ Ильичъ сумрачно улыбнулся и, задумавшись, смолкъ.

— Да договаривай же,—сказалъ Кузьма.

— Да и договаривать-то нечего... Подняли, конечно, руки и спрашиваютъ: „Да чтò вамъ надо-то?“—„Ветчину подавай! Гдѣ ключи у тебя?“—„Да сукинъ ты сынъ! Тебѣ ли не знать? Да вотъ они, на притолкѣ на гвоздикѣ висятъ...“

— Это съ поднятыми-то руками?—перебилъ Кузьма.

— Конечно, съ поднятыми... Ну, да и всыпятъ имъ теперь за эти руки! Удавятъ, конечно. Они ужъ въ острогѣ, голубчики...

— Эти за ветчину-то удавятъ?

— Нѣтъ, за транду, прости ты, Господи, мое согрѣшеніе,—полусердито, полушутливо отозвался Тихонъ Ильичъ.—Будетъ тебѣ, ей-Богу, ерепениться-то, Балашкина изъ себя корчить! Пора бросать...

Кузьма потерябилъ свою сѣренькую бородку. Измученное, худое лицо его, скорбные глаза, косо поднятая лѣвая бровь отражались въ зеркалѣ, и, поглядѣвъ на себя, онъ тихо согласился:

— Ерепениться-то? Вѣрно, что пора... давно пора...

И Тихонъ Ильичъ перевелъ разговоръ на дѣла. Видимо, онъ и задумался-то давеча, среди разсказа, только потому, что вспомнилъ что-то гораздо болѣе важное, чѣмъ казни,—какое-то дѣло.

— Вотъ я ужъ сказалъ Денискѣ, чтобы онъ какъ ни можно скорѣе кончалъ эту музыку,—твердо, четко и строго заговорилъ онъ, изъ горсти подсыпая въ чайникъ чаю.—И прошу тебя, братуша,—прими ты участіе въ ней, въ музыкѣ-то этой. Мнѣ, понимаешь, неловко. А послѣ того перебирайся сюда. Гарно, братуша, будетъ! Разъ мы ужъ порѣшили раскассировать все въ дребезги, сидѣть тебѣ тамъ безъ толку нечего. Только расходы двойные. И, переѣхавши, запрягайся со мной рядомъ. Свалимъ съ плечъ обузу, доберемся, Богъ дастъ, до города,—за ссыпку, да ужъ за настоящую примемся. Тутъ, въ этой яругѣ, не развернешься. Отрясемъ отъ ногъ прахъ ея,—и хоть въ тартарары провались она. Не погибать же въ ней! У меня, имѣй въ виду,—сказалъ онъ, сдвигая брови, протягивая руки и стискивая кулаки:—у меня еще не вывернешься, мнѣ еще рано на печи-то лежать! Чорту рога сломя!

Кузьма слушалъ, почти со страхомъ глядя въ его остановившіеся, сумасшедшіе глаза, въ его косившій ротъ, хищно отчеканивавшій слова,—слушалъ и молчалъ. Потомъ спросилъ:

— Братъ, скажи ты мнѣ за ради Христа, какая тебѣ корысть въ этой свадьбѣ? Не пойму, Богъ свидѣтель, не пойму. Дениску твоего я прямо видѣть не могу. Этотъ новенькій типикъ почище всѣхъ старыхъ будетъ. Ты не смотри, что онъ стыдливъ и дурачкомъ прикидывается,—это такое циничное животное! Разсказываетъ про меня, что я съ Молодой живу...

— Ну, ужъ ты ни въ чемъ мѣры не знаешь,—нахмуриваясь, перебилъ Тихонъ Ильичъ.—Самъ же долбишь: несчастный народъ, несчастный народъ! А теперь—животное!

— Да, долблю и буду долбить!—горячо подхватилъ Кузьма.—Но у меня умъ за разумъ зашелъ! Ничего теперь не понимаю: не то несчастный, не то... Да ты послушай: вѣдь ты же самъ его, Дениску-то, ненавидишь! Вы оба ненавидите другъ друга! Онъ про тебя иначе и не говоритъ, какъ „живорѣзъ, въ холку народу вѣлся“, а ты его живорѣзомъ ругаешь! Онъ нагло хвастается на деревнѣ, что теперь онъ—кумъ королю...

— Да знаю я!—опять перебилъ Тихонъ Ильичъ.

— А про Молодую онъ, знаешь, что говорить?—продолжалъ Кузьма, не слушая.—Она красавица, у нея, понимаешь, такой нѣжный, бѣлый цвѣтъ лица, а онъ, глупое животное, знаешь, что говорить? „Чисто кафельная, сволочь!“. Да наконецъ пойми ты одно: вѣдь онъ не будетъ жить въ деревнѣ, его, бродягу, теперь арканомъ въ деревнѣ не удержишь. Какой онъ хозяинъ, какой семьянинъ? Вчера, слышу, идетъ по деревнѣ и поетъ блядскимъ голоскомъ: „Прикрасна, какъ андѣль небесный, какъ деманъ коварна и зла...“

— Знаю!—крикнулъ Тихонъ Ильичъ.—Не будетъ жить въ деревнѣ, ни за что не будетъ! Ну, и чортъ съ нимъ! А что онъ не хозяинъ, такъ и мы съ тобой хороши хозяева! Я, помню, объ дѣлѣ тебѣ говорю,—въ трактирѣ-то, помнишь? — а ты перепела слушаешь... Да дальше-то, дальше-то что?

— Какъ что? И при чемъ тутъ перепелъ? — спросилъ Кузьма.

Тихонъ Ильичъ побарабанилъ пальцами по столу и строго, раздѣльно отчеканилъ:

— Имѣй въ виду: воду толочь—вода будетъ. Слово мое есть свято во вѣки вѣковъ. Разъ я сказалъ—сдѣлаю. За грѣхъ мой не свѣчку поставлю, а сотворю благое. Хоть и лепту одну подамъ, да за лепту эту попомнить мнѣ Господь.

Кузьма вскочилъ съ мѣста.

— Господь, Господь!—воскликнулъ онъ фальцетомъ.—Какой тамъ Господь у насъ! Какой Господь можетъ быть у Дениски, у Акимки, у Меньшова, у Сѣраго, у тебя, у меня?

— Пстой,—строго спросилъ Тихонъ Ильичъ.—У какого такого Акимки?

— Я вонъ околѣвалъ лежалъ,—продолжалъ Кузьма, не слушая:—много я о Немъ думалъ-то? Одно думалъ: ничего о Немъ не знаю и думать не умѣю!—крикнулъ Кузьма. — Не научень!

И, оглядываясь бѣгающими страдальческими глазами, застегиваясь и разстегиваясь, прошелъ по комнатѣ и остановился передъ самымъ лицомъ Тихона Ильича.

— Запомни, братъ,—сказалъ онъ, и скулы его покраснѣли.—Запомни: наша съ тобой пѣсня спѣта. И никакія свѣчи насъ съ тобой не спасутъ. Слышишь? Мы--дурновцы. Мы — ни Богу свѣча ни чорту кочерга.

И, не находя словъ отъ волненія, смолкъ. Но Тихонъ Ильичъ уже опять думалъ что-то свое и внезапно согласился:

— Вѣрно. Ни къ чорту негодный народъ! Ты подумай только...

И оживился, увлеченный новой мыслью:

— Ты подумай только: пахутъ цѣлую тысячу лѣтъ,—да что я! больше!—а пахать путемъ—то-есть ни единая душа не умѣетъ! Единственное свое дѣло не умѣютъ дѣлать! Не знаютъ, когда въ поле надо выѣзжать! Когда надо сѣять, когда косить! „Какъ люди, такъ и мы“—только и всего. Замѣть!—строго крикнулъ онъ, сдвигая брови, какъ когда-то кричалъ на него Кузьма.—„Какъ люди, такъ и мы“! Хлѣба ни единая баба не умѣетъ спечь,—верхняя корка вся къ чорту отваливается, а подъ коркой—кислая вода!

И Кузьма опѣшилъ. Мысли его спутались.

„Онъ рехнулся!“ — подумалъ онъ, бессмысленными глазами слѣдя за братомъ, зажигавшимъ лампу.

А Тихонъ Ильичъ, не давая ему опомниться, съ азартомъ продолжалъ:

— Народъ! Сквернословы, лѣнтяи, лгуны, да такіе безстыжіе, что ни единая душа другъ другу не вѣритъ! Замѣть,—заоралъ онъ, не видя, что зажженный фитиль шолыхаетъ и чуть не до потолка бьетъ копотью,—не намъ, не намъ, а другъ другу! И всѣ они такіе, всѣ!—закричалъ онъ плачущимъ голосомъ и съ трескомъ надѣлъ стекло на лампу.

За окнами посинѣло. На лужи и сугробы летѣлъ молодой бѣлый снѣгъ. Кузьма смотрѣлъ на него и молчалъ. Разговоръ принялъ такой неожиданный и нелѣпый оборотъ, что даже горячность Кузьмы пропала. Не зная, что сказать, не рѣшаясь взглянуть въ бѣшеные глаза брата, онъ сталъ свертывать папиросу.

„Рехнулся, — думалъ онъ безнадежно. — Да туда и дорога. Все равно! Все—все равно. Шабашъ“.

Закурилъ, сталъ успокаиваться и Тихонъ Ильичъ. Сѣлъ и, глядя на огонь лампы, тихо забормоталъ:

— А ты—„Дениска“... Слышалъ, что Макарь Ивановичъ-то, странникъ-то, надѣлалъ? Поймали, съ дружкой со своимъ, бабу на дорогѣ, оттащили въ караулку въ Ключикахъ—и четыре дня ходили насилывали ее... поочередно... Ну, теперь въ острогѣ...

— Тихонъ Ильичъ,—ласково сказалъ Кузьма:—что ты городишь? Къ чему? Ты нездоровъ, должно-быть. Перескакиваешь съ одного на другое, сейчасъ одно утверждаешь, а черезъ минуту другое... Пьешь ты, что ли, много?

Тихонъ Ильичъ промолчалъ. Онъ только махнулъ рукою, и въ глазахъ его, устремленныхъ на огонь, задрожали слезы.

— Пьешь?—тихо повторилъ Кузьма.

— Пью,—тихо отвѣтилъ Тихонъ Ильичъ.—Да запьешь! Ты

думаешь, легко мнѣ досталась эта клѣтка-то золотая? Думаешь, легко было кобелемъ цѣлнымъ всю жизнь прожить, да еще со старухой? Ни къ кому у меня, братуша, жалости не было... Ну, да и меня немного жалѣли!.. Ты думаешь, я не знаю, какъ меня ненавидятъ-то? Ты думаешь, не убили бы меня на смерть лютую, кабы попала имъ, мужичкамъ-то этимъ, шлея подъ хвостъ, какъ слѣдуетъ,—кабы повезло имъ въ этой революціи-то? Погоди, погоди,—будетъ дѣло, будетъ! Зарѣзали мы ихъ!

— А за ветчину—давить?—спросилъ Кузьма.

— Ну, ужъ и давить,—отозвался Тихонъ Ильичъ страдальчески.—Это вѣдь я такъ, къ слову пришлось...

— Да вѣдь удавятъ!

— А это—не наше дѣло. Имъ отвѣчать Всевышнему.

И, сдвинувъ брови, задумался, закрылъ глаза.

— Ахъ!—сокрушенно сказалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ.—Ахъ, братъ ты мой милый! Скоро, скоро и намъ на судъ передъ престоломъ Его! Читайте я вотъ по вечерамъ требникъ—и плачу, рыдаю надъ этой самой книгой. Диву даюсь: какъ это можно было слова такіа сладкія придумать! Да вотъ, постой...

И онъ быстро поднялся, досталъ изъ-за зеркала толстую книжку въ церковномъ переплетѣ, дрожащими руками надѣлъ очки и со слезами въ голосъ, торопливо, какъ бы боясь, что его прервутъ, сталъ читать:

— Плачу и рыдаю, егда помышляю смерть, и вижду въ гробѣхъ лежащую по образу Божію созданную нашу красоту, безобразну, безгласну, не имущую вида...

— Воистину суета человѣческая, житіе же—сѣнь и соніе. Ибо всуе мятется всякъ земнородный, яко же рѣче писаніе: егда міръ пріобрѣщемъ, тогда во гробъ вселимся, идѣ же вкупѣ царіе и нищіи...

— Царіе и нищіи!—восторженно-грустно повторилъ Тихонъ Ильичъ и закачалъ головою.—Пропала жизнь, братуша! Была у меня, понимаешь, стряпуха нѣмая, подарилъ я ей, дурѣ, платокъ заграничный, а она взяла да и истаскала его на изнанку... Понимаешь? Отъ дури да отъ жадности. Жалко на лицо по буднямъ носить, — праздника, молъ, дождусь, — а пришелъ праздникъ—лохмотья одни остались... Такъ вотъ и я... съ жизнью-то своей. Истинно такъ!

А Кузьма, не слушая, смотрѣлъ на него со страхомъ, съ изумленіемъ и порывался крикнуть:

— Тихонъ Ильичъ, ты съ ума сходишь! Опомнись!

Но кричать, — это онъ живо чувствовалъ теперь, — было бесполезно...

Возвращаясь въ Дурновку, чувствовалъ онъ одно—какую-то тупую тоску. Въ тупой тоскѣ прошли и всѣ послѣдніе дни его въ Дурновкѣ.

Шелъ снѣгъ эти дни, а снѣгу только и ждали въ дворѣ Сѣраго, чтобы дорога поправилась къ свадьбѣ.

Двѣнадцатаго февраля, передъ вечеромъ, въ сумракѣ холодной прихожей произошелъ негромкій разговоръ. У печки стояла Молодая, надвинувъ на лобъ желтый съ чернымъ горошкомъ платокъ, глядя на свои лапти. У дверей—коротконогій Дениска, безъ шапки, въ тяжелой, съ обвислыми плечами поддевкѣ. Онъ тоже смотрѣлъ внизъ, на полусапожки съ подковками, которые вертѣлъ въ рукахъ. Полусапожки принадлежали Молодой. Дениска починилъ ихъ и пришелъ получить пятакъ за работу.

— Да у меня нѣту,—говорила Молодая.—А Кузьма Ильичъ никакъ заснулъ. Ты подожди до завтра-то.

— Мнѣ, былъ, ждать-то нельзя, — пѣвуче и задумчиво отвѣтилъ Дениска, ковыряя ногтемъ подковку.

— Ну, какъ же теперь быть?

Дениска подумалъ, вздохнулъ и, тряхнувъ своими густыми волосами, вдругъ поднялъ голову.

— Ну, что жъ языкъ-то даромъ трепать, — громко и рѣшительно сказалъ онъ, не глядя на Молодую и пересиливая застѣнчивость.—Говорилъ съ тобой Тихонъ Ильичъ?

— Говорилъ,—отвѣтила Молодая.—Надоѣлъ даже.

— Такъ я приду сейчасъ съ отцомъ. Все равно ему, Кузьмѣ-то Ильичу, вставать сейчасъ, чай пить...

Молодая подумала.

— Дѣло твое...

Дениска поставилъ полусапожки на подоконникъ и, не напоминая больше о деньгахъ, ушелъ. А черезъ полчаса на крыльцѣ слышался стукъ обиваемыхъ отъ снѣга лаптей: Дениска вернулся съ Сѣрымъ — и Сѣрый былъ зачѣмъ-то подпоясанъ по чекменю, по кострецамъ красной подпояской. Кузьма вышелъ къ нимъ. Дениска и Сѣрый долго крестились въ темный уголъ, потомъ тряхнули волосами и подняли лица.

— Сватъ, не сватъ, а добрый человѣкъ! — не спѣша началъ Сѣрый необычно-развязнымъ и ладнымъ тономъ.—Тебѣ нареченную дочь отдавать, мнѣ сына женить. По доброму согласію, на ихнее счастье давай рѣчь промежъ себя держать.

— Да вѣдь у ней мать есть,—сказалъ Кузьма.

— Мать ея не хозяйка, вдова бездомная, изба ея забита, сама она невѣсть гдѣ, — отвѣтилъ Сѣрый, не сбиваясь съ тона. — Обдумай сироту

И степенно, низко поклонился.

Сдерживая болѣзненную улыбку, Кузьма велѣлъ кликнуть Молодую.

— Бѣги, ищи, — шопотомъ, какъ въ церкви, приказалъ Сѣрый Денискѣ.

— Да я тутъ, — сказала Молодая, выходя изъ-за двери, отъ печки, и поклонилась Сѣрому.

Наступило молчаніе. Самоваръ, стоявшій на полу и краснѣвшій въ темнотѣ рѣшеткой, кипѣлъ и клокоталъ. Лицъ не было видно, но чувствовалось, что всѣ смущены.

— Ну, какъ же, дочка, — рѣшай, — сказалъ Кузьма.

Молодая подумала.

— Я малаго не корю...

— А ты, Денисъ?

Дениска тоже помолчалъ.

— Чтò жъ, жениться все равно когда-нибудь надо... Може, Богъ дастъ,—ничего...

И сваты поздравили другъ друга съ начатиємъ дѣла. Самоваръ унесли въ людскую. Однодворка, раньше всѣхъ узнавшая новость и прибѣжавшая съ Мыса, зажгла въ людской лампочку, послала Кошеля за водкой и подсолнухами, посадила невѣсту съ женихомъ подъ святыхъ, налила имъ чаю, сама сѣла рядомъ съ Сѣрымъ и, чтобы нарушить неловкость, высоко и рѣзко запѣла, поглядывая на Дениску, на его землистое лицо и большія рѣсницы:

Какъ у насъ да по садику,
Зеленѡмъ виноградику,
Ходилъ, гулялъ молодець,
Пригожъ, бѣлъ-бѣлешенекъ...

А Кузьма бродилъ изъ угла въ уголъ по темному залу и, качая головой, морщась, бормоталъ:

— Ай, батюшки! Ай, какой стыдъ, какая чепуха, какое убожество...

На другой день всякій, кто слышалъ отъ Сѣраго объ этомъ пирѣ, ухмылялся и совѣтовалъ: „Ты бы хоть немножко-то помогъ молодымъ!“. То же сказалъ и Кошель: „Дѣло ихъ молодое, молодымъ помогать надо“. Сѣрый молча ушелъ домой и принесъ Молодой, которая гладила въ прихожей, два чугунчика и мотокъ черныхъ нитокъ.

— Вотъ, невѣстушка, — сказалъ онъ смущенно: — нà, свекровь прислала. Можетъ, на что годится... Нѣту вѣдь ничего,—кабы было чтò, изъ рубахи выскочилъ бы...

Молодая поклонилась и поблагодарила. Она гладила гардину, присланную Тихономъ Ильичемъ „замѣсто фаты“, и глаза ея были влажны и красны. Сѣрый хотѣлъ утѣшить, сказать, что и ему „не медь“, но помялся, вздохнулъ и, поставивъ чугушки на подоконникъ, вышелъ.

— Нитки-то я въ чугуничекъ положилъ,—пробормоталъ онъ.

— Спасибо, батюшка, — еще разъ поблагодарила Молодая тѣмъ ласковымъ и особеннымъ тономъ, какимъ говорила только съ Иванушкой, и, какъ только вышелъ Сѣрый, неожиданно улыбнулась слабой насмѣшливой улыбкой и зашѣла: „Какъ у насъ да по садику“...

Кузьма высунулся изъ зала и строго посмотрѣлъ на нее поверхъ пенснѣ. Она смолкла.

— Слушай, — сказалъ Кузьма. — Можетъ, кинуть всю эту исторію?

— Теперь поздно, — негромко отвѣтила Молодая. — Ужъ и такъ страму не оберешься... Ай не знаютъ всѣ, на чьи деньги пировать-то будемъ? Да и расходъ ужъ начали...

Кузьма пожалъ плечами. Правда, вмѣстѣ съ гардиной, Тихонъ Ильичъ прислалъ двадцать пять рублей, мѣшокъ крупчатой муки, пшена и худую свинью... Но не пропадать же изъ-за того, что свинью эту зарѣзали!

— Охъ, — сказалъ Кузьма. — Измучили вы меня! „Срамъ, расходъ“... Да ай ты дешевле свиньи?

— Дешевле, не дешевле, — мертвыхъ съ погоста не носятъ, — просто и твердо отвѣтила Молодая и, вздохнувъ, аккуратно сложила выглаженную, теплую гардину. — Обѣдать-то сейчасъ будете?

Лицо ея стало спокойно. „Ну, шабашъ, — тутъ пива не сваришь!“ — подумалъ Кузьма и сказалъ:

— Ну, какъ знаешь, такъ и краешь...

Пообѣдавъ, онъ курилъ и смотрѣлъ въ окно. Темнѣло. Въ людской, онъ зналъ, уже спекли ржаную витушку — „ряженный пирогъ“. Готовились варить два чугуна студня, чугуны лапши, чугуны щей, чугуны каши—все съ убоиной. И Сѣрый хлопоталъ на снѣжномъ бугрѣ между амбарами и сараемъ. На бугрѣ, въ синеватыхъ сумеркахъ, оранжевымъ пламенемъ пылала солома, которой завалили убитую свинью. Вокругъ пламени, поджидая добычи, сидѣли овчарки, и бѣлыя морды ихъ, груди были шелковисто-розовы. Сѣрый, утопая въ снѣгу, бѣгалъ, поправлялъ костеръ, замахивался на овчарокъ. Полы зипуна онъ высоко поднималъ, заткнулъ за поясъ, шапку все сдвигалъ на затылокъ кистью правой руки, въ которой блестя ножъ. Бѣгло и ярко озаряемый то съ той, то съ другой

стороны, Сѣрый кидаль на снѣгъ большую пляшущую тѣнь,— тѣнь язычника. Потомъ мимо амбара, по тропинкѣ на деревню, пробѣжала и скрылась подъ снѣжнымъ бугромъ Однодворка— созывать игриць и просить у Домашки елку, сберегаемую въ погребѣ, переходившую съ дѣвишника на дѣвишникъ. А когда Кузьма, причесавшись и перемѣнивъ пиджакъ съ продранными локтями на завѣтный длиннополый сюртукъ, одѣлся и вышелъ на побѣлѣвшее отъ падающаго снѣга крыльцо, въ мягкой сѣрой темнотѣ, у освѣщенныхъ оконъ людской, уже чернѣла большая толпа дѣвокъ, ребятъ, мальчишекъ, стоялъ гамъ, говоръ, играли сразу на трехъ гармоникахъ и все разное. Кузьма, горбясь, перебирая пальцы и хрустя ими, дошелъ до толпы, протолкался и, нагнувшись, вошелъ въ темъ, въ сѣни. Было людно, тѣсно и въ сѣняхъ. Мальчишки шныряли между ногъ, ихъ хватали за шеи и выталкивали вонъ,— они снова лѣзли...

— Да пустите, ради Бога! — сказалъ Кузьма, сдавленный у двери.

Его сдавили еще больше — и кто-то рванулъ дверь. Въ клубахъ пара онъ перешагнулъ порогъ и остановился у притолки. Тутъ тѣснился народъ почище — дѣвки въ цвѣтныхъ шаляхъ, ребята во всемъ новомъ. Пахло краснымъ товаромъ, полушубками, керосиномъ, махоркой, хвоя. Маленькое зеленое деревцо, украшенное кумачными лоскутами, стояло на столѣ, простирая вѣтки надъ тусклой жестяной лампочкой. Вокругъ стола, подъ мокрыми, оттаявшими окошечками, у черныхъ сырыхъ стѣнъ, сидѣли наряженные игрицы, грубо наруганные и набѣденные, съ блестящими глазами, всѣ въ шелковыхъ и шерстяныхъ платочкахъ, съ радужными вьющимися перьями изъ хвоста селезня, заткнутыми на вискахъ въ волосы. Какъ-разъ когда Кузьма вошелъ, Домашка, хромя дѣвка съ темнымъ, злымъ и умнымъ лицомъ, съ черными острыми глазами и черными сросшимися бровями, затулила грубымъ и сильнымъ голосомъ старинную величальную пѣсню:

Какъ у насъ при вечеру-вечеру,
При послѣднемъ концу вечера,
При Авдотьиномъ дѣвишнику...

Дѣвки дружнымъ и нестройнымъ хоромъ подхватили ея послѣднія слова — и всѣ обернулись къ невѣстѣ: она сидѣла, по обычаю, возлѣ печки, неубранная, вся накрытая большой темной шалью, и должна была отвѣтить пѣснѣ громкимъ плачемъ и причитаніями: „Родный мой батюшка, родимая

матушка, какъ мнѣ вѣкъ вѣковать, замужемъ горе горевать?“ Но невѣста молчала. И дѣвки, кончивъ пѣсню, недовольно покосились на нее. Потомъ пошептались и, нахмурившись, медленно и протяжно запѣли „сиротскую“:

Растопися, банюшка,
Ты ударь, звонкій колоколь!

И у Кузьмы задрожали крѣпко сжатые челюсти, пошелъ морозъ по головѣ и по голенимъ, сладостно заломило скулы и глаза налились, помутились слезами. Невѣста завернулась въ шаль и вдругъ затряслась отъ такихъ рыданій, что всѣ тревожно переглянулись.

— Будя, дѣвки! — крикнулъ кто-то.

— Будя, родная, будя! — заговорила Однодворка, слѣзая съ лавки. — Непристойно.

Но дѣвки не слушали:

Ты ударь, звонкій колоколь,
Разбуди мово батюшку...

И невѣста со стономъ стала падать лицомъ на свои колѣни, на руки, захлебываясь отъ слезъ... Дрожащую, шатающуюся и вскрикивающую, какъ отъ лютой боли, ее увели наконецъ въ холодную половину избы — наряжать.

А потомъ Кузьма благословлялъ ее. Женихъ пришелъ съ Васькой, сыномъ Якова. Женихъ надѣлъ его сапоги; волосы жениха были подстрижены, шея, окаймленная воротомъ голубой рубахи съ кружевомъ, докрасна выбрита. Онъ умылся съ мыломъ и очень помолодѣлъ, былъ даже недуренъ и, зная это, степенно и скромно опускалъ темныя рѣсницы. Васька, дружокъ, въ красной рубахѣ, въ романовскомъ полушубкѣ нараспашку, стриженный, рябой, крѣпкій, какъ всегда, походилъ на арестанта. Онъ вошелъ, насупился и покосился на игриць.

— Будя драть-то! — сказалъ онъ грубо и строго. — Вылязайте, вылязайте.

Игрицы хоромъ отвѣтили:

— Безъ троицы домъ не строится, безъ четырехъ угловъ — изба не кроется. Положь по рублю на каждомъ углу, пятый — по середкѣ, да бутылку водки.

Васька вытащилъ изъ кармана полштофъ и поставилъ его на столъ. Дѣвки взяли — и поднялись. Стало еще тѣснѣе. Опять распахнулась дверь, опять понесло паромъ и холодомъ — вошла, расталкивая народъ, Однодворка съ фольговой иконкой, а за ней невѣста, въ голубомъ платьѣ съ баской, и всѣ ах-

нули: такъ была она блѣдна, покорна, спокойна и красива. Васька наотмашь далъ затрещину въ лобъ широкоплечему головастому мальчишкѣ на кривыхъ, какъ у такса, ногахъ—и кинулъ на солому посреди избы чей-то старый полушубокъ. На него стали женихъ и невѣста. Кузьма, не поднимая головы, взялъ икону изъ рукъ Однодворки—и стало такъ тихо, что слышно было свистящее дыханіе любопытнаго головастаго мальчишки. Женихъ и невѣста разомъ упали на колѣни и поклонились въ ноги Кузьмѣ. Поднялись и опять упали. Кузьма взглянулъ на невѣсту, и въ глазахъ ихъ, встрѣтившихся на мгновеніе, мелькнулъ ужасъ. Кузьма поблѣднѣлъ и съ ужасомъ подумалъ: „Сейчасъ брошу образъ на полъ“... Но руки его невольно сдѣлали иконой крестъ въ воздухѣ—и Молодая, чуть приложившись къ ней, поймала губами и руку его и робко потянулась къ губамъ. Онъ сунулъ икону кому-то въ сторону, схватилъ голову Молодой съ отцовской болью и нѣжностью и, цѣлуя новый пахучій платокъ, сладко заплакалъ. Потомъ, ничего не видя отъ слезъ, повернулся и, расталкивая народъ, шагнулъ въ сѣни. Тамъ уже было пусто. Снѣжный вѣтеръ ударилъ въ лицо. Занесенный порогъ бѣлѣлъ въ темнотѣ, крыша гудѣла. А за порогомъ несла непроглядная вьюга, и свѣтъ, падавшій изъ окошечекъ, изъ толщи снѣжной завалинки, стоялъ дымными столбами...

Вьюга не стихла и утромъ. Въ сѣрой несущейся мути не было видно ни Дурновки ни мельницы на Мысу. Порой свѣтлѣло, порой становилось похоже на сумерки. Садъ поблѣлѣлъ, гулъ его сливался съ гуломъ вѣтра, въ которомъ все чудился дальній колокольный звонъ. Острые хребты сугробовъ дымились. Съ крыльца, на которомъ, жмурясь, обоняя сквозъ свѣжесть вьюги теплый вкусный запахъ изъ трубы людской, сидѣли облѣпленные снѣгомъ овчарки, съ трудомъ различалъ Кузьма темныя, туманныя фигуры мужиковъ, лошадей, сани, позвякиванье колокольцовъ. Подъ жениха запрягли пару, подъ невѣсту одиночку. Сани покрыли казанскими войлоками съ черными разводами на концахъ. Поѣзжане подпоясались разноцвѣтными подпоясками. Бабы надѣли ватныя шубки, накрылись шалями, шли къ санямъ опасливо, мелкими шажками, церемонно приговаривая: „Батюшки, свѣту Божьяго не видно!..“. Рѣдко на комъ были свои наряды: все было собрано по сосѣдямъ, сосѣдкамъ, и потому требовалась особенная осторожность — не упасть, поднять подолы повыше. На невѣстѣ и шубку и голубое платье завернули на голову — она сѣла въ сани прямо на бѣлую юбку. Голова ея, убранная вѣнкомъ бумажныхъ цвѣтовъ, была закутана шалями, подшальниками.

Она такъ ослабѣла отъ слезъ, что какъ во снѣ видѣла темныя фигуры среди вьюги, слышала шумъ ея, говоръ, праздничный звонъ колоколицъ. Лошади прижимали уши, воротили морды отъ снѣжнаго вѣтра, вѣтеръ разносилъ говоръ, крикъ, приказанія, слѣпилъ глаза, бѣлилъ усы, бороды, шапки, и поѣзжане съ трудомъ узнавали другъ друга въ туманѣ и сумракѣ.

— Ухъ, мать твою не замать!—бормоталъ Васька, нагибая голову, беря вожжи и садясь рядомъ съ женихомъ.

И грубо, равнодушно крикнулъ на вѣтеръ:

— Господа бояре, бословите жениха по невѣсту ѣхать!

Кто-то отозвался:

— Богъ бословить...

И бубенцы заныли, полозья заскрипѣли, сугробы, разрываемые ими, задымились, завихрились, вихри, гривы и хвосты понесло въ сторону...

А на селѣ, въ церковной сторожкѣ, гдѣ отогрѣвались въ ожиданіи священника, всѣ угорѣли. Угарно было и въ церкви, угарно, холодно и сумрачно—отъ вьюги, низкихъ сводовъ и рѣшетокъ въ окошечкахъ. Свѣчи горѣли только въ рукахъ жениха и невѣсты да въ рукѣ чернаго, съ большими лопатками священника, наклонявшагося къ книгѣ, закапанной воскомъ, и быстро читавшаго сквозь очки. По полу стояли лужи,—на сапогахъ и лаптяхъ натаскали много снѣгу, — въ спины дулъ вѣтеръ изъ отворяемыхъ дверей. Священникъ строго поглядывалъ то на двери, то на жениха съ невѣстой, на ихъ напряженные, ко всему готовыя фигуры, на лица, застывшія въ покорности и смиреніи, золотисто освѣщенные снизу свѣчами. По привычкѣ, онъ произносилъ нѣкоторыя слова какъ бы съ чувствомъ, выдѣляя ихъ съ трогательной мольбой, но совершенно не думая ни о словахъ, ни о тѣхъ, къ кому они относились.

„Боже пречистый и всея твари создателю...—говорилъ онъ торопливо, то понижая, то повышая голосъ.—Иже раба твоего Авраама благословивый и разверзый ложесна Саррина... иже Исаака Ревекцѣ даровавый... Иакова Рахили сочетавый... подаждь рабомъ Твоимъ симъ...“

— Имя?—строгимъ шопотомъ перебивалъ онъ самого себя, обращаясь къ псаломщику. И, поймавъ отвѣтъ: „Денисъ, Авдотья...“—продолжалъ съ чувствомъ:

„Подаждь рабомъ Твоимъ симъ Денису и Евдокіи животъ миренъ, долгоденствіе, цѣломудріе... [сподоби я видѣть чада чадовъ... и даждь има отъ росы небесныя свыше... исполни дома ихъ пшеницы, вина и елея... возвыси я яко кедры ливанскіе...“

Но окружающіе, если бы даже слушали и понимали его, все же помнили бы о вьюгѣ, о чужихъ лошадяхъ, о возвра-

щеніи въ сумеркахъ въ Дурповку, о домѣ Сѣраго, а не Авраама и Исаака — и усмѣхнулись бы сравненію Дениски съ кедромъ ливанскимъ. Да и ему самому, коротконогому, въ чужихъ сапогахъ, въ старой поддевкѣ, было неловко сознавать, что онъ ниже ростомъ невѣсты, неловко и страшно держать на неподвижной головѣ царскій вѣнецъ — мѣдный огромный вѣнецъ съ крестомъ наверху, надѣтый глубоко, на уши. И рука Молодой, казавшейся въ вѣнцѣ еще красивѣй и мертвѣе, дрожала, и воскъ тающей свѣчи каналь на оборки ея голубого платья...

Возвращаться было легче. Выюга въ сумеркахъ была страшнѣе, но бодрило сознаніе, что обуза съ плечъ свалилась: дурно ли, хорошо ли, а дѣло кончили. И гнали лошадей шибко, наугадъ, довѣряясь только мутнымъ призракамъ вѣшекъ, и горластая жена Ваньки Краснаго стояла въ переднихъ саняхъ, приплясывала, махала платочкомъ и орала на вѣтеръ, въ буйную темную муть, въ снѣгъ, летѣвшій ей въ губы и заглушавшій ея волчій голосъ:

У голубя, у сизова,
Золотая голова...

Москва. IX—1909. VII—1910.

Веси, грады выхожу,
Русь обдумаю, выгляжу.

СУХОДОЛЬ.

I.

Въ Натальѣ всегда поражала насъ ея привязанность къ Суходолу.

Молочная сестра нашего отца, выросшая съ нимъ въ одномъ домѣ, цѣлыхъ восемь лѣтъ прожила она у насъ въ Луневѣ, прожила какъ родная, а не какъ бывшая раба, простая дворовая. И цѣлыхъ восемь лѣтъ отдыхала, по ея же собственнымъ словамъ, отъ Суходола, отъ того, что заставилъ онъ ее выстрадать. Но недаромъ говорится, что, какъ волка ни корми, онъ все въ степь смотритъ: выйдя, вырастивъ насъ, снова воротилась она въ Суходоль.

Помню отрывки нашихъ дѣтскихъ разговоровъ съ нею:

— Ты вѣдь сирота, Наталья?

— Сирота-съ. Вся въ господъ своихъ. Бабушка-то ваша Анна Григорьевна куда какъ рано ручки бѣлыя сложила! Не хуже моего батюшки съ матушкой.

— Отчего жъ они померли?

— Смерть пришла, вотъ и померли-съ.

— Нѣтъ, отчего такъ рано?

— Такъ Богъ далъ. Батюшку господа въ солдаты отдали за провинности, матушка вѣку не дожила изъ-за индюшатъ господскихъ. Я-то, конечно, не помню-съ, гдѣ мнѣ, а на дворнѣ сказывали: была она птишницей, индюшатъ подъ ея начальствомъ было нѣсть числа, захватилъ ихъ градъ на выгонѣ и заporолъ всѣхъ до одинаго... Кинулась бѣчь она. добѣжала, глянула—да и духъ вонъ выскочилъ.

— А отчего ты замужъ не пошла?

— Да женихъ не выросъ еще.

— Нѣтъ, безъ шутокъ?

— Да говорятъ, будто госпожа, ваша тетенька, заказывала. За то-то и меня, грѣшную, барышней славили.

— Ну-у, какая же ты барышня!

— Въ акурать-съ барышня!—отвѣчала Наталья, съ тонкой усмѣшкой, морщившей ея губы, и обтирала ихъ темной старушечьей рукой. — Я вѣдь молочная Аркадь Петровичу, тетенька вторая ваша...

Подрастая, все внимательнѣе прислушивались мы къ тому, что говорилось въ нашемъ домѣ о Суходолѣ: все понятнѣе становилось непонятное прежде, все рѣзче выступали странныя особенности суходольской жизни. Мы ли не чувствовали, что Наталья, полъ-вѣка своего прожившая съ нашимъ отцомъ почти одинаковой жизнью, — истинно родная намъ, столбовымъ господамъ Хрущевымъ! И вотъ оказывается, что господа эти загнали отца ея въ солдаты, а мать—въ такой трепеть, что у нея сердце разорвалось при видѣ погибшихъ индюшатъ!

— Да и правда,—говорила Наталья,—какъ было не пасть замертво отъ такой оказіи? Господа за Можай ее загнали бы!

А потомъ узнали мы о Суходолѣ вещи еще болѣе странныя: узнали, что проще, добрѣй суходольскихъ господъ „во всей вселенной не было“, но узнали и то, что не было и „горячѣе“ ихъ; узнали, что темень и сумраченъ былъ старый суходольскій домъ, что сумасшедшій дѣдъ нашъ Петръ Кириллычъ былъ убитъ въ этомъ домѣ собственнымъ сыномъ своимъ, Герваськой, другомъ отца нашего и двоюроднымъ братомъ Натальи; узнали, что давно сошла съ ума — отъ несчастной любви—и тетя Тоня, жившая въ одной изъ старыхъ дворовыхъ избъ возлѣ оскудѣвшей суходольской усадьбы и восторженно игравшая на гудящемъ и звенящемъ отъ старости фортепіано экоссесы; узнали, что сходила съ ума и Наталья, что еще дѣвчонкой на всю жизнь полюбила она покойнаго дядю Петра Петровича, а онъ сослалъ ее въ ссылку, на хуторъ Сѣшки... Наши страстные мечты о Суходолѣ были понятны. Для насъ Суходоль былъ только поэтическимъ памятникомъ былого. А для Натальи? Вѣдь это она, какъ бы отвѣчая на какую-то свою думу, съ великой горечью сказала однажды:

— Что жъ! Въ Суходолѣ съ татарками за столъ сажались! Вспомнить даже страшно.

— Какъ съ татарками? Съ арапниками?—спросили мы.

— Да это все едино-съ,—сказала она.

— А зачѣмъ?

— А на случай ссоры-съ.

— Въ Суходолѣ все ссорились?

— Борони Богъ! Дня не проходило безъ войны! Горячіе всѣ были—чистый порохъ. Я попалась разъ подъ ноги Петръ Петровичу, такъ они меня арапельникомъ этимъ ровно шиломъ какимъ прожгли!

Мы-то млѣли при ея словахъ и восторженно переглядывались: долго представлялся намъ потомъ огромный садъ, огромная усадьба, домъ съ дубовыми бревенчатыми стѣнами подъ тяжелой и черной отъ времени соломенной крышей—и обѣдъ въ залѣ этого дома: всѣ сидятъ за столомъ, всѣ ѣдятъ, бросая кости на полъ, охотничьимъ собакамъ, косятся другъ на друга—и у каждого арапникъ на колѣняхъ; мы мечтали о томъ золотомъ времени, когда мы вырастемъ и тоже будемъ обѣдать съ арапниками на колѣняхъ. Но вѣдь хорошо понимали мы, что не Натальѣ доставляли радость эти арапники. И все же ушла она изъ Лунева въ Суходолъ, къ источнику своихъ темныхъ воспоминаній. Ни своего угла ни близкихъ родныхъ не было у ней тамъ; и служила она въ Суходолѣ уже давно не прежней госпожѣ своей, не тетѣ Тонѣ, а женѣ покойнаго Петра Петровича. Да вотъ безъ усадьбы-то этой и не могла жить Наталья.

— Чтò дѣлать-съ: привычка,—скромно говорила она.—Ужъ куда иголка, туда, видно, и нитка. Гдѣ родился, тамъ годился...

И не одна она страдала привязанностью къ Суходолу; да и не привязанность это была, а нѣчто гораздо болѣе глубокое, гораздо болѣе сильное. Боже, какими страстными любителями воспоминаній, какими горячими приверженцами Суходола были и всѣ прочіе дворовые наши! А ужъ про тетю Тоню, про отца и говорить нечего.

Въ нищетѣ, въ избѣ обитала тетя Тоня. И счастья, и разума, и облика человѣческаго лишилъ ее Суходолъ. Но она даже мысли не допускала никогда, несмотря на всѣ уговоры нашего отца, покинуть родное гнѣздо, поселиться въ Луневѣ:

— Да лучше камень въ горѣ бить!

Отецъ былъ беззаботный человѣкъ; для него, казалось, не существовало никакихъ привязанностей. Но глубокая грусть слышалась и въ его разсказахъ о Суходолѣ. Уже давнымъ-давно выселился онъ изъ Суходола въ Лунево, полевое помѣстье бабки нашей Ольги Кирилловны. Но жаловался онъ всю жизнь, чуть не до самой кончины своей:

— Одинъ, одинъ Хрущевъ остался теперь въ свѣтѣ. Да и тотъ не въ Суходолѣ!

Правда, нерѣдко случалось и то, что, вслѣдъ за такими

словами, задумывался онъ, глядя въ окна, въ поле, и вдругъ насмѣшливо улыбался, снимая со стѣны гитару:

— А и Суходолъ хорошъ, пропади онъ пропадомъ!—прибавлялъ онъ съ тою же искренностью, съ какой говорилъ и за минуту передъ тѣмъ.

Но душа-то и въ немъ была суходольская, мужицкая,—душа, надъ которой такъ безмѣрно велика власть воспоминаній, власть степи, коснаго ея быта, той древней семейственности, что воедино сливала и деревню, и дворню, и домъ въ Суходолѣ. Правда, столбовые мы, Хрущевы, въ шестую книгу вписанные, и много было среди нашихъ легендарныхъ предковъ знатныхъ людей вѣковой литовской крови да татарскихъ князьковъ, чья порода и сказалася въ насъ не однажды. А все же мы на дѣлѣ—мужики. Говорятъ, что составляли и составляемъ мы какое-то особое сословіе. А не проще ли дѣло? Были на Руси мужики богатые, были мужики нищіе, величали однихъ господишками, а другихъ холопами—вотъ и разница вся. Кровь Хрущевыхъ мѣшалась съ кровью дворни и деревни споконъ вѣку. Кто далъ жизнь Петру Кириллычу? Разно говорятъ о томъ преданія. Кто былъ родителемъ Герваськи, убійцы его? Съ раннихъ лѣтъ мы слышали, что Петръ Кириллычъ. Откуда истекало столь рѣзкое несходство въ характерахъ отца и дяди? Объ этомъ тоже разно говорятъ, нерѣдко связывая съ именемъ отца имя двороваго Ткача. Молочной же сестрой отца была Наталья, съ Герваськой онъ крестами мѣнялся... Давно, давно пора Хрущевымъ посчитаться родней съ своей дворней и деревней!

Въ тяготѣнны къ Суходолу, въ обольщеніи его стариною долго жили и мы съ сестрой. Дворня, деревня и домъ въ Суходолѣ составляли одну семью. Правили этой семьей еще наши пращуры. А вѣдь и въ потомствѣ это долго чувствуется. Жизнь семьи, рода, клана глубока, узловата, таинственна, зачастую страшна. Но темной глубиной своей да вотъ еще преданіями, прошлымъ и сильна-то она. Письменными и прочими памятниками Суходолъ не богаче любого улуса въ башкирской степи. Ихъ на Руси замѣняетъ преданіе. А преданіе да пѣсня—отрава для славянской души! Бывшіе наши дворовые, страстные лѣнтяи, мечтатели,—гдѣ они могли отвести душу, какъ не въ нашемъ домѣ? Петръ Петровичъ погибъ рано. Клавдію Марковну никто и не считалъ Хрущевой, хотя даже и она, рожденная Ганешина, любила твердить: „наша, хрущевская кровь...“ Единственнымъ представителемъ суходольскихъ господъ оставался нашъ отецъ. И первый языкъ, на которомъ мы заговорили, былъ суходольскій. Первая по-

повѣствованія, первыя пѣсни, тронувшія насъ—тоже суходольскія, Натальины, отцовы. Да и могъ ли кто-нибудь пѣть такъ, какъ отецъ, ученикъ дворовыхъ, — съ такой беззаботной печалью, съ такимъ ласковымъ укоромъ, съ такой слабовольной задушевностью про „вѣрную-манерную сударушку свою“? Могъ ли кто-нибудь разсказывать такъ, какъ Наталья? И кто былъ роднѣе намъ суходольскихъ мужиковъ?

Распри, ссоры—вотъ чѣмъ споконъ вѣку славились Хрущевы, какъ и всякая долго и тѣсно живущая въ единеніи семья. А во времена нашего дѣтства случилась такая ссора между Суходоломъ и Луневымъ, что чуть не десять лѣтъ не переступала нога отца родного порога. Такъ путемъ и не видали мы въ дѣтствѣ Суходола: были тамъ только разъ, да и то проѣздомъ въ Задонскъ. Но вѣдь сны порой сильнѣе всякой яви. И смутно, но неизгладимо запомнили мы лѣтній долгій день, какія-то волнистыя поля и заглохшую большую дорогу, очаровавшую насъ своимъ просторомъ и кое-гдѣ уцѣлѣвшими дуплистыми ветлами; запомнили улей на одной изъ такихъ ветелъ, далеко отошедшей съ дороги въ хлѣба,—улей, оставленный на волю Божью, въ поляхъ, при заглохшей дорогѣ; запомнили широкій поворотъ подъ изволокомъ, огромный голый выгонъ, на который глядѣли бѣдныя курныя избы, и желтизну каменистыхъ овраговъ за избами, бѣлизну голышей и щебня по ихъ днищамъ... Первое событіе, ужаснувшее насъ, тоже было суходольское: убійство дѣдушки Герваськой. И, слушая повѣствованія объ этомъ убійствѣ, безъ конца грезили мы этими желтыми, куда-то уходящими оврагами: все казалось, что по нимъ-то и бѣжалъ Герваська, сдѣлавъ свое страшное дѣло и „канувъ, какъ ключъ на дно моря“.

Мужики суходольскіе навѣщали Лунево не съ тѣми цѣлями, что дворовые, а насчетъ земельки больше; но и они какъ въ родной входили въ нашъ домъ. Они кланялись отцу въ поясъ, цѣловали его руку, затѣмъ, потряхнувъ волосами, троекратно цѣловались и съ нимъ, и съ Натальей, и съ нами въ губы. Они привозили въ подарокъ медъ, яйца, полотенца. И мы, выросшіе въ полѣ, чуткіе къ запахамъ, жадные до нихъ не менѣе, чѣмъ до пѣсенъ, преданій, навсегда запомнили тотъ особый, пріятный, конопляный какой-то запахъ, что ощущали, цѣлуясь съ суходольцами; запомнили и то, что старой степной деревней пахли ихъ подарки: медъ — цвѣтущей гречей и дубовыми гнилыми ульями, полотенца — пуньками, курными избами временъ дѣдушки... Мужики суходольскіе ничего не разсказывали. Да что имъ и разсказывать-то было! У нихъ даже и преданій не существовало. Ихъ могилы

безыменны. А жизни такъ похожи другъ на друга, такъ скудны и безслѣдны! Ибо плодами трудовъ и заботъ ихъ былъ лишь хлѣбъ, самый настоящій хлѣбъ, что съѣдается. Копали они пруды въ каменистомъ ложѣ давно изсякнувшей рѣчки Каменки. Но пруды вѣдь ненадежны — высыхаютъ. Строили они жилища. Но жилища ихъ не долговѣчны: при малѣйшей искрѣ до тла сгораютъ они... Такъ что же тянуло насъ всѣхъ, — а Наталью всѣхъ больше, — даже къ голому выгону, къ избамъ и оврагамъ, къ разоренной усадьбѣ Суходола? Развѣ не она, не эта древняя семейственность, не кровное родство наше съ глухою стѣною?

II

Нянекъ, старыхъ дворовыхъ величаютъ по отчеству. Ее звали всегда по имени: прежде Наташкой, потомъ Натальей. Непохожа она была на няньку: съ колыбели до могилы осталась она истую крестьянкою. Да мало похожъ былъ и Суходолъ на то, что обычно рассказывается о помѣщичьихъ гнѣздахъ.

Въ усадьбу, породившую душу Натальи, владѣвшую всей ея жизнью, въ усадьбу, о которой такъ много слышали мы, довелось намъ попасть уже въ позднемъ отрочествѣ.

Помню такъ, точно вчера это было. Разразился ливень съ оглушительными громовыми ударами и ослѣпительно-быстрыми, огненными змѣями молній, когда мы подъ-вечеръ подѣзжали къ Суходолу. Черно-лиловая туча тяжело свалилась къ сѣверо-западу, величаво заступила полъ-неба напротивъ. Плоско, четко и мертвенно-блѣдно зеленѣла равнина хлѣбовъ подъ ея огромнымъ фономъ, ярка и необыкновенно свѣжа была мелкая мокрая трава на большой дорогѣ. Мокрая, точно сразу похудѣвшія лошади шлепали, блестя подковами, по синей грязи, тарантасъ влажно шуршалъ... И вдругъ, у самага поворота въ Суходолъ, увидали мы въ высокихъ мокрыхъ ржахъ высокую и престранную фигуру въ халатѣ и шлыкѣ, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пѣгую комолую корову. При нашемъ приближеніи хворостина заработала сильнѣе, и корова неуклюже, крутя хвостомъ, выбѣжала на дорогу. А старуха, что-то крича, направилась къ тарантасу и, подойдя, потянулась къ намъ блѣднымъ лицомъ. Со страхомъ глядя въ черные безумные глаза, чувствуя прикосновеніе остраго холоднаго носа и крѣпкій запахъ избы, поцѣловались мы съ подошедшей. Не сама ли это Баба-Яга, подумали мы, не Иванъ ли Грозный возсталъ изъ гроба? Но высокій шлыкъ изъ какой-то грязной тряпки торчалъ на

головѣ Грознаго, на голосъ тѣло его было надѣтъ рваный и по поясъ мокрый халатъ, не закрывавшій тощихъ грудей. И кричалъ Грозный такъ, точно мы были глухіе, точно съ цѣлью затѣять яростную брань. И по крику мы поняли: это тети Тоня.

Закричала, но весело, институтски-восторженно, и Клавдія Марковна, толстая, маленькая, съ сѣденькой бородкой, съ необыкновенно живыми глазками, сидѣвшая у открытаго окна, въ домѣ съ двумя большими крыльцами, вязавшая нитяный носокъ и, поднявъ очки на лобъ, глядѣвшая на выгонъ, слившійся съ дворомъ. Низко, съ тихой улыбкой поклонилась стоявшая на правомъ крыльцѣ Наталья дробненькая, загорѣлая, въ лаптяхъ, въ шерстяной красной юбкѣ и въ сѣрой рубашкѣ съ широкимъ вырѣзомъ вокругъ темной, сморщенной шеи. Взглянувъ на эту шею, на худыя ключицы, на устало-грустные глаза, помню, подумалъ я: это она росла съ нашимъ отцомъ — давнымъ-давно, но вотъ именно здѣсь, гдѣ отъ дѣдовскаго дубоваго дома, много разъ горѣвшаго, остался вотъ этотъ, невзрачный, отъ сада — кустарники да нѣсколько старыхъ березъ и тополей, отъ службъ и людскихъ — изба, амбаръ, глиняный сарай, да ледникъ, заросшій полынью и подезскольникомъ... Запахло самоваромъ, посыпались разспросы; стали появляться изъ столѣтнихъ горокъ хрустальныя вазочки для варенья, золотыя ложечки, истончившіяся до кленоваго листа, сахарныя сунки, сбереженные на случай гостей. И, пока разгорался разговоръ, усиленно дружеско-любный послѣ долгой ссоры, пошли мы бродить по темнѣющимъ горницамъ, ища балкона, выхода въ садъ.

Все было черно отъ времени, просто, грубо въ этихъ пустыхъ, низкихъ горницахъ, сохранившихъ то же расположеніе, что и при дѣдушкѣ, срубленныхъ изъ остатковъ тѣхъ самыхъ, въ которыхъ обиталъ онъ. Въ углу лакейской чернѣлъ большой образъ святого Меркурія Смоленскаго, того, чьи желѣзныя сандалии и шлемъ хранятся на стене въ древнемъ соборѣ Смоленска. Мы слышали: былъ Меркурій мужъ знатный, призванный къ спасенію отъ татаръ Смоленскаго края гласомъ иконы Божьей Матери Одигитріи-Путеводительницы. Разбивъ татаръ, святой уснулъ и былъ обезглавленъ врагами. Тогда, взявъ свою главу въ руки, пришелъ онъ къ городскимъ воротамъ, дабы исповѣдать бывшее... И жутко было глядѣть на суздальское изображеніе безглаваго челоуѣка, держащаго въ одной рукѣ мертвенно-синеватую голову въ шлемѣ, а въ другой икону Путеводительницы, — на этотъ, какъ говорили, завѣтный образъ дѣдушки, пережившій нѣсколько страш-

ныхъ пожаровъ, расколовшійся въ огнѣ, толсто окованный серебромъ и хранившій на оборотной сторонѣ своей родословную Хрущевыхъ, писанную подъ титлами. Точно въ ладъ съ нимъ, тяжелыя желѣзныя задвижки и вверху и внизу висѣли на тяжелыхъ половинкахъ дверей. Доски пола въ залѣ были непомѣрно широки, темны и скользки, окна малы, съ подъемными рамами. По залу, уменьшенному двойнику того самаго, гдѣ Хрущевы садились за столъ съ татарками, мы прошли въ гостиную. Тутъ, противъ дверей на балконъ, стояло когда-то фортепіано, на которомъ играла тетя Тоня, влюбленная въ офицера Войткевича, товарища Петра Петровича. А дальше зіяли раскрытыя двери въ диванную, въ угольную,—туда, гдѣ были когда-то дѣдушкины покои...

Вечеръ же былъ сумрачный. Въ тучахъ, за окраинами вырубленного сада, за полуголой ригой и серебристыми тополями, вспыхивали зарницы, раскрывавшія на мгновеніе облачныя розово-золотистыя горы. Ливень, вѣрно, не захватилъ Трошина лѣса, что темнѣлъ вправо отъ насъ, далеко за садомъ, на косогорахъ за оврагами. Оттуда доходилъ сухой, теплый запахъ дуба, мѣшавшійся съ запахомъ зелени, съ влажнымъ мягкимъ вѣтромъ, пробѣгавшимъ по верхушкамъ березъ, уцѣлѣвшихъ отъ аллеи, по высокой крапивѣ, бурьянамъ и кустарникамъ вокругъ балкона. И глубокая тишина вечера, степи, глухой Руси царила надъ всѣмъ...

— Чай кушать пожалуйста-съ,—окликнулъ насъ негромкій голосъ.

Это была она, участница и свидѣтельница всей этой жизни, главная сказительница ея, Наталья. А за ней, внимательно глядя сумасшедшими глазами, немного согнувшись, церемонно скользя по темному гладкому полу, подвигалась госпожа ея. Шлыка она не сняла, но вмѣсто халата на ней было теперь старомодное барежевое платье, на плечи накинута блекло-золотистая шелковая шаль.

— Où êtes-vous, mes enfants?—жантильно улыбаясь, кричала она, и голосъ ея, четкій и рѣзкій, какъ голосъ попу-
га, странно раздавался въ пустыхъ черныхъ горницахъ...

Велико было наше разочарованіе! Вѣдь какъ долго и жадно слушали мы повѣствованія о Суходолѣ. Всѣ говорили о немъ такъ, точно былъ онъ великокняжескимъ помѣстьемъ. Увидѣли же мы скудость, убожество, увидѣли полудикую женщину, образъ которой романтизировали. Не по усадьбамъ Лариныхъ, Лаврецкихъ, этимъ оазисамъ, представляли мы себѣ Суходолъ. И все же всѣ преданія, всѣ поэтическія были Суходола померкли для насъ въ этотъ вечеръ, въ этой бѣдной глуши. До правды

тогда намъ еще далеко было. Но теперь-то мы хорошо знаемъ ее! Да, ни къ разумной любви, ни къ разумной ненависти, ни къ разумной привязанности, ни къ здоровой семейственности, ни къ труду, ни къ общежитію не были способны въ Суходолѣ. Чуть не поголовно страдали тѣлесными и душевными недугами всѣ Хрущевы изъ поколѣнія въ поколѣніе, равно какъ и близкіе ихъ. Нелѣпыми и страшными былями полна суходольская лѣтопись. Мы послѣдніе въ этой лѣтописи, мы порвали послѣднія нити, связывавшія насъ съ землею. Даже самое имя Хрущевыхъ скоро исчезнетъ навсегда. Но, право, мысль объ этомъ только радуется меня теперь. На прошломъ Суходола познали мы душу его. Но вѣдь этой же душой и создано оно. Въ немъ еще рѣзче и яснѣе, чѣмъ въ настоящемъ, выступали истинно-славянскія черты ея, губительно обособленной отъ души общечеловѣческой.

Господиномъ Суходола считался отецъ нашъ. А на дѣлѣ-то и самъ онъ былъ рабомъ Суходола. И его загубилъ Суходолъ. Въ суходольскомъ домѣ изо всѣхъ выдѣлялся онъ. Даже обликомъ непохожъ онъ былъ на прочихъ Хрущевыхъ. Но поистинѣ суходольская непригодность къ человѣческому существованію отличала и его, потомка вырождающагося клана. Послѣднюю рубашку готовъ онъ былъ снять съ себя для другого; да былъ ли хоть единый случай, когда не пропала бы она даромъ, а пошла въ путныя, дѣльные руки? Добръ онъ былъ, какъ ребенокъ. Бѣшено вспыльчивъ, какъ звѣрь. Однимъ строгимъ окрикомъ можно было порою привести его въ страхъ и смиреніе. Но порою онъ могъ съ голыми руками полѣзть на толпу съ рогатинами. И остротой и живостью ума обладалъ онъ отъ природы. Но какъ-то такъ случилось, что изъ десяти словъ его восемь были неразумными. Твердо сказавъ себѣ и окружающимъ: „вотъ такъ-то долженъ сдѣлать я“,—въ ту же минуту дѣлалъ онъ какъ-разъ обратное. Правильности, послѣдовательности въ сужденіяхъ онъ не переносилъ. Бодрость, пылкія мечты поминутно уступали въ его душѣ мѣсто полной безнадежности. Когда дѣла его запутывались, завязывались крѣпчайшимъ узломъ, онъ, сдѣлавъ нѣсколько внезапныхъ и отчаянныхъ усилій развязать его, неуклонно кончалъ тѣмъ, что отбрасывалъ его отъ себя въ руки судьбѣ, случаю. До тридцати лѣтъ капли вина, чубука трубочнаго не бралъ онъ въ ротъ. Съ тридцати сталъ и пить и курить такъ, что не зналъ себѣ равнаго въ уѣздѣ. Сколь мелочно-жаденъ и подозрителенъ былъ Петръ Петровичъ, столь же нелѣпо-щедръ и довѣрчивъ былъ отецъ. И вся жизнь его, кажется, на то только и была направлена,

чтобы не оставить неиспользованной ни единой возможности приготовить и себѣ подѣ старость и намъ на молодость нищенскую суму.

Мы застали въ молодости начало великой помѣщичьей бѣдности. И дивились: какъ внезапно наступила она! Ужели, думали мы, вся причина ея въ разрывѣ крѣпостныхъ узъ, вязавшихъ господина и холопа? Непонятной казалась та быстрота, съ которой исчезали съ лица земли старыя барскія гнѣзда. Но не преувеличена ли, думаю я теперь, ихъ старость, прочность и—барство? Вольно же называть насъ, мужиковъ, феодалами! Вольно же было вѣрить въ устои Суходола, невзирая на первобытность суходольскую! Въ нѣсколько лѣтъ,—не вѣковъ, а лѣтъ,—до тѣхъ разрушилось то подобіе благосостоянія, которымъ такъ величалась наша старина. Въ чемъ же причина тому? Да не въ томъ ли, что не устои тамъ были, а косность? Не въ томъ ли, что гибель вырождающагося суходольца шла какъ разъ навстрѣчу его душѣ, его жаждѣ гибели, самоуничтоженія, разора, страха жизни?

III.

Какъ въ Натальѣ; въ ея крестьянской простотѣ, во всей ея прекрасной и жалкой душѣ, порожденной Суходоломъ, было очарованіе и въ суходольской разоренной усадьбѣ.

Пахло жасминомъ въ старой гостиной съ покосившимися полами. Сгнившій, сѣро-голубой отъ времени балконъ, съ котораго, за отсутствіемъ ступенекъ, надо было спрыгивать, тонулъ въ крапивѣ, бузинѣ, бересклетѣ. Въ жаркіе дни, когда его пекло солнце, когда были отворены освѣщія стеклянные двери и веселый отблескъ стекла передавался въ тусклое овальное зеркало, висѣвшее на стѣнѣ противъ двери, все вспоминалось намъ фортепіано тети Тони, когда-то стоявшее подѣ этимъ зеркаломъ. Когда-то играла она на немъ, глядя на пожелтѣвшія ноты съ заглавіями въ завитушкахъ, а онъ стоялъ сзади, крѣпко подпирая талию лѣвой рукой, крѣпко сжимая челюсти и хмурясь. Чудесныя бабочки—и въ ситцевыхъ пестреныхъ платьицахъ, и въ японскихъ нарядахъ, и въ черно-лиловыхъ бархатныхъ шаляхъ—залетали въ гостиную. И передъ отъѣздомъ онъ съ сердцемъ хлопнулъ однажды ладонью по одной изъ нихъ, трепетно замиравшей на крышѣ фортепіано. Осталась только серебристая пыль. Но, когда дѣвки, по глупости, черезъ нѣсколько дней стерли ее, съ тетей Тоней сдѣлалась истерика... Мы выходили изъ гостиной на балконъ, садились на теплыя доски—и думали,

думали. Вѣтеръ, пробѣгая по саду, доносилъ до насъ шелковистый шелестъ березъ съ атласно-бѣлыми, испещренными чернью стволами и широко раскинутыми зелеными вѣтвями, вѣтеръ, шумя и шелестя, бѣжалъ съ полей—и зелено-золотая иволга вскрикивала рѣзко и радостно, коломъ проносясь надъ бѣлыми цвѣтами за болтливыми галками, обитавшими съ многочисленнымъ родствомъ въ развалившихся трубахъ и въ темныхъ чердакахъ, гдѣ пахнетъ старыми кирпичами и черезъ слуховыя окна полосами падаетъ на бугры сѣро-фіолетовой золы золотой свѣтъ; вѣтеръ замиралъ, сонно ползали пчелы по цвѣтамъ у балкона, совершая свою неспѣшную работу,—и въ тишинѣ слышался только ровный, струящійся, какъ непрерывный мелкій дождикъ, лепетъ серебристой листвы тополей... Мы бродили по саду, забирались въ глушь окраинъ. Тамъ, на этихъ окраинахъ, слившихся съ хлѣбами, въ прадѣдовской банѣ съ провалившимся потолкомъ, въ той самой банѣ, гдѣ Наталья хранила украденное у Петра Петровича зеркальце, жили бѣлые тусы. Какъ они мягко выпрыгивали на порогъ, какъ странно, шевеля усами и раздвоенными губами, косили свои далеко разставленные, вынученные глаза на высокія татарки, кусты бѣлены и заросли крапивы, глушившей тернъ и вишенникъ!.. А въ полураскрытой ригѣ жилъ филинъ. Онъ сидѣлъ на переметѣ, выбравъ мѣсто посумрачнѣе, торчкомъ поднявъ уши, выкативъ желтые слѣпые зрачки—и видъ у него былъ дикій, чортовскій. Опускалось солнце далеко за садомъ, въ море хлѣбовъ, наступалъ вечеръ, мирный и ясный, куковала кукушка въ Трошиномъ лѣсу, жалобно звенѣли гдѣ-то надъ лугами жалейки старика-пастуха Степы... Филинъ сидѣлъ и ждалъ ночи. Ночью все спало—и поля, и деревня, и усадьба. А филинъ только и дѣлалъ, что ухалъ и плакалъ. Онъ неслышно носился вокругъ риги, по саду, прилеталъ къ избѣ тети Тони, легко опускался на крышу—и болѣзненно вскрикивалъ... Тетя просыпалась на лавкѣ у печки.

— Исусе Сладчайшій, помилуй мя,—шептала она, вздыхая.

Мухи сонно и недовольно гудѣли по потолку жаркой, темной избы. Каждую ночь что-нибудь будило ихъ. То корова чесалась бокомъ о стѣну избы; то крыса пробѣгала по отрывисто звенящимъ клавишамъ фортепіано и, сорвавшись, съ трескомъ падала въ черепки, заботливо складываемые тетей въ уголь; то старый черный котъ съ зелеными глазами поздно возвращался откуда-то домой и лѣниво просился въ избу; или же прилеталъ филинъ, криками своими пророчившій бѣду. И тетя, пересиливая дремоту, отмахиваясь отъ мухъ, въ темнотѣ

лѣзшихъ въ глаза, ругаясь и шепча молитвы, вставала, шарила по лавкамъ, хлопала дверью—и, выйдя на порогъ, наугадъ запускала вверхъ, въ звѣздное небо, скалку. Филинъ, съ шорохомъ, задѣвая крыльями солому, срывался съ крыши—и низко падалъ куда-то въ темноту. Онъ почти касался земли, плавно доносился до риги и, взмывъ, садился на ея хребетъ. И въ усадьбу опять доносился его плачъ. Онъ сидѣлъ, какъ будто что-то вспоминая, — и вдругъ испускалъ вопль изумленія; смолкалъ—и внезапно принимался истерически ухать, хохотать и взвизгивать; опять смолкалъ—и разражался стонами, всхлипываніями, рыданіями... А ночи, темныя, теплыя, съ лиловыми тучками, были спокойны, спокойны. Сонно бѣжалъ и струился лепетъ сонныхъ тополей. Зарница осторожно мелькала надъ темнымъ Трошинымъ лѣсомъ—и тепло, сухо пахло дубомъ. Возлѣ лѣса, надъ равнинами овсовъ, на прогалинѣ неба среди тучъ, горѣлъ серебрянымъ треугольникомъ, могильнымъ голубцомъ Скорпіонъ...

Поздно возвращались мы въ усадьбу. Надышавшись росой, свѣжестью степи, полевыхъ цвѣтовъ и травъ, осторожно поднимались мы на крыльцо, входили въ темную прихожую. И часто заставляли Наталью на молитвѣ передъ образомъ Меркурія. Босая, маленькая, поджавъ руки, стояла она передъ нимъ, шептала что-то, крестилась, низко кланялась ему, невидному въ темнотѣ,—и все это такъ просто, точно бесѣдовала она съ кѣмъ-то близкимъ, тоже простымъ, добрымъ и милостивымъ.

— Наталья?—тихо окликали мы.

— Я-съ? — тихо и просто отзывалась она, прерывая молитву.

— Что же ты не спишь до сихъ поръ?

— Да авось еще въ могилѣ-съ наснимся...

Мы садились на коникъ, раскрывали окно; она стояла, поджавъ руки. Тайнственно мелькали зарницы, озаряя темныя горницы; перепелъ билъ гдѣ-то далеко въ росистой степи. Предостерегающе-тревожно крикала проснувшаяся на прудѣ утка...

— Гуляли-съ?

— Гуляли.

— Что жъ, дѣло молодое... Мы, бывалыча, такъ-то всѣ почи напролетъ прогуливали... Одна заря выгонитъ, другая загонитъ...

— Хорошо жилось прежде?

— Хорошо-съ...

И наступало долгое молчаніе.

— Чего это, нянечка, филинъ кричитъ?—задумчиво говорила сестра.

— Не судомъ кричитъ-съ, пропасти на него нѣту. Хоть бы барчукъ изъ ружья потращаль. А то прямо жуть, все думается: либо къ бѣдѣ какой? И все барышню пугаетъ. А она вѣдь до смерти пуглива!

— А какъ захворала она?

— Да извѣстно-съ: все слезы, слезы, тоска... Потомъ молиться зачали... Да все лютѣе съ нами, съ дѣвками, да все сердитѣй съ братцами...

И, вспоминая арапники, мы спрашивали:

— Не дружно, значить, жили?

— Куда какъ дружно! А ужъ особливо послѣ того, какъ заболѣли-то онѣ, какъ дѣдушка померли, какъ вошли въ силу молодые господа и женился покойникъ Петръ Петровичъ. Горячіе всѣ были—чистый порошокъ!

— А пороли дворовыхъ часто?

— Этого у насъ и въ заведеньи не было-съ. Я какъ провинилась-то! А и было-то всего-навсего, что приказали Петръ Петровичъ голову мнѣ овечьими ножницами оболванить, затрапезную рубаху надѣть да на хуторъ отправить...

— А чѣмъ же ты провинилась?

Но отвѣтъ далеко не всегда слѣдовалъ прямой и скорый. Рассказывала Наталья порою съ удивительной прямою и тщательностью; но порою заиналась, что-то думала; потомъ легонько вздыхала, и по голосу, не видя лица въ сумракѣ, мы понимали, что она грустно усмѣхается:

— Да тѣмъ и провинилась... Я вѣдь ужъ сказывала... Молода-глупа была-съ. „Пѣль на грѣхъ, на бѣду соловой во саду“... А, извѣстно, дѣло мое было дѣвичье...

Сестра ласково просила ее:

— Ты ужъ скажи, нянечка, стихи эти до конца.

И Наталья смущалась.

— Это не стихи-съ, а пѣсня... Да я ее и не упомяну-съ теперь.

— Неправда, неправда!

— Ну, извольте-съ...

И скороговоркой кончала:

— „Какъ на грѣхъ, на бѣду“... То бишь: „Пѣль на грѣхъ, на бѣду соловей во саду—пѣсню томную... Глупой спать не давалъ—въ ночь темную“...

— Да тамъ не „глупой“ сказано, а еще какъ-то.

— Анъ глупой-съ.

Пересиливая себя, сестра спрашивала:

— А ты очень была влюблена въ дядю?

И Наталья тупо и кратко шептала:

— Очень-съ.

— Ты всегда поминаешь его на молитвѣ?

— Всегда-съ.

— Ты, говорятъ, въ обморокъ упала, когда тебя везли въ Сошки?

— Въ оморокъ-съ. Мы, дворовые, страшные нѣжные были... жидки на расправу... не сравнять же съ сѣрымъ однодворцемъ! Какъ повезъ меня Евсей Бодуля, отупѣла я отъ горя и страху... Въ городѣ чуть не задвохнулась съ непривычки. А какъ выѣхали въ степь, таково мнѣ нѣжно да жалостно стало! Метнулся офицеръ навстрѣчу, похожій на нихъ,— крикнула я, да и замертво! А пришедши въ себя, лежу этакъ въ телѣгѣ и думаю: хорошо мнѣ теперь, ровно въ царствѣ небесномъ!

— Строгъ онъ былъ?

— Не приведи Господи!

— Ну, а все-таки своенравнѣе всѣхъ тетя была?

— Онѣ-съ, онѣ-съ. Докладываю же вамъ: ихъ даже къ угоднику возили. Натерпѣлись мы страсти съ ними! Имъ бы жить да поживать теперь, какъ надомно, а онѣ погордились, да и тронулись... Какъ любилъ ихъ Войткевичъ-то! Ну, да вотъ поди жъ ты!

— Ну, а дѣдушка?

— Тѣ что жъ? Тѣ слабы умомъ были. А, конечно, и съ ними случалось. Всѣ въ ту пору были пылкіе... Да зато прежніе-то господа нашимъ братомъ не брезговали. Бывалыча, папаша вашъ накажутъ Герваську въ обѣдъ, — энтото и слѣдовало!—а вечеромъ, глядь, ужъ на дворнѣ жируютъ, на балалайкахъ съ нимъ жундятъ...

— А скажи,—онъ хорошъ былъ, Войткевичъ-то?

Наталья задумывалась.

— Нѣтъ-съ, не хочу соврать: въ родѣ калмыка былъ. А сурьезный, настойчивый. Все стихи ей читалъ, все напутивалъ: молъ, помру и приду за тобой...

— Вѣдь и дѣдъ отъ любви съ ума сошелъ?

— Тѣ по бабушкѣ. Это дѣло иное, сударыня. Да и домъ у насъ былъ сумраченъ, — не веселый, Богъ съ нимъ. Вотъ извольте послушать мои глупыя слова...

И нсторопливымъ шопотомъ начинала долгое, долгое повѣствованіе.

Были въ этомъ повѣствованіи шутки, недомолвки, отступленія; была живость, задумчивость, простота необыкновенная.

Но рядомъ съ этимъ было и другое: таинственность, строгій и пѣвучій полушопоть. Преобладала же какая-то давнишняя грусть. И все было проникнуто чувствомъ древней вѣры въ предопредѣленіе, никогда не высказываемаго, смутнаго, но постоянного самовнушенія, что каждый, каждый изъ насъ долженъ взять на себя ту или иную роль, соотвѣтственно тому или иному назначенію.

IV.

Если вѣрить преданіямъ, прадѣдъ нашъ, человѣкъ богатый, только подъ старость переселился изъ-подъ Курска въ Суходоль: не любилъ нашихъ мѣстъ, ихъ глуши, лѣсовъ. Да,— вѣдь это вошло въ пословицу: „въ старину вездѣ лѣса были“... Люди, пробиравшіеся лѣтъ двѣсти тому назадъ по нашимъ дорогамъ, пробирались сквозь глухіе лѣса. Въ лѣсу терялись и рѣчка Каменка, и тѣ верхі, гдѣ протекала она, и деревня, и усадьба, и холмистыя поля вокругъ. Однако уже не то было при дѣдушкѣ. При дѣдушкѣ картина была иная: полустепной просторъ, голые косогоры, на поляхъ — рожь, овесъ, греча, на большой дорогѣ — рѣдкія дуплистыя ветлы, а по суходольскому верху — только бѣлый голышъ. Отъ лѣсовъ остался одинъ Трошинъ лѣсокъ. Толбко садъ былъ, конечно, чудесный: широкая аллея въ семьдесятъ раскидистыхъ березъ, вишенники, тонувшіе въ крапивѣ, дремучія заросли малины, акаціи, сирени и чуть не цѣлая роща серебристыхъ тополей на окраинахъ, сливавшихся съ хлѣбами. Домъ былъ подъ соломенной крышей, но такой толстой, темной и плотной, что ни одно желѣзо не сравнится. И глядѣлъ онъ на дворъ, по сторонамъ котораго шли длиннѣйшія службы и людскія въ нѣсколько связей, а за дворомъ разстилался безконечный зеленый выгонъ и широко раскидывалась барская деревня, большая, бѣдная и — беззаботная.

— Вся въ господъ-съ! — говорила Наталья. — И господа беззаботны были — не хозяйственны, не жадны. Сементъ Кириллычъ, братецъ дѣдушки, раздѣлились съ нами: себѣ взяли что побольше да полутче, престольную вотчину, намъ только Сошки, Суходоль да четыре ста душъ прикинули. А изъ четырехъ-то сотъ чуть не половина разбѣжалася...

Дѣдушка Петръ Кириллычъ былъ слабоуменъ. Онъ и состарился рано, да и умеръ лѣтъ сорока пяти. Отецъ часто говорилъ, что помѣшался Петръ Кириллычъ послѣ того, какъ па него, заснуваго на коврѣ въ саду, подъ яблоней, внезапно сорвавшійся ураганъ обрушилъ цѣлый ливень крупнѣй-

шихъ яблокъ. А на дворѣ, по словамъ Натальи, объясняли слабоуміе дѣда иначе: тѣмъ, что захворалъ Петръ Кириллычъ отъ тоски — вскорѣ послѣ смерти красавицы-бабушки, что великая гроза прошла надъ Суходоломъ передъ вечеромъ того дня, когда скончалась она, что тотъ ураганъ, что налетѣлъ съ черной тучей на спящаго Петра Кириллыча, потрясъ его мыслью о приближеніи собственной смерти. И доживалъ Петръ Кириллычъ, — сутулый брюнетъ, съ черными, внимательно-ласковыми глазами, немного похожій на тетю Тоню, — въ тихомъ помѣшателствѣ. Денегъ, по словамъ Натальи, прежде не знали куда дѣвать, и вотъ онъ, въ сафьяновыхъ саножкахъ и пестромъ архалукѣ, заботливо и неслышно бродилъ по дому и, оглядываясь, совалъ въ трещины дубовыхъ бревенъ золотые.

— Это я для Тонечки въ приданое, — бормоталъ онъ, когда захватывали его. — Надежнѣе, друзья мои, надежнѣе... Ну, а за всѣмъ тѣмъ — воля ваша: не хотите — я не буду...

И опять совалъ. А не то переставлялъ тяжелую мебель въ залъ, въ гостиной, все ждалъ чьего-то пріѣзда, хотя сосѣди почти никогда не бывали въ Суходолѣ; или жаловался на голодъ и самъ мастерилъ себѣ тюрю — неумѣло толочъ и растиралъ въ деревянной чашкѣ зеленый лукъ, крошилъ туда хлѣбъ, лилъ густой пѣнящійся суровецъ и сыпалъ столько крупной сѣрой соли, что тюря оказывалась горькой и ѣсть ее было не подъ силу. Когда же, послѣ обѣда, жизнь въ усадьбѣ замирала, всѣ разбредались по излюбленнымъ угламъ и надолго засыпали, не зная куда дѣваться одинокій, даже и по ночамъ мало спавшій Петръ Кириллычъ. И, не выдержавъ одиночества, начиналъ заглядывать въ спальни, прихожія, дѣвичьи и осторожно окликать спящихъ:

— Ты спишь, Аркаша? Ты спишь, Тонюша?

И, получивъ сердитый окрикъ: „да отвяжитесь вы, ради Бога, папенька!“ — торопливо успокаивалъ:

— Ну, спи, спи, душа моя. Я тебя будить не буду...

И уходилъ дальше, — минуя только лакейскую, ибо лакеи были народъ очень грубый, — а черезъ десять минутъ снова появлялся на порогѣ и снова еще осторожнѣе окликалъ, выдумывая, что по деревнѣ кто-то проѣхалъ съ ямщицкими колокольчиками, — „ужъ не Петенька ли изъ полка въ побывку“, — или что заходитъ страшная градовая туча.

— Они, голубчики, ужъ очень грозы боялись, — рассказывала Наталья. — Я-то еще дѣвчонкой простоволосой была, ну, а все-таки помню-съ. Домъ у насъ какой-то черный былъ... невеселый, Господь съ нимъ. А день лѣтомъ — годъ. Дворни

дѣвать было некуда... однихъ лакеевъ пять человѣкъ... Да, извѣстно, започиваютъ послѣ обѣда молодые господа, а, глядячи на нихъ, и мы, холопы вѣрные. Дѣвки—въ дѣвичьей: погрѣмать послѣ обѣда коклюшками для видимости, распустятъ пухъ по горницѣ,—у насъ все перины набивали,—да и завалятся гдѣ попало. А лакеи, такъ тѣ и совсѣмъ охальничали: сидятъ, бывалыча, въ лакейской, выютъ сирохвала кнуты, плетутъ сѣти перпелиныя, жундятъ на балалайкахъ—и горюшка мало! А налопаются толокна, соломаты—спать. И тутъ ужъ Петръ Кирилычъ не приступайся къ нимъ,—особливо къ Герваськѣ. „Лакеи! Лакеи! Вы спите?“ А Герваська подыметъ голову съ ларя, да и спрашиваетъ: „А хочешь я тебѣ сейчасъ крапивы въ мотню набью?“—„Да ты кому жъ это говоришь-то, бездѣльникъ ты этакій?“—„Домовому, сударь: сиросонья...“ Ну вотъ, Петръ Кирилычъ и ходили все больше къ намъ: „Аркаша, ты спишь? Натка, ты спишь?..“ Вскочишь, задрожешь вся... А они—„ну, спи, спи, душа моя, я тебя будить не буду...“ И опять пойдутъ по залу, по гостиной и все въ окна, въ садъ заглядываютъ: не видно ли тучи? А грозы, и правда, куда какъ часто въ старину собирались. Да и грозы-то великія. Какъ, бывалыча, дѣло послѣ обѣда, такъ и почнетъ орать иволга, и пойдутъ изъ-за саду тучки... потемнѣетъ въ домѣ, зашуршитъ бурьянъ да глухая крапива, попрячутся индюшки съ индюшатами подъ балконъ... прямо жуть, скука-съ! А они, батюшка, вздыхаютъ, крестятся, лѣзутъ свѣчку восковую у образовъ зажигать, полотенце завѣтное съ покойника прадѣдушки вѣшать, — боялась я того полотенца до-смерти!—али пожницы за окошко выкидываютъ. Это ужъ первое дѣло-съ, ножницы-то: очень хорошо противъ грозы. Изстрекаешься, бывалыча, вся по-поясъ, какъ заставить потомъ лѣзть за ними въ крапиву, въ кастрику-то эту самую: она у насъ дремучая росла!

Было веселѣе въ суходольскомъ домѣ, когда жили въ немъ французы, — сперва какой-то Луи Ивановичъ, мужчина въ широчайшихъ, книзу узкихъ панталонахъ, съ длинными усами и мечтательными голубыми глазами, накладывавшій на лысину волосы отъ уха къ уху и нещадно бившій дворовыхъ чубукомъ, а потомъ пожилая, вѣчно злбнувшая мадмазель Сизи, — когда по всѣмъ комнатамъ гремѣлъ голосъ Луи Ивановича, оравшаго на Аркашу: „идите и больше не вернитесь!“ — когда слышалось въ классной: „*maître corbeau sur un arbre perché*“ и на фортепіано училась Тонечка. Восемь лѣтъ жили французы въ Суходолѣ, оставались въ немъ, чтобы не скучно было Петру Кириллычу,

и послѣ того, какъ увезли дѣтей въ губернскій городъ, покинули же его передъ самымъ возвращеніемъ ихъ домой на третьи каникулы. Когда прошли эти каникулы, Петръ Кириллычъ уже никуда не отправилъ ни Аркашу ни Тонечку: достаточно было, по его мнѣнію, отправить одного Петеньку. И дѣти навсегда остались и безъ ученья и безъ призора... Наталья говаривала:

— Я-то была моложе ихъ всѣхъ. Ну, а Герваська съ папашей вашимъ почти однолѣтки были и, значитъ, первые друзья-пріятели-съ. Только, правда говорится, — волкъ коню не свойственникъ. Подружились они это, поклялись въ дружбѣ на вѣчныя времена, помѣнялись честь-честью крестами, а Герваська въ скорости же и начереди: чуть было вашего папашу въ прудѣ не утопилъ! Коростовый былъ, а ужъ на каторжныя затѣи мастеръ. „Что жъ, — говоритъ разъ барчуку: — ты подрастете, будете меня пороть?“ — „Буду“. — „Анъ нѣтъ“. — „Какъ такъ?“ — „А такъ“... И надумалъ: стояла у насъ бочка надъ прудами, на самомъ косогорѣ, а онъ и запримѣтъ ее, да и подучи Аркадъ Петровича залѣсть въ нее и покатиться внизъ. „Перва, — говоритъ, — ты, барчукъ, прожжете, а тамъ я“... Ну, а барчукъ-то и послушайся: залѣзъ, толкнулся, да какъ пошелъ гремѣть подъ-гору, въ воду, какъ пошелъ... Матушка Царица Небесная! Только пыль столбомъ завихрилась!.. Ужъ спасибо вблизи пастухи оказались...

Пока жили французы въ суходольскомъ домѣ, домъ сохранялъ еще жилой видъ. При бабушкѣ еще были въ немъ и господа и хозяева, и власть и подчиненіе, и парадные покои и семейные, и будни и праздники. Видимость всего этого держалась и при французахъ. Но французы уѣхали, и домъ остался совсѣмъ безъ хозяевъ. Пока дѣти были малы, на первомъ мѣстѣ былъ какъ будто Петръ Кириллычъ. Но что онъ могъ? Кто кѣмъ владѣлъ: онъ дворовыми или дворовые имъ? Фортепіано закрыли, скатерть съ дубоваго стола исчезла, — обѣдали безъ скатерти и когда попало, въ сѣнцахъ проходу не было отъ борзыхъ собакъ. Заботиться о чистотѣ стало некому, — и темныя бревенчатыя стѣны, темныя полы и потолки, темныя тяжелыя двери и притолки, старые образы, закрывавшіе своими суздальскими ликами весь уголъ въ залѣ, скоро и совсѣмъ почернѣли. По ночамъ, особенно въ грозу, когда бушевалъ подъ дождемъ садъ, поминутно озарялись въ залѣ лики образовъ, раскрывалось, распахивалось надъ садомъ дрожащее розово-золотое небо, а потомъ, въ темнотѣ, съ трескомъ раскалывались громовые удары, —

по ночамъ въ домѣ было страшно. А днемъ—сонно, пусто и скучно. Съ годами Петръ Кириллычъ все слабѣлъ, становился все незамѣтнѣе, хозяйкой же дома являлась дряхлая Дарья Устиновна, кормилица дѣдушки. Но власть ея почти равнялась его власти, а староста Демьянъ не вмѣшивался въ управленіе домомъ: онъ зналъ только полевое хозяйство, съ лѣнивой усмѣшкой говоря иногда: „что жъ, я своихъ господъ не обиждаю“... Тонечка подросла, уже была Дарью Устиновну, но дѣвки еще ни въ грошъ ее не ставили. Отцу, юношѣ, не до Суходола было: его съ ума сводила охота, балалайка, любовь къ Герваськѣ, который хотя и числился въ лакеяхъ, но по цѣлымъ днямъ пропадалъ съ нимъ на какихъ-то Мещерскихъ болотцахъ или въ каретномъ сараѣ за изученіемъ балалаечныхъ и жалеечныхъ хитростей.

— Такъ ужъ мы и знали-съ,—говорила Наталья:—въ домѣ только почиваютъ. А не почиваютъ, — значить, либо на деревнѣ, либо въ каретномъ, либо на охотѣ: зимою—зайцы, осенью—лисицы, лѣтомъ—перпеда, утки либо дряхвы; сядутъ на дроздки бѣговья, перекинутъ ружьецо за плечи, кликнутъ Діанку, да и съ Господомъ: нынче на Среднюю мельницу, завтра на Мещерскія, послѣзавтра на степь. И все съ Герваськой. Тотъ первый коноводъ всему былъ, а прикидывался, что это барчукъ его таскаетъ. Любилъ его, врага своего, Аркадь Петровичъ истинно какъ брата, а онъ, чѣмъ дальше, тѣмъ все злѣй измывался надъ нимъ. Бывалыча, скажутъ:— „Ну, давай, Гервасій, на балалайкахъ! Выучи ты меня, за ради Бога, *„Закатилось солнце красное за лѣсъ“*... А Герваська посмотритъ на нихъ, пуститъ въ ноздри дымъ и такъ съ усмѣшкой: „Одна рѣчь — не пословица. Поцѣлуйте перва ручку у меня“. Поблѣбуютъ весь Аркадь Петровичъ, вскочутъ съ мѣста, бацъ его, что есть силы, по щекѣ, а онъ только головой мотнетъ и еще чернѣй сдѣлается, насупится, какъ разбойникъ какой. „Встать, негодій!“. Встанетъ, вытянется, какъ борзой, портки плисовые висятъ... молчитъ. „Проси прощенья“.—„Виноватъ, сударь“... А барчукъ задвохнется—и ужъ не знаютъ, что дальше сказать. „То-то „сударь“!—кричатъ.—Я, молъ, норовлю съ тобой, съ негодяемъ, какъ съ равнымъ обойтись, я, молъ, иной разъ думаю: я для него души не пожалѣю... А ты что? Ты нарочно меня озлобляешь? Нарочно?..“

— Диковинное дѣло-съ! —говорила Наталья:—надъ барчукомъ и дѣдушкой Герваська измывался, а надо мной—барышня. Барчукъ,—а, по правдѣ-то сказать, и сами дѣдушка,—въ Герваськѣ души не чаяли, а я—въ ней... какъ изъ Сошекъ-то вернулась я, да маленько образумилась послѣ своей провинности...

V.

Съ этой-то провинности и началась ея любовь. И вся суходольская душа ея сказалась въ этой любви.

Съ арапниками садились за столъ уже послѣ смерти дѣдушки, послѣ бѣгства Герваськи и женитьбы Петра Петровича, послѣ того, какъ тетя Тоня, тронувшись, обрекла себя въ невѣсты Іисусу Сладчайшему, а Наталья возвратилась изъ этихъ самыхъ Сошекъ. Тропулась же тетя Тоня и въ ссылкѣ побывала Наталья—изъ-за любви.

Скучныя, глухія времена дѣдушки смѣнились временемъ молодыхъ господъ. Возвратился въ Суходолъ Петръ Петровичъ, неожиданно для всѣхъ вышедшій въ отставку. И пріѣздъ его оказался гибельнымъ и для Натальи и для тети Тони.

Онѣ обѣ влюбились. Не замѣтили, какъ влюбились.

Имъ казалось сперва, что просто стало веселѣе жить. Онѣ впервые почувствовали себя тѣвушками и отдались прелести этого ощущенія.

Петръ Петровичъ повернулъ на первыхъ порахъ жизнь въ Суходолъ на новый ладъ — на праздничный и барскій. Онъ пріѣхалъ съ товарищемъ, Войткевичемъ, привезъ съ собой повара, бритого алкоголика съ воднисто-блестящими глазами, съ пренебреженіемъ косившагося на позеленѣвшія рубчатая формы для желе, на грубые ножи, вилки. Петръ Петровичъ желалъ показать себя передъ товарищемъ радушнымъ, щедрымъ, богатымъ — и дѣлалъ это неумѣло, по-мальчишески. Да онъ и былъ почти мальчикомъ, очень нѣжнымъ и красивымъ съ виду, но по натурѣ рѣзкимъ и жестокимъ, мальчикомъ смѣлымъ и самоуувѣреннымъ, но легко и чуть не до слезъ смущающимся, а потомъ надолго затаивающимъ злобу на того, кто смутилъ его.

— Помнится, братъ Аркадій, — сказалъ онъ за столомъ въ первый же день своего пребыванія въ Суходолъ: — помнится, была у насъ въ погребѣ мадера недурная?

Дѣдушка покраснѣлъ, хотѣлъ что-то сказать, но не на смѣлился и только затеребилъ на груди архалукъ. Аркадій Петровичъ изумился:

— Какая мадера?

А Герваська нагло поглядѣлъ на Петра Петровича и ухмыльнулся.

— Вы изволили забыть, сударь, — сказалъ онъ Аркадію Петровичу, даже и не стараясь скрыть насмѣшки. — У насъ, и правда, дѣвать некуда было этой самой мадеры. Да все

мы, холопы, потаскали. Вино барское, а мы ее дуромъ, замѣсто квасу.

— Это еще что такое? — крикнулъ Петръ Петровичъ, заливаясь своимъ темнымъ румянцемъ.—Молчать!

Дѣдушка восторженно подхватилъ:

— Такъ, такъ, Пестенька! Фѣра!—радостно, тонкимъ голосомъ воскликнулъ онъ и чуть не заплакалъ.—Ты и представить себѣ не можешь, какъ онъ меня уничтожаетъ! Я ужъ не однажды думалъ: подкрадусь и проломлю ему голову толкачомъ мѣднымъ... Ей-Богу, думалъ! Я ему кинжалъ въ бокъ по эфесъ всажу!

А Герваська и тутъ нашелся.

— Я, сударь, слышалъ, что за это больно наказываютъ,—возразилъ онъ, насупясь.—А то и мнѣ все лѣзетъ въ голову: пора барину въ царство небесное!

Говорилъ Петръ Петровичъ, что, послѣ такого неожиданно-дерзкаго отвѣта, сдержался онъ только ради чужого человѣка. Онъ сказалъ Герваськѣ только одно: „Сію минуту выйди вонъ!“. А потомъ даже устыдился своей горячности—и, торопливо извиняясь передъ Войткевичемъ, поднялъ на него съ улыбкой тѣ очаровательные глаза, которыхъ долго не могли забыть всѣ знавшіе Петра Петровича.

Слишкомъ долго не могла забыть этихъ глазъ и Наталья.

Счастье ея было необыкновенно кратко — и кто бы могъ думать, что разрѣшится оно путешествіемъ въ Сошки, самымъ замѣчательнымъ событіемъ всей ея жизни?

Хуторъ Сошки цѣлъ и донныѣ, хотя уже давно перешелъ къ тамбовскому купцу. Это—длинная изба среди пустой равнины, амбаръ, журавль колодца и гумно, вокругъ котораго бахчи. Такимъ, конечно, былъ хуторъ и въ дѣдовскія времена; да мало измѣнился и городъ, что на пути къ нему изъ Суходола. А провинилась Наташка тѣмъ, что, совершенно неожиданно для самой себя, украла складное, оправленное въ серебро, зеркальце Петра Петровича.

Увидѣла она это зеркальце — и такъ была поражена красотой его,—какъ, впрочемъ, и всѣмъ, что принадлежало Петру Петровичу,—что не устояла. И нѣсколько дней, пока не хватились зеркальца, прожила ошеломленная своимъ преступленіемъ, очарованная своей страшной тайной и сокровищемъ, какъ въ сказкѣ объ аленькомъ цвѣточкѣ. Ложась спать, она молила Бога, чтобы скорѣе прошла ночь, чтобы скорѣе наступило утро: празднично было въ домѣ, который ожилъ, наполнился чѣмъ-то новымъ, чудеснымъ съ пріѣздомъ красавца-барчука, паряднаго, напомаженнаго, съ высокимъ краснымъ

воротомъ мундира, съ лицомъ смуглымъ, но пѣжымъ, какъ у барышни; празднично было даже въ прихожей, гдѣ спала Наташка и гдѣ, вскакивая съ рундука на разсвѣтъ, она сразу вспоминала, что въ мірѣ — радость, потому что у порога стояли, ждали чистыя такіе легонькіе саночки, что ихъ въ пору было царскому сыну носить; и всего страннѣе и праздничнѣе было за садомъ, въ заброшенной банѣ, гдѣ хранилось двойное зеркальце въ тяжелой серебряной оправѣ,—за садомъ, куда, пока еще всѣ спали, по росистымъ зарослямъ, тайкомъ бѣжала Наташка, чтобъ насладиться обладаніемъ своего сокровища, вынести его на порогъ, раскрыть при жаркомъ утреннемъ солнцѣ и насмотрѣться на себя до головокруженія, а потомъ опять скрыть, схоронить и опять бѣжать, прислуживать все утро тому, на кого она и глазъ поднять не смѣла, для кого она, въ безумной надеждѣ понравиться, и заглядывалась-то въ зеркальце.

Но сказка объ аленькомъ цвѣточкѣ кончилась скоро, очень скоро. Кончилась позоромъ и стыдомъ, которому нѣтъ имени, какъ думала Наташка, ибо самое созрѣвшее, что было въ душѣ ея, поняли всѣ. Кончилось тѣмъ, что самъ же Петръ Петровичъ приказалъ остричь, обезобразить ее, принарядившуюся, сурьмившую брови передъ зеркальцемъ, создавшую какую-то сладкую тайну, небывалую близость между нимъ и собой. Онъ самъ открылъ и превратилъ ея преступленіе въ простое воровство, въ глупую продѣлку дворовой дѣвчонки, которую, въ затранезной рубахѣ, съ лицомъ, опухшимъ отъ слезъ, на глазахъ всей дворни, посадили на навозную телѣгу и, опозоренную, внезапно оторванную ото всего родного, повезли на какой-то невѣдомый, страшный хуторъ, въ степныя дали. Она уже знала: тамъ, на хуторѣ, она должна будетъ стеречь дышлять, индюшекъ и бахчи; тамъ она спечется на солнцѣ, забытая всѣмъ свѣтомъ; тамъ какъ годы будутъ долги степные дни, когда въ зыбкомъ маревѣ тонутъ горизонты и такъ тихо, такъ знойно, что спать бы мертвымъ сномъ весь день, если бы не нужно было слѣшать осторожнаго треска пересохшаго гороха, домовитой возни пасѣдокъ въ горячей землѣ, мирно-грустной переклички индюшекъ, не слѣдить за набѣгающей сверху, жуткой тѣнью ястреба и не вскакивать, не кричать тонкимъ протяжнымъ голосомъ: „шу-у!“... Тамъ, на хуторѣ, чего стоила одна старуха-хотлушка, получившая власть надъ ея жизнью и смертію и, вѣрно, уже съ петербургскимъ поджидавшая свою жертву! Единственное преимущество имѣла Наташка передъ тѣми, которыхъ везутъ на смертную казнь: возможность удавиться.

И только одно это и поддерживало ее на пути въ ссылку, — конечно, вѣчную, какъ полагала она.

На пути изъ конца въ конецъ уѣзда чего только она ни насмотрѣлась! Да не до того ей было. Она думала или, скорѣе, чувствовала одно: жизнь кончена, преступленіе и позоръ слишкомъ велики, чтобы надѣяться на возвращеніе къ ней! Пока еще оставался возлѣ нея близкій человѣкъ, Евсей Бодуля. Но что будетъ, когда онъ сдастъ ее съ рукъ на руки хохлушкѣ, переночуетъ и уѣдетъ, навѣки покинетъ ее въ чужой сторонѣ? Наплакавшись, она захотѣла ѣсть. И Евсей, къ удивленію ея, взглянулъ на это очень просто и, закусывая, разговаривалъ съ ней такъ, какъ будто ничего не случилось. А потомъ она заснула — и очнулась уже въ городѣ. И городъ поразилъ ее только скукой, сушью, духотой, да еще чѣмъ-то смутно-страшнымъ, тоскливымъ, что похоже было на сонъ, который не расскажешь. Запомнилось за этотъ день только то, что очень жарко лѣтомъ въ степи, что безконечнѣе лѣтняго дня и длиннѣе большихъ дорогъ нѣтъ ничего на свѣтѣ. Запомнилось, что есть мѣста на городскихъ улицахъ, выложенныя камнями, по которымъ престранно гремитъ телѣга, что издалика пахнетъ городъ желѣзными крышами, а среди площади, гдѣ отдыхали и кормили лошадь, возлѣ пустыхъ подъ вечеръ „обжорныхъ“ навѣсовъ, — пылью, дегтемъ, гніющимъ сѣномъ, клоки котораго, перебитые съ конскимъ навозомъ, остаются на стоянкахъ мужиковъ. Евсей отпрягъ и поставилъ лошадь къ телѣгѣ, къ корму; сдвинулъ на затылокъ горячую шапку, вытеръ рукавомъ потъ и, весь черный отъ зноя, ушелъ въ харчевню. Онъ строго-настрого приказалъ Наташкѣ „поглядывать“ и, въ случаѣ чего, кричать на всю площадь. И Наташка сидѣла, не двигаясь, придавленная какими-то тупыми думами, не сводила глазъ съ купола тогда только-что построеннаго собора, огромной серебряной звѣздой горѣвшаго гдѣ-то далеко за домами, — сидѣла до тѣхъ поръ, пока не вернулся жующій, повеселѣвшій Евсей и не сталъ, съ колачомъ подъ мышкой, снова заводить лошадь въ оглобли.

— Припоздали мы съ тобой, королевина, маленько! — оживленно бормоталъ онъ, обращаясь не то къ лошади, не то къ Наташкѣ. — Ну, да авось не удавятъ! Авось не на пожаръ... Я и назадъ гнать не стану, — мнѣ, братъ, барская лошадь подороже твоего хайла, — говорилъ онъ, уже разумѣя Демьяна. — Разинулъ хайло: „Ты у меня смотри! Я, въ случаѣ чего, догляжусь, что у тебя въ порткахъ-то“... А-ахъ! — думаю... Взяла меня обида поперекъ живота! Съ меня, молъ,

господа, и тѣ еще не спускали портокъ-то... не тебѣ чего, чернонебому.— „Смотри!“ — А чего мнѣ смотрѣть? Авось, не дурѣй тебя. Захочу—и совсѣмъ не ворочусь: дѣвку доправлю, а самъ перехрещусь, да потуда меня и видѣли... Я и на дѣвку-то дивуюсь: чего, дура, затужила? Ай свѣтъ клиномъ сошелся? Пойдутъ чумаки либо старчики какіе мимо хутора — только слово сказать: въ одинъ ментъ за Ростовымъ-батюшкой очутишься... А тамъ и поминай какъ звали!

И мысль: „удавлюсь“ — смѣнилась въ стриженной головѣ Наташки мыслью о бѣгствѣ. Телѣга заскрипѣла и закачалась. Евсей смолкъ и повелъ лошадь къ колодцу среди площади. Тамъ, откуда пріѣхали, опускалось солнце за большой монастырскій садъ, и окна въ желтомъ острогѣ, что стоялъ противъ монастыря, черезъ дорогу, сверкали золотомъ. И видъ острога на минуту еще больше возбудилъ мысль о бѣгствѣ. Вона, и въ бѣгахъ живутъ! Только вотъ говорятъ, что старчики выжигаютъ ворованнымъ дѣвкамъ и ребятамъ глаза кипяченымъ молокомъ и выдаютъ ихъ за убогенькихъ, а чумаки завозятъ къ морю и продаютъ нагайцамъ... Случается, что и ловятъ господа своихъ бѣглыхъ, забиваютъ ихъ въ кандалы, въ острогъ сажаютъ... Да авось и въ острогѣ не быки, а мужики, какъ говоритъ Герваська!

Но окна въ острогѣ гасли, мысли путались, — нѣтъ, бѣжать еще страшнѣе, чѣмъ удавиться! Да смолкъ, отрезвѣлъ и Евсей.

— Припоздали, дѣвка, — уже безпокойно говорилъ онъ, вскакивая бокомъ на грядку телѣги.

И телѣга, выбравшись на шоссе, опять затряслась, забила, шибко загремѣла по камнямъ... Ахъ, лучше-то всего было бы назадъ повернуть ее, — не то думала, не то чувствовала Наташка, — повернуть, доскакать до Суходола — и упасть господамъ въ ноги! Но Евсей погонялъ. Звѣзды за домами уже не было. Впереди была бѣлая голая улица, бѣлая мостовая, бѣлые дома — и все это замыкалось огромнымъ бѣлымъ соборомъ подъ новымъ бѣло-жестянымъ куполомъ, и небо надъ нимъ стало блѣдно-синее, сухое... А тамъ, дома, въ это время уже роса падала, садъ благоухалъ свѣжестью, пахло изъ топившейся поварской; далеко за равнинами хлѣбовъ, за серебристыми тополями на окраинахъ сада, за старой завѣтной баней догорала заря, а въ гостиной были отворены двери на балконъ, алый свѣтъ мѣшался съ сумракомъ въ углахъ, и желто-смуглая, черноглазая, похожая и на дѣдушку и на Петра Петровича барышня поминутно оправляла рукава легкаго и широкаго платья изъ оранжеваго шелка,

пристально смотрѣла въ ноты, сидя спиной къ зарѣ, ударяя по желтымъ клавишамъ, наполняя гостиную торжественно-пѣвучими, сладостно-отчаянными звуками полонеза Огинскаго и какъ будто не обращая никакого вниманія на стоявшаго за нею офицера — приземистаго, темноликаго, подпиравшаго талию лѣвой рукою и сосредоточенно-мрачно слѣдившаго за ея быстрыми руками...

„У ней—свой, а у меня—свой“, — не то думала, не то чувствовала Наташка въ такіе вечера съ замираніемъ сердца и бѣжала въ холодный, росистый садъ, забивалась въ глушь крапивы и остро пахнущихъ, сырыхъ лопуховъ и стояла, ждала несбыточнаго, — того, что сойдетъ съ балкона барчукъ, пойдетъ по аллеѣ, увидитъ ее и, внезапно свернувъ, приблизится къ ней быстрыми шагами — и она не проронитъ отъ ужаса и счастья ни звука...

А телѣга гремѣла. Городъ былъ вокругъ, жаркій и вонючій, тотъ самый, что представлялся прежде чѣмъ-то волшебнымъ. И Наташка съ болѣзненнымъ удивленіемъ глядѣла на разряженный народъ, идущій взадъ и впередъ по камнямъ возлѣ домовъ, воротъ и лавокъ съ раскрытыми дверями... И зачѣмъ поѣхалъ тутъ Евсей, думала она, какъ рѣшился онъ гремѣть тутъ телѣгой?

Но проѣхали мимо собора, стали спускаться къ мелкой рѣкѣ по ухабистымъ пыльнымъ косогорамъ, мимо черныхъ кузницъ, мимо гнилыхъ мѣщанскихъ лачугъ... Опять знакомо запахло прѣсной теплой водою, иломъ, полевой вечерней свѣжестью. Первый огонекъ блеснулъ вдали, на противоположной горѣ, въ одинокомъ домишкѣ близъ шлагбаума... Вотъ и совсѣмъ выбрались на волю, переѣхали мостъ, поднялись къ шлагбауму — и глянула въ глаза каменная, пустынная дорога, смутно бѣлѣющая и убѣгающая въ безконечную даль, въ синь степной свѣжей ночи. И лошадь пошла мелкой рысцой, а миновавъ шлагбаумъ, и совсѣмъ шагомъ. И опять стало слышно, что тихо, тихо ночью и на землѣ и въ небѣ, — только гдѣ-то далеко плачетъ колокольчикъ. Онъ плакалъ все слышнѣе, все пѣвучѣе — и слился наконецъ съ дружнымъ топотомъ тройки, съ ровнымъ стукомъ бѣгущихъ по шоссе и приближающихся колесъ... Тройкой правил вольный молодой ямщикъ, а въ бричкѣ, уткнувши подбородокъ въ шинель съ капюшономъ, сидѣлъ офицеръ. Поровнявшись съ телѣгой, на мгновеніе поднялъ онъ голову — и вдругъ увидѣла Наташка красный воротникъ, черные усы, молодые глаза, блеснувшіе подъ каскою, похожей на ведерко... Она вскрикнула, помертвѣла, потеряла сознаніе...

Озарила ее безумная мысль, что это Петръ Петровичъ, и, по той боли и нѣжности, которая молніей прошла ся нервное дворовое сердце, она вдругъ поняла, чего она лишилась: близости къ нему... Евсей кинулся поливать ея стриженую, отвалившуюся къ плечу голову водой изъ дорожнаго жбана.

Тогда она очнулась отъ приступа тошноты—и торопливо перекинула голову за грядку телѣги. Евсей торопливо подложилъ ей подъ холодный лобъ ладонь...

А потомъ, облегченная, озябнувшая, съ мокрымъ воротомъ, лежала она на спинѣ и смотрѣла на звѣзды. Перепугавшійся Евсей молчалъ, думая, что она уснула, — только головой покачивалъ, — и погонялъ, погонялъ. Телѣга тряслась и убѣгала. А дѣвчонкѣ казалось, что у нея нѣтъ тѣла, что теперь у нея—одна душа. И душѣ этой было „такъ хорошо,“ ровно въ царствѣ небесномъ“...

Аленькимъ цвѣточкомъ, расцвѣтшимъ въ сказочныхъ садахъ, была ея любовь. Но въ степь, въ глушь, еще болѣе заповѣдную, чѣмъ глушь Суходола, увезла она любовь свою, чтобы тамъ, въ тишинѣ и одиночествѣ, побороть первыя, сладкія и жгучія муки ея, а потомъ надолго, навѣки, до самой гробовой доски схоронить ее въ глубинѣ своей суходольской души.

VI.

Любовь въ Суходолѣ необычна была. Необычна была и ненависть.

Дѣдушка, погибшій столь же нелѣпо, какъ и убійца его, какъ и всѣ, что гибли въ Суходолѣ, былъ убитъ въ томъ же году. На Покровъ, престольный праздникъ въ Суходолѣ, Петръ Петровичъ назвалъ гостей — и очень волновался: будетъ ли предводитель, давшій слово быть? Радостно, неизвестно чему волновался и дѣдушка. Предводитель пріѣхалъ—и обѣдъ удался на славу. Было и шумно и весело, дѣдушкѣ—веселѣе всѣхъ. Рано утромъ второго октября его нашли на полу въ гостиной мертвымъ.

Выйдя въ отставку, Петръ Петровичъ не скрылъ, что онъ жертвуетъ собою ради спасенія чести Хрущевыхъ, родового гнѣзда и родовой усадьбы. Не скрылъ, что хозяйство онъ „поневолѣ“ долженъ взять въ свои руки. Долженъ и знакомства завести, дабы общаться съ наиболѣе просвѣщенными и полезными дворянами уѣзда, а съ прочими—просто не порывать отношеній. И сначала все въ точности исполнялъ, поспѣтилъ даже всѣхъ мелкопомѣстныхъ, даже хуторъ тетушки Слыги Кирилловны, чудовищно-толстой старухи, страдавшей

сонной болѣзнью и чистившей зубы нюхательнымъ табакомъ. Къ осени уже никто не дивился, что Петръ Петровичъ править имѣніемъ единовластно. Да онъ и видъ имѣлъ уже не красавчика-офицера, пріѣхавшаго на побывку, а хозяина, молодого помѣщика. Смущаясь, онъ не заливался такимъ темнымъ румянцемъ, какъ прежде. Онъ выхолился, пополнѣлъ, носилъ дорогіе архалуки, маленькія ноги свои баловалъ красными татарскими туфлями, маленькія руки украшалъ кольцами съ бирюзою. Прекрасные глаза его, къ удивленію всѣхъ, оказались не черными, а карими, какъ и подобаетъ смуглому. Аркадій Петровичъ почему-то стѣснялся смотрѣть въ эти глаза, не зная, о чемъ говорить, первое время во всемъ уступалъ Петру Петровичу и пропадалъ на охотѣ.

На Покровъ Петръ Петровичъ хотѣлъ очаровать всѣхъ до единого своимъ радушіемъ, да и показать, что именно онъ первое лицо въ домѣ. Но ужасно мѣшалъ дѣдушка. Дѣдушка былъ блаженно-счастливъ, но безтактенъ, болтливъ и жалокъ въ своей бархатной шапочкѣ съ мощею и въ новомъ, не въ мѣру широкомъ синемъ казакинѣ, сшитомъ домашнимъ портнымъ. Онъ тоже вообразилъ себя радушнымъ хозяиномъ и суетился съ ранняго утра, устраивая какую-то глупую церемонію изъ пріема гостей. Одна половинка дверей изъ прихожей въ залу никогда не открывалась. Онъ самъ отодвинулъ желѣзныя задвижки и внизу и вверху, самъ придвигалъ стулъ и, весь трясясь, влѣзалъ на него; а, распахнувъ двери, сталъ на порогъ и, пользуясь молчаніемъ Петра Петровича, замиравшаго отъ стыда и злобы, но рѣшившагося все претерпѣть, не сошелъ съ мѣста до пріѣзда послѣдняго гостя. Онъ не сводилъ глазъ съ крыльца, — и на крыльцо пришлось отворить двери, этого тоже будто бы требовалъ какой-то старинный обычай, — топтался отъ волненія, завидя же входящаго, кидался къ нему навстрѣчу, торопливо дѣлалъ па, подпрыгивалъ, кидая ногу за ногу, отвѣшивалъ низкій поклонъ и, захлебываясь, говорилъ всѣмъ, даже незнакомымъ:

— Ну, какъ я радъ! Какъ я радъ! Давненько ко мнѣ не жаловали! Милости прошу, милости прошу!

Бѣсило Петра Петровича и то, что дѣдушка всѣмъ и каждому зачѣмъ-то докладывалъ объ отъѣздѣ Тонечки въ Лунево, къ Ольгѣ Кирилловнѣ. „Тонечка больна тоской, уѣхала къ тетенькѣ на всю осень“ — что могли думать гости послѣ такихъ непрошенныхъ заявленій? Вѣдь исторія съ Войткевичемъ, конечно, уже всѣмъ была извѣстна. Войткевичъ, можетъ статься, и впрямь имѣлъ серьезныя намѣренія, загадочно вздыхая возлѣ Тонечки, игралъ съ ней въ четыре руки,

глухимъ голосомъ читая ей „Людмилу“ или говоря въ мрачной задумчивости: „Ты мертвецу святыней слова обручена...“ Но Тонечка бѣшено вспыхивала при каждой его даже самой невинной попыткѣ выразить свои чувства,—поднести, на-примѣръ, ей цвѣтокъ,—и Войткевичъ внезапно уѣхалъ. Когда же уѣхалъ, Тонечка стала не спать по ночамъ, въ темнотѣ сидѣть возлѣ открытаго окна, точно поджидая какого-то извѣстнаго ей срока, чтобы вдругъ громко зарыдать—и разбудить Петра Петровича. Онъ долго лежалъ, стиснувъ зубы, слушая эти рыданія да мелкій, сонный лепетъ тополей за окнами въ темномъ саду, похожій на непрерывный дождикъ. Затѣмъ шелъ успокаивать. Шли успокаивать и заспанные дѣвки, иногда тревожно прибѣгаль дѣдушка. Тогда Тонечка начинала топать ногами, кричать: „Отвяжитесь отъ меня, враги мои лютые!“—и дѣло кончалось безобразной бранью, чуть не дракой.

— Да пойми же ты, пойми,—бѣшено шипѣлъ Петръ Петровичъ, выгнавъ вонъ дѣвокъ, дѣдушку, захлопнувъ дверь и крѣпко ухватясь за скобку:—пойми, змѣя, чтò могутъ вообразить!

— Ай!—неистово взвизгивала Тонечка. — Папенька, онъ кричитъ, что я брюхата!

И, вцѣпившись себѣ въ голову, Петръ Петровичъ кидался вонъ изъ комнаты.

Вцѣпиться въ голову не разъ хотѣлось и на Покровъ. Да тревожилъ и Герваська: какъ бы не нагрубилъ при какомъ-нибудь неосторожномъ словѣ?

Герваська страшно выросъ. Огромный, нескладный, но и самый видный, самый умный изъ слугъ, онъ тоже былъ наряженъ въ синій казакинъ, такіе же шаровары и мягкіе козловые сапоги безъ каблучковъ. Гарусный лиловый платокъ повязывалъ его тонкую темную шею. Черные, сухіе, крупные волосы онъ причесалъ на косой рядъ, но остричься подъ-польку не пожелалъ—подрубилъ ихъ въ кружокъ. Брить было нечего, только два-три рѣдкихъ и жесткихъ завитка чернѣло на его подбородкѣ и по угламъ большого рта, про который говорили: „ротъ до ушей, хотъ завязочки пришей“. Будылястый, очень широкій въ плоской костлявой груди, съ маленькою головою и глубокими орбитами, тонкими пепельно-синими губами и крупными голубоватыми зубами, онъ, этотъ древній аріецъ, парсъ изъ Суходола, уже получилъ кличку: борзой. Глядя на сго оскаль, слушая его покашливанія, многіе думали: „А скоро ты, борзой, издохнешь!“. Въ слухъ же, не въ примѣръ прочимъ, величали молокососа Гервасіемъ Леонасьевичемъ.

Боялись его и господа. У господъ было въ характерѣ то же, что у холоповъ: или властвовать, или бояться. За дерзкій отвѣтъ дѣдушкѣ въ день пріѣзда Петра Петровича Герваськѣ, къ удивленію дворни, ровно ничего не было. Аркадій Петровичъ сказалъ ему кратко: „Положительно скотина ты, братъ!“—на что и отвѣтъ получилъ очень краткій: „Терпѣть его не могу я, сударь!“. А къ Петру Петровичу Герваська самъ пришелъ: сталъ на порогъ и, по своей манерѣ, развязно осѣвъ на свои несоразмѣрно съ туловищемъ длинныя ноги въ широчайшихъ шароварахъ, угломъ выставивъ лѣвое колѣно, попросилъ, чтобы его выпороли.

— Очень я грубіанъ и горячій, сударь,—сказалъ онъ безразлично, играя черными глазами.

И Петръ Петровичъ, почувствовавъ въ словѣ „горячій“ намекъ, струсилъ.

— Успѣется еще, голубчикъ! Успѣется!—притворно-строго крикнулъ онъ,—Выйди вонъ! Я тебя, дерзкаго, и видѣть не могу.

Герваська постоялъ, помолчалъ. Потомъ сказалъ:

— Есть на то воля ваша.

Постоялъ еще, крутя жесткій волосъ на верхней губѣ, поскалилъ по-собачьи голубоватыя челюсти, не выражая на лицѣ ни одинаго чувства, и вышелъ. Твердо убѣдился онъ съ тѣхъ поръ въ выгудѣ этой манеры—ничего не выражать на лицѣ и быть какъ можно болѣе краткимъ въ отвѣтахъ. А Петръ Петровичъ сталъ не только избѣгать разговоровъ съ нимъ, но даже въ глаза ему смотрѣть.

Такъ же безразлично, загадочно держался Герваська и на Покровъ. Всѣ сбились съ ногъ, готовясь къ празднику, отдавая и принимая распоряженія, ругаясь, споря, моя полы, чисти синѣющимъ мѣломъ темное тяжелое серебро иконъ, поддавая ногами лѣзущихъ въ сѣнцы собакъ, боясь, что не застынетъ желе, что не хватить вилокъ, что пережарятся налевашники, хворостики; одинъ Герваська спокойно ухмылялся и говорилъ бѣсившемуся Казимиру, алкоголику-повару: „Потише, отецъ дьяконъ, подрясникъ лопнетъ!“

— Смотри не папейся,—разсѣянно, волпуясь изъ-за предводителя, сказалъ Герваськѣ Петръ Петровичъ.

— С'отроду не пилъ,—какъ равному кинулъ ему Герваська.—Не антересно.

И потомъ, при гостяхъ, Петръ Петровичъ даже заискивающе кричалъ на весь домъ:

— Гервасій Аѳанасичъ! Не пропадай ты, пожалуйста. Безъ тебя какъ безъ рукъ.

А Герваська вѣжливѣйше и съ достоинствомъ отзывался:

— Не извольте, сударь, беспокоиться. Не посмѣю отлучиться.

Онъ служилъ, какъ никогда. Онъ вполне оправдывалъ слова Петра Петровича, вслухъ говорившаго гостямъ:

— До чего дерзокъ этотъ дылда, вы и представить себѣ не можете! Но положительно умница! Золотыя руки!

Могъ ли онъ предположить, что роняетъ въ чашу именно ту каплю, которая переполнитъ ее? Дѣдушка услыхалъ его слова. Онъ затеребилъ на груди казакинъ и вдругъ черезъ весь столъ закричалъ предводителю:

— Ваше превосходительство! Подайте руку помощи! Какъ къ отцу, прибѣгаю къ вамъ съ жалобой на слугу моего! Вотъ на этого, на этого—на Гервасія Аѳанасьева Куликова! Онъ на каждомъ шагу уничтожаетъ меня! Онъ...

Его прервали, уговорили, успокоили. Взволновался дѣдушка до слезъ, но его стали успокаивать такъ дружно и съ такимъ почтеніемъ, конечно, насмѣшливымъ, что онъ сдался и почувствовалъ себя опять дѣтски-счастливымъ. Герваська стоялъ у стѣны строго, съ опущенными глазами и слегка поворотивъ голову. Дѣдушка видѣлъ, что у этого великана черезчуръ мала голова, что она была бы еще меньше, если бы остричь ее, что затылокъ у него острый, и что особенно много волосъ именно на затылкѣ, — крупныхъ, черныхъ, грубо подрубленныхъ и образующихъ выступъ надъ тонкой шеей. Отъ загара, отъ вѣтра на охотѣ темное лицо Герваськи мѣстами шелушилось, было въ блѣдно-лиловыхъ пятнахъ. И дѣдушка со страхомъ и тревогой кидалъ взгляды на Герваську, но все-таки радостно кричалъ гостямъ:

— Хорошо, я прощаю его! Только за это я не отпущу васъ, дорогіе гости, цѣлыхъ три дня. Ни за что не отпущу! Особливо же прошу, не уѣзжайте на-вечеръ. Какъ дѣло на-вечеръ, я самъ не свой: такая тоска, такая жуть! Тучки заходятъ, въ Трошиномъ лѣсу, говорятъ, опять двухъ французовъ Бонапартишкиныхъ поймали... Я безпремѣнно помру вечеромъ,—попомните мое слово! Мнѣ Мартынъ Задека предсказалъ...

Но умеръ онъ рано утромъ.

Онъ настоялъ-таки: „ради него“ много народу осталось ночевать; весь вечеръ пили чай, варенья было страшно много и все разное, такъ что можно было подходить и пробовать, подходить и пробовать; затѣмъ наставили столовъ, зажгли столько спермацетовыхъ свѣчей, что онѣ отражались во всѣхъ зеркалахъ, и по комнатамъ, полнымъ дыма душистаго жуковского табаку, шума и говора, былъ золотистый блескъ, какъ въ церкви. Главное же, многіе ночевать остались. И, значить,

впереди былъ не только новый веселый день, но и большіа хлопоты, заботы: вѣдь если бы не онъ, не Петръ Кириллычъ, никогда не сошелъ бы такъ отлично праздникъ, никогда не было бы такого оживленнаго и богатаго обѣда!

— Да, да, — волнуясь, думалъ дѣдушка ночью, скинувъ казакинъ и стоя въ своей спальнѣ передъ аналоемъ, передъ зажженными на немъ восковыми свѣчечками, глядя на черный образъ Меркурія. — Да, да, смерть грѣшнику люта... Да не зайдетъ солнце во грѣбъ вашемъ!

Но тутъ онъ вспомнилъ, что хотѣлъ подумать что-то другое; горбясь и шепча пятидесятый псаломъ, прошелся по комнатѣ, поправилъ тлѣвшую на ночномъ столикѣ курительную монашку, взялъ въ руки псалтирь и, развернувъ, снова съ глубокимъ, счастливымъ вздохомъ поднималъ глаза на безглаваго святого. И вдругъ напалъ на то, что хотѣлъ подумать, и засіялъ улыбкой:

— Да, да: есть старикъ — убилъ бы его, нѣтъ старика — купилъ бы его!

Боясь проспать, не распорядиться о чемъ-то, онъ почти не спалъ. А рано утромъ, когда въ комнатахъ, еще не убранныхъ и пахнущихъ табакомъ, стояла та особенная тишина, что бываетъ только послѣ праздника, осторожно, на босу ногу вышелъ онъ въ гостиную, заботливо поднималъ нѣсколько мѣлковъ, валявшихся у раскрытыхъ зеленыхъ столовъ, и слабо ахнулъ отъ восторга, взглянувъ на садъ за стеклянными дверями: на яркій блескъ холодной лазури, на серебро утренняя, покрывшаго и балкона, и перила, и коричневую листву въ голыхъ заросляхъ подъ балкономъ, и далекую крышу бани на окраинѣ сада, среди тополей, листвы еще не потерявшихъ. Онъ отворилъ дверь и потянулъ носомъ: еще горько и спиртуозно пахло изъ кустовъ осеннимъ тлѣніемъ, но этотъ запахъ терялся въ зимней свѣжести. И все было неподвижно, успокоенно, почти торжественно. Чуть показавшееся сзади, за деревней, солнце озаряло вершины картинной аллеи, полуголыхъ, осыпанныхъ рѣдкимъ и мелкимъ золотомъ, бѣлоствольныхъ березъ, и прелестный, радостный, неувовимо-лиловатый тонъ былъ въ этихъ бѣлыхъ съ золотомъ вершинахъ, сквозившихъ на лазури. Пробѣжала собака въ холодной тѣни подъ балкономъ, хрустя по сожженной морозомъ и точно солью осыпанной травѣ. Хрустъ этотъ напомнилъ зиму — и, съ удовольствіемъ передернувъ плечами, дѣдушка вернулся въ гостиную и, затаивая дыханіе, сталъ передвигать, разставлять тяжелую, рычащую по полу мебель, изрѣдка поглядывая въ зеркало, гдѣ отражалось голубое небо. Вдругъ неслышно

и быстро вошелъ Герваська — безъ казакина, заспанный, „злой, какъ чортъ“, какъ онъ самъ же рассказывалъ потомъ.

Онъ вошелъ и строго крикнулъ шопотомъ:

— Тише ты! Чего лѣзешь не въ свое дѣло?

Дѣдушка поднялъ возбужденное лицо и, съ той нѣжностью, которая не покидала его весь вчерашній день и всю ночь, шопотомъ отвѣтилъ:

— Вотъ видишь, какой ты, Гервасій! Я простилъ тебя вчерась, а ты, замѣсто благодарности барину...

— Надоѣлъ ты мнѣ, слюнтяй, хуже осени! — перебилъ Герваська. — Пусти.

Дѣдушка со страхомъ взглянулъ на его затылокъ, еще болѣе выступаващій теперь надъ тонкой шеей, торчавшей изъ ворота бѣлой рубахи, но вспыхнулъ и загородилъ собою ломберный столъ, который хотѣлъ тащить въ уголъ.

— Ты пусти! — мгновеніе подумавъ, негромко крикнулъ онъ. — Это ты должонъ уступить барину. Ты доведешь меня: я тебѣ кинжалъ въ бокъ всажу!

— А! — досадливо сказалъ Герваська, блеснувъ зубами, — и наотмашь ударилъ его въ грудь.

Доска стола была сложена, половина его была открыта. Дѣдушка поскользнулся на гладкомъ дубовомъ полу, взмахнулъ руками — и какъ разъ вискомъ ударился объ острый уголъ.

Увидя кровь, безсмысленно-раскосившіеся глаза и разинутый ротъ, Герваська, самъ не зная, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ, сорвалъ съ еще теплой дѣдушкиной шеи золотой образокъ и ладанку на заношенномъ шнурѣ... оглянулся, сорвалъ и бабушкино обручальное кольцо съ мизинца... Затѣмъ неслышно и быстро вышелъ изъ гостиной — и какъ въ воду канулъ.

Единственнымъ человѣкомъ изъ всего Суходола, видѣвшимъ его послѣ этого, была Наталья.

VII.

Пока жила она въ Сошкахъ, произошло въ Суходолѣ еще два крупныхъ событія: женился Петръ Петровичъ и отправились братья охотниками въ крымскую кампанію.

Вернулась она почти черезъ два года: о ней забыли. И, вернувшись, не узнала Суходола, какъ не узналъ ее и Суходолъ.

Въ тотъ лѣтній вечеръ, когда телѣга, присланная съ барскаго двора, заскрипѣла возлѣ хуторской хаты и Наташка выскочила на порогъ, Евсей Бодуля удивленно воскликнулъ:

— Ужли это ты, Наташка?

— А то кто же? — отвѣтила Наташка съ чуть замѣтной улыбкой.

И Евсей покачалъ головою:

— Добрѣ ты не хороша-то стала!

А стала она только не похожа на прежнюю: изъ стриженной дѣвчонки, круглоликой и ясноглазой, превратилась въ невысокую, но стройную дѣвку, худощавую, но не болѣзненную, сдержанную въ вопросахъ и отвѣтахъ. Она была боса, въ старенькой плахтѣ и вышитой сорочкѣ, хотя покрыта темнымъ платочкомъ по-нашему, немного смугла отъ загара и вся въ мелкихъ веснушкахъ цвѣта проса. А Евсею, истому суходольцу, и темный платокъ, и загаръ, и веснушки, конечно, казались некрасивыми. Да она и сама полагала, что это некрасиво. Однако всякій могъ замѣтить,—по той тонкой улыбкѣ, съ которой было сказано: „а то кто же?“,—что и горда она перемѣнами, совершившимися въ ней, и даже какъ будто довольна, что не хороша.

На пути въ Суходолъ Евсей сказалъ:

— Ну, вотъ, дѣвка, и невѣстой ты стала. Хочется замужъ-то?

Она только головой помотала:

— Нѣтъ, дядя Евсей, никогда не пойду.

— Это съ какой же радости? — спросилъ Евсей и даже трубку изо рта вынулъ.

И не слѣша, полусхута, полусерьезно она пояснила: не всѣмъ же замужемъ быть; отдадутъ ее, вѣрно, барышнѣ, а барышня обрекла себя Богу и, значить, замужъ ее не пустить; да и сны ужъ очень явственные снились ей не разъ...

— Чтò жъ ты видѣла?—спросилъ Евсей.

— Да такъ, пустое,—сказала она.—Напугалъ меня тогда Герваська до-смерти, наговорилъ новостей, раздумалась я... Ну, вотъ и снилось.

— А ужли правда, завтракалъ онъ у васъ, Герваська-то?

Наташка подумала.

— Завтракалъ. Пришелъ и говорить: пришелъ я къ вамъ отъ господъ по большому дѣлу, только дайте сперва поѣсть мнѣ. Ему и накрыли, какъ путному. А онъ наѣлся, вышелъ изъ избы и мнѣ моргнулъ. Я выскочила, онъ разсказалъ мнѣ за угломъ все дочи́ста, да и пошелъ себѣ...

— Да чтò жъ ты хозяевъ-то не кликнула?

— Эко-ся. Онъ убить пригрозилъ. До обѣда не велѣлъ сказывать. А имъ сказалъ,—спать подъ анбаръ иду...

Въ Суходолѣ съ большимъ любопытствомъ глядѣла на нее вся дворня, приставали съ разспросами подруги и сверстницы по дѣвичьей. Но и подругамъ отвѣчала она все такъ же кратко и точно любуясь какой-то ролью, взятой на себя.

— Хорошо было,—повторяла она.

А разъ сказала тономъ богомолки:

— У Бога всего много. Хорошо было.

И просто, безъ промедленийъ вступила въ рабочую, будничную жизнь, какъ бы совсѣмъ не дивясь тому, что нѣтъ дѣдушки, что ушли молодые господа на войну охотниками по доброй своей волѣ, что барышня тронулась и бродить по комнатамъ, подражая дѣдушкѣ, что править Суходоломъ новая, всѣмъ чужая барыня,—маленькая, полная, очень живая, беременная—московская институтка, бывшая гувернантка господъ Черкизовыхъ, а теперь называющая Петра Петровича Петрушей.

Барыня крикнула за обѣдомъ:

— Позовите же сюда эту... какъ ее?.. Наташку.

И Наташка быстро и неслышно вошла, перекрестилась, поклонилась въ уголь, образамъ, потомъ барынѣ и барышнѣ—и стала, ожидая разспросовъ и приказаній. Разспрашивала, конечно, только барыня, — барышня, очень выросшая, похудѣвшая, востроносая, глядя своими неправдоподобно-черными глазами пристально-тупо, ни слова не проронила. Барыня же и опредѣлила ее состоять при барышнѣ. И она поклонилась и просто сказала:

— Слушаю-сь.

Барышня, глядя все такъ же внимательно-равнодушно, внезапно кинулась на нее вечеромъ и, яростно раскосивъ глаза, жестоко и съ наслажденіемъ изорвала ей волосы — за то, что неумѣло дернула съ ея ноги чулокъ. Наташка по-дѣтски заплакала, но смолчала: а, выйдя въ дѣвичью, сѣвъ на коникъ и выбирая вырванные пряди, даже улыбнулась сквозь висѣвшія на рѣсницахъ слезы.

— Ну, люта-а!—сказала она.—Трудно мнѣ будетъ.

Барышня, проспавшись утромъ, долго лежала въ постели, а Наташка стояла у порога и, опустивъ голову, искоса поглядывала на ея блѣдное лицо.

— Чтò жъ видѣла во снѣ?—спросила барышня такъ равнодушно, точно кто-то другой говорилъ за нее.

Она отвѣтила:

— Кажись, ничего-сь.

И тогда барышня, опять такъ же внезапно, какъ вчера, вскочила съ постели, бѣшено запустила въ нее чашку съ чаемъ и, упавъ на постель, горько, съ крикомъ зарыдала. Отъ чашки Наташка увернулась—и вскорѣ научилась увертываться съ необыкновенной ловкостью. Оказалось, что глупымъ дѣвкамъ, отвѣчавшимъ на вопросъ о снахъ: „ничего-сь не видала“ — барышня кричала иногда: „Ну, полги что-ни-

будь!“. Но такъ какъ лгать Наташка была не мастерица, то и пришлось ей развивать въ себѣ другое умѣнье: увертываться.

Наконецъ къ барышнѣ привезли лѣкаря. Лѣкарь опредѣлилъ „опеченіе легкихъ“ и прописалъ много пилюль, много черныхъ капель. Боясь, что ее отравятъ, барышня заставила перепробовать эти пилюли и капли Наташку — и та безъ отказа перепробовала ихъ всѣ подѣрядъ. Вскорѣ послѣ пріѣзда узнала она, что барышня ждала ее „какъ свѣта бѣлаго“: барышня-то и вспомнила о ней — всѣ глаза проглядѣла, не ѣдутъ ли изъ Сошекъ, горячо увѣряла всѣхъ, что будетъ совершенно здорова, освободится отъ всякой боли и тоски, какъ только вернется Наташка. Наташка вернулась — и встрѣчена была совершенно равнодушно. Но не были ли слезы барышни слезами горькаго разочарованія? Не была ли жестокая выдумка заставить пробовать лѣкарства лютой жаждой выздоровленія? У Наташки дрогнуло сердце, когда она сообразила все это. Она вышла въ коридоръ, сѣла на рундукъ и опять заплакала. Плакала она тихо, наслаждаясь своими слезами, подолгу, пристально смотрѣла сквозь слезы куда-то въ одну точку, — подражала бабамъ, а вспоминала зеркальце, свой отъѣздъ въ Сошки, все пережитое тамъ, и опять по-дѣтски косила лицо и принималась чуть слышно голосить.

— Чтò жъ, лучше тебѣ? — спросила барышня, когда она вошла къ ней съ опухшими глазами.

— Лучше-съ, — шопотомъ сказала Наташка, хотя отъ лѣкарствъ у нея замирало сердце и кружилась голова, и, подойдя, горячо поцѣловала руку барышни.

И долго послѣ того ходила съ опущенными рѣсницами, боясь поднять ихъ на барышню, умиленная жалостью и къ ней и къ своему одиночеству.

— У, хохлушка подколодная! — крикнула разъ одна изъ подругъ ея по дѣвичьей, Солошка, чаще всѣхъ пытавшаяся стать наперсницей всѣхъ тайнъ и чувствъ ея и постоянно натывавшаяся на краткіе, простые отвѣты, исключавшіе всякую прелесть дѣвичьей дружбы.

Наташка грустно усмѣхнулась.

— А чтò жъ, — сказала она задумчиво. — И то правда. Съ кѣмъ поведешься, отъ того и наберешься. Я иной разъ по отцу-матери не жалкую такъ-то, какъ по хохламъ своимъ...

Но сказала она неправду. Сошекъ не могла она забыть, многое съ восторгомъ рассказала бы о нихъ, если бы не роль, взятая на себя. Но отцомъ-матерью хохловъ она никогда не считала.

Въ Сошкахъ она сперва совсѣмъ не придавала значенія тому новому, что окружало ее. Приѣхали подъ утро—и страннымъ показалось ей въ это утро только то, что хата очень длинна и бѣла, далеко видна среди окрестныхъ равнинъ, что хохлушка, тощившая печь, поздоровалась привѣтливо, а хохоль не слушалъ Евсея. Евсей молоть безъ умолку—и о господахъ, и о Демьянѣ, и о жарѣ въ пути, и о томъ, что бѣлъ онъ въ городѣ, и о Петрѣ Петровичѣ, и, ужъ, конечно, о зеркальцѣ,—а хохоль, Шарый, или, какъ звали его въ Суходолѣ, Барсукъ, только головой моталъ и вдругъ, когда Евсей смолкъ, разсѣяннo глянулъ на него и превесело занылъ подъ-носъ: „Круть, верть, метелиця“... Потомъ стала она понемногу приходить въ себя—и дивоваться на Сошки, находить въ нихъ все больше прелести и несходства съ Суходоломъ. Одна хата хохлацкая чего стоила—ея бѣлизна, ея ладная, ровная, очеретяная крыша! Какъ богато казалось въ этой хатѣ внутреннее убранство по сравненію съ неряшливымъ убожествомъ суходольскихъ избъ! Какіе дорогіе фольговые образа висѣли въ углу ея, что за дивные бумажные цвѣты окружали ихъ, какъ красиво пестрѣли полотенца, висѣвшія надъ ними! А узорчатая скатерть на столѣ! А ряды сизыхъ горшковъ и махоточекъ на полкахъ возлѣ печи!.. Но удивительнѣе всего были хозяева.

Чѣмъ они удивительны, она не совсѣмъ понимала, но чувствовала постоянно. Никогда еще не видала она такихъ опрятныхъ, спокойныхъ и ладныхъ мужиковъ, какъ Шарый. Былъ онъ невысокъ, голову имѣлъ клиномъ, стриженую, въ густомъ крѣпкомъ серебрѣ, усы,—онъ только усы носилъ,—тоже серебряные, узкіе, татарскіе, лицо и шею черныя отъ загара, въ глубокихъ морщинахъ, но тоже какихъ-то ладныхъ, опредѣленныхъ, нужныхъ почему-то. Ходилъ онъ неловко, — тяжелы были его сапоги, — въ сапоги заправлялъ портки изъ грубаго бѣленаго холста, въ портки — такую же рубаху, широкую подъ мышками, съ отложнымъ воротомъ. На ходу гнулся слегка. Но ни эта манера, ни морщины, ни сѣдины не старили его: не было ни усталости нашей ни вялости въ его лицѣ; небольшіе глаза глядѣли остро, тонко-насмѣшливо. Старика-серба, откуда-то заходившаго однажды въ Суходолъ съ мальчикомъ, игравшимъ на скрипкѣ, напомнилъ онъ Наташкѣ.

А хохлушку Марину суходольцы прозвали Копьемъ. Стройна была эта высокая пятидесятилѣтняя женщина. Желтоватый загаръ ровно покрывалъ гладкую, не суходольскую кожу ея широкоскулага лица, грубоватаго, по почти краси-

ваго своею прямою и строгою живостью глазъ—не то агатовыхъ, не то янтарно-сѣрыхъ, мѣнявшихся, какъ у кошки. Высокимъ тюрбаномъ лежалъ на ея головѣ большой черно-золотой, въ красномъ горошкѣ, платокъ; черная короткая плахта, рѣзко оттѣнявшая бѣлизну сорочки, плотно облегалла удлиненныя, почти дѣвичьи формы. Обувалась она на босу ногу въ башмаки съ подковками, голыя берцы ея были тонки, но округлы, стали отъ солнца какъ полированное желто-коричневое дерево. И когда она порою пѣла за работой, сдвинувъ брови, сильнымъ груднымъ голосомъ, пѣсню объ осадѣ невѣрными Почаева, о томъ—

Як зійшла зоря вечірова
Та над Почаевом стала,

какъ сама Божья Матерь святой монастырь „рятувала“, въ голосѣ ея было столько безнадежности, завыванія, чего-то церковнаго, но вмѣстѣ съ тѣмъ столько величія, силы, угрозы, что Наташка не спускала въ жуткомъ восторгѣ глазъ съ нея.

Дѣтей хохлы не имѣли; Наташка была сирота. И, живи она у суходольцевъ, звали бы ее дочкой приѣмной, а порой и воровкой, то жалѣли бы ее, то глаза кололи. А хохлы были почти холодны, но ровны въ обращеніи, совсѣмъ не любопытны и не многорѣчивы. Осенью пригоняли на косьбу, на молотьбу калужскихъ бабъ и дѣвокъ, которыхъ звали за ихъ пестрые сарафаны „распошонками“. Тогда на хуторѣ было шумно, говоръ стоялъ немолчный. Но распошонокъ она чуждалась: слыли онѣ распутными, дурноболѣзными, были грудасты, охальны и дерзки, ругались скверно и съ наслажденіемъ, прибаутками такъ и сыпали, на лошадь садились по-мужичьи, скакали какъ угорѣлыя. Разсѣялось бы ея горе въ привычномъ быту, въ откровенностяхъ, въ слезахъ и пѣсняхъ. Да не въ ладъ съ другими шли ея пѣсни. Распошонки затягивали свои грубыми голосами, подхватывали ихъ не въ мѣру дружно и зычно, съ еканьемъ и свистомъ. Шарый пѣлъ только насмѣшливо-плясовое что-то. А Марина въ своихъ пѣсняхъ, даже любовныхъ, была строга, горда и задумчиво-сумрачна.

В кінці греблі шумлять верби,
Що я посадила,—

тоскливо-протяжно рассказывала она—и прибавляла, понижая голосъ, твердо и безнадежно:

Нема того,
Кого я любила

А что знала Наташка? Что осталось въ Суходолѣ отъ выродившейся, измельчавшей въ немъ славянской пѣсни? Только жалобы на судьбу, на батюшку съ матушкой, что „неволей за немилаго замужъ отдають—къ лютому свекру, къ лютой свекрови, къ лютымъ невѣсткамъ“, или несмѣлые укоры тому, кто наболталъ да кинулъ:

Не вчера ли при народѣ
Называлъ меня своей?

И къ одиночеству, въ глуши, медленно испила она первую, горькую-сладкую отраву нераздѣленной любви, перестрадала свой стыдъ, ревность, страшные и милые сны, часто снившіеся ей по ночамъ, несбыточные мечты и ожиданія, долго томившія ее въ молчаливые степные дни. Часто жгучая обида смѣнялась въ ея сердцѣ нѣжностью, страсть и отчаяніе—покорностью, желаніемъ самаго скромнаго, незамѣтнаго существованія близъ него, любви, навѣки скрытой ото всѣхъ и ничего не ждущей, ничего не требующей. Вѣсти, новости, доходившія изъ Суходола, отрезвляли. Но не было долго вѣстей, не было ощущенія будничной суходольской жизни—и начиналъ казаться Суходоль такимъ прекраснымъ, такимъ желаннымъ, что не хватало силъ терпѣть одиночество и горе... Вдругъ явился Герваська. Онъ торопливо-рѣзко выкинулъ ей всѣ суходольскія новости, въ полчаса рассказалъ то, чего другой не сумѣлъ бы и въ день рассказать,—вплоть до того, какъ онъ на-смерть „толконулъ“ дѣда, и твердо сказалъ:

— Ну, а теперь прощай до-вѣку!

Онъ, прожитая ее, ошеломленную, своими глазищами, крикнулъ, выходя на дорогу:

— А дурь изъ головы пора вонъ выбить! Онъ вотъ-вотъ женится, ты ему и въ любовницы не годишься... Образумься!

И она образумилась. Пережила страшныя новости, пришла въ себя—и образумилась.

Дни потянулись послѣ того мѣрно, скучно, какъ тѣ богомолки, что шли и шли по шоссе мимо хутора, вели, отдыхая, долгія бесѣды съ ней, учили терпѣнію да надеждѣ на Господа Бога, имя котораго произносилось тупо, жалобно, а пуще всего правилу: не думать.

— Думай, не думай—по-нашему не будетъ,—говорили богомолки, перевязывая лапти, морща измученныя лица и расслабленно глядя въ степную даль.—У Господа Бога всего много... Сорви-ка ты намъ, дѣушка, лучку украдкой...

А инныя, какъ водится, и стращали—грѣхами, тѣмъ свѣтомъ, сулили еще и не такіе бѣды и страхи. И однажды приснилось ей чуть не подъ-рядъ два ужасныхъ сна. Все ду-

мала она о Суходолѣ,—трудно было сначала не думать-то!—думала о барышнѣ, о дѣдушкѣ, о своемъ будущемъ, гадала, выйдетъ ли она замужъ, и если выйдетъ, то когда, за кого... Думы такъ незамѣтно перешли однажды въ сонъ, что совершенно явственно увидала она предвѣчернее время знойнаго, пыльнаго, тревожно-вѣтреннаго дня и то, что бѣжитъ она на прудъ съ ведрами—и вдругъ видитъ на глинисто-сухомъ косогорѣ безобразнаго, головастаго мужика-карлика въ разбитыхъ сапогахъ, безъ шапки, со всклооченными вѣтромъ рыжими кудлами, въ распоясанной, развѣвающейся огненно-красной рубахѣ. — „Дѣдушка! — крикнула она въ тревогѣ и ужасѣ. — Ай пожаръ?“ — „До шпенту все слетитъ сейчасъ! — тоже крикомъ, заглушаемымъ горячимъ вѣтромъ, отозвался карликъ. — Туча идетъ несказанная! И думать не моги замужъ собираться!..“ А другой сонъ былъ и того страшнѣе: стояла она будто бы въ полдень въ жаркой пустой избѣ, припѣртая кѣмъ-то снаружи, замирала, ждала чего-то — и вотъ выпрыгнулъ изъ-за печки громадный сѣрый козелъ, вскинулся на дыбы—и прямо къ ней, непристойно возбужденный, съ горящими, какъ уголья, радостно-бѣшеными и молящими глазами. „Я твой женихъ!“ — крикнулъ онъ человѣчьимъ голосомъ, быстро и неловко подбѣгая, мелко топоча маленькими задними копытцами—и съ размаху упалъ ей на грудь передними...

Вскакивая послѣ такихъ сновъ на своей постели въ сѣнахъ, чуть не умирала она отъ сердцебіенія, отъ страха темноты и мысли, что не къ кому кинуться ей.

— Господи Иисусе,—скороговоркой шептала она.—Матушка Царица Небесная! Угодники Божіи!

Но отъ того, что всѣ угодники представлялись ей коричневыми и безглавыми, какъ Меркурій, дѣлалось еще страшнѣе.

Когда же стала она обдумывать сны, то въ голову стало приходить, что дѣвичьи годы ея кончены, что судьба ея уже опредѣлилась,—недаромъ выпало ей на долю нѣчто необычное, любовь къ барину!—что ждутъ ее еще какія-то испытанія, что надо подражать хохламъ въ сдержанности, а богомолкамъ—въ простотѣ и смиреніи. И такъ какъ любятъ суходольцы играть роли, внушать себѣ непреложность того, что будто бы должно быть, хотя сами же они и выдумываютъ это должное, то взяла на себя роль и Наташка.

VIII.

У нея ноги отяжелѣли отъ радости, когда, выскочивъ на порогъ наханунѣ Петрова дня, поняла она, что Бѣдуля—за

нею, когда увидала она запыленную, растрепанную суходольскую телѣгу, увидала рваную шапку на лохматой головѣ Бодули, его выцвѣтшую на солнцѣ путаную бороду, его лицо, усталое и возбужденное, до времени состарившееся и безобразное, даже непонятное какое-то въ убожествѣ и несоразмѣрности чертъ, увидала знакомаго кобеля, тоже лохматаго, имѣющаго какое-то сходство не только съ Бодулей, но со всѣмъ Суходоломъ, — мутно-сѣраго на спинѣ, а спереди, съ груди, съ густо-опушенной шеи, точно прокопченнаго темнымъ дымомъ курной избы. Но Бодуля удивился—и она овладѣла собою, почувствовала гордость, вошла въ роль. Бодуля плелъ, что въ голову влѣзетъ, о войнѣ, то какъ будто радовался ей, то сокрушался, и Наташка разсудительно говорила:

— Что жъ, видно, надобно окоротить ихъ, французовъ-то...

Весь долгій день на пути къ Суходолу прошелъ въ жуткомъ ощущеніи—смотрѣть новыми глазами на старое, знакомое, переживать, приближаясь къ родному углу, прежнюю самое себя, замѣчать перемѣны, узнавать встрѣчныхъ. При поворотѣ въ Суходоль съ большой дороги, на парахъ, заросшихъ сергибусомъ, бѣгалъ третьякъ жеребенокъ: мальчишка, ставъ на веревочный поводъ босой ногой, уцѣпился за шею жеребенка и силился закинуть другую на спину, а жеребенокъ не давался, бѣгалъ, трясъ его. И Наташка радостно взволновалась, признавъ въ мальчишкѣ Оомку Пантюхина. Повстрѣчался столѣтній Назарушка, сидѣвшій въ пустой телѣгѣ уже не по-мужичьи, а по-бабьи, — съ прямо вытянутыми ногами, — съ напряженно, высоко и слабосильно поднятыми плечами, съ безцвѣтными, жалко-грустными глазами, исхудѣвшій до того, что „нечего въ гробъ положить“, безъ шапки и въ длинной ветхой рубахѣ, сизой отъ золы, отъ постоянного лежанія въ печкѣ. И опять содрогнулось сердце, — вспомнилось, какъ года три тому назадъ добрейшій и беззаботнѣйшій Аркадій Петровичъ хотѣлъ пороть этого Назарушку, пойманнаго на огородѣ съ хвостикомъ рѣдьки и плакавшаго среди дворни, окружившей его, еле живого отъ страха, и съ хохотомъ кричавшей:

— Нѣтъ, дѣдъ, не калянся; видно, ужъ придется подгузники скидавать! Не минуешь!

А какъ забилося сердце, когда увидала она выгонъ, рядъ избъ—и усадьбу: садъ, высокую крышу дома, заднія стѣны людскихъ, амбаровъ, конюшенъ. Желтое ржаное поле, полное васильковъ, вплотную подходило къ этимъ стѣнамъ, къ бурьянамъ, татаркамъ; чей-то бѣлый въ коричневыхъ

пятнахъ теленокъ топуль среди овсовъ, стоялъ въ нихъ, обѣдая кисти. Все вокругъ было мирно, просто, обычно—все необычнѣе, все тревожнѣе становились только въ ея умѣ, который и совсѣмъ помутился, когда шибко покатила телѣга по широкому двору, бѣлѣвшему спящими борзыми, какъ погостъ камнями, когда, впервые послѣ двухлѣтняго пребыванія въ избѣ, вошла она въ прохладный домъ, такъ знакомо пахнуцій восковыми свѣчами, липовымъ цвѣтомъ, буфетной, казацкимъ сѣдломъ Аркадія Петровича, валявшимся на лавкѣ въ прихожей, опустѣвшими перепелиными клѣтками, висѣвшими надъ окномъ,—и робко взглянула на Меркурія, перенесеннаго изъ дѣдушкиныхъ покоевъ въ уголь прихожей...

Цопрежнему весело озаренъ былъ сумрачный залъ солнцемъ, свѣтившимъ изъ сада въ маленькія окна. Цыпленокъ, неизвѣстно зачѣмъ попавшій въ домъ, сиротливо пищаль, бродя по гостиной. Липовый цвѣтъ сохъ и благоухаль на горячихъ, яркихъ подоконникахъ... Казалось,—все старое, что окружало ее, помолодѣло, какъ всегда бываетъ это въ домахъ послѣ покойника. Во всемъ, во всемъ—и особенно въ запахѣ цвѣтовъ—чувствовалась часть ея собственной души, ея дѣтства, отрочества, первой любви. И жаль было выросшихъ, умершихъ, измѣнившихся—самое себя, барышню. Выросли ея сверстники и сверстницы. Многіе старики и старухи, качавшіе отъ дряхлости головами и порою тупо выглядывавшіе съ пороговъ людскихъ на міръ Божій, навсегда исчезли изъ этого міра. Исчезла Дарья Устиновна. Исчезъ дѣдушка, такъ по-дѣтски боявшійся смерти, думавшій, что смерть будетъ овладѣвать имъ медленно, приуготовляя его къ страшному часу, и такъ неожиданно, молніеносно скошенный ея косою. И не вѣрилось, что нѣтъ его, что подъ могильнымъ бугромъ возлѣ церкви села Черкизова истлѣлъ именно онъ. Не вѣрилось, что эта черная, худая, востроносая женщина, то равнодушная, то бѣшеная, то тревожно-болтливая и откровенная съ ней, какъ съ равной, то вырывающая ей волосы,—барышня Тонечка. Непонятно было, почему хозяйствуетъ въ домѣ какая-то Клавдія Марковна, маленькая, крикливая, съ черными усиками... Разъ робко заглянула Наташка въ ея спальню, увидала роковое зеркальце въ серебряной оправѣ—и сладостно прихлынули къ ея сердцу всѣ ея прежніе страхи, радости, нѣжность, ожиданіе стыда и счастья, запахъ росистыхъ лопуховъ на вечерней зарѣ... Но всѣ чувства, всѣ помыслы затаивала она въ себѣ—и все укрощала, все успокоивала словами богомолковъ, казавшимися ей верхомъ мудрости: „у Бога всего много“... Старая, старая суходольская кровь текла въ ней!

Слишкомъ прѣсный хлѣбъ ѣла она съ того суглинка, что окружалъ Суходоль. Слишкомъ прѣсную воду пила изъ тѣхъ прудовъ, что изрыли ея дѣды въ руслѣ изсякнувшей рѣчки. Ни плети ни дыбы не боялась она; боялась только быть осмѣянной. Не пугали ее изнуряющіе будни—пугало необычное. Не страшила даже смерть; но въ трепетъ приводили сны, ночная темнота, буря, громъ и — огонь. Какъ ребенка подъ сердцемъ, носила она смутное ожиданіе какихъ-то неминуемыхъ бѣдъ. И онѣ пришли, пришли даже черезчуръ скоро, нарушили будни—и уже навсегда уступили имъ мѣсто.

Это ожиданіе старило ее. Да и неустанно внушала она себѣ, что молодость миновала, во всемъ искала доказательства тому. И не сровнялось года съ пріѣзда ея въ Суходоль, какъ уже слѣда не осталось отъ того молодого чувства, съ которымъ перешагнула она порогъ суходольскаго дома.

Родила Клавдія Марковна. Ѳедосью-птичницу произвели въ няньки — и Ѳедосья, женщина еще молодая, надѣла темное старушечье платье, стала смиренной, богобоязненной. Еще едва тарашилъ молочные безсмысленные глазки, пускалъ пузырями слюну, беспомощно падалъ впередъ, одолѣваемый тяжестью собственной головы, и свирѣпо оралъ новый Хрущевъ. А его уже называли барчукомъ,—уже слышались изъ дѣтской старья, старья причитанія:

— Вонъ онъ, вонъ онъ, старикъ-то съ мѣшкомъ... Старикъ, старикъ! Не ходи къ намъ, мы не дадимъ тебѣ барчука, онъ не будетъ кричать...

И Наташка подражала Ѳедосьѣ, считая себя тоже нянькой—нянькой и подругой больной барышни. Зимой умерла Ольга Кирилловна—и она выпросилась ѣхать со старухами, доживавшими свой вѣкъ въ людскихъ, на похороны, ѣла тамъ кутью, которая внушала ей отвращеніе своимъ прѣснымъ и приторнымъ вкусомъ, а воротясь въ Суходоль, съ умиленіемъ рассказывала, что лежала барыня „почесть совсѣмъ какъ живая“, хотя даже старухи не рѣшались глядѣть на гробъ съ этимъ чудовищнымъ тѣломъ.

А весной привозили къ барышнѣ колдуна изъ села Чермашного, знаменитаго Клима Ерохина, благообразнаго, богатаго однодворца, съ сивой большой бородой, съ сивыми кудрями, расчесанными на прямой рядъ, очень дѣльнаго хозяина и очень разумнаго, простого въ рѣчахъ обычно, но преобразившагося въ волхва возлѣ болящихъ. На рѣдкость крѣпка и опрятна была его одежда—поддевка изъ сермяги желѣзнаго цвѣта, красная подпояска, сапоги. Хитры и зорки были его маленькіе глаза, истово искалъ онъ ими образа, осторожно,

немного согнувъ свой ладный станъ, входилъ онъ въ домъ, дѣловито начиналъ разговоръ. Говорилъ онъ сперва о хлѣбахъ, о дождяхъ и засухѣ, потомъ долго, аккуратно пилъ чай, потомъ опять крестился — и уже послѣ всего этого, сразу мѣняя тонъ, спрашивалъ о болящемъ.

— Зорька... темнѣетъ... пора, — говорилъ онъ таинственно.

Барышню била лихорадка, она готова была покатиться въ судорогахъ на полъ, когда, сидя въ сумеркахъ въ спальнѣ, ожидала она появленія на порогѣ Клима. Съ ногъ до головы была охвачена жутью и Наталья, стоявшая возлѣ нея. Стихалъ весь домъ, — даже барыня набивала дѣвками свою комнату и разговаривала шопотомъ. Ни единого огня не смѣлъ никто зажечь, ни единого голоса возвысить. У веселой Солошки, дежурившей въ коридорѣ, — на случай зова, приказаній Клима, — мутилось въ глазахъ и колотилось въ горлѣ сердце. И вотъ онъ проходилъ мимо нея, развязывая на ходу платочекъ съ какими-то колдовскими косточками. Затѣмъ изъ спальни раздавался въ гробовой тишинѣ его громкій, необычный голосъ:

— Встань, раба Божія!

Затѣмъ показывалась его сивая голова изъ-за двери.

— Доску, — кидалъ онъ безжизненно.

И на доску, положенную на полъ, ставили барышню, съ выкатившимися отъ ужаса глазами, похолодѣвшую, какъ покойникъ. Уже такъ темно было, что едва различала Наталья лицо Клима. И вдругъ онъ зачиналъ страннымъ, отдаленнымъ какимъ-то голосомъ:

— Взойдетъ Филать... Окна откроетъ... Двери растворить... Кликнетъ и скажетъ: тоска, тоска!

— Тоска, тоска! — восклицалъ онъ съ внезапной силой и грозной властью. — Ты иди, тоска, во темны лѣса — тамъ твои мяста! На морѣ, на окіянѣ, — бормоталъ онъ глухой зловѣщей скороговоркой: — на морѣ, на окіянѣ, на островѣ Буянѣ лежитъ сучнища, на ей сѣрая рунища...

И чувствовала Наталья, что нѣтъ и не можетъ быть болѣе ужасныхъ словъ, чѣмъ эти, сразу переносящія всю ея душу куда-то на край дикаго, сказочнаго, первобытно-грубаго міра. И нельзя было не вѣрить въ силу ихъ, какъ не могъ не вѣрить въ нее и сѣмъ Климъ, дѣлавшій порою прямо чудеса надъ одержимыми недугомъ, — тотъ же Климъ, что такъ просто и скромно говорилъ, сидя послѣ волхвованія въ прихожей, вытирая потный лобъ платочкомъ и опять принимаясь за чай:

— Ну, теперь еще двѣ зорьки осталось... Авось, Богъ

дасть, полегчаетъ маленько... Сѣяли гречишку-то въ нонѣшнемъ годѣ, сударыня? Хороши, говорятъ, нойче гречихи! Дюже хороши!

Лѣтомъ ждали изъ Крыма хозяевъ. Но прислалъ Аркадій Петровичъ „страховое“ письмо съ новымъ требованіемъ денегъ и вѣстью, что раньше начала осени нельзя имъ вернуться—по причинѣ небольшой, но требующей долгаго покоя раны Петра Петровича. Послали къ пророчицѣ Даниловнѣ въ Черкизово спросить, благополучно ли кончится болѣзнь. Даниловна заплясала, защелкала пальцами, что, конечно, означало: благополучно. И барыня успокоилась. А барышнѣ и Натальѣ не до нихъ было. Барышнѣ сперва полегчало. Но съ конца Петровокъ опять началось: опять тоска и такой страхъ грозъ, пожаровъ и еще чего-то, что она затаивала, что не до братьевъ ей было. Не до нихъ стало и Натальѣ. На каждой молитвѣ она поминала Петра Петровича за здравіе, какъ потомъ всю жизнь свою, до гробовой доски, поминала его за упокой. Но барышня была ей уже ближе всѣхъ. И барышня все больше заражала ее своими страхами, ожиданіями бѣдъ и тѣмъ, что держала она втайнѣ.

Лѣто же было знойное, пыльное, вѣтреное, съ каждодневными грозами. По народу бродили темные, тревожные слухи—о какой-то новой войнѣ, о какихъ-то бунтахъ и пожарахъ. Одни говорили, что вотъ-вотъ отойдутъ всѣ мужики на волю, другіе, что, напротивъ, будутъ съ осени забривать въ солдаты всѣхъ мужиковъ поголовно. И, какъ водится, появились въ несмѣтномъ количествѣ бродяги, дурачки, монахи. И барышня чуть не въ драку лѣзла съ барыней изъ-за нихъ, одѣляла ихъ хлѣбомъ, яйцами. Приходилъ Дроня, длинный, рыжій, не въ мѣру оборванный. Былъ онъ просто пьяница, но игралъ блаженнаго. Онъ такъ задумчиво шелъ по двору прямо къ дому, что стучался головой въ стѣну и съ радостнымъ лицомъ отскакивалъ.

— Птушечки мои!—фальцетомъ вскрикивалъ онъ, подпрыгивая, изламывая все тѣло и правую руку, дѣлая изъ нея какъ бы щитокъ отъ солнца.— Полетѣли, полетѣли по поднебесью мои птушечки!..

И Наталья, подражая бабамъ, смотрѣла на него такъ, какъ и полагается смотрѣть на Божьихъ людей: тупо и жалостно. А барышня кидалась къ окну и кричала со слезами, жалкимъ голосомъ:

— Угодниче Божій Дроніе, моли Бога за мя, грѣшную!

И при этомъ крикѣ у Наташки глаза останавливались отъ страшныхъ предположеній.

Ходилъ изъ села Кличина Тимоша Кличинскій: маленькій, женоподобно-жирный, съ большими грудями, съ лицомъ косо-го младенца, одурѣвшаго и задыхающагося отъ полноты, желтоволосый, въ бѣлой коленкоровой рубахѣ и коротенькихъ коленкоровыхъ порточкахъ. Торопливо, мелко и съ носка ступалъ онъ маленькими налитыми ножками, приближаясь къ крыльцу, и узенькіе глазки его смотрѣли такъ, точно изъ воды выскочилъ онъ или спасся отъ неминуемой гибели.

— Бяда!—бормоталъ онъ, задыхаясь.—Бяда...

Его успокаивали, кормили, ждали отъ него чего-то. Но онъ молчалъ, сопѣлъ и жадно чавкалъ. А начавкавшись, опять вскидывалъ мѣшокъ за спину и тревожно искалъ свою длинную палку.

— Когда жъ еще придешь, Тимоша? — кричала ему барышня.

И онъ отзывался тоже крикомъ, нелѣпо-высокимъ альтомъ, зачѣмъ-то коверкая имя барышни:

— О Святой, Лукьяновна!

И жалостно вопила вослѣдъ ему барышня — тономъ, уже близкимъ къ признанію:

— Угодниче Божій! Моли Бога за грѣшную Марію Египетскую!

А прочіе крестились, вздыхали, ибо и впрямь чуть не каждый день приходили отовсюду вѣсти о бѣдахъ — о грозахъ и пожарахъ. И все возрасталъ въ Суходолѣ древній страхъ огня. Чуть только начинало меркнуть песчано-желтое море зрѣющихъ хлѣбовъ подъ заходящей изъ-за усадьбы тучей, чуть только взвивался первый вихрь по выгону и тяжело прокатывался отдаленный громъ, кидались бабы выносить на порогъ темныя дощечки иконъ, готовить горшки молока, которымъ, какъ извѣстно, скорѣе всего усмиряется огонь. А въ усадьбѣ летѣли въ крапиву ножницы, вынималось страшное завѣтное полотенце, завѣшивались окна, зажигались дрожащими руками восковыя свѣчки... Не то притворялась, не то и впрямь заразилась страхомъ даже барыня. Прежде она говорила, что гроза—„явленіе природы“. Теперь она тоже крестилась и жмурилась, вскрикивала при молніяхъ, а чтобы увеличить и свой страхъ и страхъ окружающихъ, все рассказывала о какой-то необыкновенной грозѣ, разразившейся въ 1771-мъ году въ Тиролѣ и сразу убившей сто одиннадцать человѣкъ. А слушательницы подхватывали — торопились рассказать свое: то о ветлѣ, до тла сожженной на большой дорогѣ молніей, то о бабѣ, пришибленной на-дняхъ въ Черкизовѣ громомъ, то о какой-то тройкѣ, столь оглушенной въ

пути, что вся она упала на колѣни... Наконецъ, къ этимъ радѣніямъ пристрѣль нѣкто Юшка, „провиненный монахъ“, какъ онъ называлъ себя.

IX.

Родомъ Юшка былъ мужикъ. Но палецъ о палецъ не ударилъ онъ никогда, а жилъ, гдѣ Богъ пошлетъ, платя за-хлѣбъ, за-соль разсказами о своемъ полнѣйшемъ бездѣльѣ и о своей „провинности“. — „Я, братъ, мужикъ, да уменъ и на горбатаго похожъ, — говорилъ онъ. — Что жъ мнѣ работать!“

И, правда, смотрѣлъ онъ какъ горбунъ — ѣдко и умно, растительности на лицѣ не имѣлъ, плечи, по причинѣ рахитизма грудной кѣтки, держалъ приподнятыми, грызъ ногти; пальцы его, которыми онъ поминутно закидывалъ назадъ длинные красно-бронзовые волосы, были тонки и сильны. Пахать показалось ему „непристойно и скучно“. Вотъ онъ и пошелъ въ Кіевскую лавру, „подрость тамъ“ — и былъ изгнанъ „за провинность“. Тогда, сообразивъ, что прикидываться странникомъ по святымъ мѣстамъ, человѣкомъ, спасающимъ душу, — старо, а можетъ оказаться и неприбыльно, попробовалъ прикинуться иначе: не снимая подрясника, сталъ открыто хвастаться своимъ бездѣльемъ и похотливостью, курить и пить сколько влѣзетъ, — онъ никогда не пьянѣлъ, — издѣваться надъ лаврой и пояснять, за что именно изгнанъ онъ оттуда, при посредствѣ непристойнѣйшихъ жестовъ и тѣлодвиженій.

— Ну, извѣстно, — рассказывалъ онъ мужикамъ, подмигивая: — извѣстно, сейчасъ меня, раба Божья, за это за самое по шеѣ. Я и закатился домой, на Русь... Не пропаду, молъ!

И точно — не пропалъ: Русь приняла его, безстыжаго грѣшника, съ неменьшимъ радушіемъ, чѣмъ спасающихъ души: кормила, поила, пускала ночевать, съ восторгомъ слушала его.

— Такъ и зарекся ты навѣкъ работать? — спрашивали мужики, блестя глазами въ ожиданіи ѣдкихъ откровенностей.

— Чортъ меня теперь заставитъ работать! — отзывался Юшка. — Набалованъ, братъ! Яровить я пуще козла лаврскаго. Дѣвки эти самыя, — мнѣ бабы и даромъ не надобны! — боятся меня до-смерти, а любятъ. Да что жъ! Я и самъ хоть куда: перушкомъ не хорошъ, зато косточкой строенъ!

Явившись въ суходольскую усадьбу, онъ, какъ однодворецъ и человѣкъ бывалый, прямо вошелъ въ домъ, въ прихожую. Тамъ на лавкѣ сидѣла Наташка, напѣвая: „Я мела, млада, сѣнюшки, нашла себѣ сахарцу“... Увидѣвъ его, она въ ужасѣ вскочила.

— Да кто-й-то?—крикнула она.

— Человѣкъ, — отвѣтилъ Юшка, быстро оглядывая ее съ ногъ до головы.—Доложи барынь.

— Кто это?—крикнула и барыня изъ зала.

Но Юшка въ одну минуту успокоилъ ее: сказалъ, что онъ бывшій монахъ, а вовсе не бѣглый солдатъ, какъ она, вѣрно, подумала, что онъ возвращается на родину—и просить обыскать его, а затѣмъ разрѣшить ему переночевать, отдохнуть немного. И такъ поразилъ своей прямою барыню, что на другой же день могъ перебраться въ опустѣвшую съ отъѣзда господъ лакейскую и стать совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ. Шли грозы, а онъ безъ устали забавлялъ хозяекъ разсказами, придумалъ забить слуховыя окна, чтобы обезопасить крышу отъ молній, выбѣгалъ подъ самые страшные удары на крыльцо, чтобы показать, какъ они не страшны, помогалъ дѣвкамъ ставить самовары. Дѣвки косились на него, чувствуя на себѣ его быстрые, похотливые взгляды, но смѣялись его шуткамъ, а Наташка, которую онъ уже не разъ останавливалъ въ темномъ коридорѣ быстрымъ шопотомъ: „влюбился я въ тебя, дѣвка!“ — глазъ не смѣла на него поднять. Онъ былъ и гадою ей запахомъ махорки, пропитавшимъ весь его подрясникъ, и страшенъ, страшенъ.

Она уже твердо знала, что будетъ. Она спала одна, въ коридорѣ, возлѣ двери въ спальню барышни, а Юшка уже отрубилъ ей: „Приду. Хоть зарѣжь, приду. А закричишь—до тла васъ сожгу...“ Но что хуже всего лишало ее силъ, такъ это сознаніе, что совершается нѣчто неминуемое, что близко осуществленіе страшнаго сна ея, что, видно, на роду написано ей погибать вмѣстѣ съ барышней. Уже всѣ понимали теперь: по ночамъ вселяется въ домъ самъ дьяволъ. Всѣ понимали, что именно, помимо грозъ и пожаровъ, съ ума сводило барыню, что заставляло ее сладко и дико стонать во снѣ, а затѣмъ вскакивать съ такими ужасными воплями, передъ которыми ничто самые оглушительные удары грома. Она вопила: „Змій эдемскій, іерусалимскій душишь мя!..“ А кто же этотъ змій, какъ не чортъ, не тотъ сѣрый козелъ, что входитъ по ночамъ къ женщинамъ и дѣвушкамъ? И есть ли что-либо въ мірѣ болѣе страшное, чѣмъ приходы его въ темнотѣ, въ ненастныя ночи съ немолчными перекатами грома и отблесками молній по чернымъ иконамъ? Та страсть, та похоть, съ которой шепталъ Наташкѣ проходимецъ, была тоже нечеловѣческая: какъ же можно было противиться ей? Думая о своемъ роковомъ, неминуемомъ часѣ,

сидя ночью на полу въ коридорѣ, на своей попонкѣ, и съ бьющимся сердцемъ вглядываясь въ темноту, прислушиваясь къ каждому малѣйшему треску и шороху въ спящемъ домѣ, уже чувствовала она первые приступы той тяжелой болѣзни, что долго мучила ее въ послѣдствіи: внезапно возникалъ зудъ въ ступнѣ, проходила по ней острая, колючая судорога, гнула, крючила всѣ пальцы къ подошвѣ—и бѣжала, изувѣрски, сладострастно крутя жилы, по ногамъ, по всему тѣлу, вплоть до глотки, до того момента, когда хотѣлось вскрикнуть еще неистовѣе, еще сладостнѣе и мучительнѣе, чѣмъ вскрикивала барышня...

И неминуемое свершилось. Юшка пришелъ—какъ разъ въ страшную ночь конца лѣта, въ ночь подъ Илью Надѣлящаго, древняго огнеметателя. Не было грома въ ту ночь и не было сна у Наташки. Она задремала—и вдругъ, какъ отъ толчка, очнулась. Было самое глухое время—она поняла это своимъ безумно колотившимся сердцемъ. Она вскочила, глянула въ одинъ конецъ коридора, въ другой: со всѣхъ сторонъ вспыхивало, воспламенялось, трепетало и слѣпило золотыми и блѣдно-голубыми сполохами молчаливое, полное огня и таинствъ небо. Въ прихожей поминутно дѣлалось свѣтло, какъ днемъ. Она побѣжала—и остановилась, какъ вкопанная: осиновые бревна, давно лежавшія на дворѣ за окномъ, ослѣпительно блѣзли при вспышкахъ. Она сунулась въ залъ: тамъ было одно окно поднято, слышался ровный шумъ сада, было темнѣе, но тѣмъ ярче сверкалъ огонь за всѣми стеклами, мракомъ заливалось все, но тотчасъ же опять вздрагивало, загоралось то тамъ, то тутъ,—и мелькалъ, росъ, трепеталъ и сквозилъ на огромномъ, то золотомъ, то бѣло-фіолетовомъ небосклонѣ весь садъ своими кружевными вершинами, призраками блѣдно-зеленыхъ березъ и тополей.

— На морѣ, на окіяні, на островѣ Буянѣ...—зашептала она, кидаясь назадъ и чувствуя, что совсѣмъ губить себя колдовскими заклинаніями.—Тамъ лежитъ сучнища, сѣрая рунища...

И лишь только сказала эти первобытно-грозныя слова, какъ увидала, обернувшись, Юшку, съ поднятыми плечами стоявшаго въ двухъ шагахъ отъ нея. Озарило лицо его молніей—блѣдное, съ черными кругами глазъ. Неслышно подбѣжалъ онъ къ ней, быстро обхватилъ ее длинными руками за талію—и, сдавивъ, однимъ махомъ кинулъ сперва на колѣни, потомъ навзничъ, на холодный полъ прихожей...

Пришелъ къ ней Юшка и на слѣдующую ночь. Ходилъ и еще много ночей,—и она, теряя сознаніе отъ ужаса и от-

вращенія, покорно отдавалась ему: и думать не смѣла она ни противиться, ни просить защиты у господъ, у дворни, какъ не смѣла противиться барышня дьяволу, по ночамъ наслаждавшемуся ею, какъ, говорятъ, не смѣла противиться даже сама бабушка, властная красавица, своему дворовому Ткачу, отчаянному негодяю и вору, сосланному въ концѣ концовъ въ Сибирь, на поселеніе... Наконецъ наскучила Наталья Юшкѣ, наскучилъ ему и Суходоль—и онъ такъ же внезапно исчезъ, какъ внезапно и явился.

Черезъ мѣсяцъ послѣ того она почувствовала себя матерью. А въ сентябрѣ, на другой день по возвращеніи молодыхъ господъ съ войны, загорѣлся и долго, страшно пылалъ суходольскій домъ: исполнилось и второе ея сновидѣніе. Загорѣлся онъ въ сумерки, въ проливной дождь, отъ молніи, отъ золотого клубка, который, какъ говорила Солошка, выскочилъ изъ печки въ дѣдушкиной спальнѣ и помчался, подпрыгивая, по всѣмъ комнатамъ. А Наталья, которая, увидавъ дымъ и огонь, со всѣхъ ногъ бѣжала отъ бани,—отъ бани, гдѣ она проводила цѣлые дни и ночи въ слезахъ,—разсказывала потомъ, что наткнулась она въ саду на кого-то, одѣтаго въ красный жупанъ и высокую казацкую шапку съ позументомъ: онъ тоже бѣжалъ со всѣхъ ногъ по мокрымъ кустамъ и лопухамъ... Было ли все это или только померещилось, Наталья не могла ручаться. Достоверно только то, что ужасъ, поразившій ее, освободилъ ее отъ будущаго ребенка.

И съ этой осени она поблекла. Жизнь ея вошла въ ту будничную колею, изъ которой она уже не выходила до самаго конца своего. Тетю Тоню свозили къ мощамъ угодника въ Воронежъ. Дьяволъ послѣ того уже не смѣлъ приближаться къ ней; и она успокоилась, стала жить, какъ всѣ,—разстройство ума и души ея сказывалось только въ блескѣ дикихъ глазъ, въ крайней неряшливости, въ бѣшеной раздражительности и тоскѣ при дурной погодѣ. Была съ нею у мощей и Наталья—и тоже обрѣла въ этой поѣздкѣ спокойствіе, разрѣшеніе всего, изъ чего, казалось, уже нѣтъ выхода. Въ какой трепетъ приводила ее одна мысль о встрѣчѣ съ Петромъ Петровичемъ! Какъ ни приготавлилась она къ ней, представить ее себѣ спокойно она была не въ силахъ. А Юшка, а ея позоръ, гибель! Но самая исключительность этой гибели, необычная глубина ея страданій, то роковое, чтò было въ ея несчастіи,—вѣдь недаромъ же почти совпалъ съ нимъ ужасъ пожара!—и паломничество къ угоднику дали ей право просто и спокойно глядѣть въ глаза не только всѣмъ окружающимъ, но даже и Петру Петровичу: самъ Богъ отмѣтилъ ихъ съ

барышней губительнымъ перстомъ Своимъ — имъ ли было бояться людей! Черничкой, смиренной и простой слугой всѣхъ, легкой и чистой, точно послѣ предсмертнаго причастія, вошла она въ суходольскій домъ, возвратясь изъ Воронежа, смѣло подошла къ рукѣ Петра Петровича. И только на мгновенье дрогнуло ея сердце молодо, нѣжно, по-дѣвичьи, когда коснулась она губами его маленькой смуглой руки съ бирюзовымъ перстнемъ...

Буднично стало въ Суходолѣ. Пришли опредѣленные слухи о волѣ—и вызвали даже тревогу и на дворнѣ и въ деревнѣ: что-то будетъ впереди, не хуже ли? Легко сказать—начинать жить по-новому! По-новому жить предстояло и господамъ, а они и по-старому-то не умѣли. Смерть дѣдушки, потомъ война, комета, наводившая ужасъ на всю страну, потомъ пожаръ, потомъ слухи о волѣ—все это быстро измѣнило лица и души господъ, лишило ихъ молодости, беззаботности, прежней вспыльчивости и отходчивости, а дало злобу, скуку, тяжелую придирчивость другъ къ другу: начались „нелады“, какъ говорилъ отецъ, дошло до татарокъ за столомъ... Нужда стала напоминать о настоятельной необходимости поправить какъ-нибудь дѣла, въ конецъ испорченныя Крымомъ, пожаромъ, долгами. А въ хозяйствѣ братья только мѣшали другъ другу. Одинъ былъ нелѣпо-жаденъ, строгъ и подозрителенъ, другой—нелѣпо-щедръ, добръ и довѣрчивъ. Столковавшись кое-какъ, рѣшились они на предпріятіе, долженствовавшее принести большой доходъ: заложили имѣніе и скупили около трехсотъ захудавшихъ лошадей, — собрали ихъ чуть не со всего уѣзда при помощи какого-то Ильи Самсонова, цыгана. Лошадей они хотѣли выправить за зиму и съ барышомъ распродать весной. Но, истребивъ огромное количество муки и соломы, лошади почти всѣ, одна за другою, къ веснѣ поколѣли...

И все росъ раздоръ между братьями. Доходило иногда до того, что они хватались за ножи и ружья. И неизвѣстно, чѣмъ бы все это кончилось, если бы новое несчастіе не свалилось на Суходолъ. Зимой, на четвертый годъ послѣ возвращенія своего изъ Крыма, Петръ Петровичъ уѣхалъ однажды въ Лунево, гдѣ была у него любовница. Онъ прожилъ на хutorѣ двое сутокъ, все время пилъ тамъ, хмельной и домой поѣхалъ. Было очень снѣжно; въ розвальни, покрытыя ковромъ, была запряжена пара лошадей. Петръ Петровичъ приказалъ отстегнуть пристяжную, молодую, горячую лошадь, по брюху тонувшую въ рыхломъ снѣгу, и привязать ее къ розвальнямъ сзади, а самъ легъ, головой къ ней, спать. Наступали туманные, сизыя сумерки. И, засыпая, Петръ Петровичъ крикнулъ

Евсею Бодулѣ, котораго онъ часто бралъ съ собой вмѣсто кучера Васьки Казака, боясь, что Васька убьетъ его, сильно озлобившаго противъ себя дворню побоями,—крикнулъ: „пошелъ!“, и ударилъ Евсея въ спину ногой. И сильный гнѣдой коренникъ, уже мокрый, дымясь и екая селезенкой, понесъ ихъ по тяжелой снѣжной дорогѣ, въ туманную муть глухого поля, навстрѣчу все густѣющей, хмурой зимней ночи... А въ полночь, когда уже мертвымъ сномъ спали всѣ въ Суходолѣ, въ окно прихожей, гдѣ ночевала Наталья, быстро и тревожно застучалъ кто-то. Она вскочила съ лавки, босикомъ выбѣжала на крыльцо. У крыльца смутно темнѣли лошади, розвальни и съ кнутомъ въ рукахъ стоявшій Евсей.

— Бѣда, дѣвка, бѣда,—забормоталъ онъ глухо, странно, какъ во снѣ:—барина лошадь убила... пристяжная... Набѣжала, осунулась и—копытомъ... Все лицо раздавила. Онъ ужъ холодѣть сталъ... Не я, не я, вотъ те Христось, не я!

Молча сойдя съ крыльца, утопая въ снѣгу босыми ногами, Наталья подошла къ розвальнямъ, перекрестилась, упала на колѣни, обхватила ледяную окровавленную голову, стала цѣловать ее и на всю усадьбу кричать дико-радостнымъ крикомъ, задыхаясь отъ рыданій и хохота.

Х.

Когда случилось намъ отдохнуть отъ городовъ въ тихой и нищей глуши Суходола, снова и снова рассказывала Наталья повѣсть своей погибшей жизни. И порою глаза ея темнѣли; останавливались, голосъ переходилъ въ строгій, ладный полушопотъ. И все вспоминался мнѣ грубый образъ святого, висѣвшій въ углу лакейской стараго нашего дома. Обезглавленный, пришелъ святой къ согражданамъ, на рукахъ принесъ свою мертвую голову—во свидѣтельство своего повѣствованія...

Уже исчезали и тѣ немногіе вещественные слѣды прошлаго, что застали мы когда-то въ Суходолѣ. Ни портретовъ, ни писемъ, ни даже простыхъ принадлежностей своего обихода не оставили намъ наши отцы и дѣды. А что и было, погибло въ огнѣ. Долго стоялъ въ прихожей какой-то сундукъ, въ клокахъ задеревянѣвшей и лысой тюленьей кожи, которой былъ обшитъ онъ чуть не сто лѣтъ тому назадъ,—дѣдовскій сундукъ съ выдвижными ящичками изъ корельской березы, набитый обгорѣлыми французскими вокабулами да церковными книгами, до-нѣльзя засаленными, закапанными воскомъ. Потомъ исчезъ и онъ. Изломалась, исчезла и тяжелая мѣбель, что стояла въ залѣ, гостиной... Домъ ветшалъ, осѣдалъ все

болѣе. Всѣ тѣ долгіе годы, что прошли надъ нимъ со времени послѣднихъ событій, здѣсь рассказанныхъ, были для него годами медленнаго умиранія... И все легендарнѣе становилось его прошлое.

Росли суходольцы среди жизни глухой, сумрачной, но все же сложной, имѣвшей подобіе прочнаго быта и благосостоянія. Судя по косности этого быта, судя по приверженности къ нему суходольцевъ, можно было думать, что ему и конца не будетъ. Но податливы, слабы, „жидки на расправу“ были они, потомки степныхъ кочевниковъ! И какъ подъ сохой, идущей по полю, одинъ за другимъ безслѣдно исчезаютъ холмики надъ подземными ходами и норами хомяковъ, такъ же безслѣдно и быстро исчезали на нашихъ глазахъ и гнѣзда суходольскія. И обитатели ихъ гибли, разбѣгались, тѣ же, что кое-какъ уцѣлѣли, кое-какъ и коротали остатокъ дней своихъ. И мы застали уже не бытъ, не жизнь, а лишь воспоминанія о нихъ, полудикую простоту существованія. Все рѣже навѣщали мы съ годами нашъ степной край. И все болѣе чужимъ становился онъ для насъ, все слабѣе чувствовали мы связь съ тѣмъ бытомъ и сословіемъ, изъ коего вышли. Многіе изъ соплеменниковъ нашихъ, какъ и мы, знатны и древни родомъ. Имена наши поминаютъ хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и „мужами именитыми“, ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнѣе, какъ бы твердо говорили мы о нихъ, какъ долго еще держались бы! Не могъ бы потомокъ рыцарей сказать, что за полвѣка почти исчезло съ лица земли цѣлое сословіе, что столько насъ выродилось, сошло съ ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось гдѣ-то! Не могъ бы онъ признаться, какъ признаюсь я, что не имѣемъ мы ни даже малѣйшаго точнаго представленія о жизни не только предковъ нашихъ, но и прадедовъ, что съ каждымъ днемъ все труднѣе становится намъ вообразать даже то, что было полвѣка тому назадъ!

То мѣсто, гдѣ стояла Луневская усадьба, было уже давно распаханно и засѣяно, какъ распахана, засѣяна была земля на мѣстахъ и многихъ другихъ усадьбъ. Суходоль еще кое-какъ держался. Но, вырубивъ послѣднія березы въ саду, по частямъ сбывъ почти всю пахотную землю, покинулъ ее даже самъ хозяинъ ея, сынъ Петра Петровича, — ушелъ на службу, поступилъ кондукторомъ на желѣзную дорогу. И тяжело доживали свои послѣдніе годы старыя обитательницы Суходола — Клавдія Марковна, тѣтя Тоня, Наталья. Смѣнялась весна лѣтомъ, лѣто осенью, осень зимою... Онѣ потеряли счастъ

этимъ смѣнамъ. Онѣ жили воспоминаніями, снами, ссорами, заботами о дневномъ пропитаніи. Лѣтомъ тѣ мѣста, гдѣ прежде широко раскидывалась усадьба, тонули въ мужицкихъ ржахъ: далеко сталъ виденъ домъ, окруженный ими. Кустарникъ, остатокъ сада, такъ одичалъ, что перепела кричали у самаго балкона. Да что лѣто! „Лѣтомъ намъ рай!“—говорили старухи. Долги, тяжки были дождливыя осени, снѣжныя зимы въ Суходолѣ. Холодно, голодно было въ пустомъ разрушающемся домѣ. Заметали его вьюги, насквозь продувалъ морозный сарматскій вѣтеръ. А топить—топили очень рѣдко. По вечерамъ скудно свѣтила изъ оконъ, изъ горницы старой барыни,—единственной жилой горницы,—жестяная лампочка. Барыня, въ очкахъ, въ полушубкѣ и валенкахъ, вязала чулокъ, наклоняясь къ ней. Наталья дремала на холодной лежанкѣ. А барышня, похожая на сибирскаго шамана, сидѣла въ своей избѣ и курила трубку. Когда не бывала тетя въ ссорѣ съ Клавдіей Марковной, ставила Клавдія Марковна лампочку свою не на столъ, а на подоконникъ. И сидѣла тетя Тоня въ странномъ слабомъ полусвѣтѣ, доходившемъ изъ дома во внутренность ея ледяной избы, заставленной обломками старой мебели, заваленной черепками битой посуды, загроможденной рухнувшимъ на-бокъ фортепіано. Такая ледяная была эта изба, что куры, на заботы о которыхъ направлены были всѣ силы тети Тони, отмораживали себѣ лапы, ночуя на этихъ черепкахъ и обломкахъ...

А теперь уже и совсѣмъ пуста суходольская усадьба. Умерли всѣ помянутые въ этой лѣтописи, всѣ сосѣди, всѣ сверстники ихъ. И порою думаешь: да полно, жили ли и на свѣтѣ-то они?

Только на погостахъ чувствуешь, что было такъ; чувствуешь даже жуткую близость къ нимъ. Но и для этого надо сдѣлать усиліе, посидѣть, подумать надъ родной могилой, — если только найдешь ее. Стыдно сказать, а нельзя скрыть: могилъ дѣдушки, бабушки, Петра Петровича мы не знаемъ. Знаемъ только то, что мѣсто ихъ—возлѣ алтаря старенькой церкви въ селѣ Черкизовѣ. Зимой туда не проберешься: тамъ по-поясъ сугробы, изъ которыхъ торчатъ рѣдкіе кресты и верхушки голыхъ кустовъ, прутья. Въ лѣтній день проѣдешь по жаркой, тихой и пустой деревенской улицѣ, привяжешь лошадь у церковной ограды, за которой темно-зеленой стѣной стоятъ, пекутся въ зноѣ елки. За откинутой калиткой, за бѣлой церковью съ ржавымъ куполомъ — цѣлая роща невысокихъ вѣтвистыхъ вязовъ, ясени, лимовъ, всюду тѣнь и прохлада. Долго бродишь по кустамъ, буграмъ и ямамъ,

покрытымъ тонкой кладбищенской травой, по каменнымъ плитамъ, почти упавшимъ въ землю, пористымъ отъ дождей, поросшимъ чернымъ рассыпчатымъ мохомъ... Вотъ два-три желѣзныхъ памятника. Но чьи они? Такъ зелено-золотисты стали они, что уже не прочесть надписей на нихъ. Подъ какими же буграми кости бабушки, дѣдушки? А Богъ вѣдаетъ! Знаешь только одно: вотъ гдѣ-то здѣсь, близко. И сидишь, думаешь, силясь представить себѣ всѣми забытыхъ Хрущевыхъ. И то безконечно далекимъ, то такимъ близкимъ начинаетъ казаться ихъ время. Тогда съ радостью говоришь себѣ:

— Это не трудно, не трудно вообразить. Только надо помнить, что вотъ этотъ покосившійся золоченый крестъ въ синемъ лѣтнемъ небѣ и при нихъ былъ тотъ же... что такъ же желтѣла, зрѣла рожь въ поляхъ, пустыхъ и знойныхъ, а здѣсь была тѣнь, прохлада, кусты... и въ кустахъ этихъ такъ же бродила, паслась вотъ такая же, какъ эта, старая бѣлая кляча съ облѣзлой зеленоватой холкой и розовыми разбитыми копытами.

1911.

ЗАХАРЪ ВОРОБЬЕВЪ.

На-дняхъ умеръ Захаръ Воробьевъ, по прозвищу Мало-лѣтка, изъ Осиновыхъ Дворовъ.

Онъ былъ рыжегато-русь, бородать и настолько выше, крупнѣе обыкновенныхъ людей, что его можно было показывать. Онъ и самъ чувствовалъ себя принадлежащимъ къ какой-то иной породѣ, чѣмъ прочіе люди, и отчасти такъ, какъ взрослый среди дѣтей, держаться съ которыми приходится однако на равной ногѣ. Всю жизнь,—ему было сорокъ лѣтъ,—не покидало его и другое чувство—смутное чувство одиночества: въ старину, сказываютъ, было много такихъ, какъ онъ, да переводится эта порода. „Есть еще одинъ въ родѣ меня, говорилъ онъ порою,—да тотъ далеко, подѣ Задонскомъ“...

Впрочемъ, настроень онъ былъ неизмѣнно превосходно. Здоровъ на рѣдкость. Сложенъ отлично. Онъ былъ бы даже красивъ, если бы не бурый загаръ, не кроваво-вывороченныя нижнія вѣки и не постоянныя слезы, стекломъ стоявшія въ нихъ подѣ большими голубыми глазами. Борода у него была мягкая, густая, чуть волнистая, такъ и хотѣлось потрогать ее. Онъ часто, съ ласковостью гиганта, удивленно улыбался и откидывалъ голову, слегка открывая красную, жаркую пасть, показывая чудесные молодые зубы. И пріятный запахъ шелъ отъ него: ржаной запахъ степняка, смѣшанный съ запахомъ дегтярныхъ, крѣпко кованыхъ сапогъ, съ кислотой вонью дубленаго полушубка и мятнымъ ароматомъ нюхательнаго табаку: онъ не курилъ, а нюхалъ.

Онъ вообще былъ склоненъ къ старинѣ. Воротъ его суровой замашной рубахи, всегда чистой, не застегивался, а завязывался. На пояскѣ висѣли мѣдный гребень и мѣдная копаушка. Лѣтъ до тридцати пяти носилъ онъ лапти. Но под-

росли сыновья, дворъ справился, — и Захаръ сталъ ходить въ сапогахъ. Зимѣ и лѣтѣ не снималъ онъ полушубка и шапки. И полушубокъ остался послѣ него хорошій, совсѣмъ новый. Рукавъ его еще спадалъ съ руки чуть не на полъ-аршина. Зелено-голубые разводы и мелкія нашивки изъ разноцвѣтнаго сафьяна на красиво простроченной груди еще не слиняли. Бурый котикъ, — опушка борта и воротника, — былъ еще остистъ и жѣстокъ. Любилъ Захаръ чистоту и порядокъ, любилъ все новое, прочное.

Умеръ онъ совершенно неожиданно для всѣхъ.

Это случилось въ началѣ августа. Онъ только-что отмахалъ порядочный крюкъ. Изъ Осиновыхъ Дворовъ прошелъ въ Красную Пальну, на судъ съ сосѣдомъ. Изъ Пальны сдѣлалъ верстъ пятнадцать до города: нужно было побывать у барыни Кобылинской, у которой снималъ онъ землю. Изъ города пріѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ село Шипово и пошелъ въ Осиновые Дворы черезъ Жилыя: это еще верстъ десять. Да не то свалило его.

— Чтò? — удивленно и царственно-строго сказалъ бы онъ своимъ бархатнымъ басомъ. — Сорокъ верстъ?

И добродушно-ласково добавилъ бы:

— Чтò ты, малый! Да я ихъ тыщу могу исдѣлать.

Въ Шиповѣ онъ выпилъ — и порядочно: четверть. Былъ первый Спасъ. „Хорошо бы таперь для праздничка выпить маленько“, — шутя сказалъ онъ знакомому, петрищевскому кучеру, проходя по залитому мѣломъ вокзалу, который, какъ всегда лѣтомъ, ремонтировали. — „Чтò жъ не пьешь? Кстати бы и мнѣ поднесъ“, — отвѣтилъ кучеръ. „Не на что, потратился, и такъ въ грузовомъ вагонѣ, съ камнями ѣхалъ“, — сказалъ Захаръ, хотя деньги у него были. Кучеръ подмигнулъ пріятелю, уряднику Голицыну. Пристрялъ шиповскій мужикъ, пьяница Алешка Арчакъ. И всѣ трое, вполголоса переговариваясь, вышли слѣдомъ за Захаромъ изъ вокзала. Захаръ и Алешка пошли пѣшкомъ, кучеръ сѣлъ въ телѣжку, запряженную парой, — онъ выѣзжалъ за Петрищевымъ, да тотъ не пріѣхалъ, — урядникъ на дрожки-бѣгунки. И Алешка тотчасъ же затѣялъ споръ: можетъ ли Захаръ выпить въ часъ четверть?

— А съ закуской? — спросилъ Захаръ, широко шагая по сухой землѣ, изрѣзанной колеями, возлѣ высокой, худой кобылы урядника и порой осаживая внизъ оглоблю, поправляя косившую упряжь.

— Можешь требовать чего угодно, на полтинникъ, — сказалъ кучеръ, человекъ недалекій и низкій по натурѣ, сумрачный, съ свинными глазками.

— А проспоришь,—прибавилъ Алешка, оборванный мужикъ съ переломленнымъ носомъ, промышлявшій сводничествомъ:— а проспоришь, за все втрое отдашь.

— Нехай будя по-вашему,—снисходительно отозвался Захаръ, думая о томъ, чего спросить на закуску.

Ему было скучновато съ этими людьми. Онъ отлично понималъ каждого изъ нихъ: плотва, мелкій народишко! Но на душѣ у него было хорошо эти дни,—какъ всегда, въ сухую погоду, въ концѣ лѣта, да еще и лѣта-то урожайнаго. Онъ не только не усталъ отъ путешествія въ Пальну,—гдѣ дѣло кончилось превосходно, миромъ,—не только не истомился, промучившись въ городской жарѣ двое сутокъ, но даже чувствовалъ подъемъ, приливъ силъ. Ему всѣмъ существомъ своимъ хотѣлось сдѣлать что-нибудь изъ ряда вонъ выходящее. Да что? Выпить четверть — это не Богъ вѣсть какая штука, это не ново... Удивить, оставить въ дуракахъ кучера— не великъ интересъ... Но все-таки на споръ пошелъ Захаръ охотно. И, принявшись за ѣду и питье, сперва наслаждался ѣдой,—ѣсть очень хотѣлось, каждый кусокъ былъ сладокъ,—потомъ своимъ рассказомъ о судѣ.

Былъ четвертый часъ жаркаго, сухого дня; но на сотни верстъ вокругъ села, въ просторѣ желтыхъ полей, покрытыхъ копнами, было уже что-то предосеннее, легкое, ясное. Густая пыль сѣрѣла и лоснилась на шиповской площади, на припекѣ. Площадь отдѣляютъ отъ села дровяные склады, булочная, винная лавка, почтовое отдѣленіе, голубой домъ купца Яковлева съ палисадникомъ при немъ и двѣ лавки его въ особомъ срубѣ на углу. Возлѣ черной лавки ступеньками наваленъ палевый сосновый тесъ. Пахнетъ тутъ смолой, свѣтлая, клейкія капли которой проступаютъ на тесѣ, пылью, колачами, желѣзными крышами и тѣмъ непередаваемымъ, сложнымъ, что присуще сельскимъ лавкамъ. Сидя на нижней ступени теса, Захаръ пилъ, ѣлъ, говорилъ и смотрѣлъ на площадь, на блестяшія подъ солнцемъ рельсы, на шлагбаумъ горбатаго переѣзда и на желтое поле за рельсами. Алешка сидѣлъ рядомъ съ нимъ и тоже закусывалъ—подрукавнымъ хлѣбомъ. Урядникъ—скучный, запыленный человѣкъ съ подстриженными усами, въ обтрепанной шинели съ оранжевыми погонами — урядникъ и кучеръ курили, одинъ на дрожкахъ, другой въ телѣжкѣ. Лошади дремали, терпѣливо ждали, когда прикажутъ имъ трогаться. А Захаръ рассказывалъ.

— Чѣмъ дѣло-то кончилось?—говорилъ онъ.—Да ничѣмъ. Помирились. Я этихъ судовъ, пропади они пропадомъ, с'отроду не знавалъ, ни съ кѣмъ не судился, — Богъ миловалъ.

Мнѣ самъ батюшка-покойникъ заказывалъ эти свары. А тутъ и свара-то вышла пустая. Бабы повздорили, а мы сдуру ввязались...

Онъ уже выпилъ бутылки три — изъ деревяннаго корца, который досталъ на дворѣ Яковлева Алешка; онъ дѣлалъ свое дѣло столь легко, будучи столь увѣреннымъ въ себѣ, что даже не замѣчалъ того, что дѣлалъ. Кучеръ, урядникъ и Алешка были выжидательно возбуждены и изо всѣхъ силъ прикидывались спокойными, хотя душа cadaго изъ нихъ горячо молила Бога, чтобы Захаръ почувствовалъ себя какъ можно сквернѣе и сдался, или хотя бы къ концу четверти упалъ замертво. А онъ только разстегнулъ полушубокъ, чуть сдвинулъ шапку со лба, покраснѣлся. Онъ съѣлъ двѣ таранки, громадный пукъ зеленаго луку и шесть французскихъ хлѣбовъ, съѣлъ съ такимъ вкусомъ и толкомъ, что даже противники его дивились ему, и оживленно, чуть насмѣшливо говорилъ:

— А на судахъ этихъ чудно, пропади они пропадомъ! Я и итить-то туда не хотѣлъ. Слышу — подалъ прошенъе. Ну, подалъ и подалъ, не замай, а я, молъ, не пойду. Только вдругъ прѣзжаетъ въ Пальну начальство, присылаетъ за мной самъ засѣдатель. Ахъ, пропасти на тебѣ нѣту! Ничего не подѣлаешь—надо итить. Взялъ хлѣбушка, поперъ. Жара ужашная, пыль по дорогѣ—какъ пысь, алыни итить горячо. Ну, однако, прихожу. Шелъ дюже поспѣшно, являюсь...

Держа пустѣющую бутылъ подъ мышкой, онъ цѣдилъ въ темный корецъ свѣтлую влагу, наполнялъ его до краевъ и, разгладивъ усы, припадалъ къ ней, пахнувшей остро и сытно, влажными губами; тянулъ же медленно, съ наслажденіемъ, какъ ключевую воду въ жаркій день, а допивъ до дна, кричалъ и, перевернувъ корецъ, вытряхивалъ изъ него послѣднія капельки. Потомъ осторожно ставилъ бутылъ на доску возлѣ себя. Кучеръ не спускалъ съ нея своихъ угрюмыхъ глазъ; урядникъ, уже передвинувшій тайкомъ стрѣлку часовъ на цѣлую четверть впередъ, тревожно переглядывался съ Алешкой. А Захаръ, поставивъ бутылъ, бралъ двѣ-три длинныхъ зеленыхъ стрѣлки лука, ломая, забивалъ ихъ въ большую деревянную солонку, въ крупную сѣрую соль, и пожиралъ съ аппетитнымъ, сочнымъ хрустомъ. Глаза его налились кровью и слезами, казались страшными. Но онъ улыбался, грудной басъ его былъ звученъ, ласковъ, пріятно-насмѣшливъ.

— Ну, являюсь, — говорилъ онъ, прожевывая и раздувая ноздри. — Вижу, на улицѣ вездѣ народъ, подъ лозинкой въ

холодѣ сидитъ засѣдатель въ майскомъ пинжаку, съ русой бородкой, на столикѣ книги усякія, бумаги, а рядомъ, — Захаръ повелъ рукой налѣво, — урядникъ что-й-то записываетъ краснымъ осьмиграннымъ карандашикомъ. Вызываютъ хрестянина Семена Галкина, обуховскаго. „Семень Галкинъ!“ — „Здѣсь“. — „Поди суда“. Подходить; начинаютъ допрашивать. А онъ на урядника и не глядитъ, достаетъ грушу изъ кармана, стоитъ, ѣстъ. Урядникъ приказываетъ: „Кинь грушу!“ Онъ не слухается, доѣдаетъ...

— По мордѣ бы его этой грушой, — сказалъ кучеръ.

— Вѣрно! — подтвердилъ Захаръ, разламывая седьмую, послѣднюю булку.

Урядникъ уныло посмотрѣлъ въ землю.

— Проходить это время, — сказалъ онъ: — довольно ужъ ѣздили по мордамъ-то по нашимъ!

— А вотъ это еще вѣрнѣй! — опять подтвердилъ Захаръ. — Да... Стоитъ и лопаеъ. Обращается засѣдатель къ уряднику. „Вотъ, говоритъ, господинъ урядникъ, этотъ самый хрестянинъ Семень Галкинъ, когда я прошлый разъ съ описью прѣзжалъ, отказался платить по исполнительному листу сорокъ восемь рублей восемь гривенъ, а когда я хотѣлъ описать какой есть его лѣсишко и анбаръ, то, говоритъ, этотъ самый Галкинъ со своими дружьями, двумя братьями Иваномъ и Богданомъ, сѣли на деревья, на бревна эти возлѣ избѣ и не дозволили мнѣ свершить опись. А когда я взошелъ къ ему въ избу, то онъ какъ бы невзначай спросилъ у своей жанѣ, гдѣ тутъ у насъ безменъ, что было сказано про меня, и я это принялъ на свой счетъ, а Богданъ тѣмъ временемъ подошелъ къ окну и съ косою на плечѣ, когда косить ему нечего было, все давно скошено. А какъ я былъ одинъ, то принужденъ былъ удалиться. Вотъ извольте спросить его жану Катерину и мать Оеклу и показанія отъ ней занести въ протоколъ. А еще въ опросный листъ занесите показанье церковнаго старости, хрестянина Оедота Леонова. А еще, что сельскій староста Герасимъ Савельевъ въ этотъ день пропалъ бѣзъ-вѣсти и на мои требованія не явился, а когда я уходилъ отъ Галкина къ Митрію Овчинникову, идѣ былъ мой меринъ, и проходилъ мимо его избѣ, то онъ притравилъ меня кобелемъ, а самъ спрятался за ворота, что я замѣтилъ очень хорошо, и посвистывалъ, да слава Богу, что такъ случилось, что кобель меня не поранилъ, хотъ кидался прямо на грудь, сигалъ какъ бѣшеный, все благодаря Митрію, который выскочилъ съ кнутомъ и тѣмъ меня оградилъ...“

Захаръ, увлекаясь лачностью своего разсказа, точно про-

читалъ послѣднія слова и уже не видѣлъ угрюмыхъ и выжидательныхъ взглядовъ урядника и кучера. Безъ передышки, звучно и твердо передавъ заявленіе засѣдателя, онъ хотѣлъ было продолжать, но Алешка не вытерпѣлъ и крикнулъ:

— Потомъ доскажешь! Пей! Урядникъ, глянь-ка на часы-то.

— Успѣется, успѣется,—отвѣтилъ урядникъ и подмигнулъ Алешкѣ.

Но и этого не замѣтилъ Захаръ.

— Да не гамазись ты, чортъ курносый! — гаркнулъ онъ добродушно.—Дай доказать-то! Я свою время знаю,—выпью, не бойся!

Ноги его твердо стояли на краюшкахъ кованыхъ каблучковъ, — онъ съ гордостью выставилъ сапоги и порою безъ нужды подтягивалъ голенища, — лицо было красно, но еще не пьяно. Преувеличенно-низко раскланявшись съ мужикомъ, проѣхавшимъ мимо въ пустой телѣгѣ и внимательно оглядѣвшимъ его, онъ шумно, черезъ ноздри вздохнулъ, взялъ обѣими руками борты жаркаго полушубка, двинулъ воротъ назадъ и продолжалъ, уже не замѣчая, слушаютъ ли его или нѣтъ, а только наслаждаясь яркостью картины, занявшей его воображеніе, игрой своего ума.

— „Катерина Галкина!“ — громко, грудью говорилъ онъ, изображая всѣхъ въ лицахъ. — „Къ допросу. Подойди поближа!“ Подходить. — „Слышала, что господинъ засѣдатель сказали?“ — „Слышала...“ А сама плачетъ, заикается, ничего толкомъ рассказать не можетъ. „Правда ли, что твой мужъ безменъ про господина засѣдателя упомянулъ?“ — „Я, говорить, этого ничего знать не могу. Хотѣлъ мужъ осты вѣшать“. — „Значить, ты отъ этого отказываешься?“ — „Ничего про эти дѣла не знаю. Оедька всему первый полководецъ. Его опросите,—и дѣло къ развязкѣ, и грѣха меньше“... Кличуть сейчасъ старуху Оеклу. А старуха сухоногая, дерзкая, отвѣчаетъ — ноздри рветъ. „Имушество, говорить, моя, за сына я не плательшица, по правамъ покойнаго мужа всѣмъ владаю, а у сына ничего нѣту, одни портки“. — „А сынъ-то чей же?“ — „Мой“. — „А разъ сынъ твой, и толковать нечего, за неплатежъ имушество отвѣчаетъ. Ступай, не разговаривай, а за дерзкій отвѣтъ посажу тебя въ арестанку на двое сутокъ на-хлѣбъ, на-воду“... Угомонилъ, значить, старуху. Вспрашиваетъ, идѣ церковный титоръ Оедоть Легоновъ? Подходить дочь его Винадорка. „Идѣ отецъ?“ — „Въ клѣти, послѣ обѣдни отдыхаетъ“. — „Бѣги, зови его суда. Скажи, начальство требуетъ...“ А онъ черезъ дворъ живетъ...

— Близко, значитъ?—перебилъ урядникъ и быстро переглянулся съ Алешкой и кучеромъ. — Такъ, такъ... Ну, доказывай, доказывай. Ты, братъ, на удивленіе гораздъ рассказывать!

Онъ говорилъ что попало, лишь бы отвлечь вниманіе Захара,—онъ, вынувъ часы и спрятавъ ихъ между колѣнями, передвигалъ стрѣлку еще на десять минутъ впередъ. И Захаръ, съ просіявшимъ отъ похвалы лицомъ, еще шумнѣе выдохнулъ воздухъ, мотнулъ головой, отсаживая горячій густой мѣхъ полушубка отъ лопатокъ, и загудѣлъ еще выразительнѣе:

— Вѣрно! Слухай же, не перебивай, а то осерчаю... Вижу, лѣзетъ изъ низкой клѣтки приземистый старикъ... Идетъ черезъ дорогу въ избу—безъ шапки, въ розовой новой рубахѣ распояской, и воротъ отъ жары разстегнулъ. А изъ избѣ выходитъ въ новой теплой поддевкѣ, подпоясанъ зеленой подпояской, шапку въ рукахъ несетъ. Подходитъ. Волосы густые, сѣдые, разложены въ родѣ какъ рожки у барана, на обѣ стороны, надъ ушами загибаются. Съ урядникомъ, съ засѣдателемъ—за ручку. (Богатый, видать, старикъ). Пошутукался что-й-то съ ними, показываетъ на Сеньку. Потомъ вынимаетъ большой гаманъ кожаный, сталъ отсчитывать трехрублевки обмороженными култышками... Потомъ Винадорку кличетъ. Приказываетъ самоваръ ставить, зоветъ къ себѣ урядника и засѣдателя чай пить: „Приходите мою охоту посмотрѣть, пчель моихъ, и какую я сабѣ посуду завелъ. А еще кобылку мою гляньте. Ну, ясна, свѣтла, — вся писаная, въ яблокахъ!“... Смѣется, морщится, гнилые корешки въ красномъ ротѣ показываетъ... „Не посмотрѣть, говорить, нельзя, того лошадиный законъ требуетъ. А можетъ, и сторгуемся, про что говорили-то“... И опять смѣется, сипитъ, какъ змѣй. „Можетъ, говорить, почтѣ немножко“... Пошелъ къ избѣ, заскребаешь пыль сапогомъ по дорогѣ—хворситъ...

— Форситъ-то форситъ,—вдругъ опять перебилъ урядникъ, вынимая часы: — а вѣдь пять минутъ всего осталось. Намъ ужъ, видно, все равно, проглотилъ ты наши денежки, а тебѣ теперь однимъ духомъ надо допивать.

Лицо Захара сразу измѣнилось.

— Какъ?—строго крикнулъ онъ.—Да ты брешешь! Ужли цѣльный часъ прошелъ?

— Прошелъ, братъ, прошелъ! — подхватили кучеръ и Алешка.—Допивай, допивай!

Захаръдохнулъ, какъ кузнечный мѣхъ, и закрылъ глаза.

— Стойте!—сказалъ онъ.— Это не ладно. Вы меня обморошничали. Дайте еще сроку полчаса. Главная вещь, я со-

прѣлъ весь. Жара! Атвустъ! Чортъ съ вами, я вамъ лучше самъ бутылку поставлю. А вы мнѣ сроку накинете... Ну, хоть доказать только дайте про этотъ самый судъ! — попротсилъ онъ сумрачно.

— Ага! Покаялся! — крикнулъ кучеръ насмѣшливо. — Жидокъ на расправу!

Захаръ остановилъ на немъ кровавый, тяжелый взглядъ. Потомъ, ни слова не говоря, взялъ бутылъ за горло, до дна опорожнилъ ее, съ краями наполнивъ корецъ, и до дна высосалъ его. И, слегка задохнувшись, грубо сказалъ:

— Ну? Сытъ ты, ай нѣтъ?.. А теперь—буду доказывать!— съ упрямствомъ хмелѣющаго человѣка сказалъ онъ. — Вотъ ты и глянешь, напоилъ ты мене, али у тебя и потроху не хватить на это...

И вдругъ опять повеселѣли страшные глаза его, лицо опять стало важнымъ и добродушнымъ.

— Таперь вы обвязаны слухать! — всей грудью сказалъ онъ и продолжалъ, но уже не такъ складно и хорошо: — Опосля старика этого вызываютъ знахаря, Василь Иванова. Этотъ совсѣмъ худой, въ поддевки сѣрой, виски въ родѣ пенъки и борода клинушкой. И еще пуще старика морщится, — не то отъ солнца, не то отъ хитрости... шатъ его знаетъ. Этотъ, выходитъ, старуху опоилъ. Давалъ ей лѣкарству какую-то, — бываетъ, велѣлъ пить по маленькому стаканчику, а она и возмись глушить его большими стаканами... Вызываютъ его. „Какъ тебя зовутъ?“ — „Былъ Василій“. — „Кто тебѣ далъ праву лѣчить, мерзавецъ?..“ А у нихъ ужъ раньше, конечно, былъ уговоръ: Васька, небось, ужъ сунулъ сотельную имъ. Ну, а при народѣ, извѣстно, надо же для близиру поорать. Вспрашивалъ, спрашивалъ, потомъ опять какъ закричить на него: „Скройся съ глазъ моихъ въ осинникъ!“. Тотъ будто и испужался: шапку поскорѣе на голову — и шмыгъ, шмыгъ, побѣжалъ въ осинникъ... Такъ, значить, дѣло и затерли. Поглядѣлся урядникъ въ зеркальцо, поправилъ саблю, сложилъ свои бумаги... „Ну, говорить, идемъ, что ль, къ старику-то? Очень мнѣ хочется, чтобъ меринъ еще отдохнулъ“. — „А сколько сейчасъ время?“ Вынулъ урядникъ новые часы, селебряные, глянулъ: „Тридцать восемь перваго, говорить, — время петербургская“. — „Ну, пойдѣте, надо его охоту посмотрѣть, старикъ добре гордится“... Поднялись, пошли чай пить. А мужики остались, разсѣлись, какъ вѣроны, на срубленныхъ деревьяхъ возлѣ избѣ, подняли гамъ. Иные говорятъ, что не надо до продажи допускать, иные — что нельзя начальство обижать. Пуще всѣхъ какой-то худой мужикъ

оретъ, сръзался со старикомъ однимъ. Мужикъ кричитъ, что плохо у насъ жить, по чужимъ странамъ и то лучше, киргизу и то способнѣй,—у того, по крайности, степя аграматыя... А старикъ кричитъ, лапить, что у насъ лучше. А мужикъ опять же не подается: „у насъ, говоритъ, дубъ дюже великъ выросъ, да дупло добре широка и нитокъ много выпустилъ“... Чуете, къ чему гнетъ-то? — подмигнулъ Захаръ.

Ему казалось, что онъ могъ бы говорить безъ конца и все занятѣе, все лучше, но, послушавъ его, убѣдившись, что дѣло пропало, свелось только на то, что Захаръ опилъ, обѣлъ ихъ, да еще безъ умолку рассказываетъ чепуху, кучеръ и урядникъ тронули лошадей и уѣхали, оборвавъ его на полсловѣ. Алешка посидѣлъ немного, поподдакивалъ, выпросилъ четыре копейки на табакъ и ушелъ на станцію. И Захаръ, совершенно неудовлетворенный ни количествомъ выпитаго ни собесѣдниками, остался одинъ. Повздыхалъ, помоталъ головой, отодвигая воротъ полушубка, и, чувствуя еще большій, чѣмъ прежде, приливъ силъ и неопредѣленныхъ желаній, поднялся, зашелъ въ винную лавку, купилъ бутылку и зашагалъ по переулку къ выгону, къ церкви, вонъ изъ села.

— У насъ дубъ великъ выросъ, — насмѣшливо и съ удовольствіемъ повторялъ онъ мысленно, чуя въ этихъ словахъ какой-то чудесный намекъ на что-то. — Дубъ выросъ дюже великъ...

Онъ шелъ по пыльной дорогѣ въ открытомъ полѣ, въ необозримомъ пространствѣ неба и желтыхъ полей. Солнце опускалось, но еще пекло. Полушубокъ Захара блестѣлъ. Направо отъ него падала на золотистое пересохшее жнивье большая тѣнь съ сіяніемъ вокругъ головы. Сдвинувъ горячую шапку на затылокъ, заложивъ руки назадъ, подъ полушубокъ, Захаръ твердо ступалъ по твердой подъ слоемъ пыли землѣ, не мигая, какъ орелъ, смотрѣлъ то на солнце, то на широко раскрывшійся послѣ косьбы степной просторъ, похожій на просторъ песчаной пустыни, на раскинутыя по немъ несмѣтныя копны, похожія вдали на гусеницъ, — и по горизонтамъ и по копнамъ мелькали передъ его кровавыми, слезящимися глазами несмѣтные круги—малиновые, фіолетовые и малахитовые. „А все-таки я пьянъ!“ — думалъ онъ, чувствуя, какъ замираетъ и бьетъ въ голову сердце. Но это ничуть не мѣшало ему надѣяться, что еще будетъ нынче что-то необыкновенное. Онъ останавливался, пилъ и закрывалъ глаза. Ахъ, хорошо! Хорошо жить, но только непременно надо сдѣлать что-нибудь удивительное! И опять широко озиралъ горизонты. Онъ смотрѣлъ на небо — и вся душа его, и на-

смѣшная и наивная, полна была жажды подвига. Человѣкъ онъ особенный, онъ твердо зналъ это, но что путнаго сдѣлать онъ на своемъ вѣку, въ чемъ проявить свои силы? Да ни въ чемъ, ни въ чемъ! Старуху пронесъ однажды на рукахъ верстъ пять... Да объ этомъ даже и толковать смѣшно: онъ бы могъ десятокъ такихъ старухъ донести куда угодно!

Воображеніе его, жадное во хмелю до картинъ, требовало работы. Онъ шагаль все шире, твердо рѣшивъ не дать солнцу обогнать себя,—дойти до Жилыхъ раньше, чѣмъ оно сядетъ, — и думаль, думаль... Бутылка подходила къ концу. И онъ чувствовалъ, что необходимо выпить еще маленько— у хромого мѣщанина, сидѣльца въ Жильской винной лавкѣ, на большой дорогѣ. Солнце опускалось; на смѣну ему поднимался съ востока полный мѣсяцъ, блѣдный, какъ облачко, на ровной сухой синевѣ небосклона. Чуть уловимый, по-вечернему душистый дымокъ тянулъ откуда-то въ остывающемъ воздухѣ; оранжево краснѣли лучи, сыпавшіеся слѣва по колкому сквозному жнивью, краснѣла пыль, поднимаемая сапогами Захара; отъ каждой копны, отъ каждой татарки, отъ каждой былинки тянулась тѣнь. „Да нѣтъ, шалишь, не обгонишь!“ — думаль Захаръ, поглядывая на солнце, вытирая потъ со лба и вспоминая то битюга-жеребца, котораго за переднія ноги поднялъ онъ однажды на ярмаркѣ, заспоривъ о силѣ съ мѣщанами, то литой чугунный приводъ, который выволокъ онъ прошлымъ лѣтомъ изъ риги на гумнѣ барина Хомутова, то эту нищую старуху, которую тащилъ онъ на рукахъ, не обращая вниманія на ея страхъ и мольбы отпустить душу на покаяніе. Остановясь, раздвинувъ ноги, отъ которыхъ столбами пала тѣнь на жнивье, Захаръ вынулъ изъ глубокаго кармана полушубка бутылку, глянулъ на нее противъ солнца и весело ухмыльнулся, увидавъ, что и бутылка и водка въ ней зарозовѣли. Закинувъ голову, онъ вылилъ водку въ разинутый ротъ, не касаясь бутылки губами, и хотѣлъ-было запустить ее выше самаго высокаго, самаго легкаго дымчатаго облачка въ глубинѣ неба. Но, подумавъ, удержался:—и такъ не миновать ему нынче скандала съ бабой изъ-за пропитыхъ денегъ!—сунулъ бутылку въ карманъ и опять зашагалъ, съ удовольствіемъ вспоминая старуху.

— Ахъ, расчудесная была старуха! — думаль онъ, глядя широко раскрытыми кроваво-голубыми глазами, полными слезъ, то на солнце, то на сѣрѣющія за дальними копнами избы Жилыхъ.—Непремѣнно надо рассказать о ней сидѣльцу винной лавки! Шелъ онъ недавно по паровому полю. Глядь,—лежить на сухой навозной кучѣ старуха-побирушка и стонетъ.

Быль онъ порядочно выпивши, и, какъ всегда во хмелю, жадно искала душа его подвига — все равно, добраго или злого... даже, пожалуй, скорѣй добраго, чѣмъ злого. „Бабка!—крикнулъ онъ, быстро подходя къ старухѣ. — Ай помираешь? Ай убилъ кто? Чѣмъ передъ кѣмъ провинилась?“ Старуха, — она была вся въ лохмотьяхъ, блѣдное лицо ея было въ запекшейся крови, глаза закрыты, — зашевелилась и застонала. „Да что жъ ты молчишь?—гаркнулъ Захаръ грозно. — Разъ тебе спрашиваютъ, можешь ты мнѣ не отвѣчать? Значить, такъ и будешь лежать? Скотину скоро погонять — баранъ заваляетъ, замучаетъ... Вставай сію минуту!“ Старуха вдругъ заголосила, взглянувъ на него, огромнаго и страшнаго. „Батюшка, не трожь меня! Меня и такъ быкъ закаталъ. Пожалѣй меня, несчастную!“ — „Не могу я тебя пожалѣть! — еще грознѣе заоралъ Захаръ, почувствовавъ вдругъ жалость и нѣжность къ старухѣ. — Вставай, говорятъ тебѣ!“ Старуха приподнялась и тотчасъ же опять упала и заголосила еще пуще. Тогда, не помня себя отъ жалости, Захаръ сгребъ ее въ охапку и почти бѣгомъ помчалъ къ селу. Старуха, обхвативъ обѣими руками его воловью шею, задыхаясь отъ запаха водки, исходившаго отъ него, тряслась на бѣгу, а онъ, боясь заплакать, быстро бормоталъ, стараясь, сколь возможно, смягчить свой басъ: „Да что ты? Ай очумѣла? Чего боишься? Молчи, — говорю тебѣ, молчи, ни объ комъ не думай! Кто тебя обидитъ, стараго человѣка? Обо всемъ забудь!“ — „Не могу, батюшка!—отвѣчала старуха. — Какая моя жизнь? Никакого счастья не вижу себѣ, одна во всемъ свѣтѣ, ни напитковъ ни наѣдковъ сладкихъ отроду не видала...“ — „А я табѣ говорю, не голоси!—говорилъ Захаръ. — Всякій свою стежку топча! У всякаго своя печаль! Копти! — гаркнулъ онъ на все поле, ощутивъ внезапный приливъ бурной радости. — Ёшь солому, а хворсу не теряй! Сейчасъ за мое почтеніе доставлю тебя на хватеру! А за быка за этого тебя драть надо. Чего шатаешься, скитаешься? Зачѣмъ къ стаду лѣзла? Тебѣ надо округъ бабъ находиться. Съ ними ты можешь разговоръ поддержать. А быкъ, онъ, братъ, не помируетъ!“ — „Охъ, постой, — застонала старуха, уже смѣясь сквозь слезы. — Всю душу вытрясь...“ И Захаръ заоралъ еще грознѣй: „Бабка, молчи! А то вотъ шарахну тебя въ ровъ — костей не соберешь!“ И захохоталъ, раскрывая пасть, раскачивая старуху и дѣлая видъ, что хочетъ со всего размаху пустить ее съ косогора...

Спина его была мокра, лицо сизо отъ прилива крови и потно, сердце молотами било въ голову, когда, гордо глянувъ

на мутно-малиновый шаръ, еще не успѣвшій коснуться горизонта, быстро вошелъ онъ въ Жилыя,—двѣ степныя деревни, отдѣленные другъ отъ друга ложиной съ тремя прудами. Въ деревняхъ было мертвенно-тихо. Нигдѣ ни единой души. Ровная блѣдная синева вечерняго неба падо всѣмъ. Далекій лѣсокъ, темнѣющій въ концѣ ложины. Надъ нимъ полный, уже испускающій сіяніе мѣсяцъ. Длинный, голый зеленый выгонъ и рядъ избъ вдоль него. Три огромныхъ зеркала, а между ними двѣ широкихъ навозныхъ плотины съ голыми, сухими ветлами — толстыми стволами и тонкими прутьями сучьевъ. На другомъ боку другой рядъ избъ. И такъ четко все въ этотъ короткій часъ между днемъ и ночью: и контуры сѣрыхъ крышъ, и зелень выгона, и сталь прудовъ. Одинъ, слѣва, чуть розовѣтъ, прочіе—двѣ зеркальныхъ бездны, въ которыхъ точно влитъ отраженный мѣсяцъ и каждый стволъ, каждый сучокъ.

— Фу, пропасти на васъ нѣту!—шумно вздохнулъ Захаръ, приостанавливаясь.—Какъ подошли всѣ!

Ему захотѣлось рывкнуть такъ, чтобы въ ужасѣ высыпалъ на выгоны весь этотъ мелкій народишко, спрятанный по избамъ. „Да нѣтъ, нѣтъ, — подумалъ онъ, мотая головой: — ошалѣлъ я, пьянъ.. Непристойно думаю, пеладно... Домой надо поскорѣй... Домой...“

И вдругъ почувствовалъ такую тяжкую, такую смертельную тоску, смѣшанную со злобой, что даже закрылъ глаза. Лицо его стало котельнаго цвѣта, отдѣлилось отъ русой бороды, уши вспухли отъ прилива крови. Какъ только закрылись его глаза, такъ сейчасъ же запрыгали во тьмѣ передъ нимъ тысячи малахитовыхъ и багряныхъ круговъ, а сердце замерло, оборвалось—и все тѣло мягко ухнуло куда-то въ пропасть. Ахъ, домой бы теперь, да въ ригу, да въ солому—и потонуть въ бездонномъ снѣ! Баба заоретъ? Деньги пропилъ? А тогда расшибить эту бабу въ дребезги — и дѣлу конецъ... И, постоявъ, Захаръ открылъ глаза и, вмѣсто того, чтобы свернуть влѣво, на Осиновыя Дворы, упорно зашагалъ, перейдя плотину, по задворкамъ второй деревни и вышелъ на большую дорогу, къ винной лавкѣ.

О, какая тоска была на этой пустынной, безконечной дорогѣ, въ этихъ блѣдныхъ равнинахъ за нею, въ этихъ жнивьяхъ и копнахъ на ихъ просторѣ, въ этотъ молчаливый степной вечеръ! Но Захаръ всѣми силами противился тоскѣ, говорилъ безъ умолку, пилъ все жаднѣе, чтобы переломить ее и наказать этого курчаво-рыжаго, со стоячими бѣлыми глазами мѣщанина, подло и радостно засуетившагося, когда Захаръ предложилъ ему по-

спорить: можетъ онъ, Захаръ, выпить еще двѣ бутылки, или нѣтъ? Винная лавка, вымазанная мѣломъ, странно бѣлѣла противъ блеклой синевы восточнаго небосклона, на которомъ все прозрачнѣе и свѣтоноснѣе дѣлался кругъ мѣсяца. Возлѣ лавки стоялъ столикъ и скамейка. Мѣщанинъ, въ розовой ситцевой рубахѣ и обтертыхъ до-красна опойковыхъ сапогахъ, торчалъ возлѣ стола, осѣвъ на одну ногу и касаясь земли поскомъ другой,—безобразной, съ высокимъ подъемомъ, съ большимъ каблукомъ, — выставивъ кострець, и, какъ обезьяна, съ необыкновенной ловкостью и быстротой грызъ подсолнухи, не спуская своихъ бѣльмъ съ Захара. А Захаръ, поднимая грудь, сжимая зубы, стискивая, точно желѣзными клещами, своими огромными пальцами край стола, облизывая сохнуція губы, обрывая каждое слово бурнымъ вздохомъ, плохо соображая, что онъ говоритъ, поминутно проваливаясь въ какую-то черную пропасть, спѣшилъ, спѣшилъ досказать, какъ онъ несъ старуху...

И вдругъ, размахнувшись всѣмъ туловищемъ, быстро всталъ, далеко отшвырнулъ ногой столъ вмѣстѣ съ зазвенѣвшей бутылкой и граненымъ стаканомъ и хрипло сказалъ:

— Слухай! Ты!

И мѣщанинъ, уже разинувшій-было ротъ, чтобы крикнуть на Захара за безчинство, взглянувъ на его бѣло-сизое лицо, онѣмѣлъ. А Захаръ, собравъ послѣднія силы, не давъ сердцу разорваться прежде, чѣмъ онъ скажетъ, твердо договорилъ:

— Слухай. Я помираю. Шабашъ. Не хочу тебя подъ бѣду подводить. Я отойду. Отойду.

И твердо пошелъ на середину большой дороги. И, дойдя до середины, согнулъ колѣни—и тяжело, какъ быкъ, рухнулъ на спину, раскинувъ руки.

Эта лунная августовская ночь была жутка для Жилыхъ. Отовсюду безшумно бѣжали бабы и ребятишки къ кабаку; сдержанно и тревожно переговариваясь, шли мужики. Лунный свѣтъ прозрачнѣйшимъ дымомъ стоялъ надъ сухими жнивьями. А среди большой дороги бѣлѣло и блестѣло что-то огромное, страшное: кто-то покрылъ коленкоромъ мертвое тѣло. И босыя бабы, быстро и безшумно подходя, крестились и робко клали мѣдяки въ его возглавіи.

СТО ВОСЕМЬ.

Рано чувствуется осень, ея спокойствіе. Начало августа, а похоже на свѣтлый сентябрь, когда жарко лишь въ затишѣ, на припекѣ.

Учитель Иваницкій, человѣкъ молодой, но необыкновенно серьезный, глубоко задумывающійся по самому малѣйшему поводу, медленно поднимается на пологую гору, прогономъ черезъ усадьбу нищихъ князей Козельскихъ. Заложивъ одну руку за широкій поясъ, которымъ подпоясана длинная чесучовая рубаха, а другой пощипывая кончики рѣдкихъ бѣлыхъ усовъ, учитель горбитъ свой истяжной станъ и щуритъ зоркіе зеленоватые глаза. Онъ гудяетъ, прощаясь съ деревней, — онъ на-дняхъ уѣзжаетъ въ Москву, въ университетъ.

На прогонѣ тѣнь. Направо — большой садъ за соломеннымъ валомъ; налево — старая кузня, развалины псарни, пустые сушилки изъ розовыхъ кирпичей, а между ними — проѣздъ на безконечное и тоже пустое гумно. Въ саду, уже порѣдѣвшемъ, — тишина, косой солнечный блескъ; кое-гдѣ золотится радужная паутина; спокойно лежатъ пятна тѣней подъ яблонями; порой съ короткимъ стукомъ падаетъ въ шелковистую, сухую траву спѣлое яблоко. Дерновая вогнутая крыша кузни вся въ наростахъ мха — бархатно-изумрудныхъ, съ коричневымъ отливомъ. Раскрытые сушилки тяжелы, грубы, очертаніями своими говорятъ о чемъ-то давнишнемъ. И все это, — мохъ на кузнѣ, псарня, заросшая лопухами, голые стропила надъ розовыми стѣнами, — все это такъ чудесно на ясномъ голубомъ небѣ среди бѣлыхъ круглыхъ облаковъ. На огромномъ пустырѣ гумна воробьи ливнемъ пересыпаются съ одной крапивной чащи на другую. За этими чашами поднимается порозовѣвшій осинникъ... Учитель идетъ къ Соловьевымъ, еще разъ хочетъ повидаться передъ отъѣздомъ съ ихъ дѣдомъ

Таганкомъ. Древень онъ, какъ говорятъ въ Козельщинѣ: ему сто восемь, онъ знаменитость въ округѣ.

За усадьбой—улицы среди дворовъ и огородовъ. Учитель поворачиваетъ налѣво, въ ту улицу, что пролегаетъ между валомъ гумна, кустарникомъ по валу и старыми избами бывшихъ княжескихъ крѣпостныхъ. Она немного поката, конецъ ея какъ бы упирается въ небосклонъ — чуть зеленоватый, сентябрьскій. Сентябрь и въ верхушкахъ лозинъ, кое-гдѣ растущихъ передъ избами и сквозящихъ мелкой, желтѣющей листвою на бѣлыхъ облакахъ и лазури; сентябрь въ золотистомъ солнечномъ свѣтѣ и въ прозрачной тѣни, падающей отъ избъ на улицу, на водовозки, прикрытыя пѣгими попонами и армяками... Учитель идетъ и косится на избы, на ихъ окошечки и крыльца.

Окошечки крохотныя, темныя. Крыльца, пороги обросли грязью. Да не лучше и возлѣ нихъ: въ крѣпкой, какъ чугунъ, засохшей грязи, въ которую вросли тряпки, сгнившіе лапти, лежатъ большіе плоскіе камни, на которыхъ обѣдаютъ и ужинаютъ. Дѣти кричатъ, перекликаются, лазаютъ по камнямъ. Много дѣтей въ Козельщинѣ, и, Боже, какъ сопливы они, въ какихъ болячкахъ ихъ щеки и губы!

— Что это ты дѣлаешь?—окликаетъ учитель дѣвочку, стоящую у камня.

Она хвораая, худая, темноглазая, въ бабкиныхъ лаптяхъ, закутана темнымъ пеньковымъ платкомъ. Она шлепаетъ по камню ручками, дѣлаетъ видъ, что стираетъ, льетъ воду, бьетъ валькомъ. Услыхавъ учителя, она растерянно смотритъ на него и со всѣхъ ногъ кидается къ избѣ.

— Какъ тебя зовутъ?—спрашиваетъ учитель толстаго голубоглазаго мальчика, въ большой старой жилеткѣ, стоящаго подъ лозинкой у двора Өоминыхъ.

Мальчикъ молчитъ. Учитель повторяетъ вопросъ. Мальчикъ пятится къ лозинкѣ, поднимаетъ грудь, надувается такъ, что багровѣетъ, и молчитъ.

Озабоченно бродятъ куры, раздираютъ лапами золу, землю, клюютъ что-то, кудахтаютъ, приманивая цыплятъ. У двора Климовыхъ спитъ подъ водовозкой старуха. Тѣнь отъ избъ скосилась, передвинулась, солнце падаетъ на водовозку, печетъ лицо, такъ густо облѣпленное мухами, точно на немъ черный рой привился, печетъ худой кострець, голыя дикарскія ноги, блестящія отъ загара. Мальчикъ лѣтъ пяти, въ штанахъ съ помочами и шерстяныхъ красныхъ чулкахъ, носится среди цыплятъ, бѣгающихъ и на бѣгу клюющихъ по землѣ и по ногамъ старухи мухъ, и все норовитъ затоптать

хоть одного изъ нихъ; цыплята съ пискомъ разсынаются, и онъ останавливается, выжидаетъ, когда они соберутся въ кучку, а какъ только соберутся, опять со всѣхъ ногъ летитъ на нихъ. Другой, лѣтъ двухъ, хлопочетъ возлѣ дуги, только-что выкрашенной коричневой краской и прислоненной къ крыльцу; дуга падаетъ, прихлопываетъ его къ землѣ, и онъ закатывается благимъ матомъ. Учитель бѣжитъ освобождать его.

— Эй, бабка! Проснись, чортъ тебя возьми совсѣмъ!— кричитъ онъ, схвативъ ревущаго ребенка и не зная, что съ нимъ дѣлать.

Старуха поднимаетъ голову и сначала ничего не понимаетъ: глаза тупы, ротъ раскрытъ, платокъ сбился на сторону вмѣстѣ съ сѣдыми волосами. Потомъ она быстро поднимается, шатаясь, идетъ къ учителю, вырываетъ ребенка изъ неумѣлыхъ рукъ и лѣзетъ на крыльцо. Тамъ она кидаетъ его на полъ, усыпанный пшенной кашей, и онъ сразу затихаетъ: елозитъ по крыльцу, подбираетъ съ полу кашу вмѣстѣ съ грязью и суетъ себѣ въ ротъ. А старуха садится на лавку и, поправляя шлыкъ, провожаетъ учителя тяжелымъ, злымъ взглядомъ.

Соловьевы раздѣлились. Таганокъ живетъ у Глѣба. Но учитель идетъ сперва къ двору его другого внука, плотника Григорія. Григорій похожъ слегка на Мефистофеля, но человѣкъ пріятный. Теперь онъ стоитъ на прогалинѣ между избою и погребомъ, въ проходѣ на гумна, посреди квадрата изъ трехъ ярусовъ новыхъ, тѣлеснаго цвѣта бревенъ: рубить себѣ амбаришко. На немъ городской картузь, еще не мытая ситцевая рубаха, вздутая розовымъ измятымъ пузыремъ, штаны изъ чортовой кожи и сапоги: Соловьевы — первые жители въ Козельщинѣ. Увидавъ гостя, онъ легонько и ловко всѣкаетъ въ бревно блеснувшій на солнцѣ топоръ. Здравуются, садятся на срубъ, закуриваютъ.

— Къ Таганку?—спрашиваетъ Григорій.

— Къ нему. Давно не видалъ...

— Что жъ, дѣло хорошее. Пройдите, провѣдайте. Онъ это любить.

— А какъ его дѣла? Дряхлѣетъ?

— Нѣтъ, скрипитъ еще помаленьку. А, конечно, не наше съ вами дѣло: вѣдь сто восемь.

— Смерти не просить у Бога?

— Да какъ сказать? Пожить ему, кажись, еще страсть какъ хочется, да, извѣстно, житье стариковское не сладкое.

— А что?

— Да что, надо правду говорить: бьютъ они его, голодомъ морять—вотъ главная вещь.

— Все сноха?

— Известно, она. Да я такъ думаю, всему причина братъ Игльбъ. Его допущеніе. Онъ должонъ защищать, кому же больше? Самъ-то Таганокъ, вы знаете, какой: за всю жизнь цыпленка не обидѣлъ.

— Серьезно, бьютъ?

— А то какъ же? Еще какъ серьезно-то! Иной разъ такъ толкануть... Онъ мнѣ ужъ сколько жаловался. Да что бьютъ! У нихъ вонъ шесть пудовъ одной ветчины виситъ,—повѣрите, ребрышка никогда не дадутъ. Сами, какъ праздникъ, за чай, а онъ чашечки попросить боится. Ничтожности жалѣютъ...

— Ида-а,—задумчиво говоритъ учитель.

Сипятъ кузнечики въ бурьянѣ на припекѣ. Все сохнетъ, роняетъ черныя зерна: крапива, бѣлена, репы, подсекольникъ. Баба, въ красной юбкѣ, въ бѣлой рубахѣ, стоитъ въ чащѣ коноплянниковъ, выше ея ростомъ, беретъ замашки. За коноплянниками сѣрѣютъ риги, желтѣютъ новые скирды.

— Ида-а,—говоритъ учитель, ѣдко затягиваясь.—„Народъ-богоносецъ“!.. Скирды-то ваши?

— Нынѣшній годъ далъ Господь,—скромно, боясь сглазить, отвѣчаетъ Григорій.

— А чашки чаю жалѣютъ,—ухмыляется учитель.—Что онъ, и теперь еще хорошо помнить все?

— На удивленіе прямо! Все помнить: что когда сдѣлать по дому, что, напимѣрь, прибрать, купить, гдѣ что дешевле,—все первый скажетъ. Насчетъ корму, напимѣрь, разумнѣй его человѣка нѣту...

— Да нѣтъ, я не про то,—перебиваетъ учитель.—Я, понимаешь, испытываю всегда страшную жажду заглянуть на самое дно этой столѣтней души, вызвать его—ну, хоть на изображеніе старины, что ли. И никогда-то ровно ничего не выходитъ изъ этого! Или онъ почему-то не желаетъ говорить со мной, или же надо сдѣлать дикое, но, кажется, самое вѣроятное предположеніе, что рѣшительно ничего, кромѣ самаго примитивнаго, нѣтъ за этой душой!

Григорій слегка удивляется:

— Да чего жъ ему не хотѣтъ разговаривать съ вами? Обижать вы его не обижаете, скрытности этой у него нѣту, помнить онъ даже очень хорошо... Ну, а, конечно, этакого чего-нибудь особеннаго...

— Вотъ, вотъ, именно! — подхватываетъ учитель, подни-

маясь.—Кажется, совершенно задаромъ пропало столѣтіе! Нечего вспомнить. Нечего.

Проходятъ къ Таганку задами. За дворомъ Григорія нѣсколько колодокъ пчелъ. Учитель гнется, боится ихъ, а Григорій смѣется, увѣряетъ, что пчелы чистаго человѣка не трогаютъ. Тутъ чуть тянетъ холодкомъ съ сѣвера, подъ солнцемъ пыльно и сытно пахнутъ коноплянники. Противъ коноплянниковъ придѣлано къ каменной стѣнѣ Глѣбова варканѣчто въ родѣ шалаша, сбитаго изъ кольевъ и обшитаго замашками. Это и есть лѣтнее жилище знаменитаго человѣка.

— Дѣ-ѣдъ?—окликаетъ учитель, отворяя дверку.

Никто не отзывается; въ шалашѣ пусто. Вѣрно, Таганокъ въ избѣ. И Григорій уходитъ искать его. А гость спѣшитъ осмотрѣть шалашъ. Все то же. И все такъ же трогательно. Чтобы не надоѣдать снوخъ своимъ присутствіемъ, сократиться насколько возможно, перебирается сюда Таганокъ чуть не съ Великаго поста. Розвальни безъ грядокъ, покрытыя соломой, служатъ ему постелью. На соломѣ нѣтъ даже попонки. Въ изголовьѣ, вмѣсто подушки, — свернутый рваный чекмень, и по цвѣту видно, что чекмену этому полвѣка. У изголовья—столикъ изъ дощечки и кольевъ; на дощечкѣ — подобіе шка-тулки, а въ ней—все добро, все хозяйство Таганка: мотокъ нитокъ, варезки, тавлинка изъ бересты съ нюхательнымъ табакомъ... Боже мой, Боже мой! Драгоцѣннѣйшимъ даромъ, даромъ сказочнаго долголѣтія одарила судьба своего избранника! А къ чему онъ тутъ, этотъ даръ?

У шалаша лежитъ большой обрубокъ, корень дуба. На немъ дѣдъ отдыхаетъ, думаетъ, грѣется,—обрубокъ отшлифованъ полушубкомъ. Учитель садится и ждетъ. Когда же за угломъ слышатся шаркающіе шаги, поднимается, чтобы уступить Таганку привычное мѣсто. Таганокъ показывается изъ-за угла,—невысокій, съ опущенными плечами,—и подвигается неловко, вразвалку, опадая съ одной ноги на другую. Ноги толсто опутаны онучами, въ большихъ лалтяхъ. Полушубокъ, почти голый съ исподу,—вытерлась овчина,—сталъ широкъ, полы его висятъ. Большая шапка надѣта глубоко, немного криво. Увидавъ гостя, Таганокъ стаскиваетъ ее обѣими руками, какъ ребенокъ, кланяется низко. Длинные волосы, уцѣлѣвшіе вокругъ его темной головы, бѣлы и легки, какъ ковыль. Легка, бѣла и косая борода его. Лицо еще темнѣе головы. Желтоватые, выцвѣтшіе, налитые слезами глаза ничего не выражаютъ, кромѣ не то покорности, не то грусти.

— Здорово, дѣдушка,—говоритъ учитель, садясь на землю,—Какъ поживаешь? Надѣвай шапку-то...

Таганокъ колеблется. Онъ, одолѣвъ больше вѣка, невольно и самъ считаетъ себя особеннымъ человѣкомъ. Но заслужилъ ли онъ наконецъ право быть при господахъ въ шапкѣ, этого онъ еще не знаетъ. Поколебавшись, обѣими руками надѣвается ее.

— Садись на обрубокъ-то, тебѣ покойнѣе будетъ...

Таганокъ, помедливъ, садится; поправляетъ полы, складываетъ на колѣняхъ черныя руки и что-то кротко думаетъ. Потомъ слабо машетъ головой.

— Энтихъ ужъ нѣту, — говоритъ онъ медленно и такъ, точно разговариваетъ не съ учителемъ, а съ кѣмъ-то другимъ. — Энтихъ ужъ нѣту, что покоили-то...

— Въ старину лучше было? — спрашиваетъ учитель.

— Гм! — слабо улыбается Таганокъ. — Въ два раза лучше было...

Всѣ старики играютъ, притворяются черезчуръ старыми. Таганокъ не играетъ. Онъ нечеловѣчески простъ. Учитель, какъ всегда, не спускаетъ съ него глазъ; его волнуютъ странныя мысли: подумать только, что при Таганкѣ прошелъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ вѣковъ! Сколько было за этотъ вѣкъ переворотовъ, открытій, войнъ, революцій, сколько жило, славилось и умерло великихъ людей! А онъ даже малѣйшаго понятія не имѣлъ никогда обо всемъ этомъ. Цѣлыхъ сто лѣтъ видѣлъ онъ только вотъ эти коноплянники да думалъ о кормѣ для скотины! И сидитъ онъ такъ смиренно, такъ неподвижно. Опустилъ плечи, сложилъ на худыхъ колѣняхъ черныя, спеченныя столбтиемъ руки, перекрестилъ искривленные работой и простудой пальцы, а мухи ползаютъ по нимъ, сучать ножками, справляютъ свою любовь. Бѣлый мотылекъ спокойно, какъ на деревѣ, замеръ на его дѣтски-худой и черной шеѣ, окаймленной воротомъ сѣрой рубахи, пригрѣтой солнцемъ. Шапка надвинута глубоко; изъ-подъ шапки видны концы рѣдкихъ, длинныхъ, зеленовато-бѣлыхъ бровей, устало приподнятыхъ. Нижнее вѣко лѣваго глаза немного разорвано и оттянуто книзу; этотъ глазъ, полный слезою, совсѣмъ безжизненъ. Въ правомъ — слабая мысль, слабая жизнь, чуждая всему нашему міру. Онъ, этотъ стовосьмилѣтній человѣкъ, еще слышитъ, видитъ, разумно толкуетъ съ внуками о хозяйствѣ, помнитъ все, что нужно нынче или завтра сдѣлать по дому, знаетъ, гдѣ что лежитъ, что требуетъ поправки, присмотра... И все же весь онъ въ забытѣ, въ мірѣ своихъ далекихъ воспоминаній. Что же это за воспоминанія? Часто охватываетъ страхъ и боль, что вотъ-вотъ разобьетъ смерть этотъ драгоценный сосудъ огромнаго про-

шлаго. Охватывает жажда поглубже заглянуть въ этотъ сосудъ, узнать всѣ его тайны, сокровища. Но онъ пусть, пусть! Мысли, воспоминанія Таганка такъ поразительно просты, такъ несложны, что порою теряешься: человекъ ли передъ тобою? Онъ разумный, милый, добрый. Слѣдовало бы съ благодарностью поцѣловать его руку за то, что явилъ онъ намъ, воплотивъ въ себѣ рѣдкое благословеніе неба. Но—человекъ ли онъ?

Говорить Таганокъ очень медленно, но не путаясь; выражаетъ мысли съ трудомъ, но точно. Онъ знаетъ, что, волею судьбы, возложена на него обязанность толковать съ гостями прежде всего о старинѣ. И самъ спѣшитъ дать поводъ къ разспросамъ.

— Тепло,—говоритъ онъ, поводя плечомъ, что пригрѣто опускающимся солнцемъ.—Кровь-то моя ужъ холодѣетъ... Студился, бывало, часто... А все отчего? Въ старину вѣдь въ извозы ходили...

Учитель начинаетъ разспрашивать его. И опять, опять слышитъ только давнымъ-давно знакомое! Былъ дѣдъ два раза у хохловъ, за Воронежемъ; былъ два раза въ Москвѣ, пять разъ въ Калугѣ; и много разъ въ Бѣлевѣ...

— Что же?—спрашиваетъ учитель, домогаясь обобщеній.—Нравились тебѣ хохлы?

— Хохлы-то?—отвѣчаетъ Таганокъ.—Ничего... Дружелюбіе у нихъ.

И, уже покончивъ съ общимъ, переходитъ къ частному:

— Мы туда подъ Срѣтенье поѣхали... У меня тогда четыре лошади было... Прокорми-ка ихъ!.. Ну, поѣхали туда порожнякомъ... Оттуда пшеницу наклали... Доправили все чистью, стали барыши считать... Анъ только себя самихъ да лошадей оправдали...

— Француза помнишь?—спрашиваетъ учитель, вспоминая, сколько грозныхъ кометъ видѣлъ Таганокъ, сколько злобѣщихъ слуховъ пережилъ онъ на своемъ вѣку.

Таганокъ думаетъ. Онъ гдѣ-то далеко.

— Француза-то?—спокойно говоритъ онъ.—Это какой въ Москву приходилъ? Нѣтъ, не помню... Такъ только, находить иной разъ какъ звукъ какой...

— А Москва при тебѣ велика, хороша была?

— Большая... Приѣдемъ, бывало, въ нее... Поставятъ насъ на Болотѣ въ рядъ... Мы и стоимъ... Какъ хлагъ спустятъ, можетъ, значить, купецъ, какой купилъ что, подойтить, взять свой товаръ... Ну, подойдетъ, глянетъ и отправить его: либо на Воробьиныя горы, либо еще куда...

И Таганокъ смолкаетъ,—можетъ-быть, подъ тихимъ наитіемъ находящихся, какъ отдаленный звукъ, воспоминаній. А учитель нервно курить, хмурится: нѣтъ, ничего путнаго не выходитъ изъ его разспросовъ!

Онъ сидитъ долго, до самаго заката солнца; щиплетъ концы усовъ, собирается съ мыслями, стараясь представить себѣ невозможное,—картину одной изъ самыхъ долгихъ человѣческихъ жизней, картину цѣлаго столѣтія; онъ силится войти въ душу и тѣло этого необыкновеннаго человѣка—и никакъ не можетъ примириться съ тѣмъ, что говоритъ необыкновенный человѣкъ очень обыкновенно, даже черезчуръ обыкновенно, рассказываетъ же только пустяки. „Систематически надо, систематически,—думаетъ учитель,—съ самаго начала надо начать“... Но краткіе, трогательные и пустяковые отвѣты Таганка сбиваютъ съ толку, вызываютъ безпокойство, лишаютъ охоты разспрашивать. Нѣтъ, ужъ какая тутъ послѣдовательность! — „Рано ты началъ помнить себя?“ — „А Богъ его знаетъ, не знаю... Вѣдь мы, — слабо улыбается дѣдъ, — народъ темный, въ лѣсу живемъ, пнямъ молимся... Допрежъ тутъ вездѣ лѣса были“... — „Какіе лѣса?“ — „А всякіе. Дубъ, напрімѣръ, сосна... Разбойники водились“... — „Разбойники? Ты исторію какую-нибудь о нихъ помнишь?“ — „Нѣтъ, исторіи, слава Богу, никакой не было“... — „Ну, а село какое было? Меньше теперешняго?“ — „Все такая же... Церковь только на старомъ кладбищѣ стояла, а не возлѣ училища... Я четырехъ поповъ пережилъ“... Но каковы были эти попы, похожи ли на теперешнихъ и какъ относились къ народу,—этого Таганокъ не умѣетъ рассказать... Но, можетъ-быть, онъ хорошо помнить господъ, князей Козельскихъ, и о нихъ расскажетъ чтон-ибудь путное? — Помнить-то помнить... Но узнаётъ учитель только то, что было три генерала: Семенъ Милычъ, Милъ Семенычъ и Григорій Милычъ; что господа они были хорошіе, что особенно „лихимъ“ нравомъ отличался Милъ Семенычъ...

— Тебя пороли?—спрашиваетъ учитель.

— Нѣтъ, Богъ не привелъ,—отвѣчаетъ Таганокъ.—Однава только. Да еще разъ въ шею далъ мнѣ Милъ Семенычъ... На постройкѣ... Я бревно не тое ухватилъ... Вотъ продавать — продавали... Возили... Осерчалъ баринъ на насъ, на ребятъ... Ну, и отправилъ одинцать головъ... Въ энтотъ, въ Бѣлевъ-то... Ну, привезли насъ на базаръ, постановили другъ съ дружкой... Подшелъ бурмистръ селезневскій... Мы было дюже оробѣли, да не сошлось что-й-то дѣло... А за меня хорошо—полторапта пять давали...

Солнце уже скрылось за далекимъ полемъ; гуще и свѣжѣ пахнутъ конопляники въ вечерней тѣни; роса пала на огороды. Почти черное, гробовое лицо Таганка стало еще безжизненнѣе, глаза совсѣмъ остеклянѣли. Ему холодно, онъ кутается въ полушубокъ, оправляетъ полы, глубже надвигаетъ шапку и засовываетъ руки въ рукава. Какъ отдаленный звукъ, находятъ на него воспоминанія; и, мало заботясь о томъ, слушаютъ ли его или нѣтъ, онъ медленно говоритъ то, на что попалъ случайно:

— Покойникъ Семень Милычъ былъ крутъ!.. А померъ онъ, заступилъ его мѣсто Миль Семенычъ,—стало и совсѣмъ никуда... Чтò жъ, мы вѣдь ровно какъ кошка: посади ее въ мѣшокъ, завяжи и дѣлай, чтò хочешь, и она никому зла не можетъ исдѣлать, такъ и мы... Ну, молили раньше мужики, чтобъ барину Богъ смерти далъ... А я, бывало, скажу: „Напрасно вы его сбываете. Не сбывайте,—хуже будетъ“... Такъ оно и вышло... Да...

Таганокъ отдыхаетъ; потомъ опять заводитъ медленную рѣчь:

— Да... А какъ померъ Миль Семенычъ, привезли гробъ въ засмоленномъ рундукѣ... Скрозь рундукъ дрянъ, кровь пролила... Нехорошо померъ, безъ болѣзни, тѣло не выболѣло... Какъ, значить, кому назначено...

Учитель съ трудомъ дослушиваетъ этотъ тяжкій рассказъ и поднимается. „Ну, шабашъ,—думаетъ онъ.—Никогда я его больше не увижу! А жаль, жаль...“

Волнуетъ его давнишнее желаніе выпытать у Таганка, очень ли онъ хочетъ жить? Вѣдь видно, что хочетъ! Но почему же никогда не говоритъ онъ объ этомъ прямо?

— Ну, прощай, до свиданія, дѣдъ,—говоритъ учитель.—Дай Богъ тебѣ еще пожить.

Таганокъ кротно поднимаетъ брови.

— Пожить-то?—отвѣчаетъ онъ.—Да вѣдь и такъ ужъ сто съ восьмеркой...

И, помолчавъ, опускаетъ голову.

— Но вѣдь хочется, небось?

— А Богъ ее знаетъ...

— Но позволь, ты-то самъ какъ чувствуешь?

Таганокъ думаетъ.

— Да чтò жъ чувствовать?—говоритъ онъ.—Гуть чувствовать нечего... Чувствуй, не чувствуй...

— Позволь: ну, а если бы тебѣ, на примѣръ, предложили пять лѣтъ прожить или годъ,—чтò бы ты выбралъ?

Таганокъ слабо улыбается, глядя въ землю.

— Да что жъ мнѣ ее приглашать... смерть-то... Она меня не угрызетъ. Помоложекого угрызетъ, а меня нѣтъ... Вотъ и не идетъ...

И учитель тупо, долго глядитъ на него. Потомъ рѣшительно пожимаетъ его твердую ледяную руку и уходитъ.

Онъ уходитъ за деревню, въ поле, и долго шагаетъ въ полутьмѣ по мягкой пыльной дорогѣ, куда глаза глядятъ. „Да, да,—думаетъ онъ,—дѣло тутъ не въ экономикѣ... Дѣло въ примитивности, въ первобытности, коей не преjdeши... Дѣло,—говоритъ онъ себѣ твердо и упрямо,—въ исконныхъ чертахъ россиянина: въ атавистическихъ...“

Возвращается онъ усталый, успокоенный. Не спѣша идетъ по улицѣ. Огней нѣтъ, избы темны и тихи. Всѣ спятъ. Пахнетъ жильемъ—какъ-то особенно, тепло, по-ночному. Сухотрюкаютъ осторожные сверчки. Вотъ и опять изба Глѣба. Она вымазана известкой, слабо бѣлѣетъ. Стекла ея сини отъ вечера, въ нихъ еще слабо отражается небо. Внизу, по землѣ рѣетъ какой-то еле замѣтный отсвѣтъ, отчего изба и полущубокъ кого-то сидящаго на голышѣ возлѣ нея странно выдѣляются. Кто это? Неужели Таганокъ? Да, онъ, онъ...

— Дѣдушка, еще здравствуй,—негромко говоритъ учитель, очень тронутый видомъ этого одинокаго, чужого всему міру человѣка, порежившаго и всѣхъ сверстниковъ своихъ и всѣхъ дѣтей ихъ.

— Кто это?—тихо откликается Таганокъ.

— Да я, учитель... Что же ты не спишь?

Таганокъ думаетъ. Отвѣчаетъ онъ теперь еще медленнѣе:

— Да какой нашъ сонъ... Древень я... Ночь заходитъ—жутко... Какъ медвѣдь идетъ она на меня...

„Это не ночь, а смерть“,—думаетъ учитель; и, помолчавъ, спрашиваетъ:

— Ну, а какъ же? Пожилъ бы еще? Глять годовъ или годъ?

Тихо. Трюкаютъ сверчки. На порогъ избы вышла дымчатая кошка, сбѣжала на землю—и стала невидима. Слабо бѣлѣетъ борода Таганка. Темнаго, гробового лица его не видно. Онъ неподвиженъ. Не слышно даже дыханія его. Живъ ли онъ?

Живъ. Долго спустя онъ отзывается:

— Пожилъ бы... И пять бы годовъ одолѣлъ бы... Да черезъ пять-то годовъ...

Онъ, видно, вспоминаетъ споху, свой шалашъ, свою безпризорность, беспомощность.

И легонько вздыхаетъ:

— Черезъ пять-то годовъ вошь съѣстъ. Въ ней главная причина. А то пожилъ бы.

8. VII. 1911.

НОЧНОЙ РАЗГОВОРЪ.

I.

Небо всю ночь было серебристо-звѣздно, поле за садомъ и гумномъ темнѣло ровно, и на чистомъ горизонтѣ четко чернѣла мельница съ двумя рогами крыльевъ. Но звѣзды искрились, трепетали, часто прорѣзывали небо зеленоватыми полосками, садъ шумѣлъ порывисто и уже по-осеннему, холодно. Отъ мельницы, съ пологой равнины, съ опустѣвшаго жнивья дулъ сильный вѣтеръ.

Работники сытно поужинали, — былъ праздникъ, Успенье, — и жадно накурились по дорогѣ черезъ садъ на гумно. Накинувъ сверхъ полушубковъ армяки, они шли туда спать, стеречь хлѣбные вороха. За работниками, таща подушку, шелъ высокій гимназистъ, хозяйскій сынъ, и бѣжали три борзыхъ бѣлыхъ собаки. На гумнѣ, на свѣжемъ вѣтру, хорошо пахло мякиной, новой ржаной соломой. Всѣ уютно улеглись въ ней, въ самомъ большомъ ометѣ, поближе къ ворохамъ и ригѣ. Собаки повозились, пошуршали у ногъ работниковъ и тоже успокоились.

Надъ головами лежавшихъ слабо бѣлѣлъ широкій, раздваивающійся дымно-прозрачными рукавами Млечный Путь, наполненный висящей въ нихъ мелкой звѣздной розсыпью. Въ соломѣ было тепло и тихо. Но по лозняку, что темнѣлъ вдоль вала слѣва, то и дѣло тревожно шелъ и, разрастаясь, приближался глухимъ, непріязненнымъ шумомъ сѣверо-восточный вѣтеръ. Тогда до лицъ, до рукъ доходило прохладное дуновение вмѣстѣ съ дурнымъ запахомъ изъ проходовъ между ометами. А по небосклону, за неправильными черными пятнами лозняка, остро мелькали, вспыхивали льдистые алмазы, разноцвѣтными огнями загоралась Капелла.

Улегшись, позѣвали и закрыли глаза. Вѣтеръ дремотно

шелестѣлъ торчавшей надъ головами колючей соломой. Но дошла до лицъ прохлада — и всѣ почувствовали, что спать еще не хочется, — выспались послѣ обѣда. Только одинъ гимназистъ изнемогалъ отъ сладкой жажды сна. Но ему заснуть не давали блохи. Онъ сталъ чесаться, раздумался о дѣвкахъ, о вдовѣ, съ которой онъ, при помощи работника Пашки, потерялъ въ это лѣто невинность, и тоже разгулялся.

Это былъ худой, неуклюжій подростокъ съ необыкновенно нѣжнымъ цвѣтомъ лица, такого бѣлаго, что даже загаръ не бралъ его, съ синими глазами, съ безобразно большими руками и ногами, съ большимъ кадыкомъ. Онъ все лѣто не разлучался съ работниками, — возилъ сперва навозъ, потомъ снопы, оправлялъ ометы, курилъ махорку, подражалъ мужикамъ въ говорѣ и въ грубости съ дѣвками, которыя дружески поднимали его на смѣхъ, встрѣчали свистомъ и криками: „Веретѣнкинъ, Веретѣнкинъ!“ — дурацкимъ прозвищемъ, придуманнымъ подавальщикомъ въ молотилку Иваномъ. Онъ ночевалъ то на гумнѣ, то въ конюшнѣ, по недѣлямъ не мѣнялъ бѣлья и парусиновой одежды, не снималъ дегтярныхъ сапогъ, сбилъ въ кровь ноги съ непривычки къ портянкамъ, оборвалъ всѣ пуговицы на лѣтней шинели, испачканной колесами и навозомъ, сломалъ серебряные листочки и буквы на картузѣ.

— Совсѣмъ отбился отъ дому! — съ ласковой грустью говорила о немъ мать, восхищаясь даже его недостатками. — Конечно, поправится, окрѣпнѣетъ, но посмотрите, какая лохматая чушка — даже шеи не моетъ! — улыбаясь, говорила она гостямъ и теребила его мягкія каштановыя лохмы, стараясь добратъся до нѣжнаго завитка, кудрявившагося, какъ у дѣвочки, на его затылкѣ, на темной шеѣ, отдѣлявшейся отъ виднаго подъ косовороткой по-дѣтски бѣлаго тѣла, отъ большихъ позвонковъ подъ тонкой гладкой кожей. А онъ угрюмо вывертывалъ голову изъ-подъ ея ласковой руки, хмурился и краснѣлъ. Онъ росъ не по днямъ, а по часамъ и на ходу гнулъся, задумчиво свисталъ, угловато вилялъ изъ стороны въ сторону. Онъ еще ѣлъ липовый цвѣтъ, вишневый клей, хотя уже тайкомъ; въ карманахъ его парусиновыхъ панталонъ еще много было крошекъ бѣлаго хлѣба, еще лежали перочинный ножъ и рогулька для стрѣльбы по воробьямъ, но онъ сгорѣлъ бы отъ стыда, если бы это обнаружилось, и не выпускалъ рукъ изъ кармановъ. Еще зимой онъ игралъ съ сестрой, маленькой Лилей, въ краснокожихъ, тараща глаза и выкрикивая фразу изъ какого-то американскаго романа: „Братъ! — ревѣлъ дикарь, и пѣна клубилась изъ его рта...“ Но весной, когда по

всѣмъ улицамъ города текли и дрожали ослѣпительнымъ блескомъ ручьи, когда въ классахъ горѣли отъ солнца бѣлые подоконники, солнцемъ былъ пронизанъ голубой дымъ въ учительской, и директорская кошка подстерегала первыхъ зябликовъ въ гимназическомъ саду, еще полнымъ серебрянаго снѣга,—весной онъ вообразилъ, что влюбился въ худенькую, маленькую, начитанную и серьезную гимназистку Юшкову, подружился съ шестиклассникомъ въ очкахъ Симашко, называвшимъ его синьоромъ, и, рѣшивъ посвятить всѣ каникулы самообразованію, сталъ грубо говорить Лилѣ, когда она называла его Алей: „Я тебѣ такой же Аля, какъ ты китайская императрица“... А лѣтомъ мечты о самообразованіи были уже забыты, было принято новое рѣшеніе—изучить народъ, вскорѣ перешедшее въ страстное увлеченіе мужиками.

Вечеромъ на Успенье гимназистъ былъ налитъ сномъ еще за ужиномъ. Къ концу cadaго дня, когда туманилась и на грудь падала голова, — отъ усталости, отъ разговоровъ съ работниками, отъ роли взрослого, — возвращалось дѣтство: хотѣлось поиграть съ Лилей, помечтать передъ сномъ о какихъ-нибудь дальнихъ и невѣдомыхъ странахъ, о необыкновенныхъ проявленіяхъ страсти и самопожертвованія, о жизни Ливингстона, Беккера, а не мужиковъ Наумова и Нефедова, прочитавъ которыхъ дано было Симашкѣ честное слово; хотѣлось хоть одну ночь переночевать дома и не вскакивать до солнца, на холодной утренней зарѣ, когда даже собаки такъ томно зѣваютъ и тянутся... Но вошла горничная, сказала, что работники уже пошли на гумно. Не слушая криковъ матери, гимназистъ накинулъ на плечи шинель съ мотающимся хлястикомъ и картузь на голову, схватилъ изъ рукъ горничной подушку и въ аллеѣ нагналъ работниковъ. Онъ шелъ, шатаясь отъ дремоты, таща за уголъ подушку, и, какъ только довалился до омета, подлѣзъ подъ старую енотовую шубу, лежавшую тамъ, такъ сейчасъ же и поплылъ, понесся куда-то въ сладкую черную тьму. Но огнемъ стали жечь мелкія собачьи блохи, стали переговариваться работники...

Ихъ было пятеро: добрый лохматый старикъ Хомуть, Кирюшка, хромою, бѣлоглазый, безотвѣтный малый, предававшійся мальчишескому пороку, о чемъ всѣ знали и что заставляло Кирюшку быть еще безотвѣтнѣе, молча сносить всяческія насмѣшки надъ его короткой, согнутой въ колѣнѣ ногой, Пашка, красивый двадцатичетырехлѣтній мужикъ, недавно женившійся, Федотъ, мужикъ пожилой, дальній, откуда-то изъ-подъ Лебедяни, прозванный Постнымъ, и очень глупый,

но считавшій себя изумительно умнымъ, хитрымъ и безпощадно-насмѣшливымъ человекомъ, Иванъ. Этотъ презиралъ всякую работу, кромѣ работъ на земледѣльческихъ машинахъ, носилъ синюю блузу и всѣмъ внушилъ, что онъ прирожденный машинистъ, хотя всѣ знали, что онъ ни бельмеса не смыслить въ устройствѣ даже простой вѣялки. Этотъ все суживалъ свои сумрачно-ироническіе глазки и стегивалъ тонкія губы, не выпуская трубки изъ зубовъ, значительно молчалъ, когда же говорилъ, то только затѣмъ, чтобы убить кого-нибудь или что-нибудь замѣчаніемъ или прозвищемъ: онъ рѣшительно надо всѣмъ глумился — надъ умомъ и глупостью, надъ простотой и лукавствомъ, надъ уныніемъ и смѣхомъ, надъ Богомъ и собственной матерью, надъ господами и надъ мужиками; онъ давалъ прозвища нелѣпыя и непонятныя, но произносилъ ихъ съ такимъ загадочнымъ видомъ, что всѣмъ казалось, будто есть въ нихъ и смыслъ и ѣдкая мѣткость. Онъ и себя не щадилъ, и себя прозвалъ: „Рогожкинъ“, — сказалъ онъ однажды про себя, такъ вѣско, такъ зло на что-то намекая, что всѣ покатались со смѣху, а потомъ уже и не звали его иначе, какъ Рогожкинъ. Окрестилъ онъ и гимназиста. Услыхавъ какъ-то, что гимназиста кличетъ съ крыльца Лиля, голубоглазая, въ голубомъ платицѣ, въ панталонахъ съ зубчиками, наивно бѣлѣющими изъ-подъ оборки, — кличетъ, подпрыгивая и ловко попадая ножками въ обручъ: „Аля! Аля!“ — Иванъ сказалъ нѣчто очень гнусное про Лилю, про ея панталончики, а потомъ челуху про гимназиста: Веретѣнкинъ.

Всѣхъ этихъ людей гимназистъ, какъ онъ думалъ, хорошо узналъ за лѣто, ко всѣмъ по-разному привязался, — даже и къ Ивану, издѣвавшемуся надъ нимъ, — у всѣхъ тому или другому учился, воспринимая ихъ говоръ, совершенно, какъ оказалось, не похожій на говоръ мужиковъ книжныхъ, ихъ неожиданныя, нелѣпыя, но твердыя умозаключенія, однообразіе ихъ готовой мудрости, ихъ грубость и добродушіе, ихъ работоспособность и нелюбовь къ работѣ. И, уѣхавши послѣ каникулъ въ городъ, а на другое лѣто уже не вернувшись къ увлеченію мужицкой жизнью, онъ весь свой вѣкъ думалъ бы, что отлично изучилъ русскій народъ, — если бы случайно не завязался между работниками въ эту ночь длинный откровенный разговоръ.

Началъ старикъ, лежавшій рядомъ съ гимназистомъ и чесавшійся крѣпче всѣхъ.

— Ай, барчукъ, донимають? — спросилъ онъ. — Чистая бѣда эти блохи, хомутъ! — сказалъ онъ, употребляя слово, которымъ

постоянно опредѣлялъ и всю жизнь свою, и всю тяготу ея, всё непріятности.

— Мочи нѣтъ, — отозвался гимназистъ. — Страсть донимаютъ. Вотъ бабъ, дѣвокъ, — прибавилъ онъ, помолчавъ: — тѣхъ, провалиться имъ, не трогаютъ. А ужъ кого бы, кажись, жилишь, какъ не ихъ.

— Главная вещь, портокъ на нихъ не полагается, — равнодушно подтвердилъ старикъ, ворочаясь и издавая крѣпкій запахъ давно не мытаго тѣла и вытертаго сипуна, прокопченнаго курной избой.

Прочіе молчали. Обычно шутили передъ сномъ, — спрашивали Пашку о его супружеской жизни, а онъ отвѣчалъ съ такимъ спокойнымъ и веселымъ безстыдствомъ, что даже гимназистъ, постоянно восхищавшійся имъ, не сводившій глазъ съ его умнаго и живого лица, досадовалъ — какъ это можно говорить такъ о своей молодой женѣ. Теперь никто не начиналъ разспросовъ, и гимназистъ уже хотѣлъ-было самъ начать ихъ, чтобы еще болѣе взволновать свое воображеніе, навѣки отравленное вдовой, и послушать увѣренный голосъ Пашки, какъ Пашка потянулся, сѣлъ и сталъ завертывать цыгарку. Старикъ поднималъ голову въ шапкѣ и пскачалъ ею.

— Ой, спалишь ты, малый, гумно! — сказалъ онъ. — Смотри. До грѣха недолго.

— А я на барчука солгусь, — отвѣтилъ Пашка, немного хрипя отъ простуды, и, откашлявшись, засмѣялся. — Онъ самъ постоянно курить. Чудная ночь, барчукъ, сегодня, — сказалъ онъ, мѣняя тонъ на серьезный и оборачиваясь къ гимназисту. — Къ этой ночи что недостаетъ? Луну.

Чувствовалось, что онъ хочетъ рассказать что-то. И, правда, помолчавъ и не получивъ отвѣта, онъ вдругъ спросилъ:

— Барчукъ, вы спите?

— Веретенкинъ, живъ? — неожиданно крикнулъ Иванъ, не поднимая головы.

Пашка осадилъ его:

— Погоди, будя орать-то! Я хотѣлъ дѣло спросить. Который теперь часъ, барчукъ?

Гимназистъ медленно поднялся, вытащилъ изъ кармана панталонъ серебряные часы и при свѣтѣ звѣздъ сталъ разглядывать ихъ.

— Половина одиннадцатаго, — сказалъ онъ, горбясь.

— Ну вотъ, такъ я и зналъ, — весело и увѣренно подтвердилъ Пашка, затиснувъ на-бокъ зубами крючокъ и закуривая отъ вонючаго сѣрника, загорѣвшагося въ его сложенныхъ

ковшикомъ рукахъ.—Вѣрнѣй поповой души. Въ акурать въ это самое время я человѣка прошлый годъ убилъ.

И гимназистъ сразу разогнулся, опустил отяжелѣвшія руки—и точно окаменѣлъ на все время разговора. Онъ изрѣдка подавалъ голосъ, но такъ, точно другой кто говорилъ за него. Потомъ все внутри у него стало дрожать мелкой ледяной дрожью, позывая на отрывистый нелѣпый смѣхъ, и огнемъ стало горѣть лицо.

II.

Иванъ, какъ всегда, значительно молчалъ. Кирюшка совсѣмъ не интересовался тѣмъ, что говорили, лежалъ и думалъ свое—о гармоніи, купить которую было его самой завѣтной мечтой. Долго молчалъ, лежа на локтѣ, и Федотъ, сильный, плоскій, рыжій мужикъ, въ началѣ лѣта казавшійся работникамъ чужимъ человѣкомъ по той причинѣ, что носилъ онъ полушубокъ безъ талии, безъ сборокъ, въ родѣ тѣхъ, что носятъ казанскіе татары. Чужимъ казался онъ и гимназисту. Насколько нравилось ему веселое спокойствіе, ладность ухватокъ, загорѣлое лицо Пашки, настолько же не располагало его къ близости лицо Федота, тоже спокойное, но ничего не выражающее, большое, пепельно-сѣрое, морщинистое, съ жидкими и всегда мокрыми отъ слюней, отъ трубки усами, съ крупными отворотами бѣлесыхъ обвѣтренныхъ губъ. Федотъ слушалъ внимательно, но не вставлялъ въ разговоръ Пашки ни слова—только чахоточно покашливалъ и поплевывалъ въ соломѣ. И сперва поддерживали разговоръ только пораженный гимназистъ да старикъ.

— Что брешешь пустое, — равнодушно сказалъ старикъ, услыхавъ хвастливое заявленіе Пашки.—Какого такого человѣка могъ ты убить? Гдѣ?

— Глаза лопни, не брешу!—горячо отозвался Пашка, поворачиваясь къ старику.—Прошлый годъ убилъ, на Успенье. Объ этомъ не только что, объ этомъ во всѣхъ газетахъ писали, въ приказѣ по полку и то было.

— Да гдѣ убилъ-то?

— Да на Кавказѣ, въ Зухденахъ. Ей-Богу! Конечно, брехать не стану, не я одинъ убилъ, и Козловъ стрѣлялъ, — нашъ же, елецкій, — эта благодарность не одному мнѣ была, дивизіи начальникъ, конечно, и ему спасибо сказать при всемъ фронтѣ и прямо же намъ по рублю наградилъ, но только я подлинно знаю, что это я его срубалъ.

— Кого его?—спросилъ гимназистъ.

— Да арестанта. грузинца этого.

— Стой, — перебилъ старикъ: — ты толкомъ Расскажи. Гдѣ вы стояли?

— Опять двадцать пять! — притворно-досадливо сказалъ Пашка. — Вотъ чудакъ, не вѣрить ничему. Стояли мы въ этихъ, въ Новыхъ Сенякахъ...

— Знаю, — сказалъ старикъ. — И мы тамъ стояли восемнадцать день.

— Ну, вотъ видишь, значить, я не пустое брешу и могу тебѣ все это приблизительно рассказать. Мы тамъ, братъ, не восемнадцать день, а цѣльный годъ семь мѣсяцевъ стояли, а арестантовъ этихъ обязаны были до самыхъ до Зухденъ препровождать. Арестанты эти были прямо что ни на есть самые главные проступники, бунтовщики, и, значить, всѣхъ ихъ, десять человѣкъ, въ горахъ поймали и къ намъ предоставили...

— Стой, — перебилъ гимназистъ, подражая старику и чувствуя, что у него ледянятъ руки: — а какъ же ты мнѣ говорилъ, что не сталъ бы бунтовщиковъ стрѣлять, а скорѣе офицера, какой будетъ приказывать стрѣлять, застрѣлишь?

— А я и отцу родному не спущу, когда надо, — отвѣтилъ Пашка, мелькомъ взглянувъ на гимназиста и опять оборачиваясь къ старику. — Я, можетъ, и пальцемъ бы его не тронулъ, кабы онъ не задумалъ погубить насъ, а онъ на хитрости пошелъ и могли мы за него цѣльный годъ въ арестанскихъ ротахъ пробить, а тутъ не только что, — благодарность получили, немножко поумнѣй его оказались. Ты вотъ послушай, — сказалъ онъ, дѣлая видъ, что говоритъ только со старикомъ. — Мы ихъ честно-благородно вели. Озорства этого ничего съ ними не дѣлали, бить тамъ, на примѣръ, али прикладомъ подгонять... А одинъ, худой этакій, малорослый, въ родъ какъ больной, все идетъ и на животъ жалится, до вѣтру все просится. Еле кандалами брянчить. Наконецъ того, подходитъ къ старшему: „Дозвольте на телѣгу лечь“. Ну, ему и дозволили, какъ путному. Только приходимъ въ Зухдену. А ночь — хоть глазъ выколи и дождь холить. Посадили мы ихъ на крыльцо, стережемъ, у каждаго, конечно, по фонарику въ рукѣ, а старшой въ камеру отлучился, рѣшетки въ окнахъ пощупать: извѣстно, затѣмъ, что цѣлы ли, молъ, не подпилены ли какой пилкой фальшивой...

— Обязательно, — сказалъ старикъ. — Онъ долженъ по закону все въ исправности принять.

— Про то и толкъ, — подтвердилъ Пашка, опять торопливо пряча зажженный сѣрникъ въ руки, сложенные ковшикомъ. — Вотъ ты это дѣло знаешь, тебѣ и рассказывать интересно.

Ну, пошелъ старшой, — продолжалъ онъ, давя спичку и пуская въ ноздри дымъ:—пошелъ, осматриваетъ, а мы стоимъ, клюемъ рыбу,—спать мочи нѣтъ какъ хочется, — а грузинтъ этотъ какъ вскочить вдругъ да зà-уголъ! Онъ, понимаешь, значить, еще въ телѣгѣ все это дѣло какъ слѣдуетъ обдумалъ, разрѣзалъ чѣмъ ни на есть ремень кандалный округъ пояса, спустилъ кандалы съ себя, подхватилъ вотъ такъ-то рукой,—Пашка нагнулся и, разставляя ноги, показалъ, какъ подхватилъ арестантъ кандалы,—да и дѣру! А мы съ Козловымъ, не будь дураки, фонари покидали и—за нимъ: Козловъ себѣ зà-уголъ, а я прямо наперерѣзъ. Бѣгу, а самъ все норовлю поймать, гдѣ звукъ, гдѣ, то-есть, кандалы его звенятъ, — дуромъ-то, думаю, и стрѣлять нечего, — наслышалъ, наконецъ того, — разъ! Чую — мимо. Я въ другой — опять, слышу, мимо. А Козловъ лупитъ по чемъ ни попало, того гляди меня срѣжетъ... Взяло меня зло: ахъ, думаю, глаза твои лопни!—приложился, ударилъ: слава тебѣ, Господи, сорвался, слышу, звукъ, видно, упалъ. Выпустилъ еще два патрона въ это мѣсто, бѣгу, а онъ и вотъ онъ: на земли на задѣ сидитъ. Сѣлъ, руками уперся въ грязь, зубы оскалилъ и храпитъ: „Скорѣй, говоритъ, скорѣй, русь, ударь меня въ это мѣсто штыкомъ“... въ грудь, то-есть. Я навѣсилъ съ разбѣгу ружье — разъ ему въ самую душу... ажъ въ спину выскочило!

— Ловко!—сказалъ старикъ.—Дай-ка затянуться разокъ... Ну, а Козловъ-то гдѣ жъ?

Пашка быстро, крѣпко затянулся и сунулъ старику окурокъ.

— А Козловъ, — отвѣтилъ онъ поспѣшно и весело, польщенный похвалой:—а Козловъ бѣжитъ и не судомъ кричитъ: „ай угомонилъ?“—Угомонилъ, говорю, давай тушку тащить... Взяли его сейчасъ за кандалы и поволокли назадъ, къ крыльцу... Я его какъ жожку срѣзалъ,—сказалъ онъ, мѣняя тонъ на болѣе спокойный и самодовольный. — А ты говоришь—брешу! Я, братъ, попусту брехать не стану.

Старикъ подумалъ.

— И по рублю, говоришь, наградилъ васъ?

— Вѣрное слово, — отвѣтилъ Пашка, — прямо изъ своихъ рукъ далъ, при всемъ полномъ фронтѣ.

Старикъ, покачивая шапкой, плюнулъ въ ладонь и потушилъ въ слюнѣ окурокъ.

Иванъ, не спѣша, сказалъ сквозь зубы:

— А дураковъ, видно, и въ солдатахъ много.

— Это какъ же такъ?—спросилъ Пашка.

Иванъ молчалъ.

— Значить, я же и дуракъ вышелъ, а ты опять же умень?—спросилъ Пашка, укладываясь.

— Обязательно,—сказалъ Иванъ.—Клюй Матвѣй! Ты что долженъ былъ дѣлать? Ты долженъ былъ не волочь его, а послать съ рапортомъ товарища, а самъ съ ружьемъ стать при мертвомъ тѣлу. Теперь расчухалъ, ай нѣтъ?

III.

Өедоть заговорилъ, когда всѣ помолчали и побормотали: „да-а... ловко...“—еще проще.

— А вотъ я,—началъ онъ медлительно, лежа на локтѣ и поглядывая на темную, неподвижно торчавшую передъ нимъ на звѣздномъ небѣ фигуру гимназиста:—а вотъ я совсѣмъ задаромъ согрѣшилъ. Я человѣка убилъ, прямо надо сказать, изъ-за ничтожности: изъ-за козѣ своей.

— Какъ изъ-за козѣ?—въ одинъ голосъ перебили старикъ, Пашка и гимназистъ, внезапно стукнувшій зубами.

— Ей-Богу, правда,—отвѣтилъ Өедоть.—Да вы вотъ послушайте, что за ядъ была эта коза...

Старикъ и Пашка, глядя на него удивленно, опять стали закуривать и уминать солому, приготовляясь слушать. Хотѣлъ закурить и гимназистъ, но не двигались, не вынимались изъ кармановъ ледяныя руки. А Өедоть серьезно и спокойно продолжалъ:

— Изъ-за ней вся и дѣло вышла. Убилъ-то, конечно, не нарочно... Онъ же меня первый избилъ... А потомъ пошла свара, судъ... Онъ пьяный пришелъ, а я выскочилъ сгоряча, вдарилъ брусомъ... Да объ этомъ что говорить, я и такъ въ монастырѣ за него полгода отдежурилъ, а кабы не было этой козѣ, и ничего бы не было. Главная вещь, отроду ни у кого у насъ не водилось этихъ козъ, не мужицкое это дѣло, и обращенія съ ними мы не можемъ понимать, а тутъ еще и коза-то попалась лихая, игривая. Такая стерва была, не приведи Господи. Что борзая сучка, то она. Можетъ, я и не захотѣлъ бы ее пріобрѣтать,—и такъ всѣ смѣялись, отговаривали,—да прямо пужда заставила. Угодій у насъ нѣту, простору и лѣсовъ никакихъ... Прогону своего у насъ споконъ вѣку не было, а какая мелочная скотина, такъ она просто по парамъ питается. Крупную скотину, коровъ мы на барскій дворъ отдавали, а полагалось съ нашего брата, мужичка, за всю эту инструкцію двѣ десятины скосить-связать, двѣ десятины пару вспахать, три дни съ бабой на покосѣ отбыть, три дни на молотѣбѣ... Сосчитать, сколько это будетъ?—сказалъ Өедоть, поворачивая голову къ старику.

Старикъ сочувственно подтвердилъ:

— Избавь Господи!

— А козу купить, — продолжалъ Оедоть: — ну, отъ силы семь, али, скажемъ, восемь цѣлковыхъ отдать, а въ напоръ она дастъ бутылки четыре, не менѣ, и молоко отъ ней гуще и слаже. Неудобство, конечно, отъ ней та, что съ овцами ее нельзя держать — бьетъ ихъ дюже, когда котна, а зачнетъ починать, злѣй собаки исдѣлается, зрить ихъ не можетъ. И такая цопкая скотина—это ей нѣа избу залѣзть, на ракирку—ничего не стѣитъ. Есть ракирка, такъ она ее безпремѣнно обдеретъ, всю шкурку съ ней спустить—это самая ея удовольствіе! На что бы лучше траву—такъ нѣтъ, не лопаеть...

— Ты же хотѣлъ разсказать, какъ человекъ убилъ, — съ трудомъ выговорилъ гимназистъ, все глядя на Пашку, на его лицо, неясное въ звѣздномъ свѣтѣ, не вѣря, что этотъ самый Пашка — убійца, и представляя себѣ маленькаго мертваго грузина, котораго волокутъ за кандалы, по грязи, среди темной дождливой ночи, два солдата.

— Да а я-то про что жъ? — отвѣтилъ Оедоть грубовато и заговорилъ немного живѣе. — Ты не можешь этого дѣла понимать, ты своимъ домомъ жить-то еще не пробовалъ, а за мамашей жить — это всякій проживетъ. Я про то и говорю, что этакій страшный грѣхъ прямо изъ-за пустого вышелъ. Я изъ-за ней трехъ овецъ зарѣзалъ, — сказалъ онъ, обращаясь къ старику. — Девять съ полтиной за нихъ взялъ, а за нее восемь заплатилъ. Не дешево тоже обошлась... И опять же съ бабой пошли каждый день скандалы. Взялъ, говорю, пустое, восемь за козу отдалъ, ну, тамъ кой-чего для хозяйства купилъ, кой-какую вещь, ребятенкамъ свистулекъ набралъ, пошелъ домой, перъ, перъ, пришелъ къ утру—глядь, полтинника нѣту: сунулъ, значить, въ карманъ и посялъ. Стала баба деньги считать—„гдѣ жъ, говоритъ, полтинникъ? проглотилъ? Говорила тебѣ, дураку, тушками продать, а овчины себѣ оставить...“ И зачала меня чекрыжить. „Почему такое свистульки кособокія?“ — „А тебѣ, молъ, за копейку да еще выбирать дадутъ? Ишь, мотивъ какой нашла...“ Слово за слово... Такой скандалъ пошелъ, не приведи Господи! Она у меня такая, правду сказать, собака, во всей губернии поискать...

— Это своя допущенье,—дѣловито вставилъ Пашка.—Ихъ не бить, добра не видать.

— Понятная дѣло,—сказалъ Оедоть.—Ну, одумалась, покорилась. А подоила козу, и совсѣмъ повеселѣла: хороша, правда, на удои оказалась и молоко отличная. Мы было и

обрадовались. Погна́ли въ стадо. Далъ я пастушатамъ на табакъ, по́днесъ по чашкѣ водки... а то они, сукины дѣти, брухаться пріучаютъ... Только ворочается вечеромъ стадо— смотрю, нѣту моей козѣ. Я къ пастуху: почему нашей козѣ нѣту? А потому, говоритъ, пригнали мы стадо на лѣсной паръ, зачала твоя коза съ коровами играть, схватилась съ быкомъ: отойдетъ отъ него, разлетится, разлетится—разъ его въ кичку! До того его изняла, сталъ за коровъ отъ ней прятаться, а кинешься отгонять, она—шаркѣ въ овесъ... Мы прямо изъ силъ выбились! А потомъ ушла, бѣгалъ за ней подпасокъ, весь лѣсъ выбѣгалъ, нигдѣ не нашелъ,— какъ скрозъ земь провалилась...

— Ну, правда что,—ядъ коза!—замѣтилъ старикъ.

— А-а!—злорадно сказалъ Ѳедотъ. — Да это еще что, ты послухай, что дальше-то будетъ! Какъ пропала эта самая коза, мы съ бабой прямо очумѣли. Ну, думаемъ, каюкъ, вотъ тебѣ и денежки наши, попадется она волку на зубы. А того, понятно, и въ головѣ не держимъ, что куда бы лучше было, кабы ее черти задрали. Кинулись на-ранѣ въ лѣсъ, кажись, живого мѣста не оставили, все до шпенту обѣлосили—нѣту нигдѣ, да и только! Затужилъ я Бо-зна какъ, однако ѣду пахать,—какъ разъ пахота подошла. Взялъ съ собой хлѣбушка въ платочкѣ, положилъ подъ межу, пашу, а на другомъ бугрѣ малый нашъ деревенскій пашетъ—вдругъ, слышу, кричитъ что-й-то, показываетъ рукой. Оглянулся я— да такъ и ахнулъ: коза! Вытащила узелокъ, схватила въ зубы, растрясла и стоитъ, дергаетъ бородой, хлѣбъ лопаешь... А онѣ, козы-то эти, ужъ гдѣ хлѣбъ ни будь, завсегда прочуютъ,— повѣсишь, такъ она на дыбушки взовьется, а ужъ обязательно до него доберется. Кинулъ я поскорѣй соху—къ ей. Я къ ей, а она отъ мене. Я къ ей, она отъ мене: отбѣжить, остановится, жуешь хлѣбъ—и горюшка мало. И вѣдь такая веселая да умная стерва—за всѣмъ моимъ движеніемъ слѣдить. А меня сердце на нее беретъ, очень хочется поймать, такъ бы, кажись, и расшибъ ее! Сожрала хлѣбъ и пошла: обертывается, поглядываетъ, хвостомъ трясетъ,— ну, прямо насмѣшничаетъ!

— Что и говорить, скотина безпечная!—сказалъ старикъ.

— Про что жъ я-то говорю?—воскликнулъ Ѳедотъ, поощренный сочувствіемъ.—Я про то и говорю, что она прямо сокрушила насъ! Тутъ и недѣли не прошло, стали всѣ на меня обижаться, такъ, говорятъ, и живетъ коза твоя въ мужицкихъ хлѣбахъ, у меня у самого весь осьминникъ истолкла, всѣ кисти съ овса оборвада. Разъ какъ-то зашла гроза, за-

гремѣлъ громушекъ, зачала молонья полыхать, опустился дождь—смотрю, несется моя бѣлая коза, что есть духу, прямо къ намъ, оретъ не своимъ голосомъ—и прямо въ сѣнцы. Я со всѣхъ ногъ за ей, зажалъ ее въ уголъ, затянулъ черезъ рога подпояской, зачалъ ее утюжить... громъ гремитъ, молонья жжетъ, а я ее деру, я ее деру! Должно, болѣ часу дралъ, вѣрно слово. Посадила потомъ на варкѣ, привязалъ на подпояскѣ... Да тотъ-то ее знаетъ, либо подпояска попалась гнилая, либо еще что, только глянули мы на-ранѣ — опять нѣту козѣ! Такъ, вѣришь ли, ажъ слеза меня со зла да съ горя прошибла!

IV.

Тонъ Ѳедота сталъ такъ простъ, сердеченъ, такъ полонъ хозяйственного огорченія, что никому бы и въ голову не пришло, что это рассказываетъ о своемъ грѣхѣ убійца. Да и слушали его просто. Кирюшка неподвижно лежалъ внизъ животомъ, съ головой покрытый армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толсто опутанныя бѣлыми онучами, въ большихъ лаптяхъ ноги. Иванъ, надвинувъ на лобъ шапку, запустивъ руки въ рукава, лежалъ на боку и тоже не двигался, молчалъ же строго и серьезно потому, что считалъ ниже своего достоинства интересоваться дураками. Ему такъ было мало дѣла, убійцы передъ нимъ или нѣтъ, что онъ даже крикнулъ разъ:

— Спать пора! Завтра домелете!

А Пашка и старикъ, полулежа и задумчиво перекусывая соломинки, только головами покачивали да порою усмѣхались: ну, правда, и зазналъ горя Ѳедотъ съ козой! И Ѳедотъ, видимо, считая себя уже оправданнымъ этимъ сочувствіемъ къ его смѣшному и горькому положенію, совсѣмъ пересталъ стѣсняться отступленіями. И гимназистъ, стиснувъ зубы и отъ вѣтра и отъ внутренняго холода, порою дико, съ изумленіемъ оглядывался: гдѣ онъ и что это за странная ночь? Но была все такая же, простая, знакомая, деревенская ночь, какихъ было много: темнѣло поле, чернымъ треугольникомъ вырѣзывалась въ звѣздномъ небѣ рига, дулъ вѣтеръ по лозняку, за которымъ вспыхивали и пропадали звѣзды, доходило до лицъ и рукъ прохладное дуновеніе съ запахами мякины и нечистотъ, шуршало въ соломѣ и опять стихало... Глубокимъ сномъ спали, утонувъ въ соломѣ бѣлыми клубками, собаки... И страшное было только въ томъ, что было уже поздно, что высоко поднялась съ сѣверо-востока кучка серебряныхъ звѣздъ, что глухо, по-осеннему шумитъ

вдали темная масса дремотнаго сада, что блестятъ въ звѣздномъ свѣтѣ глаза на лицахъ разговаривающихъ...

— Да, братецъ ты мой, — говорилъ Оедоть, смѣясь надъ своимъ нелѣпымъ и печальнымъ положеніемъ: — какъ же не бѣда-то! Сказываютъ мнѣ наконецъ того, — загналъ мою козу мужикъ на Прилѣпахъ. Иду добывать, дѣлать нечего, такой ужъ, видно, жербій мой. Прихожу на деревню, идѣ ни гляну, — никого нѣту, всѣ на работѣ. Ёдетъ мальчикъ за водой, спрашиваю: гдѣ домъ Бочкова? „А вонъ, говоритъ, гдѣ старуха въ красной паневѣ подъ лозинкой сидитъ“. Подхожу: „это Бочковъ дворъ?“ Махаетъ мнѣ старуха рукой, на варокъ показываетъ...

— Ошалѣла, значить, отъ старости, — вставилъ Пашка, такъ хорошо засмѣявшись, что гимназистъ съ изумленіемъ и страхомъ оглянулся на него и подумалъ: „да нѣтъ, не можетъ быть — это онъ все навралъ на себя!“

— Ошалѣла, — подтвердилъ Оедоть. — Только рукой махаетъ. А я ужъ давно слышу, свинья на варкѣ юзжитъ. Отворяю дверь въ клѣтушку, плетеную закутку, гдѣ эта самая свинья сохраняется. Вижу — возитъ бабу здоровенная матка: навалилась на нее баба, держитъ одной рукой, другой изъ ведра на нее поливаетъ. А свинья вся черная отъ грязи, возитъ ее, таскаетъ, никакъ баба съ ней не сладитъ, заголилась до самаго живота. И смѣхъ и грѣхъ! Увидала меня, обдернула подолъ, ноги, руки, вся лицо въ навозѣ... „Что тебѣ нужно?“ — „Что нужно? По дѣлу. Что это ты такое дѣлаешь?“ — „Свинью мою, ай не видишь? Три ведра ужъ вылила, никакъ не отмою — насохла грязь, какъ шкарà, даже окривѣла свинья отъ грязи, а свинья дорогая. Только дотронуся до глаза, она и зачнетъ меня таскать. Вся рубаха смоклась, до того добила. А какое твое дѣло будетъ?“ — „Такое, говорю, что вы мою козу загнали, держите прибрудный скоть, а объявленіе не дѣлаете“. — „Никакой, говоритъ, твоей козѣ мы не держимъ. Мы ее выпустили. Ее на барскомъ дворѣ загнали“. И смѣется чего-й-то. Та-акъ, думаю, значить, опять моя дѣло табакъ. Ну, погоди жъ ты! Вышелъ, пошелъ. Только зашелъ за сосѣдній дворъ, повернулъ на стезжку по коноцямъ, — откуда ни явись, мальчишка чей-то рыжій, конопатый навстрѣчу. „Ты за козой приходилъ?“ — „За козой. А что?“ — „Я съ тобой на барскій дворъ пойду“. — „Это зачѣмъ, позвольте спросить? И куда ты со мной не пойдешь“. — „Нѣтъ, пойду. Я тебѣ одну штуку про козу твою расскажу“. — „А пойдешь, сломя пруть лозинный, за мое почтеніе прохвачу“... Вдругъ слышу, кричитъ

баба за избой: „Кузька, куда тебя закружило, глаза твои накройся?“ — „Скорѣй, говорю, бѣги, вонъ мать съ крипивою идетъ“. А она и вотъ она—увидала его, бѣжить: „Не табѣ сказала за малымъ смотрѣть? А табе куда завихрило, такой-сякой?“ Сгребла его, спустила портки, заголила всю провизию, зачала охаживать крипивою... А я еще шучу, приговариваю: „Дери, молъ, дери его, настырнаго!“ Какъ она вскинется на меня!—„Ты чей?“—„А тебѣ, молъ, что за дѣло?“—„Да нѣтъ, ты скажи, ты чей?“—„Старой трандѣ казначей. Чего орешь? Я козу свою ищу“.—„А, такъ это ты, глаза твои накройся, съ своей козой спокою всему селу не даешь!..“ И вижу вдругъ—несется ко мнѣ высокій мужикъ отъ рыги — безъ шапки, распояской, въ сапогахъ. Набѣжалъ со всѣхъ ногъ: „Твоя коза?“—„Моя“... Развернулся—какъ ахнетъ мнѣ въ ухо!

— Чисто!—въ одинъ голосъ воскликнули старикъ и Пашка, а гимназистъ даже взвизгнулъ: вотъ оно, самое страшное-то! Но Оедотъ спокойно вытянулъ изъ-подъ себя полу полущубка и спокойно продолжалъ:

— Да, такъ огрѣлъ, ажъ въ головѣ у меня зажундѣло. Съ того и началась наша свара. Я сгребъ его за руки, спрашиваю: за что? А тутъ ужъ народъ бѣжить... Я при всѣхъ прошу просвидѣтельствовать это дѣло, опять спрашиваю: что такое моя коза натворила? Оказывается, ребенка съ ногъ долой сшибла, голову до крови проломила, рубаху сжевала, рожь истолкла. Чудесно,—подавай въ судъ, тамъ и съ меня спросятъ, и тебя не помилуютъ. Теперь-то, молъ, елдакъ ты съ меня возмешь! Шапку надѣлъ и пошелъ поскорѣй на барскій дворъ. Повеселѣлъ маленько: коза теперь, думаю, не уйдетъ, а взыскивать съ меня ты теперь не можешь,—драться-то погодить было надо. Подхожу, вижу, ѣдетъ на лошаdkѣ съ подрубленнымъ хвостикомъ мальчикъ въ атласномъ картузикѣ, съ голыми руками-ногами, жокей называется. Лошадь подыгрываетъ, а онъ ее хлыстикомъ жилаетъ. „Здравія желаемъ, молъ, дозвоьте спросить: у вашей милости моя коза?“—„А вы кто такой?“—„Хозяинъ этой козѣ“.—„Ну, такъ ее мой напаша велѣлъ загнать“. Расчудесное дѣло, иду дальше, встрѣлъ нищаго, сдѣлалъ у него запасъ хлѣбушка, а то кобели на барскомъ дворѣ здоровы, вошелъ на барскій дворъ, стоитъ, вижу, возлѣ дома, на песочномъ току, карета четверикомъ: лошади жирныя, рьяныя, а кучеришка мелковѣсный, совсѣмъ никуда. На крыльцѣ лакей съ двумя бородами. Выходитъ барышня взрослая, въ шляпкѣ съ лентами, вся лицо въ кисеѣ. „Даша, — кричить въ домъ горничной: — скажите барину, чтобы шелъ

скорѣй. Онъ въ манежѣ "... Я къ манежу. Вижу, стоитъ самъ баринъ въ мундирѣ съ зеленымъ воротомъ, на шеѣ орденъ, картузъ въ рукѣ держитъ, лысина такъ и отливаетъ на солнцѣ, животъ весь въ сборкахъ, самъ красный весь. А мальчишка на крышѣ сидитъ, запустилъ руку подъ пелену, ищетъ что-й-то. Должно, шкворцовъ, думаю себѣ. Анъ нѣтъ, — воробьями занялся. Онъ глядитъ, кричитъ: „лови, лови ихъ, сукиныхъ дѣтей“, а мальчишка ловитъ воробьятъ голыхъ, вытаскиваетъ и обѣ земь бьетъ. Увидалъ меня: „ты чтò?“ — „Да вотъ, говорю, мою козу вашъ садовникъ на земляникѣ прихватилъ. Дозвольте ее взять, убить“. — „Ужъ это не въ первый разъ, говоритъ, я тебя оштрахую на два цалковыхъ“. — „Согласенъ, говорю, съ вами, виновать, подписываюсь въ этомъ. Такой грѣхъ, говорю, — у меня ее всегда двѣ дѣвки стерегутъ, а вчерась, какъ нарочно, — пострѣлъ ихъ знаетъ, сырыхъ трибовъ, что ль, наѣлись, — катаются, блюютъ, а жена-то, признаться, тоже не доглядѣла, въ пунькѣ лежала, на крикъ кричала — рука развилась"... Надо вѣдь какъ-нибудь оправдываться. Рассказываю ему, какая у меня коза ядъ, какъ меня съѣздили по уху за нее, — смѣется, подобрѣлъ. „Сколько, говорю, ни преслѣдую, никакъ не поймаю, и такъ хотѣлъ у вашей милости порошку попросить да у огородника ружье взять, изъ ружья ее пристрѣлить“. Ну, онъ и размякъ, дозволилъ взять, а я тутъ же и пристукнулъ ее.

— Пристукнулъ-таки? — спросилъ старикъ.

— Обязательно, — сказалъ Федотъ. — „Ну, бери, говоритъ, только, смотри, съ моими не смѣшай“. — „Никакъ нѣтъ, говорю, я хорошо ее личность знаю“. Пошли на варокъ, взяли пастуха Пахомку. Баринъ тоже не отстаётъ. Интересно, значитъ... Глянулъ я, — сейчасъ же и замѣтилъ ее черезъ овецъ: стоитъ, жѹстрить что-й-то, косится на меня. Сигнали мы съ Пахомомъ овецъ въ уголъ поплочнѣе, сталъ я къ ей подходить. Шага два сдѣлалъ, — она сигъ черезъ барана! И опять стоитъ, глядитъ. Я опять къ ей... Какъ она уткнетъ голову рогами въ земь, да какъ стреканетъ по овцамъ, — такъ тѣ отъ ней, какъ вода, раздались! Взяло меня зло. Говорю Пахомкѣ: „ты ее подгоняй потише, а я, гдѣ потемнѣе, влѣзу на переметъ, за рога ее перехвачу“. А навозу на дворѣ страсть сколько, подъ самые переметы въ иныхъ мѣстахъ. Залѣзъ я на переметъ, легъ, облапилъ покрѣпче, а Пахомка подпугиваетъ ее ко мнѣ. Баринъ тоже стоитъ, — два раза горничная приходила, а онъ все стоитъ, смѣется. Дождался я, наконецъ того, пока она подъ самый переметъ подошла — цопъ ее за рогъ!

Какъ закричить она, — даже жуть меня взяла! Свалился съ перемета, ногами упираюсь, держусь за рогъ, а она претъ меня по двору, дотащила до ямы, вывернулась, заскребла меня рогомъ по бородѣ, по носу, — ажъ въ глазахъ потемнѣло... Глянулъ, а она ужъ на крышѣ: вскочила на навозъ, съ навозу на крышу, съ крыши — въ бурьянъ... Слышимъ, зашумѣли собаки на дворѣ, подхватили ее, турятъ по деревнѣ. Мы, конечно, выскочили, за ней. А она летитъ, что ни есть духу, и прямо къ крайней избѣ: тамъ изба новая строилась, еще окна заложены были замашками и сѣнецъ нѣту, а положены къ крышѣ наскосякъ лозинки голыя. Такъ она по нимъ на самый князекъ взвилась — внесла жъ ее вѣхорная сила! Подбѣжали мы поскорѣе, а она, видно, почуяла смерть — плачетъ благимъ матомъ, боится. Подхватилъ я здоровый кирпичъ, изловчился — да такъ ловко залѣпилъ, что она ажъ подсккнула, да какъ зашуршитъ внизъ по крышѣ, да объ земь — бякъ! Подбѣжали мы, а она лежитъ, дергаетъ языкомъ по пыли... Вздохнетъ и захрипитъ, вздохнетъ и захрипитъ — алыни пыль изъ-подъ носу подымается. А языкъ длинный, чисто какъ у змѣи... Ну, понятно, черезъ какой-нибудь полчаса и околѣла.

V.

Помолчали. Оедотъ приподнялся, сѣлъ и, согнувшись, разводя руками, сталъ медленно развивать оборки, которыми были окутаны его старыя, все спускавшіяся онучи. И черезъ минуту гимназистъ съ ужасомъ и отвращеніемъ увидалъ то, что прежде видѣлъ столько разъ совершенно спокойно: голую мужицкую ступню, мертвенно-бѣлую, огромную, плоскую, съ безобразно разросшимся большимъ пальцемъ, криво лежащимъ на другихъ пальцахъ, и худую волосатую берцу, которую Оедотъ, распутавъ и кинувъ онучу, сталъ крѣпко, съ сладостнымъ ожесточеніемъ чесать, драть своими твердыми, какъ у звѣря, ногтями. Надравъ, онъ пошевелилъ пальцами ступни, взялъ въ обѣ руки онучу, залубенѣвшую, вогнутую и черную въ тѣхъ мѣстахъ, что были на пяткѣ и подошвѣ, — точно натертую чернымъ воскомъ, — и встряхнулъ ею, развѣвая по свѣжему вѣтру нестерпимое зловоніе. „Да, ему ничего не стѣитъ убить! — дрожа, подумалъ гимназистъ. — Это нога настоящаго убійцы! Какъ онъ страшно убилъ эту предестную козу! А того — брусомъ... вѣрно, косу точилъ... И прямо въ темя, наповаль... Но Пашка! Пашка! Какъ онъ могъ такъ весело рассказывать? И съ наслажденіемъ: „ажъ въ спину выскочило!“ Нѣтъ, это онъ вретъ на себя!..“

Вдругъ, не поднимая головы, сумрачно заговорилъ Иванъ:

— Дураковъ и въ алтарѣ бьютъ. А тебя-то, Постный, за эту козу задрать мало. За что жъ ты ее убилъ? Ты бы продалъ-то ее. Какой же ты послѣ этого хозяинъ, ключъ-Матвѣй, когда не понимаешь, что безъ скотины мужику нельзя быть? Ее цѣнить надо. Да будь у меня коза-то...

Онъ не договорилъ, помолчалъ и вдругъ усмѣхнулся.

— Это вотъ въ Становой была исторія, ну, правда что... Вотъ не хуже твоей козѣ, быкъ у барина Мусина заведся озорной. Прямо проходу ниному не давалъ. Двухъ пастушатъ закололъ, на чѣлѣ приковывали, и то срывался, уходилъ. Тоже вотъ такъ-то весь хлѣбъ у мужиковъ истолокъ, а согнать никто не смѣетъ: боятся, за версту обходятъ. Ну, рога, понятно, спилили-догадались, вылегчили... посмирнѣлъ. Только мужики припомнили ему. Какъ пошли эти бунты, такъ они что сдѣлали: поймали его на полѣ, веревками обротали, свалили съ ногъ долой... бить не стали, а взяли, да освѣживали до-чиста. Такъ онъ, голый, и примчался на барскій дворъ,— разлетѣлся, грохнулся и околѣлъ тутъ же... кровью весь исшелъ.

— Какъ? — сказалъ гимназистъ. — Кожу содрали? Съ живого?

— Нѣтъ, съ варенаго, — пробормоталъ Иванъ. — Эхъ, ты, московскій обуватель!

Всѣ захохотали, а Пашка, хохоча пуще всѣхъ, подхватилъ:

— Ну и разбойники! А ты такъ-то говоришь, миловать насъ! Нѣтъ, братъ, знать, безъ нашего брата, прохожаго солдата, тутъ не обойдешься! Мы вотъ, когда послѣ Сенякъ подъ Курскомъ стояли, такъ тоже смиряли одно село. Затѣялись тамъ мужики барина разбивать... И баринъ-то, говорятъ, добрый былъ... Ну, пошли на него всѣмъ селомъ, и бабы, конечно, увязались, а навстрѣчу имъ—стражники. Мужики, съ кольями, съ косами,—на нихъ. Стражники сдѣлали залпъ, да, понятно, драло... какая тамъ чортъ сила въ этихъ мужланахъ!—а одна пуля и жильни ребенка на рукахъ у бабѣ. Баба жива осталась, а онъ, понятно, и не пискнулъ, такъ ножками и брыкнулъ. Такъ, Господи Ты Боже мой! — сказалъ Пашка, мотая отъ смѣха головой и усаживаясь поудобнѣй:—чего только ни на-творили мужики! Все въ лоскъ, въ дребезги распесли, барина этого самаго въ закуту загнали, затолкли, а мужикъ этотъ, отецъ-то этого ребенка, прибѣжалъ туда съ этимъ самымъ ребенкомъ, задохнулся, очумѣлъ отъ горя — и давай барина по головѣ этимъ ребенкомъ мертвымъ охаживать! Сгребъ за ножки—и давай бузовать. А тутъ другіе навалились и, значить, міромъ-соборомъ и прикончили. Насъ пригнали, а ужъ

онъ тлѣть сталъ... Ну, да это что,—звонко и весело сказалъ онъ своимъ пріятнымъ, груднымъ голосомъ: — ты свою-то исторію докажи. Можетъ, ты и брешешь все это,—прибавилъ онъ такимъ бодрымъ, хорошимъ тономъ, что нельзя было обидѣться: — можетъ, онъ шмурыгнулъ тебя по-уху за милую душу, да только всего и было...

„Что жъ ты смѣешься-то, дуракъ!“—хотѣлъ крикнуть гимназистъ, вдругъ почувствовавъ лютую ненависть къ смѣху, къ голосу Пашки. Но тутъ неожиданно зашевелился Кирюшка и съ дѣтской наивностью сказалъ, поднимая голову:

— А вотъ, что было, когда Кочергина-барина разбивали... бѣда! Я тогда въ пастухахъ у него жилъ... Такъ они всѣ зеркала въ прудъ покидали... Ходили потомъ съ деревни купаться и все изъ тины ихъ вытаскивали... Нырнешь, станешь, а она подъ ногой такъ и скользнетъ... А эту... какъ ее... фортопьяну въ рожъ заволокли... Мы, бывало, придемъ...—Кирюшка приподнялся и, смѣясь, облокотился.—Мы придемъ, а она стоитъ... Возьмешь дубинку, да по ней, по косточкамъ-то... съ угла на уголъ... Такъ она лучше всякой гармоньи играетъ!

Всѣ опять засмѣялись. Промолчалъ только Ѳедотъ. Онъ уже переобулся, опять аккуратно перекрестилъ онучи оборками и, оправившись, принялъ прежнее положеніе. И, выждавъ минуту молчанія, размѣренно сталъ досказывать свою исторію.

— Нѣтъ, братъ, — началъ онъ въ отвѣтъ на послѣднія слова Пашки:—та-то и дѣло-то, что не только шмурыгнулъ. Онъ еще въ судъ на меня подалъ... за эти, значить, за всѣ протери-убытки, за потраву. Звали его Андрей Богдановъ... Андрей Ивановъ Богдановъ. Рослый мужикъ, красный, худой, завсегда злой, пьяный. Ну, и подалъ на меня. Меня же огрѣлъ по-уху и на меня же подалъ. Хорошъ, ай нѣтъ? Тутъ самая рабочая пора подошла,дохнуть некогда, а я при за пятнадцать верстъ... За то-то, видно, и покаралъ его Господь...

Глядя въ солому, глухо покашливая и обтирая ладонью свои плоскія губы, Ѳедотъ говорилъ все сумрачнѣе и выразительнѣе. Сказавъ: „покаралъ его Господь“—онъ помолчалъ и продолжалъ:

— Дѣло-то на нѣтъ, понятно, свели. Помирили насъ. Ободная, значить, обида. Но только онъ тѣмъ не пронялся. Помирился со мной, да тутъ же отшелъ, пьяный напился, сталъ грозить убить меня. При всѣхъ кричитъ: „Погоди, говоритъ, погоди, это я еще не пьянъ сейчасъ, а выпью, я тебя утѣшу“. Хочу отъ скандалу уйтить, — за пельки хватается... Потомъ на деревню къ намъ зачалъ ходить: придетъ,

пьяный, подь окна и давай меня матеркомъ пушить. А у меня дочь взрослая...

— Неладно!—сочувственно крикнулъ старикъ и зѣвнулъ.

— Хороша лада!—сказалъ Оедотъ.—Ну, вотъ и пришелъ подь Кирики, вечеромъ. Слышу—шумить по улицѣ. Я всталъ, ни слова не говоря, ушелъ на дворъ, сѣлъ на борону, сталъ косу отбивать. А такая зло беретъ, ажъ въ глазахъ темнѣетъ. Слышу—подшелъ къ избѣ, буянить. Должно, стекла хочетъ бить, думаю себѣ. А онъ погамѣлъ и ужъ пошелъ-было прочь. Тѣмъ бы и кончилось, можетъ, да выскочила Олька, дочь моя... да и закричи не своимъ голосомъ: „Отецъ, карауль, меня Андрюшка бьетъ!“ Я выскочилъ съ брускомъ отъ косы, да сгоряча—разъ его въ голову! А онъ и — наземь. Подско-чили мы къ нему, а онъ лежитъ, хрипитъ и ужъ слюни пу-скаетъ. Прибѣжалъ народъ, стали водой отбивать... А онъ лежитъ, икаетъ... Можетъ, тутъ надо было походатайствовать чѣмъ-нибудь... какой-нибудь примочки тамъ приложить, али еще чтò... въ больницу бы свезть поскорѣй, да доктору де-сятку... да гдѣ ее взять? Бѣдность... Ну, онъ поикалъ, по-икалъ, да и померъ къ ночи. Побился, побился, на спину запрокинулся, вытянулся и—готовъ. И народъ кругомъ стоитъ, смотреть, молчить. А ужъ огни зажгли... Прямо жуть на всѣхъ напала...

Весь дрожа мелкой дрожью, съ пылающимъ лицомъ, гимназистъ поднялся и, утопая по-поясъ въ соломѣ, пошелъ по омету внизъ. Борзая, испуганная имъ, вдругъ вскочила и отрывисто брехнула. Гимназистъ, рѣзко дернувшись, упалъ въ солому и замеръ. Шумѣлъ холодный вѣтеръ, надъ самой головой бѣлѣла кучка холодныхъ осеннихъ звѣздъ, а за бу-громъ шелестѣвшей соломы слышался мѣрный, низкій голосъ Оедота:

— Я въ пунькѣ подь стражей два-дни сидѣлъ и все это въ окошечкѣ видѣлъ... какъ анатомили-то его. Сошелся на-родъ со всѣхъ деревень, смотрѣтъ этого убійца и меня, ко-нечно, въ томъ числѣ. Лѣзутъ подь самую пуньку... Вынесли двѣ скамейки на выгонъ, поставили подь самой пунь-кой, положили на нихъ убійца. Подь голова чурбанъ подсу-нули. Рѣзаку и слѣдователю стулья, столъ принесли. Подо-шелъ рѣзакъ, рубаху оборвалъ, портки оборвалъ — лежитъ, вижу, трупъ совсѣмъ голый, ужъ твердый весь, гдѣ зеленый, гдѣ желтый, а лицо вся восковая, красная борода стала рѣд-кая, такъ и отдѣляется. На причинное мѣсто рѣзакъ лопухъ положилъ. Смотрю, пріѣхала барышня, учительница наша, на велосипедѣ... нехорошая, головастая дѣвка, стриженная и съ

газетами подъ мышкой, а наряжена хорошо, — бывастъ, въ гостяхъ гдѣ была. Постояла на дорогѣ и опять пошла ногами мѣсить, уѣхала. А родныхъ никого не допустили. Тутъ же, обыкновенно, ящикъ съ разными причандалами. Подошелъ рѣзакъ, разобралъ ему волосы отъ уха къ уху, сдѣлалъ надрѣзъ и зачалъ половинки съ волосами зачищать. Гдѣ отѣнокъ, ножичкомъ скоблить. Отодралъ ихъ на обѣ стороны, открылъ одну, на носъ положилъ. Сталъ виденъ черепокъ весь — какъ колгушка какая... А на немъ пятно черная околѣ праваго уха, черная сгущенная кровь, — гдѣ, значить, ударъ-то былъ. Рѣзакъ говорить слѣдователю, а тотъ пишетъ: „На такихъ-то сводахъ три трещины“... Потомъ зачалъ черепокъ кругомъ подпиливать. Пила не взяла, такъ онъ вынулъ молоточекъ съ зубрильцемъ и по этому слѣдку, гдѣ пилкой-то намѣтилъ, зубрильцемъ прострочилъ. Черепокъ такъ и отвалился, какъ чашка, сталъ весь мозгъ виденъ. Опять говорить слѣдователю: „Мозговая оборѣзка порвана“... Потомъ опять весь мозгъ уложилъ, черепокъ на прежнее мѣсто установилъ и половинки съ волосами надвинулъ. Потомъ наружнымъ рубцомъ захватилъ, зашилъ какъ надо...

— Что дѣлають, разбойники-живорѣзы! — хрипло замѣтилъ задремавшій-было старикъ.

А Оедоть твердо договаривалъ:

— Потомъ вынулъ толстый ножъ, сталъ рѣзать грудь по хрущамъ. Вырубилъ косякъ, сталъ отдирать — трещить даже... Стало видать желудокъ весь, легкія синія, всю внутренность...

Глухой отъ стука собственного сердца, гимназистъ поднялся на ноги, во весь свой длинный ростъ, въ картузѣ, сдвинутомъ на затылокъ, въ легкой шинелькѣ, которая была уже коротка ему. Сѣрый, большой, страшный въ своемъ монгольскомъ спокойствіи Оедоть мѣрно говорилъ, держа трубку въ зубахъ, но онъ уже не слушалъ его. Онъ во всѣ глаза глядѣлъ на всѣхъ этихъ, такихъ знакомыхъ и такихъ чужихъ, непонятныхъ, всю душу его перевернувшихъ въ эту ночь людей. Жалкій въ своемъ пороѣ и смиренности, въ своей пастушеской первобытности, Кирюшка спалъ, покрывшись армякомъ, выставивъ изъ-подъ него толстую, въ бѣлыхъ онучахъ, согнутую въ колѣнѣ ногу. Спалъ и Иванъ съ сумрачнымъ, презрительнымъ лицомъ, Иванъ, въ черной землянкѣ котораго, въ оврагахъ на краю голой деревни, въ темнотѣ и грязи, подъ низкимъ потолкомъ, подъ дерновой крышей, уже третій годъ лежитъ, умираетъ и никакъ, къ тоскѣ своей, не умретъ его страшная, черная старуха-мать, а зубастая, худая жена кормить темно-желтой, длинной, тощей грудью голопузаго,

сопливаго, ясноглазаго ребенка, съ губами, въ кровь источенными несмѣтными избяными мухами. Спалъ крѣпкимъ, здоровымъ сномъ, на свѣжемъ вѣтру, счастливый Пашка, въ своемъ солдатскомъ картузѣ, тяжелыхъ сапогахъ и новомъ полушубкѣ. А старикъ Хомуть, у котораго нѣтъ даже полушубка,—есть только зипунъ съ большой прорѣхой на плечѣ,—у котораго такъ низко висятъ всегда на дряблыхъ ляжкахъ истертыя портки, сидѣлъ спиной къ вѣтру, безъ шапки, голый по-поясъ. Онъ, старчески-худой, желтотѣлый, съ косо-поднятыми плечами, съ искривленнымъ крупнымъ позвоночникомъ, блестящимъ при свѣтѣ звѣздъ, сидѣлъ, наклонивъ большую лохматую голову, которую ерошилъ свѣжій вѣтеръ, согнувъ свою уже тонкую, всю въ бурыхъ, жесткихъ морщинахъ шею, пристально осматривалъ снятую рубаху и, слушая Оедота, порою крѣпко давилъ ногтями ея воротъ.

Гимназистъ соскочилъ на твердую и гладкую осеннюю землю и, горбясь, быстро пошелъ къ темному шумящему саду, домой.

Всѣ три собаки тоже поднялись и, смутно бѣдѣя, бочкомъ побѣжали за нимъ, круто загнувъ хвосты.

Капри. 19—23. XII. 1911.

СИЛА.

Шелъ осенній мгlistый дождь въ сумеркахъ.

Прижавъ уши, стояла на барскомъ дворѣ, въ грязи возлѣ людской, донская кобыла, темная отъ дождя, худая, будылястая, съ тонкой длинной шеей, съ обвислымъ задомъ, съ подвязаннымъ хвостомъ, запряженная въ телѣжку, круглый плетеный кузовъ которой былъ очень малъ по тяжелымъ дорогамъ и крѣпко ошинованнымъ колесамъ.

Мѣщанинъ Буравчикъ, пріѣхавшій въ этой телѣжкѣ къ старостѣ, не заставшій его дома и сидѣвшій въ людской за кубастымъ самоварчикомъ красной мѣди, былъ человекъ старенькій, ростомъ съ мальчика. Черепъ его былъ голъ и желтъ. Надъ ушами и по затылку курчавились остатки черныхъ жесткихъ волосъ. Курчавилась и борода его. Мокрые усы, прокопченные табачнымъ дымомъ, лѣзли въ добрый, беззубый ротъ. На темномъ морщинистомъ личикѣ, подъ сдвинутыми бровями, живо и весело блестѣли кофейные глазки. Онъ и хмурился и улыбался вмѣстѣ, тянулъ съ блюда горячую воду, сося кусочекъ сахара, и все шарилъ по впалой груди, ощупывая карманы ветхаго длиннополага сюртука, порыжѣвшаго на лопаткахъ.

Горѣла надъ столомъ висѣчая лампочка.

Буравчикъ поглядывалъ на нее, — она коптила, — и безъ умолку говорилъ. А беременная старостиха, сидѣвшая на нарахъ у печки и за веревку ногой качавшая люльку, закрытую ситцевымъ пологомъ, похожую на маленькій шатеръ, разсѣянно слушала, думая свое и заводя глаза отъ дремоты.

— Вотъ они распарятся, разбрызнутъ, я ихъ и подберу, — говорилъ Буравчикъ, слегка шамкая, и схлебывалъ съ блюда, указывая на стаканъ, набитый разбухшими кусками кренделей. — Распарятся, тогда и съѣмъ. А такъ нѣтъ, не угрызу. Нечѣмъ.

И Буравчикъ, засмѣявшись, полѣзъ сухимъ, буримъ отъ окурковъ пальцемъ въ ротъ.

— О! Ишь!—сказалъ онъ съ удовольствіемъ.—Ни аноо не аалось,—сказалъ онъ, желая сказать: „ни одного не осталось“, и вода пальцемъ по голой розовой деснѣ.

— По какой же такой притчинѣ?—равнодушно спросила старостиха, съ трудомъ поднимая вѣки и думая о томъ, что этотъ веселый старичокъ въ обтертыхъ сапожкахъ и линючей розовой косовороткѣ пережилъ двухъ женъ, вырастилъ шестерыхъ сыновей, купилъ барское имѣніе подъ городомъ, а прежнихъ повадокъ все не кидаетъ—живетъ побиружкой, торгуетъ на селѣ въ лавчонкѣ, конокрадствуетъ и, говорятъ, вотъ-вотъ опять долженъ въ острогъ садиться.

Буравчикъ зорко глянулъ на старостиху, на ея большое сонное лицо.

— По какой притчинѣ-то?—отвѣтилъ онъ, вытирая палецъ о бортъ сюртука.—А совсѣмъ не по той, что ты думаешь. А совсѣмъ не по той. На меня несутъ, брешутъ, какъ на мертваго, ну, а хоть бы и правда была, такъ не родился еще тотъ человѣкъ, сударыня, какой смѣлъ бы коснуться меня: Нѣ-ѣтъ, Богъ миловалъ! Меня голой рукой не возьмешь! У меня вонъ шесть сыновъ-бугаевъ, озорнѣй ихъ, чертей, во всемъ селѣ нѣту, а ты глянь, какъ я ихъ вышколилъ: взгляду моего боятся! Пересолишь—хлебать не станешь,—прибавилъ онъ ни съ того ни съ сего одну изъ тѣхъ прибаутокъ, связь которыхъ съ предыдущей рѣчью очень часто оставалась совершенно непонятна его собесѣдникамъ.—Зубъ же я своихъ лишился потому, что дюже болѣли они у меня, а добрые люди возьми да и научи купоросу въ ротъ поддержать. Ты вотъ послушай, какую антимоцію расскажу я тебѣ про эти самые зубы. Муженекъ твой, безъ сомнѣнія, застрялъ гдѣ-й-то, давай его, дружка милаго, ждать да бесѣдовать отъ скуки...

— Обѣщался къ вечеру быть,—сказала старостиха.—Да вишь, грязь-то какая.

— А мы его подождемъ,—отвѣтилъ Буравчикъ и, поставивъ блюдо на столъ, полѣзъ въ боковой карманъ за кисетомъ съ махоркой.—А мы его! подождемъ. Да. Исторія же эта самая такого рода была...

И не спѣша, съ удовольствіемъ сталъ рассказывать. Черепъ его блестѣлъ отъ пота, брови хмурились, глаза блестѣли, выражая старческое довольство жизнью. „Безпремѣнно сынки его дѣльце какое-нибудь нынче въ ночь обработаютъ,—думала старостиха.—Для того онъ и изъ дому уѣхалъ“. А Буравчикъ, свертывая цыгарку, рассказывалъ:

— Сила не въ зубахъ, сударыня моя. Зубастъ кобель, да простъ. Опять же и не въ медвѣдѣ сила. У насъ на Руси силу въ пазухѣ носи... Да ты вотъ лучше послушай. Въ нѣкоторомъ царствѣ, не въ нашемъ государствѣ, ѣхали мы разъ, сударыня, съ возами своими по бѣлевской по большой дорогѣ. А нужно тебѣ замѣтить, что мы тогда съ братомъ Егоромъ коробошниками были, кампанировали съ нимъ по этой части да денежки плутовствомъ наживали, откровенно же сказать—прямо муку мученическую терпѣли отъ этихъ отъ самыхъ дождей и холодовъ. Вотъ и тутъ тоже подобное случилось: ѣдемъ мы, ѣдемъ, а дождь, Господь съ нимъ, какъ зарядилъ съ утра, да такъ до вечера и остался. Холить насъ да холить, будто за хорошую цѣну нанялся, и до того добилъ, искоренилъ, что повернули мы, не долго думая, въ лѣсъ какой-то встрѣчный, къ караулкѣ. Надуваемся, полземъ, ломимъ цѣликомъ, а по лѣсу, понимаешь, какъ мга какая отъ дождя синѣетъ, а отъ лошадей альни дымъ валить: накаталось на колёса грязи этой самой съ листьями—чертямъ невпроворотъ! Подъѣзжаемъ, наконецъ того...

Буравчикъ хлебнулъ съ блюда и остановился. Послышалось шлепанье лаптей по мокрой соломѣ въ сѣнцахъ. Кто-то подошелъ къ двери и сталъ шарить, ища скобки.

— Кажись, онъ?—спросила старостиха, прислушиваясь.

Прислушался и Буравчикъ. Дверь чмокнула, распахнулась, открыла на мгновенье черную темноту, и вошелъ не староста, а работникъ Александръ, большой мужикъ, лѣтъ пятидесяти, лысый, бородатый, съ ясными сѣрыми глазами и нѣжнымъ цвѣтомъ крупнаго лица, въ полушубкѣ и чистой замашной рубахѣ. И опять зорко блеснули глаза Буравчика.

— А я насчетъ твоей лошади зашелъ,—сказалъ Александръ, чему-то улыбаясь и сядя на лавку.—Прибрать ее, ай нѣтъ?

Буравчикъ подумалъ.

— Да нѣтъ, погоди,—отвѣтилъ онъ съ притворной безпечностью.—Я еще, можетъ, поѣду. Я вѣдь этихъ дождей нисколько не боюсь. Мы, братъ, люди русскіе, травленные...

— Дѣло твое,—сказалъ Александръ и поглядѣлъ въ сторону.—Я, признаться, и шелъ-то больше затѣмъ, чтобъ на тебя поглядѣть: какой-такой, молъ, Буравчикъ этотъ бытуетъ? Давно слышу: Буравчикъ, Буравчикъ... А что за Буравчикъ,—неизвѣстно. Дай, думаю, гляну.

— Наслыщанъ, значить, обо мнѣ?—спросилъ Буравчикъ.—Ну, что жъ, гляди. Меня ужъ давно такъ кличутъ. У меня ихъ двѣ, фамиліи-то одна значить, улишная, а другая жур-

нальная. А ты кто же такой? На работника не похожъ что-й-то.

— И то не похожъ,—сказалъ Александръ.—Это меня нуждишка заставила батракомъ-то на старости лѣтъ быть. Я панютинскій, у насъ село богатая. Я и самъ хорошо жилъ, хозяиномъ. Да такая оказія: третій разъ горю до тла! Справлюсь-справлюсь, придетъ лѣто, хлѣбушко убери... Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи... Анъ нѣтъ: опять сумку надѣвай! Просто хотъ удавись,—прибавилъ онъ съ застѣнчивой улыбкой. —Двое ребятишекъ сгорѣло...

— Да чтò ты?—съ притворнымъ участіемъ и даже ужасомъ воскликнулъ Буравчикъ.—Это не медъ,—сказалъ онъ, качая головой.—Это не медъ. Избавь Богъ.

И, помолчавъ, опять обратился къ старостихѣ:

— Да, такъ вотъ я и говорю: заѣхали мы въ лѣсъ, подѣзжаемъ къ караулкѣ. Становимъ лошадей во дворъ, всходимъ въ избу, самоваръ требуемъ. А лѣсникъ, надо тебѣ замѣтить, оказывается, вдовецъ, старикъ древній, да такой, что я и отродясь не видывалъ: просто орутанъ какой-то! Братъ Егоръ даже испугался маленько. Глянулъ на меня, да и говоритъ мнѣ по фарамъ, чтобы, значить, не понялъ насъ лѣсникъ: „Брафара, афара вѣфѣрѣдъ эферетофоро звѣфѣрѣрь. Офоронъ мофорожефереть уфурубифирить нафарасъ“. То-есть, по-русски сказать такъ: „Братъ, а вѣдь это звѣрь. Онъ можетъ убить насъ“... А на звѣря лѣсникъ, и правда, похожъ: рубаха ниже колѣнъ, лыкомъ подпоясана, на ногахъ лаптищи, руки длинныя, въ родѣ корней дубовыхъ... Дикій, одно слово, человѣкъ и силы, видать, неописанной.

— Этотъ орутанъ въ звѣрильницѣ живетъ,—вставилъ Александръ.—Видѣлъ я его въ городѣ.

— Онъ самый, онъ самый,—подтвердилъ Буравчикъ.—Да его и по избамъ большое число попадается... Да... И все, знаешь, гнется, кряхтитъ, въ земь смотреть...

— А. виски, небось, сѣрые, невпрочесъ, какъ у кобеля хорошаго,—опять вставилъ Александръ.

— И то правильно,—сказалъ Буравчикъ.—Ты догадливъ живешь, сударушка. Ну, только противъ дикаго, какъ говорится, и самъ дикъ да хитеръ будь. Мужикъ тебя раломъ, а ты его жаломъ... Да. Обращаемся къ лѣснику: „Чайку съ нами, милости просимъ“. — „Можно, говорить, спасибо“. И опять этакъ сумрачно, а главная вещь—шамкаетъ. Сѣлъ за столъ, налили мы ему чаю,—въ корецъ, понятно, а не въ чашечку какую-нибудь,—а онъ и давай, вотъ не хуже моего, скорки хлѣбныя крошить да въ чаю ихъ распаривать. Чтò,

думаемъ, за чудеса такія? „Дѣдъ, говоримъ, да ай у тебя зубъ-то нѣту? Фигура у тебя знаменитая, а зубъ нѣту: что, молъ, за притча такая?“ А онъ, понявши, безъ сомнѣнія, такія слова, и совсѣмъ голову угнулъ. Молчалъ-молчалъ да и выложилъ намъ, дуракамъ, свое назиданіе.

— Стравилъ тоже чѣмъ-нибудь, зубы-то?—изъ вѣжливости спросила старостиха.

Буравчикъ закурилъ, закашлялся и отвѣтилъ веселой скороговоркой:

— Да нѣтъ, въ томъ и басня вся, что не стравилъ. За грѣхъ поплатился, за гордость. Ты вотъ послушай.

И опять перешелъ на размѣренный тонъ:

— Онъ, понимаешь, лѣсникъ-то этотъ, такъ прямо и сказалъ намъ: назиданіе мое, говоритъ, въ томъ самомъ есть, что окоротилъ меня Господь за грѣхъ тяжкій, за глупость мою. И вотъ каюсь я теперь, ребята, и конному и пѣшему. Видите, какія дисни-то у меня? О, гляньте,—сказалъ Буравчикъ, представляя лѣсника, и опять запустилъ въ ротъ палецъ:—ни одного не осталось. А почему не осталось,—человѣка я хотѣлъ убить, на силу свою глупую понадѣялся. Зашелъ ко мнѣ, ребята, годовъ семьдесятъ тому назадъ солдатъ одинъ изъ Польши: шелъ домой въ отпускъ несрочный и ночевать, значить, попросился. И было, вотъ какъ передъ истиннымъ Богомъ, росту въ томъ солдатѣ не болѣ двухъ аршинъ, а силы—и на двухъ вшей не хватить...

— На взглядъ-то, значить,—сказалъ Александръ, чтобы показать, что онъ понимаетъ, къ чему клонилъ лѣсникъ въ своемъ назиданіи.—На первый взглядъ, то-есть... Вотъ въ родѣ какъ у тебя,—прибавилъ онъ насмѣшливо и дружелюбно.

— Во, во, въ аккуратъ!—подхватилъ Буравчикъ, блеснувъ въ его сторону глазами.—Совсѣмъ коростовый, глядѣться... И зачни, понимаешь, деньгами передъ лѣсникомъ хвастать. „Сѣлъ, говоритъ, за столъ, похлебалъ моей похлебочки, закурилъ трубочку, снялъ ранецъ съ себя—и давай деньги изъ него таскать, пересчитывать. А денегъ этихъ самыхъ у него—прямо туча: все сотельныя одиѣ, и все въ стопки, въ кирпичи складены и оборочками хрестъ-нахрестъ перевязаны. „Да это еще что!—говорить.—У меня, говоритъ, еще гаманъ за гашникомъ спрятанъ, полный золотомъ“. И какъ, значить, глянулъ я на такое богатство, потемнѣло у меня въ глазахъ отъ жадности, отнялись мои ручки, ноженьки,—ажъ штаны ходуномъ заходили. Посчиталъ деньги солдатъ, попихалъ ихъ въ ранецъ свой и баесть: „Что жъ, пора и на печь, дядюшка!“ А я въ отвѣтъ

ему мычу только да зубами стучаю, зубы же мои въ ту пору таковы были, что могъ я ими очень даже просто доску столовую перешибить. Ну, завалился, безъ сомнѣнія, солдатъ мой на печь, потушилъ я лучину, нашарилъ топоръ-колунъ подъ лавкою, легъ и жду, а самъ думаю: туюкну, молъ, обухомъ разокъ—и капуть ему, суслику!“

— Анъ сусликъ-то умнѣе насъ вышелъ,—вставилъ Александръ, показывая, что онъ уже предугадалъ и развязку притчи.

— „Долго ли, коротко ли,—продолжалъ Буравчикъ:—только слышу—успокоился солдатъ. Ну, думаю, слава Тебѣ, Господи, во снѣ-то ему легче помирать будетъ, онъ и самъ, небось, кого-нибудь соннаго пришибъ,—больше неоткуда было ему такую уйму денегъ накопить. Подкрался съ обухомъ своимъ къ печкѣ,—а въ обухѣ томъ вѣсу, никакъ, болѣе пуда было,—сталъ покрѣпче на приступку, повернулъ колунъ тыломъ, нащупалъ голову стриженую, размахнулся—разъ!.. Мать честная! Только мокро, молъ, останется!.. И что жъ вы, ребятушки, думаете?“

Буравчикъ остановился и вытаращилъ глаза, держа блюдо на отлетѣ.

— „Что жъ вы думаете?—говорить лѣсникъ.—Очнулся солдатъ, потянулъ въ себя носомъ и покойненько этакъ кличетъ меня: „Хозяинъ, а хозяинъ. Что-й-то у тебя тутъ дѣлается? Либо у тебя прусаки водятся? Миѣ сейчасъ здо-оровый прусакъ на високъ упалъ“... А хорошъ прусакъ, колунъ-то мой? Я прямо пополовѣлъ отъ этакихъ словъ, свалился съ приступки, прижукнулся—и ни вздоху, ни пыху! Зачалъ, одна-кося, опять ждать своего...“

— Энтотъ солдатъ, значить, слово зналъ такое,—сказала старостиха и, скрестивъ руки подъ грудями, перестала мотать ногой.

Александръ, насмѣшливо и ласково улыбаясь, только розово-лысой головой покачалъ. А Буравчикъ вскочилъ съ мѣста, торопливо поправилъ коптившую лампочку, опять сѣлъ и крикнулъ, открывая беззубый ротъ, съ дѣтскою гордостью и радостью:

— Ха! Слово! Слово слову розъ, а тутъ не иначе, какъ кочетинное слово было! Слушай, что дальше-то будетъ, чай, примѣчай, куда чайки летятъ. Лѣсникъ мой не унялся, опять полѣзъ на печь. „Нащупалъ я, говоритъ, темя солдатово, обернулъ вострякомъ колунъ да и ухнулъ со всей силы-возможности. Ухнулъ и жду, а солдатъ приподнялся, да какъ захо-о-четъ! „Ну, говоритъ, хозяинъ, видно, у тебя не вы-

спишься. У тебя, говоритъ, черти; безъ сомнѣнія, водятся: видно, подложили плотники щетины подъ матицу и развели у тебя этихъ самыхъ чертей видимо-невидимо. Сейчасъ одинъ меня ровно прутомъ какимъ по лбу жиганулъ. Ажъ засвирбѣло“... Чтò тутъ дѣлать? Отползъ я отъ печи, а солдатъ поднялся, слышу, обувается. „Хозяинъ, а хозяинъ, говоритъ, скоро свѣтъ, мнѣ пора итить, проводи меня изъ лѣсу“. Ну, думаю, и того лучше: угомоню его въ лѣсу, мнѣ же выгоднѣй,—избу поганить не надо. Вскочилъ, будто спросонья: „А? Чтò? Проводить? Ладно, молъ, идемъ“... Надѣваю армякъ, трясусь съ ногъ до головы, никакъ въ рукавъ не попаду, а самъ за дубинку ловлюсь: стояла у меня въ уголкѣ на ту пору ха-а-рошая орясина, пудиковъ трехъ вѣсомъ. А солдатъ умывается и—хохочетъ! Беретъ въ ротъ воду изъ махоточки, льетъ изъ рота на руки, нагинается, моетъ лицо и хохочетъ... Чисто чортъ какой! Вышли, наконецъ того, пошли... Мнѣ бы, дураку, давно пора понять, что никакъ не возьметъ сила моя супротивъ ума-солдатовъ, а я пружу да пружу, на затылокъ его стриженный гляжу. Онъ передомъ, въ ранецъ своемъ телячьимъ, самъ меньше ранца, я — за нимъ, по пятамъ, въ родѣ медвѣдя какого. Стало, вижу, бѣлѣть вверху, дождь рѣдѣть да рѣдѣть, прояснилось въ лѣсу. Дождь я спуска въ ложокъ, сосны одной примѣтной, обгорѣлой, приподнялъ свой корешокъ да и пустилъ съ навѣсу по затылку солдатову. А солдатъ...”

Буравчикъ быстро взглянулъ на свѣсившуюся голову старости и уставился радостно-блестящими глазами въ Александра:

— „А солдатъ клюнулъ этакъ носомъ, шапку подхватилъ, поправилъ, обернулся, будто удивился очень, да и говоритъ этакъ строго да внятно: „А-а, говоритъ, вотъ какой домовоито въ избѣ у тебя завелся! Понима-аю! Видно, надо поучить его маленько“... Поставилъ тихимъ манеромъ ружьецо свое берданское къ соснѣ, засучилъ рукава... „Ну-ка, разинь ротъ“,—говоритъ. А я ужъ и дубинку уронилъ отъ ужаси и ничего не смыслю. Однако разѣваю. „Да нѣтъ, говоритъ, ты пошире, пошире, стыдиться тутъ нечего!“ Разѣваю, сколько есть моей силы. Беретъ тогда солдатъ меня за зубъ пальцами, давитъ его, какъ клещами залѣзными,—и вынимаетъ вонъ изъ рота, въ горсть себѣ кладетъ. Вынимаетъ опосля того и другой тѣмъ же побытомъ, вынимаетъ и третій, вынимаетъ четвертый...”

Остановились и у Александра его ясные глаза. А Буравчикъ, насладившись сго ожиданіемъ, уперся руками въ ко-

лѣни, лихо разставилъ локти и отчетливо, раздѣльно сталъ доканчивать:

— „Выбралъ онъ мнѣ, безъ сомнѣнія, зубы до одинаго, вынулъ лычко изъ карманчика: „держи подолъ“,—говорить. Я держу, подставляю. Положилъ солдатъ въ подолъ цѣльную горсть моихъ зубъ, завернулъ, закаталъ и такъ-то аккуратно завязалъ, закрутилъ его лычкомъ. „Это, говоритъ, мужичокъ-сѣрячокъ, на память тебѣ, а это на поминъ души моей“... И вынимаетъ, подаетъ мнѣ сотельный билетъ!“

— Это не плохо,—съ улыбкой мотнулъ головой Александръ. Буравчикъ залился смѣхомъ.

— Дай Богъ всякому!—воскликнулъ онъ.—Да вѣдь знаешь, сладокъ медъ, а не по двѣ ложки въ ротъ. Деньги-то онъ пріобрѣлъ, а зубъ лишился. „Я, говоритъ, деньги-то беру, а сказать ничего не могу: хочу слово сказать, да съ непривычки только челюстью ворочаю. А-а, а-а,—только и всего. Хочу сказать: солдатушка...“

Буравчикъ, смѣясь, поднялъ брови, сдѣлалъ жалкое лицо и опять полѣзъ въ ротъ пальцемъ:

— „Хочу сказать,—смѣясь и почти плача, закричалъ онъ тонкимъ голосомъ: — хочу сказать: солдатушка, а выходитъ: саатушка...“

Стягивая съ блюда воду и куски кренделей, онъ еще долго крутилъ головой, морщился, смѣялся и повторялъ послѣднія слова. Старостиха, сложивъ руки, крѣпко спала. Лампочка коптила, прусаки, пользуясь сумракомъ, бѣгали по старымъ бревенчатымъ стѣнамъ. На черныхъ стеклахъ блестѣли капли дождя.

— Побаску твою понимаю,—сказалъ наконецъ Александръ.

— Сила, значить, не въ медвѣдѣ,—пояснилъ Буравчикъ.

— Не иначе,—подтвердилъ Александръ.—Былъ и у насъ случай подобный. Я самъ очевидецъ былъ. Будетъ этому, дай Богъ не солгать, лѣтъ, небось, цятнадцать тому назадъ. Былъ у насъ въ Панютинѣ малый дуракъ, звали его Бурлыга. Потому не могъ онъ чисто сказать: тоже двухъ зубовъ на передѣ не хватало,—кобыла вышибла. Все, бывало: буръ, буръ. За то и Бурлыгой прозвали. Малый, говорю, былъ дуракъ, картавый, а вотъ, не хуже твоего лѣсника, рослый, здоровый, чистый палачь. Потому его внѣшность дозволяла. Такъ вотъ, случись у насъ въ селѣ ярманка. Собрались его товарищи по пьяному виду, сидятъ на выгонѣ. Конечно, тутъ и водка, и всякая закуска при нихъ. Зашелъ разговоръ, какъ вотъ у насъ съ тобой, про силу, а онъ, конечно, пьяный,—бываетъ, тверезый того не сказалъ бы, ну, а тутъ:

бурь, бурь, я, говорить, никого не боюсь, и Бога никакого нѣту...

— Ну, ужъ это-то сдуру,—разсѣянно сказалъ Буравчикъ, вздыхая послѣ смѣха, завертывая новую цыгарку и думая о чемъ-то другомъ.—Это ужъ сдуру.

— Понятно, сдуру, — подтвердилъ Александръ.—Подивились всѣ ему. Молъ, не снесешь ты, малый, своей головы! А онъ поднялся, пошелъ въ народъ, увидалъ всю кралю, сдѣлалъ ей любовный знакъ. Подходить она къ нему. Зачалъ онъ при ей еще пуще куражиться. Глаза помутилъ, полушубокъ размахнулъ, усы мокрые косицами въ щербину лѣзутъ. Видитъ—сидитъ на телѣгѣ старичокъ маленькій, лопатами торгуетъ. Около телѣги меринъ привязанъ, лопаты на земли разложены, а въ телѣгѣ—большой бѣлый баранъ, тоже, значить, продается. Лобикъ, поясника краской фуксиномъ помѣчены. Рога здоровые, хвостъ толстый. А самъ старичокъ легонькій, какъ пухъ, въ сѣромъ халатику, въ бѣломъ колпачкѣ изъ прѣстой холстины и въ чунькахъ покойницкихъ. Сидитъ на грядкѣ, закусываетъ калачикомъ. А малый-то мой сдуру куражится, ломается, лѣзетъ на него...

— Своей бѣды не чуетъ,—вставилъ Буравчикъ въ ладъ Александру, тѣмъ же тономъ, какимъ и Александръ вставлялъ замѣчанія въ его рассказъ.

— Да, бѣды своей не чуетъ,—повторилъ Александръ.—„Сейчасъ, говорить, пойду, всю его амуницию расшибу и барану хвостъ отломаю“. Любовница его мазаная, конечно, тоже уродничаетъ, притворяется, упрашиваетъ его. А онъ-то качается, ломается, будто пьянъ дюже! „Охъ, не перечь ты мнѣ за-ради Христа! Прошу тебе,—не трожь ты мне, а то я хуже надѣлаю. Протѣвъ силы моей, говорить, богатыря во всей державѣ не найдется“. Подходить, значить, къ старичку. „Бурь, бурь, дай, говорить, колачика мнѣ“. Старичокъ вынимаетъ изъ телѣги колачъ свѣжій, подаетъ, а малый Бурлыга беретъ, а самъ прицѣливается барана сгрестъ за рога, хвостъ ему зачать ломать. А старичокъ поглядѣлъ этакъ скромненько, слѣзъ съ грядки, лопату поднялъ, да какъ размахнется, да какъ ахнетъ... Норовиль-то по малому, а попалъ мерину по боку—ажъ по всей ярманкѣ отозвалось! Меринъ съ ногъ долой, порядочно лопать переломалъ, ухнулъ,дохнулъ, да и каюкъ,—красная вода носомъ пошла. Тутъ, конечно, народъ бѣжить, а старичокъ зашелъ за народъ—да потуда его и видѣли. Какъ въ воду канулъ. Меринъ завалился, лежитъ, а баранъ сидитъ въ телѣгѣ и на Бурлыгу лупится...

— Ну, а старикъ-то,—разсѣянно перебилъ Буравчикъ:— онъ-то куда жъ могъ пропасть? .

Александръ подумалъ.

— А шать его знаетъ,—сказалъ онъ.—Значить, слово такое зналъ. Значить, тоже прикоснулся онъ сатанѣ... вотъ не хуже солдата твоего, либо тебя.

— Меня?—съ притворнымъ удивленіемъ крикнулъ Буравчикъ, и глаза его блеснули довольствомъ.—Ай ты очумѣлъ? Я-то тутъ при чемъ?

— Будя толковать-то! —сказалъ Александръ ласково и грустно.—Авось, слыхали про тебя. Ты, братъ, тоже малъ, да удалъ. Тоже хорошѣ... Живучѣ всякой кошки али, скажемъ, козюли. Ты ее раломъ, она тебя жаломъ... Ну, ты самъ посуди: что ты предо мной? Скнипа! Я тебя могу двумя щептями задавить. А куда жъ мнѣ, дураку, справиться съ тобой? Ты захочешь—кровинки во мнѣ не оставишь, до тла всего высосешь. Я, къ примѣру, могу двѣ полнivy за день взодрать... Да и взодралъ-таки на своемъ вѣку, дай Богъ всякому. А чего добился? Одинъ хрестъ на шеѣ, только и всего. А ты вотъ тысячами ворочаешь... Нѣтъ, какъ можно!—сказалъ онъ съ непонятнымъ восхищеніемъ.—Я твоего ногтя не стою!

Буравчикъ молчалъ, загадочно и довольно улыбаясь. Потомъ вздохнулъ, всталъ, обернулся къ стѣнѣ и потянулъ цѣпочку рублевыхъ часовъ, висѣвшихъ на ней, толкнулъ маятникъ. Посыпались мертвыя, сухія мухи, которыя все лѣто набивались въ часы и останавливали ихъ, и по избѣ пошелъ мѣрный, сонный стукъ, мѣшаясь съ шумомъ дождя по крышѣ.

Александръ задумчиво глядѣлъ въ полъ, упершись обѣими ладонями въ лавку.

Буравчикъ наклонилъ самоваръ и сталъ нацѣживать послѣднюю чашку.

ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ.

Моя жизнь хорошая была, я, чего мнѣ желалось, всего добилась. Я вотъ и недвижимымъ имуществомъ владаю,—старичокъ-то мой прямо же послѣ свадьбы домъ подъ меня подписалъ,—и лошадей, и двухъ коровъ держу, и торговлю мы имѣемъ. Понятно, не магазинъ какой-нибудь, а, какъ говорится, просто лавка, да по нашей слободѣ сойдетъ. Я всегда удачлива была, ну только и характеръ у меня настойчивый.

Насчетъ занятія всякаго меня еще батенька заучилъ. Онъ хоть и вдовый былъ, запойный, а, не хуже меня, ужасный умный, дѣльный и безсердечный. Какъ вышла, значить, воля, онъ и говорить мнѣ:

— Ну, дѣвка, теперь я самъ себѣ голова, давай деньги наживать. Наживемъ, переѣдемъ въ городъ, купимъ домъ на себѣ, отдамъ я тебя замужъ за отличнаго господина, буду царевать. А у своихъ господъ намъ нечего сидѣть, не стоятъ они того.

Господа-то наши, и правда, хоть добрые, а бѣдные-пробѣдные были, просто сказать—побирушки. Мы и переѣхали отъ нихъ въ другое село, а домъ, скотину и какое было заведеніе продали. Переѣхали подъ самый городъ, въ село Чермашное, сняли капусту у барыни Мещериной. Она фрелиной при царскомъ дворцѣ была, нехорошая, рябая, въ дѣвкахъ посѣдѣла вся, никто замужъ не взялъ, ну и жила себѣ на спокоѣ. Сняли мы, значить, у ней луга, сѣли, честь честью, въ салашъ. Стыдъ, осень, а намъ и горя мало. Сидимъ, ждемъ хорошихъ барышей и не чуемъ бѣды. А бѣда-то и вотъ она, да еще какая бѣда-то! Дѣло наше ужъ къ развязкѣ близилось, прошло такъ сколько время, вдругъ—скандалъ ужасный. Напились мы чаю утромъ,—праздникъ

былъ,—я и стою такъ-то возлѣ салаша, гляжу, какъ по лугу народъ отъ церкви идетъ. А батенька по капустѣ пошелъ. День свѣтлый такой, хоть и вѣтреный, я и заглядѣлась, и не вижу, какъ подходятъ вдругъ ко мнѣ двое мужчинъ: одинъ священникъ, высокій этакій, въ сѣрой рясѣ, съ палкой, лицо все темное, землистое, грива какъ у лошади хорошей, черная какъ смоль, такъ по-вѣтру и раздымается, а другой—простой мужикъ, его работникъ. Подходятъ къ самому салашу. Я оробѣла, поклонилась и говорю:

— Здравствуйте, батюшка. Благодаримъ васъ, что провѣдать насъ вздумали.

А онъ, вижу, злой, пасмурный, на меня и не смотритъ, стоитъ, калмышки палкой разбиваетъ.

— А гдѣ, говоритъ, твой отецъ?

— Они, говорю, по капустѣ пошли. Я, молъ, если угодно, покликать ихъ могу. Да вонъ они и сами идутъ.

— Ну, такъ скажи ему, чтобъ забиралъ онъ все свое добришко вмѣстѣ съ самоварчикомъ этимъ паршивымъ и увольнялся отсюда. Нынче мой караульщикъ сюда придетъ.

— Какъ, говорю, караульщикъ? Да мы ужъ и деньги, девяносто рублей, барынѣ отдали. Чтò вы, батюшка? (Я, хоть и молода, а ужъ продувная на это дѣло была). Ай вы, говорю, смѣтаете? Вы, говорю, бумагу намъ должны предъявить.

— Не разговаривать,—кричитъ.—Барыня въ городъ переезжаетъ, я у нее дуга эти купилъ, и земля эта теперь моя собственная.

А самъ махаетъ, бьетъ палкой въ землю, — того гляди, въ морду заѣдетъ.

Увидалъ эту исторію батенька, бѣжитъ къ намъ,—онъ у насъ ужасный горячій былъ,—подбѣгаетъ и спрашиваетъ:

— Чтò за шумъ такой? Чтò вы, батюшка, на нее кричите, а сами не знаете, чего? Вы не можете палкой махать, а должны откровенно объяснить, по какому такому праву капуста вашей сдѣлалась? Мы, молъ, люди бѣдные, мы до суда дойдемъ. Вы, говоритъ, духовное лицо, вражду не можете имѣть, за это вашему брату къ свитымъ дарамъ нельзя касаться.

Батенька-то, выходитъ, и слова дерзкаго ему не сказалъ, а онъ, хоть и пастырь, а злой былъ, какъ самый обыкновенный сѣрый мужикъ, и какъ, значить, услыхалъ такіа слова, такъ и побѣлѣлъ весь, слова не можетъ сказать, альни ноги подъ рясой трясутся. Какъ завизжитъ, да какъ кинется на батеньку, чтобы, значить, по головѣ его огрѣть! А батенька увернулся, схватился за палку, вырвалъ ее у него

изъ рукъ вонъ, да объ колѣнку себѣ—разъ! Тотъ было—на грудь, а батенька пересадилъ ее пополамъ, отшвырнулъ куда подалѣ и кричитъ:

— Не подходите, за-ради Бога, ваше священство! Вы, кричить, черный, жуковатый, а еще пожукватѣй васъ.

Да и схвати его за руки!

Судь да дѣло, сослали за это за самое батеньку на поселенье. Осталась я одна на всемъ бѣдомъ свѣтѣ и думаю себѣ: что жъ мнѣ дѣлать теперь? Видно, правдой не проживешь, надо, видно, съ оглядкой. Подумала годокъ, пожила у тетки, вижу,—дѣться мнѣ некуда, надо замужъ поскорѣй. Былъ у батеньки пріятель хорошій въ городѣ, шорникъ,—онъ и посватался. Не сказать, чтобъ изъ видныхъ женихъ, да все-таки выгодный. Нравился мнѣ, правда, одинъ человекъ, крѣпко нравился, да тоже бѣдный, не хуже меня, самъ по чужимъ людямъ жилъ, а этотъ все-таки самъ себѣ хозяинъ. Приданого за мной копейки не было, а тутъ, вижу, берутъ безъ ничего, какъ такой случай упустить? Подумала, подумала и пошла, хоть, конечно, знала, что былъ онъ пожилой, пьяница, всегда разгоряченный человекъ, просто сказать—разбойникъ... Вышла и стала, значить, ужъ не дѣвка простая, а Настасья Семеновна Жохова, городская мѣщанка... Понятно, лестно казалось.

Съ этимъ мужемъ я девять лѣтъ мучилась. Одно званье, что мѣщане, а бѣдность такая, что хоть и мужикамъ впору! Опять же дразги, скандалы каждый божій день. Ну, да пожалѣлъ меня Господь, прибралъ его. Дѣти отъ него поми-рали всѣ, остались только два мальчика, одинъ Ваня, по девятому году, другой младенецъ на рукахъ. Ужасный веселый, здоровый былъ мальчикъ, десяти мѣсяцевъ сталъ ходить, разговаривать,—всѣ они у меня, дѣти-то, на одиннадцатомъ мѣсяцу начинали ходить и говорить,—самъ сталъ чай пить, уцопится, бывало, обоими ручонками за блюдо, не выдерешь никакъ... Ну только и этотъ мальчикъ померъ, году еще не было. Пришла я разъ съ рѣчки домой, а мужнина сестра,—мы съ ней квартиру-то снимали,—и говорить:

— Твой Костя нынче цѣлый день кричалъ, закатывался. Я ужъ передъ нимъ и такъ и этакъ, и руками, и въ щелчки, и сладкой воды давала — давится, да и только, и вода черезъ носъ назадъ идетъ. Либо онъ остудился, либо съѣлъ чего, вѣдь они, дѣти-то, все въ ротъ тащутъ, развѣ углядишь?

Я такъ и обомлѣла. Кинулась къ люлькѣ, отмахнула положекъ, а ужъ онъ томиться сталъ: даже и кричать не можетъ.

Сбѣгала сестра за фельшеромъ знакомымъ, пришелъ онъ, — чѣмъ вы, говорить, его кормили?

— Ёль, моль, кашу манную, только и всего.

— А ничѣмъ не игралъ?

— Такъ точно, игралъ, — говоритъ сестра. — Тутъ все колечко мѣдное съ хомута валялось, онъ и игралъ имъ.

— Ну, — говоритъ фельшеръ, — обязательно онъ его проглотилъ. Чтобъ у васъ руки, говорить, отсохли! Натворили вы дѣловъ, вѣдь онъ помретъ у васъ!

Понятно, по его и вышло. Двухъ часовъ не прошло — кончился. Повинтовали мы, — повинтовали, да дѣлать нечего, — видно, противъ Бога не пойдешь. Такъ и этого похоронила, остался одинъ Ваня. Остался одинъ, да вѣдь, какъ говорится, и одинъ — господинъ. Невеликъ человѣкъ, а все не меньше взрослога съѣсть, сопьетъ. Стала я ходить къ воинскому полковнику Никулину полы мыть. Люди они были съ капиталомъ хорошимъ, квартиру снимали, тридцать рублей помѣсячно платили. Сами въ верхнемъ этажу, внизу кухня. Стряпуха у нихъ была совсѣмъ плохонькая старушонка, безотвѣтная, а распутная. Ну, и забеременѣла, понятно. Полы мыть нагинаться нельзя, чугуна изъ печки не вытащить... Ушла она рожать, а я и захвати ея мѣсто: такъ-то ловко къ хозяйевамъ подкатилась! Я вѣдь, правда, смолоду ловкая и хитрая была, за что, бывало, ни возьмусь, сдѣлаю все чисто, аккуратно, любого официанта засушу, опять же и угодить умѣла: что ни скажутъ господа, а я все „да-съ“, да „такъ точно“, да „истинная ваша правда“... Встану, бывало, чуть лунно, полы подотру, печку истоплю, самоваръ расчищу, — господа пока проснутся, а ужъ у меня все готово. Ну, и сама я, понятно, была чисто плотная, ладная, изъ себя, хоть и сухая, а красивая. Мнѣ ину пору даже жалко, бывало, себя станеть: за что, моль, красота моя и званіе на такой черной работѣ пропадаютъ?

Думаю себѣ — надо случаемъ пользоваться. А случай такой, что самъ полковникъ ужасный здоровый былъ и видѣть меня покойно не могъ, а полковничиха у него была нѣмка, толстая, больная, старе его годовъ на десять. Онъ не хорошъ, грузный, коротконогій, на кабана похожъ, а она того хуже. Вижу, сталъ онъ за мной ухаживать, въ кухню у меня сидѣть, курить меня заучать. Какъ жена со двора, онъ и вотъ онъ. Прогонить денщика въ городъ, будто по дѣлу, и сидить. Надоѣлъ мнѣ до смерти, а, понятно, прикидываюсь: и смѣюсь, и ногой сажу-мотаю, — всячески, значить, разжигаю его... Вѣдь что жъ подѣлаешь, бѣдность, а тутъ, какъ гово-

рится, хоть шерсти клокъ, и то дай сюда. Разъ какъ-то въ царскій день всходитъ въ кухню во всемъ своемъ мундирѣ, въ эполетахъ, подпоясанъ этимъ своимъ бѣлымъ поясомъ, какъ обручемъ, въ рукахъ перчатки лайковыя, шею надулъ, застегнулъ, алыни синій сталъ, весь духами пахнетъ, глаза блестятъ, усы черные, толстые... Всходитъ и говоритъ:

— Я сейчасъ съ барыней въ соборъ иду, обмахни мнѣ сапоги, а то пыль дюже—не успѣлъ по двору пройти, запылился весь.

Поставилъ ногу въ лаковомъ сапогѣ на скамейку, чистую тунбу какую, я нагнулась, хотѣла обтереть, а онъ схватилъ меня за шею, платокъ даже сдернулъ, потомъ затиснулъ за грудь и ужъ за печку тащить. Я туда, сюда, никакъ не выдерусь отъ него, а онъ такъ жаромъ и обдаетъ, такъ кровью и наливается, старается, значить, одолѣть меня, поймать за лицо и поцѣловать.

— Чтò вы, говорю, дѣлаете! Барыня идетъ, уйдите за-ради Христа!

— Если, говоритъ, полюбишь меня, я для тебя ничего не пожалѣю!

— Какъ же, молъ, знаемъ мы эти посулы!

— Съ мѣста не сойти, умереть мнѣ безъ покаянія!

Ну, понятно, и прочее тому подобное. А, по совѣсти сказать, чтò я тогда смыслила? Очень просто могла польститься на его слова, да, слава Богу, не вышло его дѣло. Зажалъ онъ меня опять какъ-то не во-время, я вырвалась, вся растрепанная, разозлилась до смерти, а она барыня-то и вотъ она: идетъ сверху, наряженная, вся желтая, толстая, какъ покойница, стонетъ, шуршитъ по лѣстницѣ платьемъ. Я вырвалась, стою безъ платка, а она и вотъ она — прямо къ намъ. Онъ мимо нее, да драло, а я стою, какъ дура, не знаю, чтò дѣлать. Постояла она, постояла противъ меня, поддерживала шелковый подолъ, — какъ сейчасъ помню, въ гости нарядилась, въ коричневомъ шелковомъ платьѣ была, въ митенкахъ бѣлыхъ, съ зонтикомъ и въ шляпкѣ маленькой, въ родѣ корзиночка, — постояла, застонала и вышла. Выговаривать, правда, ни ему ни мнѣ ни слова не стала. А какъ уѣхалъ полковникъ въ Кіевъ, она и прогнала меня.

Собрала я свое добришко и вернулась къ сестрѣ (Ваня-то у сестры жилъ). Сошла съ этого мѣста и опять думаю: пропадаетъ даромъ мой умъ, ничего я не могу себѣ нажить, прилично замужъ выйти и свое собственное дѣло имѣть, обидѣлъ меня Богъ! Запрягусь, думаю, сызнова, обмогнусь какъ-нибудь—и ужъ жива не буду, а добьюсь своего, будетъ

у меня свой капиталъ! Подумала, подумала такъ-то, отдала Ваню въ ученѣе къ портному, а сама въ горничныя, къ купцу Самохвалову опредѣлилась, да и отдежурила цѣльныхъ семь лѣтъ... Съ того и поднялась.

Жалованья положили мнѣ два съ четвертакомъ. Прислуги двѣ — я, да дѣвушка Вѣра. Одинъ день я за столомъ, она посуду моетъ, другой я посуду мою, она къ столу подаетъ. Семейство не сказать, чтобъ большое: хозяинъ Матвѣй Ивановичъ, хозяйка Любовь Иванна, двѣ взрослыхъ дочери, два сына. Самъ хозяинъ человѣкъ былъ серьезный, неразговорчивый, въ будни никогда и дома не бывалъ, а, какъ праздникъ, сидитъ у себя наверху, читаетъ всякія газеты и сигару курить, а хозяйка простая, добрая, тоже, какъ я, изъ мѣщанокъ. Дочерей своихъ, Аню и Клашу, они скоро просватали и двѣ свадьбы въ одинъ годъ сыграли, — выдали за военныхъ. Тутъ-то, правду сказать, и начала я копить маленько: ужъ очень много на чай военные давали. Сдѣлаешь просто даже бездѣлицу какую-нибудь — спички когда такъ-то подашь, шинель съ калошами, — глядишь, двадцать копеекъ, тридцать... Да и хаживали мы страсть чисто, нравились военнымъ. Вѣра, та, правда, изъ себя все что-й-то строила, барышню какую-то, — ходитъ мелкими шажками, нѣжна и обидчива до крайности, сейчасъ, чуть что, брови свои пушистыя сдвинетъ, губы, какъ вишни, задрожать и ужъ слезы на рѣсницахъ, — хороши, правда, рѣсницы были, большія, я такихъ ни у кого и не видывала! — ну, а я-то поумнѣй была. Я, бывало, надѣну лифъ гладкій съ косякомъ, съ прошивками, рукава короткіе, на голову косу накладную съ чернымъ бантомъ бархатнымъ, бѣлый передникъ подкрахмаленный — такъ на меня даже взглянуть интересно. Вѣра, та все въ корсетъ затягивалась, — затянется мочи нѣтъ какъ туго, и сейчасъ же голова у ней до рвоты разболится, — а я никогда и не знала этого корсета, и такъ ладная была... А сошли военные, стали сыновья хозяйскіе давать.

Старшему-то ужъ годовъ двадцать сровнялось, какъ я на мѣсто заступила, а меньшому четырнадцатый пошелъ. Этотъ мальчикъ былъ сидяка убогій. Всѣ руки, ноги себѣ перломалъ, я и то сколько разовъ видѣла это дѣло. Какъ сломаетъ, приходитъ къ нему сейчасъ докторъ, всякой ватой, марлей забинтуетъ, потомъ зальетъ чѣмъ-то, въ родѣ какъ известка, известка эта самая съ марлей засохнетъ, станетъ какъ лубокъ, а какъ подживетъ, докторъ и разрѣжетъ, все долой сниметъ, — рука-то, глядь, и срослась. Ходить онъ самъ не могъ, а полозилъ на задѣ. Бывало, и по диванамъ, и черезъ

пороги, и по лѣстницамъ—такъ и жжетъ. Даже черезъ весь дворъ въ садъ проползалъ. Голова у него была большая, нескладная, на отцову похожа, виски грубые, рыжіе, какъ шерсть собачья, лицо широкое, старое. Потому какъ ѣлъ онъ страсть сколько: и колбасу, и бомбы шоколадныя, и крендели, и слоенки—чего только его душа захочетъ. А ножки, ручки тонкія, какъ овечьи, всѣ переломаны, въ рубцахъ. Водили его долго безъ ничего, рубахи шили длинныя, разныхъ цвѣтовъ, когда синія, когда розовыя. Грамотѣ учительница изъ духовнаго училища учила, на домъ къ намъ ходила. Здорово занимался, умная былъ голова! А ужъ какъ на гармоньѣ игралъ—гдѣ тебѣ и хорошему такъ-то сыграть! Играетъ и подпѣваетъ. Голосъ сильный, пронзительный. Бывало, какъ подыметъ, подыметъ: „Я монахъ, красивъ собою!..“ Эту пѣсню часто пѣвалъ.

Старшій сынъ былъ здоровый, а тоже въ родѣ дурачка, ни къ какимъ дѣламъ не способенъ. Отдавали его въ ученье во всякія училища—вездѣ выгоняли, ничему не выучили. Какъ ночь, залетѣлъ куда-нибудь—и до самой зари. Матери все-таки боялся и черезъ парадный ни за что, бывало, не пойдетъ. Я вечеромъ отдѣлаюсь и жду,—какъ хозяйева заснутъ, прокрадусь по горницамъ, растворю окно въ его кабинетѣ, а сама опять на свое мѣсто. Онъ сапоги на улицѣ сниметъ, пролѣзетъ въ окно въ однихъ чулкахъ—и ни стуку ни хрупы. На другой день всталъ,—какъ нигдѣ и не былъ, а мнѣ въ невидномъ мѣстѣ и сунетъ, что слѣдуетъ. Мнѣ-то что жъ, какая забота, беру съ великой радостью! Сломить себѣ голову—его дѣло... А тутъ и отъ меньшого, отъ Никанорѣ Матвѣича, пошелъ доходъ.

Добивалась я тогда своего прямо день и ночь. Какъ забрала себѣ въ голову одно обстоятельство, чтобы безпремѣнно обезпечить себя да за хорошаго человѣка выйти, такъ и укрѣпилась въ этой жизни. Каждую копейку, бывало, берегу: деньги-то, онѣ съ крылушками, только выпусти изъ рукъ! Сжила Вѣру эту самую—да она, по совѣсти сказать, и безъ надобности была, я такъ и хозяйевамъ сказала: я, молъ, и одна справлюсь, вы лучше прибавьте мнѣ какую ни на есть бездѣлицу—осталась одна и ворочаю. Жалованье не стала на руки брать: какъ нарастетъ рублей двадцать, двадцать пять, сейчасъ прошу хозяйку въ банкъ съѣздить, на мое имя положить. Платье, башмаки—все хозяйское шло, куда жъ мнѣ тратить? Только и сдѣлала расхода, что на памятникъ, мужу на могилку, два семь гривенъ заплатила, чтобъ люди не осуждали. А тутъ еще, на счастье мое, на его бѣду, влюбился въ меня, прости Господи, убогій этотъ...

Теперь-то, понятно, часто думается: можетъ, за него-то и наказалъ меня Господь сынкомъ! Иной разъ изъ головы не идетъ,—я вотъ сейчасъ расскажу, что онъ надъ собой сдѣлалъ,—да и то принять въ расчетъ, что ужъ очень обидно было: гляну, бывало, на него, головастаго, и такая-то досада возьметъ! „Чтобъ тебѣ, молъ, подѣялось, въ рубашкѣ ты родился! Вотъ вѣдь и калѣка, а въ какомъ богатствѣ живетъ. А мой и хорошъ, да въ праздникъ того не съѣсть, не сопъетъ, что ты въ будни, походя!“ Стала я замѣчать—похоже, влюбился онъ въ меня: ну, прямо глазъ съ моего лица не сводить. Онъ ужъ тогда лѣтъ шестнадцати былъ и шаровары сталъ носить, рубашку подпоясывать, усы красные стали пробиваться. А нехорошій, конопатый, зеленоглазый—избавь Богъ. Лицо широкое, а худощій, какъ кость. Сперва-то онъ, видно, то въ голову себѣ забралъ, что поправиться можетъ,—зачалъ прифранчиваться, подсолнухи покупать и такъ-то лихо, бывало, на гармонь заливался,—заслушаешься. Хорошо, правда, игралъ. Потомъ видитъ, что дѣло его не выходитъ,—притихъ, задумчивый сталъ. Разъ стою на галереѣ, вижу — ползетъ съ новой нѣмецкой гармоньей по двору,—опять подбрился, причесался, рубаху синюю съ косымъ высокимъ воротомъ надѣлъ, въ три пуговицы,—голову запрокинулъ, меня, значить, ищетъ. Поглядѣлъ, поглядѣлъ, глаза томные, мутные сдѣлалъ —и-и залился подъ полку:

Пойдемъ, пойдемъ поскорѣе
Съ тобой полку танцовать,
Въ танцахъ я могу смѣлѣе
Про любовь свою сказать...

А я, будто и не замѣтила,—какъ шваркну изъ полоскательницы! Шваркнула, да и сама не рада, очень испугалась: будетъ, молъ, мнѣ теперь на орѣхи! А онъ ползетъ, бьется наверхъ по лѣсницѣ, обтирается одной рукой, другой гармонью тащить, глаза опустилъ, весь побѣлѣлъ и говоритъ этакъ скромно, съ дрожью:

— Чтобъ у васъ руки отсохли. Грѣхъ вамъ за это будетъ, Настя.

И только всего... Правда, смирный былъ.

Худѣлъ онъ это время ну прямо не по днямъ, а по часамъ, и ужъ докторъ сказалъ, что не жилецъ онъ на бѣломъ свѣтѣ, обязанъ отъ чахотки помереть. Я гребовала, бывало, и прикоснуться къ нему. Да, видно, гребовать бѣдному человеку не приходится, деньгами все можно сдѣлать, вотъ онъ и сталъ подкупать меня. Какъ, бывало, позаснутъ всѣ послѣ

обѣда, онъ сейчасъ и зоветъ меня къ себѣ—либо въ садъ, либо въ горницу свою. (Онъ отдѣльно ото всѣхъ, внизу жилъ, горница большая, теплая, а скучная, всѣ окна во дворъ, потолки низкіе, шпалеры старыя, коричневые).

— Ты, говоритъ, посиди со мною, я тебѣ за это деньжонку дамъ. Мнѣ отъ тебя ничего не надо, просто я влюбился въ тебя и хочу посидѣть съ тобой: меня одного стѣны съѣли.

Ну, я возьму деньги и посижу. И набрала такимъ манеромъ съ полсотни. Да жалованья у меня лежало съ процентами сотни четыре. Значить, думаю себѣ, пора мнѣ теперь понемножку вылѣзть изъ хомута. А, по-совѣсти сказать, жалко было—хотѣлось еще годокъ-другой пережить, еще накопить маленько, главная же вещь—проговорился онъ мнѣ, что у него задушевная копилка есть, рублей двѣсти по мелочамъ отъ матери набралъ: понятно, боленъ часто, лежитъ одинъ въ постели, ну, мать и суетъ для забавы. А я нѣтъ-нѣтъ, да и подумаю: прости, Господи, мое согрѣшеніе, лучше бы онъ мнѣ эти деньги отдалъ! Ему все равно безъ надобности, вотъ-вотъ помретъ, а я могу на весь вѣкъ справиться. Выжидаю только, какъ бы поумнѣй дѣло это сдѣлать. Стала, понятно, поласковѣе съ нимъ, стала чаще сидѣть. Войду, бывало, въ его горницу, да еще нарочно оглянусь, будто крадучись вошла, дверь притворю и заговорю шопоткомъ:

— Ну вотъ, молъ, я и отдѣлалась, давайте сидѣть парочкой.

Значить, дѣлаю видъ, въ родѣ какъ будто у насъ свиданіе назначено, а я будто и робѣю, и рада, что отдѣлалась, могу теперь побыть съ нимъ. Потомъ стала скучной, задумчивой прикидываться. А онъ-то добивается:

— Настъ, что ты такая грустная сдѣлалась?

— Такъ, молъ,—мало ли у меня горя!

Да еще вздохну, примолкну и на-руку щекой обопрусь.

— Да въ чемъ, говоритъ, дѣло-то?

— Мало ли, молъ, дѣловъ у бѣдныхъ людей, да какая кому печаль объ нихъ? Я даже этимъ разговоромъ и наскучать вамъ не хочу.

Ну, онъ вскорости и догадался. Умный, говорю, былъ, хоть бы здоровому впору. Разъ пришла къ нему, — дѣло, какъ сейчасъ помню, на средокрестной было, погода этакая сумрачная, мокрая, туманъ стоитъ, въ домѣ всѣ спятъ послѣ обѣда; — я вошла къ нему съ работой въ рукахъ, — шила себѣ что-й-то, — сѣла возлѣ постели и только это хотѣла-было вздохнуть, опять скучной прикинуться и зачать его полегоньку на умъ наводить, — онъ и заговори самъ. Лежитъ, какъ сейчасъ вижу, въ рубашкѣ розовой, новой, еще не мытой, въ

шароварахъ синихъ, въ новыхъ сапожкахъ съ лакированными голенищами, ножки крестъ-накрестъ сложилъ и смотритъ искоса. Рукава широкиѣ, шаровары того шире, а ножки, ручки—какъ спички, голова тяжелая, большая, а самъ маленькій,—даже смотрѣть нехорошо. Глянешь—думается, мальчикъ, а лицо старое, хотъ и моложавое будто—отъ бритья-то,—и усы густые. (Онъ почестъ каждый божій день брился, такъ, бывало, и пробиваетъ борода, всѣ руки конопатя и то всѣ въ волосахъ рыжихъ). Лежитъ, говорю, причесался на бочокъ, отвернулся къ стѣнкѣ, шпалеры ковыряетъ и вдругъ говоритъ: — Насть!

Я даже дрогнула вся.

— Что вы, Никаноръ Матвѣичъ?

А у самой такъ сердце и подкатилось.

— Ты знаешь, гдѣ моя копилка лежитъ?

— Нѣтъ, говорю, я этого, Никаноръ Матвѣичъ, не могу знать. Я плохого противъ васъ никогда въ умѣ не держала.

— Встань, отодвинь нижній ящикъ въ гардеропѣ, возьми старую гармонью, она въ ней лежитъ. Дай мнѣ ее сюда.

— Да зачѣмъ она вамъ?

— Такъ. Хочу деньги посчитать.

Я слазила въ ящикъ, крышку на гармоньѣ открыла, а тамъ въ мѣхахъ слонъ жестяной забить, порядочно тяжелый, чувствую. Вынула, подаю. Онъ взялъ, погремѣлъ, положилъ подлѣ,—чистый, ей-Богу, ребенокъ!—и задумался объ чемъ-то. Молчалъ, молчалъ, усмѣхнулся и говоритъ:

— Я, Насть, нынче сонъ одинъ счастливый видѣлъ, даже до-свѣту проснулся отъ него, и очень хорошо мнѣ было весь день до обѣда. Глянь-ка, я даже выбрился и прифрантился для тебя.

— Да вы, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, и всегда чисто ходите.

А сама даже не понимаю, что говорю, до того разволновалась.

— Ну, говоритъ, ходить-то мнѣ, видно, ужъ на томъ свѣтѣ придется. Ужъ какой я красавецъ на томъ свѣтѣ буду,—ты даже представить себѣ того не можешь!

Мнѣ даже жалко его стало.

— Надъ этимъ, говорю, грѣхъ смѣяться, Никаноръ Матвѣичъ, и къ чему вы это говорите, я даже понять не могу. Можетъ, говорю, Господь дастъ, поздоровѣете еще. Вы лучше мнѣ скажите, какой такой сонъ вы видѣли?

Онъ было опять обвиняками сталъ говорить, сталъ посмѣиваться,—какой я, молъ, житель!—сталъ ни къ селу ни къ

городу про нашу корову толковать,—скажи ты, говоритъ, заради Бога мамашѣ, чтобъ продала она ее, мочи моей нѣту, надоѣла она мнѣ, лежу на кровати и все смотрю черезъ дворъ на сарайчикъ, гдѣ она помѣщается, и она все смотритъ въ рѣшетку на меня обратно,—а самъ все деньгами погромыхиваетъ и въ глаза не смотритъ. А я слушаю и тоже половины не понимаю,—чисто помѣшанные какіе, несемъ, что попало, и съ Дону и съ моря,—наконецъ того не вытерпѣла,—вѣдь вотъ-вотъ, думаю, проснутся всѣ, самоваръ потребуютъ, и пропало тогда все мое дѣло!—и поскорѣе перебиваю его, на хитрости пускаюсь:

— Да нѣтъ, говорю, вы лучше скажите, какой сонъ вы видѣли? *Про насъ что-нибудь?*

Хотѣла, понятно, пріятное ему сказать и такъ-то ловко попала,—онъ даже пополовѣлъ весь и глаза опустилъ. Взялъ вдругъ копилку, вынулъ ключикъ изъ шароваръ, хочетъ отпереть—и никакъ не можетъ, никакъ въ дырку не попадетъ, до того руки трясутся,—наконецъ того отпираетъ, высыпаетъ ее себѣ на животъ,—какъ сейчасъ помню, двѣ серіи и восемь золотыхъ,—сгребъ ихъ въ руку и вдругъ говоритъ шопотомъ:

— Можешь ты меня одинъ разъ поцѣловать?

Такъ у меня руки, ноги и отнялись отъ страху. А онъ-то съ ума сходить, шепчетъ, тянется:

— Настечка, только разъ! Богъ свидѣтель тебѣ,—никогда больше слова не скажу, не попрошу!

Я оглянулась—ну, думаю, была не была!—и поцѣловала его. Такъ онъ даже задохнулся весь,—ухватилъ меня за шею, поймалъ губы и съ минуту, небось, не пускалъ. Потомъ сунулъ всѣ деньги въ руку мнѣ—и къ стѣнкѣ:

— Иди, говоритъ.

Я выскочила и прямо же въ свою горницу. Заперла деньги на замокъ, схватила лимонъ и давай губы тереть. До того терла, альни побѣлѣли всѣ. Очень, правда, боялась, что пристанетъ отъ него ко мнѣ чахотка...

Ну, хорошо,—это дѣло, значить, вышло, слава Богу, начинаю другое обдѣлывать, поглавнѣе, изъ-за какого я и билась-то пуще всего. Чую—быть скандалу, боюсь, не будутъ меня съ мѣста пускать, начнетъ, думаю, приставать теперь съ любовью, мужевать меня изъ-за этихъ денегъ... Нѣтъ, смотрю, ничего. Лѣзть не лѣзетъ, обходится попрѣжнему, аккуратно, будто ничего и не было промежъ насъ, даже, думается, еще скромнѣе, и въ горницу не зоветъ: держать, значить, слово. Подвожу тогда хозяевамъ разговоръ,—моль,

пора мнѣ объ сыну позаботиться маленько, ослобониться на время. Хозяева и слышать не хотятъ. А ужъ про него и говорить нечего. Намекнула ему разъ, такъ онъ прямо побѣлѣлъ весь. Отвернулся къ стѣнкѣ и говоритъ этакъ съ усмѣшкой:

— Ты, говорить, не имѣешь права этого сдѣлать. Ты меня завлекла, приучила къ себѣ. Ты должна подождать—я помру скоро. А уйдешь—я удавлюсь.

Хорошъ скромникъ оказался? Ахъ, думаю, безсовѣстные твои глаза! Я же изъ-за тебя себя неволила, а ты еще грозить мнѣ! Ну, нѣтъ, не на такую напался! И зачала еще пуще предлогъ искать. Родилась тутъ, кстати, у хозяйки еще дѣвочка, наняли къ ней мамку—я и придерись, что съ ней жить не могу. Злая, правда, оголѣлая старуха была, сама хозяйка и то ей боялась, да и пьяная къ тому же,—полштофъ подъ кроватью такъ и дежурилъ,—и возлѣ себя прямо терпѣть никого не могла. Стала она на меня наговаривать, смутянить всячески. То бѣлье не такъ выгладила, то подать ничего не умѣю... А скажешь ей слово, затрясется вся — и жалиться бѣжить. Плачетъ навзрыдъ, а больше, понятно, не отъ обиды, а отъ притворства. Дальше, больше, я и говорю хозяевамъ:

— Такъ и такъ, увольте меня, мнѣ отъ этой самой старухи бѣлый свѣтъ не милъ, я на себя руки наложу.

А сама ужъ домъ на Глухой улицѣ приглядѣла. Ну, хозяйка, прослышавши это, и не стала больше меня неволить. Правда, какъ прощалась со мной, страсть какъ звала опять къ себѣ жить, или хоть приходить когда къ празднику, къ именинамъ:

— Обязательно, говорить, чтобъ ты приходила всегда все прибрать, приготовить. Я, говорить, только при тебѣ и покойна. Я къ тебѣ какъ къ родной привыкла.

Провожаетъ съ хлѣбомъ-солью,—сошло, значить, сердце,—большую булку бѣлую спекла, цѣльную солонку сахару наклала. Я благодарю всячески, а, понятно, не дѣтей мнѣ съ ней крестить: думаю одно, говорю другое. Наобѣщала всего съ три суммы, накланялась въ поясъ—и сошла. И сейчасъ же, Господи благослови, за дѣло. Купила домъ этотъ, открыла кабакъ. Торговля пошла ужасная хорошая,—стану вечеромъ выручку считать: тридцать да сорокъ, а то и всѣхъ сорокъ пять въ кассѣ,—я и надумай еще лавочку открыть, чтобъ ужъ, значить, одно къ одному шло. Сестра мужнина замужъ давно вышла за сторожа изъ Краснаго Креста, онъ все кумой меня звалъ, дружилъ со мной,—я къ нему: взяла бездѣлицу

въ долгъ на всякое обзаведенье, на права—и заторговала. А тутъ какъ разъ и Ваня изъ ученья вышелъ. Совѣтуюсь съ умными людьми, куда, молъ, его устроить.

— Да куда, говорятъ, его устраивать, у тебя и дома работы дѣвать некуда.

И то правда. Сажая Ваню въ лавку, сама въ кабакъ становлюсь. Пошла жожка въ ходъ! И мыслить, понятно, забыла обо всѣхъ этихъ глупостяхъ, хотъ, по совѣсти сказать, онъ, убогій-то, даже въ постель слегъ, какъ я уходила. Никому ни одного словечка не сказалъ, а слегъ прямо какъ мертвый, даже гармонью свою забылъ. Вдругъ, здорово живешь,—Полканиха на дворъ, мамка эта самая. (Ее мальчишки Полканихой прозвали). Является и говоритъ:

— Тебѣ, говоритъ, одинъ человѣкъ велѣлъ кланяться, безпремѣнно велѣлъ провѣдать его.

Такъ меня въ жаръ и бросило со зла да стыда! Каковъ, думаю себѣ, голубчикъ! Чтò въ голову свою забралъ! Подружку какую себѣ нашелъ! Не стерпѣла и говорю:

— Мнѣ его поклоны не надобны, онъ про свое убожество долженъ помнить, а тебѣ, старому чорту, стыдно въ сводни лѣзть. Слышала, ай нѣтъ?

Она и осѣклась. Стоитъ, согнулась, смотритъ на меня исподлобья пухлыми глазами, да только качаномъ своимъ мотаетъ. Либо отъ жары, либо отъ водки ошалѣла.

— Эхъ ты, говоритъ, безчувственная! Онъ, говоритъ, даже плакалъ объ тебѣ. Весь вечеръ вчера лежалъ, къ стѣнкѣ отвернувшись, а самъ плакалъ навзрыдъ.

— Чтò жъ, говорю, и мнѣ, что ль, залиться въ три ручья? И не стыдно ему было, красноперому, ревѣть на-людяхъ? Ишь ребеночекъ какой! Ай отъ соски отняли?

Такъ и выпроводила старуху эту безъ ничего и сама не пошла. А онъ мѣсяца черезъ полтора возьми да и взаправду удавился. Тутъ-то я очень, понятно, жалѣла, что не пошла, а тогда не до него было. У самой въ домѣ скандалъ по скандалу пошелъ.

Двѣ горницы въ домѣ я подъ квартиру сдала, одну нашъ постовой городской снялъ, отличный, серьезный, порядочный человѣкъ, Чайкинъ по фамилии, въ другую барышня проститутка переѣхала. Свѣтло-русая такая, молоденькая, и съ лица ничего, красивая. Звали Оеней. Ъздилъ къ ней подрядчикъ Холинъ, она у него на содержаньи была, ну, я и пустила, понадѣялась на это. А тутъ, глядь, вышла промежъ нихъ разстройка какая-то, онъ ее и бросилъ. Чтò тутъ дѣлать? Платить ей нечѣмъ, а прогнать нельзя—восемь рублей задолжала.

— Надо, говорю, барышня, съ вольныхъ добывать, у меня не страннопріимный домъ.

— Я, говоритъ, постараюсь.

— Да вотъ, молъ, что-й-то не видно вашего старанья. Вмѣсто того, чтобъ стараться, вы каждый вечеръ дома да дома. На Чайкина, говорю, нечего надѣяться.

— Я постараюсь. Мнѣ даже совѣстно слушать васъ.

— А-ахъ, говорю, скажите пожалуйста, совѣсть какая!

Постараюсь - постараюсь, а старанья, правда, никакого. Стала-было округъ Чайкина увиваться, да онъ и глядѣть на нее не захотѣлъ. Потомъ, вижу, за моего принялась. Гляну, гляну — все онъ возлѣ ней. Затѣялъ вдругъ новый пинжакъ шить.

— Ну, нѣтъ, говорю, перегодишь! Я тебя и такъ одѣваю барчуку хорошему впору: что сапожки, что картузикъ. Сама, молъ, во всемъ себѣ отказывала, каждую копейку орломъ ставила, а тебя снабжала.

— Я, говоритъ, хорошъ собою.

— Да шальной, — что жъ мнѣ на красоту твою домъ, что ль, продать?

Замѣчаю, пошла торговля моя хуже. Недочеты, ущербы пошли. Сяду чай пить — и чай не милъ. Стала слѣдить. Сижу въ кабакъ, а сама все слушаю, — прислонюсь къ стѣнкѣ, затаюсь и слушаю. Нынче, послушу, гудятъ, завтра гудятъ... Стала выговаривать.

— Да вамъ-то, говоритъ, что за дѣло? Можетъ, я на ней жениться хочу.

— Вотъ тебѣ разъ, матери родной дѣла нѣту! Замыселъ твой, говорю, давно вижу, только не бывать тому во вѣки вѣковъ.

— Она безъ ума меня любить, вы не можете ее понимать, она нѣжная, застѣнчивая.

— Любовь хорошая, говорю, отъ поганки ото всякой распутной! Она тебя, дурака, на смѣхъ подымаетъ. У ней, говорю, дурная, всѣ ноги въ ранахъ.

Онъ было и окаменѣлъ: глядитъ себѣ въ переносицу и молчитъ. Ну, думаю, слава тебѣ, Господи, попала по нужному мѣсту. А все-таки до-смерти испугалась: значить, видимое дѣло — врѣзался, голубчикъ. Надо, значить, думаю, какъ ни мога, поскорѣй ее добивать. Совѣтуюсь съ кумомъ, съ Чайкинымъ. Надоумьте, молъ: что намъ съ ними дѣлать? Да что жъ, говорятъ, понятно, прихватить надо и вышвырнуть ее, вотъ и вся недолга. И такую исторію придумали. Прикинулась я, что въ гости иду. Ушла, походила сколько-

нибудь по улицамъ, а къ шести часамъ, когда, значить, смѣна Чайкину, тихимъ манеромъ — домой. Подбѣгаю, толкъ въ дверь — такъ и есть: заперто. Стучу — молчатъ. Я въ другой, третій — опять никого. А Чайкинъ ужъ за угломъ стоитъ. Зачала я въ окна колотить — альни стекла зудятъ. Вдругъ задвижка — стукъ: Ванька. Бѣлый, какъ мѣлъ. Я его въ плечо со всей силы — и прямо въ горницу. А тамъ ужъ чистый пиръ какой; бутылки пивныя пустыя, вино столовое, слабое, сардинки, селедка большая очищена, какъ янтарь розовая, — все изъ лавки. Оенька на стулѣ сидитъ, въ косѣ лента голубая. Увидала меня, привскочила-было — и опять плюхъ на стул! Глядитъ во всѣ глаза, а у самой ажъ губы посинѣли отъ страху. (Думала, бить кинусь). А я и говорю этакъ просто, а сама и продохнуть не могу, — то откину шаль, то опять запахнусь:

— Что-й-то у васъ, говорю, — ай сговоръ? Ай именинникъ кто? Чтò жъ не привѣчаете, не угощаете?

Молчатъ.

— Чтò жъ, говорю, молчите? Чтò жъ молчишь, сынокъ? Такой-то ты хозяинъ-то, голубчикъ? Вотъ куда, выходитъ, денежки-то мои кровныя летятъ!

Онъ было и шерсть взбудоражилъ:

— Я и самъ въ лѣта взошелъ!

— Та-акъ, говорю, а мнѣ-то какъ же? Мнѣ, значить, отъ твоей милости съ сучкой съ этой курнушку снять? Изъ своего собственнаго дома выходить? Такъ, что ль? Пригрѣла я, значить, змѣйку на свою шейку?

Какъ онъ на меня заоретъ!

— Вы не можете ее обижать! Вы сами молоды были, вы должны понимать, чтò такое любовь!

А Чайкинъ, услыхавши такой крикъ, и вотъ онъ: вскочилъ, ни слова не сказавши, сгребъ Ваньку за плечи, да въ чуланъ, да на замòкъ. (Человѣкъ ужасный сильный былъ, прямо гайдукъ!) Заперъ и говоритъ Оенькѣ:

— Вы барышней числитесь, а я васъ волчкомъ могу сдѣлать!

(Съ волчьимъ билетомъ, значить).

— Хотите вы, говорить, этого, ай нѣтъ?.. Нонче же комнату намъ ослобонить, чтобъ и духу твоего здѣсь не пахло!

Она — въ слезы. А я еще поддала:

— Пусть, говорю, денежки мнѣ прежде приготовить! А то я ей и сундучишко послѣдній не отдамъ. Денежки готовъ, а то на весь городъ ославлю!

Ну, и спроведила въ тотъ же вечеръ. Какъ сгоняла-то

я ее, страсть какъ убивалась она. Плачетъ, захлебывается, даже волосы съ себя деретъ. Понятно, и ея дѣло не сладко. Куда дѣться? Вся состоянье, вся добыча при себѣ. Ну, однако съѣхала. Ваня тоже попричихъ-было на время. Вышелъ на утро изъ-подъ замка — и ни гу-гу: боится очень и совѣсть изобличаетъ. Принялся за дѣло. И было и обрадовалась, успокоилась, — да не надолго. Стало опять изъ кассы улетать, стала шлюха эта мальчишку въ лавку подсылать, а онъ-то и печенымъ и варенымъ снаряжаетъ ее! То сахару навалить, то чаю, то табаку... Платокъ — платокъ, мыло — мыло, — что подъ руку попадетъ... Развѣ за нимъ углядишь? И винцо сталъ потягивать, да все злѣй, да злѣй. Наконецъ того, и совсѣмъ лавку забросилъ: дома и не живетъ, почестъ, только поѣсть придетъ, а тамъ и опять поминай какъ звали. Каждый вечеръ къ ней отправляется, бутылку подъ поддевку — и маршъ, а она, водка-то, ужъ дорогая стала. Я мечусь какъ угорѣлая — изъ кабака въ лавку, изъ лавки въ кабакъ — и ужъ слово боюсь ему сказать: совсѣмъ босякъ сталъ! Всегда красивый былъ, — весь, правда, въ меня, — лицомъ бѣлый, нѣжный, чистая барышня, глаза ясные, умные, изъ себя статный, широкій, волосы каштановые, выющіе... А тутъ морда одулась, волосы загустѣли, по воротнику лежатъ, глаза мутные, весь обтрепался, гнущся сталъ — и все молчитъ, въ переносицу себѣ смотритъ.

— Вы меня не тревожьте теперь, говорить, я могу каторжныхъ дѣлъ натворить.

А захмеляетъ, разслюнявится, смѣется ничему, задумывается, на гармоніи „Невозвратное время“ играетъ, и глаза слезами наливаются. Вижу, плохо мое дѣло, надо мнѣ поскорѣй замужъ. Сватаютъ мнѣ тутъ какъ разъ вдовца одного, тоже лавочника, изъ пригорода. Человѣкъ пожилой, а кредитный, состоятельный. Самый разъ, значить, то самое, чего и добивалась я. Разузнаю поскорѣе отъ вѣрныхъ людей все до шпенту объ его жизни — бѣды, вижу, никакой: надо рѣшаться, надо поскорѣе знакомство завести, — насъ другъ другу только въ церкви сваха передъ тѣмъ показала, — надо, значить, предлогъ найти, побывать другъ у друга, въ родѣ какъ смотрины сдѣлать. Приходитъ онъ сперва ко мнѣ, рекомендуется: „Лагутинъ, Николай Ивановичъ, лавочникъ“. — „Очень пріятно, молъ“. Вижу, совсѣмъ отличный человѣкъ, — ростомъ, правда, невеличекъ, сѣденькій весь, а пріятный такой, тихій, опрятный, политичный: видно, бережной, никому, говорить, гроша за всю жизнь не задолжалъ... Потомъ я къ нему со свахой будто по дѣлу затѣялась. Пришли. Вижу, ренсковый погребъ

и лавка со всёмъ, что къ вину полагается: сало тамъ, ветчина, сардинки, селедки. Домикъ небольшой, а чистая люстра. На окнахъ гардинки, цвѣты, полъ чисто подметенъ, даромъ что холостой живетъ. На дворѣ тоже порядокъ. Три коровы, лошади двѣ. Одна матка, трехъ лѣтъ, пять сотъ, говоритъ, ужъ давали, да не отдалъ. Ну, я прямо залюбовалась на эту лошадь—до чего хороша! А онъ только тихонько посмѣивается, ходитъ, сѣменить впереди насъ, пальцами похрустываетъ и все рассказываетъ, какъ прескурантъ какой читаетъ: вотъ тутъ-то то-то, тамъ-то то-то... Значитъ, думаю, мудрить тутъ нечего, надо дѣло кончать...

Понятно, это я теперь-то такъ вкратцѣ рассказываю, а что я въ ту пору почувствовала — одна моя думка знаетъ! Ногъ подъ собой отъ радости не чую, — молъ, таки добилась своего, нашла свою партію!—а молчу, боюсь, дрожу вся: а ну-ка разстроится вся моя надежда? Да такъ оно едва и не случилось, чуть-чуть не пропали задаромъ всё мои хлопоты, а изъ-за чего, даже теперь невозможно покойно сказать: изъ-за убогаго этого, да изъ-за сыночка милаго! Мы такъ дѣло тихо, благородно вели, что ни котъ ни кошка, думалось, не узнаетъ. Анъ, слышу, ужъ весь пригородъ знаетъ про наши съ Николай Ивановичемъ замыслы, дошелъ, понятно, слухъ и до Самохваловыхъ,—небось, сама же Полканиха и шепнула. А онъ, убогій-то, возьми, говорю, да и повѣсься! На вотъ, молъ, тебѣ, — грозилъ, не вѣрила, такъ вотъ же я на зло тебѣ сдѣлаю! Вколотилъ гвоздикъ въ стѣну надъ кроватью, бечевку отъ сахарной головы приладилъ, захлестнулся и сползъ съ кровати. Штука не хитрая, ума большого не надобно! Стою разъ въ сумерки въ лавкѣ, прибираю кой-что—вдругъ кто-й-то грохъ, грохъ въ ставню въ домъ! Такъ у меня сердце и оборвалось. Выскочила на порогъ—Полканиха.

— Ты что?

— Никаноръ Матвѣичъ приказалъ долго жить!

Брякнула, повернулась — и домой. А я сгоряча-то не сообразилась, — меня прямо какъ варомъ обварило со страху, — накинула шаль, да за ней. Она бѣжитъ, подолъ подхватила наперед, спотыкается, гнется — и я бѣгу... Прямо страмъ на весь городъ! Бѣгу и ничего не понимаю. Одно думаю — пропала моя головушка! Шутка ли, что натворилъ, не тѣмъ Богъ помяни! До чего, думаю, совѣсти въ людяхъ нѣту! Подбѣгаю, а тамъ ужъ народу какъ на пожаръ. Парадный — настезь, кто хочетъ, тотъ и лѣзетъ, — всёмъ, понятно, любопытно. Я было сдуру-то себѣ туда же. Да спасибо какъ по головѣ меня кто огрѣлъ: опомнилась, повернула — да назадъ.

Тѣмъ, можетъ, и спаслась, а то бы узнала чижа паленаго. Вспомнилъ бы кто-нибудь,—да хоть та же Полканиха со зла,—вотъ, молъ, ваше благородіе, на кого мы думаемъ, кто всему причиной, извольте ее опросить,—и готова. Поди потомъ, вывертывайся. Человѣкъ-то, бываетъ, ни сномъ ни духомъ, а его за хвостъ да въ мѣшокъ... Не первый случай!

Ну, похоронили его — у меня и отлегло отъ сердца. Готовлюсь къ свадьбѣ, дѣло свое спѣшу прикончить, распродать, что можно, безъ убытку — вдругъ опять бѣда-горе. И такъ съ ногъ сбилась въ хлопотахъ, спеклась вся отъ жары,—жара въ тотъ годъ прямо непереносная стояла, да съ пылью, съ вѣтромъ горячимъ, особливо у насъ, на Глухой улицѣ, на косогорахъ-то этихъ,—вдругъ еще новость — Николай Ивановичъ обидѣлся. Присылаетъ сваху эту самую нашу, какая насъ сводила-то, — лютая псовка была, небось, сама же, востроглазая, и настрочила его, Николай-то Иваныча, — передаетъ черезъ нее Николай Ивановичъ, что свадьбу онъ до перваго сентябрю откладаетъ — дѣла будто есть — и объ сыну, объ Ванѣ, наказываетъ: чтобы, значить, я объ немъ лучше подумала, опредѣлила его куда ни на есть, потому какъ, говоритъ, въ домъ я его къ себѣ ни за какія блага не приму. Хоть онъ, говоритъ, и сынъ твой родной, а онъ насъ въ чистую разоритъ и меня будетъ беспокоить. (И его-то, правда, положеніе. Какъ онъ никогда никакого шуму не зналъ, никакихъ скандаловъ не подымалъ, понятно, боялся волноваться: какъ разволнуется, у него всегда все въ головѣ смѣшается, слова не можетъ сказать). Пускай, говоритъ, она его съ рукъ сбываетъ. А куда мнѣ его опредѣлять, куда сбывать? Малый совсѣмъ отъ рукъ отбился, въ чужихъ людяхъ, думаю, и совсѣмъ голову свернетъ, а сбывать — не миновать. Я и сама-то съ нимъ на нѣтъ сошла съ самыхъ съ этихъ поръ, какъ ознакомился онъ съ Оенькой: прямо околдовала, сука! День дрыхнетъ, ночь пьянствуетъ, — ночь за день сходитъ... Что я горя вытерпѣла съ нимъ за это лѣто — сказать невозможно! До того добилъ — стала какъ свѣчка таять, ложки держать не могу, руки трясутся. Какъ стемняетъ, сяду на скамейку передъ домомъ и жду, пока съ улицы вернется, боюсь, ребята слободскіе умолятъ. Разъ было убила до-смерти, побѣжала посмотрѣть въ слободу: слышу шумъ, крикъ, думала, его холятъ, да въ оврагъ и зашуршала...

Ну, получивши такое рѣшеніе отъ Николай Иваныча, призываю его къ себѣ: такъ и такъ, молъ, сынокъ, — терпѣла я тебя долго, ну, а ты совсѣмъ ослабъ и заблудился, на всю

округу меня ославилъ. Привыкъ ты нѣжиться и блаженствовать,—наконецъ того совсѣмъ босякъ, пьяница сталъ. Такого дарованія, какъ я, ты не имѣешь, сколько разъ я падала, да опять подымалась, а ты ничего нажить себѣ не можешь. Я вотъ и почету себѣ добила, и недвижимое имущество у меня есть, и ѣмъ, и пью не хуже людей, дуну свою не морю, а все оттого, что всѣмъ мой хрипъ споконъ вѣку завѣдовалъ. Ну, а ты, какъ былъ моталъ, такъ, видно, и хочешь остаться. Пора тебѣ съ шеи моей слѣзть...

Сидить, молчить, клеенку на столѣ ковыряетъ. Только и вызвала, что пообѣдать, а то все спать, морда вся затекла.

— Что жъ ты, спрашиваю, молчишь? Ты клеенку-то не дери,—наживи прежде свою,—ты отвѣчай мнѣ.

Опять молчить, голову гнетъ и губами дрожить.

— Вы, говорить, замужъ выходите?

— Это, молъ, выду ли, нѣтъ ли, неизвѣстно, а и выду, такъ за хорошаго человѣка, какой тебя въ домъ не пустить. Я, братъ, не Оенька твоя, не шлюха какая-нибудь.

Какъ онъ вскочить вдругъ съ мѣста, да какъ затрясется весь:

— Да вы, говорить, ногтя ея не стòите!

Хорошо, ай нѣтъ? Вскочилъ, заоралъ не своимъ голосомъ, дверью грохнулъ—и былъ таковъ. А я, ужъ на что не плаксива была, такъ слезами и задалась. Плачу день, плачу другой,—какъ подумаю, какія слова онъ могъ мнѣ сказать, такъ и зальюсь. Плачу и одно въ умѣ держу—дò-вѣку не прощу ему такой обиды, со двора долой стопю... А его все нѣту. Слышу—у своей пируетъ, танцы, плясъ, пропиваетъ наворованныя денежки и мнѣ грозитъ: я ее, говорить, все равно успокою, выжду, какъ пойдетъ куда-нибудь вечеромъ, камнемъ убью. Присыластъ,—на смѣхъ мнѣ, понятно,—въ лавку за покупками, беретъ то жамокъ, то селедокъ. Я прямо трясусь отъ обиды, а крѣплюсь, отпускаю. Сижу разъ въ лавкѣ—вдругъ самъ всходитъ. Пьянъ—лица нѣту. Вноситъ селедки,—утромъ дѣвчонка приходила, купила, на его, понятно, деньги, четыре штуки,—и какъ шваркнетъ ихъ на прилавокъ!

— Можете вы, кричить, присылать такую скверность покупателямъ? Онъ вонючія, ихъ собакамъ только ѣсть!

Оретъ, ноздри раздуваетъ—предлогъ ищетъ.

— Ты, говорю, тутъ не буянъ и не ори, сама я селедокъ не работаю, а боченками покупаю. Не нравится—не жри, вотъ тебѣ твои деньги.

— А если бы я ихъ съѣлъ да померъ?

— Опять же, говорю, ты, свинья, не можешь тутъ кри-

чать,—какой такой ты мнѣ командиръ? Авось чинъ не великъ имѣешь. Ты честью долженъ сказать, а не нахраномъ лѣзть въ чужое помѣщеніе.

А онъ схватилъ вдругъ безменъ съ ларя и этакъ шипомъ: — Какъ жмакну тебя, говоритъ, сейчасъ по головѣ, такъ ты и протянешься!

И со всѣхъ ногъ вонъ изъ лавки. А я какъ сѣла на полъ, такъ и подняться не могу...

Потомъ слышу—уработали его, наказалъ Господь за мать! Еле живого на извозчикѣ привезли—пьянъ безъ памяти, голова мотается, волосы отъ крови слиплись, всѣ съ пылью перебиты, сапоги, часы сняли, новый пинжакъ весь въ клокахъ — хоть бы гдѣ орѣхъ цѣлаго сукна остался... Я подумала, подумала—принять его приняла и даже за извозчика заплатила, но только въ тотъ же день посылаю Николай Ивановичу поклонъ и твердо наказываю сказать, чтобъ онъ больше ничего не беспокоился: съ сыномъ, молъ, я порѣшила, — прогоню его безо всякой жалости прямо же, какъ проспится. Отвѣчаетъ тоже поклономъ и велитъ сказать: очень, говоритъ, умно и разумно, благодарю и сочувствую... А черезъ двѣ недѣли и свадьбу назначилъ. Да...

Ну, да будетъ пока, тутъ и сказкѣ моей конецъ. Больше-то, почестъ, и рассказывать нечего. Съ этимъ мужемъ до того я ладно вѣкъ свѣковала,—прямо рѣдкость по нонѣшнему времени. Чтò я, говорю, прочувствовала, какъ этого рая добивалась,—сказать невозможно! Ну, и наградилъ меня, правда, Господь,—вотъ двадцать первый годъ живу какъ за каменной стѣной за своимъ старичкомъ и ужъ знаю — онъ меня въ обиду не дастъ: онъ вѣдь это съ виду только тихій! А, понятно, нѣтъ-нѣтъ, да и занеетъ сердце. Особливо Великимъ постомъ отчего-й-то. Умерла бы теперь, думается, — хорошо, покойно, по всѣмъ церквамъ акаѣисты читаютъ... Правда, наморилась я на своемъ вѣку—ухъ, и настойчива была Настасья Семеновна! Мнѣ бы, по моему уму, развѣ въ слободѣ сидѣть? Меня мужъ и то Скобелевымъ зоветъ... Опять же иной разъ и объ Ванѣ соскучусь. Двадцать лѣтъ ни слуху ни духу объ немъ. Можетъ, и померъ давно, да не знаю о томъ. Мнѣ даже жалко его стало, какъ привезли-то его тогда. Втащили мы его, взвалили на кровать — цѣльный день спалъ мертвымъ сномъ. Взойду, послушаю дыханіе, — живъ ли, молъ... А въ горницѣ—вонъ, кислотой какой-то, лежитъ онъ весь ободранный, изгвазданный, храпитъ и захлебывается... Страмъ и жалость смотрѣть, а вѣдь кровь моя родная! Погляжу, погляжу, послушаю и — выйду. И такая-то тоска меня взяла!

Поужинала черезъ силу, прибрала со стола, огонь потушила... Не спится, да и только, — вся дрожу-лежу... А ночь видная, видная. Слышу, проснулся. Все капляетъ, все выходить на дворъ, дверью хлопаешь:

— Что это ты, спрашиваю, ходишь?

— Животъ, говоритъ, болитъ.

По голосу слышу—тревожится, тоскуетъ.

— Ты, говорю, высей чернобыльнику съ водкой, вонъ тамъ, въ образчикъ, бутылка стоитъ.

Полежала еще, можетъ, и задремала—немного, чувствую сквозь сонъ—прокрадается кто-й-то по половику. Вскочила—онъ.

— Мамаша, говоритъ, не пугайтесь меня за-ради Христа...

И какъ залетается въ три ручья! Сблѣ на постель; руки ловить, цѣлуетъ, слезами обливаетъ, а самъ даже захлебывается, — такъ плачетъ-рыдаетъ. Я не стерпѣла -- и себѣ! Жалко, понятно, а дѣлать нечего—изъ-за него вся моя судьба рѣшается. Да онъ и самъ, вижу, понимаетъ это хорошо.

— Простить я тебя, говорю, могу, а подѣлать, ты самъ видишь, теперь ужъ ничего нельзя. И уходи ты куда-нибудь подалѣ, чтобъ я и не слыхала про тебя!

— Мамаша, говоритъ, за что вы меня, не хуже сидяки этого, Никаноръ Матвѣича, погубили?

Ну, вижу, человекъ еще не въ своемъ умѣ, не стала и спорить. Поплакалъ, поплакалъ, поднялся и ушелъ. А на утро глянула я въ горницу, гдѣ онъ спалъ, а его ужъ и слѣдъ простылъ. Ушелъ, значитъ, пораньше отъ страму—и какъ въ воду канулъ. Былъ слухъ, жилъ будто въ Задонскѣ при монастырѣ, потомъ на Царицынѣ подался, а тамъ, небось, и голову сломилъ... Да что объ томъ толковать—только сердце свое тревожить! Воду варить—вода будетъ...

А что онъ про Никаноръ Матвѣича сказалъ, такъ я даже глупо это считаю. Авось не великими деньгами покорыстова-лась, не изъ кармана вытащила. Онъ самъ свое убожество понималъ, самъ скучалъ часто. Бывало, скажетъ мнѣ:

— И калѣкой меня, Настя, судьба моя сдѣлала, и характеръ у меня сумасходный: то мнѣ весело чего-й-то, какъ передъ бѣдой какой, то такая тоска, особливо лѣтомъ, въ жару, въ пыль эту, — просто руки на себя наложилъ бы! Помру я, похоронять меня на Чернослободскомъ кладбищѣ—цѣльный вѣкъ будетъ эта пыль летѣть на мою могилку черезъ ограду!

— Да что жъ, молъ, Никаноръ Матвѣичъ, объ этомъ уби-ваться? Мы этого чуютъ не будемъ.

— Да это, говорить, что жъ что чують не будемъ,—бѣда та, что при жизни о томъ думаешь...

А, правда, скука, бывало, у насъ въ домѣ, у Самохваловыхъ-то, какъ всѣ позаснутъ послѣ обѣда, а вѣтеръ несетъ эту пыль! И руки-то онъ наложилъ на себя въ страшную жару, въ самое глухое время. Городъ у насъ, правда, скучный. Я вонъ была недавно въ Тулѣ: какое же сравненіе!

Капри. XI. 1911.

СВЕРЧОКЪ.

Эту небольшую исторію разсказалъ шорникъ Сверчокъ, весь ноябрь работавшій вмѣстѣ съ другимъ шорникомъ, Василиемъ, у помѣщика Ремера.

Ноябрь стоялъ темный и грязный, зима все не налаживалась. Ремеру съ его молодой женой, скупно и дѣльно хозяйствовавшимъ въ дѣдовской усадьбѣ, было скучно, и вотъ они стали ходить по вечерамъ изъ своего забитаго двухъ-этажнаго дома, гдѣ только внизу, подъ колоннами, была одна сносная жилая комната, въ старыи флигель, въ упраздненную контору съ обвалившейся штукатуркой, гдѣ зимовала птица и помѣщались шорники, работникъ и работница.

Вечеромъ подъ Введеніе несло непроглядной мокрой вьюгой. Въ просторной и низкой конторѣ, когда-то бѣленой мѣломъ, было очень тепло и сыро, густо воняло махоркой, жестяной лампочкой, горѣвшей на верстакѣ, сапожнымъ варомъ, политурой и мятной кислотой кожи, куски и обрѣзки которой, вмѣстѣ съ инструментами, новой и старой сбруей, хомутиной, потниками, дратвой и мѣднымъ наборомъ, навалены были и на верстакѣ, и на затоптанномъ, какъ въ закутѣ, засоренномъ полу. Воняло и птицей изъ темной кухни, куда была отворена дверь, но Сверчокъ и Василій, ночевавшіе въ этой вони и каждый день сидѣвшіе въ пей съ согнутыми спинами не менѣе десяти-одиннадцати часовъ, были, какъ всегда, очень довольны своимъ помѣщеніемъ, особенно же тѣмъ, что Ремеръ не жалѣетъ топки. Съ узенькихъ подоконниковъ за верстакомъ капало, на черныхъ стеклахъ сверкалъ и рѣзко бѣлѣлъ липкій мокрый снѣгъ. Шорники пристально работали, кухарка, небольшая женщина въ полушубкѣ и мужицкихъ тяжелыхъ сапогахъ, назябшаяся за день, стдыхала на продранномъ стулѣ у вымазанной по мѣлу глиной, горя-

чей печки. Она грѣла спину и руки и, немного склонивъ на бокъ голову, закутанную леньковымъ платкомъ, не сводя остановившихся глазъ съ огня, слушала шумъ вѣтра, потрясавшаго порою весь флигель, постукиванье молотка по хомуту, который дѣлалъ Василій, и старчески-дѣтское дыханіе лысаго Сверчка, возившагося надъ плесей и въ затруднительныя минуты шевелившаго краснымъ кончикомъ языка.

Лампочка, облитая керосиномъ, стояла на самомъ краю верстака и какъ разъ посрединѣ между работавшими, чтобы виднѣе было обоимъ, но Василій то и дѣло подвигалъ ее къ себѣ своей сильной, жилистой, смуглой рукою, засученной по локоть. Сила, увѣренность въ силѣ чувствовались и во всей фигурѣ этого черноволосаго человѣка, похожаго на малайца, — въ каждой выпуклости его мускулистаго тѣла, ясно обозначавшагося подъ тонкой, точно истлѣвшей рубахой, бывшей когда-то красной, и казалось всегда, что Сверчокъ, маленькій и, несмотря на видимую бодрость, весь разбитый, какъ всѣ дворовые люди, побаивается Василю, выросшаго въ городѣ и никогда никого не боявшагося. Казалось это и самому Василю, даже усвоившему себѣ манеру, какъ бы въ шутку, на забаву окружающимъ, покрикивать на Сверчка, охотно помогавшаго этой шуткѣ, — тоже, не то въ серьезъ, не то для забавы, пугавшагося этихъ окриковъ.

Василій, держа между голенищами и колѣнками, прикрытыми замашнымъ засаленнымъ фартукомъ, новый хомутъ, обтягивалъ его толстой, темно-лиловой пахучей кожей, одной рукою крѣпко захватывая ее и туго патаскивая на дерево клещами, а другой вынимая изъ сжатыхъ губъ гвозди съ мѣдными шляпками, втыкая ихъ въ наколы, заранѣе сдѣланные шиломъ, и затѣмъ съ одного маха, ловко и сильно вколачивая молоткомъ. Онъ низко нагнулъ свою большую голову въ черныхъ, влажно-курчавыхъ волосахъ, перехваченныхъ ремешкомъ, и работалъ съ той пріятной и себѣ и окружающимъ, ладной напряженностью, которая дается только хорошо развитой силой, талантомъ. Напряженно работалъ и Сверчокъ, но напряженность эта была иного рода. Онъ прошивалъ концомъ новую, еще нечерненную, розово-тѣлеснаго цвѣта шлею, какъ и Василій, захвативъ ее въ клѣбни, въ голенища и фартукъ, и съ трудомъ накалывалъ ее, съ трудомъ, — шевеля языкомъ и приноравливая къ свѣту лысую голову, — попадалъ щетиной въ дырочки, хотя раздвигивалъ въ разныя стороны и закрѣплялъ конецъ тоже ловко и сильно, даже съ нѣкоторымъ удалствомъ стараго, наторѣлаго мастера.

Наклоненное къ хомуту лицо Василя, широкое, съ выступающими подъ маслянистой желто-смуглой кожей костями, съ рѣдкими и жесткими черными волосами надъ углами губъ, было строго, нахмурено и значительно. А по наклоненному къ плечу лицу Сверчка видно было только то, что ему темно и трудно. Онъ былъ ровно вдвое старше Василя и чуть не вдвое меньше ростомъ. Сидѣлъ ли онъ, вставалъ ли, разница была не велика,—такъ коротки были его ноги, обутыя въ разбитые, ставшіе отъ старости мягкими, сапоги. Ходилъ онъ,—тоже отъ старости и отъ килы,—неловко, согнувшись, такъ, что отставалъ фартукъ и виденъ былъ глубоко провалившійся животъ, слабо, по-дѣтски подпоясанный. По-дѣтски темны были его черные глазки, похожіе на маслинки, а лицо имѣло слегка лукавый, насмѣшливый видъ: нижняя челюсть у Сверчка выдавалась, а верхняя губа, на которой чернѣли двѣ тонкихъ, всегда мокрыхъ косички, западала. Въмѣсто „баринъ“ говорилъ онъ „баинъ“, въмѣсто „было“—„быво“ и часто всхлипывалъ, подтирая большой холодной рукой, суставами указательнаго пальца, свой повисшій носикъ, на концѣ котораго все держалась свѣтлая капелька. Пахло отъ него махоркой, кожей и еще чѣмъ-то острымъ, какъ отъ всѣхъ стариковъ, кунающихся два-три раза въ годъ.

Сквозь шумъ мятели слышался изъ сѣней топотъ обиваемыхъ отъ снѣга ногъ, хлопанье дверей—и, внося съ собою свѣжій хорошій запахъ, вошли господа, залѣпленные бѣлыми хлопьями, съ мокрыми лицами и блестками на волосахъ и одеждѣ. Большая темно-красная борода и густые, нависшіе надъ серьезными и живыми глазами брови Ремера, глянце-витый каракулевый воротникъ его мохнатаго пальто и каракулевая шапка казались отъ этихъ блесковъ еще великолѣпнѣе, а нѣжное, милое лицо его жены, ея мягкія длинныя рѣсницы, сине-сѣрые глаза и пуховый сѣрый платокъ еще нѣжнѣе и милѣе. Кухарка хотѣла уступить ей продранный стулъ, она ласково поблагодарила ее, заставила остаться на своемъ мѣстѣ и сѣла на длинную кухонную скамью въ другой уголъ, осторожно снявъ съ нея узду со сломанными удилами; потомъ слабо зѣвнула, поведла плечами, улыбнулась и тоже засмотрѣлась на огонь широко раскрытыми глазами. Ремеръ закурилъ и сталъ ходить по комнатѣ, не раздѣвшись и не снявъ шапки. Она тоже не раздѣлась, сидѣла, какъ будто чего ожидая, и счастливо думала то о своей беременности, въ которой еще было маленькое сомнѣніе, то о той новой, пріятно-непривычной жизни, которой она уже полгода жила въ деревнѣ, то о далекой Москвѣ, ея улицахъ,

огняхъ, трамваяхъ. Какъ всегда, господа пришли только на минутку,—ужь очень тяжелый и теплый былъ у шорниковъ воздухъ,—но потомъ, какъ всегда, забылись, потеряли обоняніе, заговорились... И вотъ тутъ-то, неожиданно для всѣхъ, и разсказалъ Сверчокъ о томъ, какъ замерзъ его сынъ.

— Однако ты, братъ, ловокъ,—прошепелявилъ онъ, когда Василій, поздоровавшись съ господами кивкомъ головы, опять придвинулъ къ себѣ лампочку.—Однако ты, бѣать, вовокъ. Я, небось, постарше тебя немножко,—сказалъ онъ, всхлипывая и подтирая носъ.

— Чтò? — притворно-грозно крикнулъ Василій, сдвигая брови.—Ай тумака захотѣлъ? Такъ дождешься! Можетъ, тебѣ еще газовый рожокъ зажечь? Ослѣпъ — такъ въ богадѣльню.

Всѣ улыбнулись,—даже и барыня, которой все-таки немного непріятны были эти шутки, всегда немного жалко Сверчка,—и подумали, что Сверчокъ, какъ всегда, отпустить что-нибудь смѣшное. Но на этотъ разъ онъ только головой покрутилъ и, вздохнувъ, разогнулся и остановилъ взглядъ на черныхъ стеклахъ, залѣпленных мокрыми бѣлыми хлопьями. Потомъ, взявъ шило своей большой, въ крупныхъ жилахъ и съ широко разставленными суставами большого и указательнаго пальцевъ рукой, неловко и съ трудомъ воткнулъ его въ розоватую сырую кожу. Кухарка, замѣтивъ, что онъ смотрѣлъ на окна, заговорила о томъ, какъ она боится, что ея мужикъ, поѣхавшій за коноваломъ въ Чичерино, замерзнетъ, собьется съ дороги въ такую куру. Ремеръ, думая о чемъ-то своемъ, сталъ ее успокаивать,—не поѣдетъ онъ, молъ, переночуетъ въ Чичеринѣ, а если и поѣдетъ, такъ не бѣда, кура теплая,—какъ вдругъ Сверчокъ, дѣлая видъ, что очень занятъ шлеей, отклоняясь и оглядывая ее, сказалъ съ грустнымъ добродушіемъ:

— Да, братъ, ослѣпъ... Поневолѣ ослѣпнешь! Ты вотъ доживи-ка до моихъ годовъ, да прочувствуй съ мое! Анъ не доживешь! Я вотъ споконъ вѣку такой, неизвѣстно, въ чемъ душа держится, а все тянулся, жилъ—и еще бы столько же прожилъ, какъ бы было зачѣмъ. Я, братъ, очень даже хотѣлъ жить, пока было антиресно, и жилъ, смерти не подавался. А твою-то силу мы еще не знаемъ. Молода, въ Саксонѣ не была...

Василій посмотрѣлъ на него пристально, какъ посмотрѣли и господа и кухарка, удивленные его необычнымъ тономъ,—на минуту, въ молчаніи, особенно явственно сталъ слышенъ шумъ вѣтра вокругъ флигеля,—и серьезно спросилъ:

— Чтò это ты буровишь такое?

— И-то?—сказалъ Сверчокъ, поднимая голову.—Нѣтъ, братъ, я не буюрю. Я это про сына вспомнилъ. Слышалъ, небось, какой молодецъ былъ? Пожалуй, еще почище тебя будетъ, да и силой не уступилъ бы, а вотъ не могъ же того выдержать, что я.

— Вѣдь онъ замерзъ, кажется?—спросилъ Ремеръ.

— Замерзъ, я его зналъ,—отвѣтилъ Василій и, не стѣсняясь, какъ говорятъ о ребенкѣ при немъ же самомъ, добавилъ:—Да онъ и не сынъ ему, говорятъ, былъ,—Сверчку-то. Не въ мать, не въ отца, а въ проѣзжаго молодца.

— Это дѣло иная,—такъ же просто сказалъ и Сверчокъ:—это все можетъ быть, а почиталъ онъ меня не меньше отца, дай Богъ, чтобъ твои такъ-то тебя почитали, да и я не докапывался, сынъ онъ мнѣ али нѣтъ, моя кровь аль чужая... авось, она у всѣхъ одинаковая! Сила въ томъ, что онъ, можетъ, дороже десятерыхъ родныхъ мнѣ былъ. Вы вотъ, баринъ, и вы, сударыня,—сказалъ Сверчокъ, поворачивая голову къ господамъ и особенно ласково выговаривая: „сударыня“,—вы вотъ послушайте, какъ было-съ это дѣло, какъ замерзъ-то онъ. Я вѣдь его всю ночь на закоркахъ таскалъ!

— Кура сильная была?—спросила кухарка.

— Никакъ нѣтъ,—сказалъ Сверчокъ.—Туманъ.

— Какъ туманъ?—спросила, внезапно оживляясь, барыня.—Да развѣ въ туманъ можно замерзнуть? И зачѣмъ же вы его таскали?

Сверчокъ кротко улыбнулся.

— Хм!—сказалъ онъ. — Да вы того, сударыня, и вообразить себѣ не можете-съ, до чего онъ, туманъ-то этотъ, можетъ замучить! А таскалъ я его затѣмъ, что ужъ очень жалко было-съ, все думалъ отстоять его отъ этого... отъ смерти-то. Это такъ вышло,—картаво началъ онъ, обращаясь не къ Василю и не къ Ремеру, а только къ одной барынѣ:—это вышло-съ какъ разъ подъ самый Николинъ день...

— А давно?—спросилъ Ремеръ.

— Да лѣтъ пять или шесть тому назадъ,—отвѣтилъ за Сверчка Василій, серьезно слушая и свертывая цыгарку.

Сверчокъ мелькомъ, старчески-строго, глянулъ на него.

— Оставь мнѣ затянуться,—сказалъ онъ и продолжалъ:—работали мы, сударыня, у барина Савича въ Огневкѣ,—онъ, сынъ-то, со мной всегда ходилъ, не отбивался отъ меня, зналъ, что плохому не научу,—ну, работали и работали, а квартиру въ селѣ, въ Маховомъ снимали, жили послѣ смерти матери въ родѣ какъ два дружныхъ товарища. Подходить, наконецъ того, Николинъ день. Надо, ду-

маемъ, домой отличатся, немножко въ порядокъ себя привести, а то, по совѣсти сказать, ужъ очень все на насъ землѣ предалось. Собираемся этакъ на-вечеръ, а того и не видимъ, что такая стыдъ да еще съ туманомъ къ вечеру завернула, альни деревни за лужкомъ не видать, ужъ не говоря про то, что очень мѣстность вездѣ глухая. Копаемся, прибираемъ струментъ въ этой самой банѣ, гдѣ мы, значитъ, спасались, никакъ ничего не найдемъ въ темнотѣ, — скупой баринъ-то былъ, огарочка не разживешься, — чувствуемъ, что припоздали маленько — и, вѣрите ли, такая тоска вдругъ взяла меня, что я и говорю: „Дорогой ты мой товарищъ, Максимъ Ильичъ, ай намъ остаться, до утра подождать?..“

— А васъ Ильей зовутъ?—спросила барыня, вдругъ вспомнивъ, что она до сихъ поръ не знаетъ имени Сверчка, и на мгновенье залилась нѣжнымъ румянцемъ, отчего еще прекраснѣе стали ея сине-сѣрые глаза и длинные рѣсницы.

— Ильей-съ, — ласково сказалъ Сверчокъ и, всхлипнувъ, потеръ носъ:—Ильей Капитоновымъ. Но только сынъ-то меня тоже Сверчкомъ звалъ и все, — вотъ не хуже этого Бовы Королевича, Василь Степаныча, — шутилъ, грубіянилъ со мной. Ну, конечно, пошутилъ, закричалъ и тутъ... развѣ молодому о смерти-то думается? „Это еще, молъ, что такое? Поговори у меня!..“ Нахлобучилъ мнѣ шапку по уши, надѣлъ свою, ремешкомъ подтянулся, — красавецъ былъ, сударыня, истинную вамъ правду говорю-съ!—взялъ палочку, сунулъ мнѣ въ руку мѣшочекъ съ нашимъ добришкомъ, съ шилъцами нашими — и безъ дальнихъ разговоровъ маршъ на крыльцо. Я за нимъ... Вижу, туманъ страсть какой и ужъ совсѣмъ стемняло, барскій садъ весь сизыми шапками, инеемъ обросъ, — какъ туча какая въ сумеркахъ, въ туманѣ этомъ мерещится, — да дѣлать, значитъ, нечего, не хочу молодого человѣка обижать, молчу. Перешли лужки, поднялись на горку, оглянулись, а оконъ у барина ужъ не видать, все сѣрое, сумрачное сдѣлалось, стоитъ, надвинулось, даже смотреть жутко. Отвернулся я отъ вѣтру, — въ одну минуту духъ захватило, такъ и несетъ холодомъ съ этой мгой, туманомъ, въ родѣ какъ дыханіе какое, — чувствую, что ужъ на двухъ шагахъ до самыхъ костей прохватило, а сапоги-то на насъ нагольные, да и поддевочки на шереметьевскій счетъ шиты, и опять говорю: „Ой, вернемся, Максимъ, не форси!“. Онъ было и задумался... Да, извѣстно, дѣло не старое, по себѣ, небось, сударыня, знаете, — какъ свою гордость не показать? — **насутился поскорѣе и спать пошелъ. Входимъ въ деревню, —**

конечно, потише стало, вездѣ огни по избамъ, хоть и мутные, скучные, а все-таки жильё, — онъ и бубнить: „Ну, видишь? Чего дрожалъ? Видишь, на ходу-то куда теплѣй. Это только сначала такъ студенѣ показалось, а теперь совсѣмъ тепло... Не отставай, не отставай, а то подгонять начну“... А ужъ какая тамъ, сударыня, тепло, всѣ водовозки на-четверть инеемъ обросли, всѣ лозинки къ землѣ пригнуло, крышъ не видать отъ туману и морозу... Конечно, жильё, да отъ этихъ огней туманъ еще больше выдаетъ, и всѣ рѣсницы у меня въ инеѣ, отяжелѣли, какъ у лошади хорошей, а барскихъ оконъ на томъ боку и званія не осталось... Одно слово — ночь лютая, самая что ни на есть волчиная глухомань.

Василій пахмурился, пустилъ въ обѣ поздри дымъ и, подавая окурокъ Сверчку, перебилъ его:

— Ну, ты, глухомань, этакъ до второго пришествія не кончишь. Ты, многоглаголевый Абакумъ, скорѣй рассказывай.

И дѣловито перевернулъ въ колѣняхъ хомутъ, намѣревался продолжать работу. Сверчокъ, шепотками, кончиками прокопченныхъ пальцевъ, взявъ у него окурокъ, сильно затянулся и на минуту грустно задумался, какъ бы слушая свое дѣтское дыханіе и шумъ вѣтра за стѣнами. Потомъ несмысло сказалъ:

— Ну, Богъ съ тобой, хорошо, покороче скажу. Чистая, братъ, восца въ тебѣ сидитъ... Все поскорѣе да кое-какъ... Да я и не тебѣ, я господамъ рассказываю, — вотъ барынь, можетъ, антиресно послушать, онѣ еще не знаютъ какъ слѣдуетъ нашего мужицкаго дѣла... Я и хотѣлъ сказать, что просто мы заблудились въ двухъ шагахъ. Мы, сударыня, — продолжалъ онъ увѣреннѣе, взглянувъ на барыню, уловивъ въ ея глазахъ сочувствіе и вдругъ острѣе почувствовавъ свое давно ставшее привычнымъ горе: — мы дорогу, значить, потеряли. Какъ только вышли-съ за деревню, за задворки, по-нашему, да попали въ эту темь, во мгу, въ холодъ, да прошли, можетъ, съ версту, такъ и заблудились. Тутъ большой верхъ, огромный дугъ, буераки до самаго Махового идутъ, а надъ ними дорога зимняя всегда есть, вотъ мы и потрафляли по ней, все думали, что вѣрно держимся, а замѣсто того влѣво забрали по чьему-то слѣду, къ бибикивскимъ, значить, оврагамъ, и слѣдъ этотъ тоже, на бѣду, упустили, а ужъ тамъ и пошли мѣсить по снѣгу, по вѣтру какъ попало. Да это все, сударыня, исторія извѣстная, — кто не блудилъ, всѣ блудили, — а я то хотѣлъ сказать, какую муку-съ я за эту ночь принялъ! Я, правда, до того оробѣлъ, до того испугался, какъ, значить, проходили мы, прокружились часа два, али три, да зарыли, задохнулись, обмерзли,

стали въ пень и видимъ, что въ отдѣлку пропали, до того, говорю, испугался, что у меня ажъ руки, ноги огнемъ закололо,—всякому, понятно, свой животъ дорогъ,—но только я и въ мысляхъ не держалъ, что дальше-то будетъ, какъ на-кажетъ меня Господь! Я, понятно, такъ и думалъ, что мнѣ первому конецъ,—много ль во мнѣ духу, сами изволите видѣть,—а какъ увидалъ, что не мнѣ, что я-то еще живъ, стою, а ужъ онъ на снѣгъ сѣлъ, какъ увидалъ это....

Сверчокъ слегка вскрикнулъ на послѣднихъ словахъ, взглянулъ на кухарку, которая уже плакала, и, вдругъ заморгавъ, исказивъ и брови, и губы, и задрожавшую челюсть, сталъ торопливо искать кисеть. Василій сердито сунулъ ему свой, и онъ, вертя прыгающими большими руками цыгарку и роняя въ табакъ слезы, опять заговорилъ, но уже новымъ, размыренно-твердымъ и повышеннымъ тономъ:

— Дорогая моя сударыня, у насъ былъ баринъ Ильинъ, лютѣй его во всей губернии не было,—до нашего, то-есть, брата, до двороваго,—такъ вотъ онъ замерзъ, подъ городомъ нашли,—лежить въ возкѣ, весь снѣгомъ забить, и самъ окончѣлъ ужъ давно, и во рту ледъ, а возлѣ него сидитъ-дрожитъ кобель живой, сетеръ его любимый, подъ шубой подъ енотовой: онъ, значить, злодѣй-то такой, шубу свою собственную снялъ съ себя и кобеля накрылъ, а самъ замерзъ, и кучеръ его замерзъ, и вся тройка мерзлая на оглобли навалилась, поколѣла... А вѣдь тутъ не кобель, тутъ — сынъ родной, дорогой мой товарищъ! Да сударыня! Что мнѣ было снять-то съ себя? Поддевку-то эту? Да она была ровесница мнѣ, на немъ была вдвое теплѣй... Да тутъ и шубой не помочь бы! Тутъ хоть рубаху сними — не спасешь, хоть на весь бѣлый свѣтъ кричи — никого не докричишься! Онъ вскорости еще пуще меня испугался, и вотъ отъ этого отъ самого и пропали-то мы. Какъ только упустили мы этотъ слѣдъ, онъ сразу и заметался. Сперва все покрикивалъ, зубами ласкалъ да отдувался, какъ, значить, до животовъ-то прохватило насъ вѣтромъ съ морозомъ, потомъ въ родѣ какъ ошалѣлъ. „Стой! — кричу. — Ради Христа, стой, давай сядемъ, одумаемся!..“ Молчитъ. Я его за рукавъ хватаю, опять кричу... Молчитъ, да и только! Либо не понимаетъ ничего, либо не слышитъ. Темъ хоть глазъ выколи, ногъ, рукъ ужъ не чуемъ, все лицо инеемъ занесло, сковало, губъ въ родѣ какъ совсѣмъ нѣту — одна челюсть голая — и ничего не поймешь, ничего не видать! Гудитъ вѣтеръ въ уши, несетъ мгу-эту, а онъ кружится, мечется — и ничего не слушаетъ меня. Бѣгу, глотаю туманъ, вязну по поясъ... того гляди, думаю, изъ виду его упущу...

вдругъ—разъ! сорвались куда-й-то, покатались, задохнулись въ снѣгу... чую — въ оврагахъ сидимъ. Помолчали, помолчали, отдышались—вдругъ онъ и говоритъ: „Это что, отецъ? Биби-ковскіе овраги? Ну, сиди, сиди, давай отдохнемъ. Вылѣземъ—цѣликомъ назадъ пойдёмъ. Теперь я все понимаю. Ты не бойся, не бойся, — я тебя доведу“. А ужъ голосъ-то дикій, не живой. Не говоритъ, а рубить... И вотъ тутъ-то я и понялъ, что пропали мы. Вылѣзли, опять пошли, опять ошальѣли... мѣсили, мѣсили снѣгъ еще часа два, попали еще дальше, въ кустарникъ дубовый бупинскій, да какъ наткнулись на него, да поняли, что мы ужъ верстахъ въ пятнадцати отъ Огневки, въ степи пустой, — тутъ онъ и сѣлъ вдругъ: „Сверчокъ, прощай“. — „Стой, какъ прощай? Очнись, Максимъ!..“ Нѣтъ,—сѣлъ и смолкъ...

— Долга пѣсня рассказывать, сударыня! — вдругъ опять звонко сказалъ Сверчокъ, искажая брови. — Тутъ и страхъ весь пропалъ у меня. Какъ сѣлъ онъ, мнѣ такъ въ голову и ударило: а-а, думаю, вонъ что,—помирать мнѣ теперь, видно, время нѣтъ! Руки сталъ у него цѣловать, умолять — молъ, поддержишь хоть немножко еще, не сиди, не давайся сну этому смертному, пойдёмъ цѣликомъ, обопрись на меня! Нѣтъ, — валится съ ногъ долой, да и только! А я бы и померъ отъ такой страсти, да ужъ—не могу... не въ состояніи... И когда ужъ кончился онъ, смолкъ совсѣмъ, отяжелѣлъ, оледянѣлъ, я его, мужчину такого, на закорки сгребъ, навалилъ, подъ ноги подхватилъ — и поперъ цѣликомъ. Нѣтъ, думаю, стой, нѣтъ, шалишь, не отдамъ,—мертвого буду сто ночей таскать! Бѣгу, вязну въ снѣгу, а у самого духъ отъ тяжести занимается, волосы дыбомъ отъ страху встаютъ, какъ онъ своей студеной головой,—картузь-то ужъ давно свалился,—по плечу моему елозитъ, до уха касается. А все бѣгу да кричу, какъ шальной: „нѣтъ, постой, не отдамъ, помирать мнѣ теперь не время!“ Думалось такъ, сударыня,—сказалъ Сверчокъ вдругъ упавшимъ голосомъ и заплакалъ, вытирая рукавомъ глаза, выбирая на рукавѣ мѣстечко менѣе грязное, ближе къ плечу:—думалось такъ... принесу... принесу на село... можетъ, оттааетъ, ототру...

Долго спустя, когда Сверчокъ уже успокоился и, закуривъ новую цыгарку, сталъ пристально смотрѣть красными глазами въ одну точку передъ собою, когда вытерли слезы и облегченно вздохнули и барыня, и кухарка, которая уже поднялась съ мѣста, чтобы нести черезъ весь дворъ, сквозь эту мокрую снѣжную бурю, ужинъ господамъ, Василій серьезно сказалъ:

— А напрасно я тебя окоротилъ. Ты хорошо рассказываешь. Я и не чаялъ такой прыти отъ тебя.

— Вотъ то-то и оно-то,—тоже серьезно и просто отвѣтилъ Сверчокъ.—Гутъ, братъ, всю ночь можно рассказывать, и то не расскажешь.

— А сколько ему было лѣтъ? — спросилъ Ремеръ, искоса поглядывая на жену, тихо улыбающуюся послѣ слезъ, и тревожно думая о томъ, какъ бы это не повредило ей въ ея положеніи.

— Двадцать пятый-съ, — отвѣтилъ Сверчокъ.

— И больше у васъ не было дѣтей?—робко спросила барыня.

— Нѣтъ-съ, не было...

— А у меня вонъ цѣлыхъ семеро,—нахмуриваясь, сказалъ Василій.—Изба два шага, а ихъ куча. Тоже не велика сласть и дѣти. Намъ, видно, чѣмъ раньше помереть, тѣмъ выгоднѣе. Сверчокъ подумалъ.

— Ну, это не нашего ума дѣло,—еще проще, серьезнѣй и грустнѣй отвѣтилъ онъ и опять взялся за шило.—Не замерзни онъ, меня, братъ, до ста лѣтъ никакая смерть не взяла бы.

Господа переглянулись и, застегиваясь, поднялись съ мѣстъ. Они уже чувствовали себя какъ-то неловко, лишними. Но еще долго стояли и слушали, какъ отвѣчалъ Сверчокъ на разспросы кухарки о томъ, донесъ ли онъ сына до села, чѣмъ кончилось дѣло. Сверчокъ отвѣчалъ, что донесъ, но только не до Махового, а до желѣзной дороги, и упалъ, споткнувшись на рельсы. Обморозилъ руки, ноги и уже совсѣмъ терялъ сознание. Разсвѣло, шла мятель, все бѣлѣло, а онъ сидѣлъ въ степи и смотрѣлъ, какъ заносить снѣгъ его мертваго сына, набивается ему въ рѣдкіе усы и въ бѣлыя уши. Подняли ихъ кондуктора товарнаго поѣзда, шедшаго изъ Балахова.

— Дивное дѣло,—сказала кухарка, когда онъ кончилъ:—не пойму я того, какъ ты самъ-то въ такую страсть не замерзъ?

— Не до того было, матушка, — отвѣтилъ Сверчокъ разсѣянно, ища что-то на верстакѣ, въ обрѣзкахъ кожи.

ВЕСЕЛЫЙ ДВОРЪ.

I.

Мать Егора Минаева, печника изъ Пажени, такъ была суха отъ голода, что сосѣди звали ее не Анисьей, а Ухватомъ. Прозвали и дворъ ея — окрестили въ насмѣшку веселымъ. И она не обижалась. Хорошо понимала она, что не можетъ не раздражать сосѣдей нищета, безхозяйственность ея двора, вѣтхій голодъ и даже самое существованіе ея на свѣтѣ.

Егоръ, какъ говорили въ Пажени, весь выдался въ Мирона, покойнаго отца своего: такой же пустоболтъ, сквернословъ и курильщикъ, только подобрѣй характеромъ.

— Сосѣдъ онъ хоть куда, — говорили про него, — и печникъ хорошій, а мужикъ дуракъ, рубаха: ничего нажить не можетъ.

Заработки у Егора всегда были плохи, надѣлъ споконъ вѣку не выходилъ изъ сдачи. Изба его, огромная, нескладная, съ каждымъ годомъ все больше да больше сгнивала, разваливалась безъ призора. Онъ-то, правда, думалъ, что заботится о ней: разъ привнесъ откуда-то и налѣпилъ сна-ружи на ея косою простѣнокъ, на трухлявыя бревна, большую солдатскую мишень — черной краской напечатанное на бѣломъ бумажномъ листѣ туловище, съ ружьемъ на плечо, въ фуражкѣ на бекрень, съ тупо вытаращенными глазами. А вотъ поправить крышу, законопатить изны, переложить печку, боровъ почистить — на это у него догадочки не хватило, и зимой въ избѣ волковъ можно было морозить: по всѣмъ угламъ нарастала снѣжная опушка. Давнымъ-давно по чурѣ растаскали бы все это тыло добрые люди. Да мѣшала Анисья.

Егоръ былъ бѣлесъ, лохматъ, не великъ, но широкъ, съ высокой грудью. Ходилъ Егоръ въ облѣзломъ, голубомъ отъ времени и тѣломъ отъ цѣта, гимназическомъ картузѣ, въ

поскопной рубахѣ съ обитымъ, скатавшимся воротомъ, въ обвисшихъ, протертыхъ и вытянутыхъ на колѣняхъ порткахъ, въ лаптяхъ, обожженныхъ известкой. Замашки у Егора были престранныя: очень любилъ онъ, напимѣръ, и вкусъ водки, и тотъ моментъ, когда въ головѣ „забрусить маленько“, „за-молаживать“ станетъ, но не меньше любилъ и сладкое, молочную лапшу, жамки; работая по купцамъ, по господамъ, всегда дружилъ онъ съ барчуками-подростками, сказывалъ имъ похабныя сказки про попа, попадю и батрака, ея любовника, вралъ не судомъ про свою рѣшительность въ обращеніи съ бабами, прикидываясь страшнымъ распутникомъ, сулилъ сводничество и за все за это заставлялъ красть изъ дому сахаръ, напирасы, бѣлый хлѣбъ. Да и всюду много и безъ толку болталъ Егоръ, постоянно сосалъ трубку, до слезъ надрываясь мучительнымъ кашлемъ, и, откашлявшись, блестя запухшими глазами, долго сипѣлъ, носилъ своей всегда поднятой грудью. Кашлялъ онъ отъ табаку,—курить началъ по восьмому году,--- а глубоко дышалъ отъ расширенія легкихъ, и когда дышалъ, все раскрывалась, показывалась въ продольную прорѣху ворота бурая полоска загара, рѣзко выдѣлявшаяся на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Уродливы были его руки: большой палецъ правой руки похожъ на обмороженную култышку, ноготь этого пальца—на звѣриный коготь; а указательный и средній пальцы—короче безыменнаго и мизинца: въ нихъ было только по одному суставу. Но ловко мять онъ этими тугими култышками золу въ хлюпающей трубкѣ, кашлялъ надрывисто, но даже съ наслажденіемъ какъ будто: „а-ахъ, такъ-то его такъ!“—и, откашлявшись, тараща слезящіеся глаза, беззаботно несъ все, что въ голову влѣзетъ. Хрипучій, неряха, заматерѣлый во всяческихъ порокахъ, въ тридцать лѣтъ казался онъ сорокалѣтнимъ мужикомъ. Глядя на него, не вѣрилось, что бываютъ матери у такихъ хрипуновъ и сквернослововъ. Не вѣрилось, что Анисья мать его.

Да и нельзя было вѣрить. Онъ бѣлесь, широкъ, она—суха, узка, темна, какъ мумія; ветхая черно-зеленая панева болтается на тонкихъ и длинныхъ ногахъ. Онъ никогда не разувается, она вѣчно боса. Онъ весь боленъ, она за всю жизнь не была больна ни разу. Онъ пустоболтъ, порой трусливъ, порой, съ кѣмъ можно, смѣлъ, нахаленъ, она молчалива, ровна, покорна. Онъ бродяга, любитъ народъ, бесѣды, выпивки,—сѣмъ, пересѣмъ, лишь бы день перешелъ. А ея жизнь проходитъ въ вѣчномъ одиночествѣ, въ сидѣньи на лавкѣ, въ непрестанномъ ощущеніи тянущей пустоты въ желудкѣ и не-

престанной грусти, съ которой она уже сроднилась: „Земля забыла меня, грѣшную!“. Единственнымъ оправданіемъ такой забывчивости была, по мнѣнію Анисьи, необходимость стеречь, сохранять для Егора избу: все думала, — авось, ужъ не молоденькій, авось, образумится, женится. Нѣжно и сладко туманили ей голову мечты объ этомъ несбыточномъ счастьѣ. А онъ постоянно твердилъ: „Дѣ-вѣку не женюсь! Теперь я — вольный казакъ, а женишься — журишься о женѣ. Да пропади она пропадомъ!..“ Онъ не признавалъ ни семьи, ни собственности, ни родины.

Наняться куда-нибудь, работать мѣшала Анисья, помимо избы, еще и та бѣда, что очень слаба была она, да и крива вдобавокъ. Много лѣтъ ходилъ по лавкѣхъ возлѣ нея, по лавкѣ, на которой провела она столько долгихъ дней, старый черно-золотой пѣтухъ: она сидитъ и думаетъ, подпирая тонкой рукой щеку, скрестивъ подъ лавкой длинныя сизыя ноги, задеревянѣвшія отъ холода и грязи, а онъ похаживаетъ, клюетъ мухъ по мутнымъ, собраннымъ изъ кусочковъ стекламъ. Разъ сунулась она къ окошку, — кто-то ѣхалъ по деревнѣ съ колокольчиками, — а пѣтухъ какъ стукнетъ въ лѣвый глазъ ея! Глазъ вытекъ, впалыя вѣки стянуло, осталась одна сѣрая щелочка. Мальчишки долго не давали проходу кривой бабкѣ: „Кривая кандала! Кривая кандала!“. А бабка смиренно переносила и крики ихъ и горе свое. Печалило ее только то, что будутъ бояться этого глаза внуки, если женится Егоръ.

Прежде сѣяла она коноплю на огородѣ, брала замашки, мяла пеньку: все было доходишко. Но Егоръ и огородъ сдалъ. Прежде на поденщину принимали ее — къ мелкому цомѣщику Панаеву, что въ верстѣ отъ Пажени. Да стали обижаться дѣвки, — „старый чортъ работу отбиваетъ!“, стали наговаривать приказчику, будто все у нея, сѣ-слѣпу, изъ рукъ валится, стали тайкомъ всовывать краденыя изъ барскаго сада яблоки въ тотъ платочекъ, въ который, идя на работу, завязывала она свой завтракъ — горбушку черстватаго хлѣба. Чтобы ни въ чемъ не отстать отъ нихъ, показать свою бодрость и силу, она бойко подхватывала пѣсни, что пѣли онѣ, возвращаясь по вечерамъ съ гумна или съ поля, притопывала и вихикала, когда приказчикъ, выдавъ квитки, приохочивалъ дѣвокъ къ поденщинѣ гармоньей, а дѣвки плыли, подсакивали и читали прибаутки, пріказки. Но зашелъ разъ Егоръ на дворъ Панаева, насмѣшливо глянулъ запухшими глазами на топчущіяся ноги матери и силно крикнулъ для потѣхи: „Щипись, кургузка, семь верстъ до Курска!“. Съ тѣхъ поръ перестала она набиваться на поденщину.

Замужъ вышла Анисья рано,—рано одна на свѣтѣ осталась: давно сгнили на погостѣ села Знаменья ея батюшка съ матушкой, да не только они, а, небось, и дощатые гробы, коленкоровые покровы, лапти и заманнныя рубахи ихъ. Любить Анисья въ молодости некого было. Но и не любить не могла она. Съ несознаваемой готовностью отдать кому-нибудь душу выходила она за Мирона, — тоже печника, вольноотпущеннаго двороваго,—и любила его долго, терпѣливо, затѣмъ, что, скинувъ вскорѣ послѣ свадьбы отъ побоевъ, долго липена была возможности на дѣтей перенести свою любовь. Занивалъ Миронъ не часто, но во хмелю бывалъ жестокъ и буенъ. Дѣло извѣстное: трезвый ребенка не обидитъ, а напьется—святыхъ вонъ выноси. Бьетъ стекла, буянитъ, тоняется за сыномъ и женой съ дубинкой. „Ну, опять у Минаевыхъ крестный ходъ пошелъ!—говорили сосѣди, радуясь такой забавѣ.—И веселый же дворъ, ей-Богу!“. Разъ укрылась она въ барскомъ домѣ, у Панаевыхъ,—онъ не побоялся вскочить и туда: поймалъ ее въ прихожей, сшибъ съ ногъ и за косу проволокъ по крыльцу, за ворота. Онъ порой раздѣвалъ ее до-нагъ, напяливалъ хомутъ на шею и нещадно дралъ кнутомъ, бѣгая за ней по сѣнцамъ. А когда нехотя просилъ прощенія, протрезвившись, скоро сдавалась она на ласковое слово, только тихо говорила сквозь слезы: „Что жъ, надъ тобой же будутъ люди смѣяться, если калѣкой меня сдѣлаешь!“

Все же, послѣ смерти Мирона, даже такое прошлое стало казаться счастьемъ Анисьи. Да, когда-то были и молодость, и семейная жизнь, и хозяйство у нея; былъ мужъ, были дѣти, были радости и горести—все какъ у людей. По застѣнчивости, не хвалилась она прошлымъ, не навязывалась никому съ разговорами о немъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ замерзъ Миронъ на Сѣроки,—пьяный, ни съ того ни съ сего, увязался за чужимъ обозомъ въ Ливны, — и много ночей провела она безъ сна, сидя въ темной избѣ на коникѣ, вспоминая и думая; но никто не узналъ ея думъ. Всѣхъ дѣтей оплакала она горькими слезами, но оплакала тайкомъ, въ одиночествѣ и рѣдко-рѣдко вспоминала о нихъ на-людяхъ. Пищета, разорившая до тла ея дворъ, часто заставляла ее кланяться сосѣдямъ, просить у нихъ помощи ради сироты-сына, пока малъ онъ былъ; но никогда не насмѣливалась она напоминать людямъ, что въ былое время помогала и она имъ. И вышло такъ, что въ Пажени никому и не вѣрилось, что жила она когда-то по-людски. Чаяла она отдохнуть хоть въ старости, за сыномъ. Мужикъ онъ вышелъ добрый,—на словахъ только безстыдъ и горятъ, не то, что отецъ покойникъ. Руки у

него золотыя, говорила она, еще какъ жили-то бы, не брось онъ дома! Да скучно ему въ Пажени, — привыкъ къ народу, къ городу. Ну, а подавать въ домъ издали, — этого рабочій человѣкъ, извѣстно, не любитъ..

— Рабочій! Хорошъ рабочій! — съ негодованіемъ возражали ей сосѣди. — Ярыга онъ, болѣ ничего.

И Анисья смолкала, не то соглашаясь, не то думая какую-то свою собственную думу. Губы ея были сжаты, лицо смиренно. Голова же, какъ всегда, кружилась отъ голода.

Нынѣшней зимой даже Паженъ удивилъ Егоръ: всего могли ждать отъ него, но только не того, что вдругъ бросить онъ свое дѣло и ни съ того ни съ чего, — вотъ какъ Миронъ за чужимъ обозомъ, — уйдетъ, всѣмъ на посмѣшище, въ золотари въ Москву. Но и въ Москвѣ пробылъ онъ бѣзъ-году недѣлю. Думала порой Анисья, въ самое сердце пораженная вѣстью объ его уходѣ, что, быть-можетъ, ради ея вѣчнаго голода, ради хорошаго заработка, съ затаенною цѣлью поправить свою жизнь ушелъ Егоръ. Но вотъ онъ внезапно вернулся, — оборванный, бѣзъ копейки денегъ; почевалъ три ночи дома, но и двухъ словъ путныхъ не сказалъ ни съ сосѣдями ни съ матерью, — былъ какой-то, хотъ и не скучный, а разсѣянный; даже не сумѣлъ объяснить толкомъ, зачѣмъ шатался въ Москву, — сказалъ только: „Да ай велика бѣда?“ — и опять исчезъ. А ей двѣ ночи подъ рядъ снилось, что онъ повѣсился, у нея губы почернѣли отъ горя...

Въ маѣ опять нанялся Егоръ — караулить Ланское, лѣсъ помѣщика Гурьева, что отъ Пажени верстахъ въ пятнадцати. Ланское нѣсколько лѣтъ тому назадъ вырубили, можно было и не нанимать для него караульщика. Но Гурьевъ подумалъ, подумалъ и взялъ Егора: на него нападаетъ порою хозяйственность. Мужики бѣзъ толку, бѣзъ надобности высѣкаютъ Ланской кустарникъ. „А Егоръ, — подумалъ Гурьевъ, — мужикъ со смѣткой и, кажется, преданъ мнѣ, что, конечно, и понятно: вѣдь Миронъ-то былъ гурьевскій дворовый“. Положили однаго Егору земного: только отъѣсное, да три рубля въ мѣсяцъ. А что такое для бездомнаго человѣка три рубля? То купи, другое купи... на спички даже не хватаетъ: поминутно, будучи въ селѣ, заходишь то въ ту, то въ эту избу, а зайдя, поси-дѣвъ, поболтавъ для видимости, открываешь заслонку и по-поясъ зализываешь въ печку — поискать въ золи горячихъ угольковъ... И, нанявшись, Егоръ совсѣмъ пересталъ помогать матери.

Въ Петровке, доѣвъ послѣднюю корку запятаго съ великимъ трудомъ хлѣба, рѣшилась она, наконецъ, робовать въ

Ланскомъ, повидаться съ сыномъ, провѣдать его, а главное, хоть малость подкрѣпиться. Доѣдала она хлѣбъ съ большой осторожностью—и какъ-то сразу очень ослабѣла. Не въ мѣру стало клонить въ сонъ, рябитъ въ глазу, звенѣть въ ушахъ; стали пухнуть ноги, стала томить неотвязная мечта: поѣсть чего-нибудь горячаго, съ солью. Боязно было сказать себѣ: пойду. Да надоумили, разговорили, построили прохожія, съ Каменки. Зашли онѣ напиться — старушка и молодая; удивились на солдатскую мишень на стѣнѣ большой, черной, полураскрытой избы и зашли. Ходили онѣ въ Гурьево, помянуть умершаго: въ Каменкѣ попъ боленъ, не служить. Старушкѣ умершій былъ сыномъ, молодой — мужемъ. И вотъ всѣ трое разгрустились, разговорились о своей женской долѣ, о мужьяхъ, сыновьяхъ. Молодая, — крупная, съ большимъ блѣднымъ лицомъ и большими сѣрыми глазами на выкатъ, хорошо и нарядно одѣтая — въ новую корсетку изъ коричневой сермяги, со сборками назади, въ красную шерстяную юбку и полсаложки, съ черной бархаткой, украшенной бѣлыми пуговками, на шеѣ, — та все молчала. Старушка, сухонькая, чистенькая, въ мягкихъ чунькахъ, какъ богомолка, устало-оживленная, говорила безъ умолку, а молодая за все время только разъ, просто и не слѣша, вставила свое слово: когда старушка залпнулась, запамятовала городъ, куда угнали въ солдаты ея меньшаго сына.

— Три недѣли тому назадъ схоронили, сударушка, — ласково говорила старушка Анисѣ, немного стыдившейся своей бѣдности и слабости. — Съѣздилъ въ городъ, былъ ужасный веселый, а пріѣхалъ домой, погналъ лошадей въ ночное, двухъ десятинъ до Щедрина хутора не догналъ, — мы черезъ Щедрина, черезъ его поле скотину-то гоняемъ, — воротился. Пришла я съ холстами, вижу, лежитъ онъ на печи, полубкомъ накрылся. Говорю я ему: „Тиша, что-й-то ты лежишь?“ — „Умираю, говоритъ, мамашъ, заболѣлъ я. Погналъ вчерась въ ночное, двухъ десятинъ до Щедрина рубежа не догналъ — понесло на меня въ родѣ какъ холодомъ, ознобомъ, насилу назадъ дошелъ, ноги подламываются...“

Анисья вздохнула, и на глазъ ея навернулась слеза. „Дитя-то хоть криво, а матери родной все мило, — подумала она и вздохнула отъ грустной нѣжности къ сыну. — Пойду, была не была, авось не чужая“... А старушка продолжала, вытирая угды тонкихъ, сморщенныхъ, стянутыхъ въ оборочку губъ худыми твердыми пальчиками:

— Что тутъ, ягодка, дѣлать? Дала я ему двѣ просвирки, одну заздравную, другую за упокой. Съѣшь, говорю, сынокъ,

може, полегчаетъ. На третій день онъ и кличетъ меня: „Мамашъ, добрѣ нынче день хорошъ, поведите меня, а то тутъ, въ избѣ, духъ чижелый“. Повели мы его на гумно, посадили на солому, сами отлучились на минутку — овцу стричь. Немного годя, приходимъ, а онъ сидитъ—и ужъ голову уронилъ, едва дышитъ: раньше лицо красная, какъ сукно, была, а тутъ ужъ ото лба бѣлѣть стала. Приподняли мы его, а онъ ужъ кончился. Не дождался, значить, насъ...

И Анисья задумалась. Растроганная бесѣдой, умиленная материнской нѣжностью, материнскими горестями, стала она совѣтоваться съ прохожими, какъ ей быть: итти или нѣтъ? Если ужъ итти, такъ не лучше ли съ умомъ итти: не затѣмъ только, чтобы провѣдать, а чтобы на все лѣто остаться? Вонъ, говорятъ, онъ теперь отвѣсное получаетъ; а вѣдь при отвѣсномъ и она прокормится,—авось не объѣстъ, много ли ей и надо-то... Старушка сказала:

— Да вѣдь какъ сказать?—не угадаешь, какъ лучше, сударушка. Мой-то Тихонъ не примѣръ другимъ. Ужъ такой степенный былъ, одинъ въ свѣтѣ разумный и задумчивый! А послушишь кругомъ,—правда, не тѣ сыновья понѣ пошли, не чета моему, вѣроломнымъ... Ну, а все-таки я бы пошла. Мой стадъ—иди.

— Онъ не можетъ не кормить матери, — прибавила молодая.

И Анисья повеселѣла:

— Ну, итъ, пойду,—сказала она нерѣшительно.—Вѣдь онъ только скучливъ у меня, а никто плохого не скажетъ, — не драчунъ, не пьяница. Вотъ только дома не любить сидѣть... А мнѣ голодно, да и скука съѣла. Иной разъ думаешь: хотъ бы захворалъ, что ли, все бы дома пожить... Мужикъ онъ добрый, да, конечно, рабочій чловѣкъ, обидчивый. У меня одна душа, у него другая. Придешь, думается, а онъ ну-ка обидится, облаетъ, обусурманить... Да все-таки, видно, не миновать мнѣ итти...

Проводивъ прохожихъ, она долго оглядывала пустую избу: нельзя ли продать что? Но все богатство ея состояло въ старой укладкѣ, гдѣ хранился единственный подарокъ Егора,—платокъ, купленный въ монастырской лавкѣ въ Задонскѣ, большой бѣлый коленкоровый платокъ, весь усѣянный черными черепами, сложенными крестъ-накрестъ черными костями и черными надписями: „Святый Боже, святый крѣпкій“... Грѣхъ продавать такую вещь, да и жалко, правду сказать: привесъ Егоръ свой подарокъ съ искреннимъ желаніемъ порадовать мать, выпивши... Ну, да самъ же и вино-

вать онъ, Егоръ-то, — думала она, — забылъ мать, до-крайности довелъ. А Богъ милостивъ, Онъ видитъ нужду: похоронятъ и безъ платка, съ бѣдной старухи на томъ свѣтѣ не взыщется... И пошла продавать платокъ. Тонетъ въ хлѣбахъ, въ лознякѣ Паженѣ. Одна кирпичная изба богача Абакумова далеко видна. Она на фундаментѣ, подъ желѣзной крышей, съ разноцвѣтными мальвами, съ палисадникомъ. Въ воскресенье пошла Анисья къ Абакумову. Абакумовъ зорко оглядѣлъ платокъ своими татарскими глазками, кликнулъ мать, сумрачную, толстую, отекающую старуху, въ ватной кофтѣ и валенкахъ.

— Что жъ просишь? — медленно выходя изъ избы, исподлобья оглядывая крыльцо и горбясь, непривѣтливо спросила старуха.

Анисья, чувствуя недоброе, стала хвалить платокъ, показывать товаръ лицомъ — накинула его на плечи, прошлась. Абакумовъ, подумавъ, положилъ „два орла“ — гривенникъ; потомъ, усмѣхнувшись, прибавилъ еще пятакъ — „за маперу“. Анисья покачала головой и пошла домой, даже не снявъ съ себя платка. А дома, сидя въ этомъ траурномъ нарядѣ на лавкѣ, долго разглядывала его концы своимъ единственнымъ глазомъ, что-то обдумывая. Потомъ облокотилась на столъ, уже ничего не думая, а только слушая звонъ въ ушахъ... Въ пазахъ стола застряло когда-то порядочно пшена. Она наковыряла съ полгорсти, съѣла. Потомъ спрятала платокъ въ укладку, легла спать...

Да, прохожія правду сказали, — думала она, — не миновать итти. Губы ея сохли, голова звенѣла и горѣла, сердце замирало, и порою точно приступы тошноты схватывали горло. Она легла на большія голыя нары возлѣ большой, треснувшей и давнымъ-давно не топленной печки, когда еще не смерклось лутемъ, мгновенно заснула — и вдругъ очнулась съ такой ясной головой, въ такой острой, непонятной и зловѣщей тоскѣ, что даже испугалась ея, вскочила съ бьющимся сердцемъ. Охъ, это не итти, а умирать не миновать ей! Она съѣла, глядя въ темноту. На мгновенье съ рѣдкой живостью вспомнилась ей ея прежняя, далекая жизнь... дѣти, Миронъ, хозяйство... какое-то дождливое лѣто, двѣ бѣлыхъ ярки, что купила она на свои, бабьи деньги, а Миронъ пропалъ безо всякой жалости... пѣгая кобыла, шестилѣтній Егорка и холодный золотой вечеръ, въ который онъ водилъ поить на прудъ эту кобылу... Но тутъ снова помутилось въ головѣ, помутилась и непонятная, страшная тоска въ сердцѣ. Надо лечь, надо поскорѣе заснуть, а то не дойдешь; надо выйти

пораньше, да уходя не забыть запереть укладку, закрыть трубу на случай грозъ...

Продумавъ всю ночь сквозь сонъ что-то тревожное, неотступное, просучивъ потами,—жгли ихъ блохи, жилили мухи,—заснула она крѣпко лишь подъ утро. Проснулась, когда ужъ ободнялось — и бодренно обрадовалась дню, тому, что она жива, идетъ въ Ланскос, начинать какую-то новую, можетъ-быть, хорошую жизнь... Богъ милостивъ—чувствовать себя на бѣломъ свѣтѣ, среди людей, видѣть утро, любить сына, идти къ нему, это—счастье, сладкое счастье... Пока она вставала, свертывала попонку, служившую подушкой, прятала ее въ укладку, пока оглядывала избу,—не нужно ли еще что спрятать,—эта радость, это умиленіе ослабѣли. Но все же хотѣлось, очень хотѣлось идти. Изнутри приперла она дверь въ сѣнищахъ однозубымъ рогачомъ, воткнувъ его въ землю, нашла въ углу палку, испачканную воробьями, перелѣзла черезъ обвалившуюся стѣну... По зеленому выгону, возлѣ пруда, къ которому ковыляли приказчиковы гуси, длинными сѣрыми полосами лежали бѣлившіеся холсты. Машка Бычокъ, конопатая, здоровая дѣвка, наваливъ по свернутому, мокрому, тяжелому холсту на каждый конецъ коромысла, шла навстрѣчу, вся виляясь, мелко перебирая бѣлыми крѣпкими ногами по зелени. Анисья подумала: слава Богу, съ полнымъ навстрѣчу...

Весь май, весь іюнь перепадали дожди. Хлѣба и травы въ нынѣшнемъ году чудесные. Путаюсь худыми ступнями и напеченой по межамъ, заросшимъ травой и цвѣтами, мѣряя палкой стежки среди ржей, овсовъ и гречи, радовалась, по привычкѣ, Анисья на урожай, хотя уже давно не было ей никакой пользы отъ урожаявъ. Ободнялось, дулъ вѣтеръ съ юга. Ржи были густы, высоки, зыблились, лоснились, какъ дорогой кувѣй мѣхъ; только кое-гдѣ синѣли васильки въ нихъ. Выметались и тускло серебрились тучные, глянцевитые стеблемъ овсы. Ылины цвѣтущей гречи молочно розовѣли. День былъ облачный, вѣтеръ дулъ мягкій, но сильный,—усыплялъ пчелъ, мѣшалъ имъ, путалъ ихъ, сонно жужжащихъ, въ ея кустистой заросли, обдавалъ порою запахомъ грѣтаго меда. И то ли отъ вѣтра, то ли отъ этого запаха томно кружилась голова. Шла Анисья стежками, межами, чтобы сократить путь, но, когда миновала палаевскія лопцы и выбралась на противоположную гору, вышла въ чистое поле, откуда далеко видно,—вплоть до станціи, до элеватора на горизонтѣ, — сообразила, что дала врюку.

— Благодать Господь пошлетъ,—подумала она привыч-

ное, устало оглядывая хлѣба.—Ой, не дойду я, двужилъная, стала слѣпнуть съ голоду!

Съ самаго выхода изъ-дому чувствовала она, что надо обдумать главное: дома ли Егоръ, застанетъ ли она его? И все отвлекалась, все не могла собраться съ мыслями. Теперь двѣ горлинки, шагахъ въ десяти другъ отъ друга, по одной линіи, мелко и споро бѣжали передъ нею вдоль аспидной дороги и мѣшали думать. Она долго приглядывалась, не могла, пока онѣ не поднялись, понять, что это такое: горлинки совсѣмъ подъ цвѣтъ дороги, только спинки у нихъ съ брусничнымъ отливомъ. Онѣ женственно и граціозно сѣменили, потомъ легко взлетѣли, распустивъ сѣрые хвосты съ бѣлой каемкой, и опять сѣли, опять побѣжали. Еще держалось въ душѣ утреннее умиленіе, но уже опять проходило по ней смертельно-тоскливое предчувствіе чего-то. Анисья махнула на горлинокъ палкой: затрепеталъ легкій свистъ крыльевъ, но не прошло и минуты, какъ опять увидала она горлинокъ, бѣгущихъ быстро и однообразно. Онѣ мучили, утомляли ее, но и трогали своей красотой, беззаботностью, нѣжной привязанностью другъ къ другу. Сколько лѣтъ ея черно-зеленой, клѣтчатой паневѣ, грязной, истлѣвшей на высохшемъ тѣлѣ рубахѣ, темному, въ желтомъ горошкѣ, платку? Старость, худоба, горе такъ не идутъ къ красотѣ горлинокъ, цвѣтовъ, плодородно-зеленой земли, забывшей ее, нищую старуху,—и она болѣзненно чувствовала это. Она опять неловко и робко махнула на горлинокъ. Горлинки взлетѣли—и она постояла, выждала, пока онѣ скрылись...

Она бодрилась, но клонило въ сонъ. Итти по убитому колесами проселку еще легче, чѣмъ по мягкимъ стежкамъ, ступать босыми ногами по теплой землѣ такъ сладко. Но махали, махали по горизонту крыльями мельницы. Взглянешь—исчезнуть, отвернешься—опять машутъ... А поднимешь глазъ на облачное небо—плыветъ, плыветъ стеклянный червячокъ, плывутъ стекляшныя мушки, и никакъ не поймашь, не удержишь ихъ на мѣстѣ: только остановишь взглядъ, а червячокъ ужъ соскользнулъ куда-то—и опять плыветъ кверху, скользить, поднимаясь, и множатся, множатся мушки... Она замедляла шагъ и переводила духъ: „Ой, не дойду я, двужилъная! Потихе надо...“ И опять шла, и опять, сама того не замѣчая, начинала спѣшить. Вотъ ужъ подлинно двужилъная! Теперь почивать бы, почивать ей въ землѣ, а она... „Какая у тебя цѣль, старуха?“—спросилъ ее на Святой о. Василій. „Какая есть, батюшка“,—отвѣтила она смиренно. А можетъ, онъ это къ тому сказалъ, что зажила она? А можетъ, онъ оби-

дѣлся, что ничего не дала она ему,—можетъ, и къ причастію не допустить? Надо, надо сходить причаститься—какъ вотъ только оправится она малость, такъ и пойдеть... Долго ль до бѣды, не молоденькая!

Теплый вѣтеръ, дувшій съ юга, въ бокъ, несъ надъ просторомъ сѣро-зеленыхъ равнинъ пѣсни жаворонковъ, аромат цвѣточной пыли. Мягко, густо и пѣжно синѣли дальнія деревни, перелѣски. Вонъ въ далекой дали справа, за полями и верхами, видна церковь Знаменья, родного и ужъ давно забытаго села. Вонъ налѣво, еще дальше, за воргольскими дугами—бѣдныя стѣнные деревушки: Каменка, Сухіе Броды, Рябинки... Небо загромождали огромныя, но легкія и причудливыя, лилово-дымчатые облака. Они собирались по горизонтамъ въ синеватыя тучки, и туманно-голубыми полосами опускался изъ нихъ дождь. А невидимыя мельницы все махали и махали крыльями даже и въ этихъ полосахъ... Развѣ лечь, подремать? Но нѣтъ, нельзя: послѣ отдыха еще труднѣе итти и работать, она хорошо знаетъ это по долгому опыту. Да вонъ и ѣдетъ кто-то... Показалась впереди тройка. Она стала разглядывать ее и оживилась. Тройка, вся въ мѣдныхъ бляхахъ, въ дорогой наборной сбруѣ, приближалась медленно, сдерживая игривую силу. Гнѣдой коренникъ, высоко задравъ голову, шелъ шагомъ, темно-орѣховыя пристяжныя, изгибая лоснящіяся шеи и почти касаясь раздутыми ноздрями дороги,плыли. Прищуривъ глаза, завалившись въ задокъ тарантаса, лѣнился молодой кучеръ, въ плисовой безрукавкѣ, въ соловой рубахѣ, въ городскомъ картузѣ, въ замшевыхъ рукавицахъ... Какой-то особый видъ у этихъ гладкихъ, барскихъ лошадей, какой-то особый вкусный запахъ у этихъ тарантасовъ: мягкой кожи, лакированныхъ крыльевъ, теплой колесной мази, перемѣшанной съ пылью... А вотъ начинается зелено-оловянное гороховое поле, тоже барское. Отъ тройки Анисья перешла на межу, покосилась на горохъ, проводила глазомъ приподнятый задокъ тарантаса... Да нѣтъ, горохъ еще и не наливался. Кабы налился, наѣлась бы досыта—и не увидалъ бы никто! И, сморщивъ лицо, поглядѣла Анисья на небо, туда, гдѣ чувствовалось за болѣе свѣтлыми и теплыми облаками солнце: должно, ѣдетъ кучеръ къ часовому поѣзду на станцію,—у людей обѣды на дворѣ...

Она забыла о мельницахъ—мельницы стали махать тише. Она шла и шла; межа, вся усыпанная бѣлыми цвѣтами, бѣжала ей подъ ноги, бѣлыя точки цвѣтовъ дрожали. А гдѣ-то разнообразно, весело ругались бабы—перебивали другъ друга звонкіе бабы голоса. Она ясно слышала каждый изъ нихъ,

даже съ нѣкоторымъ удовольствіемъ слѣдила за ихъ измѣненіями, скороговорками, вскрикиваніями. Но вниманія на нихъ не обращала, — дѣло привычное слушать эти несуществующіе голоса! — думала свое, что понало, все еще не будучи въ силахъ собраться подумать о Егорѣ: думала то о мукѣ какой-то, у кого-то когда-то занятой да такъ и не отданной, то о томъ, что вчера у сосѣдки теленокъ сжевалъ весь подолъ рубахи, висѣвшей на плетнѣ, то о гусенятахъ въ желтомъ пуху, то о своей близкой смерти. Эта мысль, столь поразившая ее вчера, и теперь еще была нова и странна, но не пугала — перебивали ее другія мысли. Да, вотъ прудъ въ Пажени мелокъ и гризень, а гляди-ка, сколько птицы развела панасевская приказчица! Всѣ берега въ пуху и перьяхъ. Стережетъ птицу Фроська, дочь Аверьки-побирушки... Что бы нанять, замѣсто нея, стараго, разумнаго человѣка! И въ Ланское тогда бы не нужно было итти, и дѣвчонку она могла бы взять къ себѣ... Да вотъ поди жѣ, — нѣтъ догадочки. Бить некого будетъ, старуху-то постыдилась бы... „Постыдилась бы, постыдилась!“ — звонко кричали несуществующія бабы. — „Надо сѣсть“, — отвѣчала имъ Анисья мысленно, и все дожидалась кѣмъ-то назначеннаго для отдыха мѣста. Кѣмъ оно назначено? Богомъ? „Нѣтъ, сыномъ, Егоромъ!“ — крикнулъ кто-то. Она вздрогнула, мотнула головой, прогоняя дремоту...

И по межѣ и во рву подъ межою — всюду пестрѣли цвѣты. Чувствуя, что не добиться ей до назначеннаго мѣста, Анисья сѣла на первое попавшееся. Бабы смолкли. „Хорошо!“ — подумала она. И съ задумчиво-грустной улыбкой стала рвать цвѣты; нарвала, набрала въ свою темную грубую руку большой пестрый пукъ, пѣжный, прекрасный, пахучій, ласково и жалостно глядя то на него, то на эту плодородную, только къ ней одной равнодушную землю, на сочный и густой зелено-оловянный горохъ, перепутанный съ алымъ мышинымъ горошкомъ. Бабы молчали, мельницы исчезли. Теперь она плыла, плыла, какъ тотъ стеклянный червячокъ, по воздуху. Вонъ вдали, въ горохѣ, шалашикъ для сторожа, пока еще пустой: залѣзть бы въ него и — спать... Вѣтеръ пѣсь надъ полями убаюкивающія трели жаворонковъ, убѣгала въ степь сѣро-аспидная дорога, убѣгала вслѣдъ за нею и высокая, зеленая межа. Больше всего росло на межѣ мелкихъ бѣлыхъ цвѣтовъ. Но не мало было и ромашки, золотой куриной слѣпоты, бархатисто-лиловыхъ медвѣжьихъ ушекъ, малиноваго клевера. Прикрывая глазъ, Анисья щипала остинки то изъ медвѣжьихъ ушекъ, то изъ клеверныхъ шапочекъ: тошнило,

пекло губы, а въ остинкахъ были свѣжія капельки горькаго меду. Вдругъ сердце замерло, — холодомъ облила голову, отняла плечи, заныла въ пихъ и по всему тѣлу прошла та жуткая, какъ бы предсмертная, тошная волна, что пакатываетъ на человѣка, высоко вознесшагося на качеляхъ, вдругъ сорвавшагося и летящаго внизъ. Волна прошла и отхлынула, но вслѣдъ за нею потемнѣло въ глазу отъ страха: ой, а ну-ка умрешь въ полѣ? Не кстати это будетъ, не ладно и не то, что въ избѣ—куда страшнѣе! Переломивъ слабость, вскочила Аписья съ межи, съ примятаго во влажной травѣ мѣста, и почти побѣжала.

Исчезло все дурманившее. До дрожи въ рукахъ и ногахъ захотѣлось застать сына, что-то сказать ему, перекрестить на прощанье... Да развѣ сбывается когда-нибудь то, чего сильно, жадно хочется? Всѣмъ существомъ ея овладѣла тревога, терпѣніе, сразу прибавившее силы, а вмѣстѣ съ терпѣніемъ—страхъ, предчувствіе: нѣтъ, ни за что не застанешь! За горохомъ пошли пары. Мужики пахали ихъ. Она слабо крикнула, вѣрно ли, что влѣво поворотъ въ Гурьево, а направо въ Ланское? „Въ Ланское!“ — тоже крикомъ отозвался большой босой старикъ, разстегнувшій подъ своей первобытно-густой бородищей воротъ длинной рубахи, подоплека которой чернѣла отъ пыли и пота.—„А напиться, рѣднѣй, ничего?“ Онъ, шатаясь, оступаясь въ бороздѣ, подошелъ въ это время съ сохой къ межѣ и, обивая блестящую палицу о подвой, остановился. „Можно“, — сказалъ онъ. Она подняла съ межи кувшинъ, заткнутый шапкой, и припала къ водѣ, косясь на ступни старика. Онъ былъ страшенъ, похожъ на лѣшаго или болотнаго: нечеловѣчески-широкое туловище, огромная голова, зеленовато-желтыя кудлы, такая же борода, фіолетовое копонатое лицо и совсѣмъ зеленые глаза, свирѣпо сверкавшіе изъ-подъ косматыхъ и рѣдкихъ бровей; ступни же его — цвѣта свеклы — напоминали сошники. Но сразу видно — рѣдкой доброты человѣкъ... Она напилась, хотѣла спросить, нѣтъ ли хлѣбушка,—и не смогла, не сумѣла. Да и ѣсть ей не хотѣлось...

Теперь она вспомнила мѣста. Оставалось до Ланского версты двѣ, и она не спускала глаза съ большого дерева, одиноко бѣлѣвшаго стволомъ среди моря выколосившійся пшеницы близъ лѣсной опушки, — со старой березы, живописно круглившейся своей вершиной, серебристой отъ вѣтра, на облачно-дымчатомъ небѣ. За пшеницей, за березой показался шелковистый березовый кустарникъ — темно-зеленый. Мѣсто тутъ степное, ровное, кажется очень глухимъ: ничего

не видишь, кромѣ неба и безконечнаго кустарника, когдаходишь въ Ланское. Вездѣ буйно заросла земля, а ужъ тутъ прямо непролазная чаща. Травы—пò-поясъ; гдѣ кусты—не прокосишь. Пò-поясъ и цвѣты. Отъ цвѣтовъ — бѣлыхъ, синихъ, розовыхъ, желтыхъ—рябитъ въ глазахъ. Цѣлыя поляны залиты ими, такими красивыми, что только въ березовыхъ лѣсахъ растутъ. Собирались тучи, вѣтеръ нестъ пѣсни жаворонковъ, но онѣ терялись въ непрестанномъ, бѣгущемъ шелестѣ и шумѣ. Еле намѣчалась среди кустовъ и пней заглохшая дорога. Сладко пахло клубникой, горько — земляникой, березой, полынью. Анисья спѣшила, спотыкаясь, путаясь въ цвѣтахъ и травахъ. Вотъ и караулка. На дорогу глядитъ она бокомъ, внутренней стѣной и дверкой: были сѣнцы, да ихъ отломали. И виситъ на дверкѣ большой рыжій замѣкъ... Увидавъ его, Анисья вдругъ сморщила лицо и заголосила.

Но голосить на бѣгу было трудно. Заколотилось сердце, стало жарко, слезы мѣшали видѣть. И она остановилась, всхлипнувъ отъ жалости къ себѣ, вытерла грязнымъ рукавомъ бѣдное, измученное лицо свое... Кругомъ—полынь, лопухи, крапива, въ крапивѣ—нищая избенка безъ крыши. Изъ лопуховъ вылѣзъ кобель, черно-сѣдой, сѣроусый, съ большими, гноящимися глазами, съ обрубленнымъ хвостомъ и обрубленными, въ кровь разтѣденными всякой мошкаркой ушами. Онъ насторожилъ, поднялъ эти обрубки и глухо забрежалъ — какимъ-то особымъ, лѣснымъ брехомъ. Она стала и не двигалась съ мѣста, глохла отъ стука собственнаго сердца. Кобель поглядѣлъ на нее—и смолкъ, отвернулся. И долго оба стояли въ нерѣшительности: онъ не зналъ, продолжать ли брехать, она—подходить ли?

— Егорушка!—слабо крикнула она.

Никто не отозвался. Кобель подумалъ и брехнулъ еще разъ. Потомъ опустилъ свои обрубки — и голова его стала круглой, доброй, жалкой. Помахивая толстымъ, короткимъ хвостомъ, онъ подошелъ къ Анисѣ, понюхалъ паневу, глянулъ въ глазъ. „Э, да и ты стара!—равнодушно сказалъ его взглядъ. — Ну, намъ съ тобой дѣлать нечего... А Егора пѣту“... И, отойдя, кобель разсѣянно поднялъ заднюю погу на кустъ мелкихъ ярко-желтыхъ цвѣтовъ и, не сдѣлавъ ничего, легъ, раскрылъ, по привычкѣ, пасть и часто задышалъ, мотая головой, отбиваясь отъ липнущей къ уху сѣро-лимонной мухи. И опять стало скучно, тихо и глухо кругомъ. Бѣжалъ по кустамъ шелковистый шумъ и шорохъ, однообразно и хрустально звенѣла въ нихъ овсянка, жалостно цокали и перелетали съ мѣста на мѣсто, съ былинки на былинку сѣ-

ренкія чеканки, точно ища и все не находя чего-то. Въ бѣленѣ, полыни, малиновыхъ татаркахъ, въ непомѣрно разросшихся лопухахъ и высокой, дремучей гущѣ темно-зеленой крапивы торчалъ искривленный, толый верхъ обвалившагося погреба. Караулка была необыкновенно мала и ветха; вмѣсто крыши, ростъ по ея потолку высокій блѣдно-серебристый бурьянъ.

Шатаясь, плача, шурша по лопухамъ, Анисья подошла къ дверкѣ, пошарила по притолкѣ,—нѣтъ ли ключа. Не нашла—и догадалась: отогнула дужку замка,—онъ, конечно, былъ не запертъ,—и потянула за скобку, перешагнула высокій порогъ...

Ѣсть — объ этомъ даже думать не хотѣлось. Все плыло, шаталось, смутно и горячо разговаривало. Черезъ силу она осмотрѣлась все-таки—и убѣдилась, что нигдѣ нѣтъ ни единой крохи хлѣба. Потомъ, положивъ пукъ увядшихъ цвѣтовъ на кое-какъ сбитый изъ старой доски и свѣжихъ березовыхъ колевъ столикъ, косо стоявшій въ углу на ухабистой синей землѣ, сѣла она на лавку возлѣ столика и безъ движенія просидѣла до самаго вечера. Она тупо ждала чего-то—не то сына, не то смерти,—сонно глядѣла на гнилыя стѣны, на полуразвалившуюся печку. Слабый свѣтъ проникалъ въ окошечко надъ столикомъ. Дальше, гдѣ было другое, безъ рамы, заткнутое полшубкомъ, клоками грязной овчины, ступался сумракъ. Въ сумракѣ прыгали по землѣ маленькія лягушки.

— Либо мнѣ мерещится? — подумала Анисья — и приглядѣлась: нѣтъ, не мерещится, самыя настоящія лягушки...

Весь потолокъ прорасталъ грибами — часто висѣли они, тонкіе стеблемъ, какъ ниточки, внизъ бархатистыми шляпками,—черными, траурными, коралловыми, — легкими, какъ тряпочки, обращавшимися въ слизь при малѣйшемъ прикосновеніи. Развѣ этой слизи поѣсть? Нѣтъ, помрешь—и растащутъ тогда сосѣдушки избу въ Пажени по бревнышку... А больше ѣсть нечего. Махоточка стояла на подоконникѣ, прикрытая дощечкой. Она подняла ее: въ махоточкѣ загудѣла большая страшная муха, — изъ тѣхъ, что любятъ мертвыхъ; поднесла дощечку къ глазу, стала разглядывать: такъ и есть, образокъ. Грѣховодникъ Егоръ, за то-то и не даетъ ему Богъ счастья! Она перекрестилась, съ трудомъ поднявъ руку, поцѣловала дощечку и положила ее на столикъ; подумала, вспомнила, что умираетъ,—и еще разъ перекрестилась, заставляя себя выразить во вздохѣ и особенно медленныхъ, истовыхъ движеніяхъ руки всю покорность свою Богу, все свое благо-

говѣніе передъ славой и силой Егоръ, всѣ надежды свои на Егоръ милосердіе... На загнеткѣ раскрытой печки, на кучѣ зола лежала сковородка съ присохшими къ ней корочками яичницы: видно, Егоръ изъ птичьихъ яицъ дѣлалъ, — скорлупа-то возлѣ сковородки валялась пестрая. Анисья подумала: чѣмъ спасается, батюшка, въ родѣ хорька живетъ! Все сильнѣе клонило въ сонъ, въ бредъ, бѣжала подъ ноги дорога вмѣстѣ съ тройками и горлинками... Анисья откидывала назадъ голову — и на минуту приходила въ себя, прогоняла видѣнія и ту тревожную зыбкость, въ которую все глубже погружалась она. Вѣтеръ сонно и глухо шуршалъ вокругъ стѣнъ, въ краивѣ, проносился по бурьяну на потолокъ. Въ окошечко видѣлись сонно качающіяся верхушки кустовъ — блѣдныя на мѣловато-свинцовомъ фонѣ тучъ. Темнѣло, наступалъ вечеръ...

Она понимала, что заходитъ дождь, шумитъ вѣтеръ, доноситъ однообразно повышающійся и понижающійся звонъ кустовой овсянки: ти-ти-ти-ти-и... Гдѣ-то томно кричали молодые грачи: тоже къ дождю, къ вечеру... Но, все понимая, она спала, спала — и умирала, и воображеніе ея, чуждое ей, неудержимо работало. Ахъ, да вѣдь Егоръ идетъ на ярмарку, — надо догнать его! И она видѣла ярмарку. Тамъ гомонъ, говоръ, скрипъ телѣтъ, ржаніе лошадей, народъ валить валомъ — и все пьяный, страшный; бьетъ, гремитъ оркестріонъ на каруселяхъ, крѣгомъ летятъ на деревянныхъ коняхъ дѣвки въ красныхъ баскахъ и ребята въ канареечныхъ рубахахъ — и отъ этого тошнитъ, тошнитъ, мутитъ... Жарко, тяжело, а Миронъ, молодой, веселый, со сдвинутой на затылокъ смушковой шапкой, процирается къ ней черезъ толпу, несетъ цѣлый узелъ гостинцевъ — рожковъ, сусликовъ, жамокъ — и не дастъ допить бутылку квасу, только-что откупоренную квасникомъ, старикомъ, пахавшимъ паръ; Миронъ кричитъ: „запрягай скорѣй, надо Егорку догнать!..“ Вотъ какой ты, Миронъ, говоритъ она ему, никогда-то не жалѣлъ ты меня въ молодости, а теперь вотъ и смерть пришла... Въ полѣ вѣтеръ, тучки, дождь мелкій, дѣвки картонки копаютъ, — нѣтъ, Миронушка, видно, надо лечь поскорѣй... Какъ лунатикъ, шатаясь, шепча, поднялась Анисья съ лавки, не чувствуя своихъ распухшихъ ногъ, вытянула изъ окошка подушубокъ, свернула, кинула на лавку, въ изголовье... Въ тазу пыло и дрожало, сердце такъ замирало, что, казалось, поминутно виснетъ она въ воздухъ, что нѣтъ у нея ногъ, есть только туловище, какъ у того страннаго солдата, что чернѣетъ на избѣ въ Нажени. Поспѣшно, стараясь не упасть,

легла она и закрыла глазъ. Лавка полетѣла въ пропасть, но картины, осаждавшія воображеніе, стали путаться, меркнуть...

Она спала, умирая во снѣ. Лицо ея, лицо муміи, было спокойно, безстрастно. Прошелъ дождь, вечернее небо очистилось, въ лѣсу, въ поляхъ все смолкло. Вечерній мотылекъ трепетно-беззвучно поплылъ въ воздухъ. Стали видны въ сумракъ по землѣ только бѣлые цвѣты. Сзади караулки мелкимъ красивымъ узоромъ чернѣ зеленѣли верхи кустарника по опушкѣ—на оранжево-алой мутн, переходившей выше въ прозрачно-лимонную, легкую пустоту. Противъ караулки, на безцвѣтномъ, пепельномъ небѣ стояла полная, ясная, но не яркая луна, еще не дававшая свѣта. И глядѣла она прямо въ окошечко, возлѣ котораго лежалъ не то мертвый, не то еще живой первобытный человѣкъ. Въ другое, безъ стекла, безъ рамы, дулъ теплый вѣтеръ...

II.

Егоръ въ дѣтствѣ и отрочествѣ былъ то лѣнивъ, то живъ, то разсѣянъ, то внимателенъ, то смѣшливъ, то скученъ — и всегда очень лживъ, безъ всякой надобности. Разъ онъ нарочно обѣлся бѣлены — насилу молокомъ отпоили. Потомъ взялъ манеру болтать, что удавится. „Надобно удавиться“, — говорилъ онъ порою сверстникамъ такимъ небрежно-дѣловымъ тономъ, точно рѣчь шла о томъ, что пора ему постричься. Было въ этомъ тонѣ хвастовство, и такъ не похожъ былъ Егорка на самоубійцу, что никто и не думалъ вѣрить ему, да и самъ онъ даже не представлялъ себѣ, какъ это давятся люди. Разъ старикъ-печникъ Макаръ, злой, серьезный пьяница, услыхавъ брехню Егорки о смерти, поглядѣлъ на него и вымолвилъ:

— А вотъ, ежели ты, дьяволенокъ, не отвѣтишь мнѣ сейчасъ подробно, почему такое забралъ ты себѣ эту штуку въ голову, я тебя на мѣстѣ пришибу!

И Егорка вдругъ вспыхнулъ, живо почувствовалъ, что вѣдь это, и правда, не шутка, смерть-то, что, и правда, нужно понять и отвѣтить, почему залетѣла ему въ голову мысль о ней. И, подумавъ, смущенно и неумѣло попытался высказаться:

— Да ай я знаю, почему... Живешь, живешь... А иной разъ дѣться не знаешь куда... Весь въ родѣ какъ раздребсженный какой...

Макаръ далъ ему подзатыльникъ, и Егорка кинулся, какъ ни въ чемъ не бывало, мѣсить ногами глину. Но черезъ нѣкоторое время сталъ болтать о томъ, что удавится, еще хва-

стливѣ. Ничуть не вѣря тому, что онъ давится, онъ однажды таки-выполнилъ свое намѣреніе: работали они въ пустомъ барскомъ домѣ, и вотъ, оставшись одинъ въ гулкомъ большомъ залѣ съ залитыми известкой поломъ и зеркалами, воровски оглянулся онъ, въ одну минуту захлестнулъ ремень на отдушникѣ—и, закричавъ отъ страха, повѣсился. Вынули его изъ петли безъ чувствъ, привели въ себя и такъ отмотали голову, что онъ ревѣлъ, захлебывался, какъ двухлѣтній. И съ тѣхъ поръ надолго забылъ и думать о петлѣ.

Онъ росъ, входилъ въ силу, становился мужикомъ, хворалъ, пьянствовалъ, работалъ, болталъ, шатался по уѣзду, только изрѣдка вспоминая о заброшенномъ дворѣ и о матери, которую почему-то называлъ своей обузой; жизнь, какъ ни безтолково моталъ онъ ее, очень правилась ему, и если находили на него минуты усталости, разбитости и той душевной мути, когда онъ говорилъ: „бѣлый свѣтъ не милъ мнѣ!“—то ему и въ голову не приходило, что есть тутъ связь съ его мальчишеской болтовней о самоубійствѣ. И такъ онъ дожилъ до тридцати лѣтъ, до той зимы, когда ни того ни съ сего ушелъ онъ въ Москву, связавшись нечаянно съ отправлявшимися туда золотарями.

Изъ Москвы возвращался онъ пьяный и возбужденный. Чувствуя всю нелѣпость своей поѣздки и какъ бы приготовляясь къ тому отпору, который онъ дастъ всякому, кто будетъ называть его золотаремъ, онъ до конейки пропился въ дорогѣ, вылѣзая на каждой станціи и нахально проталкиваясь въ толпѣ къ буфету. И вотъ тутъ-то, сидя въ мотающемся, мутномъ отъ дыма вагонѣ, онъ, чуть ли не впервые послѣ исторіи въ пустомъ барскомъ домѣ, сталъ опять болтать то, что болталъ когда-то, сталъ доказывать сосѣдямъ по лавкѣ, мужикамъ-пильщикамъ, что онъ долженъ удавиться. И опять никто не далъ вѣры его словамъ, и опять, проспавшись, забылъ онъ о своей болтовнѣ.

Дома, въ родныхъ мѣстахъ, послѣ Москвы, послѣ той непривычной жизни, которой жилъ онъ тамъ, послѣ пьянства и возбужденія въ дорогѣ, все показалось ему такъ буднично, что у него даже пропала охота отбрехиваться отъ насмѣшливыхъ разспросовъ, зачѣмъ это путешествовалъ онъ въ Москву. Переночсавъ двѣ ночи въ Гурьевѣ у пріятеля-кузнеца, онъ пошелъ въ Пажень. Видъ своего разрушающагося двора, видъ сильно измѣнившейся, высохшей и странно-тихой, слегка шальной матери не произвелъ на него никакого впечатлѣнія. Объ одномъ онъ пожалѣлъ—о томъ, что задаромъ трепалъ ланги. И, нехотя проживъ дома трое сутокъ, опять пошелъ

онъ въ Гурьево, прямо на барскій дворъ—проситься въ караульщики въ Ланское. Былъ солнечный мартовскій день, дорога сперва таяла, потомъ,—когда солнце склонилось на безоблачномъ небѣ къ закату и золотой слюдой заблестѣли подъ нимъ снѣжныя поля, а къ юго-востоку позеленѣла легкая и прозрачная даль,—стала дорога подмерзать, пріятно хрустѣть подъ лаптями, и пріятно, покойно, въ ладъ съ этимъ долгимъ, яснымъ и покойнымъ днемъ, чувствовалъ себя и Егоръ. Онъ поднялся на изрѣзанную ледяными колеями блестящую гору въ селѣ, вошелъ на барскій дворъ. Солнце мирно, уже по-весеннему, догорало противъ него, за рѣкою; по-весеннему возились и трещали воробьи въ золотисто-зелено-сѣрыхъ прутьяхъ, въ кустахъ сирени возлѣ барскаго дома, четко рисовавшагося бѣлизной стѣнъ и бурой желѣзной крышей на зеленоватомъ небѣ. На крыльцѣ стояла горничная въ новомъ ситцевомъ платьѣ и вытряхивала на облебянѣвшій, нечистый бугоръ снѣга самоваръ. Господъ дома нѣту, сказала она, въ городъ уѣхали; не то пріѣдутъ нынче къ вечеру, не то нѣтъ... И Егоръ какъ-то сразу увялъ, почувствовалъ тоску; постоялъ среди розовѣющаго двора въ нерѣшительности — куда было итти, не къ кузнецу же опять! — и побрелъ въ людскую. Въ людской было синевато, солнца не было, крѣпко пахло кислыми щами; на лавкѣ возлѣ стола сидѣлъ работникъ Герасимъ, черный грубый мужикъ, прикрѣплялъ кнутъ къ кнутовищу и бранился съ своей женой, Марьей, примостившейся на нарахъ возлѣ печки, съ ребенкомъ на рукахъ. Егоръ вошелъ, тряхнулъ головой и сѣлъ. На поклонъ ему отвѣтили, но браниться не бросили. Ребенокъ дралъ ручонками кофту матери, ища грудь; Марья, маленькая, смуглая, не спуская блестящихъ глазъ съ мужа и не замѣчая попытокъ ребенка, говорила, и Егоръ скоро понялъ, что брань началась изъ-за бритвы, принадлежащей брату Марьи, изъ-за того, что Герасимъ кому-то далъ эту бритву.

— Свою прежде наживи,—говорила Марья, блестя злыми глазами.—Тогда и давай, когда наживешь. Побирושка, чортъ!

— Я съ тобой никакихъ дѣловъ имѣть не хочу и разговаривать не стану,—твердо и размѣренно отвѣчалъ Герасимъ, раздувая ноздри.—Скандалу не смѣй затѣвать: у людей праздникъ завтра.

— Ротъ ты мнѣ не смѣешь зажать,—говорила Марья со смѣлостью челоуѣка, сознающаго свою правоту.

— Молчи лучше,—отвѣчалъ Герасимъ, стараясь удержаться на твердомъ тонѣ.—Небось, я чуточку поумнѣй тебя.

— Не форси, авось тебя не боятся!

— Погоди, дѣвка, побоишься! Авось заступниковъ-то немало!

— Что жъ, поплачу да спрячу. Пѣшаго сокола и галки дерутъ. Не новость...

Егоръ, привыкшій шататься по чужимъ избамъ и жить чужими жизнями, любившій скандалы, любившій слушать брань, сначала заинтересовался и этой бранью. Но вдругъ и отъ брани стало нудно ему... Чувствовалась въ ней злоба, желаніе не поддаться другъ другу, но чувствовалось и то, что даже въ злобѣ ничего путнаго, сильнаго не могутъ сказать другъ другу эти люди, что и бранятся-то они только потому, что постыла имъ жизнь, ея вѣчные будни. Марья пошла класть ребенка въ люльку.

— Что-й-то Москва-то скоро прискучила! — сказала она, напоминая мужу его поѣздку въ Москву, поѣздку, столь же целѣную, какъ и поѣздка Егора, хотя не столь позорную, такъ какъ Герасимъ ѣздитъ искать мѣста на конкѣ. — Что-й-то скоро появился! Видно, васъ такихъ-то не мало тамъ околачивается!

— Ты лучше, сука, за своимъ дѣломъ смотри, — подхватилъ Герасимъ. — Черяха, дура! Ты вонъ какой кулешъ-то сварнакала къ обѣду нонче? Свинымъ, что ль, мѣсила? Такъ вѣдь тутъ не свиньи обжорныя!

— За мной гаять нечего, — отозвалась Марья. — Ты лучше за своей Гашкой, за своими шкурами, любовницами гляди. Въ Москвѣ, говорятъ, все курятъ флѣ!

— Гашка не ты, не бродяга, свой домъ имѣетъ.

— Какъ же можно! Хожалая, кто что пожалует!

— Полегче! Тебѣ, дурѣ, да съ Гашкой ровняться! Гашкѣ-то сейчасъ на всякомъ мѣстѣ пять рублей дадутъ, а ты вотъ за полтора, неудѣльная, плужишь.

— Пя-ять рублей! Ты мнѣ сны-то не рассказывай! Авось недалняя!

Егоръ хотѣлъ солгать, какая рѣдкая и дорогая была у него бритва, — и подѣвился, промолчалъ. Онъ поднялся съ мѣста и подумалъ: „А безпримѣнно удавлюсь я! Ну ихъ всѣхъ... куда подалѣ!“ Онъ медленно подошелъ къ Герасиму, закуривавшему цыгарку, потянулся къ нему съ трубкой. Не глядя на него, тотъ подалъ почти догорѣвшую спичку. Егоръ, обжигая пальцы, закурилъ и сталъ у двери.

— Гашка-то, небось, чуточку поболѣ твоего работаетъ! — говорилъ Герасимъ, не зная, что сказать.

— Авось и мнѣ за тобой, за сортомъ, не сладко, — отвѣчала Марья. — Десять лѣтъ ворочаю!

— А-а! Ишь, актриса какая!

— Однихъ картохъ по три чугуна трескаете! Весь животъ на чугунахъ сорвала...

Егоръ не дослушалъ и вышелъ.

Весну и начало лѣта онъ провелъ въ Ланскомъ. Определенность положенія сперва радовала его. Вѣчно думать о томъ, будетъ ли заработокъ, вѣчно шататься, искать этого заработка и, какъ-никакъ, гнуть хрипъ—это уже порядочно надоѣло. А тутъ работы никакой, спи сколько угодно, жалованье и отвѣсное идутъ да идутъ... Но и дни шли—и все больше становились похожи другъ на друга, дѣлались все длиннѣе и длиннѣе; пужно было убивать ихъ, а въ лѣсу, въ одиночествѣ какъ ихъ убьешь? И, ссылаясь на то, что у него на плечахъ мать-старуха, больная и голодная, Егоръ повадился на барскій дворъ, повадился нищенски кланяться барину и выпрашивать жалованье и отвѣсное впередъ, а, выпросивъ, пропивать и то и другое съ кузнецомъ. И определенность положенія стала тягостна. Пьянство, похмелье, недоѣданіе разстраивали здоровье. Никогда за всю жизнь не думалъ Егоръ о своихъ недугахъ, но они сказывались. Онъ сталъ чувствовать то же, что чувствовала послѣднее время Анисья: зыбкость во всемъ тѣлѣ, неопредѣленную тревогу, безпорядочность въ мысляхъ. Въ сумерки онъ сталъ плохо видѣть, сталъ бояться приближенія сумерокъ—было жутко въ этомъ молчаливомъ кустарникѣ: всюду, гдѣ рѣялъ вечерній сумракъ, представлялся еле видный, неуловимый въ очертаціяхъ, но оттого еще болѣе страшный, большой сѣроватый чортъ. И чортъ этотъ не спускалъ съ Егора глазъ, поворачивалъ за Егоромъ голову, куда бы ни шелъ Егоръ. И такъ какъ казалось, что это онъ, чортъ, заставлялъ вспоминать о петлѣ, о переметѣ, о толстыхъ сучьяхъ старой березы въ пшеницѣ, то стала страшна и давнишняя, прежде бывшая такой простой, мысль о петлѣ. И Егоръ совсѣмъ забросилъ лѣсъ—сталъ и днєвать и ночевать въ Гурьевѣ. На-людяхъ, даже тогда, когда онъ только-что выходилъ изъ этихъ глухихъ стєнныхъ мѣстъ, буйныхъ хлѣбовъ и кустарника на дорогу въ село, сразу становилось легче.

Вотъ и въ тотъ день, когда шла въ Ланское Анисья, побрелъ Егоръ въ Гурьево. Онъ поздно проснулся, откашлялся, разломался, повеселѣлъ, когда выглянуло изъ-за облаковъ солнце. Покуривъ, онъ почувствовалъ: ѣсть хочется. Отъ ягодъ сильно знобило по вечерамъ, онъ зналъ это. Но ѣсть хотѣлось—и, выйдя изъ избы, онъ долго лавилъ на колѣняхъ по кустамъ, по цвѣтамъ и травамъ, долго ѣлъ землянику и

клубнику, иногда очень спѣлую, иногда совсѣмъ зеленую, твердую... Потомъ не спѣша пошелъ въ село.

— Главная вещь—хлѣбушка надо разжиться,—думалъ онъ, выходя изъ лѣса за часъ до того, какъ прійти туда Аписѣ.

Гдѣ онъ будетъ разживаться, онъ не зналъ, да мало и надѣялся на разживу. Но вѣдь надо же было оправдать свой уходъ изъ лѣса. И впрямь, плохи были его дѣла насчетъ хлѣбушка. „Ну, да плохи, не плохи, авось не околѣю, не первая волку зима!“—говорилъ онъ себѣ, разлато ступая по дорогѣ новыми лаптями, сося трубку, кашляя и глядя вдаль запухшими, блестящими глазами.

Гурьево село большое, старинное, съ просторными выгонами, съ двумя мельницами,—водяной и вѣтрянкой,—стоитъ на рѣкѣ, тонетъ въ цѣлыхъ рощахъ лозняка, осинника, и грачей въ этихъ рощахъ—несмѣтныя тысячи. „Такого села,—говорилъ Егоръ,—ни въ одной Америкѣ не найдешь!..“ Передъ вечеромъ, когда онъ подходилъ къ селу, надъ селомъ шумѣлъ не долгій, но сильный ливень, какъ видно, не первый за день. Ярko чернѣли дороги среди зеленой муравы по выгону, на которомъ слѣва, возлѣ барской усадьбы, стояла старая церковь, обитая жестью, возлѣ церкви—новое кирпичное училище, по срединѣ—мирской хлѣбный амбаръ, гамазей, а справа—тяжкій вѣтрякъ и уютный дворъ мельника. Дулъ вѣтеръ, но крылья вѣтряка неподвижно распростирались въ облачномъ небѣ. Всегда сѣрыя, они были теперь темны, сыры. Съ крыши гамазея падали капли; мальчики, что стерегли лошадей по зеленой муравѣ, сидѣли подъ гамазеемъ въ мокрыхъ зипунахъ.

— Чудеса,—думалъ Егоръ, направляясь къ вѣтряку и обсуждая, какъ всегда, то, что случайно попадетъ въ голову.—Безперечь тутъ дождь. Мѣсто привольное, для огородовъ, къ примѣру сказать,—кладъ чистый...

Еще рано было, а уже гнали разбѣгающееся по выгону пестрос стадо. Предвечернее солнце проглянуло на минуту далеко за селомъ, за рѣчной долиной, какъ разъ противъ училища, блеснуло на новой, похожей на цинковую, крышѣ его, на золоченомъ крестѣ церкви, сдѣлало стадо еще пестрѣе и опять потухло, скрылось въ облакахъ. Церковь въ Гурьевѣ грубая, скучная, какая-то чуждая всему, училище имѣетъ видъ волостного правленія, вѣтрякъ неуклюжъ, тяжелъ, работаетъ рѣдко. Буднично шумѣли, гамѣли безъ толку грачи въ лознякѣ по рѣкѣ. Бѣжало, ревѣло и блеяло стадо, перекрикиваясь, гонялись за овцами бабы съ накинутыми на голову подолами... Тамъ, въ Ланскомъ, въ караулѣ безъ крыши,

среди глухого кустарника, цвѣтовъ и бурьяна, сидя, умирала замотавшаяся до послѣдняго, смиренная мать Егора. А онъ стоялъ зачѣмъ-то среди выгона въ Гурьевѣ, думалъ, что попало, ждалъ, пока прогонять стадо. Стадо прогнали—и онъ долго глядѣлъ на двухъ спутанныхъ мокрыхъ лошадей, щипавшихъ траву и тяжело перепрыгивавшихъ съ мѣста на мѣсто связанными передними ногами. Передвигая трубку изъ угла въ уголъ рта, тяжело дыша, кашляя и сплевывая, онъ разсѣяннo водилъ глазами по выгону, мысленно ругалъ дуракомъ церковнаго старосту, обившаго старую каменную церковь жестью, глядѣлъ на гамазей. Прижавшись къ стѣнѣ гамазея, сидѣли на большомъ бѣломъ камнѣ мальчишки въ мокрыхъ, рваныхъ зипунахъ. Возлѣ нихъ стоялъ жеребенокъ-третьякъ. На него капало съ крыши: сверху онъ былъ темный, снизу свѣтло-рыжій, сухой. На кучкѣ навоза подъ вѣтрякомъ чернѣлъ грачъ. Онъ долбилъ клювомъ бокъдохлому котенку, старался унести, оторвать его, крѣпко присохшаго къ навозу,—и не могъ. Егоръ невесело усмѣхнулся и, скользя, развѣзжаясь по грязи новыми лаптями, побрелъ къ избѣ мельника.

Какъ всегда, хозяева не обратили на Егора никакого вниманія. И, какъ всегда, это нисколько не смутило его. Онъ перешагнулъ порогъ избы, тряхнулъ, въ знакъ привѣта, головой, своимъ гимназическимъ картузомъ, плоско лежавшимъ на бѣлыхъ кудлахъ, и сѣлъ на нары, сталъ насыпать трубку ѣдкой махорочной пылью, вывертывая истертый кисеть. Старикъ-мельникъ, по имени Лаврентій, по прозвищу Шмарокъ, гнулся на лавкѣ возлѣ стола, тупо, упершись ладонями въ лавку, глядѣлъ на руки своей молодой, беременной бабы, Алены, просѣвавшей надъ столомъ муку. Алена слыветъ въ Гурьевѣ красавицей за свою крѣпость и бѣлое коровье лицо. Шмарокъ, напротивъ того, малъ, лысъ, головасть, безобразенъ. Онъ богатъ, а полушубокъ на немъ рваный, засаленный, темный; рѣзко выдѣляется новый оранжевый рукавъ этого полушубка. Правое ухо Шмарокъ закладываетъ комочкомъ пакли. На тонкой шеѣ его, подъ сѣдой пожелтѣвшей бородкой, чернѣетъ нѣчто въ родѣ галстука—узенькій платочекъ, засаленный еще больше полушубка. Зелено-желтые усы испачканы нюхательнымъ табакомъ. Носъ похожъ на мухоморъ, огромныя открытыя поздри стали отъ табаку темно-зелеными и бархатными. Глядя на муку, сѣрой пылью сыплющуюся изъ-подъ рѣшета, Шмарокъ равнодушно спросилъ Егора:

— Что, ай соскучился въ лѣсу-то?

— Чтò жь мнѣ скучать, — не спѣша отвѣтилъ Егоръ. — Дѣло есть въ селѣ...

И, сошмыгнувъ съ паръ, подошелъ къ запеткѣ, открылъ заслонку и по-поясъ залѣзъ въ темную жаркую глубь печки.

— Нуждишка естъ, — глухо крикнулъ онъ оттуда, вытаскивая своими култышками раскаленный уголь изъ золы и забивая его въ трубку.

Алена, подсѣвая, ловко хлопая рѣшето́мъ въ ладони и тряся широкимъ плоскимъ задомъ, черезъ плечо покосилась на Егора. „Всѣ печки выстудилъ, родимецъ!“ — подумала она. Но Егоръ, хорошо знавшій такія думы, принялъ, выбравшись изъ печки, самый беззаботный видъ. И, затыгиваясь, растрavляя себѣ ноздри ѣдкимъ запахомъ и жаромъ горящаго осиповаго угля и съ мучительнымъ наслажденіемъ кашляя, опять спокойно усѣлся на нарахъ. „Ай уйтить? — думалъ онъ разсѣяннò. — Да чортъ съ ними, посижу еще маленько... Жрутъ, жрутъ, по два раза на недѣлю хлѣбы ставятъ и все не облопаются“, — разсѣяннò думалъ онъ, глядя то на хлѣбную дежу возлѣ печки, прикрытую старымъ армякомъ, подъ которымъ гудѣли раскаленные, выпаривающіе ее кирпичи, то на желтоватую атласную муку, чтò длинной горкой, въ родѣ крышки гроба, росла на столѣ, то на Алену. Толстыя руки ея, засученныя по-локоть, были запорошены мукою; на пальцахъ блестѣли мѣдныя и серебряныя кольца. Подолъ шерстяной красной юбки Алена подняла и заткнула за поясъ, толстыя ноги въ мужицкихъ сапогахъ, чернѣвшихъ подъ сѣрой рубахой, поставила твердо и, немного отвалясь назадъ, представляя свой страшный животъ, мѣрно трясла задомъ.

— Хлѣбушка я не наживусь у тебя полкраюшечки? — спросилъ Егоръ, сплевывая слюну, постоянно набѣгавшую на бѣлесыя отъ голода и трубки губы.

Алена промолчала. Анютка, дѣвочка лѣтъ четырехъ, съ лихорадкой на губахъ и вѣеромъ подстриженными на лбу жесткими волосами, все лѣзла, наваливаясь на столъ, пальчикомъ проводя въ мукѣ полоски. Промолчавъ на вопросъ Егора, Алена вдругъ звонко щелкнула дѣвочку въ лобъ ладонью. Дѣвочка отвалилась, шлепнулась на лавку и заголосила.

— Сказала, ня налягай на муку! — крикнула Алена своимъ грубымъ однодворческимъ голосомъ. — И такъ, какъ чортъ, выгваздалась уся! Погоди, погоди, я табѣ усыплю! Ты що жь, замолчишь, ай нѣтъ? Ай глѣдева хорошаго дожидаеться? Такъ дождешься!

— А вотъ я ее ножикомъ сейчасъ зарѣжу, — сказалъ, входя въ избу, Салтыкъ, молодой работникъ, въ овчинной курткѣ

и бѣломъ фартукѣ, только-что пріѣхавшій съ поля, гдѣ онъ подкашивалъ опушку обитаго градомъ овса.

И сталъ вѣшать на стѣну, на деревянный костыль, вбитый между бревнами, тяжелый новый хомутъ съ бѣлыми гужами и недоузокъ, на блестящихъ удилахъ котораго зеленѣла наѣденная лошадыю травяная пѣна.

Видъ у Салтыка, недавно отбывшаго солдатчину, былъ самодовольный, лицо, въ полубачкахъ, загорѣлое, пріятное и неглупое, грудь широкая, еще не старый солдатскій картузь сдвинуть на затылокъ. На груди фартука были крупно вышиты красныя буквы. И Егоръ, которому Салтыкъ только кивнулъ слегка, подумалъ:

— Вѣрно, Аленка и вышивала. Да и дѣвчонка, конечно, его. Недаромъ же болтали, что онъ ее еще до солдатчины управился обдергать. Дуракъ Шмарокъ! Я бы съ ей шкуру спустилъ да на пяло растянулъ!

Онъ, сипя, носилъ грудью, показывая въ прорѣху обитаго ворота бурую полоску загара на мертвенно-блѣдномъ тѣлѣ. Блѣдно было и отекавшее лицо его. Онъ былъ тяжело боленъ, но чувствовать себя больнымъ давно вошло въ привычку, онъ не обращалъ на это ни малѣйшаго вниманія. Нисколько не обижало его и то, что на него, больного, голоднаго, даже и посмотрѣть внимательно никто не хочетъ. Не испытывалъ онъ и злобы къ Аленѣ, когда думалъ: „я бы ея шкуру на пяло растянулъ“—хотя растянуть могъ бы. Но глухое раздраженіе не только противъ этого богатаго и скучнаго двора, но и противъ всѣхъ гурьевцевъ, все-таки сидѣло въ немъ, томило и заставляло думать что-то такое, чтò не поддавалось работѣ ума, досадно вертѣлось въ головѣ, какъ стертая гайка. Онъ уже давно освоился съ тѣмъ, что часто шли въ немъ сразу два ряда чувствъ и мыслей: одинъ обыденный, простой, а другой — тревожный, болѣзненный. Спокойно, даже самодовольно думая о томъ, чтò попадаетъ на глаза, чтò случайно взбредетъ на умъ, что томился онъ въ это же самое время и тщетнымъ желаніемъ обдумать что-то другое. Онъ завидовалъ порой собакамъ, птицамъ, курамъ: онѣ, небось, никогда ничего не думаютъ! Теперь ему и хотѣлось и не хотѣлось сидѣть у мельника. Да чтò дѣлать-то, если не сидѣть, куда итти? Въ лѣсъ, въ кустарникъ, въ сумерки, гдѣ всюду мерещится этотъ сѣрый чортъ?

Алена, избѣгая встрѣтиться глазами съ Салтыкомъ, зажгла надъ столомъ висячую лампочку, загорѣвшуюся блѣдно-зеленымъ огнемъ: еще свѣтло было за окнами. Салтыкъ не спѣша досталъ изъ кармана портокъ плисовый кисетъ, не спѣша

свернулъ и загнулъ крючокъ, икнулъ и, пропустивъ въ стекло лампочки соломинку, закурилъ, сѣлъ на лавку.

— Подсѣвай, подсѣвай,—кинулъ онъ Алень, затыгиваясь.— Что-й-то пирожка хочется.

— А рожна ня хочется?—спросила Алена, говоря съ Салтыкомъ тѣмъ особымъ, какъ будто грубымъ тономъ, какимъ говорятъ при народѣ только съ любовниками.

Шмарокъ между тѣмъ возился у загнетки: поставилъ таганъ на грудку сучковъ и сталъ поджигать ихъ, поддувать, намѣреваясь что-то стряпать. Сучки были сыры, только дымились, и Шмарокъ плакалъ отъ дыма, изъ глазъ его, изъ красныхъ вѣкъ текли слезы.

— Ну, невеселая моя поварская,—бормоталъ онъ.

И, видно, раздумавъ стряпать, сѣлъ на обрубокъ толстаго дубоваго корня возлѣ печки. Изъ-подъ тагана пошелъ молочно-бѣлый дымокъ, покурился и потухъ... Шлепало рѣшето, слышно было, какъ дышать Егоръ и Анютка, дѣлавшая куклу, — навертывавшая на стеклянный пузырекъ тряпочки. Салтыкъ глянулъ на Шмарка и усмѣхнулся.

— Кухарь ты невеселый, вотъ это я вижу,—сказалъ онъ, далеко сплевывая. — Надо тебѣ каталогъ выписать. Когда я въ Тифлисѣ служилъ, такъ тамъ хозяйкина дочь завсегда выписывала каталогъ, по какому все можно приготовить. Вотъ и ты—пошли въ Москву письмо, вложи въ него марку семь копеекъ и напиши: такъ, моль, и такъ, вышлите мнѣ всѣхъ возможныхъ каталоговъ.

— И то правда,—отозвался Шмарокъ.—Ты, извѣстно, все знаешь: гдѣ какіе жители, гдѣ какіе города...

Егоръ покосился и подумалъ: „Какіе города! Много онъ, дуракъ, знаетъ, окромя своего Тифлису! Вотъ я бы ему поразсказалъ дѣловъ“... Ему очень захотѣлось спора, въ которомъ онъ вышелъ бы и умнѣе, и толковѣе, и бывалѣе Салтыка. Но намѣреніе попросить хлѣба и еще что-то, чего онъ не могъ опредѣлить, что выразилъ онъ когда-то словами: „раздребеженный я какой-то“ — связывало его, всегда смѣлаго и болтливаго, ставило втушкѣ — и передъ кѣмъ же! — передъ мужиками, которыхъ онъ даже и сравнивать никогда не хотѣлъ съ печниками, плотниками, малярами! Онъ только независимо откашлялся и, насасывая потухшую трубку, притворяясь разсѣяннымъ, сталъ слушать: что-то еще сбредетъ Салтыкъ?

— Какъ же мнѣ не знать! — сказалъ Салтыкъ. — Да я не то что, я, какъ осепъ, безпремѣнно опять туда! Съ этой жизнью я до-вѣку не разстанусь. Тамъ сейчасъ самая колбня

идеть, — сказалъ онъ, мелькомъ взглянувъ на Алену и усмѣхнувшись. — Да сй-Богу: веселье, гулянье — каждый Божій день, съ восьми утра до двухъ ночи. Особливо въ курсовыхъ: въ Пятигорскѣ, въ Кисловодскѣ, въ Висинтукахъ...

— Значить, скучать не имѣютъ права, — вставилъ Шмарокъ и досталъ изъ кармана полупубка тавлинку.

— Ну, только тамъ съ деньгами хорошо, — продолжалъ Салтыкъ, не слушая Шмарка. — Безъ денегъ туда лучше и не показывайся. Наконоцъ того, водка тамъ ничего не стоитъ. Тамъ каждый грузинъ аграмадный виноградникъ имѣетъ. Везутъ на базаръ въ бочкахъ — такъ и плескается.

— Имѣютъ капиталъ добывать ее, вотъ и плескается, — сказалъ Егоръ. — Авось, и это дѣло знаемъ не хуже твоего, — пробормоталъ онъ, чувствуя, что его опять начинаетъ ломать, знобить, и неотступно думая о полупубкѣ, которымъ онъ совершенно напрасно заткнулъ окно въ караулкѣ вмѣсто того, чтобы надѣть его, догадаться, что къ вечеру послѣ дождя будетъ прохладно.

Но Салтыкъ не обратилъ вниманія и на это замѣчаніе.

— Тамъ, братъ, — говорилъ онъ, неизвѣстно къ кому обращаясь: — какіе бульвары, сады! Садъ князя Чалыкова на три кавадратныхъ версты тянется! Только изъ одного плохо: погода у насъ куда тверже! А тамъ, ночь пришла — безъ бурки ни шагу: стыдъ. А въ горахъ завсегда снѣгъ, круглый годъ не переводится...

— Дуракъ! — подумалъ Егоръ. — Безъ бурки! А спроси его, какая такая бурка — ни елды, кислая шерсть, не знаетъ... Бурка, она, братъ, медвѣжья, идѣ ты могъ ее замѣтить? — неожиданно для самого себя сказалъ онъ вслухъ.

И закрылъ глаза. „Скука теперь въ моемъ блиндажѣ... И напрасно, едрена мать, не взялъ я полупубка!“ — подумалъ онъ, глядя на зеленый огонь лампочки, на лиловѣющій воздухъ за окнами, въ которыя сѣкъ опять набѣжавшій дождь, и вспоминая однообразный звонъ кустовыхъ овсянокъ, жалостное цоканье чеканокъ. Шлепало рѣшето, дышала Анютка, и мѣрно чередовались два голоса — старческій, кряхтящій, и молодой, самодовольный и ладный.

— По горамъ тамъ вездѣ стѣжки продѣланы, — говорилъ Салтыкъ. — Черкестъ какой-нибудь разнесется... летить, скачетъ — какъ только голова цѣла! А глянешь на горы издали — какъ тучи заходятъ. Опять же изъ дѣвокъ не плохо. Тамъ въ дѣвкамъ пойтить — не такъ, за всходъ тридцать копеекъ. Ты вотъ старый человѣкъ, а она тебя можетъ кажная раскипятить.

— Нѣтъ, теперь не гожусь, — отвѣчалъ Шмарокъ, двигая плечами, почесывая ихъ ерзающимъ полусубкомъ. — А раньше я, правда, до дѣвокъ врагъ былъ! Могъ съ ними хорошо обойтись.

Егоръ ухмыльнулся и хотѣлъ-было рассказать, какъ одинъ печникъ бобровымъ стручемъ опоилъ, отуманилъ, обольстилъ генеральскую дочь, — рассказать и дать понять, что печникъ этотъ былъ не кто иной, какъ онъ самъ, Егоръ. Но перебила Алена.

— Будя, брахучій! — крикнула она на Шмарка тѣмъ притворно-злымъ тономъ, которымъ здоровыя бабы, имѣющія стараго мужа, прикрываютъ свою любовь къ щекотливымъ разговорамъ. — Будя, блястыжій! Старый человѣкъ, а що бреша! Табѣ вонъ на кладбишшу помѣстье давно готова! Двухъ женъ похоронилъ!

— А я чтò? — сказалъ Шмарокъ. — Я ничего.

— Народъ тамъ красивый, не униженный, — продолжалъ Салтыкъ. — Есть старики по сту лѣтъ живутъ...

Егоръ и на это хотѣлъ возразить: живутъ-то живутъ, а на кой чортъ, спрашивается?.. Но опять его перебили.

— Ну, объ этомъ ты оставь! — сказалъ Шмарокъ. — Взять хоть къ примѣру меня такого-то: живу я семьдесятъ годовъ, шашнадцать человѣкъ своей крови похоронилъ, а прожилъ бы до ста лѣтъ, отъ меня опять пошли бы плоды... Гдѣ жъ тогда жить? И то народу развелось до гибели, а тогда прямо ѣли бы другъ друга, какъ рыба въ морѣ. Вотъ приходилъ ко мнѣ старикъ съ того боку — сто пять, говоритъ. А уронилъ шапку — поднять не можетъ.

— Это барскій-то? Какой табѣ! — весело крикнула Алена. — За водой еще самъ ѣздитъ! Скоропостижной дѣдъ!

— Не хуже моей старухи, — сказалъ Егоръ. — Животолубивая старуха! А я ее — корми. Она, можетъ, ногтя моего не стòитъ, а я вотъ журисъ объ ней...

— А вотъ говорятъ же умные люди, — сказалъ Шмарокъ: — можно, говорятъ, вѣкъ прожить, а какъ умрешь, не будешь причиненъ ни тлѣнію ни прѣнію. Только, говорятъ, не надо разгорячительной пищи ѣсть. Я когда у господъ жилъ, такъ тамъ барчукъ былъ, на доктора учился. Былъ онъ мнѣ дорогой пріятель и, бывало, часто сказывалъ, будто каждый человѣкъ можетъ свое тѣло захолодить и, какъ помретъ, тѣло тлѣть не будетъ, а будетъ въ воздухъ улетучиваться.

— Ну, это зря брешутъ, — возразилъ Салтыкъ.

— Книги, значить, доказываютъ.

— Книги! — ухмыльнулся Салтыкъ. — Ни жъ можно съ холодной кровью жить? Сосбрази своей долбегей-то!

Егоръ, обиженный равнодушіемъ, какимъ встрѣчено было его замѣчаніе о матери, опять вмѣшался и на этотъ разъ уже совсѣмъ смѣло.

— А рыба?—спросилъ онъ.—Можетъ же она съ холодной кровью жить и распложаться? Кто жъ долбега-то выходитъ?

Салтыкъ повернулъ къ нему голову.

— Та-акъ!—сказалъ онъ насмѣшливо.

И вдругъ рѣшительно заговорилъ:

— Рыба! Да ты погляди, какъ она, рыба-то, ныряетъ, козлекаетъ въ водѣ! Ухитришься ты такъ-то? Поди въ Елецъ, сигни съ моста въ Сосну—нырнешь ты такъ-то, какъ она? Ты вонъ мелешь—она съ холодной кровью, а выложи ее на берегъ: улетучится она, ай нѣтъ? Никуды она не можетъ улетучиться!

— Ну, и вышелъ дуракъ,—началь-было Шмарокъ.

Но Егоръ внезапно разгорячился.

— А я такъ скажу,—перебилъ онъ Шмарка, совсѣмъ забывъ, кому надо возражать: — а я тебѣ скажу, что нашему брату, рабочему человѣку, нельзя безъ горячей пищи! Ты вонъ мурло наѣлъ, тебѣ хорошо брехать! А я безъ пищи захворать могу! Я, можетъ, кабы сытъ-то былъ... Чтò жъ онъ, барчукъ-то энтотъ, пузо его тресни, своего-то тѣла не заморилъ, не захолодилъ?

— А много ты ее, горячей пищи-то, ѣлъ? — перебивая, крикнулъ Салтыкъ насмѣшливо.

— Ну, и вышли дураки!—закричалъ и Шмарокъ, поднимаясь.—Терпѣнья у насъ не хватаетъ, вотъ и не захолодилъ! А вы гляньте, какъ святые-то, угодники-то, какіе Богу-то угожали, да не ѣли, не пили, какъ они-то дѣлали? Какъ Ларивонъ-то святой дѣлалъ? Могу же онъ три года одной рѣдью питаться?

— Значить, по-твоему выходитъ, и моя старуха святая будетъ?—крикнулъ и Егоръ, выхватывая трубку изо рта. — Она вонъ тоже не ѣстъ, не пьетъ... У насъ вонъ даже и рѣдки твоей нѣту...

— Пойдите,—сказалъ Салтыкъ:—погодите лапоть-то!

И, обернувшись къ Шмарку, неожиданно принялъ сторону Егора:

— Значить, и мы съ тобой могли бы святыми исдѣлаться? Охолодили бы свое тѣло, налопались рѣдки, да и вся недолга?

— Да будя вамъ брехать-то! — громче всѣхъ закричала Алена, бросая рѣшето.—Галманы!

— Да и правда!—подхватилъ Шмарокъ.—Чтò буровите? Бога-то попомните! Онъ, братъ, за такія рѣчи не спускаетъ намъ, дуракамъ!

— Я Ему вреды никакой не дѣлаю,—отвѣтилъ Салтыкъ серьезно.—Кто зачалъ лапоть-то? Не ты, что ль?

И смолкъ. Смолкли и Шмарокъ съ Егоромъ, волнуясь и не зная, что сказать. Алена съ нахмуреннымъ лицомъ подошла къ нарамъ и, косясь на утирку, на которой сидѣлъ Егоръ, дернула ее и злобно крикнула:

— Пусти-ка-ся! Усѣлся на ширинку—и горя мало! Нябось, и домой пора, нечего до ужина досиживать!

— Это не твоя забота,—возразилъ Егоръ:—я и самъ свою время знаю. Ужинъ твой мнѣ безъ надобности, а балакать ты мнѣ не можешь запретить. Вотъ посижу еще маленько и пойду...

Дождь прошелъ, вечернее небо очистилось, въ селѣ было тихо, избы темны: до Ильина дня не вздуваютъ огня лѣтомъ, ужинаютъ передъ избами, на камняхъ, въ полусвѣтѣ зари. Выйдя отъ мельника, Егоръ остановился, даже спросилъ себя: не вернуться ли въ Ланское? —и повернулъ въ село, въ ту большую улицу, что тянется между дворами по косогору надъ рѣчкой. Въ полусвѣтѣ зари, вокругъ камней у пороговъ, сидѣлъ народъ безъ шапокъ, хлебая изъ деревянныхъ чашекъ—кто тюрю, кто молоко. Но Егоръ, проходя мимо и косясь, плохо различалъ даже лица ужинающихъ: въ глазахъ его рябило, по тѣлу проходилъ ознобъ, въ мысляхъ была тревожная беспорядочность. Очень хотѣлось ему обдумать то, о чемъ спорили у мельника: всѣ чепуху говорили тамъ, одинъ онъ могъ бы сказать что-нибудь путное, если бы ему не мѣшали разобраться въ мысляхъ. Очень хотѣлось рѣшить и еще что-то—неотложное, самое что ни на есть главное... Но что? Голова его усиленно работала. Но шелъ онъ точно по воздуху. Тифлисъ мѣшался въ головѣ его съ рыбой, Салтыкъ съ Анисьей, вопросъ о томъ, можно ли ничего не ѣсть и заходить свое тѣло, нельзя было рѣшить потому, что не давала покоя злоба противъ Алены, ея широкаго зада и однодворческаго говора. И Егоръ торопливо шелъ по улицѣ, боясь, что не застанетъ онъ кузнеца дома, что кузнецъ ляжетъ спать, что опять не удастся ни поговорить всласть, ни доказать, что у мельника всѣ чепуху говорили... Но кузнецъ былъ дома.

Кузнецъ былъ горькій пьяница и тоже полагалъ, что умнѣй его во всемъ селѣ нѣтъ; что и пьетъ-то онъ по причинѣ своего ума. Развѣ ему кузнецомъ бы быть! Онъ всю жизнь не могъ примириться со своей долей, люто презиралъ село и холодно-золь бывалъ въ трезвомъ видѣ, свирѣпъ становился, если ему удавалось попить дня три-четыре подъ-рядъ. Онъ ходилъ

тогда съ колеснымъ ключомъ въ рукѣ, затѣвалъ скандалы съ каждымъ встрѣчнымъ, гоготалъ подъ окномъ лавочника, пѣвшаго по праздникамъ въ церкви, вызывая его на состязаніе въ пѣніи. А не то шелъ въ училище экзаменовать мальчишекъ по Закону Божию и грозилъ учительницѣ на мѣстѣ убить ее ключомъ за единую ошибку. Съ похмелья онъ бывалъ угнетенъ. Въ такомъ положеніи и засталъ его Егоръ.

Онъ сидѣлъ возлѣ кузни, на косогорѣ надъ рѣчкой, надъ плесомъ, противъ водяной мельницы. Слабо алѣлъ закатъ за нею, тамъ, гдѣ сходился съ темной землей прозрачно-зеленоватый небосклонъ. Еще свѣтло было надъ плесомъ, сталью лежавшимъ по лугу. Но тотъ берегъ, гдѣ мельница, былъ уже совсѣмъ темень: только по отраженіямъ въ плесѣ можно было догадаться, что тамъ деревья. И, сидя возлѣ кузни, поставивъ локти на колѣни, думалъ кузнецъ о томъ, какъ глупы были наши генералы во время войны съ японцами. Вотъ, на примѣръ, въ такой вечеръ... что стоило японцамъ вплотную подойти къ нашимъ войскамъ? Небось, генералы-то наши, умники-то эти, глядѣли въ свои подозрительныя трубы за рѣчку, на берегъ, въ темноту, гдѣ ничего не видно, когда надо было глядѣть вовсе не туда, а въ рѣку, гдѣ отражается каждое дерево и всѣ свѣтлые пролеты между деревьями... Мысль эту кузнецъ немедля высказалъ Егору, какъ только тотъ подошелъ и, поздоровавшись, сѣлъ на косогоръ рядомъ съ нимъ. А Егоръ, обрадовавшись, что у кузнеца есть табакъ, что кузнецъ съ похмелья и думаетъ, значить, вовсе не о генералахъ, поглядывалъ по сторонамъ, кашлялъ и ждалъ, когда наконецъ додумаетъ кузнецъ свою думу. Какъ и у Егора, мертвенно было тѣло у кузнеца, рубаху котораго все заворачивалъ сзади вѣтеръ, рубаху ситцевую, но очень ветхую, прожженную, въ мелкихъ дырочкахъ. Былъ и кузнецъ лохматъ, но не такъ, какъ Егоръ, какъ мужикъ, а такъ, какъ бываютъ лохматы мастеровые, рабочіе. Страшно черны и маслянисты были его волосы, его борода, смутло и маслянисто лицо, болѣзненно перекошены брови и блестящи глаза. Дулъ вѣтерокъ, темнѣвшая рѣка зарябилась; кузнеца трясло. Но вдругъ онъ всталъ и, наступая сапогомъ на сапогъ, началъ быстро разуваться, раздѣваться.

— Ай ты очумѣлъ?—крикнулъ Егоръ, со страхомъ глядя на тощее, мѣловое тѣло, забѣлѣвшее въ полусвѣтѣ зари, когда кузнецъ, взъерошивъ волосы, сдернулъ съ себя рубаху.—Ай ты очумѣлъ? Да у тебя сердце зайдетъ въ водѣ въ такую стыдь!

— Вона!—крикнулъ кузнецъ хриплымъ басомъ.

И вдругъ заготовалъ, скинувъ штаны вмѣстѣ съ подштанниками и разбѣгаясь, чтобы шаркнуть въ воду:

— Бла-го-сло-ви, вла-ды-ко-о!

Онъ хорошо зналъ, что ледяная вода мгновенно дастъ ему рѣшительность, находчивость. Въ водѣ, и впрямь, зашло у него сердце, но онъ не далъ ему поблажки: онъ фыркалъ, нырялъ, плавалъ... Не попадая зубъ на зубъ, выскочилъ онъ на берегъ, неловко и торопливо натянулъ штаны на мокрое тѣло, влѣзъ въ рубаху и, влѣзая, твердо сказалъ Егору, что околѣвать онъ не намѣренъ, что его душа дороже колесъ. А какихъ колесъ—этого Егору не надо было пояснять: онъ мгновенно сообразилъ, что лежатъ у кузнеца чьи-то колеса, присланные въ починку, и что надо какъ ни можно скорѣе захватить передки и опять бѣжать къ мельнику, тайкомъ торгующему водкой. И не прошло и получаса, какъ уже сидѣлъ Егоръ съ кузнецомъ въ кузнѣ, возлѣ маленькой жестяной лампочки, поставленной на горнѣ, рядомъ съ бутылкой и горшочкомъ холодной пшенной каши, за оживленной бесѣдой о томъ, можно ли, питаясь одной рѣдью, попасть во святыя, можно ли заходить свое тѣло, чтобы не тлѣло оно послѣ смерти...

А во второмъ часу ночи, при заходящемъ за тускло блестящими хлѣбами мѣсяцѣ, Егоръ, шатаясь и размахивая руками, быстро входилъ въ Ланское. Не чувствовалъ онъ теперь ни тревоги, ни скуки, ни раздребезженности. Точно упругія волны несли его блаженно-ошалѣвшее тѣло. Роса серебрилась по мокрымъ, пахучимъ, густымъ цвѣтамъ и травамъ. Сильнѣй всего пахло любимымъ растеніемъ Егора—полынью. Длинно темнѣли тѣни отъ кустарниковъ, блестящихъ верхушками подъ опускающимся къ югу мѣсяцемъ. И пѣлосы свѣта и тѣней среди нихъ создавали что-то сказочное для пьяныхъ глазъ, сказочно-свѣтла была далекая даль за кустарниками, за полями, надъ которыми уже дрожала въ серебристой прозрачности большая, розово-золотая звѣзда. Шурша по росистымъ лопухамъ и напѣвая, смѣло подошелъ Егоръ къ двери, дернулъ за скобку—и остановился на порогѣ своей крохотной, чуть свѣтлой избы. Мертвое молчаніе стлыло во всемъ мірѣ въ этотъ предразсвѣтный часъ. Мертвое молчаніе наполняло и караулку. И въ этомъ молчаніи, въ сонномъ полусвѣтѣ, недвижно чернѣло что-то на лавкѣ подъ святыми. И, приглядѣвшись, Егоръ вдругъ закричалъ такимъ страшнымъ сильнымъ голосомъ, что съ шумомъ выскочила изъ лопуховъ старая черно-сѣдая собака...

III.

Гурьевъ подарилъ на похороны красную бумажку. И похороны, неожиданно для всѣхъ, вышли отличныя. Все было справлено честь честью—хоть бы и не Анисья впору.

Медленно, съ большими промежутками, зачинаясь звонко, жалобно и все повышаясь, дѣлаясь все строже, падали звуки съ колокольни. Паденіе это внезапно, нестройно обрывалось терціей баса и альты. И наступало долгое молчаніе: слышалось только,—изъ-за ракитъ по дорогѣ въ Ланское,—протяжное, все приближающееся церковное пѣніе: на дорогѣ встрѣтили попъ и дьяконъ телѣгу, въ которой везли Анисью изъ Ланского. Со двора усадьбы и по улицѣ надъ косогоромъ бѣжали на выгонъ бабы. Съ ребенкомъ на рукахъ, спотыкаясь, спѣшила Марья. Стояли на порогѣ мельникъ безъ шапки и мельничиха. Дулъ западный вѣтеръ, а изъ-за рѣчки опять заходила, опять тускло синѣла дождевая туча.

Слегка поката дорога между ракитами на выѣздѣ изъ Гурьева. И небольшая толпа, предводительствуемая кузнецомъ въ черной тяжелой поддевкѣ, который несъ на головѣ длинную крышку гроба и на ходу мрачно пѣлъ, издали казалась высокой, вырисовываясь на облачномъ небѣ. Бѣлѣлъ коленкоръ, что накинуть былъ на крышку, и развѣвался по вѣтру. Шли съ ноги на ногу, но уже можно было различить, что эти темныя фигуры со спутанными отъ вѣтра волосами тащатъ на полотенцахъ длинный ящикъ, черный, съ оранжевымъ ободкомъ по краямъ. Внутренне раздавались голоса попа и дьякона. Какъ всегда, медлили въ пути, останавливались, махали кадиломъ и, пугая самихъ себя басами, повторяли одно и то же—то злобще, то съ покорностью. Все дѣлалось такъ, чтобы выходило торжественно и грозно. А та, для кого это дѣлалось, и теперь была такъ же смиренна, проста, какъ и при жизни. Темна и суха была она; маленькой стала ея высохшая головка, покрытая новымъ чернымъ платочкомъ. На груди ея желтѣлъ деревянный образокъ. Парча покрывала до половины мелкій черный ящикъ, гдѣ она покоилась,—парча, знакъ царственности. И парча эта была такъ ветха, такъ грязна и дырява: Боже, сколькохъ уже покрывала она! Дьяконъ гурьевскій, сѣро-сѣдой человѣкъ, тревожно думающій лишь о пасѣкѣ своей, всѣмъ своимъ гнутымъ, огромнымъ станомъ и короткимъ, но широкимъ лицомъ похожъ на звѣря. Желтоволосый попъ, слабосильный, слабовольный, всегда выпивши, шепелявить. Ризы, спитрашили ихъ такъ истрепаны, что серебряное шитье виситъ длинными бѣлесыми волосами. Ру-

кава, подолы, калоши — все въ полномъ соотвѣтствіи съ грязными или пыльными дорогами, съ телѣгами и мелкой, навозной соломой въ телѣгахъ,

И на выгонѣ, гдѣ паслось барское стадо, попъ не выдержалъ торжественности: началъ спѣшить, бормотать, поглядывать на барскаго быка: быкъ этотъ брухается, закаталъ недавно пастушокъ. Поглядывалъ попъ и на сторожку у церковной ограды: на крыльцѣ сторожки стояла плетушка, обвязанная скатертью, а въ плетушкѣ той были „поповскіе харчи“: ситные пироги, жареная курица, бутылка водки—то, что полагается причту за похороны, помимо денегъ. И торопливо провелъ попъ тѣснившуюся толпу въ церковныя ворота. Вѣтеръ развѣвалъ тонкіе русые волосы, шеи несущихъ гробъ были красны, натерты полотенцами, лица озабочены. Больше же всѣхъ старался казаться озабоченнымъ Егоръ, шедшій съ полотенцемъ черезъ плечо въ возглавіи гроба.

А въ церкви всѣ немного оробѣли. Притихли—и слышалось только шарканье, топотъ: осторожно опускали гробъ на полъ. Высвобождая изъ-подъ рясы мягкія, трясущіяся, маленькія, какъ у всѣхъ алкоголиковъ, руки, роздалъ попъ короткія, тонкія свѣчи, дробя ярко и золотисто пылающій пучекъ ихъ. И, раздавъ, громко и привычно возгласилъ. И замелькали сложенные въ щепотки пальцы, кланяющіяся и встрахивающіяся головы. Крѣпко крестился старухи, воздѣвая глаза къ иконостасу. Блистали разсѣянные по толпѣ огоньки, возносилось, гремѣло кадило. Кадили, обходя большими шагами гробъ, кланялись Анисѣ, быстро говорили на торжественномъ языкѣ, давно забытомъ ея нищей родиной, нестройно и притворно-смиренно пѣли, выражая умиленіе, что равна теперь она царямъ и владыкамъ, выражая надежду, что упокоится она со духи праведныхъ. Но уже не слыхала Анисья этихъ утѣшеній. Ни кровинки не было въ ея побѣлѣвшемъ, голубоватомъ лицѣ. Закрылось лиловое вѣко ея праваго глаза, запеклись, слиплись и подсохли тонкія губы. И ледяной лобъ ея уже былъ увѣнчанъ вѣнцомъ высшей славы—золоченой бумажкой. И въ сизо-восковой, прозрачной рукѣ ея, въ скрюченныхъ пальцахъ, подъ ногтями которыхъ точками темнѣла мертвая кровь, уже торчалъ отпущекъ—безсрочный отпущекъ съ лица земли...

Егоръ, глядя въ гробъ, крестился размашисто и часто. Онъ игралъ ту роль, что полагалась ему у гроба матери. Онъ моргалъ, будто готовый заплакать, кланялся низко, наклоняя капающую свѣчку, крѣпко зажатую въ его кулачкѣ. Но далеко были его мысли и, какъ всегда, въ два ряда шли

онѣ. Смутно думалъ онъ о томъ, что вотъ жизнь его переломилась—началась какая-то иная, теперь уже совсѣмъ свободная. Думалъ и о томъ, какъ будетъ онъ обѣдать на могилѣ—не спѣша и съ толкомъ...

Такъ и сдѣлалъ онъ, засыпавъ мать землею: ѣлъ и пилъ до отвалу. А подъ вечеръ, тутъ же, у могилы, плясалъ, всѣмъ на потѣху,—нелѣпо вывертывалъ ланти, бросалъ картузы на земь и кихикалъ, ломалъ дурака; и напился такъ жестоко, что чуть не скончался: даже оттирали уши ему. Пилъ онъ и на другой день и на третій... Потомъ снова наступили въ жизни его будни.

Эти будни были ужъ не тѣ, что прежде. Постарѣлъ онъ и подался—въ одинъ мѣсяцъ. И много помогло тому чувство какой-то странной свободы и одиночества, вошедшее въ него послѣ смерти матери. Пока жива была она, моложе казался онъ самъ себѣ, чѣмъ-то еще связанъ былъ, кого-то имѣлъ за спиной. Умерла мать—онъ изъ сына Анисьи сталъ просто Егоромъ. И земля—вся земля—какъ будто опустѣла. И безъ словъ сказалъ ему кто-то: ну, такъ какъ же, а?

Онъ не думалъ объ этомъ вопросѣ,—только чувствовалъ его. И ничего особеннаго не замѣтили на лицѣ его тѣ мальчишки изъ Пажени, съ которыми ночевалъ онъ въ ночномъ подѣ четвертый день августа, верстахъ въ трехъ отъ Пажени, у откоса желѣзной дороги. Онъ только внезапно проснулся на разсвѣтѣ и вдругъ сѣлъ, поблѣднѣвъ.

— Что ты, дядя Егоръ?—испуганно крикнулъ мальчишка, лежавшій съ нимъ рядомъ.

Егоръ, блѣдный, слабо улыбнулся.

— Такъ... померещилось,—пробормоталъ онъ.—Вотъ исторія-то... Сидеть будто—и лупится...

И опять прилегъ.

Было еще рано. Шелъ туманный, предосенній дождь надъ опустѣвшими полями. Егоръ лежалъ, прикрывшись полушубкомъ, курилъ и, кашляя, медленно рассказывалъ проснувшимся мальчишкамъ, какъ онъ, не боясь никакихъ судовъ, бросилъ свое мѣсто, ушелъ изъ Ланского. Рассказывая, онъ къ каждому слову прибавлялъ матерное слово. А, рассказавъ, сталъ прислушиваться къ приближающемуся шуму товарнаго поѣзда. Шумъ росъ и близился все грознѣе и послѣднѣй. Егоръ спокойно слушалъ. И вдругъ сорвался съ мѣста, вскочилъ наверхъ, по откосу, вскинувъ рваный полушубокъ на голову, и плечомъ метнулся подѣ громаду паровоза. Паровозъ толкнулъ его легонько въ щеку. И Егоръ волчкомъ перевернулся, головой повиснувъ на насиль, а ногами на рельсы. И,

когда, потрясши землю, оглушая, пронесся поѣздъ, увидали мальчишки, что барахтается, бьется возлѣ рельсовъ что-то ужасающее. Въ песокъ билось то, что было за мгновенье передъ тѣмъ Егоромъ, билось, поливая песокъ кровью, вскидывая кверху два толстыхъ обрубка—двѣ ноги, ужасающихъ своей короткостью. Двѣ другихъ ноги, опутанныхъ онучами, въ лаптяхъ, лежали на шпалахъ. А эти, по колѣнамъ оторванные, съ свѣжими костями, остро торчавшими изъ мяса, крутились въ воздухѣ. Выбивая подъ собою яму, крутилось и все туловище Егора. Безъ шапки былъ онъ, лохматый и бѣлесый, мертвенно-блѣдно было его лицо, закрыты глаза, изъ правой челюсти, точно гвоздемъ пробитой, билъ свѣтло-алый ключъ. И хрипя, захлебываясь кровью, словно въ тяжкомъ пьяномъ снѣ, гнусаво бормоталъ Егоръ, силясь сказать: „Батюшки!“—и выговаривая: „Атушки!..“ А по пустому, осеннему полю, въ туманѣ мелкаго дождя, уже бѣжалъ что-то кричавшій и махавшій руками народъ. Тревожно кричалъ подъ-вѣтеръ, къ слѣдующей будкѣ, мѣдный рожокъ выскочившаго изъ ближней будки сторожа. Бабы же, подбѣгая къ насыпи, съ колотящимися сердцами, едва переводя духъ, яростно кидались ругать самоубійцу-нехристя.

Черезъ полчаса, когда уже совсѣмъ ослабѣли силы бившагося, задомъ, грохоча, примчался со станціи, сипѣвшей на горизонтѣ, паровозъ съ однимъ товарнымъ вагономъ. Съ громомъ отодвинули дверь вагона фельдшеръ и кондукторъ, соскочили на землю, подхватили ноги, лежавшія въ рельсахъ, подхватили и туловище, кинули то и другое въ вагонъ, на полъ, грязный и загаженный скотомъ,—и снова, шумнодохнувъ и загрохотавъ, понесся паровозъ обратно. И тотчасъ же туловище перестало биться...

Это было четвертаго. Шестого, передъ вечеромъ, когда солнце свѣтило въ большое окно вокзала, въ комнату, полную голубого дыма, на кругломъ столѣ возлѣ дивана стояло пять пустыхъ пивныхъ бутылокъ. Съ красными отъ пива, дыма и солнца лицами встали изъ-за стола докторъ, сѣро-курчавый старикъ въ синихъ очкахъ, шляпѣ и крылатѣхъ, и слѣдователь въ формѣ. Съ трудомъ отворивъ ноющую блокомъ дверь на жаркую платформу, они пошли по платформѣ къ элеватору.

Тамъ уже два дня ждалъ ихъ красно-бурый товарный вагонъ. Тамъ, въ затишьѣ, буднично трещали воробьи, усѣявъ всѣ крыльца, подбирая соръ и зерна. Воробьи шумной стаей поднялись отъ подошедшихъ къ нимъ. Два сторожа откатали, отодвинули дверь вагона. Докторъ поправилъ очки, вглядываясь, послѣ яркаго солнца, въ глубину его. Въ глубинѣ же этой были

сумракъ и вонь — вонь гнилого и точно поджареннаго мяса. Тяжелое, широкое и короткое туловище лохматаго мужика плоско лежало внизъ животомъ въ углу — безногое, въ оборванныхъ порткахъ, въ посконной рубахѣ, покрытой большими темно-вишневыми пятнами.

— Что жъ тутъ смотрѣть? Хоронить надо, — сказалъ докторъ. И веселый дворъ въ Пажени навсегда опустѣлъ.

Капри. XII. 1911.

ИГНАТЬ.

I.

Любка вторую зиму жила на барскомъ дворѣ въ Извалахъ, у господъ Паниныхъ, когда нанялся къ нимъ въ пастухи Игнатъ.

Ему шелъ двадцать первый годъ, ей двадцатый. Онъ былъ изъ бѣднаго дома въ Чесменкѣ, одной изъ деревень, составляющихъ Извалы, она изъ такого же въ Шатиловѣ, что не подалеку отъ Извалъ. Онъ не помнилъ матери, она — отца. Ея мать была побирushка—скиталась по уѣзду со слѣпцами. Но говорили, что Любка „полукровка“, незаконная дочь шатиловскаго барина. Да и выросла она при господахъ. И поэтому, чѣмъ болѣе волновала пастуха ея красота, чѣмъ болѣе думать онъ о горничной, тѣмъ болѣе робѣлъ. А чѣмъ болѣе робѣлъ, тѣмъ чаще думать, тѣмъ сумрачнѣе и молчаливѣе становился.

Въ черныхъ, блестящихъ глазахъ Любки была какая-то преступная ясность, откровенность. Чувствовалось, что ей ничего не стоить признаться въ какомъ угодно стыдномъ дѣлѣ. Ловко и спокойно крада она одеколонъ и мыло у барыни, сѣдой важной вдовы, курившей тонкія душистыя папиросы. Иногда Игнатъ заставлялъ Любку за угломъ дома, куда выбѣгала она: и ни разу она не смутилась. Иногда была она жива, наивна и казалась моложе своихъ лѣтъ, иногда—старше, все испытавшей женщиной. Да и груди были у нея какъ у женщины. Ее лѣтъ четырнадцать изнасиловалъ старикъ Зыбинъ, шатиловскій земскій начальникъ; и теперь она позволяла барчукамъ Панинымъ очень многое, не боясь увлечься. А для Игната, еще не знавшаго женщинъ, отношенія между мужчинами и женщинами становились все страшнѣе и желаннѣе. Непроше, скрытнѣе его не было ма-

лаго во всѣхъ Извалахъ. Даже ѣдучи на розвальняхъ на гумно, за колосомъ для скотины, никогда не отвѣчалъ онъ прямо и сразу на вопросъ: куда ѣдешь? Избѣгая взгляда Любки, не поднимая угрюмыхъ глазъ, стыдясь своихъ лаптей, шалки и ошмыганнаго полушубка, онъ исподлобья слѣдилъ за ней, и спокойное безстыдство ея, смутно имъ понимаемое, было для него и жутко и плѣнительно.

Усилили его любовь и барчуки.

Барчуки,—уже лѣчившійся на Кавказѣ офицеръ Алексѣй Кузьмичъ, ровесникъ Игната, и Николай, ровесникъ Любки, все переходившій изъ одного учебнаго заведенія въ другое,—пріѣзжали зимой только на большіе праздники. Въ этомъ году на масленицу пріѣхалъ сперва младшій. И Любка была особенно оживлена, видъ имѣла особенно откровенный, не будучи, впрочемъ, откровенной ни съ кѣмъ. Такъ и сіяли ея неподвижные глаза, когда она, черноволосая, крѣпкая, съ сизымъ румянцемъ на смуглыхъ щекахъ, въ зеленомъ шерстяномъ платьѣ, во весь духъ работая локтями и шурша бѣлымъ подкрахмаленнымъ передникомъ, носилась то за тѣмъ, то за другимъ отъ людской къ дому и отъ дома въ людской, по темнѣющей среди снѣжнаго двора тропинкѣ. И за масленицу, за эти сѣрые дни, слегка туманившіе, дѣлавшіе тусклыми сосны и ели въ палисадникѣ, слегка кружившіе голову своимъ тепломъ и праздничнымъ чадомъ изъ трубъ, Игнату не разъ приходилось наткаться на игру барчуковъ съ Любкой.

Какъ-то въ сумерки онъ видѣлъ: она выскочила изъ дома съ злымъ, раскраснѣвшимъ лицомъ и растрепанными волосами. За ней, смѣясь и что-то крича, выбѣжалъ на крыльцо, на тающій снѣгъ, Николай Кузьмичъ, приземистый, большеголовый, съ тупымъ и властнымъ профилемъ, въ косовороткѣ изъ бѣлаго ластика и лакированныхъ сапогахъ... А вечеромъ Любка, веселая, запыхавшаяся, столкнулась въ темныхъ сѣняхъ людской съ Игнатомъ.

— Разорвалъ баску и цѣлый пузырь персидской сирени подарилъ, — неожиданно и быстро сказала онъ, задерживая бѣгъ.—Понюхай-ка!

И черезъ мгновеніе исчезла, а Игнатъ долго простоялъ на одномъ мѣстѣ, тупо глядя въ темноту: пахло кухней, предвесенней свѣжестью, собаками, глаза которыхъ парными красноватыми изумрудами горѣли, двигались передъ нимъ, онъ же слышалъ только дурманящій, сладкій запахъ духовъ и еще болѣе дурманящій запахъ волосъ, гвоздичной помады, шерстяного платья, пропотѣвшаго подъ мышками...

Пріѣхалъ офицеръ: худой, съ карими острыми глазами, съ

длиннымъ блѣдно-сѣрымъ лицомъ въ лиловыхъ, припудренныхъ прыщахъ. Тяжело, вся сотрясаясь, выбѣжала на крыльцо молочно-сѣдая барыня, подвитая, наряженная, въ туго стянутомъ корсетѣ, замахала бѣлымъ платочкомъ на звонъ тройки, выносившей сани изъ-подъ горы. У крыльца кучеръ осадилъ тройку—и офицеръ заговорилъ быстро, не заботясь о томъ, слушаютъ ли его; потомъ откинулъ полость саней размашисто, какъ у подъѣзда ресторана, на крыльцо взбѣжалъ, ловко и развязно притопывая раскоряченными, очень тонкими ногами въ легкихъ, маленькихъ и блестящихъ сапожкахъ, звеня серебряными шпорами и дергая, поправляя приподнятыми плечами широкую николаевскую шинель съ бобровымъ стоячимъ воротникомъ, — шинель, которая дѣлала его, какъ онъ думалъ, совершенно похожимъ на кого-то изъ военныхъ высшаго круга. Былъ канунъ прощенаго дня. Масленица выпала поздняя, и порой казалось, что совсѣмъ одолѣваетъ зиму весна. Съ утра грѣло солнце, сіяло голубое небо, сіяли его отсвѣты на снѣгу, капали капли. Но послѣ полдня стало хмуро, пронзительно-сыро, затуманившійся, тускло посинѣвшій палисадникъ упруго зазвенѣлъ, запѣлъ въ дремотѣ. Не обращая вниманія на сырость и вѣтеръ, Любка въ одномъ платьѣ таскала изъ троечныхъ саней какіе-то кульки. И пастухъ слѣдилъ за ней, за тѣмъ, какъ наклонялась она.

Онъ стоялъ на широкомъ грязномъ крыльцѣ людской, пропахнувшей блиннымъ чадомъ. Крупные хлопья снѣга падали и мгновенно таяли передъ крыльцомъ въ огромной лужѣ, по которой важно ходили только-что прилетѣвшіе грачи. Работникъ Яшка и кухарка, подоткнутая, въ сапогахъ, вытащили большую лохань, продѣвъ въ ея ушки палку. Въ лохани дымилась густая желтая овсянка. Борзая стаей кинулись къ ней и, дрожа, горбясь, пропуская между ногъ судорожно изогнутые, тугіе хвосты, стали пожирать ее. Кухаркинъ мальчишка, въ красной, праздничной рубашкѣ, ворочалъ овсянку лопатой и билъ то ту, то другую глухо рычавшую собаку. Уже были по двору лысины — чернѣла кое-гдѣ земля. Вытаскивая изъ лохани испачканныя желтой гущей морды, собаки катались, терлись по землѣ, потомъ гурьбой потянулись черезъ дворъ къ саду за домомъ. Рядомъ съ красавицей Стрѣлкой, черноглазой борзой въ атласной бѣлой шерсти, шелъ большой рыжій кобель, дворовый, и, яростно скаля зубы, рыча, захлебываясь, не подпускалъ къ ней никого изъ борзыхъ. Томимый вождедѣніемъ, Игнатъ двинулся за собаками. Но въ аллеѣ онѣ свернули, побѣжали по сѣрому насту подъ кривыми вѣтвистыми яблонями куда-то въ сторону.

Игнатъ вышелъ за садъ, въ сѣрое поле, на которое косо летѣли бѣлые хлопья, снялъ шапку и досталъ изъ разорваннаго ватнаго дня ея завѣтный двугривенный.

Мимо садоваго вала, по задворкамъ онъ поплелся на Рудинку, чернѣвшую обтаявшими избами на косогорѣ. Желтоватые, замасленные санями горбы сугробовъ, съ гладко втертымъ въ нихъ конскимъ навозомъ, и выбоины, полныя ступенной внешней воды, тянулись между избами и пуньками. Игнатъ стукнулъ въ окошечко особенно черной и хилой избы, подъ стѣной которой, нахохлившись, дремали куры. Изнутри прильнуло къ окошечку старое, желтое лицо. Игнатъ показалъ двугривенный. И, надернувъ на босыя ноги тяжелые, сырые валенки, съ головой накрывшись полушубкомъ, баба провела Игната черезъ дорогу въ холодную пахучую пуньку съ желѣзной дверкой и засунула въ подставленный глубокий карманъ его растянувшихся портокъ полубутылку.

За пунькой, на скатѣ косогора, покрытомъ зернистымъ снѣгомъ, онъ постоялъ, думая о Любкѣ. Потомъ запрокинулъ голову и, не переводя духа, выпилъ все до капельки. И, пряча пустую посуду, почувствовалъ, что горячо, хорошо пошла отравка по всему его тѣлу. Онъ присѣлъ на корячки и сталъ ждать дурману; потомъ упалъ, хохоча, наслаждаясь тѣмъ, что пьянъ, и поползъ подъ гору, въ лужокъ.

Очнувшись, онъ долго не могъ понять, гдѣ онъ; не могъ разогнуть пальцевъ съ окостянѣвшими отъ снѣга ногтями. Онъ сталъ маленькимъ, легкимъ — промерзъ весь, насквозь. Дулъ сырой вѣтеръ, смеркалось, снѣгъ уже не падалъ. Со страхомъ вспомнивъ, что еще не привезено въ домъ соломы, — домъ топили соломой, Игнатъ каждый вечеръ набивалъ ею заднія крыльца, съ утра до сумерокъ ѣздилъ на розвальняхъ то за топкой, то за кормомъ для скотины, — онъ вскочилъ и побѣжалъ черезъ деревню, потомъ черезъ садъ. Голова его была мутна, но тѣло легко, всѣ чувства обострены, и вѣтеръ особенно волновалъ ихъ, — онъ былъ сладокъ, хотѣлось глотать его всей грудью. Игнатъ зналъ, что забылъ веревку на заднемъ крыльцѣ, и, запыхавшись, шлепая лаптями по мокрому снѣгу, повернулъ изъ аллеи прямо къ нему. Въ сумракѣ подъ навѣсомъ крыльца стоялъ кто-то, кого-то прижималъ къ стѣнѣ и на шаги Игната повернулъ голову.

— Чего тебѣ? — крикнулъ онъ. — Пошелъ вонъ отсюда.

Это былъ офицеръ, его голосъ, его длинное блѣдное лицо, бобрикомъ стриженная, узкая и длинная къ затылку голова. За два пальца офицера, не пуская его руку, держала прижатая къ стѣнѣ Любка. Игнатъ, не сводя глазъ съ ея слабо

бѣлѣвшаго въ сумракѣ передника, отошелъ; постоялъ—и медленно побрелъ по двору, опять чувствуя сладкое нытье въ животѣ, тоску въ предплечьяхъ, въ ослабѣвшихъ ногахъ. Сумрачными, смутными массаами нависали надъ садомъ дождевыя облака. Дулъ на лужи сильный западный вѣтеръ — и была въ немъ пьянищая влажность, сила ранней весны, одолавающей зиму.

А на другой день одолѣла зима, еще гуще валилъ снѣгъ, къ вечеру поля потерялись въ туманѣ выюги. Барыня уѣхала къ сосѣдкѣ. Офицеръ, звеня шпорами, вышелъ на крыльцо, закричалъ черезъ дворъ, чтобы запрягли въ бѣгунки Королька, и, наклонясь къ сидѣвшимъ на крыльцѣ собакамъ, на спинахъ и лбахъ которыхъ снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ, сталъ сладострастно трясти то ту, то другую за ушами и сквозь зубы приговаривать: „а-а та, та, та!“. Любка обошла его съ блюдомъ жареной наваги, понесла блюдо въ людскую. Онъ покосился и забормоталъ еще сладострастно:

— А-а, собаки, собакаки, собачики мѣ-и!

Былъ прощенный день. Изъ-подъ горы, съ рѣки, глухо доносились сквозь шумъ темнѣвшей выюги пьяные голоса, пѣсни, громыханіе бубенчиковъ, звонъ колокольцовъ: лавочникъ, сапожникъ, урядникъ, мужики — всѣ катились со своими гостями, съ барышнями, дѣвками, сватами. Было и хорошо и тоскливо, чувствовался и самый развалъ и конецъ праздника. Когда Королька запрягли, офицеръ, въ сѣрой ловкой шинелькѣ и папахѣ, вытащилъ на крыльцо хохочущую, счастливую, наруганную Любку. На ней была шубка съ воротникомъ изъ орѣховаго мѣха, зеленое платье свое она подобрала, подоткнула. Голова ея была закутана сѣрой шалью, она гнула голову, смѣясь, упираясь, сходя съ крыльца мелкими, тупыми шажками. Игнатъ, подавъ золотисто-рыжаго жеребчика, держалъ его подъ уздцы, и жеребчикъ зло и умно косилъ большимъ блестяще-лиловымъ яблокомъ на сфидера, на его шелковый шарфикъ, краснѣвшій изъ ворота шинели, вокругъ тонкой шеи, покрытой зажившими, стянувшимися прыщами. А Игнатъ все глядѣлъ на бѣлый подолъ Любки, на ея грубыя полсапожки, намазанныя саломъ, къ которому не прилипалъ мокрый снѣгъ...

Потомъ онъ тащился на развальняхъ къ гумну, билъ веревочной вожжей нескладно-костляваго мерина. И Королекъ, екая и злясь, стучая ледяными глудками въ передокъ, фыркая отъ свѣжаго снѣга, летѣвшаго ему навстрѣчу, въ горячія ноздри, обогналъ, обдалъ дыханіемъ и сталъ пропадать вмѣстѣ съ бѣгунками въ дыму выюги, весело и сумрачно

разыгравшейся въ мутно-сизомъ полѣ. Снѣгъ хлопьями валилъ на сытую спину Королька, на папаху, на погоны, на блестящій саножокъ со шпорой, крѣпко поставленный на желѣзный отводъ. Лѣвой рукой въ замшевой перчаткѣ держалъ офицеръ голубыя вожжи. Другой захватилъ голову въ сѣрой шали, припалъ къ ней папачой и ловилъ губами нарумяненную щеку...

И твердо рѣшилъ Игнатъ промѣнять работнику Яшкѣ свою гармонію, единственное свое богатство, на старые саноги. Навозивъ соломы, онъ не пошелъ на улицу, къ толпѣ, что сбилась и смутно темнѣла среди ночной вьюги подъ застрѣхой крайней избы, на выгонѣ передъ церковью. Тамъ ловко и бѣшено перебивали другъ друга гармоніи, заглушаемые пѣснями и вѣтромъ, кружились въ дыму взвивавшейся поземки, носились, какъ вѣдьмы, пляшущія дѣвки. Но Игнатъ, утопая въ снѣгу, пробрался черезъ выгонъ къ ярко освѣщенному дому лавочника и часа два не спускалъ глазъ съ залѣпленныхъ снѣгомъ оконъ, за которыми мелькали тѣни тащущихъ.

II

Беликій постъ тянулся, онъ былъ сѣрый, однообразный.

Пастухъ все думалъ о Любкѣ. У, будь деньги, была бы она его: взялъ бы онъ ее за себя, билъ смертнымъ боемъ, увелъ въ городъ, нанялся къ купцу—и за все за это полюбила бы она его. Казалось порою, что даже церковь могъ бы онъ обокрасть, лишь бы достигнуть своего.

День за днемъ дулъ жесткій вѣтеръ, блѣдно бѣлѣли поля, тускло синѣли, скучно напѣвали сосны и ели въ палисадникѣ, слишкомъ рано прилетѣвшіе грачи куда-то скрылись. Офицеръ давно уѣхалъ. Но Николай Кузьмичъ зажился. Разъ подѣхалъ Игнатъ на розвальняхъ къ заднему крыльцу дома. Розвальни зашуршали висящей съ нихъ старновкой по ступенькамъ крыльца, и барчукъ, игравшій съ Любкой, смѣясь, поднялся съ соломы. Любка, поправляя волосы, глядѣла спокойно.

— Вотъ вы такъ-то играете, — сказала она, — а по селу пойдутъ брехать... Хоть бы ты, Игнатъ, меня замужъ взялъ, — прибавила она равнодушно, вставая

Игнатъ покраснѣлъ и насупился. Ни малѣйшаго значенія не придавъ онъ ея словамъ, но съ этого дня шевельнулась и стала расти въ немъ ревность, злоба. Жуя черный хлѣбъ, косясь на домъ, съ завистью чувствуя его внутреннюю жизнь, онъ проѣзжалъ на розвальняхъ по аллеѣ, выѣзжалъ на гумно.

Собаки пѣгой стаей, трясаясь, бѣжали за нимъ. Въ остаткахъ ометовъ возились и пищали мыши. Собаки рыли солому, принюхивались, настораживались — еще яростнѣе рвали ее когтями, дрожа и скуля, и вдругъ, подпрыгнувъ, кидались на добычу хищно и мѣтко. Женственно-красивую, съ маслянистыми черными глазами Стрѣлку Игнатъ заманивалъ въ ригу. Она вбѣгала, онъ припиралъ скрипучія ворота. Становилось жутко. Холодно пахло токомъ, тепло—ржанымъ коломъ. Въ сумракѣ огромнаго трехугольника, по застрѣхамъ, по рѣшетнику и переметамъ котораго сѣрѣла густая бархатная пыль лѣтней молотбы, пробивался въ длинную щель воротъ холодный, блѣдный свѣтъ. Вѣтеръ шуршалъ за ними, дулъ по току...

Въ ясный солнечный день на третьей недѣлѣ уѣхалъ и Николай Кузьмичъ. Внезапно вернулась весна. Крыши варка, сарая за однѣ сутки обтаяли, старая, бурая солома ихъ золотилась противъ солнца, рѣзко отдѣлялась отъ голубого, умиляющаго душу неба. Выпустили плюшевыхъ, обросшихъ за зиму жеребятъ и коровъ, они дремали, грѣлись на солнцѣ. Рѣзко, серебромъ сверкалъ сочащійся снѣгъ по двору. У параднаго крыльца, въ тѣни, возлѣ синей лужи, стояла тройка. Отражались въ лужѣ и небо, и бѣлый передникъ Любки. Вышелъ Николай Кузьмичъ въ накинутой поверхъ шинели енотовой шубѣ, вышла барыня. Долго прощались, долго, оборачиваясь, кричалъ что-то уѣзжающій, когда тронулись и потянулись сани по ухабистой, текущей дрожащими ручейками дорогѣ, по выступившему, накопившемуся за зиму навозу, похожему на мокрый табакъ. Гдѣ блестѣла вода по ухабамъ, лошади, тонконогія, съ подвязанными хвостами, взмахивали особенно щеголевато точно вычищенной сталью подковъ. На солнцѣ грѣло, много галокъ собралось на соснахъ и еляхъ палисадника, зазеленѣвшаго пышно и свѣжо. А въ тѣни чувствовался сѣверный рѣзкій вѣтерокъ. Стоя на парадномъ крыльцѣ, Любка озябла, щеки ея посизѣли. Сани скрылись подъ горой, она напѣвала задумчиво, чуть слышно: „Мчится парочка вдвоемъ“... Потомъ встрепенулась, вбѣжала въ домъ — и немного погода выскочила на заднее крыльцо. Игнатъ, проходившій мимо, вдругъ повернулъ къ крыльцу. Она тупо, со страхомъ, не двигаясь, глядѣла на него. Игнатъ подошелъ вплотную и схватилъ ее за кисти. И оба смутились. И какъ бы играя или пробуя силу, разводя сцѣпленными руками, не знали, что сказать. Вдругъ Любка пахмурилась.

— Пусти!—крикнула она.—Еще что за моду взялъ!

И, вырвавъ руки, повернулась и хлопнула дверью.

Садъ казался особенно рѣдкимъ на серебрѣ снѣга, испещренномъ фіолетовыми тѣнями, аллея—веселой, широкой. И опять, нахмуренный, злой, Игнатъ пошелъ по ней на Рудинку, къ бабѣ-пинкаркѣ. И опять очнулся передъ вечеромъ въ лужкѣ, насквозь промерзшій, изумленный. Усатые ветлы, стоявшія возлѣ него, золотились на блѣдно-голубомъ небѣ, за ними было солнце. Небо изъ-подъ горы казалось необъятно-огромнымъ и новымъ.

— Не пара она мнѣ, — твердо сказалъ Игнатъ, поднимаясь. — Пропалъ я.

Съ этого вечера онъ никогда не смотрѣлъ на домъ, проѣзжая мимо, не отвѣчалъ Любкѣ, если даже она заговаривала. Прошелъ постъ, прошла Святая. Снѣга уже нигдѣ, кромѣ овраговъ, не было, въ деревняхъ опушились легкой лимонной дымкой лозины; вокругъ деревень лилово чернѣли нашин, грѣло солнце, дрожало расплавленное стекло по горизонтамъ, шѣли жаворонки, сохли блекло-зеленоватыя межи, сѣрые пары, сѣдая полынь. Молодая пахучая травка чуть пробилась. Но Игнатъ уже давно ходилъ за стадомъ въ поля, къ милютинскому лѣску, еще голому, полному сухой дубовой листвы и подснежниковъ. Коровы дремали на пригрѣвѣ, у опушки. Ёсть было нечего, онѣ ложились, вздыхая, и галки садились на нихъ, дергали шерсть для гнѣздъ. Игнатъ навивалъ кнутъ, лѣниво посматривалъ въ солнечную даль, на дороги, гдѣ уже лежала пыль, радостно напоминавшая о лѣтѣ, и загоралъ отъ солнца, отъ апрѣльскаго суховѣя.

Когда были деньги, онъ былъ счастливъ. Въ полѣ, выбравъ мѣстечко посуше, онъ разстилалъ свой рваный пиджакъ, ставилъ на него полубутылку, вытаскивалъ изъ кармана хлѣбъ, заранѣе круто посоленный и отсырѣвшій, холодныя картошки. Вскорѣ голова его начинала сладко кружиться. Солнечный южный горизонтъ за сѣрѣющими равнинами дрожалъ, тонко струился паръ, чуть синѣвшій на солнцѣ надъ спекшимися кучами навоза, раскинутого по полю, коровы двоились и плыли... Странно,—онъ все-таки чего-то ждалъ! Хмельной, онъ чувствовалъ это, чувствовалъ, что связалась его жизнь съ жизнью Любки—и на бѣду связалась! Что-то придется сдѣлать, чтобы покорить ее, чтобы стать равнымъ съ нею, чтобы вызвать ея любовь. Иначе, если онъ даже добьется своего, не будетъ она мужика любить... А весна требовала любви. Плывя, дрожа, опиралась на колѣни переднихъ ногъ, потомъ неуклюже поднимала задъ одна ко-

рова, другая, третья... Онъ разбрелся по полю. Поднимался большой мышастый быкъ, широколобый, съ гладкимъ хвостомъ, на концѣ котораго висѣлъ шелковисто-волнистый мохоръ, тяжело бѣжалъ, мотая нитями стекловидныхъ слюней,—и вдругъ, весь наливаясь мощью, вставалъ на дыбы... У Игната заходило сердце. Онъ опрокидывался навзничъ, на сухіе, черные шмоты навозной кучи. Онъ закрывалъ глаза, слезы выкатывались изъ-подъ его рѣспицъ, онъ не стиралъ слезъ, и мухи пили ихъ. Потомъ онъ крѣпко засыпалъ и спалъ до тѣхъ поръ, пока дошедшее до зенита солнце не начинало печь его голову и плечи. Пригнавъ стадо домой, онъ молча обѣдалъ въ людской и уходилъ спать въ каретный сарай, гдѣ у каменной стѣны была сбита изъ кольевъ высокая кровать, покрытая соломой и влоками ватнаго краснаго одѣяла. Послѣ сна онъ бывалъ золъ и, выгоняя стадо, дралъ коровъ своимъ длиннымъ, хлопающимъ кнутомъ такъ сильно, что на бокахъ ихъ вздувались рубцы.

Онъ рѣшилъ вести себя такъ, чтобы приказчикъ избилъ и прогналъ его. Лѣто, прїѣздъ барчуковъ—все это пугало его: когда-нибудь онъ не выдержитъ-таки и изъ-за угла проломитъ кирпичомъ голову Любкѣ или Николаю Кузьмичу! Но случилось такъ, что однажды, въ маѣ, когда лѣсокъ уже густо опушился темной зеленью, заросъ цвѣтами и травами, когда рано утромъ уже по-лѣтнему было жарко на солнечныхъ полянахъ, а въ росистой тѣни свѣжо и таились ландыши, увидалъ онъ, пригнавъ стадо на паръ, сидящую у опушки бабу. Это была нищая, дурочка Ёіона. Положивъ возлѣ себя мѣшокъ и палку, она сидѣла, слегка раскрывъ ротъ, вся въ лохмотьяхъ, съ мокрымъ подоломъ, съ блестящими глазами на опухшемъ лицѣ. Она была слегка пьяна. Когда Игнатъ подошелъ, она съ гоготомъ, сдержанно-страстнымъ, повалилась навзничъ, выставила колѣни и стала тереть большими лантями по росистой травѣ. Въ мѣшкѣ ея были крендели, водка. И, выпивъ, Игнатъ не совладѣлъ съ собой.

Съ этихъ поръ дурочка стала приходить къ нему чуть не каждый день. Просынаясь по ночамъ, онъ силился плакать, тихо рыдать: обидно, больно было ему при мысли, что живетъ онъ съ дурочкой! До солнца, по холодной, крупной росѣ онъ выгонялъ стадо. Въ полдень напивался. Теперь пили уже на его деньги. Онъ забралъ жалованье за мѣсяцъ впередъ. Но и его деньги наконецъ изсякли. И дурочка стала зла, нахальна, требовательна, дурочкой уже не притворялась. Когда онъ являлся безъ водки, она отказывала ему, морила его по недѣлѣ. И разъ даже крѣпко и ловко ударила его по головѣ палкой.

Онъ поднялся и пошелъ прочь, странно, неумѣло рыдая. А наплакавшись, сѣлъ на межу и тупо сталъ думать все о томъ же, о чемъ онъ думалъ теперь безирестанно: гдѣ бы достать денегъ? Но достать было негдѣ, украсть — тоже. Сапоги онъ пропилъ.

Вся дворянъ знала его исторію, за обѣдомъ и ужиномъ надъ нимъ часто хохотали. Онъ багровѣлъ и молчалъ. Что было бы, будь Любка при этомъ? Но, на счастье его, барчуки не прѣзжали, слышно было, что Николай Кузьмичъ у товарища подъ Харьковомъ, офицеръ — на маневрахъ подъ Смоленскомъ. А барыня уѣхала на шесть педѣль въ Липецкъ и увезла съ собой Любку. Въ усадьбѣ было тихо и скучно. Да и дурочка стала являться все рѣже и рѣже — шаталась по ярмаркамъ. И вотъ лѣто пошло уже къ концу — жаркое, длинное. Обмелѣла рѣчка, до-черна выглядала скотина корма, хлѣба поспѣли, пересохли и сыпались. Пошли косить ихъ, — былъ уже конецъ іюля.

Въ концѣ іюля, возвращаясь однажды на закатѣ со стадомъ въ село, Игнатъ встрѣтился съ дурочкой. Она остановилась и показала на лѣсокъ.

— Какъ отдѣлаюсь, такъ приду, — сказалъ онъ, не поднимая глазъ.

Но какъ итти безъ водки? Въ уныніи стоялъ онъ у воротъ усадьбы, смотрѣлъ на закатъ. По дорогѣ, наискось пролегавшей по горѣ, и сверху и снизу ѣхали съ косьбы и вязки мужики и бабы на пыльных телѣгахъ; изъ телѣгъ торчали пересвясла, косы и грабли. Малиновое, безъ лучей, солнце сѣло огромнымъ кругомъ въ сизую сухую муть за рѣкой, за полями, уже покрытыми звеньями коненъ. Игнатъ вышелъ изъ воротъ, повернулъ на выгонъ, потомъ, мимо сада, къ гумну. Впереди его мелко перебирала босыми ножками по пыли очень грязная и кудрявая дѣвочка, лѣтъ семи. Перегнувшись пальво, она правой рукой тащила дегтярницу, облитую красно-коричневымъ дегтемъ. Игнатъ ускорилъ шагъ, догналъ ее, оглянулся — и схватилъ ея лѣвый кулачокъ, въ которомъ были зажаты деньги. Глаза ея стали круглыми отъ ужаса, личико исказилось, она заголосила и, съ силой звѣрька, стиснула кулачокъ. Игнатъ схватилъ ее за горло и повалилъ на дорогу. Дѣвочка захрипѣла и распустила пальчики. Игнатъ выгребъ изъ ея ладони деньги — тридцать копеекъ — и быстро зашагалъ на Рудинку.

Купивъ водки, онъ пошелъ прямо къ лѣсу. Борзые, привыкшія къ нему, догнали его за деревней. Справа было жнивье, чуть бѣлѣющее въ сумракъ поле, покрытое копнами.

Слѣва, съ тускло чернѣющихъ пашень, съ равнины, дулъ теплый вѣтеръ съ пылью. Впереди, надъ темной каймой лѣса, поднимался большой красный Марсъ. И настухъ остановился. Онъ вдругъ вспомнилъ, что нынче должна пріѣхать барыня, что за нею послали тройку и подводу для вещей. И тотчасъ же, задержавъ дыханіе, услыхалъ далекій звонъ колокольчиковъ.

Казалось ему лѣтомъ, что минуетъ его то неизбежное, что должно быть. Но теперь онъ почувствовалъ, что нѣтъ, не бывать тому—не минуетъ. Оно уже близилось, росло, надвигалось... И, постоявъ, онъ двинулся впередъ.

У перекрестка его оглушила звономъ, топотомъ копытъ и обдала пылью тройка. Онъ, сойдя съ дороги, пропустилъ ее и опять пошелъ. Вдали слышался глухой грохотъ телѣги. Онъ дѣлался все явственнѣй. И черезъ минуту увидѣлъ Игнатъ на тускломъ звѣздномъ небѣ дугу, лошадь, а за лошадью—сидящую въ телѣгѣ Любку. Она была лошадь вожжами и тряслась, прыгала, неслась прямо на него.

— Садись, подвезу!—крикнула она весело, сразу признавъ его въ сумракѣ.

Онъ повернулся, догналъ нагруженную чемоданами телѣгу, на бѣгу бокомъ вскочилъ на грядку...

Что говорила Любка, онъ не запомнилъ. Запомнилъ только первая, ударившія его по сердцу слова, которыя она звонко и ласково выкрикнула сквозь грохотъ телѣги:

— Что жъ, очень соскучился по мнѣ?

Запомнилъ еще и тотъ моментъ, когда онъ вдругъ схватилъ вожжи и, осадивъ лошадь, перекинулъ ноги въ телѣгу.

— Постой, — шопотомъ сказала Любка, но такъ просто, точно они жили уже много лѣтъ, и отъ этой простоты у него еще больше помутилось въ головѣ: — постой, юбку изомнешь... Дай хоть поправить-то...

III.

Прошло четыре года. Стоялъ декабрь. Игнатъ, отбывъ солдатчину, возвращался изъ города Василькова на родину.

Съ женой онъ жилъ всего три мѣсяца. Вскорѣ послѣ той іюльской ночи, въ которую такъ неожиданно переломилась вся его судьба, Любка почувствовала себя беременной — и никогда не покидала его злая мысль, что только поэтому пошла она за него. Она говорила, что любить его, устроила его отца, больного старика, на барскомъ дворѣ скотникомъ; одѣла и снарядила его въ дорогу, провожала со слезами. Онъ жестоко избилъ ее, гуляя, куражась рекрутомъ, выме-

иная барчуковъ. Она и это перенесла какъ должное. Когда его угнали въ Васильковъ, она часто посылала ему вмѣстѣ съ письмами деньги, письма же писала, какъ простая солдатка, обращаясь къ нему на вы, жаловалась, что не пришлось ей, скинувшей, быть матерью. Но онъ не вѣрилъ ни единому слову ея, жилъ въ тоскѣ, въ непрестанной мукѣ, въ ревности, въ изобрѣтеніи самыхъ жестокихъ наказаній за предполагаемыя измѣны.

Бдучи на побывку два года тому назадъ, онъ всю дорогу думалъ, что убьетъ ее, ежели узнаетъ что плохое. Приѣхавъ и наведя справки на своей станціи, онъ узналъ, что Любка не отказывала только лѣнивому. Но она встрѣтила его такъ радостно, разувѣрила въ слухахъ такъ искренно и просто, что у него руки опустились. А чтобы и совсѣмъ успокоить его, заявила, что бросаетъ мѣсто на барскомъ дворѣ и переселяется въ избу, — будетъ ждать его дома, будетъ шить на машинкѣ и тѣмъ кормиться. И онъ уѣхалъ унылый и сбитый съ толку. Унылъ, молчаливъ былъ онъ и на службѣ, но исполнительнъ, исправенъ и бережливъ: копилъ деньги, взятки съ молодыхъ солдатъ. Все еще жила въ немъ надежда сравняться съ Любкой, стать достойнымъ ея настоящей, а не притворной любви. Но вдругъ письма отъ нея перестали приходить. Онъ писалъ чуть не каждую недѣлю — отвѣта не было. Онъ грозилъ, молилъ — она молчала. Онъ опять сталъ пьянствовать — и отупѣлъ, измучился.

Все же, отслуживъ свой срокъ, онъ ѣхалъ въ Извалы.

Онъ очень измѣнился. Теперь онъ былъ сухъ, довольно высокъ и ладенъ. Оловянные глаза его стали больше, лицо посѣрѣло и казалось еще худѣе отъ блестящихъ послѣ бритья маслаковъ около оттопыренныхъ круглыхъ ушей. Красноватые усы онъ стригъ щеткой, голову — бобрикомъ, и кожа просвѣчивала въ его короткихъ стальныхъ волосахъ. Отъ Кіева до Орла онъ неподвижно сидѣлъ въ вагонѣ возлѣ своего грубо раздѣланнаго подъ орѣхъ сундучка, съ привязанными къ нему сапогами, чайникомъ и трубкой бѣлаго войлока, не снималъ ни фуражки, ни грубой сѣро-рыжей шинели, натиравшей шею, смотрѣлъ въ полъ и грызъ подсолнухи. Отъ Орла онъ сталъ тревожиться, выходить на станціяхъ къ буфету. На вокзалѣ въ своемъ городѣ онъ неожиданно встрѣтился съ бывшимъ товарищемъ по службѣ, выпилъ, оставилъ сундучокъ у сторожа, и товарищъ вывелъ его на вокзальное крыльцо, нанялъ извозчика-старика, а старикъ во весь духъ своей худой кобылы помчалъ ихъ, возбужденныхъ, курившихъ папиросу за папиросой, въ го-

родъ. Проѣхали они прямо въ слободу—и тамъ Игнатъ почти сутки не разставался съ маленькой, коротконогой, пожилой, съ черными сухими волосами и сильно напудренной брюнеткой, курившей еще жаднѣе его. Очнулся же онъ въ полѣ, возлѣ слободы—и съ трудомъ вспомнилъ, что его тяжело били, выталкивая. Былъ мягкій бѣлый день, шелъ снѣжокъ и застрявалъ въ складкахъ его шинели. Онъ всталъ, шатаясь, чувствуя себя больнымъ, точно отравленнымъ...

Ѣхать до Извала пришлось въ вагонѣ товарнаго поѣзда, вмѣстѣ съ сидящими отъ жира на задахъ заводскими свиньями. Свиней везли богатому помѣщику на племя, провожалъ ихъ дряхлый садовникъ помѣщика, чистый и тихій, бывшій дворовый. Но, кромѣ него, Игната и свиней, ѣхалъ въ товарномъ вагонѣ еще старикъ-еврей, сѣро-сѣдой, кудрявый, большеголовый и бородатый, въ очкахъ, въ полуцилиндрѣ, въ длинномъ, до пять пальто, мѣстами еще синемъ, а мѣстами уже голубомъ, съ очень низкими карманами. Онъ все время молчалъ, былъ задумчиво-озабоченъ, нылъ какой-то напѣвъ и пилъ чай. Садовникъ дремалъ. Свиньи сидѣли на задахъ въ деревянной загородкѣ, покрытая сѣрыми попонами съ вензелями и коронами. Смеркалось, вѣтеръ со снѣгомъ дулъ въ отворенную дверь и задиралъ мокрую, темно-зеленую солому подъ свиньями. Плыли мимо мутно-бѣлая поля, темнѣвшіе кустарники, медленно курившіеся дымомъ, падавшимъ на нихъ отъ паровоза. И тяжелая, неразрѣшающаяся тоска давила Игната. Повязавшись вдвое сложеннымъ башлыкомъ съ оранжевыми каемками, сдвинувъ брови, стиснувъ зубы, играя маслаками, онъ стоялъ у двери, выгребалъ изъ кармановъ забившіеся въ нихъ подсолнухи, грызъ и косился на еврея. Еврей сидѣлъ на опрокинутомъ ящикѣ, держалъ въ большой, покрытой крупными лиловыми жилами рукѣ стаканъ чаю. Шелуха подсолнуховъ летѣла по вѣтру, попала въ чай. Еврей долго, съ раздраженіемъ смотрѣлъ сквозь очки на Игната. Игнатъ ждалъ, что скажетъ еврей, чтобы ударить его послѣ первыхъ же словъ сапогомъ въ грудь. Но еврей ничего не сказалъ: только приподнялся и вылилъ чай возлѣ самыхъ ногъ Игната, возлѣ его плоскихъ и широкихъ казенныхъ сапогъ.

На станціи попутчиковъ до села не оказалось. И пришлось сидѣть, ждать, не навернется ли кто случайно.

Оледянѣли его руки, помутилась голова, когда, въ половинѣ одиннадцатаго, медленно надвинулся на него такой знакомый, такой особенный вокзалъ съ его народомъ и освѣщенными окнами. Только-что ушелъ пассажирскій поѣздъ. Въ залѣ третьяго класса, холодномъ, полутемномъ, тускломъ отъ дыма

и потномъ отъ дыханія, нужно было пробиваться плечомъ—такъ много толпилось въ немъ на мокромъ полу мужиковъ. Между двойными дверями стоялъ на полу коптившій фонарь. Двери поминутно съ визгомъ отворялись, хлопали—и свѣжій, легкій морозный воздухъ, врываясь въ угарный, вонючій залъ, волновалъ клубы бѣлаго пара надъ ведернымъ самоваромъ на буфетѣ. Изъ отворенной, ярко и горячо освѣщенной конторы, гдѣ были касса и телеграфъ, не смолкая ни на секунду, дребезжалъ и звенѣлъ какой-то звонокъ, какъ будто кто завелъ и забылъ остановить будильникъ. И отъ многолюдства, отъ этого звонка у Игната ломило въ темени.

Разспрашивалъ онъ, нѣтъ ли попутчиковъ, машинально, ходилъ какъ лунатикъ, но видѣлъ все и замѣчалъ съ необыкновенной зоркостью. Толпа армяковъ и полушубковъ рѣдѣла. Игнатъ вышелъ на крыльцо, посмотрѣлъ, сторонясь, пропуская мимо себя выходящихъ и разговаривающихъ, на лошадей, на сани, на мутно-лунное небо, выкурилъ цыгарку, глубоко вдыхая вмѣстѣ съ дымомъ сладкій зимній деревенскій воздухъ, и вернулся за своимъ сундучкомъ. Уже буфетчикъ постепенно, по порядку, съ края, убиралъ со стойки апельсины, папиросы, тарелки съ колбасами, потный, сухой кусокъ сыра. Начальникъ станціи подъ руку провелъ большую старуху-помѣщицу въ шубѣ, опиравшуюся на костыль. Въ отворенную дверь видна была блѣдная, но веселая лунная ночь, деревья въ инеѣ. Лошади, стоявшія у крыльца, встряхивались, бормотали глухарями. Потомъ глухари загромыхали всѣ сразу, заскрипѣлъ снѣгъ подъ полозьями... Въ залѣ осталась только баба въ новомъ оранжевомъ полушубкѣ, неподвижно сидѣвшая на длинномъ деревянномъ диванѣ у стѣны, на которомъ стоялъ сундучокъ Игната. Задомъ подойдя къ дивану, Игнатъ присѣлъ, взвалилъ сундучокъ себѣ на спину и, думая о той веснѣ, когда онъ жилъ съ дурочкой, а былъ беззаботенъ, свободенъ, сладко напивался, закусывая холодными картошками, вышелъ изъ вокзала.

Шагалъ онъ твердо, ровно и споро, повизгивая по снѣгу сапогами, свѣтлая снѣжная ночь была вокругъ него. Шелъ онъ сперва подъ какими-то низкими деревьями, съ которыхъ таинственно сыпался иней, потомъ по снѣжному пустому полю. Въ полѣ было мертво и тихо, луна крылась за легкими облаками, дорога чуть темнѣла... И отъ своихъ смутныхъ думъ очнулся онъ уже въ Извалахъ, почувствовавъ, что вошелъ въ большую, просторно раскинутую и давно спящую деревню. Ни одного огня не было въ занесенныхъ снѣгомъ избахъ. Слабѣя тѣни лежали на бѣлой дорогѣ отъ водовозокъ и пу-

некъ. Еще тише и теплѣе стало, чѣмъ въ полѣ, воздухъ—еще слаще и пахучѣе. По дворамъ уже иѣли пѣтухи.

Возлѣ своей пустой избы, на краю деревни, надъ оврагомъ, онъ постоялъ, не зная, что дальше дѣлать. Маленькая, она была наполовину занесена съ южной стороны мятелями. Дверь на замкѣ, одно окно забито дощечками. Острый сугробъ, покрытый слѣдомъ лаптей, поднимался возлѣ открытыхъ воротъ во дворъ, переходилъ черезъ крышу. Игнатъ пошелъ по слѣду, заглянулъ внутрь двора. Въ раскрытой закутѣ непріютно ночевала чья-то телушка...

Невдалекѣ, въ избѣ Марся, свѣтился низкій огонекъ—изъ окошечка, почти сровнявшагося съ высокой сѣвѣжной улицей. Онъ заглянулъ въ окошечко. Чуть не всю избу занималъ станъ. Нѣмая, съ тугимъ румянымъ лицомъ, дѣвка ткала кроснѣ, гремѣла станомъ. Игнатъ стукнулъ. Дѣвка взглянула со страхомъ и удивленіемъ. Онъ вошелъ въ избу. Дѣвка держала за оборку торчавшаго съ печи лантя, будя отца. Онъ долго не откликался, только откашливался. Потомъ сталъ слѣзть — задомъ, ища лаптемъ печурку. Слѣзъ и по стѣнѣ, стараясь не наступать на одну, видно, больную ногу, дошелъ до скамейки возлѣ стола. Бородатый, лохматый, съ выпуклыми кровянистыми глазами и хрипучимъ голосомъ, видъ онъ имѣлъ шальной. Игнатъ поставилъ сундукъ у двери, сѣлъ къ столу. Дѣвка, поджавъ руки, стояла у печки. А Марей, попросивъ закурить, затачиваясь такъ, что дымилась вся его борода, говорилъ:

— Хозяйку твою видалъ... Видалъ, какъ же... Изъ церкви шла... Дома жить не пожелала, все у господъ... Ихъ давно нѣтути, въ Москвѣ, говорятъ, она приказчика согнала, всѣмъ домомъ править, въ икономки записалась... Не по закону живетъ, не по закону...

— Знаю, знаю, — сказалъ Игнатъ, что-то думая и машинально выскребая ногтемъ грязь изъ трещинъ стола.

— Извѣстно, знаешь... Ну, потращаешь—бросить. Потращать можно... Я вотъ и свою просваталъ, да робость беретъ... Онъ вдовецъ, вдовый... Да ну-ка откажется? Надо сбывать пока время, а постарѣетъ, кто такую-то возьметъ? Ну-ка, думается, откажется... „На кой, молъ, чортъ нужна такая-то“... А она хоть чисто сказать не можетъ, а на черную работу хороша, не покорю... Ты вотъ подхватилъ хорошую, анъ дѣло-то хуже вышла... Не пара, значитъ, оказалась. Руби, значитъ, древо по себѣ...

— Я сундукъ у тебя пока оставлю, — сказалъ Игнатъ, не поднимая глазъ.

— Это можно... Оставь... Оставить можно, — согласился Марей.

И на порогъ вышелъ проводить Игната. Опять падалъ рѣдкій снѣжокъ, мягкій, блѣдный. Но холоднѣло, яснѣло. Темно синѣя въ вышинѣ, межъ облаковъ, расчищалось небо. Бѣлое поле за снѣжными оврагами посизнѣло. Мѣсяцъ, чистый, полный, выкатывался на просторъ, косая бѣлая туча съ оранжевымъ полукругомъ, надавшимъ на нее отъ мѣсяца, сдвигалась къ горизонту, къ сѣверо-западу. Тѣни отъ водовозокъ стали рѣзче, улица заискрилась.

— Зима обозначается, — хрипло сказалъ Марей, высовывая голову изъ низкой двери темныхъ сѣнецъ на свѣтлую улицу и вдыхая пахучую свѣжесть.

И опять твердымъ шагомъ пошелъ Игнатъ, не поворачивая завязанной башлыкомъ головы. Пройдя версты двѣ по деревнямъ, выйдя на лугъ, на дорогу въ гору, онъ увидалъ на горѣ знакомую усадьбу, темный палисадникъ во дворѣ и четыре освѣщенныхъ окна за нимъ. Но пошелъ онъ къ нижнему саду, спускавшемуся по горѣ отъ усадьбы до самого луга, вошелъ въ его ворота, перешелъ по плотинѣ занесенной снѣгомъ сажалки, направляясь къ длинной и мрачной бревенчатой избѣ скотнаго двора, чернѣвшаго въ глубинѣ сада, подъ вѣковыми деревьями. Небо надъ нимъ было синее, бездонное, съ рѣдкими, крупными звѣздами. Мѣсяцъ катился въ вышинѣ справа. Впереди, среди свѣта и тѣней, то сядясь на заднія лапки и поднимая торчкомъ уши, то дѣлая короткіе прыжки, двигался заяцъ, пробираясь на золотую поляну за сажалкой. Красно-золотой звѣздой казался огонь въ избѣ, покрытой сумракомъ деревьевъ.

Почему не спать, почему такъ пристально посмотрѣлъ на Игната тотъ блѣдно-голубой лицомъ, бѣловолосый, двухголовый пастушокъ, что отворилъ дверь этой большой, очень теплой избы? Надъ столомъ привѣшена была къ ея блестящему, какъ каменный уголь, потолку лампочка. Въ переднемъ углу — олеографія въ рамкѣ: Николай угодникъ въ малиновомъ одѣяніи, съ фіолетовой бородой. Бѣлая коростовая свинка ходила по липкому земляному полу, хрустѣла, катала что-то по зубамъ. Въ загородкѣ возлѣ печи стояли телята, коричневые и желто-бѣлые. Они не спали, клали морды съ широкими, нѣжными, влажно-розовыми носами на загородку, смотрѣли ясными глазами, мочились тонкими, прямыми свѣтлыми струйками. Отдавало отъ нихъ запахомъ мокрой коровьей шерсти, молокомъ парнымъ, какимъ-то утробнымъ тепломъ, — и долго вспоминалъ потомъ Игнатъ этотъ

запахъ, простой, успокаивающій, а вслѣдъ за нимъ—старика-отца. На кровати возлѣ загородки сидѣлъ онъ, спустивъ блѣдныя волосатыя ноги въ узкихъ синихъ порткахъ и грязной рубахѣ, лысѣющій со лба, худой, какъ скелетъ, и, положивъ большія руки на колѣни, важно закрывъ глаза и обративъ лицо къ иконѣ, шепталъ что-то.

— Онъ у насъ сумасшедшій,—тихо сказалъ пастушонокъ, во всѣ глаза глядя на Игната.—Дюже старъ сталъ.

И, услыхавъ его голосъ, чувствуя чье-то присутствіе, еще выше, важнѣе и печальнѣе откинулъ старикъ голову, свой тонкій, горбившійся отъ худобы носъ.

— Богъ благословить, Богъ благословить, — пробормоталъ онъ.

Обнаживъ стриженую, въ стѣнкахъ баблыка, голову, но забывъ поздороваться съ отцомъ, Игнатъ спросилъ мальчика:

— Любовь въ домѣ?

— Въ домѣ, въ домѣ,—поспѣшно отозвался тотъ.—Къ ней купецъ пріѣхалъ.

Игнатъ надѣлъ фуражку, вышелъ изъ избы и пологой горой, черезъ фруктовый садъ, по заячьимъ тропинкамъ, среди яблонь и свѣтлыхъ полянъ, испещренныхъ тѣнями, быстро дошелъ до калитки на барскій дворъ, откинулъ ее и, согнувшись, утопая въ снѣгу, перебѣжалъ въ зеленоватый сумракъ палисадника. И тотчасъ же за маленькимъ окномъ прихожей увидѣлъ жену.

Но за стѣной дома вдругъ глухо залаяла собака. Онъ отскочилъ—и застылъ, замеръ, прижавшись къ стѣнѣ.

IV.

Поставивъ въ темныхъ сѣняхъ самоваръ, она сидѣла въ прихожей съ перегородкой, выбѣленной мѣломъ, штопала чулокъ у стеариноваго огарка, горѣвшаго въ позеленѣвшемъ мѣдномъ подсвѣчникѣ на подоконникѣ. Пожилой казалась теперь эта красивая черноглазая женщина въ красной кофтѣ, съ полными, мягкими грудями, въ бѣломъ платочкѣ, подъ который уходилъ среди черныхъ волосъ широкій проборъ.

Двѣ большія тѣпи, одна лилово-темная, другая свѣтлѣе, падали отъ нея на перегородку, поднимались на потолокъ. Когда подошелъ подъ окно Игнатъ, она, задумчиво склонивъ голову на бокъ, поглядѣла на заштопанную пятку чулка и вынула изъ него старинную серебряную суповую ложку. Бѣлый, въ коричневыхъ пятнахъ пойнтерь, спавшій въ залѣ въ углу, на репсовой каретной подушкѣ, вдругъ басомъ брехнулъ, вскочилъ и съ гремящимъ лаемъ, стуча когтями по

паркету, побѣжалъ къ прихожей. Любка живо и серьезно взглянула на дверь въ залъ. Потомъ, загородивъ ладонью щеку отъ огня, прильнула къ стеклу.

— Кто тамъ?—сказала она громко, съ хозяйственной строгостью, но тревожно, отдирая сперва одну, потомъ другую примерзшую форточку и заглядывая въ открывшійся, пустой, полный легкаго морознаго воздуха, квадратъ.

Свѣтлая ночь, все звончѣющая надъ мертвой бѣлой окрестностью, надъ давно спящими деревьями, надъ застывшей въ молчаніи усадьбой, надъ живописными и неподвижными подъ звѣзднымъ небомъ садами, крѣпла, достигала своей высшей красоты и силы. Пятна свѣта на снѣгу въ сумракѣ палисадника горѣли зеленовато. Мѣсяца не было видно,—только поднявъ голову, увидала Любка сквозь вѣтви сосенъ его зеркальный кругъ. За стволами ихъ просторно бѣлѣлъ свѣтлый дворъ, и свѣжая колея, прорѣзанная по немъ санками купца, недавно взрытый и уже затвердѣвшій слѣдъ розово сверкалъ. Любка, приглядываясь, сдвинула пѣвки черныхъ бровей. Но только на мгновеніе смутной тревогой дошло до нея въ этой полночной тишинѣ присутствіе человѣка, такъ близко отъ нея прижавшагося къ стѣнѣ. Она подождала отвѣта, захлопнула фортки и пошла въ залъ накрывать на столъ.

Въ нетопленномъ, прохладномъ большомъ залѣ было сдвинуто много мебели, много стульевъ и старинныхъ креселъ. У той стѣны, гдѣ была дверь въ прихожую, стоялъ рояль, подъ нимъ лежали круглые палевые мѣшки въ синихъ клеймахъ—съ клеверомъ. Высокія двери въ гостиную были закрыты. Между ними и угловой кафельной печкой чернѣлъ шелушившійся портретъ въ золотой, прихотливой рамѣ. Столъ у стѣны противъ оконъ освѣщала на цѣпяхъ спускавшаяся съ потолка лампа.

Проѣзжавшій изъ города въ купленный на срубъ милютинскій лѣсокъ и ночевавшій въ усадьбѣ купецъ былъ невысокій, тяжелый человѣкъ, въ черной бородѣ съ бурымъ подсѣдомъ и черными косыми глазками. Разстегнувъ только верхніе крючки сизаго, очень полнаго и вонючаго романовскаго полушубка, отвернувъ на груди пышную дымчатую овчину, онъ, мягко ступая черными поярковыми валенками, бродилъ по залу, разсматривалъ мебель, шифоньерки, бронзоваго коня подъ стекляннымъ колпакомъ на подзеркальникѣ. Возлѣ печки возилась мышь, стараясь протащить въ маленькую щелку пола большой кусокъ лепешки. Купецъ засмотрѣлся на мышь. Вскочивъ, басомъ забрежалъ пойнтеръ,—и онъ съ легкой улыбкой удивленія и удовольствія послушалъ, какъ отдалось

въ пустомъ домѣ и зазвенѣли мѣдныя струны рояля; онъ приподнялъ его крышку, попробовалъ безыменнымъ пальцемъ въ разныхъ мѣстахъ клавиши...

— Хорошо у васъ тутъ, тихо,—сказалъ онъ входившей и выходившей Любкѣ.

— Скучно,—отвѣтила Любка, чуть усмѣхнувшись.

Она накрыла столъ, принесла вазочку съ зеленымъ вареньемъ, солонку, въ которой соль была перемѣшана съ крошками хлѣба, тарелку съ кускомъ солонины, радужно-ржавой, въ застывшемъ жирѣ, похожемъ на вату, и бутылку водки, съ матовымъ отъ мороза налетомъ на стеклѣ.

— А ты бы забаву какую-нибудь пріискала себѣ,—сказалъ купецъ, привычно намекая на то, на что всѣ намекаютъ.

— И то правда,—тоже привычнымъ, беззаботнымъ тономъ отвѣтила Любка.

Теперь уже не было прежней живости въ ея отвѣтахъ. Она стала спокойнѣе, говорила меньше, проще и грубѣе, привыкнувъ распоряжаться и ругаться съ работниками, отвыкая отъ господъ. Ограниченная, она казалась умной, благодаря этому умѣнію, присущему женщинамъ, подобнымъ ей, не говорить лишняго, и звѣриной ихъ смѣтливости.

Когда она принесла и, высоко поднявъ, поставила на столъ самоваръ, купецъ пролѣзъ за столъ на новый вѣнскій диванъ, не спуская косыхъ глазъ съ ея груди. Она въ бокъ блеснула смуглыми бѣлками и, съ равнодушнымъ видомъ, не спѣша, отошла, стала, какъ бы грѣясь, къ холодной печкѣ. Купецъ осторожно и неловко, надъ столомъ, сдвинулъ рукавъ полушубка съ круглившейся изъ него дымчатою густою шерстью и взялъ ножъ въ лѣвую руку, а вилку въ правую. Любка и это замѣтила. „Лѣвша,—подумала она:—распутный, небось“. Но опять грубо забрехалъ пойнтеръ, глядя въ прихожую, и она опять тревожно прислушалась.

— На кого это онъ все?—спросилъ купецъ, выпивъ, раздувая ноздри и вытирая усы дырявой сѣлфеткой.—Какъ отзывается,—сказалъ онъ, послушавъ.—Не домъ, а оргѣнь.

— Да, небось, все этотъ пьяница шатается, мужъ скотницы нашей,—отвѣтила она и, подумавъ, насмѣшливо улыбнулась.—Тутъ такая потѣха идетъ, не приведи Богъ.

Купецъ, отрѣзая кусочекъ солонины и намазывая его горчицей, равнодушно воскликнулъ:

— Да что ты!

— Ей-Богу,—сказала Любка.—Закружилась тутъ съ однимъ, да и другимъ не отказывается. Ну, онъ и ходитъ. Грѣхъ судить, а только дойдетъ у нихъ дѣло до бѣды.

— Что жъ, еще дружка себѣ нашла?

— Да ай ихъ мало!—сказала Любка, думая не о скотницѣ, а о себѣ и о своемъ любовникѣ, портномъ изъ Шатилова, бѣшено ревновавшемъ и все грозившемъ убить ее.—Только онъ не туда попадаетъ...

Говоря, она косилась на окно возлѣ дверей въ гостиную. Во всѣхъ окнахъ зелено и остро искрились обледянѣвшія нижнія стекла. Въ это окно, незамерзшее, видны были рѣдкія звѣзды на синемъ глубокомъ небѣ, зеленъ палисадника и застрѣха въ снѣгу. Купецъ ѣлъ, что-то обдумывая. Любка слабо зѣвнула и опять заговорила:

— А, должно, здоровый морозъ будетъ. Куда въ даль такъ-то поѣхать, замерзнешь.

— Очень просто,—сказалъ купецъ и посмотрѣлъ на пойнера, положившаго морду на лапы.—А собака эта чья же?

— Да барина нашего молодого, Николай Кузьмича,—сказала Любка.—Надоѣла до крайности. На дворѣ никакъ не можетъ жить, нѣжна очень. Голая вся. Два раза въ недѣлю купаю, пропасти на нее нѣту. Онъ у насъ чудакъ какой-то.

— Да и дуракъ, можно сказать, хорошій, —вставилъ купецъ.

— Дуракъ, нѣтъ ли, не мое бабье дѣло судить, —сказала Любка, думая, что такой скромный отвѣтъ понравится купцу.—Только, правда, никуда не гожается и дома не живетъ, а объ собакѣ въ каждомъ письмѣ пишетъ, беспокоится.

— А ты ужъ давно здѣсь проживаешь?

— Давно. Седьмой годъ, никакъ.

— И довольна, значить?

— Да чего жъ мнѣ? Сама себѣ голова. Они, господа-то, почестъ, и не живутъ тутъ.

— Мужъ-то въ солдатахъ?

— Въ солдатахъ.

— И на войну не попалъ?

Любка засмѣялась, глядя въ потолокъ, держа руки за спиною, какъ бы грѣя ихъ.

— Они, такіе-то, счастливые, черти,—сказала Любка, смѣясь.

— И отслужится, небось, скоро?

— То-то и бѣда, что скоро. Все писать, грозилъ: сойюсь. А мнѣ какая забота? Самъ же будешь подъ заборомъ лежать, —сказала Любка то, что часто говорила портному.—И опять же ревнивъ, надоѣлъ своей любовью до смерти... Все, бывало, грозить — убью, а скажи ласковое слово —сейчасъ слюни распустить. Да что жъ, и убьетъ... Ночью, когда такъ-то кобель забрешетъ, жутко, правда...

— Ты жаловаться на него имѣешь право,—сказалъ купецъ.—Это время прошло, чтобы сдуру, здорово живешь, людей бить.

Онъ съѣлъ всю солонину, обрѣзая ватный жиръ, допилъ водку. Глаза его стали маслянисты, полушубокъ онъ разстегнулъ. Иная, онъ вынулъ изъ кармана красную осьмушку табаку, камышевый мундштукъ, книжечку папиросной бумаги, аккуратно раскрылъ ее, отдулъ одинъ листикъ, свернулъ своими короткими пальцами съ выпуклыми, круглыми ногтями толстую папиросу и съ наслажденіемъ закурилъ.

— Давно замужъ-то вышла? — спросилъ онъ съ мутной усмѣшкой.

— Пятый годъ пошелъ.

— А дѣтей не было?

— Не было.

— Почему же такъ? Ты вѣдь, думается, здоровъ, хороша была?

— Страшная хорошая! — сказала Любка, польщенная, но улыбаясь насмѣшливо, и начала врать.—А ужъ это, видно, не моя вина, а сама по дѣтяхъ скучаю. Значитъ, онъ чѣмъ-нибудь испорченъ, а моя какая можетъ быть вина? Онъ на то и зло на меня имѣетъ, на то и обижается. А я смолоду горячая была,—искусая его, бывало, до синяковъ, а у него старанья много, а все безъ толку... Плохая наша бабья доля,—сказала она.

Купецъ уставился на нее прищуренными глазами. Затягивался онъ все глубже, пуская дымъ въ потолокъ.

— Это вѣрно,—сказалъ онъ, не зная, что говорить.—Да что ты все около печки-то спасаешься?

Сдерживая улыбку, Любка отвѣтила съ дѣланной простотой:

— А гдѣ жъ мнѣ стоять? Мое мѣсто тутъ.

— Къ столу садись, — сказалъ купецъ. — Тутъ лучше согрѣешься. Будетъ калянить-то, авось, я не взыщу.

— Не взыщете, такъ сяду,—отвѣтила Любка съ игривой скромностью и сѣла къ столу на стулъ.

Она понимала, что купецъ началъ томиться, не зная, какъ приступить къ дѣлу. Купецъ, отвалившись къ спинкѣ дивана, порою вздыхалъ, отдувался, закрывая глаза и хмуро улыбаясь, порою тяжело смотрѣлъ на ея грудь, проборъ, — и глаза его то стеклянѣли, то вслыхивали. Дѣлая видъ, что она ничего не замѣчаетъ, Любка, опустивъ рѣсницы, пила жидкій чай съ лимономъ, скромно вытирала концомъ головного платка потѣющую верхнюю губу, покрытую чернымъ пушкомъ. Купецъ вздохнулъ еще шумнѣе и вдругъ, не

глядя на нее, сталъ торопливо и неловко разстегивать своей крѣпкой маленькой рукой пазуху синей фланелевой рубахи, подъ которой былъ жилетъ. Разстегнувъ и жилетъ, онъ запустилъ руку во внутренній боковой карманъ и вытащилъ бумажникъ. Любка сдвинула пальцемъ тонкій ломтикъ лимона къ краю блюда, положила его въ ротъ и стала высасывать, не въ мѣру морщась, дѣлая видъ, что чувствуетъ только одно—острую кислоту. Мгновенно замѣтила она, что бумажникъ очень толстый и потертый, быстрымъ взглядомъ окинула пухлую пачку розовыхъ кредитокъ, которую вынулъ купецъ изъ бумажника. Отдѣливъ одну кредитку, склеенную бумажной ленточкой, спрятавъ остальные, онъ сталъ лѣвой рукой пихать бумажникъ обратно, а правую ковшикомъ положилъ на нее.

— Довольно, что ли?—спросилъ онъ.

Какъ будто ничего не понимая, Любка равнодушно взглянула на десятирублевку, потомъ перевела томно-пристальные глаза на него.

— Чтò говорю-то?—повторилъ онъ смѣло, почти грубо.

— Да чего жъ,—сказала она вдругъ съ такой простотой, что онъ слегка опѣшилъ.—И всѣ не святые.

Сунувъ деньги въ передній карманъ юбки, она поджала руки, навалилась на столъ и опять посмотрѣла на него долгимъ взглядомъ. Онъ, сконфузясь, не зная, чтò говорить и дѣлать, взялъ ее за правую руку, потянулъ за холодные концы корявыхъ снизу пальцевъ. Она отняла ихъ и, тоже не зная, чтò сказать, спросила:

— Чтò жъ сало-то не докушали?

И, взявъ оставшійся на тарелкѣ кусочекъ, положила его въ ротъ.

— А я люблю,—сказала она:—она сладкая, опричи если на сковородкѣ поджарить.—И засмѣялась:—Постъ, а мы жремъ...—И, помолчавъ, беззаботно добавила:—Ну, да авось, все одно въ аду кипѣть.

— За что же это?—спросилъ купецъ.

— Да за все. Наше мѣсто въ аду. Старые люди говорятъ, все одно изъ мужиковъ въ святые не выходятъ. Всегда изъ архиреевъ, алхимандритовъ,—прибавила она задумчиво.

И вдругъ, разгибаясь, рѣшительнымъ шопотомъ сказала:

— Ну, пойдѣте, что ль...

V.

Игнать, стоя на снѣгу, давно не чувствовалъ ногъ, окаменѣла и голова его, насквозь промерзла, стала тонкой; ле-

дяной шинель. Сперва онъ пошевеливалъ пальцами въ сапогахъ, двигалъ плечами. Потомъ уже не обращалъ вниманія на то, что все послѣднее тепло сосредоточилось и дрожало у него гдѣ-то подъ ложечкой, что стали деревянными губы, обросли инеемъ края башлыка, рѣсницы и усы.

Онъ не замѣчалъ времени, весь поглощенъ былъ страстнымъ желаніемъ, чтобы оправдались его подозрѣнія. Пропѣли вторые пѣтухи. Сила, свѣтъ, красота ночи стали ослабѣвать. Мѣсяцъ, блѣднѣя, склонялся къ западу. Оріонъ, три поперечныхъ звѣзды его низко стояли на юго-западномъ горизонтѣ серебряными пуговицами, стали больше и ярче. Отъ людской, надъ которой склонялся мѣсяцъ, пала, полъ-двора захватила тѣнь. Было такъ морозно и тихо, что слышно было, какъ трепыхались, возились на насѣстѣ ночевавшія въ сѣняхъ людской куры, какъ въ конюшнѣ мѣрно хрустѣла овсомъ лошадь купца, какъ потомъ она, съ глубокимъ вздохомъ, легла. Противъ крайняго незамерзшаго окна зала торчала изъ снѣга подъ нависшими вѣтвями ели скамейка. Снѣгъ, мѣстами атласный, мѣстами хрупкій, какъ соль, рассыпчатый и все твердѣвшій отъ мороза, визжалъ и хрустѣлъ при каждомъ, самомъ осторожномъ шагѣ. Затаивая дыханіе, Игнатъ добрался до скамьи, сталъ на нее и, разведя руками глянцевито-ледяную, пахучую зеленъ колкой хвои, все забылъ, увидавъ внутренность зала, увидавъ эту страшную для него, двигающуюся, что-то говорящую и улыбающуюся женщину и человѣка, бывшаго съ ней въ этотъ поздній часъ одинъ-на-одинъ во всемъ домѣ.

Но время шло, шло—и ничего особеннаго не происходило въ залѣ. Вотъ Любка сѣла наконецъ къ столу, и купецъ сталъ вынимать что-то изъ-за пазухи. Но что? Какъ ни на-прягалъ Игнатъ зрѣнія, разглядѣть не могъ: мѣшалъ самоваръ, посуда... Вотъ Любка привстала, облокотилась на столъ, подвинулась къ купцу, и въ незастегнутый разрѣзъ ея платья сзади стала видна нижняя бѣлая юбка. И въ мірѣ настала такая тишина, что осталось въ немъ только біеніе сердца Игната. Вдругъ и оно куда-то провалилось—весь этотъ пустой и мертвый міръ ужасомъ наполнило блеяніе дьявола. Игнатъ понялъ, что это заблеялъ баранъ—очень далеко гдѣ-то, на деревнѣ. Но, должно-быть, и зидъ у этого внезапно проснувшагося въ самый мертвый часъ зимней ночи барана былъ дьявольскій, и хрипота въ его блеяніи была дьявольская. Только дьяволъ и только въ роковой часъ могъ заревѣть такъ страшно. И въ тотъ же мигъ Любка разогнулась, быстро пошла по залу, къ двери, ведущей внутрь дома, за ней двинулся купецъ,—и легко,

уже ничего не думая, Игнатъ соскочилъ со скамейки и побѣжалъ подъ елями въ сторону, противоположную парадному крыльцу, чтобы, обогнувъ домъ, вскочить въ него съ задняго. На пустой синевѣ небосклона съ новыми, предутренними звѣздами, сквозилъ, чернѣя, потонувшій въ снѣгахъ, низкій фруктовый садъ. Еще давеча замѣтилъ Игнатъ, выходя изъ калитки, кучи хвороста между нею и домомъ. Въ хворостѣ всегда валялся топоръ. И, добѣжавъ до хвороста, Игнатъ кинулся искать этотъ знакомый, зазубренный, ржавый топорикъ со скользкой рукояткой,—сталъ шарить, обдирая руки о ледяные прутья и обжигая ихъ о снѣгъ, синевато блестящій противъ низко опустившейся сонной луны.

Купецъ, нащупавъ въ карманѣ полушубка маленькій и, какъ камень, тяжелый револьверъ, вошелъ, между тѣмъ, въ темный коридоръ и протянулъ впередъ руки.

— Тутъ хворостъ на топку приготовленъ, не упадите,—сказала Любка, и онъ, наступая на сучки и съ трескомъ ломая ихъ, ощутилъ пріятный, горьковатый запахъ холодной дубовой коры и сухой листвы въ снѣгу.

Любка остановилась, говоря: „это тутъ у насъ задняя прихожая“, пошарила по стѣнѣ и отворила дверь въ большую нежилую комнату, очень холодную, пахнущую ветчиной, освѣщенную двумя тускло синѣющими окнами съ незамерзшими верхними стеклами. Мѣсяцъ стоялъ далеко, съ другой стороны дома, въ этой комнатѣ было сумрачно, но все-таки купецъ разглядѣлъ окорока, висѣвшіе подъ потолкомъ, кадку съ соленымъ саломъ, сепараторъ, слабо поблескивавшій никелемъ велосипедъ, бѣлѣющія на полу крынки и кровать у стѣны—деревянную, безъ перины, съ одной подушкой безъ наволочки. И, повернувшись, задомъ подвигаясь къ кровати, Любка опять предупредила, но уже таинственно, отвѣчающимъ моменту шопотомъ:

— Смотрите, не попадите въ масло.

Она стала такъ, чтобы удобнѣе было лечь, чтобы купцу можно было повалить ее. И у него сразу отнялись ноги отъ ея шопота. Она еще что-то шептала, ласково, съ дрожью въ голосѣ, но онъ уже не слушалъ,—онъ, охвативъ и прижимая къ себѣ ея тяжелое тѣло, поймалъ ея ротъ и, впиваясь въ него, толкалъ ее къ кровати все ближе, пока икры ея не уперлись въ нее, пока кровать не пришлась подъ самыя ея колѣни. И тутъ Любка, дотолѣ слабо сопротивлявшаяся, безмолвно повалилась. Она чувствовала боль отъ давленія часовъ и цѣпочки и одной рукой разглаживала густую, мягкую бороду, а другой крѣпко держала за указательный палецъ съ

большимъ золотымъ перстнемъ. Она чувствовала вступающую въ тѣло сладкую муку, волны истомной силы, и, какъ бы сердясь, стала перекусывать волосъ бороды, закрывшей ея ротъ. Обѣими руками охватила она и крѣпко прижала къ себѣ бычью, сморщенную шею, лохматую голову... Но голова эта вдругъ поползла внизъ изъ-подъ рукъ, тѣлу Любки стало легко, а ногамъ — больно отъ тяжести. Она приподнялась. Купецъ грузно сѣлъ на полъ, захрипѣлъ и упалъ навзничь, мягко стукнувшись затылкомъ. Она вскочила и кинулась поднимать его. Но онъ дышалъ, какъ умирающій, хрипя и свистя горломъ, тѣло его, съ высокимъ, раздувающимся животомъ, было огромно и тяжело, какъ мертвое. И страхъ холодомъ облилъ ея голову.

Задрожавшими руками она стала срывать съ пуговицъ воротъ его фланелевой рубахи, разстегнула поясъ съ серебрянымъ наборомъ. Потомъ схватила подушку съ кровати, бросила ее на полъ. Побѣжала въ прихожую, зажгла огарокъ, сунула полотенце въ ведро съ водой и вернулась, освѣщая въ коридорѣ во всѣ стороны кинувшихся крысъ. Поставивъ огарокъ на кровать, она накрыла полотенцемъ лобъ и закатившіеся глаза купца, съ ужасомъ глядя на его горой лежащее тѣло, на распахнутыя полы полушубка и на бѣлое полотенце на сизомъ лицѣ съ задранной кверху черной бородой. И вдругъ, какъ громъ, раздался стукъ двери. И, вскинувъ глаза, Любка окаменѣла, увидавъ надъ собой солдата, показавшагося ей чуть не до потолка ростомъ. Въ лѣвой рукѣ онъ держалъ фуражку, а правой, отведенной назадъ, сжималъ топоръ. Сдѣлавъ къ Любкѣ шагъ, онъ быстро перехватилъ его рукоятку, но еще быстрее, ловя послѣднюю секунду, она твердымъ голосомъ приковала его къ мѣсту.

— Мой грѣхъ, — быстро сказала она. — Добивай скорѣй. Богаты будемъ. Тебѣ ничего не будетъ. Скажешь—захватилъ меня. Скорѣе!

Игнать глянулъ на ея сразу похудѣвшее, обрѣзавшееся лицо, на расширенные и неподвижные черные глаза, на красную кофту и засученныя смуглыя, полныя руки—и со всего размаху ударилъ обухомъ въ мокрое полотенце.

При третьихъ пѣтухахъ въ людской уже горѣла лампа и топилась печь. Кухарка, сладко зѣвая, сидѣла противъ нея на лавкѣ, грѣлась и, не моргая, смотрѣла на жаркое разноцвѣтное пламя, окликаая спавшаго на печи Оедьку, работника купца, которому было приказано запрягать пораньше. Онъ, заспанный, мордастый, съ бѣльмомъ на глазу, слѣзъ съ

печи, зачерпнулъ изъ кадки корецъ ледяной воды, умылся изо рта, одной рукой, разодралъ кухаркинымъ деревяннымъ гребнемъ свои сбитые густые волосы, покрестился въ уголъ, откашливаясь, залѣзъ за столъ, съѣлъ чугуничекъ горячихъ картошекъ, насыпавъ кучку соли на сырую доску стола и отрѣзавъ огромный ломоть хлѣба, потомъ ладно одѣлся, очень туго и низко подпоясался, закурилъ и бодро, повизгивая по морозному утреннему снѣгу нагольными, твердыми какъ дерево и рыжими отъ снѣга сапогами, мотая закопченнымъ фонаремъ, въ которомъ тускло горѣлъ сальный огарокъ, пошелъ запрягать.

Допѣвали пѣтухи, ночь смѣшалась съ днемъ. Изъ неопредѣленнаго разсвѣтнаго сумрака съ утренней опредѣленностью выступали предметы. Снѣгъ на дворѣ, на крышахъ становился блѣдно-бѣлый, чуть синѣя. Блѣднѣло, расширялось и легкое небо за садомъ, за сквозными деревьями. Воздухъ былъ чистъ и остеръ, какъ эфиръ. Въ густой зеленой хвоѣ морозно-неподвижнаго палисадника возились проснувшіяся галки. А на западѣ еще чувствовалась ночь, ея тайны. Мертво блестѣлъ невысокій мѣсяцъ на сумрачномъ горизонтѣ, на синеватомъ небосклонѣ за снѣжной долиной рѣки. Отворивъ ворота сарая и поставивъ фонарь на старый, тяжелый фэтонъ, загаженный курами и покрытый замерзшей еще съ осени грязью, Оедька взялся за холодныя оглобли маленькихъ крашеныхъ санокъ и, пятясь, скребя по мерзлой землѣ желѣзными подрѣзами, поволокъ ихъ изъ темноты за порогъ, на блѣдный свѣтъ утра. Снявъ затѣмъ съ деревяннаго колка, вбитаго въ каменную стѣну сарая, наборную узду, захвативъ изъ санокъ сѣделку, онъ пошелъ по твердому, длинному сугробу, мимо заткнутыхъ соломой и забитыхъ снѣгомъ окошечекъ конюшни, къ деннику, гдѣ стоялъ тяжелый, мохноногій жеребецъ купца.

Въ навозномъ темномъ денникѣ было тепло, хорошо пахло лошадыю, ея свѣжимъ пометомъ и недоѣденнымъ сѣномъ. Широкій, весь курчавый и сѣдой отъ инея жеребецъ, услышавъ стукъ двери, повернулъ голову на свѣтъ и легонько заржалъ. Оедька подошелъ къ нему—и онъ, играя, опустилъ голову. Оедька подвелъ узду подъ нее,—онъ согнулъ толстую шею въ косматой, жесткой гривѣ еще круче. И, мотая головой, поталкивая лбомъ въ грудь Оедькѣ, въ его тугой полушубокъ, долго не давался вложить удила. Наконецъ Оедька втолкнулъ ихъ въ раздавшіеся желтые зубы, обтеръ руку, испачканную слюной и пѣной, о хвостъ жеребца, дѣлая сразу два дѣла—обтирая руку и приглаживая, оправляя загнувшіеся

кверху, зачесавшіеся волосы на рѣпкѣ,—и повелъ его къ водовозкѣ, поить.

Съ параднаго крыльца, изъ тихаго, съ мертвыми окнами, занесеннаго снѣгомъ дома вдругъ выскочила бѣлая, въ коричневыхъ пятнахъ собака. Отрывисто брехнувъ, она, какъ шальная, сдѣлала два круга возлѣ крыльца и опять кинулась въ домъ. Оедька съ удивленіемъ поглядѣлъ на нее. Но жеребецъ тянулся къ кадкѣ съ водой, ударилъ мордой въ ледъ, покрывшій воду, пробилъ его—и вода слегка задымилась. Жеребецъ прильнулъ къ ней своими бархатными губами и, посапывая, долго-долго тянулъ ее; онъ отрывался, разгрызалъ льдинки, слегка повернувъ голову къ Оедкѣ,—и Оедька ласково, поощрительно посвистывалъ, глядя на его свѣтлый крупный глазъ и свѣтлыя капли, падавшія съ губъ.

— Ну, будя, навѣкъ все одно не напьешься, — сказалъ онъ звучнымъ глосомъ и повелъ жеребца къ санкамъ.

Совсѣмъ свѣтло стало. Въ саду, въ голыхъ кустахъ, уже трещали воробьи. Небо за садомъ помутнѣло, окрасилось ало-оранжевымъ. Мѣсяцъ, краснѣя, садился за деревней, выдѣлившейся и бѣлѣвшей крышами на сумрачно-лиловомъ западѣ. Заложивъ жеребца, застегнувъ вожжи, Оедька, не выпуская ихъ изъ рукъ, кинулся къ сидѣнью, въ одну сторону, а жеребецъ, рванувъ съ мѣста,—въ другую. На бѣгу ввалившись въ санки, разодравъ ему удилами ротъ и на поворотѣ крѣпко взрѣзавъ подрѣзами рассыпчатый настъ, Оедька съ атласнымъ скрипомъ перевалился черезъ мягкій, новый сугробъ въ воротахъ и помчался въ поле, на свѣтлый, веселый востокъ—погрѣть лошадь.

И старый, тяжелый жеребецъ быстро запыхался. Оедька, сдѣлавъ версты полторы, обжегши лицо встрѣчнымъ острымъ вѣтромъ, широко завернулъ и шагомъ поѣхалъ обратно. Шагомъ въѣхалъ онъ во дворъ, направляясь къ парадному крыльцу—и вдругъ раскрылъ глаза и натянулъ вожжи: кухарка, съ плачемъ, исказивъ блѣдное при золотистомъ утреннемъ свѣтѣ лицо, бѣжала отъ крыльца къ людской, а на крыльцѣ сидѣлъ человѣкъ въ сѣро-рыжей шинели, въ башлыкѣ, стоякомъ завязаннымъ вокругъ шеи, съ обнаженной стриженной головою. Наклоняя ее, онъ правой рукой сгребалъ съ сѣраго наста возлѣ ступенекъ свѣжій, бѣлый снѣгъ и прикладывалъ его къ темени.

Оглавление

V тома.

	СТР.
Деревня	3

Повѣсти и рассказы 1911—1912 г.

Суходоль	138
Захаръ Воробьевъ	193
Сто восемь	206
Ночной разговоръ	216
Сила	237
Хорошая жизнь	247
Сверчокъ.	269
Веселый дворъ	279
Игнатъ	316
